

P. G. Wodehouse

ПЕЛАМ ГРЕНВИЛЛ ВУДХАУС

НА ВЫРУЧКУ ЮНОМУ ГАССИ

ЭТОТ НЕПОДРАЖАЕМЫЙ ДЖИВС

ВПЕРЕД, ДЖИВС!

ПОСОВЕТУЙТЕСЬ С ДЖИВСОМ

На выручку юному Гасси. Этот неподражаемый Дживс. Вперед, Дживс! Посоветуйтесь с Дживсом

Пелам Гренвилл Вудхаус

Аннотация
Пелам Гренвилл Вудхаус. На выручку юному Гасси. Этот неподражаемый Дживс. Вперед, Дживс!. Посоветуйтесь с Дживсом
На выручку юному Гасси
Этот неподражаемый Дживс
Глава 1. Дживс шевелит мозгами
Глава 2. Свадебные колокола отменяются
Глава 3. Коварные замыслы тети Агаты
Глава 4. Жемчуг – к слезам
Глава 5. Удар по самолюбию Вустеров
Глава 6. Награда герою
Глава 7. На сцене появляются Клод и Юстас
Глава 8. Сэр Родерик приходит обедать
Глава 9. Рекомендательное письмо
Глава 10. Нарядный лифтер
Глава 11. Товарищ Бинго
Глава 12. Бинго не везет в Гудвуде
Глава 13. Большой гандикап проповедников
Глава 14. Честная игра

Глава 15. Столичные штучки
Глава 16. Долгие проводы Клода и Юстаса
Глава 17. Бинго и его новая пассия
Глава 18. Все хорошо, что хорошо кончается
Вперед, Дживс!
Командует парадом Дживс
Триумфальный дебют Корки
Дживс и незваный гость
Дживс и «порядочная жила»
Лодырь Рокки и его тетушка
Поразительное происшествие со стариной Биффи
Без замены штрафом
Спасаем Фредди
Не подвести Бинго
Берти меняет точку зрения
Посоветуйтесь с Дживсом
Глава 1. Дживс и грозная поступь рока
Глава 2. Старина Сиппи и его комплекс неполноценности
Глава 3. Дживс и святочные розыгрыши
Глава 4. Дживс и песня песней
Глава 5. Случай с собакой Макинтошем
Глава 6. Произведение искусства
Глава 7. Дживс и маленькая Клементина
Глава 8. Возвышающая душу любовь

Глава 9. Дживс и старая школьная подруга
Глава 10. Золотая осень дядюшки Джорджа
Глава 11. Тяжкое испытание, выпавшее на долю Таппи Глоссопа

Аннотация

Сборник известный, самый популярный, самый любимый читателями всего мира вот уже много десятилетий британский юмористический цикл. Цикл, каждое из произведений которого, будь оно романом, повестью или рассказом, – настоящий эталон неподражаемого английского юмора.

Снова и снова непутевый, но обаятельный шалопай-аристократ Берти Вустер попадает в немыслимые передряги, а хитроумный камердинер-эрудит Дживс помогает ему выпутаться из, казалось бы, совершенно безвыходных положений. Ну а мы снова и снова перечитываем истории их приключений и каждый раз смеемся, будто читаем их впервые!..

Пелам Гренвилл Вудхаус
На выручку юному Гасси
Этот неподражаемый Дживс
Вперед, Дживс!
Посоветуйтесь с Дживсом

Pelham Grenville Wodehouse
EXTRICATING YOUNG GUSSIE
THE INIMTABLE JEEVES
CARRY ON, JEEVES
VERY GOOD, JEEVES

Серия «NEO-Классика»

Печатается с разрешения The Trustees of the P. G. Wodehouse Estate и литера-турных агентств Rogers, Coleridge & White Ltd. и Andrew Nurnberg.

© The Trustees of the Wodehouse Estate, 1915, 1923, 1925, 1930
© Издание на русском языке AST Publishers, 2018

* * *

На выручку юному Гасси[1]

Тетя Агата преподнесла мне свой сюрприз еще до завтрака. И в этом она вся. Я бы, конечно, мог и дальше распространяться о том, какие люди бывают грубые и бесчувственные. Но довольно будет сказать, что она подняла меня совершенно ни свет ни заря. Не было еще и половины двенадцатого, когда недремлющий Дживс оборвал мой безмятежный сон сообщением:

— Вас желает видеть миссис Грегсон, сэр.

Я подумал: лунатик она, что ли, блуждает по ночам? Но пришлось все-таки вылезти из-под одеяла и закутаться в халат. Я слишком хорошо знаю свою тетю — если она желает меня видеть, значит, она меня увидит. Такой человек.

Она сидела в кресле, прямая, будто доску проглотила, и смотрела перед собой в пространство. Когда я вошел, она смерила меня неодобрительным взглядом, от которого у меня всегда позвоночник размягчается, как студень. Тетя Агата — железная женщина, что-то вроде старой королевы Елизаветы, я так себе представляю. Она

---

[1] Примечания: 1

© Перевод. И. Бернштейн.

помыкает своим мужем Спенсером Грегсоном, несчастным старикашкой, который играет на бирже. Помыкает моим двоюродным братом Гасси Мэннеринг-Фиппсом. И его матерью, своей невесткой. И, что хуже всего, мною. У нее акулий глаз и твердые моральные устои.

Есть, наверно, на свете люди, что называется, твердокаменные, с нервами-канатами, эти, возможно, способны ей противостоять; но если вы обыкновенный смертный вроде меня и любите жить тихо и спокойно, вам при ее приближении ничего другого не остается, как свернуться в клубок и молить небо о спасении. Чего захочет от вас тетя Агата, то вы и сделаете, знаю по собственному опыту. А если не сделаете, то будете потом недоумевать, с чего это народ в старину так волновался, когда попадал в немилость к испанской инквизиции?

— Привет, привет, тетя Агата! — поздоровался я.

— Берти, — произнесла она, — у тебя кошмарный вид. Просто забулдыга какой-то.

Я ощущал себя расклеившимся почтовым пакетом. Я вообще с утра пораньше бываю не в наилучшей форме. Что я ей и объяснил.

— Это называется, с утра пораньше? Я уже три

часа как позавтракала и все это время прохаживалась по парку, собираясь с мыслями.

Лично я, если бы мне пришлось позавтракать в полдевятого утра, прохаживался бы после этого не по парку, а по набережной, выбирая место, где сподручнее утопиться и положить конец своим страданиям.

— Я чрезвычайно обеспокоена, Берти. Оттого и решила обратиться к тебе.

Вижу, она к чему-то клонит, и тогда я слабым голосом проблеял Дживсу, чтобы принес чаю. Но она его опередила.

— Каковы твои ближайшие планы, Берти? — начала она.

— Н-ну, я думал немного погодя выползти куда-нибудь пообедать, потом, может быть, заглянуть в клуб, а потом, если хватит пороху, рвануть в Уолтон-Хит и сыграть партию в гольф.

— Меня не интересуют твои ползки и рывки. Я спрашиваю, есть ли у тебя на предстоящей неделе какие-нибудь серьезные дела?

Я почуял опасность.

— А как же, — отвечаю. — Уйма дел. Пропасть! Ни одной свободной минуты!

— Какие же это дела?

— Н-ну… Э-э-э… Точно не знаю.

— Ясно. Я так и думала. Нет у тебя никаких дел. Прекрасно. В таком случае немедленно поезжай в Америку.

— В Америку?

Не забывайте, что все это происходило на голодный желудок и в такую рань, когда только-только успел проснуться жаворонок в поле.

— Да, в Америку. Думаю, даже ты слышал, что существует на свете такая земля?

— Но почему в Америку?

— Потому что там сейчас твой двоюродный брат Гасси. Он где-то в Нью-Йорке, и я не могу с ним связаться.

— Что он там делает?

— Дурака валяет, вот что.

Для того, кто знает Гасси так же хорошо, как я, это могло означать все что угодно.

— В каком смысле?

— Влюбился бог весть в кого и потерял голову.

Это, учитывая его прошлые заслуги, звучало правдоподобно. С тех пор как Гасси достиг совершеннолетия, он только и делал, что влюблялся бог весть в кого и терял голову. Такой у него характер. Но поскольку взаимностью ему не отвечали, до сих пор потеря головы обходилась без скандалов.

— Я думаю, Берти, тебе известно, отчего Гасси уехал в Америку. Ты знаешь, какие расточительные привычки были у твоего дяди Катберта.

Имелся в виду покойный папаша моего кузена, бывший глава нашего рода, и надо признать, что тут тетка была права. Никто не относился к дяде Катберту лучше, чем я, но всем известно, что в делах финансовых он просто не имел себе равных во всей английской истории. У него была мания просаживания денег. Если он ставил на лошадь, она обязательно захромает в середине скачки. Если играл в рулетку, то исключительно по своей особой системе — и в Монте-Карло при его появлении от радости вывешивали флаги и били в колокола. Вообще милейший дядя Катберт был такой страстный расточитель, что даже мог в сердцах обозвать управляющего вампиром и кровопийцей за то, что тот не дал ему вырубить в имении лес, чтобы разжиться еще тысчонкой фунтов.

— Он оставил твоей тете Джулии крайне мало денег, далеко не достаточно для дамы, занимающей ее положение. На достойное содержание Бичвуда требуются большие суммы. Дорогой Спенсер хоть и помогает чем может, но его средства не безграничны. Так что ясно, почему Гасси

пришлось отправиться в Америку. Он не отличается умом, зато очень хорош собой, он не носит титула, но Мэннеринг-Фиппсы — одна из самых старинных и знатных фамилий в Англии. С собой он повез прекрасные рекомендательные письма, и когда от него пришло сообщение, что он познакомился с самой обворожительной красавицей на свете, я от души порадовалась. И в следующих письмах он продолжал восхвалять ее до небес. Но сегодня утром получено письмо, где он выражает уверенность, как бы между прочим, что у нас нет классовых предрассудков и мы не посмотрим на девушку косо из-за того, что она — артистка варьете.

— Вот это да!

— Просто гром среди ясного неба. Зовут ее Рэй Дэнисон, и он пишет, что она выступает «с сольником по высшему разряду». Что это за непристойный «сольник», я не имею ни малейшего представления. А далее он еще с гордостью добавляет, что «у Мозенштейна на прошлой неделе она подняла на ноги весь зал». Кто такая эта Рэй Денисон, неизвестно, кто таков мистер Мозенштейн и кого и как она у него поднимала на ноги, не могу тебе сказать.

— Ух ты, получается, это самое, как говорится,

злой рок семьи, а?

— Не понимаю тебя.

— Ну, тетя-то Джулия, вы же знаете. Голос крови. Что досталось по наследству, не отмоешь добела, и так далее.

— Не болтай глупостей, Берти.

Однако, как бы то ни было, а совпадение тут явное. Об этом у нас в семье не говорят и вот уже двадцать пять лет как стараются забыть, но факт тот, что тетя Джулия, мать Гасси, была когда-то артисткой варьете, притом отличной, как мне рассказывали. Когда дядя Катберт ее впервые увидел, она играла в пантомиме в «Друри-лейн». Это было, еще когда меня не было. Но задолго до того, как я подрос и стал понимать, что происходит, наша семья приняла меры: тетя Агата, закатав рукава, занялась педагогической работой. В результате даже через микроскоп невозможно было отличить тетю Джулию от стопроцентных, прирожденных аристократок. Женщины осваиваются с новой ролью удивительно быстро.

Один мой приятель женат на Дэйзи Тримбл, бывшей актрисе Лондонского мюзик-холла, и меня теперь всякий раз так и подмывает, уходя, пятиться от нее задом. Однако же неоспоримый факт: у Гасси в жилах течет эстрадная кровь, и,

возможно, она сейчас в нем заговорила.

— А что, — оживился я, проблемы наследственности меня всегда интересовали. — Может быть, это станет фамильным обычаем, как в книжках описывают: «Проклятие Мэннеринг-Фиппсов». Теперь каждый глава рода должен будет породниться браком с эстрадным миром. Отныне и навсегда, из поколения в поколение. Как вы думаете?

— Ради бога, Берти, не болтай чепухи. По крайней мере один глава нашего рода с эстрадным миром не породнится, а именно Гасси. Ты поедешь в Америку и остановишь его.

— Но почему же я?

— Почему ты? Не выводи меня из терпения, Берти! Неужели ты совершенно лишен семейных чувств? Если тебе лень самому заслужить почет, по крайней мере можешь приложить усилия и не позволить Гасси покрыть позором нашу семью. Ты поедешь в Америку, потому что ты его двоюродный брат, потому что вы всегда были близки, потому что ты единственный из нашей родни, у кого нет совершенно никаких занятий, кроме гольфа и ночных клубов.

— Я еще играю в аукцион.

— Да еще дурацких карточных игр по прито-

нам. Если же этих причин тебе не довольно, то ты поедешь потому, что об этом прошу тебя я как о личном одолжении.

Понимай так, что только попробуй я отказаться, и она тогда употребит все свои прирожденные таланты на то, чтобы моя жизнь стала адом. И смотрит на меня неотрывно мерцающим взором. Ну, в точности как описано в «Старом Моряке».

— Итак, Берти, ты отправляешься незамедлительно?

Я ответил без запинки:

— А как же! Конечно.

Тут вошел Дживс с чаем.

— Дживс, — сказал я, — в субботу мы уезжаем в Америку.

— Очень хорошо, сэр, — ответил он. — Какой костюм вы наденете?

Нью-Йорк — большой город, удобно расположенный на краю Америки, так что сошел с корабля, и ты уже на месте, дальше никуда ехать не надо. Заблудиться невозможно. Выбираешься на воздух из большого сарая, спускаешься по ступеням и оказываешься в Нью-Йорке. Единственное, против чего мог бы возразить здравомыслящий пассажир, это — что выпускают на твердую землю возмутительно рано, просто чуть свет. Я поручил

Дживсу пронести багаж мимо пиратов, которые подозревали, что под новыми рубашками у меня в чемоданах не иначе как зарыт клад, а сам сел в такси и приехал в гостиницу, где проживал Гасси. Там я затребовал у целого взвода солидных портье за конторкой, чтобы мне его вызвали.

И тут я испытал первый удар. Гасси там не оказалось. Я умолял их еще раз хорошенько подумать, и они еще раз хорошенько подумали, но безрезультатно. Никакой Огастус Мэннеринг-Фиппс у них не значился.

Признаюсь, мне стало не по себе. Я очутился один-одинешенек в чужом городе без малейших признаков Гасси. Что же делать? Я вообще по утрам не особенно ясно соображаю; черепушка у меня подключается к работе только во второй половине дня, и я никак не мог взять в толк, что теперь делать. Однако инстинкт повлек меня к двери в глубине вестибюля, я вошел и очутился в просторном помещении, во всю заднюю стену там тянулась огромная картина, а под картиной — стойка, и за ней несколько парней в белом раздают выпивку. У них в Нью-Йорке выпивкой распоряжаются мужчины, а не женщины. Надо же такое придумать!

Я безоговорочно поручил себя заботам одного

бармена в белом одеянии. Он оказался свойским малым, я описал ему положение вещей и спросил, что он мне в связи с этим порекомендует. Он сказал, что на такой случай всегда советует принять порцию напитка «Молниеносный», состав его собственного изобретения. Им пользуются, по его словам, зайцы, готовясь к поединку с медведями гризли, и известен только один случай, когда медведь выстоял до конца третьего раунда. Ну, я пропустил на пробу пару стаканчиков, и можете себе представить: парень сказал истинную правду. Допивая вторую порцию, я вдруг ощутил, что с души у меня свалилась огромная тяжесть, и, бодрый, пошел осматривать город.

К моему удивлению, на улицах оказалось полно народу. Люди торопливо шагали по тротуарам, как будто на дворе ясный день, а не сумерки рассвета. Пассажиры в трамваях стояли буквально друг у друга на головах. Спешили на работу и по делам, так надо понимать. Удивительные люди!

Но что самое странное, когда немного опомнишься, это мощное извержение энергии уже не кажется таким дивом. Впоследствии я разговаривал с людьми, которые тоже побывали в Нью-Йорке, и на них всех этот город произвел такое же впечатление. Должно быть, что-то есть

особенное, будоражащее в здешнем воздухе, озон, наверно, или какие-нибудь там фосфаты. Чувство свободы, если можно так выразиться. Оно проникает в кровь, бодрит, внушает, что и вправду –

Господь на небесах,

И в мире полный порядок,

и пусть ты даже надел с утра разные носки, это совершенно не важно.

Чтобы вы яснее это себе представили, скажу, что, переходя через перекресток, который у них там называется Таймс-сквер, я все время радостно ощущал, что от тети Агаты меня отделяют три тысячи миль океанских глубин.

Забавная вещь: когда ищешь иголку в стоге сена, найти ее не удается, как ни старайся. Но если тебе совершенно безразлично, пусть бы ты эту иголку никогда больше и не увидел, тогда стоит прислониться к стогу, и она тут же впивается тебе в бок. Походив туда-сюда, полюбовавшись достопримечательностями, пока целебный напиток доброго бармена проникал во все поры моего организма, я уже чувствовал, что мне все равно, хоть бы я с Гасси никогда в жизни больше не увиделся, и вдруг смотрю, он собственной персоной

заходит в какой-то подъезд дальше по улице.

Я его окликнул, но он не услышал, тогда я бросился вдогонку и поймал его, когда он входил в офис на втором этаже. На двери офиса значилось: «Эйб Райсбиттер, эстрадный агент», а из-за двери доносился многоголосый шум.

Гасси обернулся и увидел меня.

— Берти! А ты-то что тут делаешь? Откуда ты взялся? Когда приехал?

— Высадился сегодня утром. Я заехал в твой отель, но тебя там не оказалось. Там вообще даже не слышали о тебе.

— Я сменил имя и фамилию. Теперь меня зовут Джордж Уилсон.

— Это еще почему?

— А ты попробуй поживи здесь под именем Огастус Мэннеринг-Фиппс, увидишь. Почувствуешь себя последним ослом. Я не знаю, в чем тут дело, но в Америке почему-то нельзя зваться Огастусом Мэннеринг-Фиппсом. Но есть еще и другая причина. Потом расскажу. Берти, я влюбился в самую замечательную девушку на свете.

Бедняга глядел на меня по-кошачьи, приоткрыв рот и ожидая поздравлений, у меня просто не хватило духу сказать ему, что мне все уже известно и что я прибыл сюда со специальной целью

вставить ему палки в колеса.

Словом, я его поздравил.

— Спасибо, старик, — сказал он. — Немного преждевременно, но я надеюсь, конец будет хороший. Пошли зайдем, и я тебе все расскажу.

— Зачем тебе сюда? Какая-то сомнительная контора.

— Тут все взаимосвязано. Сейчас объясню.

Мы открыли дверь с надписью: «Комната ожидания». Там было набито столько народу, я в жизни не видел такой тесноты. Стены выпучивались.

Гасси указал на собравшихся:

— Артисты мюзик-холла. Рвутся на прием к старому Эйбу Райсбиттеру. Сегодня первое сентября, первый день эстрадного календаря. Ранняя осень — это весна мюзик-холла, — воспользовался Гасси красочным оборотом, он вообще у нас в своем роде поэт. — На исходе августа по всей стране вдруг пышным цветом расцветают певицы варьете, быстрее начинает бежать кровь в жилах у бродячих велоакробатов, и прошлогодние «гуттаперчивые мальчики», очнувшись от летней спячки, принимаются для разминки завязываться узлом. То есть я хочу сказать, начинается новый сезон, и все бросаются за ангажементами.

— Да, но ты-то здесь при чем?

— Я? Мне нужно кое о чем переговорить с Эйбом. Если увидишь, что вон из той двери выходит толстяк с пятьюдесятью семью подбородками, сразу хватай его, потому что это и будет Эйб. Он из числа тех деляг, которые каждый свой шаг наверх отмечают новым подбородком. Говорят, в девятисотых годах у него их было только два. Если уцепишь Эйба, помни, что для него я Джордж Уилсон.

— Ты сулился объяснить мне, что это за история с Джорджем Уилсоном, старина, — напомнил я Гасси.

— Видишь ли, вот какое дело…

Но тут миляга Гасси вдруг смолк, подскочил и с неописуемой живостью бросился навстречу чрезвычайно толстому субъекту, внезапно появившемуся в дверях. Остальные, кто там был, тоже устремились к нему со всех ног, но Гасси получил преимущество на старте, и певцы, танцоры, жонглеры, акробаты и исполнители скетчей, по-видимому признав, что победа — за ним, отхлынули обратно и расположились снова на прежних местах, а мы с Гасси прошли вслед за толстяком в кабинет. Мистер Райсбиттер закурил сигару и посмотрел на нас из-за крепостного вала

своих подбородков.

— Слушай сюда, что я тебе скажу, — обратился он к Гасси.

Гасси изобразил на лице почтительное внимание. Мистер Райсбиттер задумался и нанес через стол по плевательнице сокрушительный удар прямой наводкой.

— Слушай сюда, — повторил он. — Я смотрел тебя на репетиции, как обещал мисс Денисон. Для любителя ты не так уж и плох. Тебе надо еще многому научиться, но данные у тебя есть. Короче, предлагаю тебе ангажемент на четыре выступления в день, если ты согласен на тридцать пять монет. Это все, что я могу для тебя сделать, да и того бы не сделал, если бы она не хлопотала за тебя. Решай сам, как хочешь. Ну, что?

— Я согласен, — сдавленным голосом проговорил Гасси. — Спасибо.

В коридоре, когда мы вышли, Гасси радостно загоготал и шлепнул меня по спине.

— Ура, Берти, старина, все в ажуре. Я самый счастливый человек в Нью-Йорке.

— И что теперь?

— Понимаешь ли, как я начал тебе объяснять, когда вошел Эйб, папаша моей Рэй сам тоже был артистом варьете. Давно, конечно, еще до

нас, но я помню, о нем говорили. Джо Дэнби. Он пользовался известностью в Лондоне перед тем, как уехать в Америку. Славный старик, но упрям как мул. Он не соглашался, чтобы Рэй вышла за меня, поскольку я не артист. Слышать не желал. Ну так вот, если помнишь, я в Оксфорде недурно пел. Рэй изловила старого Райсбиттера и вытянула у него обещание, что он послушает меня на репетиции и, если ему понравится, раздобудет мне ангажемент. Он ее очень уважает. Она натаскивала меня целый месяц, добрая душа. И вот теперь, как ты слышал, он дал мне ангажемент на четыре выступления в день за тридцать пять долларов в неделю.

Я схватился за стену, чтобы не упасть. Действие бодрящего напитка, полученного от доброго друга в гостиничном баре, уже частично выветрилось, и я определенно ощутил некоторую слабость. Смутно, словно в тумане, я представил себе, как тете Агате сообщают о намерении главы семейства Мэннеринг-Фиппс выступать на эстраде. Тетя Агата дорожит фамильной честью Мэннеринг-Фиппсов почти как одержимая. Мэннеринг-Фиппсы были старинным и знатным семейством, еще когда Вильгельм Завоеватель бегал босиком и пулял из рогатки. Столетие за

столетием они обращались к монархам по имени и одолжали герцогов, когда подходил срок вносить еженедельную квартплату; и теперь любой неразумный поступок любого из Мэннеринг-Фиппсов мог бы, по мнению тети Агаты, бросить тень на их блистательный фамильный герб. Что теперь скажет тетя Агата, получив ужасное известие, — помимо того, понятно, что виноват во всем я, — вообразить было мне не под силу.

— Поехали обратно в гостиницу, Гасси, — предложил я. — Там есть один отличный малый, который умеет смешивать напиток под названием «Коктейль молниеносный». Что-то подсказывает мне, что я сейчас в нем нуждаюсь. Только сначала, прости, я отлучусь на минуту, мне надо послать телеграмму.

Было совершенно ясно, что тетя Агата ошиблась в выборе и отправила вызволять Гасси из когтей американского мюзик-холла совсем не того человека. И теперь мне нужна подмога. Я было подумал вызвать сюда тетю Агату, но здравый рассудок сказал мне, что это уж будет чересчур. В помощи я, конечно, нуждался, но все-таки не до такой же степени. И тут мне пришло в голову удачное решение: я послал срочную телеграмму матери Гасси.

— О чем это ты телеграфировал? — поинтересовался Гасси.

— Да так. Мол, прибыл благополучно и тому подобное, — ответил я ему.

Первое выступление Гасси на эстраде состоялось в следующий понедельник в одном из обшарпанных залов на окраине, где крутили кино, а между сеансами давали разные концертные номера. На то, чтобы его как следует вышколить, ушло много труда. В сочувствии и поддержке с моей стороны Гасси нисколько не сомневался, и я, естественно, не мог обмануть его доверия. Единственная моя надежда, возраставшая с каждой репетицией, состояла в том, что на первом же выступлении он провалится с таким треском, что больше никогда не посмеет показаться перед публикой. А так как это автоматически поставило бы крест на задуманной свадьбе, я решил ему не мешать.

Гасси работал, не ведая устали. Субботу и воскресенье мы с ним от зари до зари провели в душной музыкальной комнатке издательства, чьи песни он должен был исполнять. На рояле, посасывая сигарету, целый день барабанил низенький неутомимый субъект с крючковатым носом. В том, о чем пел Гасси, он, похоже, был

лично заинтересован.

Вот Гасси, откашлявшись, запевает:

– Я вышел на перро-о-он,

Там ждет меня ваго-о-о-он.

СУБЪЕКТ *(проиграв аккорды):* Вот как? Кого, ты говоришь, он ждет?

ГАССИ *(раздосадованный помехой):* Меня он дожидается!

СУБЪЕКТ *(удивленно*): Тебя?

ГАССИ *(настаивая на своем):* И в путь не отправляется!

СУБЪЕКТ (недоверчиво): Не может быть.

ГАССИ: Прощайте все, я уезжаю в Орегон!

СУБЪЕКТ: Ну не знаю, лично я живу в Йонкерсе.

И так по всей песне. Сначала бедняга Гасси просил его перестать, но субъект сказал, что нет, так всегда делается. Для придания номеру живости. Он обратился ко мне и спросил, как я считаю, нужно придать номеру живости или нет, и я ответил, что очень даже нужно, чем больше, тем лучше. И тогда он сказал Гасси: «Вот видишь?» Так что пришлось Гасси смириться и терпеть.

Другая песня, которую он себе подобрал, была из так называемых «страдательных». Он ска-

зал мне, понизив голос, что выбрал эту песню, потому что ее пела его девушка Рэй в тот раз у Мозенштейна и еще где-то, когда поднимался на ноги весь зал. Она полна для него священных ассоциаций.

Вы не поверите, но оказалось, что Гасси получил предписание выйти на эстраду и начать выступление не когда-нибудь, а в час дня. Я ему сказал, что они, наверно, шутят, ведь он в это время как раз уйдет обедать, но Гасси возразил, что при четырех выходах в день первый выход всегда в час. И вообще ему теперь, наверно, будет не до обедов, пока он не перейдет в высший разряд выступающих по одному разу в день. Я принялся было выражать ему сочувствие, но выяснилось, что он и меня тоже ждет там в час дня. Я-то думал заглянуть попозже вечером, когда он — если еще останется жив — выйдет со своим номером в четвертый раз; но я не из тех, кто бросает друга в беде, поэтому мне пришлось оставить мысль о легком обеде в симпатичной харчевне, которую я приглядел на Пятой авеню, и поехать вместе с ним. Когда я занял свое место в зале, шел какой-то кинофильм — один из так называемых «вестернов», где ковбой вскакивает на коня и мчится по степи, не разбирая дороги, со скоростью сто

пятьдесят миль в час, спасаясь от преследования шерифа, но не знает он, бедняга, что все напрасно, потому что у шерифа у самого есть конь, и тот конь не моргнув набирает скорость триста миль в час. Я уже собрался было закрыть глаза и забыться дремотой, пока не объявят номер Гасси, но тут заметил, что рядом со мной сидит поразительно хорошенькая девушка.

Вернее, нет, буду честным: войдя в зал, я заметил среди зрителей поразительно хорошенькую девушку и поспешил занять место рядом с ней. А теперь сидел и пожирал ее глазами. Ну, что бы им не включить полный свет? Обидно же. Такое очаровательное создание с огромными глазами и прелестной улыбкой. И вся эта красота в полумраке пропадала, можно сказать, зазря.

Но тут свет в зале и в самом деле зажгли, и оркестр заиграл мотив, который даже при моем отсутствии музыкального слуха показался мне знакомым. А в следующее мгновение из-за кулисы, пританцовывая, вышел Гасси в лиловом фраке и коричневом цилиндре, жалобно улыбнулся публике, споткнулся нога за ногу, покраснел и запел песню про Орегон.

Это было катастрофически плохо. Страдалец был так скован, что даже лишился голоса. Песня

про Орегон звучала глухо, как отдаленное эхо тирольского йодля, проникающее сквозь толщу шерстяного одеяла.

И у меня, впервые с тех пор, как я удостоверился в его намерении пойти в артисты мюзик-холла, пробудилась некоторая надежда. Конечно, жаль беднягу, но, с другой стороны, не приходилось отрицать, что дело принимало благоприятный оборот. Ни один директор мюзик-холла на всем белом свете не согласится платить по тридцать пять долларов в неделю за такое исполнение. Это будет первое и последнее выступление Гасси на эстраде. Здесь ему придется поставить точку в своей артистической карьере. Старик Дэнби скажет: «Беру назад руку моей дочери». И я уже представлял себе, как поведу Гасси на ближайший трансатлантический лайнер и в целости и сохранности передам в Лондоне с рук на руки тете Агате.

Гасси с горем пополам допел свою песню и уковылял за кулисы под гробовое молчание публики. Но после минутного перерыва появился снова.

Теперь он пел о том, что никто его не любит. Сама по себе песня была не такая уж безумно жалобная — обычный набор: «при луне», «в тишине», «обо мне» и так далее в том же духе, но в

трактовке Гасси она звучала до того заунывно, что в публике тут и там начали сморкаться, а перед рефреном я уже и сам готов был прослезиться из-за того, как плох наш мир, где столько всяких огорчений.

Гасси подошел к рефрену, и тут случилось нечто невероятное. Моя прекрасная соседка вдруг встала, вскинула голову и тоже запела. «Тоже» — это только так говорится, а на самом деле она с первой же ноты забила Гасси просто насмерть, словно пронзила навылет. А я оказался в центре общего внимания. Все лица в зале были повернуты ко мне. Я не знал куда деваться, съежился в кресле и мечтал только о том, чтобы можно было поднять воротник.

Смотрю на Гасси и вижу: с ним произошла разительная перемена. Он приободрился, прямо расцвел. Девушка, надо сказать, пела отлично, и ее пение подействовало на Гасси тонизирующе. Она допела рефрен, он его подхватил, они повторили его уже вдвоем, и кончилось тем, что Гасси удалился со сцены популярным певцом и любимцем публики. Зал кричал «бис!» и успокоился, только когда выключили освещение и опять пустили кино.

Немного опомнившись, я пробрался к нему.

Гасси сидел за сценой на ящике, такой ошарашенный, будто ему только что было видение.

— Ну разве она не чудо, Берти? — восторженно сказал он мне. — Я даже не знал, что она будет в зале. Она выступает эту неделю в «Аудиториуме» в дневном концерте и теперь едва поспеет к звонку. Могла опоздать, но все-таки приехала, чтобы поддержать меня. Она — мой добрый ангел, Берти. Она спасла меня. Если бы не ее помощь, я прямо даже не знаю, что могло произойти. Я так перетрусил, совсем не соображал, что делаю. А теперь, когда первое мое выступление прошло удачно, можно уже больше ничего не опасаться.

Я порадовался, что отправил матери Гасси телеграмму. Мне явно нужна будет ее помощь. Ситуация вышла из-под контроля.

Всю следующую неделю я ежедневно виделся с Гасси и был представлен той девушке. Я даже познакомился с ее папашей, грозным стариканом с густыми бровями и решительным выражением лица. А в среду приехала тетя Джулия. Миссис Мэннеринг-Фиппс, она же моя тетушка Джулия, — самая величавая леди изо всех, кого я знаю. Она держится не так наступательно, как тетя Агата, однако в ее присутствии я с детских лет всегда ощущал себя жалким червем. Притом

что она-то как раз меня не пилила и не дергала. Разница между этими тетками состоит в том, что тетя Агата обращается со мной так, будто я лично виноват перед нею за все беды и грехи мира, тогда как тетя Джулия меня скорее жалеет, чем винит. И не будь это историческим фактом, я бы ни за что не поверил, что она когда-то выступала в мюзик-холле. Тетя Джулия выглядит и держится как театральная герцогиня. Так и кажется, что она в данную минуту обдумывает, не велеть ли дворецкому сказать старшему лакею, чтобы сервировал второй завтрак в Голубой гостиной, выходящей окнами на западную террасу. Воплощенное достоинство. А на самом деле двадцать пять лет назад, как рассказывали мне старики, которые были тогда светскими юнцами, она их всех приводила в восторг, выступая в «Тиволи» в сценке под названием «Чайный переполох», где танцевала в облегающем трико и исполняла песенку с припевом: «Тарарарам-пам-пам, парарарам-там-там, эй-хо!»

Есть такие вещи, которые просто невозможно себе представить — в частности, как тетя Джулия поет: «Тарарарам-пам-пам, парарарам-там-там, эй-хо!»

Мы поздоровались, и через пять минут тетя

Джулия уже перешла к делу:

— Что случилось с Гасси? Из-за чего ты меня вызвал, Берти?

— Это длинная история, — ответил я. — И довольно запутанная. Если можно, я передам ее вам отдельными сериями. Сначала на пару минут заедем в «Аудиториум», хорошо?

Девушке Рэй продлили ангажемент еще на неделю, поскольку первая неделя прошла с шумным успехом. Ее номер состоял из трех песен. Костюм и декорации были прекрасные. Голос у нее — чудесный. Внешность — очаровательная. И в общем и целом можно сказать, что выступление ее было ну просто конфетка.

Пока мы усаживались на свои места, тетя Джулия молчала. А усевшись, сказала вроде как со вздохом: «Я двадцать пять лет не была в мюзик-холле».

И больше — ни слова, сидит себе молча и не отрываясь смотрит на сцену.

Примерно через полчаса объявили имя Рэй Денисон. Публика захлопала.

— Обратите внимание на этот номер, тетя Джулия, — говорю я ей.

Она словно не слышит.

— Двадцать пять лет! Прости, что ты сказал,

Берти?

— Обратите внимание на этот номер и потом скажете мне ваше мнение.

— А кто это? — Она прочла имя. — Рэй. Ах!

— Первая серия, — сказал я. — Девушка, с которой помолвлен Гасси.

Девушка закончила свой номер, и зал поднялся с мест. Ее никак не хотели отпускать. Она много раз выходила. А когда наконец убежала совсем, я обернулся к тете Джулии:

— Ну что?

— Мне нравится, как она работает. Чувствуется настоящая артистка.

— А теперь, если не возражаете, мы отправимся на дальнюю окраину.

Мы спустились в метро и приехали туда, где Гасси в очередь с кинофильмами отрабатывал свои тридцать пять долларов в неделю. По счастью, уже через десять минут после нашего приезда подошла его очередь выйти на эстраду.

— Вторая серия, — сказал я. — Гасси.

Сам не знаю, чего я от нее ожидал. Но, во всяком случае, не молчания. Однако тетя Джулия словно окаменела и безмолвно смотрела на Гасси все время, пока он мямлил про луну, тишину и так далее. Я ей искренно сочувствовал: каково-то ей

было видеть своего единственного сына в лиловом фраке и коричневом цилиндре! Но важно было, чтобы она как можно скорее разобралась в ситуации. Если бы я попробовал растолковать ей все своими словами, без наглядности, я бы проговорил целые сутки, но она бы все равно не уразумела, кто на ком женится и почему.

А вот что меня всерьез удивило, так это насколько лучше прежнего пел миляга Гасси. К нему вернулся голос, и песни в его исполнении звучали совсем неплохо. Мне его выступление напомнило одну ночь в Оксфорде, когда Гасси, тогда восемнадцатилетний паренек, после веселого ужина распевал «А ну, пошли все вместе вдоль по Стрэнду», стоя при этом по колено в университетском фонтане. Он пел так же вдохновенно, как тогда.

Наконец он удалился за кулисы, тетя Джулия еще немного посидела как каменная, а затем обернулась ко мне. Глаза ее странно блестели.

— Что все это значит, Берти? — спросила она тихим, но слегка дрогнувшим голосом.

— Гасси пошел в артисты мюзик-холла, потому что иначе отец девушки не позволял ей выйти за него замуж, — объяснил я. — Теперь, если вы не против, давайте сгоняем на Сто тридцать третью

улицу, и вы сможете с ним потолковать. Это такой старикан с бровями, он будет у меня Третьей серией. Я сведу вас с ним, и на этом моя роль, надеюсь, будет закончена. Дальше — дело за вами.

Они проживали в просторной квартире вдали от городского центра, с виду ужасно дорогой, а в действительности наполовину дешевле, чем модные «студии» где-нибудь на сороковых улицах. Нас проводили в гостиную, и к нам вышел старик Дэнби.

— Добрый день, мистер Дэнби, — начал было я. Но дальше этого мне пойти не пришлось, потому что у моего локтя раздался тихий возглас.

— Джо! — охнула тетя Джулия и, покачнувшись, ухватилась за спинку дивана.

На мгновенье старик Дэнби замер, глядя на нее, а затем челюсть у него отвисла, и брови взлетели кверху.

— Джули!

Они стали трясти друг другу руки с такой силой, что я уже забеспокоился, как бы у них не вывихнулись плечи.

Лично я не приспособлен к внезапным переменам. От того, как сразу преобразилась тетя Джулия, у меня голова пошла кругом. Какая уж там гранд-дама! Она зарделась, заулыбалась. Я

бы даже сказал, — хотя и не полагается говорить такие вещи про собственную тетю, — что она залилась смехом. А старый Дэнби, который в обычное время похож на помесь римского императора с рассерженным Наполеоном Бонапартом, вел себя совершенно как мальчишка.

— Джо!

— Джули!

— Милый, милый старина Джо! Вот уж не думала, что снова встречусь с тобой!

— Откуда ты взялась, Джули?

Мне было непонятно, что все это значит, и я ввернул реплику, чтобы не оставаться в стороне:

— Мистер Дэнби, моя тетя Джулия хотела бы переговорить с вами.

— Я тебя сразу узнала, Джо!

— Я не видел тебя двадцать пять лет, детка, но ты ничуть не изменилась.

— Господи, Джо! Я ведь уже старуха.

— Как ты здесь очутилась? Надо думать, — старик Дэнби слегка помрачнел, — ты приехала с мужем?

— Моего мужа давно уже нет в живых, Джо.

Старик Дэнби покачал головой.

— Напрасно ты вышла замуж за человека не нашей профессии, Джули. Я ничего дурного не хочу

сказать про покойного… не помню его фамилию, никогда не мог запомнить… но такая артистка, как ты, нет, не следовало тебе за него выходить. Мне в жизни не забыть, в какой восторг ты всех приводила, когда пела «Тарарарам пам-пам, парарарам там-там, эй-хо!»

— А как ты играл в этой сценке, Джо! Помнишь, как ты падал на спину и скатывался по ступеням? Я всегда говорила, что, как ты, из наших никто больше не умеет падать на спину.

— Теперь-то и я не мог бы так.

— А помнишь, Джо, какой у нас был успех, когда мы выступали в «Кентербери»? Ты только подумай, в «Кентербери» теперь демонстрируют кинофильмы да Великий Могол еще ангажирует французские ревю!

— Я рад, что ничего этого не вижу.

— Джо, объясни мне, почему ты уехал из Англии?

— Как тебе сказать? Надоело… Захотелось перемен. Да нет, я скажу тебе правду, детка. Мне нужна была ты, Джули. Ты ушла от нас и вышла замуж за этого своего обожателя, не помню фамилии, и это меня совершенно сломило.

Тетя Джулия смотрела на него во все глаза. Она вообще из тех женщин, которые, что называется,

хорошо сохранились. Сразу видно, что двадцать пять лет назад она была заглядение как хороша. Она и теперь почти, можно сказать, красавица. Большие карие глаза, пышные седые волосы и цвет лица — как у семнадцатилетней девушки.

— Джо, ты что, хочешь мне сказать, что ты сам был ко мне неравнодушен?

— Ну конечно, я был к тебе неравнодушен. Иначе почему бы я всегда ставил тебя в центр на авансцене, когда мы играли «Чайный перполох»? Почему держался в глубине сцены, пока ты пела «Парарарам там-там»? Помнишь, как я купил тебе пакет сдобных булочек по пути в Бристоль?

— Да, но…

— А как в Портсмуте я принес тебе бутерброд с ветчиной?

— Джо!

— А в Бирмингаме — тминный пряник? Что это все должно было означать, по-твоему? Ясно, что я любил тебя. Я постепенно набирался смелости, чтобы признаться тебе в любви, а ты вдруг взяла и вышла за того типа с тростью. Потому я и дочери моей не разрешил выйти за этого парнишку Уилсона, если он не пойдет на эстраду. Она у меня артистка…

— Да, Джо, прекрасная артистка.

— Ты ее видела? Где?

— Сегодня в «Аудиториуме». Но, Джо, не запрещай ей выйти замуж за того, кого она любит. Он ведь тоже артист.

— Грошовый.

— Джо, ты тоже вначале был грошовым артистом. Не смотри на него свысока из-за того, что он начинающий. Я понимаю, по-твоему, он твоей дочери не чета, но…

— А ты что, знаешь этого Уилсона?

— Он — мой сын.

— Твой сын?!

— Да, Джо. И я только что смотрела его выступление. Ты не представляешь себе, как я при этом им гордилась. У него определенно талант. Это судьба, Джо. Он мой сын, и он стал артистом! Если бы ты знал, Джо, через какие трудности я прошла ради него! Из меня сделали благородную леди. Я никогда в жизни так не выкладывалась, как тогда, чтобы усвоить роль настоящей знатной дамы. От меня требовалась совершенная достоверность, чего бы мне это ни стоило, иначе, говорили мне, мальчик будет стыдиться меня. Это было немыслимо трудно. Не год и не два мне приходилось постоянно следить за собой

— вдруг, не дай бог, перепутаю слова или совершу какой-нибудь промах. И я справилась с ролью, потому что не хотела, чтобы сын меня стыдился. Но на самом деле я только и мечтала вернуться на сцену, к себе, к своим.

Старик Дэнби подскочил к ней, схватил ее за плечи.

— Возвращайся, Джули! — воскликнул он. — Твой муж умер, твой сын выступает в мюзик-холле. Твое место здесь! Прошло двадцать пять лет, но я по-прежнему люблю тебя. Всегда любил. Ты должна вернуться. Твое место здесь, детка!

Тетя Джулия охнула, посмотрела на него растерянно и произнесла почти шепотом:

— О, Джо!

— Ты тут, детка. Ты вернулась, — вдруг осипнув, сказал старик Дэнби. — Подумать только… Двадцать пять лет!.. Но ты вернулась и больше не уедешь!

Она покачнулась, шагнула и упала в его объятия.

— Ах, Джо! Джо! Джо! — бормотала она. — Обними меня. Не отпускай. Заботься обо мне!

Тут я попятился и, обессиленный, выполз из комнаты. Сколько-то я в состоянии выдержать, но всему есть предел. Я ощупью выбрался на

улицу и крикнул такси.

Позже вечером меня посетил Гасси — ворвался ко мне в номер с таким видом, будто купил эту гостиницу, а заодно и весь город.

— Берти, — сказал он. — У меня такое чувство, будто все это мне снится.

— Я бы тоже не прочь, чтобы все это мне только снилось, старина, — отозвался я и еще раз покосился на телеграмму от тети Агаты, прибывшую полчаса назад. Все это время я то и дело поглядывал на нее.

— Мы с Рэй заехали вечером к ним на квартиру, и представляешь, кого мы там застали? Мою мамашу! Она сидела рука в руку со стариком Дэнби.

— Да?

— А он сидел рука в руку с нею.

— Вот как?

— Они поженятся.

— Вот именно.

— И мы с Рэй поженимся.

— Да уж наверно.

— Берти, старичок, я безумно счастлив. Гляжу вокруг, и все, куда ни взгляну, прекрасно. А мамаша так поразительно переменилась. Помолодела на двадцать пять лет. Она и старый Дэнби

собираются возобновить «Чайный переполох» и поехать с ним по стране.

Я встал.

— Гасси, старина, — сказал я, — оставь меня, ладно? Мне надо побыть одному. По-моему, у меня воспаление мозга или что-то в таком духе.

— Прости, дружище. Наверно, тебе вреден нью-йоркский климат. Когда ты думаешь вернуться в Англию?

Я снова покосился на телеграмму тети Агаты.

— Лет через десять, если повезет.

Гасси ушел, а я взял со стола и перечитал телеграмму. В ней было написано: «Что происходит? Мне приехать?»

Несколько минут я сосал кончик карандаша и наконец сочинил ответ. Это была нелегкая работа, но я справился.

«Нет, — написал я, — сидите дома. Прием в мюзик-холлы окончен».

Этот неподражаемый Дживс[2]

[2] Примечания: 2
© Перевод. А. Балясников.

Глава 1
Дживс шевелит мозгами

— А, Дживс, привет, привет! — сказал я.

— Доброе утро, сэр.

Дживс бесшумно ставит на столик рядом с кроватью чашку чая, и я с наслаждением делаю первый глоток. Самое то — как и всегда. Не слишком горячий, не слишком сладкий, не чересчур слабый, но и не излишне крепкий, молока ровно столько, сколько требуется, и ни единой капли не пролито на блюдце. Поразительная личность этот Дживс. Безупречен во всем до чертиков. Всегда это говорил и сейчас повторю. К примеру, все мои прежние слуги вваливались по утрам в комнату, когда я еще спал, и весь день испорчен. Другое дело Дживс — у него это словно телепатия: всегда точно знает, когда я проснулся. И вплывает в комнату с чашкой чая ровно через две минуты после того, как я возвращаюсь в этот мир. Просто никакого сравнения.

— Как погодка, Дживс?

— Чрезвычайно благоприятная, сэр.

— Что в газетах?

— Небольшие трения на Балканах, сэр. Кроме этого, ничего существенного.

— Хотел спросить, Дживс, вчера вечером в клубе один тип уверял меня, что можно смело ставить последнюю рубашку на Корсара в сегодняшнем двухчасовом забеге. Что скажете?

— Я бы не торопился следовать его совету, сэр. В конюшнях не разделяют его оптимизма.

Все — вопрос исчерпан. Дживс знает. Откуда — сказать не берусь, но знает. Было время, когда я рассмеялся бы, поступил по-своему и плакали бы мои денежки, но это время прошло.

— Кстати о рубашках, — сказал я. — Те лиловые, что я заказывал, уже принесли?

— Да, сэр. Я их отослал обратно.

— Отослали?

— Да, сэр. Они вам не подходят, сэр.

Вообще-то, мне эти рубашки очень понравились, но я склонил голову перед мнением высшего авторитета. Слабость характера? Не знаю. Считается, что слуга должен только утюжить брюки и все такое прочее, а не распоряжаться в доме. Но с Дживсом дело обстоит иначе. С самого первого дня, как он поступил ко мне на службу, я вижу в нем наставника, философа и друга.

— Несколько минут назад вам звонил по теле-

фону мистер Литтл, сэр. Я сообщил ему, что вы еще спите.

— Он ничего не просил передать?

— Нет, сэр. Упомянул о некоем важном деле, которое он хотел бы с вами обсудить, но не посвятил меня в детали.

— Ладно, думаю, мы увидимся с ним в клубе.

— Без сомнения, сэр.

Нельзя сказать, чтобы я, что называется, дрожал от нетерпения. Мы вместе учились с Бинго Литтлом в школе и до сих пор частенько видимся. Он племянник старого Мортимера Литтла, который недавно ушел на покой, сколотив неслабое состояние. (Вы наверняка слышали о «противоподагрическом бальзаме Литтла» — «Лишь только вспомнил о бальзаме — затанцевали ноги сами».) Бинго ошивается в Лондоне на денежки, которые в достаточном количестве получает от дяди, так что он ведет вполне безоблачное существование. И хотя Дживсу он говорил про какое-то важное дело, ничего мало-мальски важного у него случиться не могло. Открыл, наверное, новую марку сигарет и хочет со мной поделиться впечатлением, или еще что-нибудь в таком же роде. Словом, портить себе завтрак и беспокоиться я не стал.

После завтрака я закурил сигарету и подошел к

открытому окну взглянуть, что творится в мире. День, вне всякого сомнения, обещал быть превосходным.

— Дживс, — позвал я.

— Сэр? — Дживс убирал со стола посуду, но, услышав голос молодого хозяина, почтительно прервал свое занятие.

— Насчет погоды вы абсолютно правы. Потрясающее утро.

— Бесспорно, сэр.

— Весна и все такое.

— Да, сэр.

— Весной, Дживс, живее радуга блестит на оперении голубки.

— Во всяком случае, так меня информировали, сэр.

— Тогда вперед! Давайте трость, самые желтые туфли и мой верный зеленый хомбург. Я иду в парк кружиться в сельском хороводе.

Не знаю, знакомо ли вам чувство, которое охватывает человека в один прекрасный день где-то в конце апреля — начале мая, когда ватные облака бегут по светло-голубому небу, подгоняемые ласковым западным ветром. Испытываешь душевный подъем. Одним словом, романтика — ну, вы меня понимаете. Я не отношусь к чис-

лу горячих поклонников слабого пола, но в это утро я был бы не прочь, чтобы мне позвонила очаровательная блондинка и попросила, скажем, спасти ее от коварных убийц. И тут на меня словно выплеснули ушат ледяной воды: я столкнулся с Бинго Литтлом в нелепом малиновом галстуке с подковами.

— Привет, Берти, — сказал Бинго.

— Боже милостивый, старик! — гаркнул я. — Что это за ошейник? Откуда он у тебя? И зачем?

— А, ты про галстук? — Он покраснел. — Я… э-э-э… мне его подарили.

Видно было, что он смущен, и я переменил тему. Мы протопали еще немного и плюхнулись на стулья на берегу Серпантина.

— Дживс сказал, у тебя ко мне какое-то дело.

— А? Что? — Бинго вздрогнул. — Ах, да-да. Разумеется.

Я ждал, что он осветит наконец главный вопрос повестки дня, но он, похоже, не жаждал открывать прения на эту тему. Разговор совсем завял. Бинго сидел, остекленело уставившись в пространство.

— Послушай, Берти, — произнес он после паузы продолжительностью эдак в час с четвертью.

— Берти слушает!

— Тебе нравится имя Мейбл?

— Нет.

— Нет?

— Нет.

— А тебе не кажется, что в нем скрыта какая-то музыка, словно шаловливый ветерок ласково шелестит в верхушках деревьев?

— Не кажется.

Мой ответ его явно разочаровал, но уже через минуту он снова воспрянул духом.

— Ну разумеется, не кажется. Всем известно, что ты бессердечный червь, лишенный элементарных человеческих чувств.

— Не стану спорить. Ладно, выкладывай. Кто она?

Я догадался, что бедняга Бинго в очередной раз влюбился. Сколько я его помню — а мы вместе учились еще в школе, — он постоянно в кого-то влюбляется, как правило, по весне, она оказывает на него магическое действие. В школе у него скопилась уникальная коллекция фотографий актрис, а в Оксфорде его романтические наклонности стали притчей во языцех.

— Я договорился встретиться с ней во время обеда, если хочешь, пошли со мной, заодно и пообедаем вместе, — сказал он, взглянув на часы.

— Очень своевременное предложение, — согласился я. — Где вы обедаете? В «Ритце»?

— Около «Ритца».

Географически он был точен. Примерно в пятидесяти ярдах к востоку от «Рица» есть убогая забегаловка, где подают чай и кексы, таких заведений в Лондоне пруд пруди, и в нее-то — хотите верьте, хотите нет — мой школьный друг юркнул с проворством спешащего в родную норку кролика. Я и глазом моргнуть не успел, как мы уже протиснулись за столик и расположились над тихой кофейной лужицей, оставшейся от предыдущих посетителей.

Должен признаться, что я был в некотором недоумении. Нельзя сказать, что Бинго купается в деньгах, но все же с презренным металлом у него дело обстоит неплохо. Не говоря уже о том, что он получает приличную сумму от дяди, в этом году он удачно играл на скачках и закончил сезон с положительным балансом. Тогда какого дьявола он приглашает девушку в эту богом забытую харчевню? Во всяком случае, не оттого, что он на мели.

Тут к нам подошла официантка. Довольно миленькая девица.

— А разве ты не собираешься подождать… —

начал было я, решив, что это уж слишком даже для Бинго: мало того, что он приглашает девушку на обед в такую дыру, так еще набрасывается на корм до ее прихода. Но тут я взглянул на его лицо и осекся.

Старик сидел, выпучив глаза. Циферблат его стал пунцово-красным. Все это очень напоминало картину «Пробуждение души», выполненную в алых тонах.

— Здравствуйте, Мейбл, — сказал он и судорожно глотнул воздух.

— Здравствуйте, — сказала девушка.

— Мейбл, это мой приятель Берти Вустер, — сказал Бинго.

— Рада познакомиться, — сказала она. — Прекрасное утро.

— Замечательное.

— Вот, видите, я ношу ваш галстук, — сказал Бинго.

— Он вам очень к лицу, — сказала девушка.

Лично я, если бы мне кто-то сказал, что подобный галстук подходит к моему лицу, тотчас же встал бы и двинул ему как следует, невзирая на пол и возраст; но бедолага Бинго прямо-таки зашелся от радости и сидел, самодовольно ухмыляясь самым омерзительным образом.

— Что вы сегодня закажете? — спросила девушка, переводя разговор в практическое русло.

Бинго благоговейно уставился в меню.

— Мне, пожалуйста, чашку какао, холодный пирог с телятиной и ветчиной, кусок фруктового торта и коржик. Тебе то же самое, Берти?

Я взглянул на него с возмущением. Подумать только, он был моим другом все эти годы, неужели он воображает, что я могу нанести такую обиду собственному желудку?

— Или, может, возьмем по куску мясного пудинга и зальем все это газировкой? — продолжал Бинго.

Знаете, даже страшно становится, как подумаешь, до чего может довести человека любовь. Ведь я хорошо помню, как этот убогий, который сидел сейчас предо мной и как ни в чем не бывало рассуждал о коржиках и газировке, подробно объяснял метрдотелю ресторана «Клэриджс», как именно шеф-повар должен приготовить для него *«жареный морской язык под соусом из королевских креветок и шампиньонов»*, пообещав, что отошлет блюдо обратно на кухню, если окажется что-то не так. Чудовищно! Просто чудовищно!

Булочка с маслом и кофе показались мне единственным мало-мальски безвредным кушаньем

из всего меню, явно составленного самыми зловредными членами семейства Борджиа для того, чтобы свести счеты со своими заклятыми врагами, поэтому я выбрал только булочку и маленькую чашку кофе, и Мейбл наконец ушла.

— Ну, как? — спросил Бинго с восторженным выражением лица.

Я догадался, что ему не терпится узнать мое мнение о только что покинувшей нас деве-отравительнице.

— Очень мила, — сказал я.

Но этого ему показалось мало.

— Признайся, что ты в жизни не встречал такой изумительной девушки, — с блаженной улыбкой произнес он.

— Да-да. Разумеется, — ответил я, желая успокоить дуралея. — Где вы познакомились?

— На благотворительном балу в Камберуэлле.

— Но что, ради всего святого, ты делал на благотворительном балу в Камберуэлле?

— Твой Дживс предложил мне пару билетов. Сказал, что это на какие-то благотворительные цели, уже не помню, что именно.

— Дживс? Вот уж не думал, что подобные вещи его интересуют.

— Ему тоже нужно иногда встряхнуться. Как

бы то ни было, он был там и развлекался на все сто. Я сперва не собирался идти, а потом зашел просто так, из любопытства. Господи, Берти, как подумаю, что я мог пропустить!

— А что ты мог пропустить? — спросил я; он совсем заморочил мне голову, и я туго соображал.

— Мейбл, тупица. Если бы я не пошел, так не встретил бы Мейбл.

— А… Ну да.

После этого Бинго впал в транс и вышел из него, только чтобы затолкать в себя пирог и коржик.

— Берти, — произнес он, — мне нужен твой совет.

— Валяй.

— Вернее, совет, но не твой, поскольку от твоих советов еще никому не было проку. Ведь всем известно, что ты законченный осел. Только не подумай, что я хочу тебя обидеть.

— Нет, что ты. Какие обиды…

— Не мог бы ты изложить все своему Дживсу — а вдруг он что-нибудь придумает. Ты же мне рассказывал, как он не раз помогал твоим друзьям выходить из самых безнадежных ситуаций. Насколько я понял, он у тебя вроде домашнего мозгового центра.

— До сих пор еще ни разу не подводил.

— Тогда изложи ему мое дело.

— Какое дело?

— Мою проблему.

— А в чем проблема?

— Ну как же, недотепа, в моем дяде, разумеется. Как ты думаешь, что на все это скажет мой дядя? Да ведь если я все ему так, с бухты-барахты, выложу, с ним родимчик случится прямо на каминном коврике.

— Заводится с полоборота?

— Его непременно нужно подготовить. Только вот как?

— Да, как?

— Я ведь говорил, от тебя не будет никакого проку. Ты что, не знаешь, что, если он урежет мое содержание, я останусь на бобах? Так что изложи все Дживсу, и посмотрим, не выгонит ли он на меня такую редкую дичь, как счастливый конец. Скажи, что мое будущее в его руках и что, если прозвонят свадебные колокола, он может рассчитывать на мою признательность, вплоть до полцарства. Ну, скажем, до десяти монет. Согласится Дживс пошевелить мозгами, если ему будут светить десять фунтов?

— Вне всякого сомнения, — сказал я.

Меня нисколько не удивило, что Бинго вздумал

посвятить Дживса в сугубо личную проблему. Я и сам бы в первую очередь подумал о Дживсе, если бы попал в какую-то переделку. Как я не раз имел возможность убедиться, у него всегда полно блестящих идей. Уж если кто может помочь бедняге Бинго, так это Дживс.

В тот же вечер я изложил ему суть проблемы.

— Дживс!

— Сэр?

— Вы сейчас ничем не заняты?

— Нет, сэр.

— Я имею в виду — я вас ни от чего не оторвал?

— Нет, сэр. Я взял себе за правило читать в это время суток какую-нибудь поучительную книгу, но, если вам требуются мои услуги, я вполне могу прервать это занятие или отложить его вовсе.

— Дело в том, что мне нужен ваш совет. Насчет мистера Литтла.

— Молодого Литтла, сэр, или старшего мистера Литтла, его дяди, проживающего на Паунсби-Гарденз?

Впечатление такое, что Дживс знает все. Просто поразительно. Я дружу с Бинго, можно сказать, всю жизнь, но понятия не имею, где именно обитает его дядя.

— Откуда вы знаете, что он живет на Паунсби-Гарденз? — спросил я.

— Я в добрых отношениях с поварихой мистера Литтла-старшего, сэр. Точнее, у нас достигнуто взаимопонимание.

Признаюсь, я был потрясен. Мне и в голову не приходило, что Дживса занимают такие вещи.

— Вы хотите сказать… вы помолвлены?

— Можно сказать, что это равнозначно помолвке, сэр.

— Ну и ну!

— У нее выдающиеся кулинарные таланты, сэр, — сказал Дживс, словно считая себя обязанным оправдаться. — А что вы меня хотели спросить насчет мистера Литтла?

Я выложил ему все как есть.

— Вот так обстоят дела, Дживс, — сказал я. — Думаю, наш долг немного сплотиться и помочь Бинго положить этот шар в лузу. Расскажите мне о старом Литтле. Что он за гусь?

— Весьма своеобразная личность, сэр. Удалившись от дел, он сделался большим затворником и теперь по большей части предается радостям застолья.

— Короче говоря — обжирается, как свинья?

— Я бы не взял на себя смелость воспользовать-

ся подобным определением, сэр. Скорее он из тех, кого принято называть гурманом. Очень трепетно относится к тому, что ест, и потому особенно высоко ценит искусство мисс Уотсон.

— Поварихи?

— Да, сэр.

— Тогда лучше всего запустить к нему Бинго сразу после хорошего ужина. Когда он будет в размягченном состоянии.

— Сложность в том, сэр, что в настоящее время мистер Литтл на диете в связи с сильным приступом подагры.

— Это может спутать нам карты.

— Вовсе нет, сэр. Я полагаю, что несчастье, случившееся со старшим мистером Литтлом, можно обратить на пользу вашему молодому другу. Не далее как вчера я разговаривал с камердинером мистера Литтла, и тот сообщил мне, что сейчас его основная обязанность — читать мистеру Литтлу вслух по вечерам. На вашем месте, сэр, я бы посоветовал молодому мистеру Литтлу начать самому читать своему дяде.

— Понимаю: операция «Преданный племянник». Старикан тронут благородством юноши, верно?

— Отчасти так, сэр. Но в еще большей степени

я рассчитываю на выбор литературы, которую будет читать своему дяде молодой мистер Литтл.

— Ну нет, тут особенно не разгуляешься. У Бинго симпатичная физиономия, но в литературе он дальше спортивного раздела в «Таймс» не пошел.

— Это препятствие можно преодолеть. Я был бы счастлив сам выбирать книги для чтения мистеру Литтлу. Возможно, мне следует несколько пояснить мою мысль.

— Признаться, пока я не уловил, в чем суть.

— Метод, который я беру на себя смелость вам предложить, называется в рекламном деле «методом прямого внедрения» и состоит во внушении какой-либо идеи путем многократного повторения. Вы, возможно, и сами сталкивались с действием этой системы.

— Ну да, это когда тебе все время талдычат, что то или иное мыло лучшее в мире, ты попадаешь под влияние, бросаешься в ближайшую лавку и покупаешь целую дюжину?

— Абсолютно верно, сэр. Тот же метод лежит в основе всех успешных пропагандистских кампаний, проводившихся во время последней войны. И мы смело можем им воспользоваться, чтобы изменить отношение дяди вашего друга к проблеме

классовых различий. Если мистер Литтл-младший начнет изо дня в день читать своему дяде рассказы, повести и романы, в которых брак с особой более низкого социального положения считается не только возможным, но и достойным восхищения, я думаю, это подготовит мистера Литтла-старшего к восприятию известия о том, что его племянник собирается жениться на простой официантке.

— А разве есть такие книги? В газетах пишут только о тех, где супруги ненавидят друг дружку и спят и видят, как бы поскорее разбежаться в разные стороны.

— Да, сэр, существуют и другие книги, рецензенты редко удостаивают их вниманием, но широкая публика охотно читает. Вам никогда не попадалась в руки «Все ради любви» Рози М. Бэнкс?

— Нет.

— А «Алая роза лета» того же автора?

— Нет, не попадалась.

— Моя тетя, сэр, является обладательницей полного собрания сочинений Рози М. Бэнкс. Мне не составляет никакого труда позаимствовать у нее их столько, сколько может потребоваться младшему мистеру Литтлу. Это очень легкое и

увлекательное чтение.

— Что ж, пожалуй, стоит попробовать.

— Во всяком случае, я настоятельно рекомендовал бы этот метод, сэр.

— Значит, договорились. Завтра же чешите к тете и тащите две-три штуки, да позабористее. Попытка — не пытка.

— Истинная правда, сэр.

Глава 2
Свадебные колокола отменяются

Три дня спустя Бинго доложил, что Рози М. Бэнкс — именно то, что требуется, и, несомненно, годится для применения во всех воинских частях и соединениях. Старый Литтл сперва было взбрыкнул и попытался противиться смене литературной диеты — он, дескать, не большой любитель беллетристики и всю жизнь придерживался исключительно солидных периодических изданий; но Бинго сумел усыпить его бдительность и прочел ему первую главу «Все ради любви» прежде, чем тот успел опомниться, и после этого книги мисс Бэнкс пошли «на ура». С тех пор они прочли «Алую розу лета», «Сумасбродку Мертл», «Фабричную девчонку» и добрались до середины «Сватовства лорда Стратморлика».

Все это Бинго сообщил мне охрипшим голосом, глотая гоголь-моголь на хересе. Он признался, что наш план, превосходный во всех отношениях, обладает одним недостатком: чтение вслух пагубно отражается на его здоровье, голосовые связки не выдерживают напряжения и начинают сдавать.

Он смотрел в медицинской энциклопедии и по симптомам определил, что его болезнь называется «лекторский синдром». Но зато главное: дело явно шло на лад, и, кроме того, после вечерних чтений его всякий раз оставляли ужинать; а, как я понял с его слов, никакие, самые красноречивые рассказы не дают даже отдаленного представления о кулинарных шедеврах поварихи старого Литтла. Когда страдалец живописал кристальную прозрачность бульонов, на глазах у него стояли слезы. И то сказать — после того как он несколько недель перебивался с коржика на газировку, любая нормальная пища должна была доставлять ему райское наслаждение.

Старик Литтл был лишен возможности принимать действенное участие в этих пиршествах, но, по словам Бинго, выходил к столу и, покончив со своей порцией овсяной затирухи, вдыхал запах подаваемых блюд и рассказывал о деликатесах, которые ему доводилось пробовать в прошлом, а также обсуждал меню роскошного ужина, который он закатит, когда врачи снова приведут его в форму; так что, думаю, он по-своему тоже получал от всего этого удовольствие. Как бы там ни было, дела шли очень даже неплохо, и Бинго признался, что у него есть план, с помощью кото-

рого он надеется успешно завершить операцию. В чем состоит его план, он мне рассказывать не стал, но заверил, что это верняк.

— Мы добились определенных успехов, Дживс, — сказал я.

— Мне доставляет большое удовлетворение это слышать, сэр.

— Мистер Литтл говорит, когда они дошли до финала «Фабричной девчонки», его дядюшка ревел, как новорожденный теленок.

— Вот как, сэр?

— Когда лорд Клод заключает девушку в свои объятия и говорит…

— Я знаком с этой сценой, сэр. Бесспорно, трогательный эпизод. Моя тетя тоже его очень любит.

— Мне кажется, мы на верном пути.

— Думаю, что так, сэр.

— Похоже, это еще один ваш триумф, Дживс. Я всегда говорил и никогда не устану повторять, что по мощи интеллекта вы на голову выше всех великих мыслителей нашего времени. Прочие — лишь толпа статистов, провожающих вас почтительными взглядами.

— Большое спасибо, сэр. Я стараюсь.

Примерно через неделю после этого ко мне ввалился Бинго и сообщил, что подагра перестала

мучить его дядю и врачи разрешают ему с завтрашнего дня есть нормальную пищу безо всяких ограничений.

— Между прочим, — сказал Бинго, — он приглашает тебя завтра на обед.

— Меня? С какой стати? Он же понятия не имеет о моем существовании.

— А вот и имеет. Я ему про тебя рассказывал.

— Что же ты, интересно, ему наплел?

— Ну, много чего. Как бы там ни было, он хочет с тобой познакомиться. И мой тебе совет, дружище, — приходи, не пожалеешь. Завтрашний обед, могу тебя заверить, будет сногсшибательный.

Не знаю, отчего, но уже тогда мне почудилось в словах Бинго что-то подозрительное, я бы даже сказал, зловещее. Он явно темнил и недоговаривал.

— Тут что-то нечисто, — сказал я. — С чего это вдруг твой дядя приглашает на обед человека, которого в глаза не видел?

— Уважаемый мистер олух, я тебе только что объяснил: он знает, что ты мой самый близкий друг, что мы вместе учились и так далее.

— Ладно, допустим. Но ты-то с чего так об этом хлопочешь?

Бинго замялся.

— Я же сказал, у меня есть одна идея. Я хочу, чтобы ты сообщил дяде о моих намерениях. У меня просто духу не хватит.

— Что? Еще чего!

— И это говорит мой друг!

— Да, но всему есть предел!

— Берти, — с укором произнес он. — Когда-то я спас тебе жизнь.

— Когда это?

— Разве нет? Значит, кому-то другому. Но все равно, мы вместе росли, и все такое. Ты не можешь меня подвести.

— Ну ладно, ладно. Но когда ты заявляешь, будто у тебя не хватит духу на какую-то наглость, ты себя недооцениваешь. Человек, который…

— Значит, договорились, — сказал Бинго. — Завтра в час тридцать. Смотри не опаздывай!

Должен признаться, что чем больше я размышлял о предстоящей мне миссии, тем меньше мне нравилась вся эта затея. Допустим, Бинго прав, и обед действительно будет шедевром кулинарного искусства. Не все ли равно, какие кулинарные изыски значатся в меню, если тебя спустят с лестницы прежде, чем ты успеешь покончить с супом. Однако слово Вустеров свято, нерушимо и прочее и прочее, и на следующий день ровно в

час тридцать я нетвердой походкой поднялся по ступеням крыльца дома номер шестнадцать по Паунсби-Гарденз и позвонил. А через полминуты я уже стоял в гостиной и пожимал руку самому толстому человеку, какого мне в жизни доводилось видеть.

Вне всякого сомнения, девизом семьи Литтл было «разнообразие видов». Сколько я помню Бинго, он всегда был долговязым и тощим, кожа да кости. Зато его дядя сумел повысить среднестатистический вес членов семьи до уровня гораздо выше нормы. Когда мы обменялись рукопожатием, моя рука буквально утонула в его ладони, и я всерьез забеспокоился, удастся ли ее оттуда извлечь без специального водолазного снаряжения.

— Мистер Вустер — я счастлив… я польщен… большая честь…

Я понял, что Бинго — с какой-то тайной целью — расхвалил меня сверх всякой меры.

— Ну, что вы… — смутился я.

Толстяк отступил на шаг, по-прежнему не выпуская мою руку.

— Вы так молоды и уже столько успели сделать!

Я был совершенно сбит с толку. У нас в семье,

это в первую очередь относится к тете Агате, которая жучит меня с самого рождения, принято считать, что я — полный ноль, впустую растративший жизнь, и что с тех пор, как в первом классе я получил приз за лучший гербарий полевых цветов, я не сделал ничего, чтобы вписать свое имя на скрижали славы. Вероятно, он меня с кем-то спутал, решил я, но тут в холле зазвонил телефон, вошла горничная и сказала, что меня просят к аппарату. Я пошел, взял трубку и услышал голос Бинго.

— Привет, — сказал он. — Прибыл? Молодец! Я знал, что на тебя можно положиться. Послушай, старик, дядя очень тебе обрадовался?

— Просто без ума от счастья. Ничего не понимаю.

— Все идет как надо. Я звоню, чтобы тебе объяснить. Дело в том, старина, что я сказал ему, будто ты — автор книг, которые я ему читал. Ты ведь не против?

— Что?

— Я сказал, что Рози М. Бэнкс — твой литературный псевдоним, так как ты человек очень скромный и застенчивый и не хочешь, чтобы на обложке стояло твое имя. Теперь он тебя послушается. Будет внимать каждому твоему слову.

Блестящая идея, верно? Думаю, даже сам Дживс не сумел бы придумать ничего лучше. Так что давай, дружище, поднажми хорошенько и, главное, помни, что он должен прибавить мне содержание. Когда я женюсь, я не смогу прожить на ту сумму, которую сейчас от него получаю. Если предполагается, что в финальных кадрах фильма я держу свою невесту в объятиях, содержание должно быть по крайней мере удвоено. В общем, ты все понял. Счастливо!

И он повесил трубку. В этот момент прозвучал гонг, и радушный хозяин затопал вниз по лестнице с таким грохотом, словно в подвал ссыпали тонну угля.

Вспоминая об этом обеде, я всегда испытываю чувство горечи и сожаления. Такой пир выпадает на долю простого смертного раз в жизни, а я оказался не в состоянии его по достоинству оценить. Подсознательно-то я понимал, что это выдающееся произведение кулинарного искусства, но так нервничал из-за положения, в которое попал по милости Бинго, что не мог прочувствовать его до конца — с таким же успехом я мог жевать осиновые опилки.

Старый Литтл с места в карьер залопотал о литературе.

— Мой племянник, вероятно, рассказывал вам, что я за последнее время прочел многие ваши книги, — начал он.

— Да, он об этом упоминал. Ну и… э-э-э… как вам мои опусы-покусы?

Он посмотрел на меня с нескрываемым благоговением.

— Должен признаться, мистер Вустер, когда племянник читал мне вслух ваши романы, слезы то и дело наворачивались мне на глаза. Я поражен, что такой молодой человек, как вы, сумел так глубоко проникнуть в самую суть человеческой природы, так умело играть на струнах сердца своих читателей, создать книги столь правдивые, столь трогательные и столь злободневные!

— Ничего особенного, у меня это врожденное…

Крупные капли пота катились у меня по лбу. В жизни не попадал в более идиотское положение.

— В столовой слишком жарко? — участливо спросил он.

— Нет-нет, что вы. Ничуть.

— Значит, дело в перце. Если есть изъян в искусстве моей поварихи — хотя я в этом сомневаюсь, — то это лишь склонность излишне педализировать перцовую ноту в мясных блюдах.

Кстати, как вы находите ее кухню?

Я обрадовался, что разговор ушел от моего вклада в сокровищницу мировой литературы, и с воодушевлением воспел хвалу ее кулинарным талантам.

— Рад это слышать, мистер Вустер. Я, возможно, слишком пристрастен, но, по-моему, эта женщина — гений.

— Вне всякого сомнения!

— Она служит у меня семь лет и за все время ни на йоту не опускала планку высочайших кулинарных стандартов. Разве что однажды, зимой семнадцатого года, придирчивый гурман мог бы упрекнуть ее в недостаточной воздушности соуса. Но тот случай особый. Тогда на Лондон было совершено несколько воздушных налетов, и они не на шутку напугали бедную женщину. Однако в этом мире за все удовольствия надо платить, мистер Вустер, и я в этом смысле — не исключение. Семь лет я жил в постоянном страхе, что кто-то переманит ее к себе на службу. Я знал, что она получала подобные предложения — и весьма щедрые предложения. Можете представить себе мое смятение, мистер Вустер, когда сегодня утром гром все-таки грянул. Она официально известила меня об уходе.

— О господи!

— Ваше участие лишний раз свидетельствует о выдающихся душевных качествах автора «Алой розы лета». Но я счастлив вам сообщить, что худшее позади. Дело только что улажено. Джейн остается.

— Молоток!

— Действительно, молоток — хотя я не знаком с этим выражением. Не помню, чтобы оно попадалось мне на страницах ваших произведений. Кстати, возвращаясь к книгам, должен признать, что наряду с пронзительной трогательностью повествования на меня огромное впечатление произвела ваша жизненная философия. Лондон весьма и весьма выиграл бы, мистер Вустер, если бы в этом городе жило побольше таких людей, как вы.

Это заявление полностью противоречило жизненной философии тети Агаты: она никогда не упускала возможности подчеркнуть, что именно из-за таких типов, как я, Лондон становится все менее и менее подходящим местом для жизни нормальных людей.

— Позвольте вам сказать, мистер Вустер, что я восхищен вашим полным пренебрежением пережитками одряхлевшего общественного строя. Да,

восхищен! У вас достало широты взгляда заявить, что общественное положение — лишь штамп на золотом и что, если воспользоваться замечательными словами лорда Блетчмора из «Фабричной девчонки», «каким бы низким ни было происхождение женщины, если у нее доброе сердце — она ничем не хуже самой знатной дамы».

— Я рад. Вы действительно так считаете?

— Да, мистер Вустер. Стыдно признаться, но было время, когда я, подобно многим другим, был рабом идиотских предрассудков, придавал значение классовым различиям. Но с тех пор как прочел ваши книги…

Можно было не сомневаться. Это была очередная победа Дживса.

— Значит, вы не видите ничего предосудительного в том, что молодой человек, занимающий высокое общественное положение, женится на девушке, принадлежащей к так называемым «низшим классам»?

— Совершенно ничего предосудительного, мистер Вустер.

Я сделал глубокий вдох, чтобы сообщить ему радостную новость.

— Бинго — ну, знаете, ваш племянник — хочет жениться на официантке.

— Это делает ему честь, — сказал старый Литтл.

— Вы его не осуждаете?

— Наоборот, одобряю.

Я сделал еще один глубокий вдох и коснулся меркантильной стороны вопроса.

— Надеюсь, вы не сочтете, будто я лезу не в свое дело, но… э-э-э… как насчет… этого самого? — выговорил я.

— Боюсь, что не совсем вас понимаю.

— Ну, я имею в виду его содержание и все такое. В смысле денег, которые вы так любезно ему выплачиваете. Он рассчитывает, что вы ему немножко подкинете сверх прежней суммы.

Старый Литтл с видом глубокого сожаления отрицательно покачал головой:

— Увы, это невозможно. Видите ли, в моем положении приходится экономить каждый пенни. Я готов и впредь выплачивать племяннику прежнее содержание, но никак не смогу его увеличить. Это было бы несправедливым по отношению к моей жене.

— Жене? Но ведь вы не женаты!

— Пока нет. Но я рассчитываю сочетаться браком в самое ближайшее время. Женщина, которая в течение стольких лет так замечательно

меня кормила, сегодня утром оказала мне честь и приняла мое предложение руки и сердца. — Его глаза торжествующе сверкнули. — Теперь пусть попробуют у меня ее отнять! — с вызовом произнес он.

— Молодой мистер Литтл несколько раз пытался связаться с вами по телефону, сэр, — сказал мне Дживс, когда вечером я вернулся домой.

— Ничего удивительного, — сказал я. Вскоре после обеда я отправил ему с посыльным записку, в которой изложил результаты переговоров.

— Мне показалось, он чем-то взволнован.

— Еще бы! Кстати, Дживс, призовите на помощь все ваше мужество, стисните зубы: боюсь, у меня для вас плохая новость. Этот ваш план, насчет чтения книжек старому Литтлу, дал осечку.

— Книги его не переубедили?

— В том-то и беда, что переубедили. Дживс, мне очень неприятно вам это говорить, но ваша невеста — мисс Уотсон, словом, эта повариха, — так вот, она, если выразиться кратко, предпочла богатство скромному достоинству, если только вы понимаете, что я имею в виду.

— Сэр?

— Она оставила вас с носом и выходит замуж за старого Литтла.

— В самом деле, сэр?

— Вы, я гляжу, не слишком расстроены.

— Честно говоря, сэр, я предвидел подобный поворот событий.

Я взглянул на него с удивлением.

— Тогда чего ради вы сами предложили этот план?

— Сказать по правде, сэр, я ничего не имею против разрыва дипломатических отношений с мисс Уотсон. Более того, я этого очень даже хочу. При всем бесконечном уважении, которое я питаю к мисс Уотсон, я давно понял, что мы не подходим друг другу. Так вот, другая юная особа, с которой у меня достигнуто взаимопонимание…

— Черт меня подери, Дживс! Так есть и другая?

— Да, сэр.

— И давно?

— Уже второй месяц, сэр. Она сразу же произвела на меня неизгладимое впечатление, когда мы познакомились на благотворительном балу в Камберуэлле.

— Чтоб мне провалиться! Но ведь это не…

Дживс многозначительно кивнул.

— Именно так, сэр. По странному совпадению, это та самая девушка, которую молодой мистер Литтл… Я положил сигареты на журнальный

столик. Спокойной ночи, сэр.

Глава 3
Коварные замыслы тети Агаты

Другой на моем месте наверняка бы казнился и страдал после провала матримониальных планов Бинго. Я хочу сказать, будь у меня более тонкий душевный склад и возвышенная натура, я бы ужасно расстроился. А так, среди разных прочих забот, я особенно не огорчался. К тому же не прошло и недели после этого трагического события, как Бинго уже снова радостно бил копытом, точно дикая газель.

Никто так легко не оправляется после неудач, как Бинго. Его можно сбить с ног, но невозможно нокаутировать. Пока он увивается вокруг очередной пассии, он томится и вздыхает с полной отдачей. Но как только получает от ворот поворот и дама сердца просит его — в порядке личного одолжения — оставить ее в покое, он вскоре снова беззаботно насвистывает как ни в чем не бывало. Мне доводилось наблюдать это не раз и не два, так что можете мне поверить.

Так что я из-за Бинго особенно не расстраивался. Впрочем, если говорить честно, и ни по какому

иному поводу. Да и вообще в то время настроение у меня было превосходное. Все шло как нельзя лучше. В трех забегах лошади, на которых я поставил приличные суммы, пришли к финишу первыми, вместо того чтобы присесть отдохнуть в середине дистанции, как обычно поступают четвероногие, когда я делаю на них ставки.

Добавлю к этому, что погода по-прежнему стояла наивысшего качества, мои новые носки были признаны широкой общественностью как «самое то», и, в довершение всего, тетя Агата укатила во Францию и по крайней мере в ближайшие полтора месяца не будет меня поучать и воспитывать. А те, кто знаком с тетей Агатой, согласятся со мной, что уже одно это — неописуемое счастье.

Вот почему, принимая утреннюю ванну, я вдруг с особой остротой ощутил, что в целом свете нет ничего, что могло бы испортить мне настроение, и, орудуя губкой, запел ну прямо как соловей. Мне казалось, что все положительно к лучшему в этом лучшем из миров.

Но вы замечали, что слишком хорошо в жизни долго не бывает? Только разомлеешь от блаженства и тут же получишь по шее. Не успел я вытереться, одеться и притопать в гостиную — как вот оно, началось: на каминной полке

лежало письмо от тети Агаты.

— О господи, — простонал я, когда прочел его.

— Сэр? — переспросил Дживс. Он неслышно хлопотал по хозяйству в глубине комнаты.

— Это от тети Агаты, Дживс. От миссис Грегсон.

— Да, сэр.

— Вы бы не отзывались так равнодушно, если бы знали, что она пишет, — сказал я с горьким смехом. — Проклятие пало на наши головы, Дживс. Она хочет, чтобы я приехал к ней в… как бишь этот чертов курорт называется… в Ровиль-сюр-Мер. О господи!

— Полагаю, мне следует начать укладывать вещи, сэр?

— Боюсь, что так.

Очень трудно объяснить людям, незнакомым с тетей Агатой, каким образом ей удалось забрать надо мной такую власть. Я от нее не завишу ни в финансовом отношении, ни вообще. Но такой уж у нее характер. Еще когда я был совсем маленьким и позже, когда пошел в школу, тете стоило бровью повести, и я исполнял все, чего она требовала, и я до сих пор не вышел из-под гипноза. У нас в семье народ по преимуществу рослый, в тете Агате пять футов девять дюймов росту, крючковатый нос, волосы с сильной проседью

— общее впечатление довольно внушительное. Как бы там ни было, мне даже в голову не пришло отказаться под каким-нибудь благовидным предлогом. Раз она сказала ехать в Ровиль, ничего другого не остается, как послать за билетами.

— Как вы думаете, в чем дело, Дживс? Зачем я ей понадобился?

— Затрудняюсь вам сказать, сэр.

Ну, да что там говорить. Мне оставалось лишь одно призрачное утешение, что-то вроде голубого проблеска между черными грозовыми тучами: в Ровиле я смогу продемонстрировать шелковый кушак, который купил полгода назад, да так ни разу и не решился надеть. Такой широкий, наподобие шарфа, его наматывают вокруг талии и носят вместо жилета. До сих пор я не смог набраться смелости, чтобы выйти в нем на люди, так как знал, что Дживс встанет на дыбы: кушак был довольно яркого малинового цвета. Но я надеялся, что в таком месте, как Ровиль, где веселье бьет ключом и царит свойственная французам joie de vivre[3], глядишь — как-нибудь и проскочит.

На следующее утро, получив положенную пор-

---

[3] Примечания: 3
Радость жизни *(фр.)*.

цию качки на пароме и тряски в вагоне ночного поезда, я прибыл в Ровиль — довольно симпатичный городок, в котором джентльмен, не обремененный такой обузой, как тетка, мог бы славно скоротать недельку-другую. Он похож на большинство французских курортов — бесконечные пляжи, отели и казино. Гостиница, которой выпало несчастье попасться на глаза моей тете, называлась «Отель Де-Люкс», и к тому моменту, когда я туда прибыл, среди персонала не осталось ни одного человека, который бы не ощутил на себе ее присутствия. Я им сочувствовал. Я прекрасно знал, как тетя Агата ведет себя в гостиницах. К моему приезду основная воспитательная работа была завершена, и по тому, как все перед ней лебезили, я понял, что для начала она потребовала, чтобы ее перевели в другой номер, с окнами на юг, вскоре переехала в третий, потому что во втором скрипела дверца шкафа, потом без обиняков высказала все, что думает о здешних поварах, официантах, горничных и прочих. Теперь она прочно держала всю шайку под каблуком. Управляющий, здоровенный малый с густыми бакенбардами и бандитской физиономией, готов был вывернуться наизнанку, стоило ей на него взглянуть.

Столь полный триумф привел ее в состояние мрачного удовлетворения, и она встретила меня чуть ли не с материнской нежностью.

— Я так рада, что ты смог приехать, Берти, — сказала она. — Свежий воздух пойдет тебе на пользу. Хватит таскаться по прокуренным ночным клубам.

Я хмыкнул что-то неопределенное.

— И с людьми интересными познакомишься, — продолжала она. — Хочу представить тебя мисс Хемингуэй и ее брату, я с ними здесь очень подружилась. Уверена, что мисс Хемингуэй тебе понравится. Милая, кроткая девушка, не то что эти современные бойкие лондонские девицы. Ее брат — приходский священник в Чипли-ин-де-Глен в Дорсетшире. Он говорит, что они в родстве с кентскими Хемингуэями. Очень добропорядочная семья. А Алин — очаровательная девушка.

Я насторожился. Подобные дифирамбы были совсем не в духе тети Агаты: всему Лондону известно, что она имеет обыкновение поливать всех направо и налево. Я кое-что заподозрил. И, черт подери, оказался прав!

— Алин Хемингуэй — как раз такая девица, какую я хотела бы видеть твоей женой, Берти, — сказала тетя Агата. — Тебе пора жениться. Тогда,

может быть, из тебя и получится что-то путное. Лучшей жены, чем милая Алин, я себе не представляю. Она будет оказывать на тебя хорошее влияние.

— Еще чего! — не выдержал я, похолодев при мысли о подобной перспективе.

— Берти! — прикрикнула тетя Агата, сбросив маску материнской нежности и смерив меня ледяным взглядом.

— Да, но…

— Такие молодые люди, как ты, Берти, приводят меня в отчаяние; и не только меня, а всех, кому небезразлично будущее рода человеческого. Ты погряз в праздности и себялюбии, ты растрачиваешь жизнь попусту, вместо того чтобы прожить ее с пользой для себя и для других. Ты тратишь лучшие годы на сомнительные развлечения. Ты — антиобщественное животное, трутень. Берти, ты просто обязан жениться.

— Но, будь я проклят…

— Плодиться и размножаться — священный долг каждого…

— Ради бога, тетя, — сказал я и густо покраснел. Тетя Агата — член нескольких женских клубов и иногда забывается, думает, что она в клубной гостиной.

— Берти, — повысила голос тетя и уже собиралась как следует прочистить мне мозги, но ей помешали. — А, вот и они, — сказала тетя. — Алин, милая!

Я увидел девушку и молодого человека, подгребавших в нашу сторону с приторными улыбками на лицах.

— Хочу представить вам моего племянника, Берти Вустера, — сказала тетя Агата. — Он только что приехал. Решил сделать мне сюрприз. Я понятия не имела, что он собирается в Ровиль.

Я затравленно взглянул на парочку, чувствуя себя точно кот, попавший на псарню. Знаете, такое чувство, что тебя загнали в угол. Внутренний голос нашептывал мне, что Бертраму все это совершенно ни к чему.

Брат оказался кругленьким коротышкой с овечьим лицом. От него за версту веяло благостностью, он носил пенсне и пасторский воротничок — ну, такой, с застежкой сзади.

— Добро пожаловать в Ровиль, мистер Вустер, — сказал он.

— Ах, Сидней! — воскликнула девушка. — Ты не находишь, что мистер Вустер как две капли воды похож на каноника Бленкинсопа, который читал проповедь у нас в Чипли на прошлую Пасху?

— В самом деле! Просто поразительное сходство!

Они вытаращили на меня глаза, словно я был диковинным экспонатом за музейной витриной, а я, в свою очередь, уставился на них и разглядел барышню во всех деталях. Вне всякого сомнения, она разительно отличалась от тех представительниц слабого пола, которых тетя Агата назвала современными бойкими лондонскими девицами. Никаких тебе коротких стрижек и сигарет. Мне в жизни не приходилось встречать столь благопристойной — не могу подобрать иного слова — внешности. Простое платье, волосы гладко зачесаны, выражение лица кроткое, почти ангельское. Я не претендую на лавры Шерлока Холмса, но как только я ее увидел, я тотчас сказал себе: «Эта барышня играет на органе в сельской церкви».

Мы вдоволь попялились друг на дружку, пощебетали о том о сем, и я слинял. Но перед этим вынужден был пообещать после обеда прокатиться на автомобиле вместе с девицей и ее братцем. И мысль о предстоящей прогулке нагнала на меня такую тоску, что я решил хоть как-то поднять настроение. Я отправился в номер, достал из чемодана шелковый кушак и обмотал его вокруг

талии. Когда я повернулся, Дживс шарахнулся от меня, точно дикий мустанг от грузового автомобиля.

— Прошу прощения, сэр, — сказал он, отчего-то понизив голос до шепота. — Вы ведь не собираетесь появиться на людях в таком виде?

— Вы это про кушак? — спросил я непринужденным благодушным тоном, делая вид, что не замечаю застывшего на его лице ужаса. — Да, думаю пройтись.

— Я бы вам не советовал этого делать, сэр, ни в коем случае не советовал.

— А что такое?

— Непозволительно кричащий цвет, сэр, слишком бросается в глаза.

На этот раз я отважился дать Дживсу отпор. Никто лучше меня не знает, что он — гений и все такое, но, черт побери, мне надоело вечно зависеть от чужого мнения. Нельзя быть рабом своего слуги. Кроме того, у меня было ужасное настроение, и кушак — единственное, что могло меня хоть немного утешить.

— Знаете, что я вам скажу, Дживс, — сказал я. — Ваша беда в том, что вы замкнулись на ограниченном пространстве Британского архипелага. Мы не на Пикадилли. На французском курорте

требуется немного яркости и романтики. Не далее как сегодня утром я встретил в вестибюле джентльмена в костюме из желтого вельвета.

— И тем не менее, сэр…

— Дживс, — твердо сказал я. — Я так решил. У меня сегодня тоскливо на душе, мне нужно взбодриться. И вообще, чем это плохо? Мне кажется, этот кушак сюда так и просится. Он придает костюму испанский колорит. Этакий идальго Висенте-и-Бласко-и-как-то-там-еще. Молодой испанский гранд направляется на бой быков.

— Хорошо, сэр, — холодно ответил Дживс.

Терпеть не могу такие сцены. Если меня что-то может по-настоящему огорчить, так это размолвки в собственном доме; я чувствовал, что какое-то время мы с Дживсом будем в натянутых отношениях. Мало мне жуткой затеи тети Агаты насчет Алин Хемингуэй, теперь еще это — признаюсь, у меня возникло горькое чувство, что никто на свете меня не любит.

Автомобильная прогулка получилась — как я и ожидал — из рук вон. Пастор трещал без умолку ни о чем, девица любовалась пейзажем, а у меня от всего этого началась мигрень, зародившаяся в левой пятке и разыгрывавшаяся все сильнее по мере продвижения вверх. Я проковылял в свой

номер, чтобы переодеться к ужину, чувствуя себя как лягушка, по которой прошлась борона. Если бы не стычка из-за кушака, я мог бы поплакаться Дживсу в жилетку и излить свои горести. Я все-таки не мог в одиночку пережить свалившиеся на мою голову несчастья.

— Послушайте, Дживс! — не выдержал я.

— Сэр?

— Плесните мне бренди с содовой, только покрепче.

— Да, сэр.

— Покрепче, Дживс. Поменьше содовой, побольше бренди.

— Хорошо, сэр.

Промочив горло, я почувствовал себя чуточку веселее.

— Дживс, — позвал я.

— Сэр?

— По-моему, я здорово влип, Дживс.

— В самом деле, сэр?

Я пристально на него взглянул. Вид у него был чертовски неприступный. Все еще дуется на меня.

— Вляпался по самые уши, — сказал я, сунув в карман врожденную гордость Вустеров и взывая к его дружеским чувствам. — Вы обратили вни-

мание на барышню, которая здесь крутилась со своим братом пастором?

— Мисс Хемингуэй? Да, сэр.

— Тетя Агата хочет, чтобы я на ней женился.

— В самом деле, сэр?

— Ну, что будем делать?

— Сэр?

— Я имею в виду — вы можете что-нибудь предложить?

— Нет, сэр.

Жуткий тип — говорил так холодно и недружелюбно, что мне осталось только стиснуть зубы и изобразить полнейшее безразличие.

— Ну что ж… ладно… Тра-ла-ла-ла!

— Вот именно, сэр, — подтвердил Дживс.

Только, как говорится, и всего.

Глава 4
Жемчуг – к слезам

Давным-давно, скорее всего еще в школе — теперь-то я этими делами не особенно увлекаюсь, — я прочел одно стихотворение про что-то там такое, и там были, помнится, строки насчет того, как «все явственней тень мрачная тюрьмы сгущалась над невинной головой». Это я к тому, что на протяжении последующих двух недель нечто похожее наблюдалось и над головой вашего покорного слуги. Уже слышался, день ото дня все громче, звон свадебных колоколов, и разрази меня гром, если я представлял себе, как из этого выпутаться.

Дживс, понятное дело, сразу бы выложил с десяток гениальных планов, но он по-прежнему держался холодно и отчужденно, и у меня не хватало духу обратиться к нему за помощью. Ведь он же прекрасно видел, что молодой хозяин угодил в переделку, и если ему этого мало, чтобы закрыть глаза на малиновый кушак вокруг талии, значит, былой феодальный дух угас в его груди, и тут уж ничего не поделаешь.

Просто поразительно, до чего эти Хемингуэи ко мне прониклись! Я никогда не утверждал, что обладаю способностью располагать к себе людей, а большинство моих знакомых считают, что я законченный осел, но факт остается фактом: у этой барышни и ее братца я шел «на ура». Без меня они чувствовали себя несчастными. Я теперь и шагу не мог ступить без того, чтобы кто-то из них тотчас не появился бог весть откуда и не вцепился в меня, как репей. Дело дошло до того, что я начал прятаться в своем номере, чтобы хоть ненадолго от них передохнуть. Я занимал на третьем этаже вполне приличный люкс с видом на набережную.

Как-то вечером я укрылся в номере и в первый раз за день ощутил, что жизнь, в конце концов, не такая уж скверная штука. Сразу после обеда тетя Агата отправила меня с барышней Хемингуэй на прогулку, и я не мог избавиться от прилипчивой девицы до самого вечера. И вот сейчас, глядя из окна на залитую вечерними огнями набережную и толпу людей, беззаботно спешащих в рестораны, или в казино, или еще бог знает куда, я испытал чувство щемящей зависти. Как здорово я мог бы здесь провести время, если бы не тетя Агата и ее занудные приятели.

Я тяжело вздохнул, и в этот момент раздался стук в дверь.

— Кто-то стучит, Дживс, — сказал я.

— Да, сэр.

Он отворил дверь, и я увидел Алин Хемингуэй и ее брата. Этого еще не хватало! Я искренне надеялся, что заслужил на сегодня право на отдых.

— А, привет, — сказал я.

— Ах, мистер Вустер, — сказала девушка срывающимся от волнения голосом. — Просто не знаю, с чего начать.

Тут только я заметил, что вид у нее совершенно потерянный, а что касается ее братца, то он похож на овцу, которую терзают невыразимые душевные муки.

Я поднялся и приготовился внимательно слушать. Я понял, что они пришли не просто поболтать — видимо, стряслось нечто из ряда вон выходящее. Хотя непонятно, почему они с этим делом обращаются ко мне.

— Что случилось? — спросил я.

— Бедный Сидней! Это я во всем виновата, мне не следовало оставлять его без присмотра, — пролепетала Алин. Видно, что взвинчена до чертиков.

Тут ее братец, который не проронил ни звука

после того, как сбросил с себя мятое пальто и положил на стул шляпу, жалобно кашлянул, как овца, застигнутая туманом на вершине горы.

— Дело в том, мистер Вустер, — сказал он, — что, к величайшему сожалению, со мной произошла весьма прискорбная история. Сегодня днем, когда вы столь любезно вызвались сопровождать мою сестру во время прогулки, я, не зная, чем себя занять, поддался искушению и — к несчастью — зашел в казино.

Впервые с момента нашего знакомства я почувствовал к нему что-то вроде симпатии. Оказывается, в его жилах течет кровь спортсмена; выходит, что и ему не чужды человеческие страсти. Жаль, что я не знал об этом раньше, мы могли бы гораздо веселей проводить время.

— Ну и как, — сказал я, — сорвали банк?

Он тяжело вздохнул.

— Если вы хотите спросить, была ли моя игра успешной, я вынужден дать вам отрицательный ответ. Я ошибочно посчитал, что раз выигрыш уже выпал на красное не меньше семи раз подряд, дальше должна прийти очередь черного. Я ошибся и потерял все то немногое, что у меня было, мистер Вустер.

— Да, не повезло, — сказал я.

— Я вышел из казино, — продолжал он, — и вернулся в гостиницу. Там я встретил одного из моих прихожан, полковника Масгрейва, который по воле случая приехал сюда в отпуск. Я убедил его дать мне сто фунтов и выписал на его имя чек для предъявления в одном из лондонских банков, где у меня открыт счет на скромную сумму.

— Выходит, все не так уж плохо. — Я призвал его взглянуть на вещи с приятной стороны. — Хочу сказать, вам здорово повезло: не так-то просто с первой попытки найти желающего раскошелиться.

— Наоборот, мистер Вустер, это лишь усугубило мое положение. Мне очень стыдно в этом признаться, но я тотчас вернулся в казино и проиграл все сто фунтов: на этот раз я ошибочно предполагал, что на красное должна, как выражаются игроки, «пойти полоса».

— Ну и ну, — сказал я. — Ничего себе — скоротали вечерок!

— И самое ужасное, — заключил он, — это то, что на моем банковском счете нет достаточных средств, и мой чек, предъявленный полковником, оплачен не будет.

К этому моменту я уже понял, что он собирается обратиться ко мне с просьбой, которая вряд

ли меня обрадует; но тем не менее я невольно испытал к нему теплое чувство. Я слушал его со все возрастающим интересом и восхищением. Никогда еще мне не доводилось встречать младших приходских священников, готовых так легко пуститься во все тяжкие. Хоть он и неказист с виду, но, похоже, парень хоть куда, жаль, что я не имел возможности узнать об этом раньше.

— Полковник Масгрейв, — продолжал он срывающимся голосом, — не из тех, кто посмотрит на это сквозь пальцы. Он человек суровый. Он все расскажет нашему первому приходскому священнику. А тот — тоже суровый человек. Короче говоря, мистер Вустер, если полковник Масгрейв предъявит этот чек в банк — я погиб. А он отправляется в Англию сегодня вечером.

Как только он смолк, вступила девица, которая все это время, пока ее братец изливал мне душу, судорожно вздыхала и кусала скомканный носовой платочек.

— Мистер Вустер, — воскликнула она, — умоляю вас, спасите! О, скажите, что вы нас спасете! Нам нужны деньги, чтобы получить обратно чек у полковника Масгрейва до девяти вечера — он уезжает на поезде девять двадцать. Я чуть с ума не сошла, ломая себе голову, как нам быть, и тут

вспомнила, что вы всегда были к нам так добры. Мистер Вустер, одолжите Сиднею эту сумму и возьмите вот это в качестве залога. — И прежде чем я успел возразить, она достала из сумочки прямоугольный футляр. — Это мое жемчужное ожерелье, — сказала она. — Я не знаю, сколько оно стоит — это подарок моего бедного отца…

— Ныне, увы, покойного… — вставил ее брат.

— … но я уверена, что его стоимость намного превосходит сумму, которую мы у вас просим.

Чертовски неловко. Я почувствовал себя ростовщиком. Как будто ко мне пришли заложить часы.

— Нет, что вы, зачем это, — запротестовал я. — Не нужно никакого залога, что за вздор. С удовольствием одолжу вам эти деньги. Они у меня, кстати, с собой. Как нарочно снял сегодня со счета немного наличных.

И я извлек из бумажника сотню и протянул брату. Но тот отрицательно покачал головой.

— Мистер Вустер, — сказал он. — Мы глубоко признательны вам за вашу щедрость; мы польщены и тронуты вашим доверием, но не можем согласиться с таким предложением.

— Сидней хочет сказать, — пояснила девушка, — что вы ведь, если разобраться, ничего о

нас не знаете. Вы не должны рисковать такими деньгами, ссужая их без залога фактически незнакомым людям. Если бы я не была уверена, что вы отнесетесь к нашему предложению как деловой человек, я бы ни за что не осмелилась к вам обратиться.

— Как вы прекрасно понимаете, нам претит мысль о том, чтобы отнести жемчуг в ломбард, — сказал брат.

— Если бы вы согласились дать нам расписку — просто для порядка…

— Конечно, разумеется…

Я написал расписку и положил на стол рядом с деньгами, чувствуя себя круглым идиотом.

— Вот, пожалуйста, — сказал я.

Девушка взяла расписку, спрятала ее в сумочку, передала деньги брату и, прежде чем я понял, что происходит, бросилась ко мне, поцеловала и выбежала прочь из комнаты.

Признаюсь, я просто обалдел. Это было так внезапно и неожиданно. Я хочу сказать — такая девушка… Тихая, скромная и все такое — не из тех, которые целуют посторонних мужчин направо и налево. Словно в тумане я увидел, как из-за кулис появился Дживс и подал брату пальто; помню, я еще подумал про себя: «Что на

свете могло бы заставить меня напялить на себя подобный балахон, больше всего похожий на мешок из-под муки?» Тут он подошел ко мне и горячо сжал мою руку.

— Не знаю, как вас благодарить, мистер Вустер!

— Ну что вы, какие пустяки.

— Вы спасли мое доброе имя. Доброе имя мужчины или женщины — наидрагоценнейший перл душ человеческих, — сказал он, со страстью разминая мою верхнюю конечность. — Тот, кто похитит у меня деньги, похитит безделицу. Они были моими, теперь они служат ему, как уже прежде рабски служили тысячам других. Но тот, кто похитит мое доброе имя, отнимет у меня то, что его не обогатит, а меня оставит самым жалким бедняком. Я от всего сердца благодарю вас. До свидания, мистер Вустер.

— До свидания, старина, — сказал я.

Когда дверь за ним закрылась, я повернулся к Дживсу.

— Грустная история, Дживс, — сказал я.

— Да, сэр.

— Хорошо, что у меня деньги оказались под рукой.

— Ну… э-э-э… да, сэр.

— Вы говорите так, словно вам что-то не нравится.

— Мне не подобает критиковать ваши действия, сэр, но все же возьму на себя смелость утверждать, что вы поступили опрометчиво.

— Одолжив им эти деньги?

— Да, сэр. Эти модные французские курорты так и кишат мошенниками.

Ну, это уже было слишком.

— Знаете, что я вам скажу, Дживс, — не выдержал я. — Я многое готов стерпеть, но когда вы выступаете с ин… с иней… — черт, все время забываю это слово, — одним словом, возводите напраслину на представителя духовенства…

— Возможно, я чересчур подозрителен, сэр. Но я достаточно повидал этих курортов. Когда я был на службе у лорда Фредерика Рейнила, незадолго до того, как поступить к вам, его светлость очень ловко обманул в Монте-Карло мошенник, известный под кличкой Святоша Сид, завязавший с ним знакомство при помощи сообщницы. Я хорошо помню, как в тот день…

— Извините, что прерываю вечер воспоминаний, Дживс, — холодно сказал я, — но в данном случае вы городите чушь. Что может быть подозрительного в такой сделке? Ведь они же

оставили мне жемчуг в залог, верно? Так что впредь думайте, что говорите. Вы бы лучше спустились вниз и спрятали ожерелье в сейф отеля. — Я открыл футляр, чтобы еще раз взглянуть на жемчуг. — О господи!

Футляр был пуст!

— Черт меня побери! — не в силах поверить своим глазам, воскликнул я. — Да ведь это грабеж средь бела дня!

— Совершенно верно, сэр. Именно так был обманут лорд Фредерик в тот день, о котором я только что вам рассказывал. Когда сообщница в знак благодарности обняла его светлость, Святоша Сид подменил футляр с жемчугом на точно такой, но пустой футляр и скрылся вместе с ожерельем, деньгами и распиской. На основании расписки он потом потребовал, чтобы его светлость вернул жемчуг, и его светлость, не имея возможности это сделать, был вынужден заплатить ему значительную сумму в качестве компенсации. Это очень простой, но действенный прием.

И тут меня осенило.

— Святоша Сид? Сид! Сидней! Братец Сидней! Разрази меня гром! Так вы полагаете, Дживс, что этот пастор — Святоша Сид?

— Да, сэр.

— Просто невероятно! Этот воротничок с застежкой сзади и все такое — он бы и епископа ввел в заблуждение. Так вы уверены, что это Святоша Сид?

— Да, сэр. Я узнал его, как только он вошел в комнату.

У меня глаза на лоб полезли от удивления.

— Вы его узнали?

— Да, сэр.

— Но тогда какого дьявола, — воскликнул я в сильном волнении, — какого дьявола вы меня не предупредили?

— Я решил избавить вас от неприятной сцены и просто извлек футляр с жемчугом из кармана этого господина, когда подавал ему пальто, сэр. Вот он.

Он положил футляр на стол рядом с первым, и, готов поклясться, они были похожи как две капли воды. Я раскрыл футляр, и — вот оно, это дивное ожерелье, казалось, оно приветливо улыбается мне каждой своей жемчужиной. Я растерянно посмотрел на Дживса. У меня голова шла кругом.

— Дживс, — произнес наконец я. — Вы — гений.

— Да, сэр.

Только теперь я почувствовал теплые волны

облегчения. Если бы не Дживс, пришлось бы выложить несколько тысяч, не меньше.

— Вы спасли от разорения наш домашний очаг, Дживс. Думаю, даже такой наглец, как Сид, закованный в носорожью броню бесстыдства, не осмелится потребовать, чтобы я вернул ему жемчуг.

— Несомненно, сэр.

— Ну что ж... Послушайте, а вдруг он фальшивый?

— Нет, сэр. Это настоящий жемчуг, и притом очень ценный.

— Выходит, я остался в выигрыше. Да еще в каком! Пусть я потерял сотню фунтов, зато приобрел прекрасную нитку жемчуга. Ведь так, верно?

— Боюсь, что нет, сэр. Думаю, вам придется вернуть ожерелье.

— Что? Сиду? Я пока что в своем уме!

— Вы меня не поняли, сэр. Я имел в виду — вернуть жемчуг законному владельцу.

— А кто его законный владелец?

— Миссис Грегсон, сэр.

— Как? С чего вы взяли?

— Вот уже час, как вся гостиница знает, что у миссис Грегсон пропало жемчужное ожерелье. Незадолго до вашего прихода я разговаривал с

горничной миссис Грегсон, и она сказала мне, что управляющий гостиницы находится в апартаментах миссис Грегсон.

— Представляю, как ему там сейчас весело.

— Вполне разделяю ваши опасения, сэр.

Постепенно до меня стала доходить суть случившегося.

— Значит, я сейчас пойду и верну ей жемчуг, так? Это изменит счет в мою пользу.

— Совершенно верно, сэр. И если вы позволите дать вам совет, мне представляется нелишним подчеркнуть то обстоятельство, что жемчуг был украден…

— Великий боже! Этой чертовой девицей, на которой тетя пыталась меня женить, будь я проклят!

— Именно так, сэр.

— Дживс, это будет самое сокрушительное поражение, какое когда-либо, за всю историю человечества, пришлось испытать моей дражайшей родственнице.

— Вполне возможно, что так, сэр.

— Может, поутихнет немного, а? Перестанет важничать и смотреть на меня сверху вниз?

— У вас есть все основания на это рассчитывать, сэр.

Я с радостным воплем вылетел из комнаты.

Уже на подступах к берлоге тети Агаты я понял, что веселье в полном разгаре. Какие-то типы в униформе и стаи перепуганных горничных околачивались в коридоре, а за стеной был слышен нестройный гул голосов, перекрываемый зычным контральто тети Агаты. Я постучался, но никто не обратил на мой стук никакого внимания, поэтому я просочился в номер. Среди присутствующих я разглядел бьющуюся в истерике горничную, тетю Агату с грозно взъерошенными волосами и типа с бакенбардами, похожего на бандита, — управляющего гостиницы.

— Привет, — сказал я. — Всем-всем привет.

Тетя Агата сердито на меня шикнула. Бертрам у нее не удостоился приветливой улыбки.

— Ради бога, оставь меня в покое, Берти, — отмахнулась она, и по ее взгляду я понял, что мой приход — последняя капля, переполнившая чашу.

— Что-то случилось?

— Да, да, да! У меня пропал жемчуг!

— Жемчуг? Вы говорите — жемчуг? — сказал я. — Ну да? Неприятная история. А где вы в последний раз его видели?

— Какая разница, где я в последний раз его

видела? Его украли.

Тут Уилфред — Король Бакенбардов, который, как видно, отдыхал в перерыве между раундами, снова выскочил на ринг и быстро-быстро залопотал по-французски. Видно, эта история задела его за живое. В углу безутешно рыдала горничная.

— Вы уверены, что везде смотрели? — спросил я.

— Ну конечно, уверена.

— Знаете, как это бывает — я, например, сто раз терял запонку для воротничка, а потом…

— Не своди меня с ума, Берти. У меня и без твоих глупостей голова идет кругом. Помолчи, пожалуйста. Замолчите все! — гаркнула она голосом, которому позавидовал бы старший сержант морской пехоты; такой голос был, вероятно, у той Мэри, которой приходилось скликать домой стадо, пасущееся на другом берегу реки Ди. И, повинуясь мощному магнетическому импульсу, излучаемому ее стальной волей, Уилфред тотчас замолк, словно на полном скаку налетел на кирпичную стену. Слышны были лишь стенания горничной.

— Послушайте, — сказал я. — У меня впечатление, что эта девушка чем-то расстроена. Мне кажется, она плачет. Вы, возможно, этого не за-

метили, но я, знаете ли, очень наблюдателен.

— Она украла мой жемчуг! Я абсолютно уверена.

Ее слова вывели из комы управляющего, но тетя Агата с ледяным спокойствием прервала лопотание француза и протянула тоном великосветской дамы, которым она привыкла отчитывать нерадивых официантов:

— Я вам в сотый раз повторяю, любезнейший…

— Послушайте, — сказал я, — неловко прерывать вас, вы уж простите, но вы не это ищете?

Я достал из кармана ожерелье и поднял его над головой.

— Похоже на жемчуг, верно?

В жизни не испытывал такого удовольствия. О таких мгновениях рассказывают внукам и правнукам; впрочем, в тот миг шансы, что у меня когда-нибудь появятся внуки и правнуки, казались весьма низкими — примерно один против ста. Из тети Агаты словно выпустили воздух, как из продырявленного воздушного шарика.

— Но где… где… где ты его… — забулькала она.

— У вашей приятельницы, мисс Хемингуэй.

Но она еще не усекла.

— У мисс Хемингуэй? Мисс Хемингуэй?! Но… Но как оно к ней попало?

— Как? — повторил я. — Она его украла. Стащила! Слямзила! Потому что она воровка и именно так зарабатывает на жизнь — знакомится с простаками в гостиницах и похищает их драгоценности. Я не знаю, под какой кличкой она прославилась в воровском мире, но ее прелестный братец, который носит пасторский воротничок с застежкой сзади, известен в криминальных кругах как Святоша Сид.

Она растерянно захлопала глазами.

— Мисс Хемингуэй — воровка! Я… Я… — Она запнулась и взглянула на меня в полном недоумении. — Но как тебе удалось вернуть жемчуг, дорогой Берти?

— Не важно, — небрежно бросил я. — У меня свои методы.

Я собрал в кулак все отпущенное мне Богом мужество, прошептал про себя краткую молитву и вмазал ей, что называется, от души и по первому разряду.

— Должен вам сказать, тетя Агата, — сурово произнес я, — что вы вели себя чертовски неосмотрительно. В каждой комнате отеля висит объявление, что у управляющего имеется сейф, куда следует помещать ювелирные украшения и прочие ценности, но вы легкомысленно пре-

небрегли этим советом. И к чему это привело? Первая же воровка, появившаяся в отеле, вошла в номер и украла ваш жемчуг. А вы, вместо того чтобы признать свою вину, набросились на ни в чем не повинного управляющего. Вы были к нему страшно несправедливы.

— Да-да, — простонал бедняга.

— А эта несчастная девушка? Ей бы надо возбудить дело о… ну, вы понимаете, о чем… и содрать с вас изрядную сумму.

— Mais oui, mais oui, c'est trop fort![4] — поддержал меня разбойник с бакенбардами, а в глазах горничной мелькнула надежда, словно первый робкий луч солнца сквозь грозовые тучи.

— Я ей возмещу, — окончательно сдалась тетя Агата.

— И лучше это сделать немедленно. Если дело дойдет до суда, у вас нет никаких шансов, и на ее месте я потребовал бы двадцать монет, не меньше. Но это еще не все: вы бросили тень на доброе имя этого честного человека и пытались подорвать репутацию его гостиницы.

— Да, черт дери! Это очень плохой! — закричал бакенбардист. — Вы легкомысленная старый да-

---

[4] Примечания: 4
Да-да, это просто неслыханно! *(фр.)*

ма. Вы говориль дурно про моей отель. Завтра вы съезжать из моей отель, разрази меня молний!

И много еще чего в том же духе, прямо сердце радовалось его слушать. Наконец, вдоволь отведя душу, он ушел и увел с собой горничную, в ладошке которой была крепко зажата хрустящая десятка. Я думаю, они с предводителем разбойников потом ее поделили. Ни один управляющий французского отеля не в состоянии спокойно смотреть, как деньги плывут мимо него в чужой карман.

Я повернулся к тете Агате. Вид у нее был такой, словно на нее сзади налетел курьерский поезд, когда она мирно собирала на рельсах ромашки.

— Мне не хочется сыпать вам соль на раны, тетя Агата, — ледяным тоном сказал я, — но не могу не отметить, что ожерелье украла та самая особа, на которой вы пытались меня женить с самого первого дня моего приезда. Боже милостивый! Ведь если бы вам удалось настоять на своем, у меня могли бы родиться дети, способные стащить часы из жилетного кармана у родного отца, пока он качает их на коленях. Я не злопамятный, но, надеюсь, вы теперь, если вздумаете меня женить, подойдете к делу с большей осмотрительностью.

И, бросив на нее уничтожающий взгляд, я резко

повернулся и вышел из номера.

— «Часы бьют десять, ночь ясна, жизнь прекрасна», Дживс, — сказал я, снова оказавшись в моем милом уютном номере.

— Мне доставляет большое удовольствие это слышать, сэр.

— Я думаю, Дживс, двадцать монет вам не помешают…

— Благодарю вас, сэр.

Мы помолчали. Потом… это решение далось мне не без труда, но я заставил себя это сделать. Я размотал кушак и протянул его Дживсу.

— Вы хотите, чтобы я его выгладил, сэр?

Я в последний раз с горечью взглянул на малиновую ленту. Эта вещь была мне очень дорога.

— Нет, — сказал я. — Заберите его совсем — можете отдать нуждающимся и малоимущим. Я его больше никогда не надену.

— Большое спасибо, сэр, — сказал Дживс.

Глава 5
Удар по самолюбию Вустеров

Все, что мне нужно для счастья, — это спокойная жизнь. Я не из тех, кто места себе не находит или впадает в уныние, если за день с ним не приключится чего-то необыкновенного. По мне — чем тише, тем лучше. Регулярное питание, время от времени хороший мюзикл да пара-тройка закадычных приятелей для совместных выходов — о большем я не прошу.

Вот почему это событие, нарушившее мерное течение моей жизни, так неприятно на меня подействовало. Смотрите сами. Я вернулся из Ровиля с уверенностью, что отныне ничто не нарушит мой покой.

Тете Агате, думал я тогда, потребуется не меньше года, чтобы оправиться после провала с Хемингуэями, а кроме тети Агаты, досаждать мне некому. Словом, будущее рисовалось мне безоблачным и небеса голубыми.

Я и не предполагал, что… Впрочем, послушайте, что случилось, и скажите: о какой спокойной жизни может после этого идти речь?

Раз в год Дживс берет отпуск и сваливает на пару недель на море или еще куда-нибудь, для восстановления угасших сил. Мне, конечно, нелегко обходиться без Дживса. Но приходится терпеть, и я терплю; к тому же он обычно подбирает какого-нибудь приличного малого, чтобы тот заботился обо мне в его отсутствие.

Вот в очередной раз подошло время отпуска, и Дживс на кухне давал руководящие указания своему дублеру. Мне понадобилась почтовая марка, и я вышел из комнаты, чтобы попросить у Дживса. Дверь на кухню он сдуру оставил открытой, и я еще в коридоре, к ужасу своему, услышал, как он говорит:

— Вам понравится мистер Вустер. Весьма приятный и любезный молодой джентльмен, но вот что касается ума… Умом он не отличается, его интеллектуальные ресурсы весьма незначительны.

Ну, что вы на это скажете?

Строго говоря, я, наверное, должен был бы ворваться на кухню и в недвусмысленных выражениях отчитать наглеца. Но, боюсь, не родился еще человек, который способен в недвусмысленных выражениях поставить на место Дживса. Я лично даже и не пытался. Я подчеркнуто холодно попросил подать мне шляпу и трость и выкатился

на улицу. Но слова его занозой засели в памяти. Мы, Вустеры, не из забывчивых. Вернее, мы легко забываем назначенные встречи, дни рождения; забываем отправить письма и все такое, но не такие вопиющие оскорбления.

Я шел мрачный до чертиков и в таком подавленном состоянии завернул в бар пропустить рюмку для бодрости. В тот момент мне просто необходимо было укрепить дух глотком спиртного: мне предстоял обед с тетей Агатой. Тяжкое испытание, можете мне поверить, даже если — как полагал я — после Ровиля она будет тише воды ниже травы. Я залпом осушил первую рюмку, не спеша просмаковал вторую и почувствовал, как настроение у меня поднялось, насколько это возможно в данных обстоятельствах. Вдруг из-за угла меня кто-то окликнул, и, обернувшись, я увидел Бинго Литтла, уплетавшего здоровенный бутерброд с сыром.

— Привет, — сказал я. — Сколько лет, сколько зим! Где это ты пропадал?

— Меня не было в Лондоне, я жил за городом.

— За городом? — удивился я: всем известно, что Бинго не большой охотник до прелестей сельской жизни. — Это где же?

— В Хемпшире, в местечке под названием Дит-

теридж.

— Что ты говоришь! У моих знакомых дом в этих местах. Глоссопы. Ты с ними не знаком?

— Я как раз у них и живу, — сказал Бинго. — В качестве гувернера юного Глоссопа.

— Чего ради? — спросил я. Не представляю себе Бинго в роли учителя. Хотя, с другой стороны, у него худо-бедно оксфордский диплом, так что кого-то он на короткое время может одурачить.

— Чего ради? Ради денег, разумеется! Представляешь, стопроцентный верняк накрылся во втором заезде в Хейдок-Парке, — с горечью сказал Бинго, — а с ним вместе и все мое содержание за месяц вперед. У меня духу не хватило просить у дяди, так что пришлось обзванивать агентства по найму и искать работу. Я пашу у Глоссопов уже три недели.

— Я не знаком с юным Глоссопом.

— Твое счастье, — буркнул Бинго.

— Из всей семьи я хорошо знаю только дочь. — Едва я произнес эти слова, как лицо Бинго чудесным образом преобразилось. Он вспыхнул, как маков цвет, глаза едва не вывалились из орбит, а кадык запрыгал, словно каучуковый шарик на фонтанчике в тире.

— О, Берти! — сдавленным голосом простонал

он.

Я не на шутку испугался. Я знал, что он постоянно в кого-нибудь да влюбляется, но влюбиться в Гонорию Глоссоп, на это, по моим понятиям, был не способен даже он. На мой вкус, эта девица — чистая отрава. Этакая здоровенная, жутко интеллектуальная, энергичная особа — теперь таких девиц развелось в Англии видимо-невидимо. Она окончила Гертон, где не только развила свой мозг до кошмарных размеров, но и занималась всеми возможными видами спорта, в результате чего достигла физической формы профессионального борца средней весовой категории. Не удивлюсь, если окажется, что она выступала за университетскую команду по боксу. Едва она появляется на горизонте, мне хочется спуститься в подвал и затаиться до отбоя воздушной тревоги.

Тем не менее Бинго явно от нее без ума. Ясно как день. В глазах его сияло пламя Великой Любви.

— Я боготворю ее, Берти! Я благословляю землю, по которой она ступает, — громовым голосом затрубил несчастный; уверен, что его было слышно на другом конце зала. В бар только что зашел Фред Томпсон, потом еще пара знакомых, а Мак-Гарри — парень за стойкой — и вовсе слушал, разинув рот и развесив уши. Но не в привычках

Бинго скрывать свои чувства. Точь-в-точь герой оперетты, который, выйдя на середину сцены, собирает в кружок приятелей и во всю глотку распевает о своей любви.

— Ты ей уже об этом сказал?

— Нет, у меня не хватает духу. Мы каждый вечер гуляем вместе по парку, и когда она смотрит на меня… Знаешь, она похожа…

— На сержанта морской пехоты.

— Ничего подобного! На юную богиню.

— Одну секунду, старина, — сказал я. — Ты уверен, что мы говорим об одной и той же мисс Глоссоп? Ту, которую я имею в виду, зовут Гонория. Может быть, у нее есть сестра, о которой я не слышал?

— Ее имя действительно Гонория, — с дрожью благоговения в голосе подтвердил Бинго.

— И, на твой взгляд, она похожа на юную богиню?

— Похожа.

— Благослови тебя Бог! — сказал я.

— «Она идет во всей красе. Светла, как ночь ее страны. Вся глубь небес и звезды все в ее очах заключены». Еще один бутерброд с сыром, — сказал он бармену.

— Я гляжу, отсутствием аппетита ты не стра-

даешь!

— Это мой обед. В час пятьдесят должен встретить Освальда на вокзале Ватерлоо, чтобы успеть на обратный поезд. Я возил его к зубному врачу.

— Освальд? Это что — юный Глоссоп?

— Да. Поганец порядочный.

— Поганец? Кстати, я же сегодня обедаю с тетей Агатой. Извини, я поскакал, а не то опоздаю.

Я не виделся с тетей Агатой после той самой истории с жемчугом; и хотя и не предвкушал особого удовольствия от совместного пережевывания пищи, я был твердо уверен, что уж одной темы она, во всяком случае, не станет касаться — а именно темы семьи и брака. Если бы я сел в такую калошу, как тетя Агата в Ровиле, элементарный стыд не позволил бы мне даже заикаться об этом как минимум несколько месяцев.

Но, оказалось, я недооценивал женщин. В смысле бесстыдства. Вы не поверите — она, можно сказать, с этого начала. Клянусь! Не успели мы перекинуться парой фраз о погоде, как она не моргнув глазом ринулась в атаку.

— Берти, — сказала она. — Я много думала и окончательно поняла, что тебе совершенно необходимо жениться. Признаю — я жестоко ошиблась, доверившись той ужасной обман-

щице в Ровиле, но на этот раз ошибки быть не может. Мне посчастливилось найти для тебя именно такую невесту, как тебе нужно. Я недавно познакомилась с этой девушкой, но она из прекрасной семьи, так что тут не может быть никаких сомнений. К тому же она очень богата; для тебя, впрочем, это не важно. Главное, что это сильная, самостоятельная и благоразумная девушка, которая сможет уравновесить все твои многочисленные слабости и недостатки. Она с тобой знакома и, хотя, естественно, не одобряет твой образ жизни, относится к тебе с симпатией. Я в этом уверена, потому что уже прощупала почву — естественно, очень деликатно — и думаю, что стоит тебе сделать первый шаг…

— Кто она? — Мне следовало давно задать этот вопрос, но с перепугу у меня кусок булочки попал не в то горло, я посинел от недостатка кислорода и только теперь снова получил возможность нормально дышать. — Кто она?

— Гонория, дочь сэра Родерика Глоссопа.

— Нет, только не она! — закричал я, и щеки мои под здоровым летним загаром побледнели.

— Не глупи, Берти. Это как раз та жена, которая тебе требуется.

— Но послушайте…

— Она сформирует твой характер.

— Но я вовсе не хочу, чтобы кто-то формировал…

Тетя Агата взглянула на меня так, словно мне пять лет и она опять застукала меня с банкой джема в буфетной.

— Берти! Ради бога, не спорь, пожалуйста.

— Да, но я хочу сказать…

— Леди Глоссоп любезно пригласила тебя погостить в Диттеридж-Холле. Я сказала, что ты с удовольствием завтра же к ним приедешь.

— Мне очень жаль, но на завтра у меня чертовски важная встреча.

— Что еще за встреча?

— Ну… это…

— Нет у тебя никакой встречи. А если и есть, ты ее отменишь. И отправишься в Диттеридж-Холл, а не то, Берти, я очень сильно рассержусь.

— Ну, хорошо, хорошо, — сказал я.

Едва я расстался с тетей Агатой, как во мне проснулся бойцовский дух Вустеров. Как ни ужасна была нависшая надо мной угроза, я чувствовал почти что радостное возбуждение. Меня загнали в угол, но чем безнадежнее мое положение, тем слаще будет торжество над Дживсом, когда я сумею выпутаться из ловушки без малейшей

помощи с его стороны. Прежде я бы спросил у него совета и действовал в соответствии с его инструкциями; но после того, что я услышал на кухне, будь я проклят, если стану унижаться. Вернувшись домой, я как бы между прочим сказал:

— Знаете, Дживс, я попал в чертовски затруднительное положение.

— Мне очень жаль, сэр.

— Да, мое дело дрянь. По правде говоря, я на краю гибели, один на один с безжалостным роком.

— Если я могу вам чем-нибудь помочь, сэр…

— Нет, спасибо. Не стану вас беспокоить. Уверен, что сам справлюсь.

— Очень хорошо, сэр.

Тем все и кончилось. Другой на его месте принялся бы расспрашивать, что да как, но такой уж Дживс человек. Сама сдержанность во всем.

Когда я на следующий день приехал в Диттеридж, Гонорию я там не застал. Ее мать сказала, что она гостит у Брейтуэйтов и вернется завтра, а с ней вместе приедет и ее подруга, мисс Брейтуэйт. Еще она сообщила, что Освальда я найду в парке, и — что значит материнская любовь — это прозвучало так, словно присутствие ее чада служит к украшению парка и составляет едва ли

не главную его достопримечательность.

Неплохой у них там парк, в Диттеридже. Террасы, большой кедр посреди лужайки, кусты и небольшой, но живописный пруд с перекинутым через него каменным мостом. Выйдя в парк, я обогнул кустарник и заметил Бинго, который курил, прислонясь к перилам моста. На каменных перилах сидел с удочкой в руках некий представитель отряда несовершеннолетних — как я понял, это и был Освальд Моровая Язва.

Бинго был приятно удивлен моим приездом и представил меня мальчишке. Если тот и был приятно удивлен, то умело скрыл это, как заправский дипломат. Только взглянул на меня, слегка вздернул брови и продолжал удить. Видно было, что он из тех высокомерных юнцов, которые дают вам почувствовать, что школа, где вы учились, совсем не та и костюм на вас сидит плохо.

— Это Освальд, — сказал Бинго.

— Рад познакомиться, — приветливо произнес я. — Как поживаешь?

— Нормально, — ответил мальчик.

— У вас тут очень красиво.

— Нормально, — ответил мальчик.

— Хорошо клюет?

— Нормально, — ответил мальчик.

Бинго отвел меня в сторонку, чтобы мы могли спокойно пообщаться.

— Скажи, а у тебя никогда не звенит в ушах от беспрестанного щебета милого Освальда?

Бинго вздохнул.

— Да, это тяжкий труд.

— Что — тяжкий труд?

— Любить его.

— Так ты его любишь? — с удивлением спросил я. — Вот уж никогда бы не подумал, что такое возможно.

— Пытаюсь, — сказал Бинго. — Ради Нее. Берти, завтра Она приезжает!

— Так мне сказали.

— Она приезжает, любовь моя, моя…

— Да-да, конечно, — сказал я. — Но возвращаюсь к юному Освальду. Тебе что, приходится нянчиться с ним с утра до ночи? Я бы давно рехнулся!

— С ним не так много хлопот. После уроков он все время сидит здесь, на мосту, удит малявок.

— Отчего бы тебе не спихнуть его в пруд?

— Спихнуть в пруд?

— По-моему, это самое разумное, — сказал я, с неприязнью взглянув на оболтуса. — Может, наконец проснется и почувствует интерес к жизни.

Бинго тоскливо покачал головой.

— Очень заманчивое предложение, — сказал он. — Но, боюсь, неосуществимое. Видишь ли, Она никогда мне этого не простит. Она очень привязана к этому паршивцу.

— Ура! — воскликнул я. — Нашел! — Не знаю, знакомо ли вам это чувство, когда вас вдруг осеняет гениальная идея и дрожь бежит вниз по позвоночнику от мягкого, как теперь носят, воротничка до самых подошв? Дживс наверняка испытывает это чувство по нескольку раз на дню, но на меня оно нисходит довольно редко. И вот сейчас я услышал, словно чей-то голос возвестил: «Вот оно!» Я схватил руку Бинго выше локтя с такой силой, что ему, наверное, показалось, будто его укусила лошадь. Тонкие черты его лица исказила гримаса страдания, и он поинтересовался, какого черта я решил отрабатывать на нем приемы джиу-джитсу.

— Что бы сделал Дживс? — спросил я у Бинго.

— В каком смысле, «что бы сделал Дживс»?

— Что бы он посоветовал в такой ситуации? Тебе нужно произвести впечатление на Гонорию Глоссоп, верно? Так вот, если хочешь знать, он посоветовал бы тебе спрятаться вон за тем кустом, а мне — заманить Гонорию к мосту и в условлен-

ный момент дать мальчишке крепкого пинка пониже спины, чтобы он слетел с моста в воду. После чего ты прыгаешь за ним и вытаскиваешь его из воды на берег. Ну, что скажешь?

— Берти… не может быть, чтобы ты сам до этого додумался, — почтительным шепотом выдохнул Бинго.

— Сам. Не у одного Дживса рождаются гениальные мысли.

— Но это же бесподобно!

— Хотелось тебе помочь.

— Единственное, что меня смущает, это в каком ты окажешься положении. Я хочу сказать — допустим, этот чертов мальчишка успеет оглянуться и всем расскажет, что ты нарочно столкнул его в пруд. Ты можешь на всю жизнь испортить отношения с Ней.

— Я готов даже на это.

Видно было, что он глубоко тронут.

— Берти, это так благородно с твоей стороны!

— Ну, что ты.

Он молча пожал мне руку, а потом хмыкнул — звук был такой, как будто последние капли воды, булькнув, ушли в отверстие ванны.

— Что тебя так развеселило?

— Я вдруг представил себе, — сказал Бинго, —

какой дурацкий вид будет у мокрого Освальда. О господи, что за счастливый день!

Глава 6
Награда герою

Вы замечали, что совершенство никогда не бывает полным? Вот и в моем великолепном во всех прочих отношениях плане был один небольшой изъян: Дживс не увидит меня в деле. Однако в остальном мой замысел был безупречен. Главное, тут невозможны никакие сбои и накладки. Знаете, как бывает, когда требуется, чтобы некто А прибыл в пункт Бэ в ту самую минуту, когда некто Цэ находится в точке Дэ. Обязательно где-нибудь что-то да сорвется. Возьмем, к примеру, генерала, планирующего крупное наступление. Он приказывает одному полку занять холм с ветряной мельницей точно в тот момент, когда другой полк овладеет плацдармом, или еще чем-то там, в долине; на деле, однако, все идет наперекосяк. Вечером генерал собирает офицеров, и командир первого полка говорит: «Ах, извините! Разве вы сказали «холм с мельницей»? А мне послышалось «холм, где пасется стадо овец». Вот так-то. Но в данном случае нам ничего подобного не грозит, потому что Освальд и Бинго непременно будут

находиться там, где требуется, так что мне оставалось лишь своевременно заманить туда Гонорию. И я прекрасно, с первого же захода, справился со своей задачей: предложил ей прогуляться со мной по парку, намекнув, что мне необходимо сообщить ей нечто важное.

Она прикатила на автомобиле сразу же после обеда, вместе с дочерью Брейтуэйтов. Гонория меня ей представила — подруга оказалась довольно высокой блондинкой с голубыми глазами. Мне она даже понравилась: полная противоположность Гонории, будь у меня побольше времени, я бы с удовольствием с ней поболтал. Но дело — прежде всего: мы договорились, что Бинго заступит на свой пост за кустом ровно в три, поэтому я поспешил увести Гонорию в парк и как бы невзначай начал подгребать вместе с ней в сторону пруда.

— Вы сегодня так молчаливы, мистер Вустер, — сказала она.

Я вздрогнул от неожиданности — так глубоко я ушел в свои мысли о предстоящей операции. Мы приближались к пруду, и я зорким оком оглядывал поле предстоящего боя. Пока все шло по плану. Юный Освальд, сгорбившись, восседал на перилах моста, Бинго не было видно, из чего

я заключил, что он уже в засаде. На моих часах было две минуты четвертого.

— Что? — переспросил я. — Извините. Я просто задумался.

— Вы говорили, что вам необходимо сообщить мне что-то важное?

— Совершенно верно, — сказал я, решив, что не мешает взрыхлить почву для Бинго. Я имею в виду, не называя его по имени, приготовить барышню к мысли, что на свете есть человек, который — как это ни удивительно — давно любит ее издали, и все такое прочее. — Дело вот в чем, — сказал я. — Вы, может быть, удивитесь, но один человек в вас страшно влюблен и так далее — ну, один мой друг.

— Ах, вот как — друг?

— Да.

Она рассмеялась.

— Что же он мне сам об этом не скажет?

— Такой уж он человек. Ужасно робкий, застенчивый. Никак не может набраться смелости. Считает, что вы настолько выше его, ну, вы понимаете… Смотрит на вас как на божество. Благословляет землю, по которой вы ступаете, но ему не хватает пороху вам об этом сказать.

— Очень любопытно.

— Да. Он по-своему неплохой парень. Вообще-то осел, каких мало, но славный малый. Вот такие, значит, дела. Просто имейте это в виду, ладно?

— Господи, какой вы смешной!

Она откинула голову назад и расхохоталась. Смех у нее был зычный. Что-то вроде грохота товарного поезда в туннеле. На мой вкус — не слишком музыкальный, и юному Освальду он, как видно, тоже пришелся не по душе. Он оглянулся на нас с нескрываемой неприязнью.

— Какого черта вы тут разорались, — сказал он. — Всю рыбу распугаете.

Его замечание несколько сбило высокий романтический строй нашей беседы. Гонория переменила тему.

— Меня беспокоит, что Освальд сидит на перилах, — сказала она. — По-моему, это опасно. Он может свалиться в воду.

— Пойду скажу ему, — предложил я.

Меня отделяло от Освальда всего пять ярдов, но мне казалось, что все сто. Я шел, и мне чудилось, что в моей жизни уже было нечто подобное. Я даже вспомнил, что это было. Много лет назад, в одном загородном доме, меня уговорили сыграть роль дворецкого в любительском благотворительном спектакле в пользу кого-то или чего-то

там, сейчас уже не помню. Так вот, в самом начале спектакля я должен был пройти через всю сцену слева направо и поставить на стол поднос. На репетиции мне объяснили, чтобы я ни в коем случае не старался пройти дистанцию в максимальном темпе и что мой проход не должен походить на финишный спурт в состязаниях по спортивной ходьбе. В результате я изо всех сил жал на тормоза, и мне казалось, что я никогда не дойду до этого чертова стола. Сцена превратилась в бескрайнюю пустыню, а в зале стояла такая мертвая тишина, словно вся Вселенная следит за мной затаив дыхание. Точно так я чувствовал себя и теперь. Во рту пересохло от страха, мне казалось, что с каждым шагом проклятый мальчишка отодвигается от меня все дальше и дальше, как вдруг, каким-то чудом, я оказался прямо у него за спиной.

— Привет, — сказал я с болезненной улыбкой, которую, впрочем, он не мог оценить, поскольку не потрудился обернуться, а лишь раздраженно повел левым ухом. Мне еще не приходилось встречать человека, которому было бы на меня настолько наплевать.

— Привет, — повторил я. — Рыбачишь?

И с нежностью старшего брата я положил руку

ему на плечо.

— Эй, поосторожнее, — сказал он и покачнулся на узких перилах.

В таких случаях надо действовать без промедления. Я закрыл глаза и толкнул его в спину. Послышались странные звуки, будто кошка точит когти о перила моста, кто-то взвизгнул у меня за спиной, раздался сдавленный возглас, потом громкий всплеск.

Я открыл глаза. Мальчишка как раз только что вынырнул на поверхность.

— На помощь! — закричал я, кося глазом на куст, из-за которого по плану должен был выскочить Бинго.

Но тщетно. Никакой Бинго ни из-за какого куста и не думал выскакивать.

— Скорее! Помогите! — еще громче протрубил я.

Вам, наверное, уже надоели воспоминания о моей театральной карьере, но я все же вернусь к тому эпизоду, когда я исполнял роль дворецкого. По пьесе предполагалось, что, когда я поставлю поднос на стол, на сцене должна появиться героиня, прощебетать несколько слов и отослать меня прочь. Но бедная женщина забыла, что дальше ее выход, и не встала наготове за кулисами — пока

ее нашли и вытолкали на сцену, прошла целая минута. И все это время я вынужден был стоять столбом и ждать. Отвратительное состояние, можете мне поверить, и вот сейчас я испытывал нечто подобное, только еще хуже. Теперь я понял, что имеют в виду литераторы под выражением «время словно остановилось».

Между тем юный Освальд погибал ни за грош во цвете лет, и мне стало ясно, что пора принимать срочные меры. Не то чтобы я успел к нему так уж сильно привязаться, но не смотреть же, как его поглотит пучина. С моста вода казалась на редкость грязной и холодной, но куда деваться? Я сбросил пиджак и сиганул через перила.

Вы замечали, что вода почему-то гораздо мокрее, если ныряешь в одежде; отчего — не знаю, но можете мне поверить. Я пробыл под водой секунды три, не более, но всплыл с ощущением, что мое тело, как пишут в криминальной хронике, «очевидно, находилось в воде несколько суток». Я чувствовал себя распухшим и липким.

В довершение всех бед дело приняло неожиданный оборот. Я полагал, что, как только вынырну, сразу же храбро схвачу мальчишку за шиворот и отбуксирую к берегу. Но он и не думал дожидаться, пока его отбуксируют. Когда я отфыркался

и смог наконец снова различать, что происходит вокруг, то увидел, что он уже в десяти ярдах впереди меня и движется на всех парах по направлению к берегу австралийским кролем. У меня упало сердце. Ведь суть спасательной операции состоит в том, что спасаемый находится в беспомощном положении и в одном месте. Если он в состоянии плыть сам, да еще может дать вам сорок ярдов форы на стоярдовой дистанции, то на кой черт ему ваше спасение? Вся затея теряет смысл. Мне оставалось только плыть к берегу. И я поплыл к берегу. К тому моменту, когда я ступил на твердую сушу, мальчишка был уже на полпути к дому. Короче говоря, с какой стороны ни глянь, затея моя закончилась полным провалом.

Мои размышления прервал звук, похожий на грохот проносящегося под мостом Шотландского экспресса. Это смеялась Гонория Глоссоп. Она стояла рядом со мной и смотрела на меня с каким-то странным выражением.

— Ах, Берти, какой вы смешной! — сказала она. Ее слова пробудили в моей душе тоскливые предчувствия. Прежде она никогда не обращалась ко мне иначе, как «мистер Вустер». — И какой мокрый!

— Да, я промок.

— Бегите скорее в дом и переоденьтесь.

— Хорошо.

Я отжал несколько галлонов воды из прилипшей к телу одежды.

— Нет, все-таки вы ужасно смешной, — повторила она. — Сначала делаете предложение таким необычным окольным образом, а потом сталкиваете Освальда в пруд, чтобы затем спасти и произвести на меня впечатление…

Я уже достаточно освободил органы дыхания от воды, чтобы возразить и вывести ее из этого пагубного заблуждения.

— Нет-нет, вам показалось!

— Брат сказал, что вы его нарочно столкнули, да я и сама видела. Я нисколько на вас не сержусь за это, Берти. Это так мило с вашей стороны. Но, думаю, мне пора всерьез вами заняться. За вами нужен глаз да глаз. Вы смотрите слишком много кинофильмов. В следующий раз еще надумаете поджечь дом, чтобы вынести меня из огня. — Она окинула меня хозяйским взглядом. — Думаю, мне удастся сделать из вас что-то путное, — сказала она. — Конечно, ваша жизнь до встречи со мной прошла впустую, но вы еще молоды, и в вас есть много хорошего.

— Нет-нет… во мне нет абсолютно ничего хо-

рошего.

— Есть, Берти. И это скоро проявится. А сейчас бегите скоренько домой и переоденьтесь, а не то простудитесь.

В голосе ее прозвучали материнские нотки, которые яснее слов сказали мне, что я пропал.

Я переоделся и, когда спускался по лестнице, столкнулся с Бинго, у него был какой-то странный, восторженный вид.

— Берти, — проговорил он. — Как хорошо, что я тебя встретил. Случилась удивительная вещь!

— Скотина! — вскричал я. — Куда ты делся? Ты знаешь, что…

— А, это ты насчет того, что меня не было там, в кустах? Я просто не успел тебя предупредить. Все отменяется.

— Что отменяется?

— Берти, я как раз направлялся к пруду, чтобы спрятаться в условленном месте, когда произошло нечто необыкновенное. Я шел по лужайке и вдруг увидел самую прекрасную, самую изумительную девушку на свете. Другой такой просто нет! Берти, ты веришь в любовь с первого взгляда? Ведь ты же веришь, я знаю, Берти, старик, ты не можешь не верить! Как только я на нее взглянул, меня потянуло к ней как магнитом. Я

забыл обо всем на свете. Мне показалось, что мы одни в мире, полном музыки и солнца. Я подошел к ней. Я заговорил с ней. Ее зовут мисс Брейтуэйт, Берти, — Дафна Брейтуэйт. Как только наши взгляды встретились, я понял, что чувство, которое я принимал за любовь к Гонории Глоссоп, было лишь минутным увлечением. Берти, ведь ты же веришь в любовь с первого взгляда, верно? Она такая изумительная, такая добрая. Похожа на юную богиню…

Я молча повернулся и ушел к себе в комнату.

Два дня спустя я получил письмо от Дживса.

«Погода, — писал он, — по-прежнему стоит превосходная. Сегодня я искупался с особенным удовольствием».

Я горько рассмеялся и спустился в гостиную, где меня ждала Гонория. Она собиралась почитать мне вслух Рескина.

Глава 7
На сцене появляются Клод и Юстас

Гром среди ясного неба грянул ровно в час сорок пять пополудни. Спенсер, дворецкий тети Агаты, поставил на стол блюдо с жареным картофелем, как вдруг Гонория сказала нечто, заставившее меня подпрыгнуть на месте и катапультировать ложкой шесть кусков картошки прямо на буфет. Я был потрясен до глубины души.

Заметьте, что моя нервная система к этому времени была сильно расшатана. Вот уже две недели, как я был помолвлен с Гонорией Глоссоп, и не проходило дня без того, чтобы она не пыталась меня «формировать», как выражается тетя Агата. Я до рези в глазах читал мудреные книжки; бок о бок мы прошагали не менее сотни миль по залам картинных галерей; и вы никогда не поверите, какое количество концертов классической музыки мне пришлось за это время прослушать. Естественно, я был не в состоянии стойко держать удар, тем более удар столь сокрушительной силы. Гонория затащила меня на обед к тете Агате, и я в отчаянии твердил про себя: «Смерть,

ну где твое спасительное жало!» — и вдруг как обухом по голове.

— Берти, — внезапно произнесла она с таким видом, словно ей только сейчас это пришло в голову. — Этот ваш слуга — как его…

— Слуга? Дживс, а что?

— По-моему, он оказывает на вас дурное влияние, — сказала Гонория. — Когда мы поженимся, вам придется от него избавиться.

Вот тут я и запулил ложкой шесть отменных поджаристых ломтиков картофеля на буфет, а Спенсер кинулся за ними с проворством хорошо натасканного ирландского сеттера.

— Избавиться от Дживса? — Я задохнулся от возмущения.

— Да. Он мне не нравится.

— И мне он не нравится, — сказала тетя Агата.

— Но это невозможно. Я… да я и дня не смогу прожить без Дживса.

— Придется, — сказала Гонория. — Мне он положительно не по нутру.

— И мне он положительно не по нутру, — сказала тетя Агата. — Я давно об этом твержу.

Жуть, верно? Я всегда подозревал, что брак связан с лишениями, но мне и в кошмарном сне не могло присниться, что он сопряжен со столь

страшными жертвами. До конца обеда я пребывал в полуобморочном состоянии.

Предполагалось, что после обеда я буду сопровождать Гонорию в качестве носильщика по магазинам на Риджент-стрит. Однако, когда она поднялась, чтобы идти, прихватив меня и прочие предметы экипировки, тетя Агата ее остановила.

— Поезжайте одна, дорогая, — сказала она. — Мне нужно кое о чем поговорить с Берти.

В результате Гонории пришлось отправиться за покупками без меня. Как только она ушла, тетя Агата подсела ко мне поближе.

— Берти, — сказала она. — Милая Гонория ничего об этом пока не знает, но на пути к вашему браку возникло небольшое препятствие.

— Да что вы? Не может быть! — воскликнул я, ослепленный внезапно блеснувшим лучом надежды.

— О, ничего серьезного, разумеется. Всего лишь досадное недоразумение. Дело в сэре Родерике.

— Решил, что поставил не на ту лошадь? Собирается аннулировать ставку? Что ж, наверное, он прав.

— Умоляю, перестань молоть чушь, Берти. Это вовсе не так серьезно. Просто профессия сэра Родерика заставляет его быть… ну… сверхосто-

рожным.

— Сверхосторожным? — не понял я.

— Ну да. Полагаю, это неизбежно. У специалиста по нервным болезням со столь обширной практикой поневоле должно сложиться несколько искаженное представление о людях.

Теперь до меня стало наконец доходить, к чему она клонит. Сэра Родерика Глоссопа, отца Гонории, обычно называют специалистом по нервным болезням, хотя на самом деле все прекрасно знают, что большинство его клиентов — самые настоящие психи. Если ваш дядюшка-герцог начинает заговариваться и вы, войдя в Голубую гостиную, обнаружите, что у него солома в волосах, вы вызываете папашу Глоссопа. Он является, с глубокомысленным видом осматривает больного, долго разглагольствует насчет перенапряжения нервной системы и рекомендует полный покой, уединение и прочую чепуху. В Англии нет благородного семейства, которое бы раз-другой не прибегало к услугам сэра Родерика, и надо полагать, что такое занятие — когда изо дня в день заговариваешь пациентам зубы, пока любящие родственники вызывают санитарную карету из желтого дома — действительно способствует формированию «несколько искаженного

представления о людях».

— Ты хочешь сказать, он считает меня чокнутым, а ему не нужен чокнутый зять? — спросил я.

Моя способность схватывать все на лету почему-то только раздражила тетю Агату.

— Глупости, ничего подобного он, разумеется, не считает. Я же тебе говорю — он просто сверхосторожный человек. Хочет убедиться, что ты абсолютно нормален. — Тут она на некоторое время замолчала, потому что Спенсер принес кофе. Когда он ушел, она продолжила свою мысль: — Ему рассказали какую-то немыслимую историю, будто ты столкнул его сына Освальда в пруд в Диттеридже. Разумеется, это неправда — на такое даже ты не способен.

— Я просто к нему прислонился, а он возьми да и свались с моста.

— Освальд настаивает, что ты его нарочно спихнул. Сэра Родерика это не может не беспокоить, он начал наводить справки и узнал про бедного дядю Генри.

Она посмотрела на меня, и я скорбно отхлебнул кофе. Мы заглянули в старый домашний шкаф с фамильным скелетом. Мой покойный дядя Генри — темное пятно на гербе Вустеров. Симпатичный

такой старикан, я к нему хорошо относился, когда я учился в школе, он щедро подкидывал мне на карманные расходы. Но за ним и в самом деле водились кое-какие странности: например, он держал у себя в спальне одиннадцать ручных кроликов и, конечно, в строгом смысле слова, был не в своем уме. Если уж совсем начистоту, жизнь свою он закончил в соответствующем заведении, совершенно счастливый в окружении бесчисленных кроликов.

— Все это просто нелепо, потому что если кто-то в семье и мог унаследовать эксцентричность бедного Генри — а это была не более чем эксцентричность, — так Клод и Юстас, а в Лондоне трудно найти других таких умных молодых людей.

Клод и Юстас — близнецы, учились когда-то в той же школе, что и я, но были в начальных классах, когда я уже завершал свое образование. И, помнится, в то время слово «умный» к ним нельзя было применить даже с очень большой натяжкой. Последний триместр я был занят почти исключительно тем, что помогал им выпутываться из бесчисленных скандальных историй.

— Ты посмотри, какой у них успех в Оксфорде. Твоя тетя Эмили на днях получила письмо от Кло-

да, где он сообщает, что они надеются вступить в очень престижный клуб, который называется «Искатели».

— «Искатели»? Не помню, чтобы в Оксфорде был клуб с таким названием. И что же они, интересно, ищут?

— Об этом он не пишет. Истину или знания, я полагаю. Видимо, это очень аристократический клуб: Клод упомянул, что вместе с ним в члены клуба баллотируется лорд Рейнсби, сын графа Дачета. Однако мы отклонились от темы. Я хотела сказать, что сэр Родерик желал бы переговорить с тобой наедине в спокойной обстановке. Я надеюсь, Берти, что ты проявишь… я не скажу «весь свой ум», но по крайней мере благоразумие. Постарайся обойтись без идиотских смешков, не пялься на него с остекленелым выражением лица, как ты имеешь обыкновение; не зевай во весь рот и не дергайся, как паяц. И не забудь, что сэр Родерик состоит в «Лиге борьбы с азартными играми» — он президент отделения в Западном Лондоне, — так что не заводи с ним разговоры о скачках. Завтра, в час тридцать, он придет к тебе на обед. Имей в виду, что он не пьет вина, категорически против курения и ест только самую простую пищу из-за проблем с пищеварением. И

не предлагай ему кофе — он считает кофе причиной половины нервных заболеваний.

— Должно быть, собачьи сухарики и стакан воды будут ему в самый раз.

— Берти!

— Шучу, шучу…

— Вот благодаря таким идиотским шуточкам у сэра Родерика и могут зародиться сомнения в твоей умственной полноценности. Пожалуйста, постарайся воздержаться от этого твоего игривого тона в его присутствии. Он очень серьезный человек. … Ты уже уходишь? Запомни все, что я сказала. Я на тебя полагаюсь, и если ты все испортишь, я тебе этого никогда не прощу.

— Ладно, — сказал я.

И побежал домой — впереди меня ждал целый день свободы.

На следующий день я позавтракал очень поздно, а потом вышел пройтись. Я решил принять все меры, чтобы привести голову в нормальное состояние, а свежий воздух рассеивает туман, окутывающий мой мозг в первые несколько часов после пробуждения. Я побродил по парку, повернул назад и уже дошел до Гайд-парк-Корнер, когда кто-то хлопнул меня промеж лопаток. Я оглянулся и увидел кузена Юстаса. Он шел под

руку с двумя другими бездельниками: с краю шагал его брат Клод, а в середине — какой-то тип с розовой, как у поросенка, физиономией, редкими волосами и виноватым выражением лица.

— Берти, старичок! — радостно воскликнул Юстас.

— Привет, — ответил я, впрочем, без особого воодушевления.

— Какая фантастическая удача — встретить в Лондоне единственного человека, который может нас накормить в соответствии с нашими утонченными вкусами. Кстати, ты ведь не знаком с Песьим Носом? Песий Нос — это мой кузен Берти. Лорд Рейнсби — мистер Вустер. Мы только что заходили к тебе на квартиру. Ужасно жалели, что тебя не застали, но старина Дживс оказал нам самый радушный прием. Этому малому просто цены нет. Береги его, Берти.

— А что вы делаете в Лондоне? — поинтересовался я.

— Так, просто болтаемся. Заскочили ненароком. Что называется, с кратким неофициальным визитом. Отчаливаем в три десять. Так как же насчет обеда, которым ты так любезно вызвался нас угостить: куда мы пойдем? В «Ритц»? В «Савой»? В «Карлтон»? А если ты состоишь членом в «Сайро»

или в «Эмбасси», то тоже неплохо.

— Нет, сегодня ничего не получится. У меня деловая встреча. Господи, я уже опоздал! — Я подозвал такси. — Как-нибудь в другой раз.

— Тогда как мужчина мужчине: не одолжишь пятерку?

Мне некогда было с ним препираться. Я отстегнул ему пять фунтов и нырнул в машину. Когда я ввалился в квартиру, было уже без двадцати два. Я ринулся в гостиную — комната была пуста.

Из глубин кухни выплыл Дживс.

— Сэр Родерик еще не прибыл, сэр.

— Слава богу, — сказал я. — Я боялся, что он уже раскрошил всю мебель от злости. — По своему опыту могу вам сказать: чем меньше вы жаждете видеть гостя, тем он пунктуальнее. Я уже мысленно представлял себе, как сэр Родерик, постепенно закипая, мерит шагами ковер в гостиной. — Ну как, все готово?

— Смею надеяться, что вы останетесь довольны, сэр.

— Чем собираетесь нас кормить?

— Консоме, телячья отбивная и лимонный сок с содовой.

— Ну что ж, я не вижу тут ничего, что представляет опасность для самого деликатного желудка.

Главное, чтобы вы не забылись и сгоряча не притащили нам кофе.

— Нет, сэр.

— И следите, чтобы у вас не было на лице остекленелого выражения, а не то оглянуться не успеете, как окажетесь в обитой войлоком палате.

— Хорошо, сэр.

В прихожей задребезжал звонок.

— Все по местам, Дживс, — сказал я. — Ну, с богом!

Глава 8
Сэр Родерик приходит обедать

Мне, разумеется, и прежде приходилось встречаться с сэром Родериком Глоссопом, но всегда в присутствии Гонории; а одно из удивительных свойств Гонории состоит в том, что всякий, находящийся с ней в одном помещении, отчего-то кажется меньше и незначительнее, чем на самом деле. До сегодняшнего дня я не подозревал, что у старикана чертовски впечатляющая внешность. Косматые брови придают его взгляду пронзительное выражение, особенно неприятное натощак. Роста он высокого, сложения массивного, но больше всего поражает его огромная голова, фактически лишенная растительности, отчего она выглядит еще огромней и походит на купол собора Святого Павла. Думаю, он носил шляпу девятого размера, не меньше. Это доказывает, что слишком развивать свои мозги опасно.

— Салют! Салют! Салют! — прокричал я, стараясь создать атмосферу непринужденности и радушия, но тут же спохватился, что тетя Агата как раз от этого меня и предостерегала. Чертов-

ски трудно в такой ситуации с самого начала задать правильный тон: в смысле приветствий возможности у обитателя городской квартиры весьма ограничены. Будь я молодым помещиком и владельцем загородного дома, я мог бы приветствовать гостя какой-нибудь звучной фразой, вроде «Добро пожаловать в усадьбу «Райские кущи». Но ведь не скажешь же: «Добро пожаловать в квартиру 6а, дом Крайтона по Беркли-стрит».

— Кажется, я немного опоздал, — произнес сэр Родерик, когда мы сели за стол. — Меня задержал лорд Алистер Хангерфорд, сын герцога Рамферлайна. Он пожаловался, что у его милости снова возобновились симптомы, доставившие в свое время столько огорчений его близким. Я не мог уйти, не переговорив с ним. Это и явилось причиной моей непунктуальности, которая, надеюсь, не причинила вам слишком больших хлопот.

— Ну что вы, вовсе нет! Так вы говорите, герцог снова слетел с катушек?

— Признаюсь, я бы не решился употребить столь эмоционально окрашенное выражение, говоря о старейшине одного из самых знатных семейств Англии, но не могу не согласиться с вами, что в данном случае наблюдается значительная расторможенность отдельных мозговых цен-

тров. — Он вздохнул — насколько это возможно проделать, одновременно пережевывая телячью отбивную. — Моя профессия требует огромных душевных сил.

— Могу себе представить!

— Порой я просто в отчаянии от того, что мне приходится видеть. — Он вдруг замолчал и насторожился. — Вы держите кошку, мистер Вустер?

— Что? Кошку? Нет, никаких кошек.

— Я со всей определенностью слышал мяуканье кошки — либо в этой комнате, либо где-то совсем близко от того места, где мы с вами находимся.

— Вероятно, это автомобили на улице.

— Боюсь, я не совсем вас понимаю.

— Ну, знаете, как гудят автомобили. Иногда здорово смахивает на кошачьи вопли.

— Никогда не замечал подобного сходства, — холодно сказал он.

— Позвольте предложить вам лимонного сока с содовой, — сказал я. Разговор явно не клеился.

— Спасибо. Полстакана, пожалуйста. — Эта дьявольская смесь, видимо, его несколько успокоила, потому что он заговорил более дружелюбным тоном: — Видите ли, я испытываю к кошкам непреодолимое отвращение. Так что, бишь, я говорил? Ах да, иногда я решительно прихожу

в отчаяние от того, что вижу вокруг. Речь идет не только о моей медицинской практике, хотя и тут, конечно, многое удручает. Я имею в виду то, что приходится ежедневно наблюдать на улицах Лондона. Порой мне кажется, что большую часть населения планеты составляют люди психически неуравновешенные. Не далее как сегодня утром, по дороге в клуб, случилась совершенно беспрецедентная и весьма неприятная история. По случаю теплой погоды я приказал шоферу поднять верх и откинулся на сиденье, пользуясь приятной возможностью погреться на солнце, как вдруг движение остановилось из-за затора, как это нередко случается в Лондоне вследствие перегруженности центральных транспортных магистралей.

Видимо, я задумался и немного отвлекся: когда он сделал паузу, чтобы глотнуть лимонного сока с содовой, мне показалось, будто я на митинге и надо как-то отреагировать.

— Правильно! Правильно! — воскликнул я.

— Простите?

— Нет, ничего. Так вы говорили…

— Автомобили, движущиеся в противоположном направлении, тоже остановились, но вскоре возобновили движение. Я сидел, погрузившись

в свои мысли, когда произошло нечто совершенно из ряда вон выходящее: у меня с головы внезапно сорвали шляпу! Оглянувшись, я успел заметить, как кто-то издевательски машет мне моей шляпой с заднего сиденья такси, которое воспользовалось освободившимся проездом и скрылось из виду.

Я не расхохотался, но это стоило таких усилий, что я явственно услышал, как затрещали нижние ребра.

— Наверное, кто-то просто пошутил, — сказал я.

Мое объяснение его явно не удовлетворило.

— Смею надеяться, — сказал он, — я не обделен способностью воспринимать юмор, но мне трудно найти в этой безобразной выходке что-то, хотя бы отдаленно похожее на веселую шутку. Вне всякого сомнения, эти действия совершены психически неуравновешенным субъектом. Психические отклонения могут проявляться в самых неожиданных формах. Например, герцог Рамферлайн, о котором я уже упоминал сегодня в нашем разговоре, считает, но это, разумеется, строго между нами, что он — канарейка, и приступ, так огорчивший лорда Алистера, случился у него из-за нерадивого лакея, который забыл

принести ему утром кусочек сахара. Нередки случаи, когда больные подстерегают женщин, чтобы отрезать у них прядь волос. Склонен предположить, что напавший на меня сегодня субъект страдает манией, относящейся именно к этому виду. Могу лишь надеяться, что он будет помещен под надлежащий врачебный контроль прежде, чем… Мистер Вустер, где-то поблизости все же есть кошка! Это уже не на улице! Я уверен, что мяуканье слышится из соседней комнаты.

Должен признаться, что теперь и у меня не оставалось на этот счет никаких сомнений. Из спальни совершенно явственно доносились кошачьи вопли. Я нажал кнопку звонка, и в комнату вплыл Дживс, всем своим видом выражая почтение и преданность.

— Сэр?

— Вот что, Дживс, — сказал я. — Я насчет кошек. У нас что, в квартире кошки?

— Только те три, что в вашей спальне, сэр.

— Что?

— Кошки в спальне? — простонал сэр Родерик, и глаза его впились в меня, точно два буравчика.

— Ничего не понимаю, — сказал я. — Какие еще три кошки?

— Черная, полосатая и маленькая светло-ры-

жая, сэр.

— Какого черта…

Я вскочил и бросился вокруг стола к двери. На беду, сэр Родерик тоже рванул к двери, обегая стол в противоположном направлении. В результате мы на всем скаку столкнулись в дверях и, обнявшись, вместе ввалились в прихожую. Он проворно вышел из клинча и схватил стоявший у вешалки зонт.

— Не подходите! — закричал он, замахиваясь зонтом. — Не подходите, сэр! Я вооружен!

Я решил, что пора приступать к мирным переговорам.

— Ужасно сожалею, что налетел на вас, — сказал я. — Я не нарочно. Я просто решил сбегать посмотреть, что происходит в спальне.

Он немного успокоился и опустил зонт. Но в этот миг в комнате грянул душераздирающий кошачий концерт. Словно все кошки Лондона плюс делегаты из близлежащих пригородов собрались вместе, чтобы раз и навсегда разрешить свои разногласия. Что-то вроде сводного кошачьего хора и оркестра.

— Что за несносный шум, — завопил сэр Родерик. — Я не слышу даже собственного голоса!

— Осмелюсь высказать предположение, сэр, —

почтительно сказал Дживс, — что животные пришли в столь сильное возбуждение, поскольку обнаружили рыбу под кроватью мистера Вустера.

Старик пошатнулся.

— Рыбу? Я не ослышался?

— Сэр?

— Вы сказали, что у мистера Вустера под кроватью рыба?

— Да, сэр.

Сэр Родерик издал слабый стон и, ни слова не говоря, схватил шляпу и трость.

— Как, вы уже уходите? — спросил я.

— Да, мистер Вустер, ухожу! Предпочитаю проводить досуг не в столь эксцентрическом обществе.

— Но постойте! Я пойду с вами. Уверен, что сумею вам все объяснить. Мою шляпу, Дживс.

Дживс протянул мне шляпу. Я ее сразу же надел… И, о ужас! Прямо чуть не утонул в ней, представляете? Еще надевая, я почувствовал, что она какая-то слишком просторная, но стоило опустить руки, как она села мне прямо на плечи, точно ведро.

— Эй! Это же не моя шляпа!

— Шляпа моя, — произнес сэр Родерик таким

ядовитым тоном, какого мне в жизни не доводилось слышать. — Это та самая шляпа, которую с меня сорвали сегодня утром.

— Но…

Возможно, Наполеон или кто-нибудь вроде него на моем месте не растерялся бы, но для меня это было уже слишком: я впал в оцепенение и стоял, выпучив глаза. А старик Глоссоп снял с меня шляпу и сказал Дживсу:

— Я бы попросил вас, любезнейший, выйти со мной на пару минут. Мне нужно кое о чем вас спросить.

— Хорошо, сэр.

— Но послушайте… — забормотал было я, но Глоссоп повернулся и торжественно вышел в сопровождении Дживса. Тут кошачий концерт в спальне грянул с новой силой.

Пора было положить этому конец. Ни с того ни с сего у тебя в спальне появляются кошки — куда это годится? Как эти чертовы твари туда попали, я понятия не имел, но был полон решимости немедленно прекратить их затянувшееся пиршество. Я распахнул дверь — на полу посреди комнаты сцепились в клубок штук сто кошек всех цветов и раскрасок, в следующее мгновение они прыснули друг за дружкой мимо меня из

квартиры, а в спальне осталась только рыбья голова внушительных размеров — она валялась на ковре и строго взирала на меня, словно требуя извинения в письменной форме.

Укоризненное выражение на морде злосчастной рыбины меня окончательно доконало: я на цыпочках вышел из спальни и закрыл за собой дверь, но при этом наткнулся спиной еще на кого-то.

— Ах, простите, — произнес этот кто-то.

Я повернулся и увидел того самого малого с розовой физиономией, которого я встретил сегодня утром в компании Клода и Юстаса — лорд Как-его-там.

— Послушайте, — извиняющимся тоном сказал он. — Неловко вас беспокоить, но это не мои кошки пробежали сейчас вниз по лестнице? Похожи на моих.

— Они выбежали из моей спальни.

— Тогда это точно мои, — печально сказал он. — Проклятие!

— Так это вы запустили туда кошек?

— Нет, это ваш слуга. Он любезно предложил подержать кошек в спальне до нашего отъезда. Я как раз пришел их забрать. А они сбежали. Ну что ж, ничего не поделаешь. В таком случае я заберу

рыбу и шляпу.

Этот тип нравился мне все меньше и меньше.

— Так эту чертову рыбу тоже вы приволокли?

— Нет, рыбу — это Юстас. А шляпу оставил Клод.

Я без сил опустился в кресло.

— Послушайте, вы не объясните, зачем?

На розовом лице юного лорда выразилось удивление.

— Так вы ничего не знаете? Вот так дела! — Он густо покраснел. — Что ж, в таком случае понятно, почему все это кажется вам несколько странным.

— Странным — это по меньшей мере.

— Видите ли, это все для «Искателей».

— «Искателей»?

— Ну да, это такой новый классный клуб в Оксфорде, мы с вашими кузенами хотим в него вступить. Для того чтобы тебя приняли в клуб, нужно что-то украсть. Ну, на память. Скажем, каску у полицейского или дверной молоток, словом, вы понимаете. Раз в год, во время торжественного ужина, устраивается выставка украденных предметов, каждый произносит по этому поводу речь и все такое. В общем, здорово весело. Мы решили раздобыть что-нибудь по-

эффектнее и специально приехали для этого в Лондон, надеялись найти здесь нечто из ряда вон. И с самого начала нам здорово повезло. Клоду удалось достать вполне недурной цилиндр из встречного автомобиля, Юстас унес из «Хэрродса» здоровенного лосося, или как там он называется, а я отловил трех отличнейших кошек, и все за какой-то час. Мы, что называется, были в ударе. А потом встал вопрос, куда все это девать до отхода поезда? Неудобно гулять по Лондону с кошками и с большой рыбиной, знаете ли, привлекает внимание. Тут Юстас вспомнил про вас, мы взяли такси и поехали к вам. Вас дома не оказалось, но ваш человек сказал, что можно оставить здесь. А когда мы вас встретили, вы так спешили, что мы не успели ничего объяснить. Что ж, тогда, если не возражаете, я заберу шляпу.

— Шляпы тоже нет.

— Нет?

— Тот, с кого вы ее сорвали, обедал у меня сегодня. Он ее и забрал.

— Это надо же! Бедняга Клод ужасно расстроится. Ладно, а как насчет того замечательного лосося, или как там он называется?

— Желаете обозреть останки?

Увидев масштаб нанесенного ущерба, он со-

всем сник.

— Да, вряд ли комитет примет экспонат в таком виде, — грустно констатировал он. — От бедной рыбины почти ничего не осталось.

— Остальное сожрали кошки.

Он глубоко вздохнул.

— Ни кошек, ни рыбы, ни шляпы. Выходит, мы старались впустую. Тяжелый удар, ничего не скажешь. И в довершение всех бед… послушайте, мне, право, неловко, но вы не могли бы одолжить мне десятку?

— Десятку? А на что вам?

— Мне нужно срочно внести залог, чтобы освободить Клода и Юстаса из кутузки. Их арестовали.

— Арестовали?

— Да. Видите ли, их здорово возбудил наш успех со шляпой и лососем, плюс мы еще замечательно пообедали… короче говоря, они явно погорячились: попытались угнать грузовик. Дурацкая затея, конечно, — не представляю, как они собирались представить его комитету клуба. Но они и слушать ничего не желали, а когда водитель грузовика поднял шум, Клод и Юстас ввязались в потасовку и в результате томятся теперь в полицейском участке на Вайн-стрит и просидят

там до тех пор, пока я не принесу залог. Так что если вы можете ссудить мне десятку... О, спасибо, это очень любезно с вашей стороны. Мы же не можем бросить их в беде, верно? Знаете, они оба чертовски замечательные юноши. У нас все их ужасно любят.

— Еще бы — не сомневаюсь! — сказал я.

Я с нетерпением ждал возвращения Дживса, чтобы устроить ему хороший нагоняй. Я был полон решимости высказать все, что я о нем думаю.

— Итак? — спросил я.

— Сэр Родерик задал мне несколько вопросов, сэр, насчет ваших привычек и образа жизни, на которые я отвечал со всей возможной осмотрительностью.

— Меня сейчас не это интересует. Почему вы не объяснили ему все с самого начала? Достаточно было одного вашего слова, и все стало бы ясно.

— Да, сэр.

— А теперь он ушел в полной уверенности, что у меня не все дома.

— Судя по тому, о чем он меня расспрашивал, сэр, я бы не исключал возможности, что подобная мысль и вправду пришла ему в голову.

Не успел я ему на это ответить, как зазвонил те-

лефон. Дживс подошел к аппарату и снял трубку.

— Нет, мадам, мистера Вустера нет дома. Нет, мадам, я не знаю, когда он вернется. Нет, мадам, он не оставлял для вас никаких сообщений. Да, мадам, я ему передам. — Он повесил трубку. — Это миссис Грегсон, сэр.

Тетя Агата! Этого-то я больше всего и боялся. С той самой минуты, как стало ясно, что обед закончился для меня полным провалом, ее тень незримо витала над моей несчастной головой.

— Она уже знает? Так быстро?

— Я полагаю, что сэр Родерик сообщил ей обо всем по телефону, сэр, и…

— Свадебные колокола мне не светят?

Дживс смущенно кашлянул.

— Миссис Грегсон про это не упомянула, сэр, но мне представляется, что такой исход вполне вероятен.

Вы не поверите, но я настолько ошалел от всего этого безумия: папаша Глоссоп, кошки, недообглоданные рыбы, гигантские шляпы и розоволикие юнцы, — что мне лишь сейчас открылась светлая сторона медали. Господи, у меня словно камень с плеч свалился! Из груди моей вырвался глубокий вздох облегчения.

— Дживс, — сказал я. — Признайтесь, это ведь

ваших рук дело?

— Сэр?

— Уверен, что вы сами все это подстроили.

— Видите ли, сэр, Спенсер, дворецкий миссис Грегсон, которому невольно довелось присутствовать при вашем разговоре во время обеда, действительно посвятил меня в кое-какие детали этой беседы; и, признаюсь, — хотя вы можете расценить это как излишнюю вольность с моей стороны, — я питал надежду, что возникнут обстоятельства, которые смогут помешать этому браку. Мне всегда казалось, что юная леди не слишком для вас подходит, сэр.

— И вы знали, что она выставит вас из дома через пять минут после свадебной церемонии.

— Да, сэр. Спенсер уведомил меня, что она обмолвилась о подобных планах. Миссис Грегсон требует, чтобы вы явились к ней немедленно, сэр.

— Вот как, требует? И что же вы мне посоветуете, Дживс?

— Полагаю, что поездка за границу может оказаться как нельзя более кстати.

Я с сомнением покачал головой:

— Она до меня и там доберется.

— Смотря как далеко вы уедете, сэр. Комфор-

табельные океанские лайнеры на Нью-Йорк отплывают по средам и субботам.

— Вы, как всегда, правы, Дживс, — сказал я. — Заказывайте билеты.

Глава 9
Рекомендательное письмо

Чем дольше живу на свете, тем больше убеждаюсь, что едва ли не половина всех бед происходит из-за того, с какой легкостью люди, не задумываясь, преспокойно пишут рекомендательные письма другим людям для передачи их третьим. Поневоле пожалеешь, что живешь не в каменном веке. В том смысле, что, если бы нашему пращуру приспичило снабдить другого пращура рекомендательным письмом, ему потребовалось бы не меньше месяца, чтобы вытесать его на гранитной глыбе, а второму пращуру наверняка надоело бы волочить на себе тяжелую каменюгу под палящим солнцем, и он выбросил бы ее, не протащив и мили.

Но в наши дни писание рекомендательных писем не требует большого труда, вот все и раздают их направо и налево, а ни в чем не повинные люди — вроде меня — вляпываются из-за этого в весьма неприятные истории.

Впрочем, это я сейчас говорю, умудренный, что называется, горьким житейским опытом. А тогда,

под свежим впечатлением, спустя три недели после того, как мы сошли на берег Американского континента, поначалу, когда Дживс сообщил, что некий Сирил Бассингтон-Бассингтон желает меня видеть, и у него оказалось рекомендательное письмо от тети Агаты… Да, так о чем я? Честно признаюсь, что это меня скорее обрадовало. Видите ли, после той неприятной истории, из-за которой мне пришлось спешно покинуть Англию, я не ждал писем от тети Агаты, по крайней мере писем, выдержанных в пристойном тоне. И был приятно удивлен, когда письмо оказалось почти любезным. Местами, возможно, суховатое, но в целом вполне вежливое. Оно показалось мне добрым знаком. Вроде оливковой ветви. Или надо говорить: пальмовой? Как бы там ни было, но сам факт, что тетя Агата прислала письмо, не содержащее прямых оскорблений в мой адрес, показался мне важным шагом на пути к миру.

А я всей душой стремился к миру с тетей Агатой, и чем скорее — тем лучше. Нет, я ничего не имею против Нью-Йорка. Замечательный город, и я здесь отлично проводил время. Но факт остается фактом — тот, кто, подобно мне, прожил всю жизнь в Лондоне, не может не скучать по нему на чужбине. И мне не терпелось поскорее вернуться

в милую моему сердцу уютную квартиру на Беркли-стрит, а это станет возможно, лишь когда тетя Агата остынет и простит мне историю с Глоссопом. Вы скажете, что Лондон — большой город, но, можете мне поверить, он недостаточно велик, чтобы находиться там одновременно с тетей Агатой, когда она вышла на тропу войны. Короче говоря, этот дурень Бассингтон-Бассингтон представлялся мне тогда чем-то вроде голубя мира, и я испытывал к нему всяческое расположение.

По свидетельствам очевидцев, он возник из утреннего тумана в семь сорок пять утра — именно в этот омерзительно ранний час ссаживают с лондонского парохода несчастных пассажиров. Дживс его почтительно выставил, предложив зайти часика через три, когда, по его расчетам, я уже пробужусь ото сна, чтобы радостным криком приветствовать новый божий день. Что, кстати, свидетельствует о выдающемся великодушии Дживса, потому что у нас с ним в ту пору случилась небольшая размолвка, некая холодность в отношениях, короче говоря, мы с ним тогда находились в ссоре из-за совершенно изумительных лиловых носков, которые я носил против его воли, и другой на его месте воспользовался бы возможностью мне отплатить, запустив Сирила в

спальное помещение в час, когда я не в состоянии поддержать беседу даже с закадычным другом. До тех пор пока я не выпью утреннюю чашку чая и не поразмышляю в одиночестве о смысле жизни, я не большой охотник до разговоров.

Итак, Дживс хладнокровно выставил Сирила на улицу наслаждаться утренней прохладой, и я узнал о его существовании, лишь когда Дживс принес мне его визитную карточку вместе с чашкой китайского чая.

— Это еще кто такой, Дживс? — спросил я, недоуменно глядя на совершенно незнакомое имя.

— Насколько я понял, этот джентльмен только что приплыл из Англии, сэр. Он заходил сегодня утром, часа три назад.

— Господи, Дживс! Вы что, хотите меня убедить, что в такую рань на дворе уже утро?

— Он просил передать, что зайдет попозже, сэр.

— Никогда о нем прежде не слышал. А вы, Дживс? Вы о нем что-нибудь слышали?

— Фамилия Бассингтон-Бассингтон мне знакома, сэр. Существуют три ветви Бассингтон-Бассингтонов — шропширские Бассингтон-Бассингтоны, гэмпширские Бассингтон-Бассингтоны и кентские Бассингтон-Бассингтоны.

— Похоже, Англия владеет крупными запасами Бассингтон-Бассингтонов.

— Весьма приличными, сэр.

— Так что необходимость импортировать Бассингтон-Бассингтонов из других стран нам в ближайшее время не угрожает?

— Скорее всего нет, сэр.

— Ну, а этот — что он за гусь?

— Не берусь ничего утверждать на основании столь краткого знакомства, сэр.

— И все же, Дживс, какое он производит впечатление? Вы готовы поставить два к одному, что этот тип — не прохиндей и не зануда?

— Нет, сэр. Я не могу позволить себе столь рискованные ставки.

— Так я и знал. Что ж, тогда остается выяснить, к какому именно типу зануд он принадлежит.

— Время покажет, сэр. Этот джентльмен передал для вас письмо, сэр.

— Ах, вот как? — сказал я и взял в руки конверт. И тотчас узнал почерк. — Послушайте, Дживс, да ведь это же от тети Агаты!

— В самом деле, сэр?

— Не говорите так равнодушно. Разве вы не понимаете, что это для нас значит! Тетя просит меня присмотреть за этим умником, пока он

гостит в Нью-Йорке. Господи, Дживс, да ведь если мне удастся его как следует ублажить, чтобы он отправил в Ставку благоприятный отзыв, я могу поспеть в Англию к началу Гудвудских скачек[5]. Так что сейчас, Дживс, «настало время, когда каждый честный человек должен прийти на помощь нашей партии». Нам следует сплотиться под знаменами и холить и лелеять этого типа, не жалея сил и средств.

— Да, сэр.

— Он не собирается долго задерживаться в Нью-Йорке, — продолжал я, дочитав письмо до конца. — Покатит в Вашингтон — хочет познакомиться с тамошними важными шишками, прежде чем начнет тянуть лямку на дипломатической ниве. Как вы считаете, сумеем мы завоевать любовь и уважение этого типа парой хороших обедов?

— Думаю, это как раз то, что требуется, сэр.

— Самое радостное событие за все время, как мы покинули Англию. Первый луч солнца сквозь тучи.

— Похоже на то, сэр.

Он стал доставать из шкафа мою одежду, и тут

---

[5] Примечания: 5

Гудвуд — ипподром близ г. Чичестер, графство Суссекс.

на минуту воцарилось неловкое молчание.

— Не эти носки, Дживс, — сказал я, весь внутренне напрягшись, но стараясь говорить небрежным, беззаботным тоном. — Дайте мне, пожалуйста, те, лиловые.

— Прошу прощения, сэр?

— Мои любимые лиловые носки, Дживс.

— Очень хорошо, сэр.

Он извлек из ящика носки с брезгливостью вегетарианца, вынимающего гусеницу из салата. Видно было, что он принимает это очень близко к сердцу. Мне тоже было чертовски неприятно и больно, но ведь должен же человек хоть изредка настоять на своем, как вам кажется?

После завтрака Сирил так и не появился, я подождал несколько часов и в начале второго потащился в клуб «Барашки» предаваться радостям желудка в обществе некоего Джорджа Каффина, с которым я сдружился сразу же после приезда в Нью-Йорк, он пишет драмы и тому подобное. Вообще у меня в Нью-Йорке завелась уйма друзей: в этом городе полно симпатичных людей, наперебой протягивающих руку дружбы и помощи заезжему страннику.

Каффин немного запоздал, сказал, что задержался на репетиции своей музыкальной комедии

«Спроси у папы». Мы принялись дружно работать ножами и вилками. Подошла уже очередь кофе, когда официант сообщил, что меня хочет видеть Дживс.

Дживс дожидался в вестибюле. Он с болью покосился на мои носки и отвел глаза.

— Вам только что звонил мистер Бассингтон-Бассингтон, сэр.

— Вот как?

— Да, сэр.

— И где он сейчас?

— В тюрьме, сэр.

Я пошатнулся и ухватился за стену. Чтобы такое случилось с протеже тети Агаты в первое же утро, как он прибыл под мое крылышко, — это уж, признаюсь…

— В тюрьме?

— Да, сэр. Он сообщил мне по телефону, что его арестовали и что он будет рад, если вы зайдете и внесете залог.

— Арестовали? За что?

— Он не соизволил поделиться со мной, сэр.

— Плохо дело, Дживс.

— Именно так, сэр.

Старина Джордж любезно вызвался поехать вместе со мной, мы впрыгнули в такси и рванули

на выручку. В полицейском участке нас попросили подождать, и мы уселись на деревянную скамью в комнате, служившей чем-то вроде передней; наконец появился полицейский, а с ним — как я догадался — Сирил.

— Привет, привет, привет, — сказал я. — Ну как?

По личному опыту знаю, что человек, выходя из тюремной камеры, бывает, как правило, не в самом лучшем виде. В Оксфорде моей постоянной обязанностью было выкупать из кутузки приятеля, который в ночь после гребных гонок неизменно попадал за решетку, и он всегда выглядел как лягушка, по которой несколько раз прошлись бороной. Сирил вышел ко мне в плачевном состоянии: под глазом огромный синяк, воротник оторван — словом, картина такая, которую не станешь описывать в письме на родину, тем более если пишешь тете Агате. Сирил оказался тощим, долговязым юношей с копной светлых волос и слегка выпученными бледно-голубыми глазами, делавшими его похожим на диковинную глубоководную рыбу.

— Мне передали, что вы хотели меня видеть, — сказал я.

— А, так вы — Берти Вустер?

— Совершенно верно. А это мой приятель, Джордж Каффин. Пишет пьесы.

Мы обменялись рукопожатиями, а полицейский, достав комок жевательной резинки, припрятанной на черный день под сиденьем стула, отошел в угол комнаты и меланхолично уставился в пустоту.

— Что за дурацкая страна! — сказал Сирил.

— Ну, знаете ли, не знаю… вы просто не знаете! — сказал я.

— Мы стараемся, — сказал Джордж.

— Старина Джордж — американец, — пояснил я. — Пишет пьесы, и все такое — ну, вы понимаете.

— Конечно, не я эту страну выдумал, — сказал Джордж. — Это все Колумб. Но готов выслушать любые разумные предложения по ее усовершенствованию и довести до сведения соответствующих официальных лиц.

— Хорошо, скажите, отчего полицейские в Нью-Йорке не одеваются как положено?

Джордж осмотрел издали жующего полицейского.

— По-моему, все на месте.

— Я имел в виду, почему они не носят каску, как в Лондоне? Они же у вас одеты как почта-

льоны. Так нечестно. Сбивает с толку. Я мирно стою посреди мостовой, гляжу по сторонам, а тут подходит парень, по виду почтальон, и тычет меня в бок дубинкой. С какой стати я должен терпеть такое от почтальона? Стоило тащиться за три тысячи миль, чтобы почтальоны тыкали в тебя дубинкой!

— Протест принят, — сказал Джордж. — И что же вы сделали?

— Разумеется, пихнул его как следует! У меня ужасно вспыльчивый нрав. Все Бассингтон-Бассингтоны отличаются вспыльчивым нравом. В ответ он подбил мне глаз, приволок сюда и запер за решетку.

— Сейчас я все улажу, сынок, — сказал я, извлек из кармана бумажник и отправился на переговоры, оставив Сирила беседовать с Джорджем. Не стану отрицать, я был не на шутку встревожен, меня томили самые мрачные предчувствия. Пока этот фрукт околачивается в Нью-Йорке, я отвечаю за него головой, а у меня сложилось впечатление, что ни один разумный человек не согласился бы нести за него ответственность дольше пяти минут.

В тот вечер, вернувшись домой и выпив заключительную порцию виски, принесенную

Дживсом на сон грядущий, я задумался о Сириле. Я не мог отделаться от предчувствия, что его первый визит в Америку грозит нам всем суровыми испытаниями. Я еще раз перечитал письмо тети Агаты. Не было никакого сомнения: по какой-то причине она покровительствует этому охламону и считает, что единственное мое предназначение на этом свете — грудью заслонять его от любых опасностей и невзгод во время пребывания на борту. Хорошо еще, что Сирил проникся к Джорджу Каффину, старина Джордж — парень благоразумный и осмотрительный. После того как я вызволил страдальца из темницы, Сирил и Джордж отправились на дневную репетицию «Спроси у папы», оживленно болтая на ходу, словно братья после долгой разлуки. Мне кажется, они даже договорились поужинать вместе. Пока за ним присматривает Джордж, я мог быть спокоен.

Мои размышления прервал Дживс, который принес мне телеграмму. Точнее, даже не телеграмму, а каблограмму, потому что она пришла из Англии от тети Агаты, и вот что в ней говорилось:

«Приходил ли к тебе Сирил Бассингтон-Бассингтон? Ни в коем случае не подпускай его

близко к театру. Жизненно важно. Подробности письмом».

Я несколько раз перечитал текст.

— Все это очень странно, Дживс.

— Да, сэр.

— Странно и явно не к добру.

— Будут еще какие-нибудь распоряжения на сегодня, сэр?

Конечно, если он решил держать официальный тон, тут уж ничего не поделаешь. А я-то собирался показать ему телеграмму и попросить совета. Что ж, если он затаил такую смертельную обиду из-за лиловых носков, железный принцип Вустеров — noblesse oblige[6] — не позволяет мне унижаться перед слугой. Ни за что на свете! Поэтому я не стал ему ни о чем рассказывать.

— На сегодня все, спасибо.

— Спокойной ночи, сэр.

— Спокойной ночи.

Он отчалил на покой, а я снова углубился в размышления. Я уже битых полчаса изо всех сил напрягал котелок, пытаясь разгадать скрытый смысл таинственной телеграммы, когда в прихожей раздался звонок. Я открыл дверь и увидел

---

[6] Примечания: 6
Положение обязывает *(фр.).*

Сирила, который явно пребывал в приподнятом настроении.

— Я зайду ненадолго, если позволите, — сказал он. — Хочу сообщить одну забавную новость.

Он резво проскакал мимо меня в гостиную, и когда я, затворив входную дверь, последовал за ним, то увидел, что он читает письмо тети Агаты и как-то странно при этом похохатывает.

— Мне, конечно, не следовало его читать, но я случайно увидел свое имя и как-то незаметно прочел все остальное. Послушайте, дорогой мой Вустер… Я бы что-нибудь выпил, если вы не против. Большое спасибо и прочее… Да, насчет того, что я собирался вам рассказать, — это и впрямь ужасно забавно. Старина Каффин дал мне небольшую роль в своей музыкальной комедии «Спроси у папы». Совсем крошечную, конечно, но в целом, можно сказать, замечательную. Знаете, я готов прыгать от радости!

Он осушил свой стакан и продолжал, не обращая никакого внимания на то, что я при этом известии не прыгаю от радости и не кричу от счастья.

— Видите ли, я всю жизнь мечтал стать актером, — сказал он. — Но мой предок и слышать об этом не хочет. Стучит тростью и багровеет,

как закат перед ветреной погодой, всякий раз, когда я завожу об этом речь. Вот почему, если хотите знать, я и поехал в Америку. В Лондоне я появиться на сцене не могу, кто-нибудь из знакомых меня обязательно засечет и настучит предку. Поэтому я пошел на хитрость: наплел ему, будто мне позарез нужно в Вашингтон — это, дескать, расширит мой кругозор. Ну а здесь мне бояться некого, путь открыт.

Я попытался урезонить дуралея:

— Но ведь рано или поздно ваш отец об этом узнает.

— Ну и пусть. К тому времени я стану звездой мировой величины, и ему просто нечем будет крыть.

— Вас-то, может быть, и нечем, а вот меня он наверняка будет крыть самыми последними словами.

— А вы-то здесь при чем? Какое вы к этому имеете отношение?

— Я познакомил вас с Джорджем Каффином.

— Верно, старина, именно вы. Я и забыл. Должен был с самого начала вас за это поблагодарить. Ну что ж — до свидания. Завтра мне с утра пораньше на репетицию «Спроси у папы», так что я поскакал. Забавно, что эта штука называется

«Спроси у папы» — именно спрашивать у папы я и не собираюсь. Понимаете меня? Ну, хоп-хоп!

— Хоп-хоп, — печально отозвался я, и он исчез.

Я бросился к телефону и набрал номер Джорджа Каффина.

— Послушайте, Джордж, что это еще за история с Сирилом Бассингтон-Бассингтоном?

— Какая история?

— Он утверждает, что вы дали ему роль в своем спектакле.

— Дал. Всего несколько строк.

— А я только что получил из дома пятьдесят семь телеграмм, где мне приказывают всеми правдами и неправдами и близко не подпускать его к сцене.

— Мне очень жаль. Сирил как раз тот типаж, что мне нужен для этой роли. Все, что от него требуется, — играть самого себя.

— Но, Джордж, старина, войдите в мое положение. Моя тетя прислала его ко мне с рекомендательным письмом, так что она потом с меня спросит.

— Вычеркнет из завещания?

— Тут дело не в деньгах. Но… впрочем, вы не знакомы с тетей Агатой, так что мне сложно вам объяснить. Дракула и Цезарь Борджиа — просто

бойскауты по сравнению с моей тетей; когда я вернусь в Англию, она меня со света сживет. У нее ужасная манера заявляться без приглашения рано утром, когда я еще сплю, и читать натощак мораль.

— Ну так не возвращайтесь в Англию. Оставайтесь здесь — может, станете президентом.

— Но, Джордж, старичок…

— Спокойной ночи!

— Джордж, послушайте…

— Вы пропустили мою последнюю реплику. Я сказал: «Спокойной ночи!» Возможно, вам, Праздным Богачам, спать не обязательно, но мне к утру нужно быть бодрым и свежим. Будьте здоровы.

Мне стало очень горько: на всем свете у меня не осталось ни единого друга. Я был настолько подавлен, что не выдержал и постучал в дверь комнаты Дживса. Я никогда такого себе не позволяю, но мне казалось, что настало время, когда каждый честный человек должен прийти на помощь нашей партии, и Дживс мог бы сплотиться вокруг молодого хозяина, пусть даже для этого ему и придется прервать сладкий сон.

На пороге комнаты появился Дживс в коричневой пижаме.

— Сэр?

— Чертовски неловко будить вас, Дживс, но тут столько всего приключилось за последнее время.

— Я не спал, сэр. Поставил себе за правило: покончив со своими обязанностями, прочитывать перед сном несколько страниц какой-нибудь поучительной книги.

— И правильно поставили. Я хочу сказать, если вы только что закончили упражнять котелок, он должен быть в отличной форме, и вам не составит труда найти выход из положения. Дело в том, что мистер Бассингтон-Бассингтон решил стать актером.

— В самом деле, сэр?

— Ах, вы не знаете, в чем тут суть. Иначе не говорили бы так равнодушно. А дело вот в чем: его семья категорически против того, чтобы он пошел на сцену. Если ему не помешать, это обернется для всех неисчислимыми бедами и несчастьями. И, что хуже всего, тетя Агата обвинит в этом меня, понимаете?

— Понимаю, сэр.

— Вам не приходит в голову, каким образом можно было бы ему помешать?

— Пока, признаться, нет, сэр.

— Что ж, может, позже?

— Я постараюсь тщательно обдумать проблему,

сэр. На сегодня все, сэр?

— Надеюсь, что все. Мне кажется, на сегодня я уже получил более чем достаточно.

— Хорошо, сэр.

И он скрылся за дверью.

Глава 10
Нарядный лифтер

Роль, которую Джордж дал Сирилу, умещалась на двух машинописных страничках, но бедняга вкладывал в работу над образом столько сил, словно ему предстоит играть по меньшей мере Гамлета. За первые два дня он декламировал мне свой текст не меньше двенадцати раз. При этом он отчего-то был искренне убежден, что встречает в ответ лишь восторженное восхищение, одобрение и сочувствие. Днем меня терзали мысли о том, что со мной сделает тетя Агата, а по ночам Сирил то и дело вырывал меня из сладкого забытья, чтобы узнать мое мнение о его очередной актерской находке; нетрудно догадаться, что скоро от меня осталась лишь тень. И все это время Дживс по-прежнему держался со мной очень холодно и отчужденно из-за лиловых носков. Вот такие невзгоды и старят человека, и у кипучей молодости начинают по-старчески дрожать коленки.

А тут еще подоспело письмо от тети Агаты. На первых шести страницах она расписывала

переживания родных Сирила в связи с его намерением пойти в актеры, а на последующих шести подробно перечисляла, что именно она подумает, скажет и сделает, если я не сумею оградить ее протеже от пагубных соблазнов на Американском континенте. Письмо пришло с дневной почтой, и содержание его меня так напугало, что я не мог держать его в себе. Не в силах дожидаться, пока Дживс придет на мой звонок, я пулей понесся на кухню, жалобно блея, как осиротевший ягненок, и на всем скаку остановился на пороге: на кухне происходило что-то вроде званого чаепития. За столом сидел унылого вида малый, похожий на слугу, а рядом с ним мальчик в норфолкской куртке. Унылый пил виски с содовой, а мальчик алчно поглощал кусок кекса с джемом.

— Ах, извините, Дживс, — сказал я. — Неловко прерывать ваш праздник разума и пир духа, но…

И тут я почувствовал на себе взгляд мальчишки, прошивший меня навылет, точно пуля. Ну, вы знаете — такой холодный, враждебный и осуждающий взгляд, который заставляет проверить, не съехал ли у вас на сторону галстук. Так смотрят на дохлую крысу, которую кот притащил в дом после очередного турне по местным помойкам. Мальчик был не в меру толст, с веснушками по

всему лицу, в настоящий момент сильно перепачканному джемом.

— Привет! Привет! Привет! — сказал я. — Что? — На этом мое красноречие иссякло.

Веснушчатый отрок все так же, не мигая, глядел на меня. Может быть, конечно, это он так выражал свою любовь, но мне лично показалось, что он обо мне очень низкого мнения и в будущем не ждет от меня ничего хорошего. По-моему, я ему был неприятен, как остывший гренок с сыром.

— Тебя как звать? — спросил он.

— Звать? А, как моя фамилия? Вустер.

— Мой папа богаче тебя!

После этого я, по-видимому, перестал для него существовать. Покончив со мной, он снова принялся за джем. Я повернулся к Дживсу:

— Послушайте, Дживс, можно вас на минутку? Мне надо вам кое-что показать.

— Хорошо, сэр.

Мы вместе прошли в гостиную.

— Это еще что за милый крошка, Дживс?

— Вы говорите о юном джентльмене, сэр?

— По-вашему, слово «джентльмен» ему подходит?

— Надеюсь, это не слишком большая вольность с моей стороны — пригласить его в дом, сэр?

— О нет, нисколько. Если у вас такое представление о приятном времяпрепровождении — ради бога.

— Я случайно встретил юного джентльмена, когда он гулял с отцовским лакеем, сэр, которого я близко знал в Лондоне, и я взял на себя смелость пригласить обоих на чашку чая.

— Ладно, бог с ним, Дживс. Взгляните лучше на это.

Он пробежал письмо глазами от начала до конца.

— Да, весьма неприятно, сэр. — Вот и все, что он счел нужным сказать.

— Что будем делать?

— Жизнь может сама подсказать решение.

— Но может и не подсказать, верно?

— Совершенно верно, сэр.

Тут раздался звонок в дверь. Дживс растаял в воздухе, а в гостиную ввалился Сирил, излучая безудержное веселье и радость бытия.

— Вустер, старина, — сказал он. — Мне нужен ваш совет. Вы же хорошо знаете мою роль, верно? Какой мне выбрать костюм? В первом акте действие происходит в отеле, время — три часа дня. Что мне надеть, как вы думаете?

Я был совершенно не в настроении обсуждать

с ним детали мужского туалета.

— Лучше поговорите на эту тему с Дживсом, — сказал я.

— Отличная мысль! А где он?

— Думаю, вернулся на кухню.

— Тогда, может быть, я позвоню? Вы не возражаете?

— Валяйте.

В гостиную бесшумно вплыл Дживс.

— Послушайте, Дживс, — начал Сирил. — Мне нужен ваш совет. Дело в том, что... Привет! Кто это?

Тут я заметил, что вслед за Дживсом в гостиную проник толстый мальчик и смотрит на Сирила с таким выражением, как будто самые худшие его опасения подтвердились. Стало тихо. С минуту ребенок внимательно разглядывал Сирила, потом огласил свой вердикт:

— Рыба!

— А? Что? — сказал Сирил.

Мальчик, которого, как видно, с младых ногтей приучили говорить правду и ничего, кроме правды, охотно пояснил, что именно он имеет в виду:

— У тебя рожа рыбья.

Сказано это было скорее с жалостью, чем в осуждение, что было, я считаю, благородно с его

стороны. Я, например, когда смотрю на Сирила, не могу отделаться от мысли, что ответственность за такое лицо несет главным образом он сам. В моей душе впервые шевельнулось теплое чувство к юному правдолюбцу. Нет, в самом деле. Разговор начинал доставлять мне удовольствие.

Прошло несколько секунд, прежде чем до Сирила дошел смысл сказанного устами младенца, и тогда мы услышали, как закипела кровь Бассингтон-Бассингтонов.

— Черт меня побери! — сказал он. — Будь я проклят!

— Я бы не согласился иметь такое лицо, — продолжал мальчик с подкупающей искренностью в голосе, — даже за миллион долларов. — Он немного подумал и удвоил цену: — Даже за два миллиона долларов!

Что произошло после этого, точно описать не берусь, но события развивались с ошеломляющей быстротой. По-видимому, Сирил бросился на ребенка. Во всяком случае, воздух был явно перенасыщен мельканьем рук, ног и неопознанных предметов. Что-то сильно ударило меня чуть ниже третьей жилетной пуговицы, я рухнул на канапе и потерял интерес к происходящему. Восстав из пепла, я обнаружил, что Дживс с маль-

чишкой уже ретировались с поля боя, а Сирил стоит посреди комнаты и сердито фыркает.

— Вустер, откуда взялся этот возмутительный наглец?

— Понятия не имею. Никогда его прежде не видел.

— Я успел-таки влепить ему пару горячих, прежде чем он сбежал. Послушайте, Вустер, этот мальчишка сказал одну чертовски странную вещь. Он заявил, будто Дживс пообещал дать ему доллар, если он назовет меня… ну, словом, скажет то, что он сказал.

Мне это показалось совершенно неправдоподобным.

— С чего бы вдруг?

— Да, мне это тоже показалось странным.

— Зачем это Дживсу?

— Мне тоже непонятно.

— Дживсу-то что до того, какая у вас физиономия?

— Верно, — сказал он, как мне показалось, довольно холодно. Почему — не знаю. — Ладно, я поскакал. Хоп-хоп!

— Хоп-хоп!

Примерно через неделю после этого странного происшествия мне позвонил Джордж Каффин и

пригласил на прогон спектакля. Премьера «Спроси у папы» должна была состояться в Скенектеди в следующий понедельник, а сейчас это что-то вроде предварительной генеральной репетиции. Предварительная генеральная репетиция, объяснил мне старина Джордж, то же самое, что и настоящая генеральная репетиция, и заканчивается, как правило, далеко за полночь. Только еще интереснее, чем настоящая, добавил он: время прогона не ограничено, и все участники спектакля, которые накануне премьеры всегда сильно возбуждены, имеют возможность высказывать все, что они друг о друге думают; короче говоря, удовольствие получают все без исключения.

Прогон был назначен на восемь, поэтому я подрулил в начале одиннадцатого, чтобы не слишком долго ждать начала. И оказался прав. Джордж еще торчал на сцене и что-то обсуждал с каким-то типом в рубашке; рядом стоял еще один — в огромных очках, с круглым брюшком и абсолютно лысым черепом. Я его уже раза два видел вместе с Джорджем в клубе и знал, что это их директор Блюменфилд. Я помахал Джорджу и сел в последний ряд, чтобы не подвернуться кому-нибудь под горячую руку, когда начнут выяснять отношения. Потом Джордж спрыгнул со

сцены в зал и подсел ко мне, сравнительно скоро после этого опустили занавес. Пианист, как умел, отбарабанил несколько вступительных тактов, и занавес подняли снова.

Сюжета «Спроси у папы» я не помню, могу только сказать, что действие вполне успешно развивалось и без Сирила. Сначала я был этим сильно озадачен. Наслушавшись, как Сирил зубрит свою роль и высказывает глубокомысленные соображения о подходе к такому-то месту и о трактовке такого-то образа, я вообразил, что Сирил и вправду становой хребет спектакля, а остальные члены труппы выходят лишь для того, чтобы как-то заполнить паузы, когда его нет на сцене. Я добрых полчаса ждал его выхода, пока не обнаружил, что он с самого начала находился на подмостках: я узнал его в странном, криминального вида субъекте, который стоит, прислонившись к пыльной кадке с пальмой, и с сочувственным видом слушает, как главная героиня поет про то, что любовь похожа на что-то там, сейчас уж не помню, на что именно. А после второго куплета он принялся приплясывать вместе с десятком других, столь же нелепых уродцев. Жуткое зрелище — я живо представил себе, как тетя Агата расчехляет свой томагавк, а Бассинг-

тон-Бассингтон-старший натягивает подбитые гвоздями сапоги, чтобы дать мне хорошего пинка пониже спины. Едва пляска закончилась и Сирил со товарищи уволоклись за кулисы, как из темноты справа от меня прозвучал звонкий голос:

— Папа!

Блюменфилд хлопнул в ладоши, и главный герой, начавший монолог, сконфуженно умолк. Я вгляделся в полутьму зала и узнал того самого веснушчатого парнишку, Дживсова знакомца. Руки в карманах, он вразвалочку шел по проходу с таким видом, словно он тут хозяин. Все почтительно затихли.

— Папа, — громко произнес веснушчатый, — этот номер не годится.

Старый Блюменфилд нежно улыбнулся.

— Тебе не нравится, дорогой?

— С души воротит.

— Ты совершенно прав.

— Тут требуется что-то позабористее. Побольше перца!

— В самую точку, мой мальчик. Я себе помечу. Хорошо. Поехали дальше!

Я повернулся к Джорджу, который что-то раздраженно пробормотал себе под нос.

— Скажите, старина, это еще что за чудо при-

роды?

В ответ Джордж издал глухой страдальческий стон.

— Вот принесла нелегкая! Это сын Блюменфилда. Теперь он нам устроит веселую жизнь!

— Он что, всегда тут распоряжается?

— Всегда.

— Но почему Блюменфилд его слушает?

— Этого никто не знает. Может, из-за слепой родительской любви, а может, он смотрит на мальчишку как на талисман, который приносит удачу спектаклю. А скорее всего, он считает, что у его чада умственное развитие как у среднего зрителя и то, что нравится ему, будет пользоваться успехом у публики. И наоборот, что не одобрил его сын, то и никому в зале не придется по вкусу. Это не мальчишка, а настоящая моровая язва, ехидна и ядовитая гадина, я готов задушить его собственными руками.

Репетиция продолжалась. Главный герой отбарабанил свой монолог. Затем последовала короткая, но страстная перепалка между помощником режиссера и голосом по имени Билл, звучавшим откуда-то с верхотуры, на тему: «Когда Билл, черт бы его совсем побрал, научится вовремя давать желтый?» После чего спектакль

возобновился и шел без особых приключений до тех пор, пока не настала очередь сцены, в которой играл Сирил.

Я по-прежнему смутно представлял себе сюжет пьесы, но, насколько я понял, Сирил изображал английского пэра, приехавшего в Америку — по-видимому, из самых лучших побуждений. До этого момента он произнес на сцене всего две реплики. Первая была: «Но послушайте!» — а вторая: «Да, черт возьми!» — но, насколько я помнил по тому, что он при мне декламировал, ему вскоре предстояло показать себя во всей красе. Я откинулся в кресле и стал ждать, когда он вырвется на авансцену.

И через пять минут действительно вырвался. К этому времени на сцене бушевали нешуточные страсти. «Голос» и помощник режиссера повторили «ссору влюбленных» — теперь на тему: «Почему этот чертов Билл не переключает на голубой?» Вслед за этим с карниза свалился цветочный горшок и чудом не раскроил череп главному герою. Короче говоря, когда Сирил, который до этого болтался где-то на заднем плане, выкатился в центр сцены и занял стартовую позицию для своего главного забега, атмосфера была накалена не на шутку. Героиня что-то там

такое проговорила по тексту пьесы, не помню что, и вся труппа с Сирилом во главе радостно заскакала вокруг, как полагается перед началом очень редкого номера.

Первая реплика Сирила была: «О нет, нет, не говорите так!», и, на мой взгляд, он выкрикнул ее достаточно энергично, напористо и вообще. Но не успела героиня открыть рот для ответной тирады, как наш веснушчатый приятель снова поднялся, чтобы заявить протест:

— Папа!

— Да, дорогой?

— Вот тот никуда не годится.

— Который из них, дорогой?

— Этот, с рыбьей рожей.

— Но там у всех рыбьи рожи, дорогой.

Мальчик вынужден был признать справедливость этого замечания. Поэтому он уточнил:

— Вон тот урод.

— Какой урод? Вот этот? — спросил Блюменфилд, указывая пальцем на Сирила.

— Ага. Полная бездарь.

— Мне и самому так показалось.

— Меня от него просто тошнит.

— Ты, как всегда, прав, мой мальчик. У меня точно такое же чувство.

Пока они обменивались репликами, Сирил слушал разинув рот. Теперь он выбежал на авансцену. Даже с того места, где я сидел, было видно, что грубые слова нанесли фамильной гордости Бассингтон-Бассингтонов чувствительный удар. У него покраснели уши, потом нос, потом щеки, и через четверть минуты он стал похож на человека, уцелевшего после взрыва на фабрике томатной пасты.

— Что это значит, черт побери?

— А это что значит, черт побери? — закричал Блюменфилд. — Кто вам позволил орать на меня со сцены?

— Честно говоря, я подумываю, не спуститься ли в зал и не отшлепать ли мне этого маленького нахала!

— Что!

— Всерьез подумываю.

Блюменфилд начал раздуваться, словно кто-то накачивал его насосом, и стал еще больше похож на шар.

— Послушайте, мистер… не знаю, как вас там…

— Бассингтон-Бассингтон, а древний род Бассингтон-Бассингтонов… мы, Бассингтон-Бассингтоны, не привыкли, чтобы…

Блюменфилд в краткой, но доходчивой форме

изложил ему все, что он думает о Бассингтон-Бассингтонах и об их привычках. Послушать их собралась вся труппа, актеры явно получали огромное удовольствие. Одни с любопытством выглядывали из-за кулис, другие высовывались из-за бутафорских деревьев.

— Ты должен стараться, если хочешь работать на моего папу, — произнес толстый отрок и укоризненно покачал головой.

— Какая неслыханная наглость! — закричал Сирил срывающимся голосом.

— Что такое? — рявкнул Блюменфилд. — Вы что, не понимаете, что он — мой сын?

— Прекрасно понимаю, — сказал Сирил. — И приношу вам обоим соболезнования.

— Вы уволены, — завопил Блюменфилд, раздуваясь еще больше прежнего. — Вон из моего театра!

На следующее утро, примерно в половине одиннадцатого, когда я уже успел прополоскать гортань чашкой доброго «Оолонга», в спальне бесшумно возник Дживс и сообщил, что в гостиной меня дожидается Сирил.

— Ну и как он на вид, Дживс?

— Я полагаю, мне не пристало критиковать внешность ваших друзей, сэр.

— Я не это имею в виду. Я хотел спросить, показался ли он вам раздраженным, обиженным и все такое.

— Я бы не сказал, сэр. Он выглядит вполне спокойным.

— Странно!

— Сэр?

— Ничего. Пригласите его сюда, пожалуйста.

По правде говоря, я ожидал, что вчерашний скандал не пройдет для него без следа, и готовился увидеть потухший взгляд, дрожащие пальцы и так далее. Но Сирил выглядел как обычно и, казалось, даже пребывал в прекрасном расположении духа.

— Вустер, старина, здравствуйте.

— Привет!

— Зашел с вами попрощаться.

— Попрощаться?

— Да. Через час уезжаю в Вашингтон. — Он присел на кровать. — Знаете что, дружище, — продолжал он. — Я вчера долго думал и решил, что поступлю несправедливо по отношению к моему предку, если стану актером. Как вам кажется?

— Прекрасно вас понимаю.

— Я хочу сказать, ведь он отправил меня в

Америку, чтобы я расширил свой кругозор и все такое прочее, и я не могу отделаться от мысли, что старик был бы в шоке, если бы я его наколол и поступил на сцену. Не знаю, согласитесь вы со мной или нет, но, по-моему, это вопрос элементарной порядочности.

— А ваш отказ от участия в спектакле не сорвет премьеру?

— Да нет, думаю, они как-нибудь обойдутся. Я все объяснил старине Блюменфилду, и он со мной согласился. Конечно, ему очень жаль со мной расставаться: он сказал, что не представляет, кто сможет меня заменить; но, с другой стороны, даже если мой уход и создаст ему проблемы, мне кажется, я поступаю правильно. А вы как считаете?

— Я того же мнения.

— Я был уверен, что вы со мной согласитесь. Что ж, мне пора. Ужасно рад был познакомиться с вами, и все такое прочее. Хоп-хоп!

— Хоп-хоп!

И он отчалил. Самое удивительное, что всю эту лапшу он навешивал мне на уши, с подкупающей искренностью глядя на меня своими детскими голубыми навыкате глазами. После вчерашних событий я поднапряг котелок, и мне стало многое

понятно.

— Дживс!

— Сэр?

— Это ведь вы натравили блюменфилдского отпрыска на мистера Бассингтон-Бассингтона?

— Сэр?

— Вы прекрасно понимаете, о чем я. Это вы подучили его сделать так, чтобы мистера Бассингтон-Бассингтона выставили из труппы?

— Я бы ни за что на свете не позволил себе такой вольности, сэр. — Он принялся доставать из шкафа мою одежду. — Возможно, юный Блюменфилд догадался по некоторым моим случайным замечаниям, что я не считаю профессию актера подходящей карьерой для мистера Бассингтон-Бассингтона.

— Знаете, Дживс, вы просто чудо.

— Всегда готов сделать для вас все, что в моих силах, сэр.

— Я вам чертовски обязан, Дживс. Если бы нам не удалось отвадить его от сцены, тетя Агата сожрала бы меня вместе с потрохами, верхней одеждой и обувью.

— Я полагаю, некоторые трения и эксцессы и вправду могли бы иметь место, сэр. Я приготовил для вас синий костюм в тонкую красную полоску,

сэр. По-моему, это именно то, что требуется.

Я позавтракал и отправился прогуляться, но, дойдя до лифта, вспомнил, как именно я собирался вознаградить Дживса за неоценимую помощь в этой дурацкой истории с Сирилом. Хотя сердце мое и обливалось кровью при мысли о предстоящей потере, я решил уступить Дживсу и навсегда расстаться с лиловыми носками. В конце концов, в жизни бывают моменты, когда человек обязан идти на жертвы. Я хотел было вернуться, чтобы объявить ему благую весть, но тут подошел лифт, и я решил, что сделаю это после прогулки.

Чернокожий парнишка-лифтер взглянул на меня с выражением тихой преданности и обожания.

— Хочу поблагодарить вас за вашу доброту, сэр, — сказал он.

— А? Что?

— Мистер Дживс передал мне лиловые носки, как вы ему велели. Большое вам спасибо, сэр.

Я взглянул на его нижние конечности. От верхнего края щиколоток до ботинок разливалось упоительное лиловое сияние. Никогда в жизни не видел ничего прекраснее.

— А, ну да… Пожалуйста… Рад, что они вам нравятся, — сказал я.

Ну что тут скажешь, а? Вот именно.

Глава 11
Товарищ Бинго

Все началось в Гайд-парке, в той его части, где по воскресеньям собираются чудаки всех мастей и оттенков и произносят длинные речи, взгромоздившись на ящик из-под мыла. Я редко туда захожу, но случилось так, что в первое воскресенье после моего возвращения в милый старый Лондон я отправился навестить знакомых на Манчестер-сквер; чтобы не прийти раньше условленного срока, я сделал небольшой крюк и попал в самую гущу.

Сейчас Британская империя уже не та, что прежде, и парк в воскресный день представляется мне истинным сердцем Лондона. Я хочу сказать, что именно здесь изгнанник, возвратившись в родные пенаты, осознает, что он действительно в Англии. После вынужденных каникул в Нью-Йорке я с удовольствием вдыхал сладкий дым отечества. Приятно было слушать, как они все разглагольствуют, и радоваться, что все закончилось благополучно и Бертрам снова дома.

В дальнем конце поляны группа миссионеров

в цилиндрах готовилась к службе на открытом воздухе, слева распинался атеист, красноречиво, но немного гундосо, поскольку у него была заячья губа; а впереди собрались по-настоящему серьезные мыслители со знаменем, на котором значилось: «Провозвестники красной зари», и в момент моего прихода один из провозвестников — бородатый тип в твидовом костюме и надвинутой на брови шляпе — задавал такого жару Праздным Толстосумам, что я поневоле остановился послушать. И тут рядом со мной раздался чей-то голос:

— Мистер Вустер?

Предо мной стоял какой-то толстяк. Сперва я не мог сообразить, кто он такой. Потом вспомнил: это дядя моего друга Бинго, мистер Литтл, у которого я как-то обедал еще в то время, когда Бинго был влюблен в официантку из забегаловки на Пиккадилли. Неудивительно, что я его не сразу узнал. Когда мы в последний раз виделись, это был неряшливо одетый пожилой господин, спустившийся в столовую в шлепанцах и мятом вельветовом пиджаке, тогда как теперь моим глазам предстал в пух и прах разодетый франт. Шелковый цилиндр, сверкающий на солнце, щегольская визитка, бледно-лиловые короткие

гетры и клетчатые брюки по последней моде. Элегантный до умопомрачения.

— Добрый день, — сказал я. — Как здоровье?

— Я нахожусь в прекрасном здравии, благодарю вас. А вы?

— В полном порядке. Только что вернулся из Америки.

— А, понимаю! Собирали материал для нового романа?

— Как? — Мне потребовалось время, прежде чем я понял, что он имеет в виду. — Нет-нет, — сказал я. — Просто захотелось ненадолго сменить обстановку. А как поживает Бинго? — поспешил я задать вопрос, чтобы отвлечь его от моего литературного творчества.

— Бинго?

— Ваш племянник.

— Ах, Ричард. Мы редко видимся в последнее время. После моей женитьбы у нас довольно прохладные отношения.

— Мне очень жаль. Значит, с тех пор как мы в последний раз виделись, вы вступили в брак? Как здоровье миссис Литтл?

— Моя жена также в самом добром здравии. Только… она не миссис Литтл. Недавно нашему всемилостивейшему монарху было угодно отме-

тить меня высочайшим знаком своей милости, пожаловав мне звание пэра. После публикации последнего «Списка» я стал лордом Битлшемом.

— Что вы говорите! В самом деле? Что ж, мои самые горячие поздравления. Прекрасная новость! — сказал я. — Лорд Битлшем… Так, выходит, вы — владелец Морского Ветерка?

— Да. Женитьба открыла мне новые горизонты. Жена увлекается скачками, и я теперь держу небольшую конюшню. Как мне объяснили, у Морского Ветерка неплохие шансы на победу в конце этого месяца на ипподроме Гудвуд, неподалеку от суссекской резиденции герцога Ричмонда.

— Гудвудский кубок! Ну как же! Я собираюсь поставить последнюю рубашку на вашу лошадь.

— В самом деле? Надеюсь, она оправдает ваше доверие. Сам я далек от этих материй, но, если верить жене, по мнению знатоков, моя лошадь — то, что в этих кругах называют «верняк».

Тут я обратил внимание, что публика с интересом оборачивается в нашу сторону, а бородач указывает на нас пальцем.

— Нет, вы только полюбуйтесь на них! Присмотритесь к ним внимательно! — вопил он, перекрывая голос гундосого атеиста и полностью заглушая молитвы миссионеров. — Перед

вами типичные представители класса, который веками угнетал трудящихся. Праздные! Не производящие материальных ценностей! Взгляните на того, длинного и тощего, у которого рожа как у паяца. Проработал ли он за свою жизнь хотя бы один день? Нет! Паразит, бездельник, кровопийца! Готов поспорить, что он до сих пор не заплатил портному за эти шикарные брючки!

Сказать по правде, мне не понравилось, что он перешел на личности, его манера начинала меня раздражать. Старик Битлшем, напротив, слушал его с явным удовольствием и интересом.

— Да, в выразительности им не откажешь, — довольно хмыкнул он. — Очень ядовито.

— А второй, толстяк? — не унимался бородатый. — Вы только посмотрите на него! Знаете, кто это? Лорд Битлшем! Один из самых злостных. Что он делал всю свою жизнь, кроме того, что набивал себе брюхо с утра до вечера? Его бог — это его утроба, и лишь этому богу он приносит жертвы четыре раза в день. Если вскрыть ему сейчас брюхо, там найдется достаточно пищи, чтобы прокормить десяток рабочих семей в течение недели.

— А вот это действительно неплохо сказано, — заметил я, но старикан, по-видимому, не разделял

моего мнения. Он побагровел и забулькал, словно закипающий чайник.

— Уйдемте отсюда, мистер Вустер, — сказал он. — Я всегда стоял и стою за свободу слова, но положительно не желаю слушать грубую брань.

И мы молча, но с достоинством удалились, а этот тип продолжал выкрикивать нам вслед все новые оскорбительные замечания. Я чувствовал себя чертовски неуютно.

На следующий день я заглянул в клуб и в курилке встретил Бинго.

— Привет, Бинго, — сказал я и подсел к нему, преисполненный самых теплых чувств: я был искренне рад видеть этого дуралея. — Ну, как ты?

— Перебиваюсь помаленьку.

— Видел вчера твоего дядю.

Широчайшая улыбка поделила лицо Бинго на две неравные части.

— Я знаю, что ты с ним встречался, бездельник. Что ж, садись, старина, попей крови. Ну, что нового, паразит из числа господствующих классов?

— Господи! Но ведь тебя же там не было!

— А вот и был.

— Я тебя не видел.

— Видел — да не узнал, меня скрывала пышная растительность.

— Растительность?

— Борода, мой мальчик. Я за нее недешево заплатил, но она того стоит. С этой бородой я становлюсь совершенно неузнаваемым. Противно, правда, что в бороде застревают хлебные крошки и прочее, но тут уж ничего не поделаешь.

Я удивленно на него уставился.

— Ничего не понимаю!

— Это долгая история. Закажи себе мартини или стаканчик крови с содовой, и я тебе все расскажу. Но прежде скажи мне, только честно: приходилось ли тебе видеть более красивую девушку?

И жестом фокусника, достающего кролика из шляпы, он невесть откуда извлек фотографию и помахал ею у меня перед носом. Я успел разглядеть лишь старательно вытаращенные глаза и улыбку, демонстрирующую больше зубов, чем требуется человеку в повседневной жизни.

— Боже милосердный, — сказал я. — Ты что, опять влюбился?

Я заметил, что мои слова его задели.

— Что значит «опять»?

— По самым скромным подсчетам, с весны ты был влюблен не менее шести раз, а сейчас лишь июль. Сначала официантка, потом Гонория Глоссоп, потом…

— Фу! Я бы даже сказал «фи»! Что значат все эти девицы! Не более чем минутное увлечение. На этот раз речь идет о настоящем чувстве.

— Где ты с ней познакомился?

— На империале автобуса. Ее зовут Шарлотта Корде Роуботем.

— О господи!

— Она в этом не виновата, бедняжка! Так ее окрестил отец, он сторонник революции, а та, настоящая Шарлотта Корде занималась, оказывается, тем, что закалывала тиранов в ванне, за что ее полагается любить и уважать. Берти, ты обязательно должен познакомиться со старинной Роуботемом. Милейший старикан. Мечтает перерезать всех буржуев, разграбить Парк-лейн и выпустить кишки потомственной аристократии. Вполне справедливое желание, верно? Но вернемся к Шарлотте. Мы оказались вместе на империале автобуса, внезапно пошел дождь. Я предложил ей свой зонт, мы немного поболтали о том о сем. Я влюбился в нее, узнал, где она живет, а через пару дней купил фальшивую бороду и полетел знакомиться с ее семейством.

— Но при чем тут борода?

— Еще в автобусе она рассказала мне о своем отце, и я понял, что, если хочу добиться его рас-

положения, мне нужно вступить в эту чертову «Красную зарю», и, если придется произносить обличительные речи в парке, где в любой момент можно встретить кого-нибудь из знакомых, нужна маскировка. Ну, я и купил бороду. Ты не поверишь, старик, но я к ней, можно сказать, привязался. Когда я ее снимаю, чтобы, например, пойти в клуб, то чувствую себя просто голым. И в глазах Роуботема я выиграл благодаря бороде. Он думает, что я большевик и скрываюсь от полиции. Ты, Берти, и вправду должен познакомиться со стариной Роуботемом. Послушай, у тебя есть на сегодня какие-то планы?

— Вроде нет. А что?

— Отлично! Тогда мы все завалимся к тебе на чай. Я обещал отвести всю ораву в народное кафе после митинга, а теперь мне удастся сэкономить; и поверь, дружище, в моем положении сейчас не сэкономишь — не проживешь. Мой дядя сказал тебе, что он женился?

— Да. Говорит, у вас с ним прохладные отношения.

— Прохладные? Да я просто на нуле! С тех пор как дядя женился, он буквально сорит деньгами и тратит их бог знает на что, а экономит на мне. Думаю, покупка звания пэра обошлась старому

дурню в кругленькую сумму. Мне говорили, сейчас даже за баронета надо выложить прорву денег. А он еще завел скаковых лошадей. Кстати, можешь смело ставить последний шиллинг на Морского Ветерка на Гудвудских скачках. Стопроцентный верняк.

— Я так и собираюсь.

— Тут промаха быть не может. Рассчитываю выиграть достаточно денег, чтобы жениться на Шарлотте. Ты ведь поедешь в Гудвуд?

— А как же!

— Мы тоже. Собираемся провести митинг прямо на ипподроме.

— Послушай, зачем так рисковать? Твой дядя наверняка будет в Гудвуде. А вдруг он тебя узнает? Он же просто рассвирепеет, если обнаружит, что ты и есть тот наглец, который честил его в парке.

— С чего это он вдруг меня узнает? Ты пошевели мозгами: несчастный паразит, живущий за счет красных кровяных телец трудового народа. Если он вчера меня не узнал, почему он должен узнать меня в Гудвуде? Что ж, спасибо за любезное приглашение, старина. Мы его с удовольствием принимаем. Как говорится, дай, и тебе воздастся… Кстати, тебя, быть может, ввело в заблуждение

слово «чай». Не думай, что тебе удастся отделаться тонюсенькими ломтиками хлеба с маслом. Мы — дети революции и отсутствием аппетита не страдаем. Нам подавай яичницу, оладьи, ветчину, джем, кексы и сардины. Мы будем у тебя ровно в пять.

— Но, погоди… Я не уверен, что…

— Уверен, уверен… Как ты не понимаешь, глупая твоя голова, что тебе это здорово пригодится, когда грянет революция? Если на Пиккадилли ты нарвешься на старину Роуботема с окровавленным ножом в каждой руке, ты сможешь ему напомнить, что когда-то угощал его сардинами. Нас будет четверо — Шарлотта, я, старик Роуботем и товарищ Бат. Боюсь, от него отделаться не удастся.

— Какой еще, к черту, товарищ Бат?

— Ты заметил вчера типа слева от меня? Такой плюгавый сморчок. Похож на вяленую треску на последней стадии туберкулеза. Это и есть Бат. Мой соперник, черт бы его побрал. Он вроде как помолвлен с Шарлоттой. До моего прихода занимал вакантную роль сказочного принца. У него голос как пароходная сирена, старик Роуботем о нем очень высокого мнения. Но я буду не я, если не обойду этого Бата на повороте и не оставлю его

с носом. Хоть голос у него зычный, ему не хватает выразительности. В свое время я был рулевым на оксфордской восьмерке и по части выражений дам фору любому. Ладно, мне пора бежать. Послушай, не знаешь случайно, где можно раздобыть пятьдесят фунтов?

— Может, попробовать заработать?

— Заработать? — удивленно спросил Бинго. — Мне? Нет, надо придумать что-нибудь получше. Мне позарез нужно поставить пятьдесят монет на Морского Ветерка. Ладно, до завтра. Будь здоров, старичок, и не забудь про оладьи.

Не знаю отчего, но еще со школьных лет, с первого дня нашего знакомства, я постоянно чувствую ответственность за Бинго. Ведь он мне — слава богу — не сын, не брат и даже не дальний родственник. У меня нет перед ним никаких обязательств, и тем не менее вот уже многие годы я нянчусь с ним, как курица с цыплятами, и то и дело вызволяю из неприятностей. Видимо, дело в благородстве моей натуры. Его последнее увлечение меня не на шутку встревожило. Во-первых, он собирается породниться с семейством явных психов, а во-вторых, как, черт его подери, не имея ни гроша за душой, он собирается прокормить жену, пусть даже умственно неполноценную?

Если Бинго и вправду женится, старик Битлшем тотчас лишит его содержания, а лишить содержания такого охламона — это все равно что раскроить ему топором череп.

Вот почему, вернувшись домой, я позвал Дживса.

— Дживс, — сказал я, — у меня к вам просьба.

— Сэр?

— Меня беспокоит мистер Литтл. Не буду вам пока ничего говорить, завтра он приведет к чаю своих друзей, и тогда вы сами поймете, в чем дело. Все, что от вас требуется, — это внимательно наблюдать и делать выводы.

— Хорошо, сэр.

— И вот еще что: припасите побольше оладий.

— Да, сэр.

— Нам потребуются также джем, ветчина, кексы, яичница и пять или шесть вагонов сардин.

— Сардин, сэр? — содрогнулся Дживс.

— Сардин.

Последовало неловкое молчание.

— Не вините меня, Дживс, — сказал я. — Видит бог, я тут ни при чем.

— Понимаю, сэр.

— Такие вот дела.

— Да, сэр.

Видно было, что он не на шутку озадачен.

Я давно заметил, что когда ждешь чего-то ужасного, на деле, как правило, все оказывается не так уж скверно; однако в случае с чаепитием, устроенным в честь Бинго и его друзей, это правило не сработало. С той самой минуты, как Бинго навязался ко мне в гости, меня томили самые мрачные предчувствия, и, увы, они оправдались. Самое чудовищное в этой истории было то, что в первый раз за время нашего знакомства мне довелось наблюдать, как Дживс едва не потерял самообладание. Даже в самой крепкой броне имеются щели, и Дживс чуть с копыт не слетел, когда в дверях появился Бинго в каштановой бороде по пояс. Я забыл предупредить Дживса насчет бороды, и от неожиданности удар оказался особенно сокрушительным. Челюсть у него отвисла, он ухватился за край стола. Что меня лично нисколько не удивляет. Мне в жизни не приходилось видеть более омерзительного зрелища, чем бородатый Бинго. Дживс слегка побледнел; потом огромным усилием воли ему удалось овладеть собой. Но я видел, что он потрясен.

Бинго был слишком занят, представляя членов своей шайки, и ничего не заметил. Живописная у нас собралась компания, ничего не скажешь.

Товарищ Бат был похож на гриб той особой разновидности, что появляются на мертвых деревьях после дождя. Для описания старика Роуботема я бы употребил эпитет «траченный молью». А Шарлотта показалась мне существом из страшного, потустороннего мира. Не скажу даже, что она была особенно некрасива. Если бы она исключила из рациона блюда с повышенным содержанием крахмала и начала заниматься шведской гимнастикой, то, наверное, могла бы стать вполне ничего. Но ее было слишком много. «Пышнотелая» и «не в меру упитанная» — вот подходящие для нее определения. Возможно, у нее было золотое сердце, но первое, что бросалось в глаза, — это золотые зубы. Я знал, что, когда Бинго находится в хорошей форме, он в состоянии влюбиться чуть ли не в любую особу женского пола, но на этот раз я не в силах был найти никаких смягчающих обстоятельств.

— А это мой друг, мистер Вустер, — сказал Бинго, завершая церемонию знакомства.

Роуботем посмотрел на меня, потом внимательно оглядел гостиную, и видно было, что и то и другое произвело на него не слишком приятное впечатление. Нельзя сказать, чтобы моя квартира была обставлена с восточной роскошью, но

мне удалось сделать ее достаточно уютной, и, очевидно, именно это ему и не понравилось.

— Мистер Вустер? — спросил Роуботем. — А могу я называть вас «товарищ Вустер»?

— Простите?

— Разве вы не член нашего движения?

— Ну… э-э-э…

— Но вы всем сердцем сочувствуете революции?

— Не сказал бы, что всем. Ведь суть революции в том, чтобы перерезать горло таким, как я, а меня такая перспектива не устраивает.

— Я над ним работаю, — вмешался Бинго. — Я с ним борюсь. Еще несколько сеансов, и он — наш.

Старик Роуботем с некоторым сомнением взглянул на меня.

— Товарищ Литтл обладает незаурядным красноречием, — признал он.

— Он просто чудо как говорит, — сказала девушка, и Бинго взглянул на нее с таким обожанием, что я чуть не треснул его по лбу от досады. И товарища Бата это замечание изрядно расстроило. Он хмуро уставился на ковер и пробормотал что-то насчет игры с огнем.

— Кушать подано, сэр, — объявил Дживс.

— Кушать, папа! — встрепенулась Шарлотта,

точно старая полковая лошадь при звуке кавалерийской трубы; и все поскакали к столу.

Забавно, как люди меняются с годами. В школьные годы я без колебаний отдал бы свою бессмертную душу за яичницу и сардины в пять часов пополудни; но в более зрелом возрасте мой аппетит поутих; должен признаться, я был потрясен, когда увидел, с каким пылом дети революции принялись метать в рот все, что было на столе. Даже товарищ Бат позабыл на время про свою печаль и был целиком поглощен яичницей, выныривая на поверхность лишь для того, чтобы попросить еще чашку чая. Вскоре у нас вышел весь кипяток, и я повернулся к Дживсу:

— Принесите кипяток, Дживс.

— Слушаюсь, сэр.

— Эй! Это что еще такое? — Роуботем поставил чашку на стол и сурово взглянул на меня. Потом потрепал Дживса по плечу. — К чему это раболепие, сынок?

— Простите, сэр?

— И не говори мне «сэр». Называй меня просто «товарищ». Знаешь, кто ты такой, сынок? Ты типичный пережиток распавшейся феодальной системы отношений.

— Как прикажете, сэр.

— У меня просто кровь закипает в жилах, когда…

— Возьмите еще сардину, — вмешался Бинго: первый разумный поступок за долгие годы нашего знакомства. Старик Роуботем взял три и забыл, что хотел сказать, а Дживс удалился на кухню. Но видно было по выражению его спины, какие чувства он испытывает.

И вот, когда мне уже стало казаться, что эта пытка никогда не кончится, чаепитие подошло к концу. Я очнулся и увидел, что гости собираются уходить.

Сардины и шесть чашек чая смягчили суровость старого Роуботема. Пожимая мне на прощание руку, он взглянул на меня вполне дружелюбно.

— Позвольте поблагодарить вас за гостеприимство, товарищ Вустер, — сказал он.

— Ну что вы! Не стоит… Всегда рад…

— Гостеприимство? — фыркнул Бат, и его зычный голос ударил по моим барабанным перепонкам, точно взрывная волна от фугасной бомбы. Он мрачно уставился на Бинго и девушку, которые весело хохотали около окна. — Удивляюсь, как только у вас кусок не застрял в горле! Яйца! Оладьи! Сардины! Все это вырвано изо рта

изголодавшихся бедняков!

— Ну что вы! Как вы могли подумать!

— Я пришлю вам литературу о целях нашего движения, — сказал Роуботем. — И надеюсь, что вскоре вы примете участие в наших митингах.

Когда Дживс пришел убирать со стола, он застал лишь дымящиеся руины. Несмотря на гневные филиппики, которые товарищ Бат произнес по поводу кулинарных излишеств, он благополучно прикончил всю ветчину; а оставшегося джема не хватило бы даже на то, чтобы смазать тонким слоем последний уцелевший кусочек хлеба и положить в рот изголодавшегося бедняка.

— Ну как, Дживс, — спросил я. — Что скажете?

— Я предпочел бы не высказывать свое мнение, сэр.

— Мистер Литтл влюблен в эту женщину, Дживс.

— Я это понял, сэр. Она только что отшлепала его в коридоре.

— Отшлепала?!

— Да, сэр. В шутку, сэр.

— Боже милостивый! Я и не знал, что дело зашло так далеко. И как воспринял это товарищ Бат? Или он ничего не заметил?

— Заметил, сэр. Он присутствовал там на про-

тяжении всей процедуры. Мне показалось, что он был вне себя от ревности.

— Его можно понять! Хорошо, Дживс, что же нам делать?

— Не могу вам сказать, сэр.

— По-моему, это уж слишком.

— Именно так, сэр.

Вот и все утешение, которое я получил от Дживса.

Глава 12
Бинго не везет в Гудвуде

Я пообещал Бинго встретиться с ним на следующий день и сообщить свое мнение об этой жуткой Шарлотте и вот теперь тащился по Сент-Джеймс-стрит, ломая голову над тем, как, не нанеся смертельной обиды, объяснить ему, что на всем свете нет более омерзительной особы. Вдруг из дверей Девонширского клуба вышел старый Битлшем, а с ним Бинго — собственной персоной. Я прибавил шагу и нагнал их.

— Вот так встреча! — сказал я.

Это невинное приветствие отчего-то произвело неожиданный эффект. Старый Битлшем весь затрясся с головы до ног, словно бланманже на палочке, выпучил глаза и позеленел.

— Мистер Вустер! — воскликнул он с облегчением, узнав меня, — очевидно, встреча со мной представлялась ему не самым худшим из возможных несчастий. — Как вы меня напугали.

— Ах, извините.

— Дядя немного расстроен, — сказал Бинго полушепотом, словно у постели тяжелобольно-

го. — Он получил письмо с угрозами.

— Письмо с угрозами?

— Написанное явно безграмотной рукой, — сказал Битлшем, — и в недвусмысленно угрожающих выражениях. Мистер Вустер, вы помните того злобного бородатого субъекта, который набросился на меня с оскорблениями в Гайд-парке в минувшее воскресенье?

Я вздрогнул и украдкой покосился на Бинго. Его лицо не выражало ничего, кроме озабоченности и участия.

— Что? А… ну да, — сказал я. — Бородатый субъект. Тот тип с бородой.

— Вы смогли бы его опознать — если потребуется?

— Ну… э-э-э… То есть как это?

— Видишь ли, Берти, — сказал Бинго, — мы подозреваем, что письмо — дело рук бородатого. Вчера вечером я проходил по Паунсби-Гарденз мимо дома, где живет дядя Мортимер, и увидел, как с крыльца крадучись спустился незнакомец. Видимо, это он принес письмо. Я заметил, что у него была борода. Я вспомнил об этом, когда дядя Мортимер рассказал мне про письмо и про тот инцидент в парке. Я решил во всем разобраться.

— Нужно известить полицию, — сказал лорд

Битлшем.

— Нет, — твердо сказал Бинго, — на этой стадии расследования полиция мне только помешает. Не волнуйтесь, дядя. Я уверен, что сумею выследить этого типа. Предоставьте дело мне. Сейчас я посажу вас в такси, и мы как следует все обсудим с Берти.

— Ты славный мальчик, Ричард, — сказал старик Битлшем, после чего мы запихнули его в проезжавшее такси и помахали ему ручкой.

Я повернулся к Бинго и смерил его суровым взглядом.

— Это ты написал письмо? — спросил я.

— Разумеется! Жаль, Берти, что ты его не видел! Лучшее угрожающее письмо всех времен и народов!

— Но какой во всем этом смысл?

— Очень даже большой смысл, дорогой мой Берти, — сказал Бинго и с чувством взял меня за рукав. — Что ни скажут обо мне потомки, в одном они не смогут меня упрекнуть: что, мол, у меня не было деловой хватки. Взгляни на это! — Он помахал у меня перед носом какой-то бумажкой.

— Ух ты! — Это был чек, самый настоящий, недвусмысленный чек на пятьдесят монет, подписанный лордом Битлшемом и выданный на

имя Р. Литтла.

— Это за какие же заслуги?

— На расходы, — сказал Бинго и положил чек в карман. — Ведь всякое расследование требует денег, верно? Сейчас побегу в банк — то-то они там рот разинут, потом отправлюсь к букмекеру и поставлю всю сумму на Морского Ветерка. В таких делах, Берти, главное — такт. Если бы я пришел к дяде и попросил у него пятьдесят фунтов, получил бы я их? Да никогда в жизни! А проявив такт, я… Кстати, что ты скажешь о Шарлотте?

— Ну… э-э-э…

Бинго любовно массировал рукав моего пиджака.

— Понимаю, старик, понимаю. Даже и не пытайся подыскать слова. Она сразила тебя наповал, верно? Ты просто онемел, ведь так? Уж я-то знаю. Она на всех так действует. Ладно, дружище, мне пора… Да, и последнее: что ты скажешь о Бате? Роковая ошибка природы, ты не находишь?

— Должен признаться, мне доводилось встречать людей и поприветливее.

— По-моему, я его обскакал, Берти. Сегодня Шарлотта идет со мной в зоопарк. Одна. А после этого я веду ее в кино. Мне кажется, что это начало конца, а? Ладно, хоп-хоп, старичок. Если

тебе сегодня нечего делать, можешь пробежаться по Бонд-стрит и присмотреть мне свадебный подарок.

После этого я потерял Бинго из виду. Пару раз я оставлял для него записки в клубе с просьбой позвонить, но безо всякого результата. Я понял, что он слишком занят, чтобы откликнуться на мои призывы. И дети «Красной зари» исчезли из моей жизни, хотя Дживс как-то сказал, что однажды встретился с Батом и имел с ним краткий разговор. Дживс сообщил, что Бат стал еще мрачнее прежнего. Его шансы на победу в борьбе за пышнотелую Шарлотту резко пошли вниз.

— Похоже, что мистер Литтл полностью затмил его, сэр, — сказал Дживс.

— Плохо дело, Дживс, очень плохо.

— Да, сэр.

— Боюсь, что, когда Бинго покончит с артподготовкой и пойдет в штыковую, не будет такой силы ни на небе, ни на земле, которая помешала бы ему свалять грандиозного дурака.

— Похоже, что так, сэр, — сказал Дживс.

Потом подоспели Гудвудские скачки, я облачился в свой лучший костюм и полетел на ипподром.

Когда о чем-то рассказываешь, всегда встает

вопрос: стоит ли ограничиться голыми фактами или развести пожиже и украсить рассказ всякими мелкими деталями, передать атмосферу и все такое? Я хочу сказать, что многие на моем месте, прежде чем дойти до развязки этой истории, описали бы Гудвуд, голубое небо, живописные холмы, веселые стайки карманников, а также толпы тех, чьи карманы они обчистили, ну и так далее. Но лучше все это опустить. Даже если бы я и захотел подробно описать те злополучные скачки, у меня просто рука не поднимется. Рана еще слишком свежа. Боль до сих пор не утихла. Дело в том, что Морской Ветерок (будь он трижды неладен!) пришел последним. Представляете? Последним!

«Настало время испытаний, когда проверяется сила духа каждого из нас». Проигрывать всегда неприятно, но на этот раз я был настолько уверен в победе этого чертова Ветерка, что полагал, будто сам забег — пустая формальность, своего рода причудливая устаревшая церемония, которую полагается совершить прежде, чем прогуляться к букмекеру и получить свой выигрыш. Я побрел к выходу с ипподрома на поиски средства, позволяющего приглушить боль и забыться, и вдруг наткнулся на Битлшема. У него был настолько

убитый вид, физиономия такого свекольного оттенка, а глаза горестно скосились к переносице под таким невообразимым углом, что я лишь молча пожал его руку.

— Я тоже, — сказал я. — И я тоже. А вы — сколько вы продули?

— Продул?

— На Морском Ветерке?

— Но я не ставил на Морского Ветерка.

— Как? Владелец фаворита Гудвудского кубка не ставит на собственную лошадь!

— Я никогда не играю на скачках. Это противоречит моим принципам. Мне сообщили, что моя лошадь не победила в сегодняшних состязаниях.

— Не победила! Да она настолько отстала от всех, что чуть было не пришла первой в следующем забеге!

— Ну и ну! — сказал Битлшем.

— Вот именно что «ну и ну», — согласился я. Тут только до меня дошло, что здесь что-то не так. — Но если вы ничего не проиграли, отчего у вас такой убитый вид?

— Этот субъект здесь.

— Какой субъект?

— Тот, бородатый.

Представляете, до какой степени я был со-

крушен проигрышем — до сих пор ни разу не вспомнил про Бинго. Только сейчас до меня дошло, что он тоже собирался в Гудвуд.

— Он как раз произносит подстрекательскую речь лично против меня. Идемте! Видите, какая там собралась толпа. — Он потянул меня за собой и, умело используя преимущества супертяжелой весовой категории, пробрался — а вместе с ним и я — в первые ряды. — Слушайте! Слушайте!

Бинго и вправду был в ударе. Горечь разочарования от того, что проклятая кляча, на которую он поставил последние деньги, не вошла в первую шестерку, распалила его красноречие. Он с беспощадной яростью обрушился на бессердечных плутократов — владельцев скаковых лошадей, которые вводят в заблуждение публику и уверяют, будто их животные находятся в отличной форме, а они едва способны доковылять до ворот конюшни. Потом он широкими мазками набросал душераздирающую картину, наглядно продемонстрировав, как подобная бесчестность отражается на положении трудящихся масс. Простой рабочий, доверчивый и полный радужных надежд, свято верит каждому слову, напечатанному в газетах о великолепных статях Морского Ветерка; он морит голодом жену и детей, чтобы

иметь возможность поставить на расхваленную лошадь; отказывает себе в кружке пива, лишь бы сэкономить лишний шиллинг; накануне скачек он взламывает шляпной булавкой детскую копилку и в конце концов оказывается обманутым самым бессовестным образом. Очень выразительно все это у Бинго получилось. Я видел, как старый Роуботем одобрительно кивает головой, а Бат с плохо скрытой завистью злобно глядит на оратора. Публика слушала Бинго развесив уши.

— Но какое дело лорду Битлшему до того, что бедный рабочий потеряет свои сбережения, нажитые непосильным трудом? — заливался Бинго. — Вот что я вам скажу, дорогие товарищи и друзья, мы можем сколько угодно здесь митинговать, мы можем сколько угодно спорить и принимать резолюции, но единственное, что нам требуется, — это действовать! Действовать! Чтобы простые честные люди завоевали себе достойное место в этом мире, кровь лорда Битлшема и ему подобных должна хлынуть на мостовую Парк-лейн!

Его речь была встречена одобрительным ревом; видимо, многие тоже поставили на Морского Ветерка и потому приняли его слова близко к сердцу. Битлшем бросился к дюжему поли-

цейскому с печальной физиономией, который меланхолично наблюдал за происходящим, и, судя по всему, стал побуждать его вмешаться. Полицейский потеребил усы, печально улыбнулся, этим его вмешательство и ограничилось, и старый Битлшем вернулся назад ко мне, громко фыркая от возмущения.

— Чудовищно! Мне открыто угрожают, а полисмен не желает пальцем шевельнуть. Говорит, пустые слова. Ничего себе «слова»! Просто чудовищно!

— Вот именно! — подтвердил я, но мне показалось, я его не слишком утешил.

Слово взял товарищ Бат. Голос у него был как труба архангела Гавриила, дикция великолепная, но завоевать расположение публики ему почему-то не удалось. Мне кажется, ему не хватало конкретных фактов. После речи Бинго слушателям хотелось чего-нибудь позабористее, чем абстрактные рассуждения про Общее Дело. Публика начала бесцеремонно перебивать оратора, и тут Бат замолк на полуслове и уставился на Битлшема.

В толпе решили, что у него сел голос.

— Пососи таблетку с ментолом! — крикнул кто-то.

Товарищ Бат судорожным усилием взял себя в руки, и даже издали я увидел, как злобно засверкали его глаза.

— Ладно, товарищи! — прокричал он. — Можете надо мной смеяться, можете глумиться, можете издеваться, сколько вам вздумается. Но знайте: движение наше растет и крепнет с каждым днем и с каждым часом. В него включаются представители так называемых высших классов. Чтобы не быть голословным, скажу, что здесь, сегодня, вот на этом самом месте, среди нас присутствует один из самых стойких наших борцов, племянник лорда Битлшема — того самого лорда Битлшема, чье имя вызвало ваше справедливое негодование всего несколько минут назад.

И прежде чем Бинго успел сообразить, что сейчас произойдет, Бат сорвал с него фальшивую бороду. Как ни велик был успех, выпавший на долю Бинго, он ни в какое сравнение не шел с бурей восторга, обрушившейся на голову товарища Бата. Я услышал, как старый Битлшем крякнул от изумления, но все последующие его комментарии — если таковые были — потонули в громе аплодисментов.

Должен признаться, что в этой непростой ситуации Бинго проявил завидную решительность

и присутствие духа. Недолго думая, он схватил товарища Бата за горло, явно желая оторвать ему голову. Впрочем, ему не удалось достичь на этом поприще сколько-нибудь ощутимых результатов, поскольку печальный полисмен очнулся от гипноза и вступил в игру: в следующую минуту он уже пробирался сквозь толпу с Бинго в правой руке и с товарищем Батом в левой.

— Пожалуйста, позвольте пройти, сэр, — вежливо попросил он, натолкнувшись на стоявшего у него на пути лорда Битлшема.

— А? Что? — пролепетал Битлшем: он еще не вышел из ступора.

Услышав дядин голос, Бинго выглянул из-под правой руки державшего его за шиворот полисмена, и в тот же миг вся его храбрость улетучилась, точно газ из проткнутого иглой воздушного шарика. Он поник, как увядшая водяная лилия, и молча прошаркал мимо. У него был вид человека, которому только что крепко накостыляли по шее.

Когда Дживс приносит мне утром чашку чая и ставит на столик рядом с кроватью, он либо молча выскальзывает из спальни, оставляя меня в одиночестве смаковать «Оолонг», либо почтительно топчется на ковре, и это значит, что ему

нужно мне что-то сообщить. Проснувшись на следующий день после возвращения из Гудвуда, я лежал на спине и глядел в потолок и вдруг заметил, что Дживс все еще в спальне.

— А, Дживс, — сказал я. — Хотите мне что-то сказать?

— Мистер Литтл заходил час назад, сэр.

— В самом деле? Он рассказал вам про вчерашнее?

— Да, сэр. Его приход к вам как раз и был связан с последними событиями. Он решил уехать из Лондона и пожить некоторое время на лоне природы.

— Весьма разумная мысль.

— Именно так я ему и сказал, сэр. Однако на пути к осуществлению этого плана встала финансовая проблема. Я взял на себя смелость ссудить ему от вашего имени десять фунтов на текущие расходы. Надеюсь, вы ничего не имеете против, сэр?

— Разумеется, нет. Возьмите десятку на туалетном столике.

— Хорошо, сэр.

— Дживс, — сказал я.

— Сэр?

— Никак не могу взять в толк, как все это про-

изошло. Я хочу сказать, как этому Бату удалось разнюхать, кто такой Бинго?

Дживс кашлянул.

— Боюсь, в какой-то мере это моя вина, сэр.

— Ваша? Каким образом?

— Кажется, я нечаянно раскрыл имя мистера Литтла в разговоре с мистером Батом.

Я сел на кровати.

— Что-о?

— Да, сэр, теперь я со всей определенностью припоминаю, как говорил ему, что преданность мистера Литтла Общему Делу заслуживает широкого общественного признания. Я горько сожалею, что стал невольной причиной временной размолвки между мистером Литтлом и его светлостью. Боюсь, в этом деле есть еще одна сторона. Я также несу ответственность за разрыв отношений между мистером Литтлом и юной леди, которая приходила к нам на чай.

Я снова сел на постели. Как ни странно, я до сих пор не подумал о положительных последствиях вчерашнего инцидента.

— Вы хотите сказать, что между ними все кончено?

— Окончательно и бесповоротно, сэр. Насколько я понял со слов мистера Литтла, он потерял

надежду на успех в этом предприятии. Даже если бы не было иных препятствий, отец юной леди считает его обманщиком и шпионом, так сказал мне мистер Литтл.

— Будь я проклят!

— Сам того не желая, я доставил всем столько неприятностей, сэр.

— Дживс! — сказал я.

— Сэр?

— Сколько денег на туалетном столике?

— Помимо тех десяти фунтов, которые вы велели мне взять, сэр, там остались две пятифунтовые банкноты, три банкноты по одному фунту, десять шиллингов, две полкроны, флорин, четыре шиллинга, шесть пенсов и полпенса, сэр.

— Забирайте все, — сказал я. — Вы их честно заработали.

Глава 13
Большой гандикап проповедников

После завершения сезона в Гудвуде я обычно впадаю в состояние тоскливого беспокойства. Я не большой любитель тенистых дубрав, цветущих лугов, щебетания птиц и прочих сельских радостей, но в августе Лондон — не лучшее место на свете, и поневоле начинаешь думать: а не свалить ли куда-нибудь на природу да переждать, пока климат изменится к лучшему? Через две недели после феерического провала Бинго, о котором я вам рассказывал, Лондон превратился в пахнущую раскаленным асфальтом пустыню. Все мои приятели разъехались, театры позакрывались, а Пиккадилли перекопали вдоль и поперек.

Жара стояла адская. Я сидел у себя вечером в гостиной, собираясь с силами, чтобы добрести до спальни, и вдруг почувствовал, что дольше не выдержу. Когда из кухни появился Дживс с подносом, уставленным укрепляющими тело и душу напитками, я принял решение.

— Что за чудовищная жара, Дживс, — сказал я,

утирая лоб и хватая ртом воздух, точно выброшенный на сушу карась.

— Погода и в самом деле угнетающая, сэр.

— Не одну содовую, Дживс.

— Хорошо, сэр.

— Хватит торчать в столице, Дживс, пора на волю. Ну что, двинем?

— Как скажете, сэр. Что-нибудь еще прикажете, сэр? — сказал Дживс и поставил на стол поднос с письмом.

— Черт побери, Дживс, вы начали говорить стихами. У вас получилось в рифму — вы не заметили? — Я распечатал конверт. — Это надо же!

— Сэр?

— Вы бывали в Твинг-Холле?

— Да, сэр.

— Так вот, мистер Литтл сейчас там.

— В самом деле, сэр?

— Собственной персоной. Ему пришлось снова поступить в гувернеры.

После того жуткого скандала в Гудвуде, когда Бинго, оставшись без средств к существованию, стрельнул у меня десятку и усвистал в неизвестном направлении, я долго его повсюду разыскивал, справлялся у общих знакомых, но никто ничего не знал. А он, оказывается, все это время

скрывался в Твинг-Холле. Поразительно. Объясню, что здесь поразительного. Дело в том, что Твинг-Холл принадлежит лорду Уикеммерсли, давнему другу моего покойного папаши, поэтому мне разрешается приезжать туда в любое время без приглашения. Я каждое лето заваливаюсь к ним на пару недель и как раз решил направить туда свои стопы, а тут Дживс подает мне письмо.

— Мало того, мои кузены Клод и Юстас — вы помните их, Дживс?..

— Прекрасно помню, сэр.

— Так вот, они тоже там, готовятся к какому-то экзамену под руководством местного священника. Я в свое время тоже с ним занимался. Он большой мастак натаскивать учеников, не отягощенных избытком интеллекта. Да что говорить, даже мне удалось с его помощью проскочить вступительные в Оксфорд, неудивительно, что слава о нем разошлась далеко за пределы Глостершира. Но вообще это поразительное совпадение.

Я перечел письмо. Письмо было от Юстаса. Клод и Юстас — близнецы и известны широкой общественности как проклятие рода человеческого.

«Дом священника, Твинг, Глостершир
Дорогой Берти!

Хочешь разжиться денежками? Думаю, хочешь – я слышал, ты не очень успешно выступил в Гудвуде. Приезжай как можно скорее, у тебя есть шанс принять участие в самом крупном спортивном событии сезона. Все объясню при встрече, но можешь мне поверить: дело стоящее.

Мы с Клодом занимаемся в группе по подготовке к экзаменам у старины Хеппенстола. Нас тут девять человек, не считая твоего приятеля Бинго, который служит гувернером в Твинг-Холле.

Не упусти свой шанс – такой случай выпадает раз в жизни. С нетерпением ждем твоего приезда.

Юстас».

Я протянул письмо Дживсу. Тот его внимательно изучил.

— Страннейшее послание. Вы что-нибудь понимаете? — спросил я.

— Мистер Клод и мистер Юстас весьма пылкие юные джентльмены, сэр. Позволю себе высказать предположение: они снова что-то затеяли.

— Да, но что именно?

— Затрудняюсь сказать, сэр. Смею обратить ва-

ше внимание, что на другой стороне тоже что-то написано.

— В самом деле? — Я выхватил у него письмо и на обороте обнаружил следующее:

«ГАНДИКАП ПРОПОВЕДНИКОВ

ВОЗМОЖНЫЕ УЧАСТНИКИ И СТАВКИ

Преп. Джозеф Такер (Баджвик), без форы.

Преп. Ленард Старки (Стейплтон), без форы.

Преп. Александр Джонс (Верхн. Бингли), фора три минуты.

Преп. У. Дикс (Литтл-Кликтон-он-де-Уолд), фора пять минут.

Преп. Фрэнсис Хеппенстол (Твинг), фора восемь минут.

Преп. Катберт Диббл (Баустед-Парва), фора девять минут.

Преп. Орло Хаф (Баустед-Магна), фора девять минут.

Преп. Дж. Дж. Робертс (Фейл-бай-де-Уотер), фора десять минут.

Преп. Г. Хейворд (Нижн. Бингли), фора двенадцать минут.

Преп. Джеймс Бейтс (Гэндл-бай-де-

Хилл), фора пятнадцать минут.

Ставки: Такер, Старки – 5:2; Джонс – 3:1; Дикс – 9:2; Хеппенстол, Диббл, Хаф – 6:1; все прочие – 100:8».

Абракадабра какая-то.

— Дживс, вы что-нибудь понимаете?

— Нет, сэр.

— Как бы там ни было, пожалуй, стоит съездить и разузнать подробнее.

— Вне всякого сомнения, сэр.

— Тогда вперед! Заверните в газету пару свежих воротничков и зубную щетку, пошлите лорду Уикеммерсли телеграмму о нашем приезде, слетайте на Паддингтонский вокзал и купите билеты на завтрашний пятичасовой поезд.

Пятичасовой поезд, как всегда, опоздал, и, когда я добрался до Твинг-Холла, все уже переоделись к ужину. Побив национальный рекорд по надеванию смокингов и белых жилетов, я вихрем слетел вниз по лестнице в столовую и поспел к супу. Плюхнулся на свободный стул и обнаружил, что сижу рядом с Синтией — младшей дочерью лорда Уикеммерсли.

— Привет, старушка, — сказал я.

Мы с Синтией дружны с детства. Одно вре-

мя мне даже казалось, будто я в нее влюблен. Впрочем, потом все само собой рассосалось. На редкость хорошенькая, веселая и привлекательная барышня, ничего не скажешь, но помешана на разных там идеалах. Может, я к ней несправедлив, но, по-моему, она считает, что мужчина должен делать карьеру и прочее. Помню, она с большой похвалой отзывалась о Наполеоне. Как бы там ни было, безумства юности растаяли как дым, и теперь мы всего лишь добрые друзья. Я считаю, что она — классная девушка, а она считает меня чокнутым, так что мы прекрасно ладим.

— Привет, Берти. Значит, приехал?

— Выходит, так. Явился, не запылился. И прямо к ужину. Просвети, кто есть кто.

— В основном местная публика. Ты их почти всех знаешь. Ты наверняка помнишь полковника Уиллиса, Спенсеров…

— Еще бы. А вот и старина Хеппенстол. А этот другой священник, рядом с миссис Спенсер?

— Мистер Хейворд, из Нижнего Бингли.

— У вас здесь полным-полно священников. Вон еще один, рядом с миссис Уиллис.

— Это Бейтс, племянник мистера Хеппенстола. Преподает в Итоне. На время летних каникул замещает мистера Спеттигью, священника в

Гэндл-бай-де-Хилл.

— То-то смотрю — знакомое лицо. Он учился на четвертом курсе в Оксфорде, когда я туда поступил. Пользовался большим успехом. Входил в сборную Оксфорда по гребле. — Я еще раз оглядел собравшихся за столом и заметил Бинго. — А, вот и он, — сказал я. — Вот он где, дурья башка.

— Кто?

— Бинго Литтл. Мой старый друг. Гувернер твоего брата.

— С ума сойти! Так он — твой друг?

— Еще какой! Мы с ним с детства знакомы.

— Послушай, Берти, как у него с головой?

— А что — с головой?

— Я не потому, что он твой приятель. Он так странно себя ведет…

— Что значит — странно?

— Ну, смотрит на меня с таким видом…

— С каким видом? Как именно? Можешь показать?

— Нет, тут полно народа.

— Ничего, я закрою тебя салфеткой.

— Хорошо, только быстро. Вот так.

Учитывая, что в ее распоряжении было всего полторы секунды, должен признать, что она отлично справилась: разинула рот, выпучила

глаза, горестно склонила голову набок и стала удивительно похожа на страдающего диспепсией теленка. Я мгновенно узнал симптомы.

— Ничего страшного, — сказал я. — Можешь не волноваться. Он просто в тебя влюблен.

— Влюблен? В меня? Какие глупости.

— Старушка, ты просто не знаешь Бинго. Он способен влюбиться в кого угодно.

— Спасибо за комплимент.

— Господи, я совсем не о том. Меня ничуть не удивляет, что он в тебя втрескался. Я и сам был в тебя когда-то влюблен.

— Когда-то? А теперь, значит, все быльем поросло? Да, Берти, ты сегодня явно в ударе!

— Ласточка моя, но ты сама, черт подери, дала мне от ворот поворот и чуть не померла от смеха, когда я сказал тебе…

— Ладно, чего уж там. Признаю — мы оба хороши… А он очень красивый, верно?

— Красивый? Бинго? Ну, знаешь!

— По сравнению с некоторыми, — сказала Синтия.

Немного погодя леди Уикеммерсли подала сигнал, и дамы очистили помещение. Я хотел поговорить с Бинго, но мне не удалось, а когда мы перешли в гостиную, он куда-то исчез. В конце

концов я нашел Бинго в его комнате: он валялся на кровати, задрав ноги на спинку, и курил. На покрывале рядом с ним лежал блокнот.

— Здорово, бездельник.

— Привет, Берти, — унылым тоном отозвался Бинго.

— Я и не подозревал, что ты окопался в Твинг-Холле. Стало быть, дядя перекрыл тебе кислород после заварушки в Гудвуде? Пришлось наняться в гувернеры?

— Верно, — лаконично подтвердил Бинго.

— Мог хотя бы сообщить свой адрес.

Он мрачно нахмурился.

— Я нарочно никому не сказал. Хотелось от всех спрятаться. Сказать по правде, Берти, мне было очень паршиво. Солнце померкло…

— Странно. А в Лондоне стояла дивная погода.

— Птицы умолкли…

— Какие птицы?

— Черт подери, не все ли равно какие! — с раздражением воскликнул Бинго. — Просто птицы. Местные пернатые твари. Может, мне еще выписать для тебя их латинские названия? Признаюсь, Берти, это был страшный удар.

— Что за удар? — Я не поспевал за извивами его мысли.

— Я говорю о гнусном предательстве Шарлотты.

— А, ну да! — Бесчисленные любовные истории Бинго перепутались у меня в голове, и я совсем забыл про эту особу. Ну конечно! Шарлотта Корде Роуботем! После скандала в Гудвуде она оставила его с носом и ушла к товарищу Бату.

— Я пережил адские муки. Впрочем, в последнее время я немного… э-э-э… утешился. Послушай, Берти, а как здесь оказался ты? Я не знал, что ты знаком с владельцами Твинг-Холла.

— Я? Да я их знаю с детства.

Бинго с громким стуком сбросил ноги со спинки кровати.

— Ты хочешь сказать, что давно знаком с леди Синтией?

— Конечно. Мне еще семи лет не было, когда мы повстречались.

— Ну и ну! — воскликнул он и в первый раз в жизни взглянул на меня чуть ли не с уважением. Он даже поперхнулся дымом от волнения. — Я люблю эту девушку, Берти, — прокашлявшись, объявил он.

— Что ж, она очень славная.

Он бросил на меня гневный взгляд.

— Как ты можешь говорить о ней таким обы-

денным тоном! Она — ангел. Ангел! Она ничего не говорила про меня во время обеда?

— Говорила.

— И что же она сказала?

— Я запомнил одну ее фразу. Она сказала, что считает тебя красавцем.

Бинго в экстазе закрыл глаза. Потом взял в руки блокнот.

— А теперь проваливай, старина, будь другом, — сказал он, и лицо его приняло отсутствующее выражение. — Мне нужно кое-что написать.

— Написать?

— Стихи, если тебе непременно нужно знать. Господи, я бы все отдал, — с горечью сказал Бинго, — чтобы ее звали не Синтия, а как-то иначе. Просто рехнешься, пока подберешь рифму. Как бы я развернулся, если бы ее звали Джейн!

На следующий день, когда за окном сияло раннее утро, а я еще лежал в постели, жмурясь от блеска солнечных лучей на туалетном столике, и поджидал Дживса с утренним чаем, что-то тяжелое плюхнулось мне на ноги, и голос Бинго оскорбил мой слух. Бездельник, как видно, поднялся ни свет ни заря.

— Выметайся, — сказал я. — Оставь меня в покое. Я не в состоянии никого видеть, пока не

выпью чаю.

— Если Синтия смеется, — сказал Бинго, — голубеют небеса; как алмаз, блестит роса; вторит соловьиной трели свист пастушеской свирели, если Синтия смеется. — Он откашлялся и переключился на вторую передачу: — Если Синтия грустит…

— Что за чушь ты несешь?

— Это стихотворение, я написал его прошлой ночью для Синтии. Хочешь послушать дальше?

— Не хочу!

— Не хочешь?

— Нет. Я еще не пил чай.

В эту секунду вошел Дживс, и я с радостным криком принял из его рук чашку с животворным напитком. После нескольких глотков я взглянул на окружающий мир более благосклонно. Даже Бинго уже не так сильно осквернял пейзаж. После первой чашки я ощутил себя другим человеком и не только позволил дурню дочитать до конца его чертову ахинею, но даже раскритиковал рифмовку четвертой строчки пятого стиха. Мы все еще препирались по этому поводу, когда дверь распахнулась и в комнату ввалились Клод и Юстас. Вот что меня убивает в сельских нравах: в такую несусветную рань жизнь в доме уже бьет

ключом. Мне доводилось гостить в загородных домах, где хозяева регулярно вторгались в мои безгрешные сны в шесть тридцать утра и предлагали сбегать на озеро искупаться. Слава богу, что в Твинг-Холле меня хорошо знают и дают спокойно позавтракать в постели. Близнецы явно были рады меня видеть.

— Берти, старичок! — воскликнул Клод.

— Молодчина! — воскликнул Юстас. — Преподобный сказал нам, что ты приехал. Так и знал, что мое письмо тебя расшевелит.

— Можешь всегда смело ставить на Берти, — сказал Клод. — Спортсмен до мозга костей. Ну как, Бинго тебе уже все рассказал?

— Ни единого слова. Он…

— Мы обсуждали другую тему, — поспешно перебил меня Бинго.

Клод ухватил с подноса последний кусок хлеба с маслом, а Юстас налил себе чашку чая.

— Дело вот в чем, Берти, — сказал Юстас, поудобнее устраиваясь в кресле. — Ты уже знаешь из письма, что в этом богом забытом месте нас здесь девять несчастных, мы готовимся к экзаменам под началом Хеппенстола. Конечно, приятно потеть над латынью и греческим, когда жара градусов под сорок в тени, но иногда человеку

нужно расслабиться. А в этой дыре, как на грех, нет никаких условий для культурного отдыха. Так вот, у Стеглза родилась идея. Стеглз тоже из нашей группы и, между нами, довольно мерзкий тип. Но нужно отдать ему должное — это была его идея.

— Какая идея?

— Ты ведь знаешь, сколько в здешних краях священников. В радиусе шести миль больше десяти деревушек, в каждой деревушке — своя церковь, в каждой церкви по приходскому священнику, и по воскресеньям все они произносят проповеди. На следующей неделе — в воскресенье, двадцать третьего августа — мы открываем тотализатор и проводим гандикап местных проповедников. Принимать ставки будет Стеглз. Продолжительность проповеди каждого из священников будет засекаться доверенным судьей-хронометристом, и выигрывает тот, кто прочтет самую длинную проповедь. Ты получил программу скачек?

— Я ни черта в ней не понял.

— Ну и болван: там же указаны форы и текущие ставки для каждого из участников. Если у тебя нет программы под рукой, вот тебе еще одна. Взгляни на нее внимательно. Тут все разжевано. Дживс, дружище, не хотите попытать счастья?

— Сэр? — спросил Дживс, он только что вплыл в спальню с моим завтраком.

Клод объяснил ему схему. Дживс, как всегда, все моментально понял, но в ответ лишь отечески улыбнулся.

— Спасибо, сэр, пожалуй, нет.

— Но ты-то примешь участие, Берти? — спросил Клод, запихивая в рот булочку с беконом. — Просмотрел список? Теперь скажи: ты ничего особенного не заметил?

Разумеется, заметил. Сразу же, едва взглянул.

— Это же верная победа старины Хеппенстола, — сказал я. — На блюдечке и с бесплатной доставкой. В здешней округе нет ни одного проповедника, кто бы мог дать ему восемь минут форы. Ваш приятель Стеглз, я вижу, просто осел, если оценил его шансы подобным образом. Когда я занимался с Хеппенстолом перед поступлением в Оксфорд, он редко говорил в церкви меньше получаса, а его коронная проповедь на тему «О любви к ближнему» длилась по крайней мере сорок пять минут. Он что, утратил былой пыл?

— Ничего он не утратил, — сказал Юстас. — Расскажи ему, Клод, как все вышло.

— Значит, так, — сказал Клод, — в первое воскресенье, как мы приехали в Твинг, мы пошли в

здешнюю церковь, и Хеппенстол произнес проповедь, которая не длилась и двадцати минут. А дело вот в чем. Стеглз не обратил внимания, да и сам преподобный сперва не заметил, но мы с Юстасом видели, как по пути на кафедру он выронил из папки с текстом проповеди несколько страниц. Потом он, конечно, обнаружил брешь, на секунду запнулся, но быстро нашелся и дочитал проповедь до конца. Вот почему у Стеглза сложилось впечатление, будто двадцать минут — это его предел. В следующее воскресенье мы прослушали Такера и Старки, оба разливались соловьем больше тридцати пяти минут, и Стеглз составил программу скачек в том виде, в каком ты ее видишь. Ты непременно должен участвовать, Берти. Беда в том, что я сейчас на мели, у Юстаса ни гроша за душой, и у Бинго в кармане пусто, поэтому тебе придется выступить в качестве спонсора нашего синдиката. И не надо, пожалуйста, корчить такую физиономию! Это же верное дело, осталось лишь нагнуться и подобрать наши денежки. Ладно, нам пора. Подумай и к вечеру позвони мне. И если ты нас подведешь, Берти, мое кузенское проклятие да падет… Идем, Клод.

Чем дольше я размышлял, тем больше мне эта затея нравилась.

— Ну как, не соблазнились, Дживс? — спросил я.

Дживс ласково улыбнулся и выплыл из комнаты.

— Дживс напрочь лишен спортивного азарта, — заключил Бинго.

— Зато я не лишен. И готов участвовать. Клод прав — деньги, можно сказать, сами плывут в руки.

— Вот и молодец! — воскликнул Бинго. — Теперь и для меня забрезжил свет в конце тоннеля. Скажем, я ставлю десятку на Хеппенстола и выигрываю. Тогда я смогу поставить через две недели на Белую Стрелу в двухчасовом забеге в Гатвике. Получаю выигрыш и ставлю все на Выхухоль в забеге час тридцать в Льюисе. Выигрываю кругленькую сумму, с которой отправляюсь десятого сентября в Александра-Парк, где мне обещали шепнуть на ухо стопроцентный верняк.

Это напоминало «Быстрый и надежный способ заработать миллион фунтов».

— А уж тогда, — продолжал Бинго, — я могу смело идти к дяде. Ведь он большой сноб и, когда узнает, что я беру в жены графскую дочь…

— Послушай, старик, — не выдержал я, — тебе не кажется, что ты несколько опережаешь

события?

— Нет, отчего же. Конечно, окончательно еще ничего не решено, но она призналась, что я ей нравлюсь.

— Что?!

— Она сказала, что ее привлекают самостоятельные, мужественные, красивые мужчины, при этом спортивные, деятельные, обладающие сильным характером и честолюбием.

— Ради всего святого, проваливай, — сказал я. — Дай мне спокойно доесть яичницу.

Встав с постели, я сразу же поскакал к телефону и велел Юстасу прервать на время свои штудии и срочно поставить на твингского рысака — по десятке за каждого члена синдиката. После обеда Юстас позвонил мне и доложил, что сделал все, как я сказал, причем по более выгодной ставке семь к одному: расценки повысились по причине слухов из хорошо осведомленных кругов, что преподобный подвержен сенной лихорадке и сильно рискует, совершая утренние прогулки по цветущему лугу. В воскресенье утром я убедился, что мы на верном пути: старина Хеппенстол закусил удила и выдал на-гора тридцатишестиминутный монолог «О вреде суеверий». Во время проповеди я сидел рядом со Стеглзом и

заметил, что он побледнел. Стеглз был недомерок с крысиной мордочкой и бегающими глазками, весьма недоверчивый тип. Не успели мы выйти из церкви, как Стеглз официально заявил, что впредь ставки на преподобного Хеппенстола будут приниматься из расчета пятнадцать к восьми, и с раздражением добавил, что не мешало бы обратить внимание «Жокей-клуба» на такой подозрительный разброс в результатах, хотя теперь, конечно, уже ничего не докажешь. Такая грабительская ставка мгновенно охладила пыл игроков — ясно было, что большие денежки нам тут не светят. Наступило затишье, но во вторник после обеда, когда я прогуливался перед домом с сигаретой, к крыльцу подкатили на велосипедах Клод и Юстас, и я сразу понял: им не терпится сообщить важные новости.

— Берти, мы должны действовать, — взволнованно выпалил Клод. — Надо что-то придумать, иначе мы влипли!

— А что случилось?

— Не что, а кто: Г. Хейворд, — мрачно сказал Юстас. — Участник из Нижнего Бингли.

— Мы его с самого начала не принимали в расчет, — сказал Клод. — Проглядели его. Вот всегда так. Стеглз его проглядел. Мы все его проглядели.

А сегодня утром проезжаем мы с Юстасом через Нижний Бингли и видим: в церкви венчание. Надо, думаем, зайти проверить, в какой Г. Хейворд форме, вдруг это темная лошадка.

— Слава богу, что мы там оказались, — сказал Юстас. — Он толкнул речь на двадцать шесть минут — Клод засек по своему хронометру. И это на деревенской свадьбе! Представляешь, что будет, когда он развернется по-настоящему?

— У нас только один выход, Берти, — сказал Клод. — Ты должен выделить дополнительные средства, нам нужно подстраховаться и поставить на Хейворда.

— Но…

— Это наш последний шанс.

— Мы столько поставили на Хеппенстола — а теперь все псу под хвост!

— Но что же делать? Ты же не станешь утверждать, что наш преподобный в состоянии выиграть у Хейворда при такой форе?

— Вот оно, нашел! — воскликнул я.

— Что ты нашел?

— Я понял, как обеспечить выигрыш фавориту. Сегодня же загляну к Хеппенстолу и попрошу в качестве личного одолжения прочесть в воскресенье его коронную — «О любви к ближнему».

Клод и Юстас посмотрели друг на друга, как те парни в стихотворении, — «в немом оцепенении».

— Послушай, а ведь это выход! — сказал Клод.

— Причем гениальный выход, — сказал Юстас. — Кто бы мог подумать, Берти, что ты на такое способен.

— И все же… — сказал Клод. — Допустим, эта проповедь и вправду нечто, но четыре минуты форы…

— Ничего страшного, — возразил я. — Я сказал, что проповедь на сорок пять минут, но я ошибся. Теперь я вспомнил, что никак не меньше пятидесяти.

— Тогда действуй! — сказал Клод.

Вечером я все уладил. Старик Хеппенстол с радостью согласился. Он был польщен и тронут тем, что я до сих пор помню его проповедь. Признался, что ему давно хочется снова ее прочесть, но он опасается, не длинновата ли она для сельской паствы.

— В наше суетное время, мой дорогой Вустер, — сказал он, — даже деревенские прихожане, которые не столь сильно заражены извечной спешкой, как столичные жители, даже они предпочитают проповеди покороче. Мы частенько

спорим с моим племянником Бейтсом — к нему скоро перейдет приход моего давнего друга Спеттигью в Грэндл-бай-де-Хилл. Он считает, что в наш век проповеди нужно писать в форме яркого, краткого и доходчивого обращения к пастве, минут на десять — двенадцать, не более.

— Я и сам не люблю длинных речей, — сказал я. — Но при чем тут ваша проповедь «О любви к ближнему»? Уж ее-то длинной никак не назовешь.

— Целых пятьдесят минут.

— Не может этого быть!

— Ваше удивление, мой дорогой Вустер, для меня чрезвычайно лестно. Тем не менее смею вас уверить, что именно столько эта проповедь длится. А может быть, ее стоит несколько сократить, как вам кажется? Так сказать, подрезать ветви и проредить крону? К примеру, я мог бы опустить пространный экскурс в проблему брачных отношений у древних ассирийцев.

— Оставьте все как есть, слово в слово, иначе вы все испортите, — совершенно искренне сказал я.

— Что ж, мне очень приятно, что вы так думаете, я непременно прочту эту проповедь в ближайшее воскресенье.

Я всегда говорил и буду повторять до конца

моих дней, что делать ставки, не располагая достоверной информацией из конюшни, безрассудно, бессмысленно и просто глупо. Никогда не знаешь, что из этого выйдет. Если бы все придерживались золотого правила ставить на «заряженную» лошадь, гораздо меньше молодых людей сбивались бы с пути истинного. В субботу утром, когда я доедал завтрак в постели, в комнату вошел Дживс.

— Мистер Юстас просит вас к телефону, сэр.

— Господи, Дживс, что стряслось, как вы думаете? — Должен признаться, что к этому времени нервы у меня уже стали ни к черту.

— Мистер Юстас не просветил меня на этот счет, сэр.

— Как вам показалось, он чем-то встревожен?

— Судя по голосу — в высшей степени, сэр.

— Знаете, что я думаю, Дживс? Наверняка что-то случилось с фаворитом.

— А кто фаворит, сэр?

— Мистер Хеппенстол. У него все шансы на победу. Он собирается прочесть свою знаменитую проповедь «О любви к ближнему» и должен опередить прочих участников с большим отрывом. Боюсь, с ним что-то случилось.

— Вы все узнаете, если поговорите по телефону

с мистером Юстасом, сэр. Он ждет.

— И в самом деле!

Я накинул халат и вихрем промчался по лестнице в холл. Едва я услышал голос Юстаса, я понял: мы влипли. В голосе Юстаса звучала мука.

— Берти?

— Да, привет.

— Целый час тащишься к телефону! Слушай, Берти, все накрылось. Фаворит спекся.

— Не может быть!

— Увы. Всю ночь кашлял у себя в конюшне.

— Этого только не хватало!

— Случилось то, чего мы боялись. У него сенная лихорадка.

— Черт бы его побрал!

— Сейчас у него врач, и через несколько минут его официально вычеркнут из списка участников. Вместо него на старт выйдет младший священник прихода, а на него надежды никакой. За него предлагают сто против шести, и никто до сих пор не поставил. Что будем делать?

Я молча обдумывал ситуацию.

— Послушай, Юстас, сколько сейчас дают за Г. Хейворда? — спросил я.

— Всего четыре к одному. Думаю, произошла утечка информации, и Стеглз что-то пронюхал.

Вчера вечером он вдруг резко снизил расценки.

— Ладно, четыре против одного должно хватить. Поставь еще по пятерке на Г. Хейворда за каждого члена синдиката. Так мы по крайней мере не прогорим.

— Если он победит.

— Что значит «если»? Ты говорил, он верняк, второй после Хеппенстола.

— Я начинаю сомневаться, что на свете вообще есть такая штука, как верняк, — мрачно отозвался Юстас. — Говорят, вчера преподобный Джозеф Такер показал великолепное время в тренировочном забеге на собрании матерей в Баджвике. Как бы там ни было, это наш единственный шанс. Ну, пока.

Я не входил в число официальных судей-хронометристов и имел возможность отправиться на следующее утро в любую церковь по своему усмотрению; естественно, я без колебаний выбрал Нижний Бингли. Правда, это в десяти милях от нас, и, значит, придется встать ни свет ни заря, но я одолжил у одного из слуг велосипед и покатил в церковь. До сих пор мне приходилось верить Юстасу на слово, что этот Г. Хейворд такой резвый скакун; я опасался, что в тот день, во время венчания, они переоценили его форму.

Однако все мои сомнения рассеялись, едва он поднялся на кафедру. Юстас не ошибся — это было нечто. Высоченный, тощий, с седой бородой, он прямо со старта продемонстрировал высокий класс: после каждой фразы делал длиннейшие паузы, без конца откашливался, и уже через пять минут я не сомневался, что предо мной — победитель. Его привычка неожиданно замирать и в недоумении оглядывать церковь принесла нам несколько лишних минут, а на финишной прямой он меня окончательно покорил: уронил пенсне и долго молча шарил руками по полу. На двадцатиминутной контрольной отметке он лишь по-настоящему вошел в темп, двадцатипятиминутный рубеж он миновал без малейших признаков усталости. И когда он финишировал великолепным спуртом, секундомер показывал тридцать пять минут четырнадцать секунд. При положенной ему форе можно было не сомневаться, что победа у него в кармане. Преисполненный чувства благожелательности и bonhomie[7] ко всему человечеству, я вскочил на велосипед и покатил домой обедать. Когда я вернулся, Бинго разговаривал по телефону.

---

[7] Примечания: 7
Добросердечности *(фр.)*.

— Прекрасно! Отлично! Замечательно! — радостно восклицал он. — Что? Нет, насчет него можешь не беспокоиться. Ладно, я передам Берти. — Он повесил трубку. — А, Берти, привет, — сказал он. — Это Юстас звонил. Все в порядке, старина. Поступило сообщение из Нижнего Бингли. С большим отрывом победил Г. Хейворд.

— Я и не сомневался. Сам только что приехал оттуда.

— А, так ты там был? А я ездил в Баджвик. Такер отлично прошел всю дистанцию, но что он мог сделать при такой форе. У Старки заболело горло, и он сошел с круга. Робертс из Фейл-бай-де-Уотер пришел третьим. Молодчина Хейворд! — с нежностью произнес Бинго, и мы вместе вышли из дома на лужайку.

— Значит, известны уже все результаты? — спросил я.

— Все, кроме Гэндл-бай-де-Хилл. Но насчет Бейтса можно не беспокоиться. У него ни малейшего шанса. Кстати, бедняга Дживс продул свою десятку. Ну не дуралей?

— Дживс? Что ты хочешь сказать?

— Подошел ко мне сегодня утром, когда ты уже уехал в Бингли, и попросил поставить за него десять фунтов на Бейтса. Я объяснял ему, какая

это глупость — все равно что выбросить деньги в помойку, но он и слушать не хотел.

— Прошу прощения, сэр. Эту записку принесли для вас сегодня утром после вашего отъезда.

Рядом стоял неизвестно откуда взявшийся Дживс.

— А? Что? Какую записку?

— Ее принес дворецкий преподобного мистера Хеппенстола, сэр. Она пришла слишком поздно, и я не смог вам ее вручить, сэр.

Бинго принялся отечески наставлять Дживса — советовал впредь не делать ставок, не разузнав, в какой форме находится лошадь. Мой вопль заставил его прикусить язык на середине фразы.

— Какого черта? — недовольно спросил он.

— Все пропало! Ты только послушай!

И я прочитал ему записку:

> «Твинг, Глостершир
> Дорогой Вустер!
> Как вы, вероятно, уже знаете, по не зависящим от меня обстоятельствам я не смогу выступить с проповедью «О любви к ближнему», которую вы, со столь лестной для меня настойчивостью, просили меня прочесть. Тем не менее мне не

хочется лишать вас этого удовольствия, так что, если вы придете на утреннюю службу в церковь в Гэндл-бай-де-Хилл, вы сможете услышать, как эту проповедь прочтет мой племянник Джеймс Бейтс. По его настоятельной просьбе я передал ему текст проповеди – честно говоря, у меня были для этого дополнительные причины. Дело в том, что племянник претендует на должность директора престижной частной школы, и к настоящему времени список кандидатов сократился до двух человек, так что речь идет о выборе между ним и его соперником.

Вчера вечером Джеймс случайно узнал, что председатель правления школы собирается в воскресенье прийти на службу в его церковь, чтобы оценить его ораторские способности – решающий критерий при выборе кандидата на этот пост. Я пошел ему навстречу и передал текст проповеди «О любви к ближнему», о которой он, подобно вам, всегда отзывался самым лестным образом. У него не хватит времени, чтобы написать полноценную проповедь вместо той краткой речи, с

которой он – в соответствии со своей ложной, как мне кажется, теорией – собирался обратиться к сельской пастве, и я решил помочь мальчику.

Надеюсь, что после его проповеди у вас останутся столь же приятные воспоминания, как – по вашим словам – у вас сохранились после моей.

Засим остаюсь искренне ваш,

Ф. Хеппенстол.

P. S. Из-за сенной лихорадки у меня сильно слезятся глаза, поэтому я диктую это письмо моему дворецкому, Брукфилду, который и доставит его вам».

Когда я дочитал до конца, наступила тишина, всеобъемлющая и почти осязаемая, как зимний туман в горах. Бинго несколько раз беззвучно икнул, на его лице отразилась целая гамма самых разнообразных чувств. Дживс негромко, деликатно кашлянул, точно овца, у которой в дыхательное горло попала травинка, и продолжал безмятежно любоваться пейзажем. Первым заговорил Бинго.

— Чтоб мне провалиться, — хрипло прошеп-

тал он. — Значит, вы ставили на «заряженную» лошадь!

— Полагаю, что это именно так называется, сэр, — сказал Дживс.

— Но каким образом, черт побери, вам удалось получить секретную информацию из конюшни? — сказал Бинго.

— Все очень просто, сэр, — ответил Дживс. — Когда Брукфилд принес для вас записку, он рассказал мне о ее содержании. Мы с ним давние приятели.

Лицо Бинго изобразило одновременно тоску, муку, ярость, отчаяние и обиду.

— Ну, знаете, я вам скажу, это уж слишком! — закричал он. — Читать чужую проповедь! Это нечестно! Непорядочно!

— Нет, старичок, — сказал я, — ты несправедлив. Не вижу здесь никакого нарушения правил. Священники сплошь и рядом так поступают. Вовсе не обязательно, чтобы они сами сочиняли свои проповеди.

Дживс снова кашлянул и невозмутимо взглянул мне в лицо.

— В данном случае, сэр, если мне позволено будет высказать свое мнение, следует быть особенно снисходительным. Не надо забывать, что

место директора школы очень много значит для молодой четы.

— Для четы? Какой еще четы?

— Для преподобного Джеймса Бейтса и леди Синтии, сэр. Как мне сообщила горничная ее светлости, они уже несколько недель помолвлены — так сказать, в предварительном порядке: его светлость дал свое согласие с условием, что мистер Бейтс сумеет получить солидную и хорошо оплачиваемую должность.

Бинго позеленел, как болотная трава.

— Она выходит за него замуж?

— Да, сэр.

Снова наступило молчание.

— Пожалуй, я пойду пройдусь, — сказал Бинго.

— Как же так, старичок, — сказал я, — время обедать, вот-вот прозвенит гонг.

— Не нужны мне никакие обеды! — сказал Бинго.

Глава 14
Честная игра

Жизнь в Твинге потекла своим чередом. Заняться здесь нечем, особых развлечений и чего-то из ряда вон ждать не приходится. Самым крупным событием здешней культурной жизни в обозримом будущем был ежегодный школьный праздник. Оставалось лишь бродить по окрестностям, играть в теннис и всеми силам избегать общества Бинго.

Последнее особенно важно для всякого, кому дорог душевный покой: после помолвки Синтии бедняга Бинго едва не рехнулся от горя; он то и дело подкарауливал меня, чтобы излить свою скорбь. Наконец я не выдержал — он ввалился ко мне в спальню, когда я наслаждался завтраком в постели. После обеда или после хорошего ужина я могу стерпеть его стоны, но только не во время завтрака. Мы, Вустеры, всегда готовы к состраданию и сочувствию, но всему есть предел.

— Послушай, старина, — сказал я. — Знаю, твое сердце разбито, и все такое прочее, и с удовольствием послушаю об этом как-нибудь в другой

раз, но…

— Я хотел поговорить совсем о другом.

— О другом? Вот это молодец!

— Я похоронил прошлое, — сказал Бинго. — И не будем больше о нем вспоминать.

— Хорошо, не будем.

— Душа моя разрывается от горя, но, прошу тебя, не надо об этом.

— Договорились.

— Не обращай внимания на мои муки. Забудь о них.

— Уже забыл.

Наконец-то он начал рассуждать разумно.

— Берти, я пришел спросить, — сказал он и вытащил из кармана листок бумаги, — не хочешь ли ты снова попытать счастья.

Чем-чем, а спортивным азартом бог Вустеров не обидел. Я проглотил последний кусок сосиски, подложил под спину подушку и приготовился слушать.

— Продолжай, бледнолицый, — сказал я. — Твои слова меня не на шутку заинтересовали.

Бинго развернул листок и положил его на кровать.

— Как тебе известно, на следующей неделе проводится ежегодный школьный праздник, —

сказал он. — Лорд Уикеммерсли предоставляет свое поместье. Будут разные игры, метание кокосовых орехов, фокусник, чай под навесом. А также спортивные состязания.

— Да, Синтия мне говорила.

Бинго поморщился:

— Пожалуйста, не упоминай при мне это имя. Я же не каменный.

— Извини.

— Как я уже говорил, эта петрушка начнется в следующий понедельник. Ну как — рискнем?

— Рискнем? Чем рискнем?

— Я про спортивные состязания. Стеглз так хорошо заработал на проповедниках, что решил устроить тотализатор на школьных состязаниях. Пари будут приниматься как по первоначальным ставкам, так и перед выходом на старт, по желанию игроков. Мне кажется, дело стоящее.

Я нажал на кнопку звонка.

— Мне нужно посоветоваться с Дживсом. Я никогда не ввязываюсь ни в какие игры, не узнав его мнения. Дживс, — сказал я, когда он бесшумно вплыл в спальню. — Как насчет того, чтобы сплотиться?

— Сэр?

— Приведите ваш мозг в боевое положение.

Нам требуется ваш совет.

— Хорошо, сэр.

— Давай, Бинго, расскажи, в чем дело.

Бинго изложил суть.

— Что вы на это скажете, Дживс? — спросил я. — Стоит рискнуть?

Дживс задумался.

— Я склонен поддержать эту идею, сэр, — сказал он.

Этого для меня достаточно.

— Отлично, — сказал я. — Значит, мы создаем синдикат. Я предоставляю деньги, вы — ваш гениальный мозг, а Бинго… А что ты можешь вложить в общее дело, Бинго?

— Если ты за меня поставишь, я подскажу победителя в беге в мешках для матерей, — сказал Бинго. — А после выигрыша с тобой рассчитаюсь.

— Прекрасно. Ты возглавишь отдел информации. А какие виды включены в программу?

Бинго сверился с бумажкой.

— Первым пунктом стоит забег на пятьдесят ярдов для девочек младше четырнадцати.

— Что вы на это скажете, Дживс?

— Ничего не могу сказать, сэр. Полное отсутствие информации.

— Следующий вид программы?

— «Животное и картошка», смешанные пары, мальчики и девочки всех возрастов.

Что-то новенькое, во всяком случае, для меня. Никогда не слышал о таких состязаниях.

— А что это?

— Очень азартная штука, — сказал Бинго. — Участники выступают парами, каждой паре дается картофелина и присваивается имя какого-нибудь животного. Предположим, ты выступаешь в паре с Дживсом. Дживс стоит неподвижно и держит в руках картофелину. Тебе на голову надевают мешок, твоя цель — найти Дживса; при этом ты мяукаешь, как кошка, и Дживс тоже мяукает. Другие участники мычат, как коровы, хрюкают, как свиньи, или лают, как собаки, и так далее.

Я прервал его монолог.

— Для любителей домашних животных, может, оно и весело, — сказал я. — Но в целом…

— Совершенно справедливо, сэр, — сказал Дживс. — Я бы не рискнул.

— Невозможно ничего предсказать.

— Вот именно, сэр. Очень сложно оценить форму участников.

— Продолжай, Бинго. Что там дальше?

— Состязание матерей — бег в мешках.

— Ага! Это уже лучше. Тут у тебя есть какие-то сведения.

— Верная победа миссис Пенуорти, жены владельца табачной лавки, — сказал Бинго. — Вчера я зашел купить сигарет, и она призналась, что три раза выигрывала подобные соревнования на ярмарке в Вустершире. Она совсем недавно переехала в эти края, и здесь никто не догадывается о ее талантах. Мисс Пенуорти пообещала пока держаться в тени, так что расценки могут оказаться весьма выгодными.

— Ну что, поставим по десятке, Дживс?

— Стоит попробовать, сэр.

— «Яйцо на ложке», открытый забег для девочек, — прочел Бинго.

— Как насчет яиц?

— Думаю, пустая трата средств, сэр, — сказал Дживс. — Все в один голос утверждают, что победит прошлогодняя чемпионка, Сара Миллз, и ставки на нее будут соответствующие.

— Она и впрямь так хороша?

— В деревне говорят, что она безукоризненно несет яйцо, сэр.

— Есть еще бег с препятствиями, — сказал Бинго. — На мой взгляд, рискованная штука. Все

равно что делать ставки на Гранд-нэшнл. Конкурс отцов на лучшее украшение шляпы — тут тоже трудно что-либо предсказать. Остается бег на сто ярдов для певчих церковного хора мальчиков на приз приходского священника; к состязанию допускаются все участники хора, у которых ко второму воскресенью после Крещения не сломался голос. В прошлом году легко победил Уилли Чамберз при форе пятнадцать ярдов. В этом году его скорее всего не допустят к соревнованиям. Не знаю, что и сказать.

— Позвольте мне высказать свои соображения по этому поводу, сэр.

Я с интересом наблюдал за Дживсом. Никогда прежде я не видел его в таком возбуждении.

— У вас такой вид, словно вы получили туза в прикупе, Дживс.

— Получил, сэр.

— Козырного?

— Именно так, сэр. Могу со всей уверенностью утверждать, что победитель забега на сто ярдов находится с нами под одной крышей, сэр. Я говорю про мальчика-слугу, Харольда.

— Харольд? Это тот жирный коротышка в пуговицах, что целыми днями слоняется по дому? Ну, знаете, Дживс, никто больше меня не ценит ваше

мнение по части спортивной формы, но будь я проклят, если у Харольда есть хоть малейшие шансы. Он похож на перекормленного купидона и, как ни посмотришь, вечно спит на ходу.

— У него фора тридцать ярдов, а он может победить и без форы. Мальчишка — прирожденный спринтер.

— С чего вы взяли?

Дживс прочистил горло, и в глазах у него появилось мечтательное выражение.

— Я не меньше вашего удивился, сэр, когда впервые обнаружил у него эти феноменальные способности. Как-то утром я погнался за ним, хотел дать ему подзатыльник…

— Господи, Дживс! Вы?!

— Да, сэр. Мальчик чрезмерно прямодушен, он позволил себе оскорбительные замечания по поводу моей внешности.

— И что же он сказал?

— Не помню, сэр, — сухо сказал Дживс. — Но нечто оскорбительное. Я хотел его проучить, но он без труда опередил меня на добрых двадцать ярдов и скрылся.

— Но это же просто фантастика, Дживс! Хотя постойте — если он такое чудо природы, почему никто в деревне об этом не знает? Он же наверня-

ка играет с другими мальчиками?

— Нет, сэр. Харольд — слуга его светлости и не желает водиться с деревенскими.

— Ага, он к тому же сноб.

— Он придает большое значение различию между классами, сэр.

— А вы твердо уверены в его выдающихся спринтерских способностях? — спросил Бинго. — Я хочу сказать, в таких делах нужно знать наверное.

— Если вы желаете лично убедиться, сэр, мне ничего не стоит устроить пробный забег.

— Признаться, так мне было бы спокойнее, — сказал я.

— Тогда, если мне будет позволено взять шиллинг из тех денег, что лежат на туалетном столике…

— Зачем вам шиллинг?

— Я дам его Харольду с условием, что он сделает какое-нибудь оскорбительное замечание по поводу величественной походки второго лакея, сэр. Сам Чарльз чрезвычайно высокого мнения о своей выправке и наверняка заставит нашего бегуна показать все, на что он способен. Если вы соблаговолите подойти через полчаса к окну в коридоре на втором этаже, которое выходит на

задний двор…

Никогда в жизни я так быстро не одевался, как в тот раз. Обычно я наряжаюсь не спеша, с большой тщательностью: по нескольку раз перевязываю галстук, разглядываю, как сидят брюки; но в то утро я был так возбужден, что мне было не до галстуков. Я надел первое, что подвернулось под руку, и уже за четверть часа до назначенного срока стоял у окна вместе с Бинго.

Окно в коридоре выходит на мощеный внутренний двор, обнесенный высокой оградой с проходом в виде арки. До арки ярдов двадцать, за стеной начинается дорога и через тридцать ярдов скрывается в густом кустарнике. Я поставил себя на место парнишки и попытался представить, что бы я стал делать, если бы за мной гнался второй лакей. Очевидно, мне бы не оставалось ничего иного, как дунуть со всех ног к кустарнику и спрятаться в чаще. А для это нужно пробежать не менее пятидесяти ярдов. Что ж, превосходная проверка. Если старине Харольду удастся добежать до кустов прежде, чем его настигнет второй лакей, ни один певчий в Англии не сможет дать ему тридцать ярдов форы на стоярдовой дистанции. Я дрожал от нетерпения, мне казалось, что прошла целая вечность, как вдруг снаружи

послышались неясные звуки, и на задний двор выкатилось нечто похожее на голубой шар, облепленный множеством пуговиц, и понеслось к арке с резвостью мустанга-трехлетки. Через две секунды на сцене появился второй лакей и изо всех сил припустил за ним.

Это было великолепно. Просто великолепно. Мальчишка не оставил сопернику никаких шансов. Задолго до того, как второй лакей пробежал половину дистанции, Харольд уже скрылся в зарослях и швырял оттуда камни в своего преследователя. Я отошел от окна, потрясенный до глубины души; встретив на лестнице Дживса, я от волнения едва не схватил его за руки.

— Дживс, — сказал я. — Вы меня убедили. Вустер ставит на этого мальчика последнюю рубашку.

— Очень хорошо, сэр, — сказал Дживс.

Игра на тотализаторе в небольшом местечке имеет один недостаток: напав на золотую жилу, нельзя по-настоящему развернуться — другие игроки тотчас пронюхают и заподозрят неладное. Физиономия у Стеглза прыщавая, но котелок варит нормально, и если бы я поставил на Харольда действительно крупную сумму, он тотчас же понял бы, что тут дело нечисто. Я все же рискнул

сделать приличные ставки для всех участников синдиката, хотя гораздо меньше, чем мне хотелось. Стеглз явно забеспокоился. Он даже начал расспрашивать в деревне о Харольде, но ничего не узнал и в конце концов, видимо, решил, что я полагаюсь на тридцатиярдовую фору. Больше всего ставок делалось на победу Джимми Гуда, получившего фору в десять ярдов (выплата семь к одному) и на Александра Батлерта с форой в шесть ярдов (одиннадцать к четырем). За прошлогоднего фаворита Уилли Чамберса предлагали два к одному, но никто пока на него не поставил.

Мы решили не полагаться на волю случая в таком серьезном деле и, оформив пари на прекрасных условиях — сто к двенадцати, принялись серьезно тренировать Харольда. Это оказалось весьма утомительным делом, теперь я понимаю, отчего все знаменитые тренеры так угрюмы, молчаливы, с печатью пережитых страданий на лицах. Оказалось, что мальчишку ни на секунду нельзя оставлять без присмотра. Мы твердили ему о грядущей славе, о том, как будет гордиться его мать, когда узнает, что он выиграл настоящий кубок, — все без толку. Как только он понял, что тренироваться означает не курить, не обжираться макаронами и делать физические упражнения,

он всеми силами старался увильнуть от тренировок, и только благодаря неусыпной бдительности нам удавалось держать его хоть в какой-то форме. Что касается собственно тренировок, мы — с помощью второго лакея — наладили отработку коротких спуртов по утрам. Пришлось, конечно, раскошелиться, но тут уж ничего не поделаешь. Гораздо труднее было заставить его соблюдать спортивный режим. Попробуйте держать мальчишку в форме, если, стоит дворецкому отвернуться, он прикладывается к бутылке в буфетной или кладет в карман пригоршню турецких сигарет из курительной комнаты. Оставалось надеяться лишь на его выдающийся спринтерский талант.

Однажды вечером Бинго вернулся после гольфа и рассказал историю, которая меня не на шутку встревожила. После обеда он — со спортивно-оздоровительными целями — брал с собой на гольф Харольда в качестве подносчика клюшек.

Сначала дуралей Бинго воспринял это происшествие лишь с комической стороны. Можно сказать, весь искрился весельем, когда мне рассказывал.

— Послушай, сегодня днем я чуть со смеху не лопнул, — сказал он. — Ты бы видел физиономию

Стеглза.

— Стеглза? А что случилось?

— Он буквально остолбенел, когда увидел, как бегает Харольд.

Сердце у меня сжалось от мрачных предчувствий.

— Только этого не хватало! Ты что же, позволил Харольду бежать при Стеглзе?

У Бинго лицо вытянулось.

— Черт возьми, я, кажется, свалял дурака, — мрачно сказал Бинго. — Впрочем, я тут ни при чем. Мы со Стеглзом играли в гольф и, когда закончили партию, зашли в бар гольф-клуба выпить, а Харольд остался на улице с клюшками. Через пять минут выходим, смотрим — мальчишка на гравиевой дорожке отрабатывает дальний удар: изо всей силы лупит по камням лучшей клюшкой Стеглза. Когда он нас увидел, то бросил клюшку и с быстротой молнии скрылся за горизонтом. Стеглз просто онемел. Должен сказать, я и сам был поражен. Он еще никогда так не бегал. Досадно, конечно, что так вышло; но, с другой стороны, — повеселел Бинго, — какое это имеет значение? Ставки сделаны, причем на отличных условиях. Даже если все узнают о талантах Харольда — не велика беда. Он выйдет на старт фаворитом, нам

это никак не повредит.

Мы с Дживсом переглянулись.

— Повредит, если он вовсе не выйдет на старт.

— Совершенно верно, сэр.

— Что вы хотите сказать? — спросил Бинго.

— А то, что Стеглз может вывести его из строя до начала забега, — ответил я.

— Ах, черт! Об этом я не подумал. — Бинго побледнел. — Ты это серьезно?

— Вполне. Во всяком случае, попытается. Стеглз на все способен. Отныне, Дживс, мы будем беречь Харольда как зеницу ока.

— Конечно, сэр.

— Неусыпная бдительность, верно?

— Именно так, сэр.

— Дживс, а вы не согласитесь ночевать в его комнате?

— Нет, сэр.

— Понятно, я бы и сам не согласился, если на то пошло. Но, черт меня подери, — сказал я, — мы сами себе накручиваем бог знает что! Нервы совсем развинтились. Так не пойдет. Как может Стеглз навредить Харольду, даже если решится?

Но Бинго был безутешен. С ним всегда так: чуть что, ему сразу все видится в мрачном свете.

— Есть множество способов вывести фавори-

та из строя, — замогильным голосом произнес он. — Ты просто не читаешь романы про скачки. В книге «Смерть на финише» лорд Джеспер Молверерас чуть было не вывел из игры Красотку Бетси: подкупил главного конюха, чтобы тот подложил в седло кобру в ночь перед скачками.

— Как велики шансы, что Харольда укусит кобра, Дживс?

— Полагаю, они ничтожно малы, сэр. И даже если это произойдет, будучи близко знакомым с этим молодым человеком, смею утверждать, что опасность угрожает исключительно самой змее.

— И все же — неустанная бдительность, Дживс.

— Разумеется, сэр.

Должен признаться, что после этого Бинго стал просто невыносим. Согласен, когда у тебя в конюшне фаворит предстоящих крупных скачек, нужно принять меры предосторожности; но, на мой взгляд, Бинго явно перестарался. Башка у него была битком набита романами про скачки. А в этих книжках, насколько я понял, прежде чем лошадь дойдет до старта, делается не менее десятка попыток вывести ее из игры. Бинго буквально не отлипал от Харольда. Ни на секунду не выпускал беднягу из виду. Конечно, для него выигрыш

значил очень много: он сможет бросить работу гувернера и вернуться в Лондон; и тем не менее совсем не обязательно было две ночи подряд будить меня в три часа: в первый раз ему пришло в голову, что Харольда могут отравить и поэтому мы должны сами готовить для него пищу, а во второй раз ему послышались подозрительные шорохи в кустах.

В довершение всех бед он заявил, что в воскресенье, накануне состязаний, я должен пойти на вечернюю службу в местную церковь.

— Какого черта мне туда идти? — возмутился я; должен признаться, я не большой любитель вечерних проповедей.

— Видишь ли, сам я пойти не могу. Меня здесь в воскресенье не будет. Сегодня уезжаю в Лондон с Эгбертом. — Эгберт — это сын лорда Уикем-мерсли, подопечный Бинго. — Он едет в гости куда-то в Кейт, и мне нужно посадить его на поезд на Чаринг-Кросском вокзале. Ужасно досадно. Я вернусь только в понедельник днем. Скорее всего, пропущу большую часть состязаний. Так что теперь все зависит от тебя, Берти.

— Но почему кто-то из нас должен тащиться на вечернюю службу?

— Осел! Ты забыл, что Харольд поет в церков-

ном хоре?

— Ну и что с того? Я что, должен следить, чтобы он не свернул себе шею, когда будет брать верхнее ля?

— Дурак! Стеглз тоже поет в хоре. А вдруг он замыслил какую-то подлость?

— Какая чушь!

— Ты полагаешь? — сказал Бинго. — А вот в романе «Фенни, девушка-жокей» злодей похитил наездника, который должен был скакать на фаворите, в ночь накануне скачек, а лошадь никого другого не подпускала, и если бы героиня не переоделась в его форму...

— Ну хорошо, хорошо. Впрочем, может, проще вообще не пускать Харольда в церковь в это воскресенье?

— Нет, он обязательно должен там быть. Ты, должно быть, воображаешь, что этот треклятый отрок — кладезь добродетелей и всеобщий любимец? Репутация у него в деревне самая скверная. Он столько раз пропускал занятия в хоре, что священник пообещал: еще один прогул — и он его выставит. Хороши мы будем, если его исключат из хора накануне состязаний!

Возразить на это было нечего, пришлось мне тащиться в церковь.

Ничто не вызывает такого умиротворения и такой дремоты, как вечерняя служба в деревенской церкви. Чувство заслуженного покоя после прекрасного дня. Старина Хеппенстол возвышался на кафедре, и его монотонный блеющий голос навевал приятные мысли. Дверь в церковь была открыта, и аромат деревьев и жимолости смешивался с запахом плесени и воскресной одежды прихожан. Вокруг в покойных позах посапывали фермеры; дети, которые в начале службы ерзали и вертелись, в изнеможении откинулись на спинки скамеек и впали в коматозное состояние. Сквозь витражные стекла в церковь проникали лучи заходящего солнца, с деревьев доносилось щебетание птиц, в тишине чуть слышно поскрипывали платья прихожанок. Полное умиротворение. Именно это я и хотел сказать. На душу мою снизошли мир и покой. И на души всех присутствующих тоже. Вот почему, когда грянул взрыв, показалось, что наступил конец света.

Я говорю «взрыв», потому что по произведенному впечатлению это можно сравнить лишь со взрывом. Только что вокруг царила дремотная тишина, нарушаемая лишь блеянием Хеппенстола, толкующего о долге перед ближними, и

вдруг истошный пронзительный вопль штопором ввинчивается вам промеж глаз, пробегает по позвоночнику и выходит наружу через подошвы башмаков.

— И-и-и-и-и-и! О-о-и-и! И-и-и-и-и-и!

Казалось, нескольким тысячам поросят одновременно прищемили хвосты; в действительности это визжал наш друг Харольд, с ним случился какой-то странный припадок. Он подпрыгивал на месте, хлопал себя рукой между лопаток и, набрав полные легкие воздуха, принимался визжать с новой силой.

В разгар проповеди во время вечерней службы такое не может остаться незамеченным. Прихожане вышли из транса и полезли на скамейки, чтобы лучше видеть. Хеппенстол замолк посреди фразы и обернулся. И только церковные сторожа не потеряли присутствия духа, бросились по проходу к Харольду, который все еще продолжал вопить, и вывели его прочь. Они скрылись в ризнице, а я взял шляпу и направился к служебному входу, полный самых мрачных предчувствий. Я так и не понял, что же произошло, но что-то подсказывало мне: без Стеглза здесь дело не обошлось.

Служебный вход оказался заперт, а когда его

наконец открыли, служба уже закончилась. Хеппенстол стоял в окружении певчих и церковных служащих и с жаром отчитывал злосчастного Харольда. Я застал конец его пылкой речи.

— Паршивый мальчишка! Как ты посмел…

— У меня очень чувствительная кожа!

— Какое мне дело до твоей кожи…

— Кто-то сунул мне жука за шиворот!

— Какая чепуха!

— Я чувствовал, как он там ползает…

— Чушь!

— Да, звучит не слишком убедительно, — услышал я чей-то голос.

Рядом со мной стоял Стеглз, черт бы его побрал. На нем был белоснежный стихарь, или сутана, или как там это у них называется, выражение лица строгое и укоризненное. Я сурово на него взглянул, но этот наглец даже бровью не повел.

— Это вы сунули ему жука за шиворот! — закричал я.

— Я? — сказал Стеглз. — С чего вы взяли?

Судьба Харольда была решена, и Хеппенстол огласил приговор:

— Я не верю ни единому твоему слову, дрянной мальчишка! Я тебя предупреждал, хватит, мое терпение лопнуло. Ты исключен из хора. Ступай

прочь, несчастный!

Стеглз потянул меня за рукав.

— В таком случае, — сказал он, — эти ваши ставки… вы понимаете… Мне очень жаль, но плакали ваши деньги, старина. Надо было делать ставку прямо перед забегом. Я всегда говорил, что это самый надежный способ.

Я смерил его долгим взглядом. Не скажу, чтобы очень любезным.

— А еще говорят о Честной Игре! — сказал я, постаравшись вложить в свои слова как можно больше яда.

Дживс принял удар стойко, но, думаю, в глубине души он был уязвлен.

— Мистер Стеглз весьма изобретательный молодой джентльмен, сэр.

— Вы хотите сказать жулик, каких свет не видел.

— Пожалуй, это более точное определение. Тем не менее в большом спорте сплошь и рядом прибегают к подобным трюкам, тут уж ничего не поделаешь.

— Я восхищен вашей несокрушимой стойкостью, Дживс.

Дживс поклонился.

— Теперь вся надежда на миссис Пентуорти, сэр.

Если она оправдает восторженные отзывы мистера Литтла и подтвердит свой высокий класс, наш выигрыш компенсирует наши потери.

— Слабое утешение, ведь мы рассчитывали сорвать большой куш.

— У нас есть возможность закончить сезон с положительным балансом, сэр. Перед отъездом я убедил мистера Литтла поставить от имени нашего синдиката, в который вы столь любезно согласились меня включить, сэр, небольшую сумму на победителя в беге с яйцом.

— На Сару Миллз?

— Нет, сэр. На темную лошадку, за нее предлагают очень хорошие выплаты. Я говорю о Пруденс Бакстер, сэр, дочери главного садовника его светлости. Ее отец уверяет, что у нее очень твердая рука. Она ежедневно носит ему из дома кружку пива на обед и, по его словам, ни разу не расплескала ни капли.

Что ж, видно, рука у этой Пруденс и вправду твердая. Но вот скорость? С такими опытными соперницами, как Сара Миллз, все решит скорость, тут без хороших спринтерских данных делать нечего.

— Я прекрасно понимаю, что у нее не слишком много шансов на победу, сэр. И тем не менее, мне

кажется, стоит рискнуть.

— Вы, надеюсь, поставили и на призовое место?

— Да, сэр. И на победу, и на призовое место.

— Тогда все в порядке. Я знаю, что вы никогда не ошибаетесь.

— Большое спасибо, сэр.

Обычно я стараюсь держаться от школьных праздников подальше. Тоска смертная. Но тут дело было настолько серьезным, что я пересилил себя и направился в парк. Мои опасения насчет убогости мероприятия оправдались в полной мере. День выдался погожий, и в парке было не протолкнуться от окрестных крестьян. Дети сновали взад и вперед. Я стал пробираться сквозь толпу к месту финиша бега в мешках, как вдруг какая-то девочка взяла меня за руку. Мы не были представлены, но она, видимо, сочла, что мне будет интересно послушать про ее куклу, которую она только что выиграла в лотерею «Тяни на счастье», и принялась болтать о ней без умолку.

— Ее зовут Гертруда, — сказала она. — Каждый вечер я буду ее раздевать и укладывать спать, а утром будить и одевать, а вечером снова раздевать и укладывать спать, а на следующее утро будить и одевать…

— Послушай, дорогуша, — сказал я. — Все, что ты говоришь, ужасно интересно, но нельзя ли покороче? Мне обязательно надо посмотреть, как закончится этот забег. Я поставил на него все свое состояние.

— Я тоже участвую в состязаниях, — сказала она, решив на время отойти от кукольной тематики и поддержать светскую беседу.

— Вот как? — сказал я. Я слушал ее вполуха, пытаясь разглядеть сквозь просветы в толпе, что делается на финише. — В каких состязаниях?

— В беге с яйцом на ложке.

— В самом деле? Ты, случайно, не Сара Миллз?

— Еще чего, — с презрением сказала она. — Я Пруденс Бакстер.

Естественно, это сообщение перевело наши отношения в другую плоскость. Я взглянул на нее с интересом. Так, значит, она из нашей конюшни. Должен признаться, вид у нее совсем не спринтерский. Маленького роста и весьма упитанная. Немного не в форме, на мой взгляд.

— Значит, ты Пруденс, — сказал я. — Знаешь что, ты бы не носилась без толку по жаре. Побереги силы, старушка. Присядь в тенечке и отдохни.

— Мне не хочется сидеть.

— Во всяком случае, успокойся.

У Пруденс, как видно, была манера перепархивать с одной темы на другую, как бабочка с цветка на цветок.

— Я хорошая девочка, — сказала она.

— Не сомневаюсь. Надеюсь, что ты хороша и в беге с яйцом на ложке.

— Харольд — плохой мальчик. Харольд шумел в церкви, и ему не разрешили прийти на праздник. Так ему и надо, — продолжала эта достойная представительница прекрасного пола, с добродетельным видом наморщив носик, — потому что он плохой мальчик. Он дергал меня за волосы, в пятницу. Харольд не пойдет на праздник. Харольд не пойдет на праздник. Харольд не пойдет на праздник, — пропела она, да так ловко, что получилась настоящая песенка.

— Пожалуйста, не сыпь мне соль на рану, милая дочь садовника, — взмолился я. — Сама того не подозревая, ты затрагиваешь весьма болезненную тему.

— А, дорогой Вустер! Я вижу, вы уже подружились с этой юной леди?

Хеппенстол прямо-таки сиял от радости. Этакий радушный хозяин — душа общества.

— Как приятно видеть, мой дорогой Вустер, — продолжал он, — что молодые люди принимают

такое горячее участие в наших скромных сельских праздниках.

— Вы так считаете? — сказал я.

— Уверяю вас. Даже Руперт Стеглз. Должен признаться, за сегодняшний день мое мнение о Стеглзе значительно изменилось к лучшему.

Мое — нет. Но я промолчал.

— Между нами говоря, прежде я считал Руперта Стеглза эгоцентричным юношей, мне казалось, он не способен просто так, по доброте душевной, сделать приятное ближнему. А сегодня я наблюдал, как он дважды за прошедшие полчаса угощал в буфете миссис Пенуорти, жену нашего уважаемого владельца табачной лавки.

Я пошатнулся, но устоял на ногах. Я вырвал свою руку из цепкой ручонки юной Бакстер и, как заяц, понесся к тому месту, где должен был состояться финиш бега в мешках. У меня было ужасное предчувствие, что и здесь не обошлось без подлых трюков. Неожиданно я увидел Бинго и ухватил его за рукав.

— Кто победил?

— Не знаю. Я не заметил, — с горечью сказал он. — Во всяком случае, не миссис Пенуорти, черт бы ее побрал. Знаешь, Берти, такого мерзавца, как Стеглз, еще свет не видел. Как он про нее проню-

хал — ума не приложу, но он догадался, что она опасна. И знаешь, что сделал? Заманил бедную женщину в буфет за пять минут до старта и так обкормил тортом с чаем, что она спеклась через двадцать ярдов. Разлеглась отдохнуть прямо на дорожке. Слава богу, у нас есть Харольд.

У меня рот раскрылся от изумления.

— Харольд? Так ты ничего не знаешь?

— О чем я не знаю? — Бинго позеленел. — Ничего я не знаю. Я пять минут как приехал. Прилетел сюда прямо со станции. А что случилось?

Я ему все рассказал. Он уставился на меня невидящим взглядом, потом издал глухой стон, нетвердой походкой зашагал прочь и скрылся в толпе. Бедняга. Для него это страшный удар. Неудивительно, что он так расстроился.

Тут объявили о начале забега с яйцом, и я решил, что раз уж я тут, останусь и дождусь финиша. Не скажу, чтобы у меня были большие надежды. Малышка Пруденс — прекрасная собеседница, но что касается физических данных, на победительницу она явно не тянет.

Сквозь толпу я разглядел, что участницы благополучно стартовали. Бег возглавляла невысокая рыжая девчушка, за ней пристроилась веснушчатая блондинка, а третьей уверенно шла Сара

Миллз. Наша кандидатка затерялась в толпе прочих участниц, далеко позади лидеров. Уже сейчас было ясно, кто победит. Грация и приобретенная за время долгих тренировок уверенность, с которой Сара Миллз держала ложку, говорили сами за себя. Она бежала в хорошем темпе, но яйцо ни разу не шелохнулось. Прирожденная бегунья с яйцом, ничего не скажешь.

И, как всегда, высокий класс взял свое. За тридцать ярдов до финишной ленточки рыжая бегунья зацепилась ногой за ногу и выронила яйцо. Веснушчатая блондинка мужественно боролась до последнего, но выдохлась на середине финишной прямой, Сара Миллз обошла ее и уверенно закончила бег, опередив соперницу на три корпуса. Блондинка финишировала второй. Громко сопящая барышня в голубой футболке отобрала призовое место у девочки в розовом с круглым, как блин, лицом. А протеже Дживса Пруденс Бакстер пришла не то пятой, не то шестой — я не разглядел.

После этого толпа повлекла меня к тому месту, где Хеппенстол готовился вручать призы победителям. Рядом со мной оказался Стеглз.

— Добрый день, старина, — сияя от радости, приветливо сказал он. — Похоже, у вас сегодня не

слишком удачный день.

Я молча метнул на него презрительный взгляд. Впрочем, с него все как с гуся вода.

— Всем крупным игрокам сегодня не повезло, — продолжал он. — Вот и бедняга Бинго продул кучу денег на беге с яйцом.

Я не собирался пускаться с ним в разговоры, но, услышав его последние слова, насторожился.

— Что значит «кучу денег»? — сказал я. — Мы… он же поставил какой-то пустяк.

— Для кого-то, может, и пустяк. По тридцать фунтов — на победу и на призовое место для Бакстер.

Мне показалось, что земля уходит у меня из-под ног.

— Не может быть!

— Тридцать монет при выплате десять к одному. Я сперва подумал, что он что-то разнюхал, но, видимо, он просто свалял дурака. Забег закончился именно так, как мы и предполагали.

Я принялся складывать в уме и уже заканчивал подсчет убытков, понесенных нашим синдикатом, но тут раздался голос Хеппенстола. Пока он вручал призы в других видах программы, он был по-отечески ласков, но теперь в его голосе звучали боль и гнев. Он скорбно взирал на толпу.

— Теперь о состязаниях в беге с яйцом, — сказал он. — Как ни тяжело, но я вынужден исполнить свой долг. Мне стали известны некоторые обстоятельства, утаить которые я не вправе. Не будет преувеличением сказать, что я потрясен.

Он дал своим слушателям пять секунд, чтобы они поломали голову — чем именно он потрясен, и продолжил свою речь:

— Три года назад я был вынужден исключить из спортивной программы нашего ежегодного праздника бег на четверть мили для отцов, поскольку до меня дошли слухи, что в местном трактире заключаются пари, и у меня возникло подозрение, что по крайней мере в одном случае фаворит был подкуплен. Хотя эта неприятная история и пошатнула мою веру в человечество, я полагал, что одного вида состязаний не коснулись миазмы профессионального спорта. Я говорю о состязаниях в беге с яйцом для девочек. Увы, я ошибался.

Он снова сделал паузу, чтобы справиться со своими чувствами.

— Не стану вдаваться в отвратительные подробности. Скажу лишь, что до начала состязаний один человек — это приезжий, состоящий в услужении у одного из гостей в усадьбе, я не стану

называть его имя — предложил нескольким участницам забега по пять шиллингов с тем, чтобы они… э-э-э… закончили бег в определенной последовательности. Запоздалое чувство раскаяния заставило его в этом мне признаться, но было уже слишком поздно. Зло свершилось, и теперь пришла очередь возмездия. Нужно принять самые жесткие меры. Я должен проявить твердость. Сара Миллз, Джейн Паркер, Бесси Клей и Рози Джукс — четыре участницы, которые первыми пересекли линию финиша — лишаются любительского статуса и дисквалифицируются, а эта прекрасная сумка для рукоделия, дар лорда Уикеммерсли, присуждается Пруденс Бакстер. Пруденс, шаг вперед!

Глава 15
Столичные штучки

Я всегда говорил и сейчас повторю, что во многих отношениях Бинго Литтл — замечательный малый. Мы знакомы со школьной скамьи, и без него жизнь была бы гораздо скучнее. Когда мне хочется развлечься и приятно скоротать время, я предпочту его общество любому другому. Но при этом у него есть и кое-какие недостатки. Во-первых, он влюбляется во всех девушек, имевших неосторожность попасться ему на глаза. А во-вторых, влюбившись, трубит на весь свет о своих чувствах. Застенчивость и сдержанность свойственны Бинго в столь же малой степени, как сочинителям рекламных текстов.

Вот послушайте, какую телеграмму я получил от него в ноябре, примерно через месяц после возвращения из Твинг-Холла:

«Берти, старина, я наконец влюбился. Самая замечательная девушка на свете, Берти, старина. На этот раз все действительно серьезно, Берти. Приезжай немедленно и захвати Дживса. Послушай, ты знаешь табачный магазин на Бонд-стрит,

слева, если идти к центру. Купи сотню их фирменных сигарет и пришли мне. У меня все вышли. Уверен, когда ты ее увидишь, ты согласишься: она самая замечательная девушка на свете. Обязательно привези Дживса. Не забудь сигареты.

Бинго».

Телеграмма была отправлена на твингской почте. Я представил, как эту жуткую ахинею, раскрыв рот, читает деревенская почтмейстерша, главная разносчица местных сплетен; не сомневаюсь, что она уже растрезвонила новость по всей округе. Посылать такую телеграмму с деревенской почты — все равно что нанять глашатая. Помню, мальчишкой я читал про рыцарей, викингов и всяких там менестрелей, которые без тени смущения вставали во время многолюдного пира и принимались распевать про то, как они обожают свою прекрасную и ненаглядную. Думаю, Бинго нужно было родиться в ту эпоху.

Дживс принес телеграмму вместе со стаканом виски на сон грядущий, и я дал ему ее прочесть.

— Этого следовало ожидать, — сказал я. — Бинго не влюблялся целых два месяца. Интересно, кого он откопал на этот раз?

— Мисс Мэри Берджесс, сэр, племянницу преподобного мистера Хеппенстола, — сказал

Дживс. — Она гостит у своего дяди в Твинге.

— Черт подери! — Я привык, что Дживс знает все на свете, но это уже похоже на ясновидение. — Как вы узнали?

— Когда мы жили в Твинг-Холле этим летом, сэр, я подружился с дворецким мистера Хеппенстола. Время от времени он любезно сообщает мне местные новости. По его словам, сэр, это весьма достойная молодая леди, очень серьезная и положительная. Мистер Литтл очень в нее влюблен, сэр. Брукфилд, мой корреспондент, утверждает, что видел на прошлой неделе, как лунной ночью он целый час не спускал глаз с его окна.

— С чьего окна? Брукфилда?

— Да, сэр. По всей видимости, он полагал, что это окно юной леди.

— А какого дьявола Бинго делает в Твинге?

— Мистеру Литтлу пришлось снова занять должность домашнего учителя сына лорда Уикеммерсли, сэр. Дело в том, что он много проиграл на скачках в Херст-Парке в конце октября.

— Послушайте, Дживс, есть что-то, чего вы не знаете?

— Не могу вам сказать, сэр.

Я перечел телеграмму.

— Похоже, он хочет, чтобы мы протянули ему руку помощи.

— Думаю, именно это побудило его отправить настоящее послание, сэр.

— Ну, и что же нам делать? Ехать?

— Я бы высказался в пользу такого решения, сэр. Мне кажется, стоит поощрить намерения мистера Литтла.

— Думаете, на этот раз он поставил на победителя?

— Я слышал о ней лишь самые лестные отзывы, сэр. В случае счастливой развязки она, несомненно, окажет самое благотворное влияние на мистера Литтла. Кроме того, этот союз поможет мистеру Литтлу вернуть благосклонность своего дяди, поскольку юная леди из хорошей семьи и располагает приличными средствами. Короче говоря, сэр, если мы в состоянии ему чем-то помочь, наш долг сделать все, что в наших силах.

— Уверен, что с вашей помощью он сумеет положить этот шар в лузу, — сказал я.

— Спасибо за ваши добрые слова, сэр, — сказал Дживс.

На следующий день Бинго встретил нас на станции в Твинге; по его просьбе я отослал Дживса с багажом на автомобиле, а мы с Бинго решили

прогуляться и направились в Твинг-Холл на своих двоих. Мы и двух шагов не прошли, как он забубнил про свою пассию.

— Она просто чудо, Берти. Не то что эти нынешние пустые, легкомысленные девицы. Она очаровательно искренна и восхитительно серьезна. Она похожа на… Господи, как ее…

— На Мари Ллойд?

— На святую Цецилию, — сказал Бинго и метнул на меня негодующий взгляд. — Она похожа на святую Цецилию. С ней мне хочется стать лучше, добрее и великодушнее.

— Никак не могу понять, — сказал я, — по какому принципу ты их выбираешь? Я имею в виду девиц, в которых ты влюбляешься. Должна же у тебя быть какая-то система. Ни одна из них не похожа на другую. Сначала Мейбл-официантка, потом Гонория Глоссоп, затем эта кошмарная Шарлотта Корде Роуботем…

К чести Бинго следует признать, что при этом имени он вздрогнул. Я тоже вздрагиваю всякий раз, как вспоминаю Шарлотту.

— Ты что же, хочешь сказать, будто можно сравнить чувство, которое я испытываю к Мэри Берджесс, тот священный трепет, ту духовную…

— Ну хорошо, хорошо… — сказал я. — Послу-

шай, старик, а тебе не кажется, что мы делаем большой крюк?

Если мы действительно направлялись в Твинг-Холл, мы явно выбрали не самый короткий путь. От станции до поместья две мили по шоссе, мы же пошли по тропинке, потом долго шагали по каким-то буеракам, два раза переходили через изгороди, а теперь пересекали большое поле, за которым начиналась другая тропинка.

— Она иногда гуляет здесь с братом, — объяснил Бинго. — Я надеялся — вдруг мы ее встретим? Я ей поклонюсь, ты ее увидишь, и мы пойдем домой.

— Что и говорить, заманчивая перспектива, — сказал я. — Стоило тащиться лишних три мили по пашне в тесных башмаках. Все ради того, чтобы раскланяться? Почему бы не подойти к барышне и не поболтать о том о сем?

— Ты с ума сошел! — искренне удивился Бинго. — Ты что же, воображаешь, что у меня хватит духу? Я лишь издали на нее любуюсь, и… Господи! Это она! Нет, показалось.

Это напоминало песенку Харри Лодера: «Вот она! Нет, это кролик». Бинго заставил меня проторчать под ледяным северо-восточным ветром целых десять минут; несколько раз он поднимал ложную тревогу, и в конце концов мне все это

порядком надоело. Я уже собирался протрубить отбой, но тут из-за угла выскочил фокстерьер, и Бинго задрожал, как осиновый лист. Потом показался маленький мальчик, и Бинго затрясся, как желе. Наконец, точно примадонна, выходу которой предшествует выступление кордебалета, на сцене появилась юная дама, и у Бинго сделался такой жалкий вид, что на него было больно смотреть. Лицо его покраснело, и, в сочетании с белой рубашкой и посиневшим от ветра носом, он стал похож на французский флаг. Он весь обмяк, как при размягчении костей.

Бинго трясущейся рукой потянулся к кепке и тут заметил, что девушка пришла не одна. Ее сопровождал господин в костюме с пасторским воротничком, и его появление подействовало на Бинго не лучшим образом. Лицо его еще больше покраснело, а нос еще больше посинел, и только когда они уже прошли мимо, ему удалось справиться с кепкой.

Девушка кивнула, священник сказал: «А, Литтл. Скверная погода», собака тявкнула, и они пошли своим путем: представление закончилось.

Появление на сцене священника в корне меняло ситуацию. Добравшись до Твинг-Холла, я доложил о нашей встрече Дживсу. Разумеется,

Дживс уже все знал.

— Это преподобный мистер Уингем, новый младший священник из прихода мистера Хеппенстола, сэр. Насколько я понял со слов Брукфилда, он соперник мистера Литтла, и в настоящее время юная леди отдает предпочтение ему. У мистера Уингема важное преимущество — он свой человек в доме. После обеда они с юной леди музицируют, это способствует сближению. Мистер Литтл в это время со страдальческим лицом вышагивает взад-вперед по дороге перед домом.

— Как видно, бедняга на большее не способен, черт бы его побрал. Что толку страдать, тут нужно действовать. Он потерял кураж. Ему недостает напора. Да что там говорить, у него не хватило элементарного мужества сказать ей: «Добрый вечер».

— Дело в том, что в чувствах, которые мистер Литтл питает к юной леди, преобладает благоговение, сэр.

— Как же мы можем ему помочь, если он такой кролик? У вас есть какие-то соображения? Мы договорились встретиться после обеда, и он сразу спросит, что вы посоветовали.

— Мне кажется, сэр, мистеру Литтлу следует заняться юным джентльменом.

— Младшим братом? Я что-то не понял…

— Подружиться с ним, сэр, вместе гулять и тому подобное.

— По-моему, это не самая плодотворная из ваших идей. Честно говоря, я ожидал большего.

— Это послужит началом, сэр, а впоследствии может привести к чему-то более серьезному.

— Ладно, я ему передам. Мне барышня понравилась, Дживс.

— Весьма достойная молодая леди, сэр.

Вечером я ознакомил Бинго с мнением высшего авторитета и с радостью отметил, что он заметно приободрился.

— Дживс никогда не ошибается, — сказал он. — Я мог бы и сам додуматься. Завтра же начну действовать.

Вы не поверите, до чего он расхрабрился. Еще до моего возвращения в Лондон он несколько раз разговаривал с девушкой и уже начал воспринимать это как должное. В смысле, не впадал при встрече в прострацию. Теперь их связывал брат, и связь эта оказалась важнее совместных музыкальных экзерсисов со священником. Они вместе водили брата на прогулки. Я спросил Бинго, о чем они разговаривают, и он сказал, что обсуждают будущее Уилфреда. Она хочет, чтобы

Уилфред стал приходским священником, но Бинго эту идею не поддержал: сказал, что в последнее время приходские священники ему почему-то не нравятся.

В день отъезда Бинго пришел нас провожать вместе с Уилфредом, они весело болтали, точно старые друзья после долгой разлуки. Когда поезд тронулся, я увидел, как Бинго покупает ему шоколадку в автомате на платформе. Умилительная, радующая сердце картина. Черт возьми, неплохое начало, подумал я.

Вот почему телеграмма, которую я получил от него две недели спустя, застала меня врасплох. В ней говорилось следующее:

«Берти, старина, послушай, Берти, приезжай как можно скорее. Все пошло прахом, Берти. Черт подери, Берти, ты обязательно должен приехать. Я в полном отчаянии, и мое сердце разбито. Пришли мне еще сотню тех же сигарет. Прихвати с собой Дживса, когда приедешь. Ты обязательно должен приехать, Берти. Я на тебя надеюсь. Не забудь привезти Дживса.

Бинго».

В жизни не встречал человека, который составляет телеграммы с такой расточительностью, как

Бинго, и это притом, что он постоянно стеснен в средствах. Он совершенно не умеет сжато излагать свои мысли. Этот дуралей не задумываясь изливает израненную душу по два пенса за слово, или сколько там это стоит.

— Нет, как вам это нравится, Дживс? — сказал я. — Черт знает что такое. Я не могу каждые две недели бросать все и нестись сломя голову в Твинг, чтобы сплотиться вокруг Бинго. Телеграфируйте ему: пусть утопится в деревенском пруду и оставит нас в покое.

— Если вы соблаговолите отпустить меня на сегодняшний вечер, сэр, я готов съездить туда на разведку.

— Черт бы побрал этого Бинго! Боюсь, ничего другого не остается. В конце концов, ему нужны вы, а не я. Ладно, действуйте.

Дживс вернулся на следующий день поздно вечером.

— Ну что? — спросил я.

Было видно, что Дживс взволнован. Его левая бровь чуть заметно поднялась, что придало его лицу озабоченное выражение.

— Я сделал все, что мог, сэр, — сказал он, — но, боюсь, дела у мистера Литтла обстоят неважно. Со времени нашего отъезда, сэр, произошли со-

бытия, изменившие счет не в его пользу.

— Что там еще стряслось?

— Помните мистера Стеглза, сэр, — юного джентльмена, готовящегося к экзаменам у мистера Хеппенстола?

— Какое Стеглз имеет к этому отношение? — спросил я.

— Брукфилд случайно услышал один разговор и утверждает, что у мистера Стеглза свой интерес в этой истории.

— Этого еще не хватало! Вы хотите сказать, что он принимает ставки на победителя?

— Насколько я понял, он заключил пари с другими учениками мистера Хеппенстола. На поражение мистера Литтла — он весьма невысокого мнения о его шансах на успех.

— Мне это совсем не нравится, Дживс.

— Мне тоже. Это не к добру, сэр.

— Насколько я знаю Стеглза, он наверняка подстроит какую-нибудь пакость.

— Уже подстроил, сэр.

— Уже?

— Да, сэр. В соответствии со стратегией, которую я с любезного разрешения мистера Литтла осмелился ему предложить, мистер Литтл повел мастера Берджесса на церковный благотвори-

тельный базар, и там они встретили мистера Стеглза в компании с мастером Хеппенстолом, младшим сыном преподобного мистера Хеппенстола; мальчик только что оправился от свинки и приехал из Рагби домой на каникулы. Встреча произошла в буфете, где мистер Стеглз угощал мастера Хеппенстола. Короче говоря, сэр, джентльмены обратили внимание, с какой незаурядной энергией подкрепляют свои силы их подопечные, и мистер Стеглз поставил десять фунтов на то, что младший Хеппенстол «переест» мастера Берджесса. Позже мистер Литтл признался мне, что у него мелькнула мысль о том, что мисс Берджесс вряд ли будет в восторге, если узнает о подобном состязании, но спортивный азарт оказался сильнее благоразумия, и он принял вызов. Итак, состязание состоялось, оба мальчика проявили незаурядные бойцовские качества, мистер Берджесс оправдал надежды мистера Литтла и победил, впрочем, лишь после упорной борьбы. На следующий день оба участника маялись животами; начались расспросы, дети во всем признались, и у мистера Литтла — мне рассказал об этом Брукфилд, случайно проходивший мимо раскрытой двери в гостиную, — состоялся крупный разговор с юной леди:

она недвусмысленно заявила мистеру Литтлу, что впредь не желает его видеть.

Да, с таким коварным типом, как Стеглз, нужно постоянно быть начеку. Он мог бы давать платные уроки Макиавелли.

— Все было заранее подстроено, Дживс, — сказал я. — Стеглз сделал это нарочно, обычный трюк, чтобы вывести из строя фаворита.

— Я ни секунды в этом не сомневаюсь, сэр.

— Что ж, как видно, он оставил Бинго в дураках.

— Таково всеобщее мнение, сэр. По словам Брукфилда, в местной пивной «Бык и конь» ставки против мистера Уингема принимают из расчета один к семи, и до сих пор нет желающих.

— Ну и ну! Так в деревне тоже заключают на них пари?

— Да, сэр. И в Твинге, и в соседних селениях. История эта вызвала широкий интерес. Мне говорили, что даже в столь отдаленных местах, как Нижний Бингли, наблюдается всплеск спортивного азарта.

— Что ж, просто не знаю, чем мы можем ему помочь. Если Бинго такой болван…

— Мне кажется, нужно всегда бороться до конца, сэр, и я взял на себя смелость предложить

мистеру Литтлу план действий, который может изменить счет в его пользу. Я порекомендовал ему заняться благими делами.

— Благими делами?

— В масштабах нашей деревни, сэр. Читать прикованным к постели, беседовать со страждущими — ну, вы понимаете, сэр. Можно не сомневаться, что положительные результаты не заставят себя ждать.

— Да, конечно, — с сомнением сказал я. — Но, черт подери, если бы я оказался прикован к постели, мне не доставило бы большого удовольствия видеть перед собой физиономию такого шизика, как Бинго, и слушать его несусветную чушь.

— Этот аспект, безусловно, нельзя сбрасывать со счетов, сэр, — сказал Дживс.

Две недели от Бинго не было ни слуху ни духу, и я решил, что он сошел с дистанции и признал свое поражение. И вот как-то незадолго до Рождества я протанцевал весь вечер в «Эмбасси» и вернулся домой далеко за полночь. Я честно отплясал без перерыва до двух ночи, с ног валился от усталости и мечтал поскорее добраться до постели. Вообразите мое разочарование и досаду, когда, войдя в спальню и включив свет, я увидел на своей подушке физиономию Бинго. Паршивец спал

в моей постели безмятежным сном младенца со счастливой, мечтательной улыбкой на устах.

Ну, знаете, всему есть предел. Мы, Вустеры, свято чтим вековые традиции гостеприимства, но когда гость оккупирует вашу постель, тут уж не до традиций. Я запустил в него башмаком, Бинго приподнялся на постели и издал какие-то булькающие звуки.

— А? Что? Что такое?..

— Какого дьявола ты улегся в мою постель?

— А, привет, Берти. Это ты!

— Да, это я. Почему ты улегся в мою постель?

— Я приехал в Лондон по делам и решил остаться на ночь.

— Прекрасно, но почему ты улегся в мою постель?

— Черт тебя подери, Берти, — с раздражением сказал Бинго, — перестань бубнить про эту чертову постель. В соседней комнате есть еще одна. Я своими глазами видел, как Дживс ее стелил. Скорее всего, она предназначалась для меня, но я же знаю, какой ты радушный хозяин, вот и зарулил сюда. Послушай, Берти, — сказал он, явно устав от дискуссии на постельную тему, — я вижу свет.

— Ничего удивительного, уже три утра, вот-вот начнет светать.

— Я выразился фигурально, дубина. Я хотел сказать, что для меня забрезжила надежда. Насчет Мэри Берджесс. Присаживайся, я тебе сейчас все расскажу.

— Не сяду. Я иду спать.

— Прежде всего, — сказал Бинго, подложив под спину подушку и закуривая сигарету из моего настольного портсигара, — надо еще раз воздать должное гению Дживса. Новый Соломон. Я был на грани поражения, когда обратился к нему за помощью, а теперь благодаря ему веду с большим счетом — говорю это тебе после трезвого и непредвзятого анализа. Как ты знаешь, он посоветовал мне отыграть очки за счет благих дел. Берти, старик, — с чувством сказал Бинго, — за последние две недели я ублажил стольких страждущих, что, если бы у меня был брат и меня попросили утешить его на смертном одре, клянусь, я бы прибил его кирпичом. Впрочем, как ни тяжело мне это далось, наш план сработал безукоризненно. Недели не прошло, и она заметно смягчилась. Снова стала кивать мне при встрече на улице и все такое. Два дня назад, когда мы случайно повстречались около их дома, она мне улыбнулась — такой, знаешь, слабой, ангельской улыбкой. А вчера… Ты помнишь этого священника, Уингема?

Того носатого парня?

— Конечно, помню. Твой соперник.

— Соперник? — Бинго удивленно вскинул брови. — Ну, может быть, когда-то его можно было называть моим соперником. И то с большой натяжкой.

— Вот как? — спросил я, раздраженный его отвратительным самодовольством. — Если хочешь знать, совсем недавно в «Быке и коне» в Твинге, да и в других селениях вплоть до Нижнего Бингли, давали семь к одному, что ты проиграешь.

Бинго вздрогнул всем телом, обильно осыпав одеяло сигаретным пеплом.

— Ставки? — прохрипел он. — Ставки! Ты хочешь сказать, они заключают пари на самое сокровенное, на священное чувство… Проклятие! Неужели люди настолько утратили стыд и для них уже нет ничего святого?.. Выходит, ничто в мире уже не свободно от посягательств их омерзительной, животной алчности? Послушай, — задумчиво сказал Бинго, — а может, и мне поучаствовать? Семь к одному! Ничего себе! А кто предлагает такую цену? Впрочем, лучше не стоит. Могут превратно истолковать.

— Ты, я гляжу, совершенно уверен в победе, — сказал я. — Мне казалось, что Уингем…

— Он мне больше не страшен, — сказал Бинго. — Как раз собирался тебе рассказать. Уингем заболел свинкой и выбыл из игры по меньшей мере на месяц. Но это еще не все. Он должен был ставить в Твинге «Школьное рождественское представление», а теперь это поручили мне. Вчера вечером я зашел к старику Хеппенстолу и подписал контракт. Ты понимаешь, что это для меня значит! Целых три недели я буду в центре здешней культурной жизни, а потом меня ждет небывалый триумф во время премьеры. Все будут смотреть на меня с уважением, заискивать и все такое. Представляешь, какое это произведет впечатление на Мэри? Она увидит, что я способен трудиться, что во мне скрыта бездна достоинств, что я не легкомысленный мотылек, как она прежде думала, а…

— Я понял, понял, можешь не продолжать…

— В сельской глуши рождественское представление — очень важное событие. Старик Хеппенстол только им сейчас и занят. Со всей округи слетятся здешние шишки. Будет сам сквайр с семейством. Берти, дружище, это мой звездный час, и я его не упущу. Плохо, конечно, что я не принимал в этом участия с самого начала. Ты не поверишь: тупица священник, начисто

лишенный воображения, выбрал для постановки кретинскую сказку из детской книжки столетней давности — ни единой хохмы, нет даже намека на юмор. Сейчас уже поздно менять пьесу, но я по крайней мере добавлю перца. Впишу забавные реплики и уморительные диалоги, надеюсь, это ее немного оживит.

— Ты же отродясь ничего не писал.

— Когда я сказал «впишу», я имел в виду «позаимствую». Для этого я и прискакал в Лондон. Ходил в «Палладиум» на ревю «Обними меня, детка». Там масса находок. Конечно, не так-то просто создать яркое театральное зрелище в сельском актовом зале, без настоящих декораций, с толпой дебилов от девяти до четырнадцати лет вместо труппы, но у меня кое-что уже вырисовывается. Ты ходил на «Обними меня»?

— Дважды.

— В первом действии есть просто классные места, можно передрать оттуда все эстрадные номера. Потом это шоу в «Паласе». Завтра перед отъездом схожу на утреннее представление. Уверен, там тоже найдется что-то стоящее. Короче, можешь не переживать насчет того, что я не в состоянии написать ни строчки. Все будет в лучшем виде, старина, в самом лучшем виде. А теперь,

дружище, — сказал Бинго, уютно сворачиваясь под одеялом, — извини, но я не могу болтать с тобой всю ночь. Тебе-то что, ты завтра будешь бить баклуши, а я человек занятой. Спокойной ночи, старик. Закрой за собой поплотнее дверь и погаси свет. Завтрак в десять, я полагаю? Ну, пока. Спокойной ночи.

После этого я три недели не видел Бинго. Зато голос его слышал постоянно — он завел манеру названивать мне по междугороднему и советоваться по разным поводам: во время репетиций у него то и дело возникали вопросы. Это продолжалось до тех пор, пока однажды он не поднял меня с постели в восемь утра, чтобы спросить, нравится ли мне название «Счастливого Рождества!». Я решительно потребовал, чтобы он прекратил это издевательство, после чего он угомонился и на какое-то время исчез из моей жизни. И вот в один прекрасный день я зашел переодеться к ужину и увидел, что Дживс рассматривает здоровенное бумажное полотнище, наброшенное на спинку кресла.

— Это еще что такое, Дживс? — воскликнул я. Я с утра чувствовал слабость, и эта штука меня доконала окончательно.

— Это афиша, сэр, ее прислал мне мистер Литтл

с просьбой обратить на нее ваше внимание.

— Что ж, считайте, что вам это удалось.

Я еще раз взглянул на афишу. Ничего не скажешь — она и вправду бросалась в глаза. Длиной она была не меньше семи футов, и большая часть текста была выполнена красной тушью такого яркого оттенка, какого мне в жизни не приходилось видеть.

Вот что на ней значилось:

Твинг
Сельский актовый зал
Пятница, 23 декабря

РИЧАРД ЛИТТЛ

представляет

Новое оригинальное ревю под названием

«ВИВАТ, ТВИНГ»

Либретто
Ричарда Литтла

Текст песен
Ричарда Литтла

Музыка

Ричарда Литтла

В исполнении твингской

драматической труппы, хора и балета

Сценические эффекты
Ричарда Литтла
Постановка

Ричарда Литтла

— Что вы об этом скажете, Дживс? — спросил я.

— Признаться, я несколько озадачен, сэр. Думаю, мистеру Литтлу стоило последовать моему совету и сосредоточиться на благих делах.

— По-вашему, представление провалится?

— Я предпочел бы воздержаться от прогнозов, сэр. Но, насколько я знаю, не все, что нравится лондонской публике, подходит для сельского зрителя. Эти столичные штучки могут не снискать должного успеха в провинции.

— Видимо, мне придется тащиться в Твинг на это чертово представление?

— Полагаю, мистер Литтл сочтет себя оскорбленным, если вы не приедете, сэр.

В тесноватом помещении твингского актового зала пахло свежими яблоками. К моему приходу зал был уже полон, я специально пришел за несколько минут до начального свистка. Мне уже приходилось бывать на сельских спектаклях, и я не хотел, чтобы меня запихнули на почетное место в передних рядах, откуда нельзя в случае необходимости незаметно ускользнуть на свежий воздух. Я занял прекрасную стратегическую позицию рядом с дверью в задней части зала.

Отсюда мне была хорошо видна собравшаяся публика. Как всегда в подобных случаях, в передних рядах сидели Важные Шишки: сквайр — краснолицый, спортсменского вида пожилой джентльмен с седыми усами, члены его семьи, многочисленные местные священнослужители и именитые прихожане. За ними следовала плотная группа зрителей, которых можно отнести к нижнему среднему классу. А в задних рядах социальный статус публики круто опускался на несколько ступеней — эту часть зала облюбовали Деревенские Заводилы, которые пришли не столько из любви к драме, сколько польстившись на бесплатный чай после представления. Одним словом, в зале в этот вечер собрались представители всех слоев твингского общества.

Шишки перешептывались с любезными улыбками, Нижне-Средние сидели с прямыми спинами, словно одежда у них была из жести, а Заводилы щелкали орехи и обменивались солеными крестьянскими шутками. Мэри Берджесс играла на фортепьяно вальс. Рядом с ней стоял этот священник, Уингем, — как видно, он уже оправился от болезни. Температура в зале была градусов пятьдесят, если не больше.

Кто-то крепко ткнул меня в бок, я оглянулся и увидел Стеглза.

— Привет, — сказал он. — Оказывается, и вы здесь.

Я терпеть не могу Стеглза, но Вустеры умеют скрывать свои чувства. Я изобразил на своем лице что-то вроде улыбки.

— Да вот, Бинго уговорил приехать на его представление, — сказал я.

— Говорят, он приготовил нечто грандиозное, — сказал Стеглз. — Специальные эффекты и прочее.

— Я тоже так слышал.

— Ну да, этот спектакль для него много значит, верно? Он вам, конечно, рассказывал про Мэри Берджесс?

— Рассказывал. А еще я слышал, будто вы при-

нимаете пари семь к одному, что у него ничего не получится, — сказал я и смерил паршивца строгим взглядом.

Он и бровью не повел.

— Невинное развлечение, надо же как-то скрасить монотонность деревенской жизни, — сказал он. — Но вас неверно информировали. Это в деревне дают семь к одному. Я готов предложить вам гораздо лучшие условия. Не хотите рискнуть десяткой из расчета сто к восьми?

— Сто к восьми?! Вы шутите!

— Вовсе нет. У меня ощущение, — задумчиво сказал Стеглз, — своего рода предчувствие: что-то сегодня произойдет. Вы же знаете Литтла. Обязательно где-то напортачит. Сердце подсказывает мне, что представление провалится. А это сильно уронит его в глазах девушки. Его положение всегда было шатким.

— Решили сорвать спектакль? — спросил я.

— Я? — сказал Стеглз. — Господь с вами, да и что я могу сделать? Извините, мне нужно кое с кем переговорить.

Он слинял, а я не на шутку встревожился. Он явно снова замыслил какую-то пакость, и я подумал, что нужно предупредить Бинго. Но сделать это у меня не хватило времени. Не успел Стеглз

уйти, как подняли занавес.

В первых сценах спектакля я не заметил никаких следов режиссерской деятельности Бинго, его творческий вклад ограничивался ролью суфлера. Заурядная постановка волшебной сказки, из тех, что продаются перед Рождеством под заголовком «Двенадцать коротких пьес для малышей», или что-нибудь в этом роде. Дети кривлялись на сцене по мере сил, когда юные тупицы забывали текст, из-за кулис гудел голос Бинго, публика, как всегда в таких случаях, пребывала в летаргическом состоянии. Но вот дело дошло до первой задуманной Бинго вставки. Эта была песенка, которую эта… как бишь ее… исполняет в новом ревю в «Паласе»; вы ее сразу вспомните, если я напою вам мелодию, все время вылетает из головы. В «Паласе» эту песню исполняют три раза на бис, и здесь ее хорошо приняли, несмотря на то что писклявая исполнительница то и дело перескакивала из одной октавы в другую, точно альпийская серна с утеса на утес. Даже Заводилам песенка пришлась по душе. В конце второго куплета весь зал кричал «бис», и девочка с комариным голоском набрала побольше воздуха и принялась исполнять куплет сначала. И тут погас свет.

* * *

Это произошло совершенно неожиданно. Лампочки не мигали, свет не слабел постепенно, как это бывает. Он просто разом пропал. Зал погрузился в непроглядную тьму.

Разумеется, это несколько разрушило чары. Люди начали перекликаться в темноте, Заводилы застучали ногами и приготовились повеселиться на славу. Бинго, естественно, тотчас не замедлил выставить себя полным идиотом. Из кромешной темноты до меня донесся знакомый голос:

— Леди и джентльмены, что-то случилось со светом…

Заводилы пришли в восторг от такой ценной информации из официальных источников. Они подхватили его слова, словно боевой клич. Через пять минут свет зажегся, и представление было продолжено.

Потребовалось минут десять, чтобы вернуть аудиторию в летаргическое состояние, наконец публика успокоилась, и все шло гладко до тех пор, пока мальчик с плоским, как у камбалы, лицом не занял место перед занавесом, опустившимся после довольно нудной сцены не то про волшебное кольцо, не то про какое-то заклятие, и

не запел песню Джорджа Тингамми из «Обними меня, детка!». Ну, вы ее знаете. Она называется «Слушайтесь маму, девушки!», Джордж всегда заставляет публику подпевать припев. Классная песенка, я сам нередко распеваю ее в ванной, но — и это понятно каждому, кроме такого законченного олуха, как Бинго, — она никоим образом не подходит для рождественского детского праздника в деревенском актовом зале. Уже после первого куплета слушатели оцепенели от удивления и стали нервно обмахиваться программками, потрясенная Мэри Берджесс по инерции продолжала аккомпанировать, а стоящий рядом с ней священник стыдливо отвел глаза. Зато Заводилам песня пришлась по душе.

Закончив второй куплет, мальчик попытался улизнуть за кулисы. После чего зрители услышали следующий диалог:

Бинго *(гулкий голос из-за сцены):* Ты куда! Давай дальше!

Мальчик *(застенчиво):* Не буду.

Бинго *(еще громче):* Дальше, паршивец, а не то я тебе голову оторву!

Мальчик почувствовал, что Бинго и вправду исполнит свою угрозу, и почел за благо подчиниться. Он прошаркал обратно к рампе, закрыл

глаза и, нервно хихикая, произнес:

— Леди и джентльмены, а сейчас давайте попросим сквайра Трессидера любезно исполнить припев.

Несмотря на теплые чувства, которые я питаю к Бинго, бывают минуты, когда мне кажется, что его следует держать в определенного рода заведении. Бедняга, видимо, представлял, что это будет кульминацией всего шоу. Он воображал, что сквайр, сияя от счастья, вскочит со своего места, из груди его польется радостная песня, и всеобщему ликованию не будет конца. На самом деле Трессидер — и заметьте, я его за это не осуждаю — остался сидеть там, где сидел, и с каждой секундой все больше багровел и раздувался, как шар. Нижне-Средние застыли в молчаливом ужасе, словно ждали, что на голову вот-вот рухнет потолок. Во всем зрительном зале только Заводилам эта идея понравилась, и они громкими воплями поддержали это предложение. Для Деревенских Заводил это был настоящий праздник.

И тут свет снова погас.

* * *

Когда через несколько минут свет зажегся, все увидели, как сквайр с каменным лицом шагает

прочь из зала вместе со всем семейством, Мэри Берджесс сидит за роялем бледная, с застывшим взглядом, а на лице священника написано, что, как ни прискорбно все произошедшее, нет худа без добра.

Представление снова пошло своим чередом. Последовало еще несколько длиннейших кусков из «Пьес для малышей», после чего зазвучало вступление к песенке «Девушка с апельсинами» — коронному номеру из нового ревю в «Паласе». Как я понял, Бинго выбрал его в качестве заключительной сцены первого действия. Вся труппа вышла на сцену, и чья-то рука уже держала край занавеса, чтобы задернуть его в нужный момент. Одним словом, все говорило о том, что это — финал. Но очень скоро я понял, что это не просто финал. Это финиш.

Вы наверняка видели этот номер в «Паласе». Помните:

Ах, почему бы там чего-то апельсины,
Мои чего-то там чего-то апельсины.
Ах, отчего бы что-то что-то я забыл,
Чего-то там чего-то там еще мой пыл.

Что-то в этом роде. Чертовски забавные слова,

и музыка что надо; но главное, из-за чего этот номер пользуется таким успехом: девушки достают из корзинки апельсины и бросают в зал. Вы, возможно, заметили, что публике ужасно нравится, когда ей что-то бросают со сцены. Всякий раз, когда я смотрел этот номер в «Паласе», зрители визжали от восторга.

Разумеется, в «Паласе» апельсины сделаны из выкрашенной в оранжевый цвет ваты и девушки не швыряют их изо всех сил, а легким движением кидают зрителям первого или второго ряда. Но в этом спектакле, как видно, пошли другим путем — я понял это, когда начиненный мякотью и семечками болид просвистел мимо моего уха и разбился о стену. Другой с чавкающим звуком угодил в шею какой-то Шишке в третьем ряду. Третий попал мне прямо в нос, и на какое-то время я утратил интерес к происходящему.

Когда я очистил лицо от апельсиновой мякоти и глаза мои перестали слезиться, я увидел, что обстановка в зале напоминает горячую ночку в Белфасте. Воздух был наполнен отчаянными воплями и летящими фруктами. Бинго метался по сцене от одного актера к другому, а те явно получали от всего этого огромное удовольствие. Они понимали, что долго это продолжаться не может,

и старались не упустить момент. Заводилы стали подбирать уцелевшие апельсины и бросать их обратно на сцену, так что зрители оказались под перекрестным огнем. Короче говоря, в зале царил полный хаос, и когда всеобщее смятение достигло апогея, свет вырубился в третий раз.

Я решил, что мне пора, и проскользнул к двери. Как только я оказался на улице, публика дружно повалила из зала. Парами и по трое они проходили мимо меня, и мне еще не приходилось видеть зрителей, столь единодушных во мнении. Все как один, независимо от возраста и пола, проклинали беднягу Бинго, причем особой популярностью пользовалась идея подстеречь Бинго у выхода из зала и утопить в деревенском пруду.

Энтузиастов этого научного направления собралось столько и настроены они были так решительно, что я счел своим долгом предупредить дуралея и посоветовать, подняв воротник повыше, слинять через боковой выход. Я вернулся в зал и увидел, что Бинго сидит на каком-то ящике за кулисами, весь мокрый от пота; он напоминал место катастрофы, отмеченное крестом. Волосы у него стояли дыбом, уши печально повисли; было видно, что одно резкое слово — и он заплачет.

— Это все мерзавец Стеглз, Берти, — глухим

голосом произнес он. — Я поймал одного мальчишку, прежде чем они все разбежались, и он во всем признался. Стеглз подложил настоящие апельсины вместо ватных шаров, которые я с таким трудом достал, да еще выложил за них целую гинею. Сейчас пойду и разорву этого поганца на мелкие кусочки. Это меня немного отвлечет.

Жаль было прерывать сладкие грезы, но у меня не было выхода.

— Послушай, дружище, — сказал я. — У тебя нет времени на легкомысленные забавы. Тебе нужно убираться отсюда, да поживее!

— Берти, — безжизненным голосом произнес Бинго, — я только что с ней говорил. Она сказала, что это я во всем виноват и что она больше не желает меня видеть. Она, мол, всегда подозревала, что я любитель низкопробных шуток, и ее подозрения подтвердились. Короче, разделала меня под орех.

— Нашел о чем сейчас печалиться, — сказал я. Я никак не мог втолковать дуралею всю серьезность положения. — Ты лучше подумай о том, что у выхода тебя поджидают две сотни дюжих деревенских молодцов с твердым намерением утопить в пруду.

— Не может быть!

— Увы, но это так.

На миг показалось, что бедняга раздавлен. Но лишь на миг. В Бинго есть что-то от английского бульдога. На лице его расцвела безмятежная улыбка.

— Ничего страшного, — сказал он. — Выберусь через подвал и перелезу через стену за домом. Меня им не запугать!

Прошло не больше недели, и вот как-то Дживс, поставив на столик чашку чая, деликатно отвлек меня от изучения спортивного раздела в «Морнинг пост» и обратил мое внимание на объявление в колонке «Помолвки и свадьбы».

Это было краткое сообщение о том, что в скором времени состоится бракосочетание его преподобия достопочтенного Хьюберта Уингема, третьего сына достопочтенного графа Старриджа, и Мэри, единственной дочери покойного Мэтью Берджесса из Уэзерли-Корт, Гэмпшир.

— Ну что ж, — сказал я, пробежав глазами заметку. — Этого следовало ожидать.

— Да, сэр.

— Она не простила ему спектакля.

— Нет, сэр.

— Не сомневаюсь, — сказал я и отхлебнул глоток ароматного горячего напитка, — что Бинго

быстро оправится. С ним уже сто раз такое случалось. Мне вас жалко.

— Меня, сэр?

— Ну как же, черт подери, разве вы забыли, сколько усилий потратили для победы Бинго в том забеге? Жаль, что ваши труды оказались бесплодными.

— Не совсем бесплодными, сэр.

— Как это?

— Мои попытки устроить брак мистера Литтла с юной леди и вправду не увенчались успехом, но тем не менее я испытываю чувство удовлетворения от участия в этом деле.

— Понимаю: вы сделали все, что в ваших силах.

— Не только из-за этого, сэр, хотя, разумеется, эта мысль доставляет мне удовольствие. Я в первую очередь имел в виду материальную выгоду.

— Материальную выгоду? Что вы хотите сказать?

— Когда я узнал, что мистер Стеглз заинтересовался борьбой претендентов на руку юной леди, я на паях с моим другом Брукфилдом перекупил тотализатор, который устроил по этому случаю владелец пивной «Бык и конь». И предприятие

оказалось чрезвычайно прибыльным. Ваш завтрак готов, сэр. Тосты с почками и грибами. Я подам, как только вы позвоните.

Глава 16
Долгие проводы Клода и Юстаса

В то утро, когда тетя Агата неожиданно объявилась в моей берлоге и сообщила, какое страшное испытание готовит мне судьба, я понял, что удача от меня отвернулась. Видите ли, до сих пор мне удавалось держаться в стороне от Внутрисемейных Проблем. Когда тетушки трубят, точно мастодонты на доисторических болотах, а письмо дяди Джеймса об эксцентричном поведении кузины Мейбл циркулирует по семейным каналам («Пожалуйста, прочтите внимательно и перешлите Джейн»), про меня, как правило, клан Вустеров не вспоминает. Вот еще одно преимущество того, что я — холостяк, да к тому же, как считают мои дражайшие родственники, холостяк придурковатый. «Вряд ли Берти это будет интересно» — такое мнение прочно укоренилось в нашем семействе, и, должен признаться, я его всячески поддерживаю. Все, что мне нужно, — это спокойная жизнь. И потому меня охватили самые мрачные предчувствия, когда тетя Агата возникла у меня в гостиной, где я безмятежно

курил утреннюю сигарету, и заговорила о Клоде и Юстасе.

— Благодарение Богу, — сказала она, — наконец-то мы пришли к соглашению насчет Клода и Юстаса.

— К соглашению? — переспросил я, не имея ни малейшего понятия, о чем речь.

— В пятницу они уплывают в Южную Африку. Мистер Ван Элстин, друг бедняжки Эмили, берет их в свою фирму в Йоханнесбурге, и мы надеемся, что они там приживутся и сумеют сделать достойную карьеру.

Я никак не мог взять в толк, о чем она.

— В пятницу? Это выходит — послезавтра?

— Да.

— В Южную Африку?

— Да. Они отплывают на «Эдинбургской ладье».

— Но с чего вдруг? Я хочу сказать — сейчас еще только середина семестра.

Тетя Агата бросила на меня ледяной взгляд.

— Ты хочешь меня уверить, Берти, что настолько не интересуешься жизнью ближайших родственников? Вот уже две недели, как Клод и Юстас отчислены из Оксфорда.

— Не может быть!

— Берти, ты безнадежен. Мне казалось, что даже ты…

— За что их выставили?

— Они вылили лимонад на голову младшего преподавателя колледжа… Не нахожу ничего забавного в этой возмутительной выходке, Берти.

— Ну, конечно, разумеется, — поспешно согласился я. — Я вовсе не смеюсь. Это я так кашляю — что-то першит в горле.

— Бедняжка Эмили! — продолжала тетя Ага-та. — Такие, как она, губят детей слепой, безрассудной любовью. Хотела оставить их в Лондоне, надеялась пристроить на военную службу. Но я проявила твердость. Колонии — единственное подходящее место для таких необузданных юнцов, как Юстас и Клод. Так что в пятницу они уплывают. Последние две недели они жили у дяди Клайва в Вустершире. Завтра переночуют в Лондоне, а в пятницу с утренним поездом прибудут на корабль.

— Довольно рискованная затея. Я хочу сказать — в Лондоне они запросто могут пуститься во все тяжкие, если оставить их без присмотра.

— Они не останутся без присмотра. За ними присмотришь ты.

— Я?!

— Да, ты. Они переночуют у тебя на квартире, и ты проследишь, чтобы они не проспали поезд.

— Но послушайте…

— Берти!

— Да нет, они славные ребята, и тот, и другой, но… не знаю. Они же чокнутые. Конечно, я всегда рад их видеть, но впустить на ночь в квартиру…

— Берти, ты настолько очерствел и погряз в беспробудном эгоизме, что не в состоянии ни на йоту поступиться своими удобствами ради…

— Хорошо, хорошо, — сказал я. — Бог с ними. Согласен.

Спорить не имело смысла. В присутствии тети Агаты мне всегда начинает казаться, что у меня вместо позвоночника желе. Она из разряда железных женщин. Вероятно, королева Елизавета Первая была на нее похожа. Достаточно тете грозно сверкнуть глазами и рявкнуть: «А ну-ка, живо!» — как я тут же, без пререканий, делаю все, что велят.

Она ушла, и я тотчас позвал Дживса.

— Вот что, Дживс, — сказал я, — мистер Клод и мистер Юстас будут завтра у нас ночевать.

— Очень хорошо, сэр.

— Рад, что вы так считаете. Меня эта перспектива скорее удручает. Вы же знаете, что это за

охламоны.

— Чрезвычайно резвые молодые джентльмены, сэр.

— Шалопаи, Дживс. Шалопаи, каких свет не видел!

— Будут еще какие-нибудь распоряжения, сэр?

Не скрою, после этих его слов я придал своему лицу высокомерное выражение. Мы, Вустеры, сразу замыкаемся в себе, когда в поисках сочувствия нарываемся на ледяную сдержанность. Я прекрасно понимал, в чем дело. Вот уже два дня, как мы с Дживсом находились в натянутых отношениях из-за того, что я приобрел себе сногсшибательные гетры в Берлингтонском пассаже. Какой-то мозговитый малый, видимо тот самый, кто придумал расцвеченные портсигары, недавно начал выпускать такие же гетры. Вместо обычных, серых и белых, вы можете выбрать цвета своего полка или своей школы. И, скажу честно, я не смог отказать себе в удовольствии и купил пару итонских, которые приветливо подмигивали мне с витрины. Я бросился в магазин и заплатил за них и только потом сообразил, что Дживс вряд ли одобрит мое приобретение. Как я и опасался, он встретил новые гетры, что называется, в штыки. Во всех прочих отношениях Дживс

— лучший камердинер в Лондоне, но он слишком консервативен. Законченный ретроград, враг прогресса.

— Пока все, Дживс, — со сдержанным достоинством произнес я.

— Очень хорошо, сэр.

Он бросил на гетры ледяной взгляд и выплыл из комнаты. Черт бы его побрал!

* * *

Близнецы ввалились в квартиру на следующий вечер, когда я переодевался к обеду, — мне давно не приходилось видеть людей в столь радостном и безмятежном расположении духа. Я всего на шесть лет старше Клода и Юстаса, но в их присутствии чувствую себя глубоким старцем, терпеливо ждущим близкого конца. Они тут же развалились в креслах, распечатали пачку моих лучших сигарет, плеснули себе виски с содовой и принялись трещать так весело и жизнерадостно, словно добились в жизни выдающихся успехов, никому бы и в голову не пришло, что они потерпели полное фиаско и приговорены к позорной ссылке.

— Берти, здорово, дружище, — сказал Клод. — Спасибо, что согласился нас приютить.

— Пустяки, — сказал я. — Жаль, что вы не можете задержаться подольше.

— Слышишь, Юстас? Он хочет, чтобы мы задержались подольше.

— Как знать — может, наш визит и не покажется ему таким уж кратким, — философски заметил Юстас.

— Ты уже в курсе, Берти? Ну, насчет того, что нас выставили.

— Да, тетя Агата мне рассказала.

— Мы покидаем отечество на благо отечества, — сказал Юстас.

— «Пусть киль не скрипит о коварную мель, когда мы отправимся в путь», — сказал Клод. — А что тетя Агата тебе рассказывала?

— Сказала, что вы вылили лимонад на голову младшего преподавателя колледжа.

— Почему, черт побери, люди вечно все путают, — возмутился Клод. — Это был не младший преподаватель, а старший наставник.

— И вылил я на него не лимонад, а содовую, — сказал Юстас. — Старик оказался как раз под нашим окном, когда я выглянул наружу с сифоном в руках. Он взглянул вверх и — ну, ты понимаешь, что мне оставалось делать? Такая удача выпадает раз в жизни. Я бы никогда себе

не простил, если бы не воспользовался случаем и не прыснул ему двойную порцию прямо в физиономию.

— Такой шанс грех упускать, — согласился Клод.

— Может, в жизни больше не представится, — сказал Юстас.

— Сто против одного, что нет, — сказал Клод.

— Послушай, Берти, — сказал Юстас, — а какую развлекательную программу ты приготовил своим дорогим гостям?

— Как вы смотрите на то, чтобы поужинать дома? — сказал я. — Дживс как раз начал накрывать на стол.

— А потом?

— Ну, поболтаем о том о сем, а затем… вам же завтра к десяти утра на поезд, вы наверняка хотите закруглиться пораньше.

Близнецы недоуменно переглянулись.

— Ты замечательно рассудил, Берти, но не все учел, — сказал Юстас. — Я предлагаю несколько иное развитие событий: после ужина мы завалимся в «Спрос». Ведь это наш прощальный вечер! Там, с божьей помощью, мы сумеем продержаться часов до трех утра.

— А после, глядишь, что-нибудь подвернется, —

сказал Клод.

— Но вам надо как следует выспаться на дорогу.

— Выспаться? — сказал Юстас. — Послушай, старичок, ты что же, в самом деле воображаешь, что мы собираемся сегодня спать?

Видимо, я уже не тот, что прежде. В том смысле, что всенощные бдения не доставляют мне такого удовольствия, как несколько лет назад. Когда я учился в Оксфорде, то бал в «Ковент-Гарден» до шести утра, завтрак в «Хаммамсе» и драка с рыночными торговцами в качестве бесплатного приложения было именно то, что доктор прописал. Теперь мне редко удается продержаться дольше двух ночи, а к двум часам близнецы только-только успели разойтись.

Насколько я помню, после «Спроса» мы отправились играть в железку с каким-то типом, которого никто из нас прежде в глаза не видел, и до дома добрались лишь около девяти. Должен признаться, к этому часу я почувствовал, что теряю былую бодрость. У меня едва хватило сил попрощаться с близнецами, пожелать им приятного путешествия и успешной карьеры в Южной Африке, после чего я рухнул в постель. Уже проваливаясь в сон, я слышал, как юные шалопаи

распевают под холодным душем, точно жаворонки, покрикивая время от времени на Дживса, чтобы тот скорее тащил яичницу с беконом.

Проснулся я во втором часу дня. Судя по внутренним ощущениям, у меня не было ни малейшего шанса получить сертификат «Комитета по контролю за свежестью продуктов», но душу мою согревала мысль, что в это самое время близнецы, облокотясь на перила верхней палубы океанского лайнера, бросают прощальный взгляд на родную землю. Вот почему меня чуть удар не хватил, когда дверь распахнулась и в спальню вошел Клод.

— Привет, Берти, — сказал Клод. — Ну как, выспался? Как насчет того, чтобы перекусить?

Я еще не отошел от кошмаров, которые мучили меня с той самой минуты, как я погрузился в тяжкий сон, и поначалу решил, что это еще один кошмар — самый ужасный из всех. И только когда Клод уселся мне на ноги, я убедился, что имею дело с суровой действительностью.

— О, черт! — простонал я. — Какого дьявола ты тут делаешь?

Клод укоризненно покачал головой.

— Разве так встречают гостей, Берти? — с осуждением сказал он. — Ведь только вчера ты жалел,

что я не могу задержаться подольше. Ну вот, твоя мечта сбылась. Я задержался.

— Но почему ты не уплыл в Южную Африку?

— Так и знал, что ты об этом спросишь, — сказал Клод. — Дело вот в чем, старина. Помнишь девушку, с которой ты познакомил меня вчера в «Спросе»?

— Девушку? Какую девушку?

— Там была всего одна девушка, — холодно сказал Клод. — Во всяком случае, одна, достойная внимания, Мэрион Уордор. Я еще танцевал с ней все время, если помнишь.

Тут я начал смутно припоминать. Я давно знаком с Мэрион Уордор. Замечательная девушка. Сейчас она играет в этой оперетке, которую дают в «Аполлоне». Да, точно, она действительно была с компанией в «Спросе», и близнецы упросили, чтобы я их представил.

— У нас с ней полное родство душ, Берти, — сказал Клод. — Я понял это в начале первого, и чем больше о ней думаю, тем больше убеждаюсь, что это так. Такое иногда случается. Ну, когда два сердца бьются, как одно, и так далее. Короче говоря, на вокзале Ватерлоо я ускользнул от Юстаса и прискакал сюда. Мне совсем не улыбается тащиться в Южную Африку и оставить такую

девушку в Англии. Я знаю, ты скажешь, что надо думать об интересах Империи, что наши колонии нуждаются в помощи, и все такое, но я ничего не могу с собой поделать. В конце концов, — резонно заметил Клод, — Южная Африка обходилась до сих пор без меня, думаю, обойдется и впредь.

— А как же Ван Элстин — или как там его? Он же тебя ждет?

— Он получит Юстаса. И хватит с него. Юстас — замечательный парень. Наверняка станет там финансовым магнатом. Я буду с интересом следить за его головокружительной карьерой. А сейчас ты должен меня извинить, Берти. Пойду попрошу Дживса приготовить его знаменитую тонизирующую смесь. По какой-то непонятной причине у меня побаливает голова.

Хотите верьте, хотите нет, но не успела за ним закрыться дверь, как в спальню влетел Юстас с такой сияющей физиономией, что я на секунду зажмурился.

— Чтоб мне провалиться! — сказал я.

Юстас довольно захихикал.

— Чистая работа, Берти, — сказал он. — Высший класс. Жаль старину Клода, но другого выхода не было. Я ускользнул от него на вокзале, поймал такси и рванул сюда. Думаю, этот дура-

лей до сих пор гадает, куда я делся. Но что мне оставалось делать? Если ты в самом деле хотел, чтобы я отправился в Южную Африку, тебе не следовало знакомить меня с мисс Уордор. Я тебе сейчас все расскажу, Берти. Ты знаешь, я не из тех, кто влюбляется в каждую встречную-поперечную, — продолжал он, присаживаясь на мою постель. — Думаю, ключевые слова для описания моего характера, это «волевой» и «немногословный». Но когда встречаешь женщину, настолько близкую по духу, надо действовать быстро и решительно. Я…

— О господи! Ты тоже влюбился в Мэрион Уордор?

— Тоже? Что значит «тоже»?

Не успел я открыть рот, чтобы рассказать ему про Клода, как тот появился собственной персоной, возрожденный из пепла, как птица феникс. Я всегда говорил, что знаменитая смесь Дживса способна мгновенно вернуть к жизни любого, за исключением разве что египетской мумии. Тут все дело в специях — кажется, он добавляет вустерский соус или еще что-то. Клод воспрял, точно поставленный в воду цветок, но, едва увидел любимого брата, удивленно таращившегося на него поверх спинки кровати, тут же завял.

— Какого черта ты здесь делаешь? — сказал он.

— А какого черта ты здесь делаешь? — сказал Юстас.

— Ты вернулся, чтобы преследовать мисс Уордор?

— Так вот почему ты вернулся!

Минут десять их диалог развивался в виде вариаций на эту тему.

— Хорошо, — сказал наконец Клод. — Ничего не поделаешь. Ты здесь, и никуда от этого не денешься. Пусть победит сильнейший!

— Но черт вас всех подери! — не выдержал я. — Просто чушь собачья! Хорошо, вы решили остаться в Лондоне, но жить-то вы где будете?

— Как где? Здесь, — удивленно сказал Юстас.

— А где же еще? — недоуменно приподняв брови, спросил Клод.

— Ведь ты не откажешься нас приютить, Берти? — сказал Юстас.

— Все знают, что ты не бросишь друга в беде! — сказал Клод.

— Но послушайте, вы, идиоты безмозглые, а вдруг тетя Агата узнает, что я вас тут прячу, когда вы должны быть в Южной Африке? Представляете, что мне будет?

— А что ему будет? — спросил Клод у Юстаса.

— Думаю, он как-нибудь выкрутится, — ответил Юстас Клоду.

— Ну конечно, — окончательно приободрился Клод. — Уж он-то выкрутится.

— Какие могут быть сомнения, — сказал Юстас. — Берти такой находчивый парень! Непременно выкрутится.

— А теперь, — переменил тему Клод, — вернемся к нашим баранам: как насчет того, чтобы пообедать, Берти? Зелье, которое влил в меня Дживс, вызвало зверский аппетит. Затушить этот пожар смогут только полдюжины отбивных и огромный кусок пирога, никак не меньше.

Думаю, в жизни каждого человека порой случается черная полоса, о которой он потом не может вспоминать без содрогания, холодного пота и зубовного скрежета. Если судить по современным романам, кое у кого эти полосы так и мелькают одна за другой, как на железнодорожном шлагбауме. У меня, счастливого обладателя солидного дохода и отменного пищеварения, такие периоды бывают исключительно редко. Но о днях, последовавших за вторым пришествием близнецов в мою квартиру, я стараюсь вспоминать как можно реже. Я жил с ощущением, будто из меня вытянули все нервы и намотали на катушку для

телефонного провода. Жуткое состояние, можете мне поверить. Дело в том, что мы, Вустеры, невероятно правдивы, прямодушны и прочее, и для нас просто нож в сердце кого-то обманывать.

Двадцать четыре часа на берегах Потомака все было спокойно, потом ко мне снова нагрянула тетя Агата. Приди она минут на двадцать раньше, она успела бы увидеть, как близнецы с радостными возгласами уплетают за обе щеки яичницу с беконом. Она молча опустилась в кресло, и я заметил, что она, вопреки обыкновению, смущена и растеряна.

— Берти, у меня что-то очень неспокойно на душе, — сказала она.

У меня тоже на душе было неспокойно: я понятия не имел, как долго она собирается проторчать, а эти чертовы близнецы могли вернуться в любую минуту.

— Я все думаю, — сказала она, — может быть, я поступила с Клодом и Юстасом слишком сурово?

— Такое просто невозможно.

— Что ты хочешь сказать?

— Я… э-э-э… я хотел сказать, что на вас это не похоже — проявлять суровость к кому бы то ни было. — Совсем недурно, вот так, навскидку, без подготовки. Престарелая родственница просияла

от удовольствия и взглянула на меня с чуть меньшим отвращением, чем обычно.

— Очень приятно, что ты так говоришь, Берти, но как по-твоему — им ничего не угрожает?

— Это им-то?!

Нашла за кого тревожиться — этим милым деткам ничего угрожать не может, а вот они опасны для окружающих, как молодые жизнерадостные тарантулы.

— Ты думаешь, с ними ничего не случилось?

— Почему вы об этом спрашиваете?

Взгляд тети Агаты как-то странно затуманился.

— Берти, тебе никогда не приходило в голову, — спросила она, — что твой дядя Джордж — экстрасенс?

Я подумал, что она решила сменить тему.

— Экстрасенс?

— Ты допускаешь, что он может видеть то, что недоступно взгляду обычных людей?

Я это не только допускал, но даже считал вполне естественным. Не знаю, знакомы ли вы с моим дядей Джорджем. Развеселый старый хрыч таскается с утра до вечера из одного клуба в другой и в каждом пропускает пару рюмок с такими же развеселыми старыми хрычами. Стоит ему замаячить на горизонте, как официанты делают

стойку, а сомелье начинает радостно поигрывать штопором. Дядя Джордж открыл, что алкоголь заменяет пищу, задолго до того, как это стало известно современной медицинской науке.

— Вчера я ужинала с дядей Джорджем, так вот, он был в страшном возбуждении. Утверждает, что, когда он шел из «Девонширского клуба» в «Будлз», ему явился призрак Юстаса.

— Что ему явилось?

— Призрак. Привидение. Он видел его настолько ясно, что на миг ему показалось, будто это сам Юстас. Видение скрылось за углом, но, когда дядя Джордж дошел до перекрестка и заглянул за угол, там никого не оказалось. Все это очень странно и неприятно. И сильно подействовало на беднягу Джорджа. За обедом он ничего не пил, кроме ячменного отвара, и видно было, что он страшно встревожен. Так ты уверен, что нашим бедным дорогим мальчикам ничего не грозит? Они не пали жертвами какой-нибудь ужасной катастрофы?

При мысли о такой перспективе у меня радостно забилось сердце, но я ответил: «Нет, я уверен, что они не пали жертвами ужасной катастрофы». Про себя я подумал, что Юстас — сам хуже любой катастрофы, да и Клод ему под стать, но вслух

ничего не сказал. В конце концов она отчалила, так окончательно и не успокоившись.

Когда вернулись близнецы, я тут же им все высказал. Сколь ни соблазнительна перспектива довести дядю Джорджа до инфаркта, хватит в открытую шляться по Лондону, где их могут встретить знакомые.

— Но послушай, старичок, — возразил Клод. — Ты сам-то головой подумай. Не можем мы ограничить наши перемещения в пространстве.

— Совершенно исключено! — поддержал его Юстас.

— Для нас это жизненно необходимо, — сказал Клод. — Мы должны свободно порхать, как птички, — туда-сюда.

— Вот именно, — сказал Юстас. — Сперва туда, потом сюда.

— Но черт бы вас побрал…

— Берти, — укоризненно сказал Юстас. — Умоляю тебя, не надо при детях!

— С другой стороны, его тоже можно понять, — сказал Клод. — Думаю, что лучший выход из положения — купить средства маскировки.

— Гениально! — сказал Юстас, с восхищением глядя на брата. — Первая путная мысль, которую я от тебя услышал за долгие годы нашего знаком-

ства. Уверен, что ты не сам до нее додумался.

— По правде говоря, мне ее подсказал Берти.

— Я?

— На днях ты рассказывал про Бинго Литтла — как он нацепил фальшивую бороду, чтобы дядя его не узнал.

— Вы воображаете, я допущу, чтобы у двери моей квартиры то и дело появлялись два бородатых урода?

— Что ж, он прав, — согласился Юстас. — Хорошо, пусть будут бакенбарды.

— И фальшивый нос, — сказал Клод.

— Верно, и фальшивый нос. Ну вот, Берти, старина, надеюсь, тебе стало легче. Нам не хочется доставлять тебе ни малейшего беспокойства во время нашего краткого пребывания в твоем доме.

Позже, когда я кинулся за утешением к Дживсу, он сказал что-то насчет горячих молодых голов. Никакого сочувствия.

— Хорошо, Дживс, — сказал я. — Пойду прогуляться по парку. Будьте добры, принесите мне мои итонские гетры.

— Хорошо, сэр.

* * *

Дня через два, незадолго до пятичасового чая, ко мне вдруг пожаловала Мэрион Уордор. Прежде чем сесть, она с опаской огляделась.

— Надеюсь, ваших кузенов нет дома? — спросила она.

— Слава богу, нет.

— Тогда скажу вам, где они сейчас находятся. У меня в гостиной, злобно таращатся друг на друга из противоположных углов комнаты и поджидают, когда я вернусь. Берти, пора положить этому конец.

— Вам, как я понимаю, приходится много времени проводить в их обществе?

В эту минуту Дживс принес нам чай, но несчастная девушка была так измучена, что не стала дожидаться, пока он выкатится из комнаты, а продолжала изливать душу. Вид у бедняжки был совершенно затравленный.

— Я шагу не могу ступить, чтобы не натолкнуться на одного из них, а то и на обоих вместе, — сказала она. — Как правило, на обоих. Они теперь повадились приходить вдвоем: усядутся с мрачным видом по разным углам, кто кого пересидит. Вы не представляете, какая это мука.

— Представляю, — с сочувствием сказал я. — Очень даже представляю.

— Но что же мне делать?

— Ума не приложу. Велите горничной говорить, что вас нет дома.

Она подавила нервную дрожь.

— Пробовала. Они уселись на лестнице, и я весь день не могла выйти из дома. А у меня было назначено много важных встреч. Пожалуйста, уговорите их уехать в Южную Африку, насколько я понимаю, там их очень ждут.

— Чувствуется, вы произвели на них сильное впечатление.

— Ох, и не говорите. Теперь они дарят мне подарки. Во всяком случае, Клод. Вчера вечером он настоял, чтобы я приняла от него этот портсигар. Пришел ко мне в театр и не уходил до тех пор, пока я не согласилась. Надо признать, очень недурная вещица.

Вещица и вправду была недурна. Массивная золотая штуковина с брильянтом посередине. У меня возникло странное чувство, будто я что-то очень похожее где-то видел. Оставалось только гадать, где Клоду удалось раздобыть денег на такой дорогой подарок.

На следующий день была среда, предмет обожа-

ния был занят в дневном спектакле, и близнецы оказались, что называется, свободны от вахты. Клод надел бакенбарды и пошел прогуляться в Херст-парк, а мы с Юстасом сидели в гостиной и болтали. Вернее, говорил он, а я молил Бога, чтобы он тоже куда-нибудь слинял.

— Что может быть прекраснее на свете, Берти, — говорил он, — чем любовь добродетельной женщины. Иногда… Господи! Что это?

Мы услышали, как дверь в квартиру открылась, и в прихожей зазвучал голос тети Агаты. Голос у тети Агаты очень высокий, пронзительный, и в первый раз в жизни я поблагодарил за это создателя. В нашем распоряжении оставалось всего две секунды, но Юстасу этого оказалось достаточно, чтобы юркнуть под диван. Вторая туфля скрылась под диваном в то самое мгновение, когда тетя входила в комнату.

Вид у нее был озабоченный. Мне в те дни казалось, что у всех на свете озабоченный вид.

— Берти, что ты собираешься делать в ближайшее время? — спросила она.

— Я? А что? Сегодня я ужинаю с…

— Нет, я не имела в виду сегодня. Ты свободен в ближайшие дни? Ну конечно, свободен, — продолжала она, не дожидаясь моего ответа. — Ты

же никогда ничего не делаешь. Вся твоя жизнь протекает в праздности и… впрочем, мы поговорим об этом позже. Я пришла сказать, что ты должен поехать на несколько недель в Харрогит с несчастным дядей Джорджем. Чем скорее вы туда отправитесь, тем лучше.

Это была последняя соломинка, и я взвыл, как верблюд с переломленным хребтом. Дядя Джордж волен ехать куда ему заблагорассудится, но при чем здесь я? Я попытался ей это втолковать, но она и слушать не стала.

— Берти, если в твоем сердце осталась хоть капля сострадания, ты сделаешь то, о чем я тебя прошу. Бедный Джордж только что пережил страшное потрясение.

— Как, еще одно?

— Только полный покой и тщательный врачебный уход могут вернуть его нервную систему в нормальное состояние. В прошлом минеральные воды в Харрогите приносили ему заметное облегчение, и он решил снова туда съездить. Его нельзя отпускать одного, и я решила, что сопровождать его будешь ты.

— Но, послушайте…

— Берти!

Наступила томительная пауза.

— А что у него было за потрясение? — спросил я.

— Между нами говоря, — многозначительно понизив голос, проговорила тетя Агата, — я склонна думать, что это лишь плод его возбужденного воображения. Ты член семьи, Берти, поэтому я могу говорить с тобой откровенно. Ты не хуже меня знаешь, что бедный дядя Джордж на протяжении многих лет не был… у него нередко… ну, в общем, развилась своего рода привычка… не знаю, как это сказать…

— То, что называется, любит залудить?

— Как ты сказал?

— В смысле — не просыхает.

— Мне претит твоя манера выражаться, Берти, но следует признать, что он и вправду не всегда соблюдает должную умеренность. Он так легко возбудим, и… Короче говоря, он пережил страшное потрясение.

— Да, но какое?

— Я так и не смогла от него ничего толком добиться. В минуты сильного душевного волнения бедный Джордж, при всех его достоинствах, выражается довольно бессвязно. Насколько я поняла, его ограбили.

— Ограбили?

— Он утверждает, что некий незнакомец с бакенбардами и огромным носом проник в его комнату на Джермин-стрит и похитил принадлежавшую ему вещь. Он сказал, что, вернувшись домой, застал этого человека в гостиной. Он тотчас же выбежал из комнаты и исчез.

— Кто, дядя Джордж?

— Да нет же, тот человек. И если верить дяде Джорджу, он украл у него дорогой портсигар. Но, хочу подчеркнуть еще раз, я склонна думать, что все это лишь плод его воображения. Он был не в себе с того самого дня, когда ему показалось, что он встретил на улице Юстаса. Поэтому, Берти, я хочу, чтобы ты отправился с ним в Харрогит не позже субботы.

Она ускакала, и Юстас вылез из-под дивана. Он явно был сильно расстроен. Да и сам я, признаться, тоже. Перспектива провести несколько недель в Харрогите в обществе дяди Джорджа мне совсем не улыбалась.

— Так вот откуда у него портсигар! — с горечью воскликнул Юстас. — Нет, каков негодяй! Ограбить близкого родственника! Да его место на каторге!

— Его место в Южной Африке, — сказал я. — И твое, кстати, тоже.

И с красноречием, которого я сам от себя не ожидал, я целых десять минут распинался насчет долга перед семьей и прочего. Я взывал к его порядочности. С жаром расписывал прелести Южной Африки. Я сказал все, что только можно сказать, и даже вдвое больше. Но паршивец в ответ только бубнил насчет низости своего чертова братца, который обошел его с этим портсигаром. Видно, считал, что, навязав девушке дорогой подарок, Клод повел в счете, и, когда тот вернулся из Херст-парка, между близнецами разыгралась бурная сцена. Я ушел спать, а они еще полночи ругались за стеной. В жизни не встречал людей, которые могли бы обходиться столь малым количеством сна, как эти двое.

После этого Клод и Юстас перестали разговаривать друг с другом, и обстановка стала окончательно невыносимой. Я люблю, когда в доме царит сердечная, дружеская атмосфера, и мне тяжело находиться в одной квартире с субъектами, каждый из которых делает вид, что другого не существует.

Ясно было, что долго так продолжаться не может, и вскоре этому действительно пришел конец. Если бы мне накануне сказали, что такое случится, я бы лишь недоверчиво усмехнулся

в ответ. Я окончательно смирился с мыслью, что ничто, кроме динамита, не выдворит этих обалдуев из квартиры, и потому ушам своим не поверил, когда в пятницу утром Клод подгреб ко мне и огорошил неожиданным сообщением.

— Берти, я все обдумал, — сказал он.

— Все что? Что все? — спросил я.

— Что я торчу в Лондоне, когда мне следует быть в Южной Африке. Это несправедливо, — с жаром сказал Клод. — Это неправильно. Короче говоря, Берти, старичок, завтра я уезжаю.

Я чуть с катушек не слетел.

— Уезжаешь? — выдохнул я.

— Да, — сказал Клод. — Ты не возражаешь, если я пошлю Дживса за билетом? Боюсь, мне придется стрельнуть у тебя денег на проезд. Ты ведь не против, старина?

— Какой разговор! — воскликнул я и с жаром стиснул его руку.

— Вот и отлично. Да, и еще — ни слова Юстасу, обещаешь?

— А он разве не едет?

Клод возмущенно фыркнул.

— Слава богу, нет! Меня тошнит от мысли, что я могу оказаться на одном корабле с этим подонком. Нет, ни слова Юстасу. Послушай, а вдруг на

завтра не осталось ни одной свободной каюты?

— Осталось, осталось, — сказал я. Я согласен был купить весь пароход, лишь бы от него избавиться.

— Дживс! — влетев в кухню, закричал я. — Врубайте четвертую скорость, дуйте в «Юнион касл» и купите билет на завтрашний пароход для мистера Клода. Он от нас уезжает, Дживс.

— Да, сэр.

— Мистер Клод не хочет, чтобы об этом стало известно мистеру Юстасу.

— Хорошо, сэр. Мистер Юстас выразил такое же пожелание, когда просил меня заказать каюту на завтрашний рейс для него самого.

Я с изумлением уставился на Дживса:

— Так он тоже уезжает?

— Да, сэр.

— Ничего не понимаю.

— Я тоже, сэр.

При других обстоятельствах я бы наверняка долго обсуждал эту замечательную новость с Дживсом. Издавал бы радостные вопли, приплясывал вокруг него, и все такое. Но проклятые гетры по-прежнему разделяли нас незримым барьером, и с сожалением вынужден признаться, что я не упустил случая уколоть Дживса. Он

держался со мной так холодно и не выказывал никакого сочувствия, хотя прекрасно знал, что молодой хозяин попал в переплет и неплохо бы немного сплотиться вокруг него в такую минуту; короче говоря, я не удержался от искушения и дал ему понять, что мне удалось привести дело к благополучному концу самостоятельно, без его помощи.

— Вот так-то, Дживс, — сказал я. — Как видите, все успешно разрешилось. Я знал, что все образуется, если не суетиться и не поднимать волну. А ведь многие на моем месте начали бы поднимать волну.

— Да, сэр.

— Рвать на себе волосы и просить у других совета и помощи.

— Вполне возможно, сэр.

— Но только не я, Дживс.

— Нет, сэр.

С тем я и ушел, оставив его размышлять в одиночестве над моими словами.

Даже мысль о предстоящей поездке в Харрогит с дядей Джорджем не могла отравить мою радость, когда я оглядел в субботу свою старую милую квартиру и окончательно осознал, что не увижу здесь больше ни Клода, ни Юстаса. Они тайно

ускользнули по одному сразу же после завтрака: Юстас поспешил в Ватерлоо на десятичасовой поезд, а Клод направился в гараж, где я держу мой автомобиль. Я опасался, что они случайно встретятся на вокзале и передумают, и убедил Клода ехать до Саутгемптона на машине.

Я валялся на канапе в гостиной, умиротворенно разглядывал сидящих на потолке мух и размышлял, до чего же все-таки прекрасная штука жизнь, и тут вошел Дживс и подал мне письмо.

— Только что передали с посыльным, сэр.

Я распечатал конверт, и оттуда выпала пятифунтовая банкнота.

— Господи, — сказал я. — Это еще что такое?

Написанное карандашом письмо оказалось кратким:

«Дорогой Берти!

Передайте, пожалуйста, эти деньги вашему камердинеру — я сожалею, что не могу прислать больше. Он спас мне жизнь. Сегодня первый счастливый день за последнюю неделю.

Ваша М. У.».

Дживс поднял упавшую на пол банкноту.

— Можете забрать ее себе, — сказал я. — Она для вас.

— Сэр?

— Я говорю, что эти пять фунтов — ваши. Их прислала для вас мисс Уордор.

— Крайне любезно с ее стороны, сэр.

— За какие подвиги, черт подери, она раздаривает вам столь крупные суммы? Она пишет, будто вы спасли ей жизнь.

Дживс мягко улыбнулся:

— Она преувеличивает мою услугу, сэр.

— Но какую услугу вы ей оказали, хотел бы я знать?

— Это связано с отъездом мистера Клода и мистера Юстаса, сэр. Я надеялся, что она не станет вам об этом рассказывать. Мне не хотелось, чтобы вы подумали, будто я позволяю себе слишком большие вольности, сэр.

— Что вы хотите сказать?

— Я случайно оказался в комнате, когда мисс Уордор жаловалась на мистера Клода и мистера Юстаса, что они самым непозволительным образом навязывают ей свое общество. И счел, что в данных обстоятельствах будет простительно посоветовать мисс Уордор пойти на маленькую хитрость, которая поможет ей избавиться от назойливого внимания со стороны юных джентльменов.

— Ах ты, черт! Вы что же, хотите сказать, что

это благодаря вам они отсюда убрались?

Я чувствовал себя полным идиотом — а я-то его подкалывал и хвастался, что добился успеха без его помощи.

— Я посоветовал мисс Уордор сообщить по отдельности мистеру Клоду и мистеру Юстасу, будто ей предложили ангажемент в Южную Африку и она собирается ехать туда на гастроли. И, как видите, я все правильно рассчитал, сэр. Юные джентльмены на это клюнули, если позволительно будет так выразиться.

— Дживс, — сказал я, — мы, Вустеры, можем ошибаться, но мы всегда готовы это признать. Вам нет равных, Дживс!

— Большое вам спасибо, сэр.

— Но погодите! — Меня поразила ужасная мысль. — Когда они прибудут на судно и увидят, что ее там нет, разве они не бросятся сломя голову обратно в Лондон?

— Я предусмотрел такую возможность, сэр. По моему совету мисс Уордор объявила юным джентльменам, что предполагает часть пути проделать по суше и присоединится к ним уже на Мадейре.

— А куда судно заходит после Мадейры?

— Это последний заход, сэр.

Несколько минут я неподвижно лежал на спине, осмысливая то, что сообщил мне Дживс. Мне удалось найти лишь один маленький изъян.

— Жаль только, — сказал я, — что на большом судне у них будет возможность держаться врозь. Было бы особенно приятно, если бы Клоду приходилось постоянно пребывать в обществе Юстаса, а Юстасу наслаждаться тесным общением с Клодом.

— Полагаю, что именно так все и будет, сэр. Я позаботился, чтобы у них была одна каюта на двоих. Одну койку будет занимать мистер Клод, а другую — мистер Юстас.

Теперь я чувствовал себя почти на верху блаженства. Вот если бы еще не нужно было тащиться в Харрогит с дядей Джорджем!

— Вы уже начали укладывать мои вещи, Дживс? — спросил я.

— Укладывать вещи, сэр?

— Для поездки в Харрогит. Я уезжаю туда сегодня с сэром Джорджем.

— Ах, извините, сэр. Забыл вам сказать. Сегодня утром, когда вы еще спали, позвонил сэр Джордж и просил передать, что у него изменились планы. Он решил отказаться от поездки в Харрогит.

— Но ведь это же просто великолепно!

— Я так и думал, что вы обрадуетесь, сэр.

— А почему он вдруг передумал? Он вам не сказал?

— Нет, сэр. Но я узнал от его камердинера, Стивенса, что сэр Джордж чувствует себя гораздо лучше и больше не нуждается в лечении и отдыхе. Я взял на себя смелость сообщить Стивенсу рецепт моего фирменного тонизирующего коктейля, о котором вы всегда отзывались с такой похвалой. Как передал мне Стивенс, сэр Джордж сказал ему сегодня утром, что чувствует себя другим человеком.

Что ж, мне оставалось только сделать то, что я должен был сделать. Не скажу, что это далось мне без душевной боли, но другого выхода не было.

— Дживс, — сказал я. — Одним словом… эти гетры…

— Да, сэр?

— Они вам вправду так не нравятся?

— Ужасно не нравятся, сэр.

— И вы не думаете, что со временем сможете с ними смириться?

— Нет, сэр.

— Что ж, ничего не поделаешь. Хорошо. Ни слова больше. Можете их сжечь.

— Благодарю вас, сэр. Я уже их сжег. Сегодня утром, еще до завтрака. Спокойный серый цвет идет вам гораздо больше, сэр. Спасибо, сэр.

Глава 17
Бинго и его новая пассия

Через неделю после отъезда Клода и Юстаса я неожиданно натолкнулся на Бинго Литтла в курительной «Клуба почетных либералов». Он сидел, развалясь в кресле, рот приоткрыт, выражение лица довольно бессмысленное, а из соседнего кресла на него с неприязнью таращился какой-то седобородый субъект: видимо, Бинго занял его любимое место. Вот почему я терпеть не могу чужие клубы — сам того не подозревая, ты нарушаешь священные права Старейших Обитателей.

— Привет, дуралей, — сказал я.

— Здорово, чучело, — откликнулся Бинго, и мы заказали по маленькой перед обедом.

Раз в год администрация «Трутней» вспоминает, что клуб не мешает слегка помыть и почистить, и выставляет всех на несколько недель пастись в каком-нибудь другом заведении. На этот раз нас откомандировали к «Почетным либералам», и для меня это оказалось мукой мученической. У нас в «Трутнях» обстановка

царит самая непринужденная: хочешь за столом привлечь чье-то внимание, можешь просто запустить в него куском хлеба; как после этого прижиться в клубе, где самому молодому члену никак не меньше восьмидесяти семи и где считается неприличным заговорить с человеком, если не участвовал вместе с ним в битве при Ватерлоо. Поэтому я страшно обрадовался, увидев здесь Бинго. Мы принялись болтать, понизив на всякий случай голос.

— Не клуб, а богадельня, — сказал я.

— Да, настоящий паноптикум, — согласился Бинго. — По-моему, вон тот старикан около окна умер еще три дня назад, но здесь, видимо, это никого не удивляет.

— Ты здесь прежде обедал?

— Нет. А что?

— У них тут официантки вместо официантов.

— С ума сойти! Я думал, после войны такого уже не встретишь. — Бинго задумался и рассеянно поправил галстук. — И что же — есть хорошенькие? — спросил он.

— Нет.

Он, казалось, был разочарован, потом приободрился.

— Я слышал, здесь лучшая кухня в Лондоне.

— Так, во всяком случае, говорят. Ну что, пошли?

— Пошли, — сказал Бинго. — Кстати, в конце обеда, а может быть, в начале официантка спросит: «Посчитать вам вместе, сэр?» Так вот, отвечай утвердительно. Я гол как сокол.

— Дядя тебя до сих пор не простил?

— Нет, чтоб ему пусто было!

Мне стало жаль Бинго. Чтобы как-то утешить беднягу, я решил побаловать его по кулинарной части, и, когда официантка принесла меню, я изучил его со всей тщательностью.

— Как ты насчет такой программы, — после некоторого раздумья сказал я. — Для затравки — перепелиные яйца, потом суп, немного холодной семги, карри из курицы, крыжовенный пирог со сливками и ассорти сыров в качестве завершающего аккорда.

Не скажу, чтобы я ожидал услышать вопль восторга, хотя я старался выбрать его любимые блюда, но я ждал, что он хоть что-нибудь скажет в ответ. Я взглянул на него и увидел, что ему сейчас не до меня. Он смотрел на официантку, точно бродячий пес, который внезапно вспомнил, где он накануне зарыл кость.

Это была довольно высокая девушка с боль-

шими задумчивыми карими глазами. Неплохая фигурка и все такое прочее. Руки тоже вполне пристойные. Не помню, чтобы я ее здесь раньше видел, но должен признать, что ее появление значительно повысило среднестатистический уровень привлекательности здешнего персонала.

— Так что ты на это скажешь, приятель? — спросил я, желая поскорее покончить с заказом, потому что мне не терпелось поработать ножом и вилкой.

— А? Что? — очнулся Бинго.

Я еще раз огласил весь список.

— Да-да, хорошо, — сказал Бинго. — Мне все равно. — Девушка исчезла, а он повернулся ко мне, и в его глазах я заметил знакомый лихорадочный блеск. — А ты уверял, что здесь нет хорошеньких, — с упреком сказал он.

— Силы небесные! — воскликнул я. — Только не говори мне, что снова влюбился, причем в девушку, которую видишь в первый раз!

— Знаешь, Берти, порой бывает довольно одного взгляда, — сказал Бинго. — Мелькнут в толпе чьи-то глаза, и некий голос шепнет тебе…

Тут подоспели перепелиные яйца, он прервал тираду и алчно набросился на еду.

* * *

Вернувшись домой, я сразу позвал Дживса.

— Готовьтесь, Дживс, — сказал я.

— Сэр?

— Приведите в боевое положение мыслительный аппарат и ждите сигнала к атаке. Подозреваю, что мистеру Литтлу в скором времени потребуется не только моя моральная поддержка, но и ваша помощь.

— У мистера Литтла неприятности, сэр?

— Можно сказать и так. Он влюбился. В пятьдесят третий раз. Скажите честно, Дживс, как мужчина мужчине: вам доводилось в жизни встречать такого влюбчивого субъекта?

— Вне всякого сомнения, у мистера Литтла весьма пылкое сердце, сэр.

— Пылкое? Да его нужно в законодательном порядке обязать носить асбестовый жилет! Словом, Дживс, готовьтесь.

— Хорошо, сэр.

И, как я и предсказывал, не прошло и десяти дней, как этот безмозглый идиот с жалобным блеянием прискакал в поисках добровольцев, готовых прийти на помощь.

— Берти, — сказал он, — если ты мне друг, на-

стало время доказать это.

— Продолжай, несчастный, — ответил я. — Мы готовы благосклонно выслушать твои бредни.

— Помнишь, несколько дней назад мы с тобой обедали в «Почетных либералах»? Нас тогда обслуживала…

— Помню. Высокая расторопная девица.

Он задрожал от негодования.

— Я попросил бы, черт тебя побери, не говорить о ней в подобных выражениях. Она — ангел.

— Очень хорошо. Что дальше?

— Я люблю ее.

— Отлично. Дальше.

— Перестань подгонять меня! Дай мне рассказать все по порядку. Так вот, как я уже говорил, я люблю ее и прошу тебя, Берти, как верного друга, отправиться к моему дяде с важной дипломатической миссией. Дядя должен снова начать выплачивать мне содержание, и как можно скорее. Более того, содержание должно быть увеличено.

— Но послушай, почему бы немного не подождать, — сказал я; мне совсем не улыбалось тащиться к его дяде с подобным поручением.

— Подождать? А какой смысл?

— Сам знаешь, как у тебя это обычно бывает.

Что-нибудь пойдет не так, глядишь — от любви и следа не осталось. Лучше предпринять атаку на дядю, когда дело будет решено окончательно и бесповоротно.

— Все и так решено окончательно и бесповоротно: сегодня утром она дала мне согласие.

— Ну и ну! Быстрая работа. Ты же с ней двух недель не знаком.

— В этой жизни — да, — сказал Бинго. — Но она считает, что мы встречались в предыдущей жизни. Я был царем в Вавилоне, а она — рабыней-христианкой. Сам-то я ничего такого не помню, но, может, все так и было.

— Потрясающе! — воскликнул я. — Официантки теперь все так изъясняются?

— Откуда мне знать, как изъясняются официантки?

— Кому и знать, как не тебе. Если помнишь, я с твоим дядей познакомился, когда ты послал меня прощупать, не хочет ли он сплотиться под знаменами и помочь тебе жениться на Мейбл из забегаловки на Пиккадилли.

Бинго вздрогнул. Безумный блеск вспыхнул в его глазах. Не успел я понять, что он собирается сделать, как он изо всех сил хлопнул меня рукой по колену, я даже подскочил от боли, точно гор-

ный козел.

— Эй, полегче!

— Извини, — сказал Бинго. — Не рассчитал. Увлекся. Берти, ты подал мне отличную мысль. — Он подождал, пока я закончу массировать травмированную конечность, и продолжил свою речь: — Ты очень кстати вспомнил ту историю. Не забыл гениальный план, который я тогда придумал? Сказать дяде, что ты — как-там-бишь-ее — ну, словом, та самая писательница, помнишь?

Такое не забывается. Проклятая эпопея каленым железом выжжена на скрижалях моей памяти.

— Вот как нам следует действовать, — сказал Бинго. — Это именно то, что надо. Рози М. Бэнкс снова в бою.

— Нет, ничего не выйдет, старина. Извини, но это исключено. Я не в состоянии пройти через такое еще раз.

— Даже ради меня?

— Даже ради сотни таких, как ты.

— Никогда не думал, — скорбно произнес Бинго, — что мне доведется услышать эти слова из уст Берти Вустера.

— Однако ж услышал. Можешь даже записать для памяти, в назидание потомкам.

— Берти, мы учились с тобой в одной школе.

— Это не моя вина.

— Уже пятнадцать лет мы близкие друзья.

— Знаю. И мне предстоит искупать этот грех всю оставшуюся жизнь.

— Берти, старина, — не сдавался Бинго. Он пододвинул стул поближе ко мне и принялся массировать мою лопатку. — Пожалуйста, послушай! Пойми же наконец…

И, разумеется, не прошло и десяти минут, как я сдался на уговоры этого паршивца. Вот так всегда. Меня кто хочешь уговорит. Если бы я попал в траппистский монастырь, то первый же монах за пять минут убедил бы меня в чем угодно при помощи азбуки глухонемых.

— Ладно, что я должен сделать? — спросил я, когда понял, что сопротивление бесполезно.

— Для начала пошлешь старикану экземпляр своего последнего романа с автографом и льстивой надписью. Он расчувствуется до чертиков. Потом отправишься к нему и выложишь все как есть.

— А какой у меня последний?

— «Одна против всех», — сказал Бинго. — Этот роман продают сейчас на каждом углу, им забиты все витрины книжных магазинов и киоски.

Судя по картинке на обложке, весьма забористая штука. Разумеется, дядя захочет обсудить с тобой роман.

— Вот видишь, — обрадовался я. — Ничего не выйдет. Я же понятия не имею, что там написано.

— Значит, тебе придется его прочитать.

— Прочитать? Но послушай…

— Берти, мы учились в одной школе.

— Ну хорошо, хорошо, — сказал я.

— Я знал, что на тебя можно положиться. У тебя золотое сердце. Дживс, — сказал Бинго, когда мой верный слуга появился в гостиной, — у мистера Вустера золотое сердце.

— Хорошо, сэр, — ответил Дживс.

В последнее время я мало читаю, разве что в «Розовую газету» загляну, и страдания мои во время неравной борьбы с текстом романа «Одна против всех» не поддаются описанию. Впрочем, мне удалось одолеть роман до конца, и, как оказалось, вовремя: едва я дошел до места, где «губы их слились в долгом страстном поцелуе, и наступила волшебная тишина, нарушаемая лишь легким шорохом ночного ветерка в макушках ракит», пришел посыльный и принес письмо от лорда Битлшема с приглашением пожаловать к

нему на обед.

Старика я застал в совершенно размягченном состоянии. Рядом с ним на столе лежал присланный мной томик, он ел заливное и перелистывал страницы.

— Мистер Вустер, — сказал он, отправив в рот изрядный кусок форели, — позвольте вас поблагодарить. И позвольте вас поздравить. Вы идете от победы к победе. Я читал «Все ради любви», я читал «Всего лишь фабричная девчонка»; «Сумасбродку Мертл» я помню наизусть. Но ваша последняя книга превосходит их все. Она меня тронула до глубины души.

— Правда?

— Истинная правда! Я прочел ее три раза после того, как вы столь любезно мне ее прислали — еще раз огромное спасибо за очаровательную надпись, — и могу смело сказать, что стал лучше, мудрее и милосерднее. Мою душу переполняет чувство признательности и любви ко всему роду человеческому.

— В самом деле?

— Клянусь вам.

— Ко всему роду?

— Ко всем без исключения.

— Значит, и к Бинго тоже? — спросил я, чтобы

прижать его к стенке.

— К моему племяннику? Ричарду? — Он на мгновение заколебался, но потом, видимо, решил, что мужчине не пристало брать свои слова назад. — Да, даже к Ричарду. Вернее… то есть… возможно… да, все-таки и к Ричарду тоже.

— Очень рад это слышать, потому что как раз хотел о нем поговорить. Он очень нуждается.

— Находится в стесненных денежных обстоятельствах?

— Совершенно на мели. И без труда сумел бы найти применение некоторому количеству денежных знаков, если бы вы согласились возобновить ежеквартальные выплаты.

Он задумался и, прежде чем ответить, разделался с внушительным куском холодной цесарки. Потом в который раз взял в руки книгу, и она раскрылась на странице двести пятнадцать. Я не помнил, что было написано на странице двести пятнадцать, но, видимо, что-то очень трогательное, потому что выражение его лица смягчилось, и он посмотрел на меня повлажневшими глазами — я даже решил, что он намазал слишком много горчицы на кусок ветчины, который перед этим отправил себе в рот.

— Хорошо, мистер Вустер, — сказал он. — Я

все еще нахожусь под свежим впечатлением от вашего гениального творения и не в состоянии проявить жестокосердие по отношению к кому бы то ни было. Ричард, как прежде, будет получать от меня денежное содержание.

— Вот что значит истинная тонкость! — сказал я. И тотчас пожалел о своих словах: человек с таким неимоверным брюхом мог решить, что я над ним издеваюсь. — Я хотел сказать, что у вас очень тонкая душа. Теперь я спокоен за Бинго. Вы знаете, он ведь собрался жениться.

— Нет, я ничего об этом не знал. И не уверен, что это удачная идея. Кто же его избранница?

— Она официантка.

Он подпрыгнул на стуле.

— Не может быть! Подумать только! Очень рад это слышать, мистер Вустер. Честно говоря, я не ожидал от мальчика такой настойчивости в достижении поставленной цели. Превосходное качество, я прежде за ним такого не замечал. Прекрасно помню, что полтора года назад, когда мне посчастливилось с вами познакомиться, Ричард как раз мечтал о женитьбе на этой самой официантке.

Мне пришлось открыть ему глаза.

— Ну, не совсем на этой. Честно говоря, совсем

на другой. Но все-таки на официантке.

Снисходительное, добродушное выражение тотчас исчезло с дядюшкиного лица. Он недоверчиво хмыкнул.

— А я уж было решил, что Ричард являет собой пример постоянства, столь редко встречающегося у современных молодых людей. Я… Мне нужно все хорошенько обдумать.

С тем мы и расстались, а я пришел к Бинго и рассказал ему, как обстоят дела.

— С содержанием все в порядке, — сказал я. — А вот с благословением туго.

— Старик не желает слышать про свадебные колокола?

— Сказал, что ему нужно подумать. Если бы у меня была букмекерская контора, я бы принимал ставки сто к восьми, что он не согласится.

— Ты просто не сумел найти к нему подход. Так и знал, что ты все испортишь! — сказал Бинго.

После всего, что мне пришлось ради него претерпеть, его слова уязвили меня больнее жала змеиного.

— Ах, как это некстати, — сказал Бинго. — Ужасно некстати! Я сейчас не могу тебе всего объяснить, но… Да, ужасно некстати.

Он с удрученным видом сгреб из коробки горсть

моих сигар и ушел.

После этого я не видел его два дня. На третий день он влетел ко мне с цветком в петлице и с таким выражением лица, будто его стукнули по затылку кирпичом.

— Здорово, Берти.

— Привет, дуралей. Куда это ты пропал?

— Да так, знаешь ли, то одно, то другое. Потрясающая сегодня погодка, верно?

— Да, неплохая.

— Банковская учетная ставка снова упала.

— Что ты говоришь?

— И в Нижней Силезии назревает какая-то заварушка…

— Вот черт!

Некоторое время он бесцельно бродил по гостиной, что-то бормоча себе под нос. Мне показалось, что бедняга спятил.

— Вот что, Берти, — сказал он и уронил на пол вазу, которую перед этим снял с каминной полки и долго вертел в руках. — Я вспомнил, что хотел тебе сообщить. Я женился.

Глава 18
Все хорошо, что хорошо кончается

Я с изумлением на него уставился. Цветок в петлице… Безумный взгляд… Да, все симптомы указывают на то, что он говорит правду, но я все равно не мог в это поверить. Ведь я был свидетелем стольких любовных увлечений Бинго: они начинались с восторженных восклицаний и пылких заверений, но вскоре от всего этого оставался один пшик, и у меня не укладывалось в голове, что на этот раз он сумел доскакать до финиша.

— Женился?

— Мы зарегистрировались сегодня утром в Холборне. Я пришел к тебе прямо со свадебного завтрака.

Я выпрямился в кресле и принял серьезный, деловой вид. Тут нужно во всем как следует разобраться.

— Погоди, давай по порядку. Ты действительно женат?

— Да.

— На той самой девушке, в которую был влюблен позавчера?

— Что за странный вопрос!

— Кто тебя знает. Ладно, что заставило тебя решиться на столь опрометчивый шаг?

— Я попросил бы тебя, черт побери, не говорить со мной в подобном тоне. Я женился, потому что люблю ее, — сказал Бинго. — Она самая прелестная женщина в мире!

— Хорошо, хорошо, верю. Но ты подумал, что на это скажет твой дядя? В последний раз, когда я его видел, он отнюдь не горел желанием сыпать конфетти на головы новобрачных.

— Буду с тобой предельно откровенен, Берти, — сказал Бинго. — Она сама вынудила меня к этому шагу, если хочешь знать. Я рассказал, как отнесется к браку мой дядя, и она заявила, что мы должны расстаться: если бы я действительно любил ее, сказала она, я бы не испугался дядюшкиного гнева и немедленно с ней обвенчался. Так что у меня не было выбора. Мне ничего не оставалось, как купить бутоньерку и отправиться на регистрацию.

— И что ты теперь собираешься делать?

— Я уже все продумал. После того как ты сходишь к дяде и сообщишь ему о моей женитьбе…

— Что?!

— После того как…

— Ты что же, рассчитываешь втянуть в это дело меня?

Он взглянул на меня с оскорбленным видом библейского пророка, которому прохожий положил в руку камень.

— И это говорит Берти Вустер? — с горечью произнес Бинго.

— Он, он самый.

— Берти, старина, — сказал Бинго, ласково поглаживая меня по плечу. — Опомнись! Мы же с тобой учились…

— Хорошо, согласен…

— Вот и молодец! Всегда знал, что на тебя можно положиться. Она ждет нас внизу в холле. Захватим ее и мигом летим на Паунсби-Гарденз.

Прежде мне доводилось видеть новобрачную лишь в униформе официантки, и я ожидал, что по случаю венчания она вырядится во что-нибудь невообразимое. Первый луч надежды с начала этой кромешной истории забрезжил у меня в душе, когда вместо бархата и шляпки с цветами в облаке дешевых духов я увидел перед собой женщину, одетую с безукоризненным вкусом. Строго. Ничего кричащего. Глядя на нее, можно было подумать, что она явилась сюда прямо с Беркли-сквер.

— Милая, это мой старый приятель, Берти Вустер, — сказал Бинго. — Мы с ним учились в одной школе. Правда, Берти?

— Учились, учились, — сказал я. — Очень приятно познакомиться. Мы кажется… э-э-э… мы как-то обедали вместе.

— Да, верно. Мне тоже очень приятно.

— Мой дядя души в Берти не чает, — объяснил Бинго. — Поэтому Берти поедет с нами и попытается подготовить почву. Эй, такси!

По дороге мы почти не разговаривали. Все чувствовали себя скованно. Наконец такси остановилось, и мы выгрузились около вигвама старого Битлшема. Я оставил Бинго и его жену в холле, а сам поднялся в гостиную и стал ждать, пока дворецкий доложит обо мне вождю.

Пока я слонялся по гостиной, мне на глаза попалась эта идиотская «Одна против всех». Книга была раскрыта на странице двести пятнадцать, и я обратил внимание на отрывок, жирно обведенный карандашом. Я прочел его и понял, как мне следует действовать, чтобы преуспеть в моей деликатной миссии.

А написано там было вот что:

«Что может противостоять… — Милисент смело встретила взгляд сурового старца, и глаза ее

сверкнули. — Что может противостоять чистой и всепоглощающей любви? Милорд, она не страшится ни громких титулов, ни высоких званий, ее не остановят тщетные запреты опекунов и родителей. Я люблю вашего сына, лорд Майндермер, и ничто на свете не в силах нас разлучить. Задолго до сотворения мира нам суждено было полюбить друг друга, разве вы вправе идти против воли Судьбы?

Граф пытливо посмотрел на нее из-под кустистых бровей.

— Хм, — произнес он».

Я не успел выяснить, что именно сказала Милисент в ответ на хмыканье графа, ибо распахнулась дверь и в гостиную вкатился старик Битлшем. Как всегда — само радушие и любезность.

— Мой дорогой мистер Вустер, какой приятный сюрприз! Садитесь, прошу вас. Чем могу служить?

— Видите ли, на этот раз я выступаю в роли посла. Представляю интересы старины Бинго.

Мне показалось, что радушия у него несколько поубавилось, но поскольку он не выставил меня за дверь, я продолжал гнуть свое.

— Я всегда считал, — сказал я, — что ужасно трудно противостоять тому, что принято на-

зывать чистой и всепоглощающей любовью. Нередко я спрашивал себя: есть ли на свете нечто способное ей помешать? Мне кажется, что нет.

Не думаю, что мои глаза сверкнули, когда я смело встретил взгляд сурового старца, но, во всяком случае, я выразительно поиграл бровями. В ответ он только засопел, вид у него при этом был весьма скептический.

— Мистер Вустер, мы уже обсуждали этот вопрос во время нашей прошлой встречи. И по этому поводу…

— Да, но с тех пор дело приняло новый оборот. Сегодня утром Бинго решился и сунул голову в петлю.

— О господи! — Он вскочил с кресла, разинув от изумления рот. — Как в петлю? Какой ужас! Где это произошло?

Я понял, что он не просек, о чем речь.

— Это всего лишь метафора, если, конечно, я правильно понимаю, что такое метафора. Я хотел сказать, что ваш племянник женился.

— Женился?!

— Надел на шею хомут, самым форменным образом. Надеюсь, вы не станете держать на него за это зуб, верно? Сами понимаете — горячая молодая кровь… Два любящих сердца, и все такое

прочее.

Он возмущенно запыхтел.

— Я весьма обеспокоен этим известием. Я… Я считаю, что со мной… э-э-э… не посчитались. Да, не посчитались!

— Но разве вправе вы идти против воли Судьбы? — сказал я, косясь краем глаза на раскрытую страницу книги.

— Простите?

— Видите ли, им суждено было полюбить друг друга. Так сказать, задолго до сотворения мира.

Должен признаться, что, если бы он в ответ сказал «Хм!», я бы оказался в чрезвычайно затруднительном положении. К моему счастью, этого не произошло. Он сидел молча, видимо, обдумывал мои слова, потом взгляд его упал на книгу. Старик вздрогнул.

— Господи, мистер Вустер, это же из вашего последнего романа!

— Более или менее.

— То-то ваши слова показались мне знакомыми. — Он просиял от удовольствия и издал несколько звуков, похожих на приглушенное кудахтанье. — Боже мой, боже мой, вы знаете мое слабое место. — Он взял в руки роман и погрузился в чтение. Я уже начал думать, что он забыл о

моем существовании. Наконец он положил книгу на стол и вытер глаза носовым платком. — Ладно, так и быть! — произнес он.

Я молча ерзал на стуле и уповал на лучшее.

— Так и быть, — повторил он. — Не могу же я поступить, как лорд Уиндермер. Скажите, мистер Вустер, вы списали этого надменного старика с живой модели?

— Да нет, просто решил, что здесь нужен именно такой герой, и — готово.

— Гений! — пробормотал Битлшем. — Гений! Что ж, мистер Вустер, я побежден. В самом деле: разве я вправе идти против воли Судьбы? Сегодня же напишу Ричарду о моем согласии на брак.

— Вы можете лично открыть ему благую весть, — сказал я. — Он ждет в холле вместе с новобрачной. Я сейчас же пришлю их к вам. Всего вам доброго и большое спасибо. Бинго просто обалдеет от радости.

И я кубарем скатился по лестнице. Бинго и его благоверная сидели на кончиках стульев в холле, словно пациенты в приемной зубного врача.

— Ну что? — бросился ко мне Бинго.

— Дело в шляпе, — ответил я и крепко хлопнул балбеса по спине. — Вам остается лишь подняться наверх и слиться в семейном экстазе. Пока, дети

мои. В случае чего вы знаете, где меня найти. Тысячу поздравлений, и все такое прочее.

И я ускакал, не дожидаясь, пока они начнут рассыпаться в благодарностях.

В этой жизни никогда не знаешь, где найдешь, а где — потеряешь. «Себя забыв — другим помочь, и сон ночной блажен» — именно такое чувство я испытал, вернувшись в свою обитель; я поудобнее устроился в кресле, положил ноги на каминную решетку и принялся прихлебывать чай, поданный верным Дживсом. Я не раз убеждался, что судьба может нанести удар уже на финишной прямой, и верные ставки могут полететь к черту в последнюю секунду, но сейчас не ждал никакого подвоха. После того как я оставил Бинго на Паунсби-Гарденз, ему оставалось лишь подняться по лестнице вместе с милой женушкой и принять дядюшкино благословение. Я был совершенно уверен в благополучном исходе дела, и, когда через полчаса он ввалился в гостиную, я решил, что он просто хочет поблагодарить меня срывающимся от волнения голосом и рассказать, какой я замечательный друг. Поэтому я милостиво улыбнулся и уже собирался предложить ему сигарету, когда понял, что тут что-то не так. Вид у него был такой, словно кто-то изо всех сил

двинул ему в солнечное сплетение.

— Бог мой, старина, — сказал я. — В чем дело?

Бинго нервно прошелся по комнате.

— Я должен успокоиться, — сказал он и налетел на журнальный столик. — Спокойно, черт подери. — Он опрокинул стул.

— Надеюсь, ничего страшного не стряслось?

Бинго издал глухой замогильный стон.

— Ничего страшного? Стряслось самое страшное из всего, что могло стрястись. Знаешь, что произошло после того, как ты ушел? Помнишь эту идиотскую книжку, которую тебе взбрело в голову послать моему дяде?

На самом деле это ему взбрело в голову, чтобы я ее послал, но я видел, что бедняга страшно расстроен, и решил не цепляться по пустякам.

— «Одна против всех»? — спросил я. — Она весьма кстати подвернулась мне в гостиной. Именно с помощью цитат из этой книги мне удалось уломать твоего дядю.

— Возможно. Но когда мы поднялись к дяде, она подвернулась совсем некстати. Мы вошли в гостиную, принялись очень мило болтать о том о сем, и все шло как нельзя лучше до тех пор, пока моя жена не заметила проклятую книжку. «Ах, вы читаете этот роман, лорд Битлшем?» — спро-

сила она. «Прочел уже три раза», — ответил дядя. «Очень рада это слышать», — сказала она. «Как, вы тоже поклонница Рози М. Бэнкс?» — просиял дядюшка. «Я и есть Рози М. Бэнкс», — ответила моя жена.

— Ах ты, черт! Не может быть!

— Увы.

— Ничего не понимаю! Она же работала официанткой в «Клубе почетных либералов».

Бинго с чувством лягнул канапе.

— Она пошла в клуб официанткой, чтобы собрать материал для новой книги — «Мервин Кин, клубный завсегдатай».

— Могла бы тебе об этом сказать.

— Ее так потрясло, что я полюбил ее, невзирая на скромный социальный статус, что она не спешила открыть мне правду. Сказала, что собиралась признаться позже.

— Ну и как развивались события дальше?

— Последовала ужасно неприятная сцена. Старика чуть удар не хватил. Обругал ее самозванкой. Потом оба стали одновременно орать друг на друга, и в конце концов она полетела в издательство за доказательствами своего авторства, чтобы заставить дядю прислать ей письменное извинение. Даже представить себе не могу, чем

все кончится. Дядя лопнет от злости, узнав, что мы его водили за нос; но это еще что! Представляешь, какой жена поднимет шум, когда выяснится, что мы использовали этот трюк с книжками Рози М. Бэнкс, чтобы помочь мне жениться на другой? Ведь она впервые обратила на меня внимание после того, как я сказал ей, что до нее ни разу не был ни в кого влюблен.

— Ты ей так сказал?

— Да.

— Ну знаешь!

— Ну, я и вправду не был… во всяком случае, по-настоящему. Разве можно сравнивать чувства, которые… Ладно, сейчас это уже не имеет значения. Что мне теперь делать — вот в чем штука.

— Не знаю.

— Спасибо, — сказал Бинго. — Всегда знал, что могу рассчитывать на твою помощь.

На следующее утро он позвонил мне по телефону, когда я только начал переваривать яичницу с беконом, — короче говоря, в то время, когда хочется без помех поразмышлять о смысле жизни.

— Берти!

— Слушаю.

— Ситуация накаляется.

— Что еще стряслось?

— Дядя ознакомился с представленными доказательствами и признал ее требования справедливыми. Я только что провел пять незабываемых минут, разговаривая с ним по телефону. Он кричал, что мы выставили его дураком, даже начал заикаться от бешенства. Но, несмотря на заикание, он недвусмысленно дал понять, что мое содержание накрылось.

— Какая жалость.

— Лучше себя пожалей, — мрачно буркнул Бинго. — Он собирается сегодня прийти к тебе за объяснениями.

— Ужас!

— И моя жена собирается сегодня прийти к тебе за объяснениями.

— Кошмар!

— Желаю тебе приятно провести время, — сказал Бинго и повесил трубку.

Я завопил:

— Дживс!!!

— Сэр?

— Дживс, я пропал.

— В самом деле, сэр?

Я вкратце обрисовал ситуацию.

— Что вы мне посоветуете?

— На вашем месте, сэр, я бы немедленно при-

нял приглашение мистера Питта-Уолли. Если помните, сэр, он приглашал вас поохотиться с ним на этой неделе в Норфолке.

— Верно, приглашал! Клянусь честью, Дживс, вы, как всегда, правы. Привезите мои вещи к первому поезду после обеда. А до тех пор я залягу на дно в моем клубе.

— Вы предпочитаете, чтобы я сопровождал вас во время этой поездки, сэр?

— А вы сами хотите поехать?

— Если позволите высказать мое мнение, сэр, будет лучше, если я останусь здесь и постараюсь помочь молодому мистеру Литтлу. Возможно, мне удастся найти способ примирить враждующие стороны, сэр.

— С богом. Но если вам это и вправду удастся, вы совершите чудо.

Не могу сказать, что я хорошо провел время в Норфолке. Почти все время лил дождь, а когда не лил, я все равно был слишком взвинчен, чтобы во что-то попасть. К концу недели мое терпение лопнуло. Глупо, подумал я, похоронить себя в норфолкской глуши за много миль от дома лишь оттого, что дядя моего друга и его жена хотят перебросится со мной парой слов. Я решил вернуться в Лондон и смело, как подобает мужчине,

встретить опасность: затаюсь у себя в квартире и велю Дживсу отвечать всем, что меня нет дома.

Я послал Дживсу телеграмму и прямо с вокзала поехал к Бинго узнать, что и как. Но дома его не застал. Я позвонил несколько раз в дверной звонок и уже собирался уйти, когда услышал шаги в прихожей, и дверь распахнулась. Должен признаться, это был не самый счастливый миг в моей жизни: я увидел пред собой круглую, как луна, физиономию лорда Битлшема.

— А-а-а… э-э-э… здравствуйте, — сказал я.

Последовало томительное молчание.

Я плохо представлял себе, как поступит старикан, если мне, не дай бог, доведется с ним когда-нибудь встретиться, наверное, нальется кровью и мокрого места от меня не оставит. А он, к моему изумлению, лишь робко улыбнулся. Какой-то болезненной улыбкой. Глаза у него выпучились, он забулькал, словно у него комок застрял в горле.

— Э-э-э… — выдавил из себя он.

Я ждал продолжения, но, видимо, на этом он свою речь закончил.

— Бинго дома? — спросил я после весьма неловкой паузы.

Он покачал головой и снова улыбнулся. Наш

оживленный диалог опять завял, после чего — хотите верьте, хотите нет — он вдруг неуклюже скакнул обратно в квартиру и захлопнул за собой дверь.

Я ничего не мог понять. Но поскольку аудиенция, как видно, была окончена, мне ничего не оставалось, как уйти. Я начал спускаться по лестнице и вдруг увидел Бинго: перепрыгивая через три ступеньки, он поднимался ко мне навстречу.

— Привет, Берти! — сказал он. — Откуда ты свалился? Я думал, ты уехал из Лондона.

— Только что вернулся. Хотел зайти к тебе, разузнать, как обстоят дела.

— Какие дела?

— Ну, как же! Вся эта история.

— А, вот ты про что, — с беспечным видом отозвался Бинго. — Все давно уладилось. Голубь мира осеняет крылом наше жилище. Все отлично, лучше и быть не может. Все устроил Дживс. Я всегда говорил, Берти, что твой камердинер — настоящее сокровище. За полминуты разрешил все проблемы с помощью очередной гениальной идеи.

— Но это же здорово!

— Я знал, что ты будешь рад.

— Поздравляю.

— Спасибо.

— Но как Дживсу удалось? Лично я ничего бы не смог придумать.

— Он взял дело в свои руки и уладил все в два счета. Дядя и моя жена теперь лучшие друзья. Часами разглагольствуют о литературе и подобных материях. Он частенько заходит к нам поболтать.

Тут я вспомнил.

— Кстати, он и сейчас у тебя, — сказал я. — Послушай, Бинго, а как он вообще в последнее время?

— Как обычно. А почему ты спрашиваешь?

— Может, он переутомился или еще что? Мне показалось, он как-то странно себя ведет.

— Так ты его уже видел?

— Он открыл мне дверь, когда я позвонил в твою квартиру. Сперва молча глядел на меня, выпучив глаза, потом захлопнул дверь прямо у меня перед носом. Меня это, честно говоря, озадачило. Понимаю, если бы он меня отчитал, и все такое прочее, но, черт побери, у него был ужасно испуганный вид.

Бинго беззаботно рассмеялся.

— Да нет, все в порядке, — сказал он. — Я забыл тебе сказать. Хотел написать, да так и не собрался.

Он думает, что ты сумасшедший.

— Он… что?

— Видишь ли, это была идея Дживса. Она блестящим образом разрешила все проблемы. Он предложил сказать дяде, что я совершенно искренне представил ему тебя как Рози М. Бэнкс; что я неоднократно слышал от тебя, будто ты — автор всех этих книг, и у меня не было оснований сомневаться в том, что так оно и есть. А потом выяснилось, что ты страдаешь галлюцинациями и вообще чокнутый. Мы пригласили сэра Родерика Глоссопа — помнишь, ты еще как-то столкнул его сынишку в пруд в Диттеридж-Холле, и он очень кстати поведал всем, как он пришел к тебе на обед, а у тебя в спальне оказалось полным-полно кошек и рыбы, и про то, как ты, проезжая мимо на такси, сорвал у него с головы шляпу. После этого ни у кого не осталось ни малейших сомнений на твой счет. Я всегда говорил и не устану повторять: положись на Дживса, и тебе не страшны никакие удары судьбы.

Я многое могу стерпеть, но всему на свете есть предел.

— Ну знаешь, такой неслыханной наглости…

Бинго взглянул на меня с удивлением:

— Ты что, сердишься?

— Сердишься! Значит, теперь весь Лондон считает, будто я чокнутый? Черт бы вас всех побрал…

— Берти, ты меня удивляешь и обижаешь, — сказал Бинго. — Вот уж не думал, что тебе трудно поступиться такой малостью ради счастья человека, который был твоим другом целых пятнадцать лет…

— Но послушай…

— Разве ты забыл, — сказал Бинго, — что мы учились в одной школе?

Я стрелой полетел домой, кипя от возмущения и обиды. Одно я знал твердо: с Дживсом надо расстаться. Первоклассный слуга, лучший в Лондоне, но это не смягчит мое сердце. Я ворвался в квартиру, точно тихоокеанский тайфун… и увидел пачку сигарет на маленьком столике, иллюстрированные еженедельники на большом столе, а на полу стояли наготове домашние туфли, и все было настолько так, как надо, что я сразу же начал успокаиваться. Ну, знаете, как в той пьесе, когда один тип готовится совершить преступление и вдруг слышит забытую мелодию песенки, которую пела ему мать, когда качала его в колыбели. Я хочу сказать, что я смягчился. Да, именно смягчился.

А когда в дверях возник старина Дживс, держа в руках поднос со всеми необходимыми ингредиентами…

Тем не менее я собрал свою стальную волю в кулак и попытался действовать по намеченному плану.

— Дживс, я только что разговаривал с мистером Литтлом, — сказал я.

— В самом деле, сэр?

— Он… э-э-э… он сказал, что вы ему помогли.

— Я постарался сделать все, что в моих силах, сэр. Счастлив, что теперь все уладилось самым удовлетворительным образом. Виски, сэр?

— Спасибо. Э-э-э… Дживс.

— Сэр?

— В другой раз…

— Сэр?

— Нет, ничего. Не одну содовую, Дживс.

— Хорошо, сэр.

Он направился к двери.

— Дживс!

— Сэр?

— Я хотел бы… то есть… я думаю… я хотел сказать, что… нет, ничего!

— Очень хорошо, сэр. Сигареты на столике справа. Ужин будет готов ровно без четверти

восемь, если только вы не собирались ужинать в другом месте.

— Нет. Я поужинаю дома.

— Да, сэр.

— Дживс!

— Сэр?

— Нет, ничего, — сказал я.

— Хорошо, сэр, — сказал Дживс.

Вперед, Дживс!

Командует парадом Дживс[8]

Да, так насчет Дживса — знаете его? Мой камердинер. Многие считают, что я чересчур на него полагаюсь, тетя Агата — та даже вообще называет его «твоя няня». А по-моему, ну и что? Если он гений. Если он от воротничка до макушки на голову выше всех. Через неделю после того, как он ко мне поступил, я полностью передоверил ему ведение всех моих дел. Это было лет пять назад, тогда у меня как раз произошла довольно удивительная история с Флоренс Крэй, рукописью дяди Уиллоуби и бойскаутом Эдвином.

Началось все, когда я возвратился в «Уютное», дядину шропширскую усадьбу. Я имел обыкновение гостить там недельку-другую каждое лето, но в тот год мне понадобилось срочно прервать свое пребывание в Шропшире и съездить в Лондон — нанять нового камердинера. Медоуз, человек, который у меня был, попался на краже моих шелковых носков, чего ни один мужчина и спортсмен не потерпит ни за какие коврижки. К тому же выяснилось, что он еще прибрал к

---

[8] Примечания: 8

© Перевод. И. Бернштейн.

рукам кое-какие вещи в доме. Словом, пришлось за носки бросить злодею перчатку и обратиться в лондонскую контору по найму, дабы мне представили на рассмотрение другой экземпляр. И мне прислали Дживса.

В жизни не забуду то утро, когда он явился. Случилось так, что накануне я принимал участие в довольно бойком застолье и с утра был немного не вполне. Да вдобавок я еще держал перед глазами и старался читать книгу, которую получил от Флоренс Крэй. Она тоже гостила тогда в «Уютном», и дня за два до моего отбытия в Лондон мы с ней обручились. В конце недели я должен был вернуться, и она, конечно, ожидала, что к этому сроку книга будет мною проштудирована. Дело в том, что Флоренс Крэй решила во что бы то ни стало подтянуть мой интеллект поближе к своему уровню. Она была девушка с чудесным профилем, но по жабры погружена в высшие материи. А чтобы вам было понятно, о чем речь, скажу, что книга, которую она мне дала, называлась «Типы этических категорий», и, в первый раз открыв ее наобум, я прочитал вверху страницы следующее:

«Постулаты, или исходные предпосылки речи, безусловно, коэкстенсивны по задачам социальному организму, инструментом которого

является язык, служа тем же целям».

Это все, несомненно, истинная правда, но не слишком полезная для приема внутрь и с утра пораньше на больную голову.

Сижу я и прилагаю титанические усилия к тому, чтобы ознакомиться с этой занятной книжицей, и тут звонок. Сползаю с дивана, отпираю дверь — на пороге какой-то субъект, волосы черные, вид почтительный.

— Меня прислала контора по найму, сэр, — говорит он. — Мне дали понять, что вам нужен камердинер.

Скорее гробовщик, я бы сказал. Но я пригласил его войти, и он, бесшумно вея, проник в комнату, подобно целительному зефиру. Такое впечатление создалось у меня в первую же минуту. Медоуз страдал плоскостопием и бил оземь копытом. А у этого ног как бы вообще не было. Он просто просочился в квартиру, и лицо его выражало заботу и сострадание, словно ему тоже известно по собственному опыту состояние человека после дружеской попойки.

— Прошу прощения, сэр, — произнес он ласково. И будто испарился. Только что стоял передо мной, миг — и нет его. Послышалась возня в кухне, и вот он уже опять появился со стаканом

на подносе.

— Окажите любезность, сэр, — проговорил он, склоняясь ко мне, как врач к больному, как придворный лекарь, подающий стаканчик живительного эликсира занемогшему принцу крови. — Это состав моего личного изобретения. Цвет ему придает соус «Пикан», питательность — сырое яйцо, а остроту — красный перец. Чрезвычайно бодрит, если засиделся накануне, так мне говорили многие.

В то утро я готов был уцепиться за любой спасательный кончик. Стакан этот осушил сразу. В первую минуту ощущение было такое, будто в башке кто-то взорвал мину и полез вниз по пищеводу с горящим факелом в руке, но затем все встало на свои места. Сквозь окно засияло солнце, в древесных кронах зачирикали птички, и вообще заря надежды вновь разрумянила небеса.

— Я вас беру, — выговорил я, как только смог. Я ясно понял, что этот миляга принадлежит к племени ценных заботников, столь незаменимых в каждом доме.

— Благодарю вас, сэр. Моя фамилия — Дживс.

— Вы можете приступить сразу?

— Незамедлительно, сэр.

— Послезавтра нам надо быть в Шропшире в

усадьбе «Уютное».

— Очень хорошо, сэр. — Его взгляд соскользнул на каминную полку у меня за спиной. — Прекрасный портрет леди Флоренс Крэй, сэр. Я видел ее сиятельство последний раз два года назад. Я некоторое время состоял в услужении у лорда Уорплесдона, но вынужден был отказаться от места ввиду желания его сиятельства обедать в вечерних брюках, фланелевой рубахе и охотничьей куртке.

Он мог не трудиться мне объяснять: чудачества старика были известны повсеместно вдоль и поперек. Этот лорд Уорплесдон — не кто иной, как папаша Флоренс. Тот самый бузотер преклонных годов, который через пару лет сошел в одно прекрасное утро к завтраку, поднял первую попавшуюся крышку и с воплем «Яичница! Яичница и яичница! Чтоб ей пусто было!» рванул во Францию, откуда так никогда больше и не возвратился в лоно семьи. Для лона семьи, впрочем, это была большая удача, ибо хуже норова, чем у старика Уорплесдона, не найдется во всем графстве.

С их семейством я знаком, можно сказать, с пеленок и перед старым Уорплесдоном испытываю животный ужас, который сохранил с тех еще пор, когда был мальчишкой. Время, великий цели-

тель, так и не смогло изгладить у меня из памяти тот случай, когда старый лорд застиг меня, пятнадцатилетнего недоросля, в конюшне за курением сигары из его спецзапаса и бросился на меня с охотничьим хлыстом, в то время как мне было совсем не до того, душа жаждала одиночества и покоя, а он гнал меня добрую милю по пересеченной местности! Если в высшем блаженстве быть обрученным женихом Флоренс мыслим какой-то изъян, этим изъяном можно счесть разве лишь то обстоятельство, что она пошла до некоторой степени в папеньку, и нельзя предугадать, в какой миг она взорвется. Но профиль у нее чудесный.

— Мы с леди Флоренс обручены, Дживс, — сообщил я.

— В самом деле, сэр?

И знаете, в его тоне просквозило что-то такое слегка настораживающее. Все вроде бы как надо, корректно и чин чинарем, но восторга определенно не слышно. Впечатление такое, будто Флоренс не совсем в его вкусе. Ну, мне-то что за дело. Наверно, когда он служил у старика Уорплесдона, она как-то успела наступить ему на мозоль. Флоренс — обаятельная девушка и в профиль потрясающе хороша собой; но если у нее можно найти недостаток, то это несколько

темпераментное обращение с прислугой.

Между тем в дверь снова позвонили. Дживс исчез в прихожей и вернулся с телеграммой в руке. Я вскрыл ее. Там значилось:

«Возвращайтесь немедленно первым поездом. Неотложное дело.

Флоренс».

— Чудно́, — сказал я.

— Сэр?

— Да нет, ничего.

Я не стал дальше обсуждать с Дживсом ситуацию, что показывает, как плохо я еще тогда его знал. Теперь-то мне и в голову бы не пришло прочитать непонятную телеграмму и не поинтересоваться, что о ней думает Дживс. А эта телеграмма была дьявольски загадочна. То есть Флоренс прекрасно знала, что послезавтра я так и так приеду обратно в «Уютное», к чему в таком случае этот экстренный вызов? Очевидно, что-то случилось. Но что могло случиться, я просто представить себе не мог.

— Дживс, — говорю я, — сегодня после обеда мы едем в «Уютное». Вы управитесь?

— Безусловно, сэр.

— Успеете уложить чемоданы и все такое?

— Без труда, сэр. Какой костюм вы наденете в

дорогу?

— Вот этот.

На мне в то утро был костюм в довольно веселенькую молодежную клетку, я к нему питал некоторую слабость; вернее даже сказать, он мне просто очень нравился. Цвета, может быть, на первый взгляд довольно неожиданные, но в целом костюмчик более чем недурен, в клубе и в других местах многие не таясь восхищались.

— Очень хорошо, сэр.

И снова нечто такое эдакое в голосе. Как-то он по-особенному это сказал. Ну, вы понимаете. Костюм ему явно не нравился. Тут я собрался с силами и решил твердо постоять на своем. Что-то подсказывало мне, что, если я не проявлю осторожность и не задушу его в колыбели, он еще, пожалуй, начнет мною командовать. Судя по внешности, он парень из решительных.

Ну а я ничего подобного допускать был не намерен, черт подери. Мне известно много случаев, когда хозяин становился рабом своего слуги. Помню, Обри Фодергилл как-то вечером в клубе прямо-таки со слезами на глазах жаловался, что вынужден был отказаться от любимых рыжих ботинок просто потому, что они не нравились Микину, его камердинеру. Надо, чтобы эта пуб-

лика все-таки помнила свое место, знаете ли. Для чего незаменим старый добрый прием «железная рука в бархатной перчатке». Им только дай, тарам, та-рам, что-то там такое, они отхватят… как там говорится?.. отхватят всю десницу.

— Вам этот костюм не нравится, Дживс? — холодно осведомился я.

— Отнюдь, сэр.

— Чем же он вас не устраивает?

— Превосходный костюм, сэр.

— Тогда в чем дело? Выкладывайте, черт возьми!

— Если позволительно предложить, сэр, гладкий коричневый или синий, может быть, в самый умеренный рубчик…

— Какая полнейшая чушь!

— Очень хорошо, сэр.

— Совершеннейший идиотизм, дорогой мой!

— Как скажете, сэр.

У меня возникло такое чувство, будто сделал шаг вверх по лестнице, а ступеньки уже кончились. Я был полон, так сказать, воинственного задора, но воевать, получается, не с чем.

— Ну, тогда ладно, — сказал я.

— Да, сэр.

И он отправился складывать свое хозяйство, а я

вновь обратился к «Типам этических категорий» и решил попробовать силы на главе «Идиопсихологическая этика».

Почти всю дорогу в поезде я ломал голову над тем, что могло случиться. Совершенно непонятно! «Уютное» вовсе не тот одинокий загородный дом из дамских романов, куда заманивают юных дев якобы для игры в баккара, а вместо этого обдирают с них догола все драгоценности и так далее. Когда я уезжал, там собралась теплая компания мирных граждан вроде меня. Да дядя никогда бы и не допустил у себя в доме ничего другого. Он довольно чопорный старый педант и любит, чтобы жизнь шла тихо. В то лето он как раз кончал писать не то свою родословную, не то еще что-то в том же духе и почти безвылазно сидел в библиотеке. Его примером наглядно подтверждается то мудрое житейское правило, что всегда лучше перебеситься смолоду. Я слышал, что в молодые годы дядя Уиллоуби был греховодник, каких мало. А теперь на него посмотреть — нипочем не скажешь.

Когда я вошел в дом, Оукшотт, дворецкий, сообщил мне, что Флоренс у себя в комнате — надзирает за тем, как горничная складывает вещи. Оказывается, вечером должен был состояться бал

в одной усадьбе милях в двадцати по соседству, и Флоренс в компании еще кое с кем из гостей отправляется туда с несколькими ночевками. Оукшотту она велела, по его словам, уведомить ее, как только я вернусь. По этому случаю я пока что забрался в курительную комнату и стал ждать. Вскоре она является. С одного взгляда мне стало ясно, что она вся в волнении, даже, может быть, в сердцах. Глаза на лбу, и вообще весь вид выражает крайнее раздражение.

— Дорогая, — говорю и готов уже, как заведено, заключить ее в объятия. Но она увернулась с ловкостью боксера легкого веса.

— Оставьте.

— Что случилось?

— Все случилось! Берти, помните, вы перед отъездом просили, чтобы я постаралась завоевать расположение вашего дяди?

— Да.

Это я в том смысле, что, поскольку я в общем и целом пока еще нахожусь от него в некоторой материальной зависимости, не может быть и речи о том, чтобы жениться без его согласия. И хотя ожидать от дяди Уиллоуби возражений против Флоренс у меня не было причин: они с ее отцом еще в Оксфорде вместе учились, — однако

в таком деле все-таки лучше не рисковать. Вот я и сказал, чтобы она постаралась обаять старика.

— Вы сказали, что он особенно обрадуется, если попросить, чтобы он почитал мне кусок из своей родословной.

— А он что, не обрадовался?

— Пришел в восторг. Он как раз вчера после обеда дописал последнюю фразу и весь вечер читал вслух, с начала и чуть не до самого конца. Возмутительное сочинение. Скандальное. Ужас какой-то!

— Но, черт подери, наше семейство не такое уж и плохое, мне кажется.

— Это вовсе не родословная. А всего лишь мемуары. И называются «Воспоминания долгой жизни».

Тут я начал понимать, в чем дело. Дядя Уиллоуби, как я уже говорил, вел в молодости жизнь довольно разгульную, так что, предавшись воспоминаниям, он вполне мог выволочь на свет божий немало разных пикантных подробностей.

— Если хоть половина из того, что там написано, — правда, — продолжала Флоренс, — значит, юность вашего дяди была… ну просто нет слов. Вчера он только раскрыл рукопись и сразу же попал на скандальную историю про то, как в

тысяча восемьсот восемьдесят седьмом году его и моего папочку вышвырнули из мюзик-холла!

— За что?

— Я решительно отказываюсь вам объяснить.

И вправду, должно быть, что-то из рук вон. В 1887 году так просто из мюзик-холлов не вышвыривали.

— Ваш дядя черным по белому пишет, что мой папочка начал вечер с того, что выпил полторы кварты шампанского, — продолжала возмущаться Флоренс. — И таких историй в его сочинении множество. Там рассказывается один безобразный случай с лордом Эмсвортом…

— С лордом Эмсвортом? Тем самым, что сейчас гнездится в Бландинге?

Это один такой всем хорошо известный старый гриб, сама добродетель, с утра до ночи ковыряет цапкой у себя в саду.

— Именно. Вот почему сочинение вашего дяди — такая гадость. В нем рассказывается обо всех людях, которых хорошо знаешь, которые сегодня являются воплощением корректности. Выходит, что все они в Лондоне восьмидесятых годов имели такие манеры, каких не потерпели бы и в кубрике самого грязного китобойца. Ваш дядя помнит все постыдные поступки всех зна-

комых в двадцать лет. Например, он описывает один случай с сэром Стэнли Джервас-Джервасом в «Рошервил-Гарденс», с такими ужасными подробностями, оказывается, сэр Стэнли… нет, не могу вам этого пересказать.

— А вы попробуйте.

— Ни за что!

— Да ладно, что вы волнуетесь? Если в этой книге столько смака, ее ни один издатель не напечатает.

— Ошибаетесь. Ваш дядя сказал, что обо всем договорился с издательством «Риггз и Баллинджер» и завтра с утра отсылает им рукопись для немедленной публикации. Они специализируются на таких книгах. Выпустили мемуары леди Карнаби «Восемьдесят интересных лет».

— О, это я читал.

— Тогда, если я скажу, что мемуары леди Карнаби — просто детский лепет в сравнении с воспоминаниями вашего дяди, вы меня поймете. И что ни страница, упоминается имя папочки. Его поведение в молодые годы приводит меня в отчаяние!

— Ну и что же делать?

— Надо перехватить рукопись, прежде чем она уйдет к «Риггзу и Баллинджеру». И уничтожить.

Я чуть не вскочил. Вот это да! Учинить такую шутку — это по-нашему.

— И как вы думаете это проделать?

— При чем тут я? Ведь пакет уйдет завтра утром. А я сегодня вечером уезжаю на бал к Мергатройдам и буду обратно только в понедельник. Это должны сделать вы. Я потому вам и телеграфировала.

— Что-о?

Она холодно посмотрела на меня.

— Вы что, отказываетесь мне помочь, Берти?

— Н-нет, но… Послушайте!

— Это ведь совсем просто.

— Но даже если я… То есть я хочу сказать… Разумеется, все, что в моих силах… Вы меня понимаете…

— Берти! Вы утверждали, что хотите на мне жениться.

— Конечно, но все-таки…

На минуту она превратилась в совершенное подобие своего папаши.

— Я никогда не выйду за вас, если эти воспоминания увидят свет.

— Но, Флоренс, старушка…

— И не спорьте. Считайте, что это вам испытание, Берти. Если у вас достанет отваги и

находчивости осуществить этот замысел, я получу доказательство того, что вы вовсе не такой лоботряс и тупица, каким вас считают многие. А если вы этого не сделаете, я буду знать, что ваша тетя Агата была совершенно права, когда называла вас бесхребетным беспозвоночным и решительно не советовала выходить за вас замуж. Перехватить рукопись, Берти, для вас не составит труда. Нужно только немного решительности.

— А вдруг дядя Уиллоуби меня застукает? Он же не даст мне больше ни шиллинга.

— Ну, если вам дядины деньги дороже, чем я…

— Да нет же! Что вы!

— Вот и прекрасно. Пакет с рукописью будет положен завтра утром на стол в холле, чтобы Оукшотт отвез его в деревню на почту вместе со всеми письмами. От вас требуется только взять его со стола, унести и уничтожить. А дядя будет считать, что пакет затерялся при пересылке.

Мне это показалось довольно малоубедительным.

— А разве у него нет копии?

— Нет. Рукопись на машинке не перепечатана. Он шлет то, что написал от руки.

— Но ведь он может написать все заново.

— Это чересчур большая работа.

— Но…

— Берти, если вы намерены ничего не делать, а будете только выдвигать свои дурацкие возражения…

— Просто я хочу вам заметить, что…

— Не надо, пожалуйста. Отвечайте: да или нет. Вы согласны выполнить эту небольшую просьбу? Сделать для меня одно доброе дело?

То, как она это выразила, сразу натолкнуло меня на ценную мысль.

— Почему бы не поручить это Эдвину? Ограничиться, так сказать, семейным кругом. И к тому же порадовать дитя.

Мысль, на мой взгляд, была просто блестящая. Эдвин — ее младший брат, проводивший каникулы в «Уютном». Эдакий малец с хорьковатой мордочкой, которого я терпеть не мог с самого его рождения. Кстати о мемуарах, это он, чертов малютка Эдвин, девять лет назад привел своего папашу туда, где я курил сигару, и навлек на меня тогда кучу неприятностей. Теперь ему сровнялось четырнадцать, и он недавно вступил в бойскауты. Это был необыкновенно серьезный ребенок, к своим новым обязанностям относившийся очень ответственно. Он постоянно

пребывал в нервной лихорадке, так как отставал от расписания ежедневных добрых дел; прямо из кожи вон лез и все-таки не управлялся. Он часами рыскал по дому, носился наперегонки с самим собой, превращая усадьбу в истинный ад для людей и животных.

На Флоренс моя блестящая мысль должного впечатления не произвела.

— Ничего подобного я не сделаю, Берти. Неужели вы не способны оценить доверие, которое вам оказывают? Кажется, должны бы гордиться.

— Ясное дело, я горжусь. Просто я хочу сказать, у Эдвина это получилось бы в тысячу раз лучше, чем у меня. Бойскауты, они знают столько разных хитростей, и след умеют взять, и залечь где надо, и подкрасться незаметно, в таком роде.

— Берти, вы выполните мое совершенно элементарное поручение или нет? Если нет, скажите прямо, и положим конец этому дурацкому фарсу. К чему тогда притворяться, будто я для вас что-то значу?

— Дорогая старушка, я люблю вас всей душой!

— Так сделаете или не сделаете?

— Ну ладно, ладно, — сдался я. — Ладно! Уговорили!

И я побрел куда глаза глядят, чтобы тщательно

все обдумать. Но только ступил за порог, как чуть не налетел в коридоре на Дживса.

— Прошу прощения, сэр. Я как раз вас разыскивал.

— Что случилось?

— Вынужден поставить вас в известность, сэр, что кто-то измазал ваши коричневые уличные ботинки черной ваксой.

— Что?! Кто? Зачем?

— Не могу сказать, сэр.

— И это уже непоправимо?

— Непоправимо, сэр.

— Проклятье!

— Да, сэр.

После того случая я часто задумывался, как это убийцы умеют сохранять форму, пока вынашивают свои преступные замыслы? Передо мной стояла задача попроще, но и то, обмозговывая ее в ночные часы, я так извелся, что утром встал совершенно больной, под глазами — самые настоящие черные круги, честное слово! Пришлось призвать на помощь Дживса с его живительным снадобьем.

Когда кончился завтрак, я стал чувствовать себя как чемоданный воришка на вокзале. Ошивался в холле, дожидаясь, пока на стол положат

пакет. А его все не клали. Должно быть, думал я, дядя Уиллоуби все еще сидит у себя в библиотеке, добавляет последние, завершающие штрихи к великому труду своей жизни; и чем дольше я думал, тем меньше мне все это нравилось. Шансов на успех у меня было на глазок примерно два к трем, и когда я пытался представить себе, что будет в случае провала, по спине у меня бежали холодные мурашки. Дядя Уиллоуби был вообще-то нрава довольно мягкого, но мне приходилось наблюдать его и в гневе, и, клянусь Юпитером, если он застанет меня за кражей своего драгоценного манускрипта, его ярости не будет предела.

Время уже приближалось к четырем, когда он наконец пришкандыбал из библиотеки с пакетом под мышкой, положил его на стол и прошкандыбал прочь. Я в это время держался к юго-востоку, притаившись позади пустых лат на постаменте. Только он скрылся, я шасть к столу. Схватил пакет и вприпрыжку наверх, прятать добычу. Влетаю к себе, как молодой мустанг-иноходец, и натыкаюсь прямо на бойскаута Эдвина. Чертов мальчишка стоял у комода и копался в моих галстуках.

— Привет, — говорит он мне.

— Ты что здесь делаешь?

— Навожу порядок в твоей комнате. Это будет мое доброе дело за прошлую субботу.

— За прошлую субботу?

— Да, я отстал на пять суток. До вчерашнего вечера было на шесть, но я почистил твои ботинки.

— Так это ты?..

— Да. Ты уже видел? Как это я раньше не подумал? А сюда вот зашел посмотреть — здесь, пока тебя не было, жил мистер Беркли, сегодня только уехал, и я подумал, может, он что-нибудь забыл, а я найду и пошлю ему вдогонку. Я таким способом уже сделал не одно доброе дело.

— Благодетель ты наш.

Мне становилось все более и более ясно, что этого инфернального ребенка надо отсюда удалить, и как можно скорее. Я держал пакет за спиной, и можно было надеяться, что он его пока не заметил; но теперь надо было прорваться к комоду и быстренько спрятать украденное в ящик, пока никто не вошел.

— Бог с ней, с уборкой, можешь идти, — сказал я ему.

— А я люблю наводить порядок. Правда-правда. Мне это нисколько не трудно.

— Тут уже все в полном порядке.

— Погоди, увидишь, как будет, когда я кончу свою работу.

Дело принимало совсем паршивый оборот. У меня не было желания прикончить парнишку, однако я просто не видел иного способа от него избавиться. Я нажал на умственный акселератор. Черепушка лихорадочно зачухала и родила ценную мысль.

— Могу тебе предложить другое дело, еще гораздо более доброе, — сказал я. — Видишь эту коробку с сигарами? Возьми ее, спустись в курительную и обстриги все кончики, хорошо? Избавишь меня от уймы хлопот. Ну давай, топай отсюда, парень.

Он посмотрел на меня с сомнением во взоре, но все-таки потопал. А я спрятал пакет в ящик, запер, ключ сунул в карман брюк, и мне сразу полегчало. Я, конечно, может, и обормот, но одержать в тактической борьбе верх над мальчишкой, повсюду сующим нос, это я уж как-нибудь да сумею. Потом я снова сошел вниз. Прохожу мимо двери в курительную, а Эдвин выкатывается кубарем прямо мне под ноги. И я подумал, что самое доброе дело, какое он мог бы сделать, — это самоубийство.

— Стригу! — доложил он мне.

— Стриги, стриги.
— А как стричь, сильно или слегка?
— Средне.
— Ага, ладно. Тогда я пойду.
— И правильно сделаешь.

Люди, которые смыслят в таких делах, — сыщики там разные и тому подобное, — скажут вам, что самое трудное — это избавиться от мертвого тела. Помню, ребенком я учил стихотворение про одного типа по имени Юджин Арам, так вот он в этом отношении особенно натерпелся. От самого стихотворения у меня в памяти сохранились только две строки:

Та-ра, та-ра, та-рарара,
И я его убил!

Но я хорошо запомнил, сколько драгоценного времени бедняга потратил на возню с трупом: и в землю его закапывал, и в воде топил, и так далее, глядь, а труп опять перед ним! Не прошло и часа, как я запер пакет в ящик комода, когда я понял, что вляпался в точно такую же историю.

Хорошо было Флоренс болтать про то, что рукопись надо уничтожить. Однако если подойти к вопросу с практической стороны, то как, скажите на милость, как можно уничтожить такую

основательную пачку бумаги в чужом доме и в разгар лета? Не попросишь же растопить в твоей комнате камин, когда на термометре под тридцать градусов. А если не сжечь, то как еще от нее избавиться? На театре военных действий, бывает, гонцу приходится съесть депешу, чтобы она не попала в руки врага. Но мне, чтобы съесть мемуары дяди Уиллоуби, потребовалось бы не меньше года.

Признаюсь, я был в полной растерянности. Единственное, что я мог сделать, — это оставить пакет у себя в ящике, и будь что будет. Не знаю, знакомо ли вам такое переживание, но поверьте мне, иметь на совести преступление крайне неприятно. К вечеру уже один вид проклятого ящика стал давить мне на психику. Я сделался нервным; когда дядя Уиллоуби бесшумно вошел в курительную, где я в одиночестве предавался мыслям, и нежданно-негаданно заговорил со мною, я поставил рекорд по прыжкам в высоту из положения сидя.

Я все время гадал: когда дядя Уиллоуби спохватится и учует, что дело неладно? По моим подсчетам, это должно было произойти не раньше чем утром в субботу, когда не прибудет ожидаемая издательская расписка в получении

бандероли. Но уже вечером в пятницу он выглянул из библиотеки, когда я проходил мимо, и пригласил меня зайти на минутку. Вид у него был растерянный.

— Берти, — произнес он (он всегда изъяснялся с исключительной торжественностью), — случилась крайне тревожная неприятность. Как ты знаешь, вчера днем я отправил господам Риггзу и Баллинджеру, издателям, бандероль с рукописью моей книги. Они должны были получить ее с первой почтой сегодня утром. Затрудняюсь сказать, откуда возникло у меня недоброе предчувствие, но судьба бандероли меня беспокоила. И несколько минут назад я позвонил господам Риггзу и Баллинджеру, чтобы справиться о ее сохранности. К моему глубочайшему ужасу, они меня уведомили, что рукопись моя ими до сих пор не получена.

— Странно.

— Я отчетливо помню, что лично заблаговременно положил пакет на стол в холле, чтобы его отвезли в деревню на почту. Но вот что поразительно. Я говорил с Оукшоттом, отвозившим на почту всю корреспонденцию, и он не припоминает, чтобы среди писем был этот пакет. Вернее, он даже совершенно определенно утверждает, что,

когда пришел в холл брать корреспонденцию, никакого пакета там не было.

— Удивительно.

— Берти, сказать тебе, что я подозреваю?

— Что?

— Тебе это подозрение, конечно, покажется невероятным, но только так можно увязать воедино все известные нам факты. Я склонен к мысли, что пакет украли.

— Да что вы? Не может быть!

— Нет, ты погоди. Сначала выслушай. Я не говорил об этом ни тебе, ни кому другому, но не подлежит сомнению, что в последние несколько недель из дома исчезли отдельные предметы, одни ценные, другие нет. Напрашивается неизбежный вывод: среди нас находится клептоман! Для клептомании, как тебе, по-видимому, известно, именно характерно, что больной не различает цены вещей. Он с одинаковой готовностью украдет и старое пальто, и перстень с бриллиантами, для него равно соблазнительны и курительная трубка стоимостью в два-три шиллинга, и полный кошелек золотых монет. То обстоятельство, что моя рукопись ни для кого из посторонних не может представлять интереса, как раз и убеждает меня в том, что…

— Но, дядя, одну минуточку! Об этих пропавших вещах мне все известно. Их присвоил Медоуз, мой человек. Я его изловил за воровством моих шелковых носков. Схватил, можно сказать, за руку в самый момент кражи.

Дядя весь всполошился:

— Ты меня поражаешь, Берти. Немедленно пошли за ним, и мы его спросим.

— Но его здесь нет. Как только я обнаружил, что он — носочный вор, я тут же его прогнал. Я затем и в Лондон ездил: нанять нового камердинера.

— В таком случае, раз этого человека, Медоуза, здесь нет, стало быть, он не мог присвоить мою рукопись. Необъяснимо!

И дядя задумался. Он расхаживал взад-вперед по комнате, всем своим видом выражая недоумение, а я сидел и непринужденно посасывал сигарету, как тот тип, про которого я где-то читал: он прикончил там одного и сунул труп под стол, а потом ему пришлось целый вечер, сидя за этим самым столом, развлекать и потчевать гостей. Моя преступная тайна так давила мне на психику, что в конце концов я не выдержал, закурил свежую сигарету и вышел прогуляться, немного спустить пары.

Был один из тех тихих вечеров, когда стоит

кашлянуть улитке в саду — и слышно на милю вокруг.

Солнце плавно спускалось за холмы, в воздухе, куда ни глянь, плясали мошки, и все благоухало по-сумасшедшему — как раз роса выпала, ну и все такое прочее, — я уже даже начал ощущать приятное умиротворение, но вдруг услышал в тиши свое имя:

— Я насчет Берти.

Сказано мерзким голосом юного мучителя людей Эдвина. Откуда он доносится, я сначала не понял. Но потом сообразил, что из библиотеки. Прогуливаясь, я сам не заметил, как очутился в двух шагах от распахнутого окна.

Я часто задумывался над тем, как это получается у героев книг, которые — знаете? — в мгновение ока успевают столько всего проделать, с чем другой бы и в десять минут не управился. Но тут, представьте себе, я тоже в мгновение ока отшвырнул окурок, выругался шепотом и, пролетев одним прыжком десять ярдов, приземлился в середине куста, росшего у окна библиотеки. И тут затаился, прижав уши. Мне было ясно, как никогда в жизни, что назревает куча неприятностей.

— Насчет Берти? — переспросил голос дяди Уиллоуби.

— Насчет Берти и вашего пакета. Я слышал, вы сейчас с ним говорили. По-моему, он у него.

Если я вам скажу, что в ту самую минуту, как моего слуха коснулись эти убийственные слова, за шиворот мне упало с ветки какое-то насекомое довольно ощутимых размеров, а я не мог даже шевельнуться, чтобы его как-то придавить, — вы легко поймете, что на душе у меня было невесело. Я чувствовал, что против меня ополчился весь мир.

— О чем ты говоришь, мальчик? Минуту назад я обсуждал с Берти загадочную пропажу моей рукописи, и он выразил по этому поводу точно такое же глубокое недоумение, как и я.

— А я вчера вечером был у него в комнате, делал одно доброе дело, и вдруг он входит с каким-то пакетом, я заметил, хотя он прятал его за спиной. Он послал меня в курительную обрезать сигары, а через две минуты спускается следом, и в руках уже ничего. Так что пакет должен быть у него в комнате.

Этих чертовых бойскаутов, насколько мне известно, специально учат наблюдательности, методам дедукции и всему такому прочему. Но думают ли их руководители о последствиях, хотелось бы мне знать. Вы только взгляните, к чему

это приводит.

— Крайне маловероятно, — произнес дядя Уиллоуби, и у меня немного отлегло от сердца.

— Я могу сходить поискать у него в комнате, — предложил юный аспид. — Вот увидите, пакет окажется там.

— Но зачем ему могло понадобиться совершать такую противоестественную кражу?

— А может, у него вот та самая болезнь, про которую вы говорили.

— Клептомания? Вздор.

— Может, и все пропавшие вещи украл на самом деле Берти, — с надеждой в голосе развил свою мысль малолетний мерзавец. — Может быть, он как Рэффлс.

— Как Рэффлс?

— Это из книжки один парень, который норовил прикарманить все, что плохо лежит.

— Не допускаю мысли, чтобы Берти… э-э-э… норовил прикарманить все, что плохо лежит.

— Но пакет у него, я уверен. Вот что вы можете сделать: скажите ему, будто мистер Беркли прислал телеграмму, что забыл здесь какую-нибудь вещь. Он ведь жил в комнате Берти. И вы скажете, что хотите ее там поискать.

— Это, пожалуй, можно. Я бы…

Дальше я слушать не стал. Земля начала дымиться у меня под ногами. Нельзя было медлить ни минуты. Осторожно выбравшись из куста, я со всех ног бросился к парадному входу, взбежал по лестнице в свою комнату и подлетел к комоду. Сунул руку в карман — нет ключа! Потеряв уйму времени, я наконец вспомнил, что положил его вчера вечером в свои вечерние брюки, и там он, по-видимому, и остался.

Где, черт возьми, мой вечерний костюм? Я обыскал всю комнату, пока не сообразил, что, должно быть, Дживс унес его чистить. Подскочить к звонку и позвонить было для меня делом одной секунды. Только отзвонил, как за дверью раздались шаги и входит дядя Уиллоуби.

— Берти… — говорит он и не краснеет, — м-м-м… я получил телеграмму от Беркли, он жил в этой комнате, пока ты отсутствовал, и он просит отослать ему… э-э-э… портсигар, который он, по-видимому, забыл захватить, уезжая. Внизу его не оказалось, и я подумал, что он мог оставить свой портсигар в этой комнате. Сейчас я его… м-м-м… тут поищу.

Весьма омерзительная картина: старый, убеленный сединами человек, ему бы пора о душе подумать, а он лжет, как актер на подмостках.

— Я никакого портсигара не видел, — говорю.

— Но я все-таки поищу. Не пожалею… э-э-э… усилий.

— Если бы он был здесь, я бы его наверняка заметил, нет разве?

— Он мог ускользнуть от твоего внимания. Возможно, он… м-м-м… лежит в одном из ящиков комода.

Дядя Уиллоуби принялся вытягивать ящик за ящиком и рыться в них, как старая ищейка, не переставая бормотать при этом про Беркли и его портсигар. Я стоял рядом и терял в весе фунт за фунтом.

Подошла очередь того ящика, где находился пакет.

— Этот, кажется, заперт, — заметил он, подергав ручку.

— Д-да. Я бы на вашем месте не стал беспокоиться. Он… Он… это… заперт, и вообще.

— А ключа у тебя нет, что ли?

Тихий почтительный голос у меня за спиной произнес:

— Не этот ли ключ вам нужен, сэр? Он лежал в кармане ваших вечерних брюк.

Дживс, собственной персоной. Он просочился в комнату с моим костюмом и теперь протягивал

мне ключ. Я готов был растерзать его за такую заботу.

— Благодарю вас, — говорит дядя.

— Не стоит, сэр.

Пролетела минута. Дядя Уиллоуби выдвинул ящик. Я закрыл глаза.

— Нет, — произнес дядя. — Тут ничего нет. Пусто. Спасибо, Берти. Надеюсь, я не очень тебя побеспокоил. По-видимому, Беркли все-таки не оставлял у нас портсигара.

Он ушел, и я старательно запер за ним дверь. А потом обернулся к Дживсу. Он раскладывал на кресле предметы моего вечернего туалета.

— Э-э-э… Дживс.

— Да, сэр?

— Н-нет, ничего.

Дьявольски трудно было подыскать вступительные слова.

— М-м-м… Дживс!

— Да, сэр?

— Это не вы?.. То есть вы не?.. Не было ли там?..

— Я вынул пакет еще утром, сэр.

— Да? А по… почему?

— Нашел, что так оно будет вернее, сэр. Я напряг мозги.

— Вам это все, должно быть, представляется

необъяснимым, а?

— Вовсе нет, сэр. Я случайно слышал, как вы с леди Флоренс обсуждали положение, сэр.

— Ах, вот оно что!

— Да, сэр.

— Вот что, Дживс. Я думаю… в общем и целом… будет неплохо, если вы его придержите пока что у себя, до возвращения в Лондон.

— Совершенно с вами согласен, сэр.

— А там мы его, как говорится, куда-нибудь сплавим.

— Именно так, сэр.

— Оставляю его на ваше попечение.

— Можете не беспокоиться, сэр.

— А знаете, Дживс, вы, как бы это вернее сказать, отличный малый.

— Стараюсь, сэр.

— Один на миллион, я думаю.

— Вы очень добры, сэр.

— Что ж, пожалуй, тем самым — все.

— Очень хорошо, сэр.

Флоренс возвратилась в понедельник. Я увидел-ся с нею только в пять часов, когда все сошлись пить чай в холле. Но пока народ не разошелся из-за стола, мы не могли и словечком обменяться с глазу на глаз.

— Ну, Берти? — проговорила она, когда мы наконец остались одни.

— Все в порядке, — ответил я.

— Вы уничтожили рукопись?

— Не то чтобы уничтожил, но…

— В каком смысле это надо понимать?

— В том смысле, что не буквально…

— Берти, вы что-то крутите.

— Я же сказал: все в порядке. Дело в том, что…

И я уже было собрался ей все толком объяснить, но тут из библиотеки выкатился дядя Уиллоуби, весь сияя, как новорожденный. Старика просто узнать было нельзя.

— Поразительная вещь, Берти! Я только что говорил по телефону с мистером Риггзом, и он сказал, что они получили мою бандероль сегодня утренней почтой. Не представляю себе, что могло послужить причиной такой задержки? Почтовая служба в загородной местности работает из рук вон плохо. Я напишу жалобу в министерство. Мыслимое ли дело, чтобы так задерживать ценные отправления?

Я в это время рассматривал профиль Флоренс, но тут вдруг она оборачивается и устремляет прямо на меня взор, пронзительный, как острый нож. Дядя Уиллоуби пропетлял обратно к себе в

библиотеку, и в холле воцарилась тишина, такая мертвая, хоть читай отходную.

— Не понимаю, — выговорил я наконец. — Клянусь богом, я совершенно ничего не могу понять.

— А я могу. Я все отлично поняла, Берти. Вы смалодушничали. Боясь навлечь гнев своего дяди, вы предпочли…

— Нет-нет! Ничего подобного!

— Вы предпочли потерять меня, лишь бы не рисковать потерей денег. Может быть, вы думали, что я говорила не всерьез. Напрасно. Мое условие было вполне серьезно. Наша помолвка расторгнута.

— Но… послушайте!

— Ни слова больше.

— Но, Флоренс, старушка…

— Ничего не желаю слушать. Ваша тетя Агата была права, как я теперь вижу. Я еще легко отделалась. Было время, когда я думала, что при должном усердии из вас еще можно вылепить нечто достойное. Но оказывается, вы совершенно безнадежны.

Она выскочила вон, оставив меня подбирать черепки. Наведя порядок, я поднялся к себе и позвонил Дживсу. Он явился как ни в чем не бывало, будто ничего не случилось и не может

случиться. Не человек, а само спокойствие.

— Дживс! — возопил я. — Пакет доставлен лондонскому адресату!

— Вот как, сэр?

— Это вы его отправили?

— Да, сэр. Я сделал как лучше, сэр. По моему мнению, вы с леди Флоренс переоценили опасность того, что кто-то может обидеться, прочитав о себе в мемуарах сэра Уиллоуби. Нормальный человек, сэр, как подсказывает мне мой личный опыт, радуется, если видит свое имя в печати, вне зависимости от того, что именно о нем написано. У меня есть тетка, сэр, которая несколько лет мучилась от отечности ног. Потом стала пользоваться «Превосходной мазью Уокиншоу», и это ей сильно помогло, настолько, что тетка направила письмо в газету. И когда там описали ее случай, с фотографиями ее нижних конечностей «до» и «после», первые — совершенно отталкивающего вида, гордости ее не было предела, вследствие чего я и понял, что людям желанна известность, а какая — все равно. Более того, если вам случалось изучать психологию, сэр, вы, конечно, слышали, что самые почтенные пожилые джентльмены отнюдь не против, чтобы люди знали, какими лихими молодцами они были в молодости. У

меня есть дядя…

Я сказал, что пусть провалятся его дядя, и его тетя, и он сам, и все прочие члены их семьи.

— Вам известно, черт побери, что леди Флоренс расторгла нашу помолвку?

— В самом деле, сэр?

Ни малейшего сочувствия в голосе, будто с ним говорят о погоде.

— Я вас увольняю!

— Очень хорошо, сэр.

Он вежливо кашлянул.

— Поскольку я уже не состою больше у вас в услужении, сэр, я могу высказаться, не нарушая субординации. По моему мнению, вы и леди Флоренс решительно не подходите друг другу. Ее сиятельство, в противоположность вам, обладает весьма неустойчивым и деспотическим характером. Я без малого год прослужил у лорда Уорплесдона и имел возможность довольно близко наблюдать темперамент ее сиятельства. На людской половине о ней сложилось весьма неблагоприятное мнение. Ее манеры вызывали немало нареканий с нашей стороны. Иногда она переходила всякие границы. Вы не были бы с нею счастливы, сэр!

— Ступайте вон!

— Я также нахожу ее педагогические приемы чересчур для вас обременительными. Я полистал книгу, которую ее сиятельство дала вам для изучения, — она все эти дни лежит у вас на столе, — и считаю ее совершенно неподходящей. Вам бы она, безусловно, пришлась не по вкусу. А от личной горничной ее сиятельства, случайно слышавшей разговор между своей хозяйкой и одним из гостящих здесь джентльменов — мистером Максвеллом, редактором литературного ежемесячника, — я получил сведения, что она намерена сразу же вслед за этим усадить вас за Ницше. Вам не понравится Ницше, сэр. Это нездоровое чтение.

— Убирайтесь!

— Очень хорошо, сэр.

* * *

Удивительно, как бывает: утром видишь предмет в ином свете, чем с вечера. Со мной это случалось неоднократно. Почему-то, когда наутро я проснулся, сердце мое уже совсем не так обильно обливалось кровью. День был преотличный, и что-то в том, как весело заглядывало солнышко в окно и оглушительно галдели пташки в кустах, подсказывало мне, что Дживс, возможно, не

так уж и не прав. В конце-то концов, профиль профилем, но действительно, такое ли уж это удовольствие — быть помолвленным с Флоренс Крэй, как может показаться на посторонний взгляд? Не исключено, что в словах Дживса насчет ее норова что-то есть. Я начал сознавать, что для меня идеальная жена, как я ее себе представляю, — это нечто гораздо более томное, льнущее, лепечущее, ну, в общем, в таком духе. Когда я додумал до этого места, взгляд мой упал на книгу «Типы этических категорий». Я открыл ее наобум, и вот что, клянусь, без обмана, бросилось мне в глаза:

«Из двух антитез греческой философии лишь одна жизненна и внутренне непротиворечива, а именно Идеальная Мысль в противопоставлении объекту, который она пронизывает и формирует. Другая адекватна нашему понятию Природы, феноменологична сама по себе, нежизненна и не имеет перманентного основания, будучи лишена сколько-нибудь убедительных предикатов, — или, говоря коротко, сохраняет убедительность лишь посредством внутренних реальностей, обретающих внешнее выражение».

Н-да. Как это на ваш вкус? А Ницше, говорят, еще гораздо хуже!

— Дживс, — сказал я ему, когда он принес мне поднос с утренним чаем, — я тут все хорошенько обдумал. Вы восстановлены на работе.

— Благодарю вас, сэр.

Я сделал большой оптимистический глоток. Меня начало разбирать глубокое уважение к аналитическому уму этого человека.

— Кстати, Дживс, — говорю я ему, — насчет этого клетчатого костюма…

— Да, сэр?

— Он что, действительно плоховат?

— Несколько эксцентричен, я бы сказал.

— Но ведь многие подходят, спрашивают фамилию моего портного.

— Несомненно, с тем, чтобы обходить его стороной, сэр.

— Он пользуется в Лондоне превосходной репутацией.

— Я не подвергаю сомнению его моральные качества, сэр.

Я все еще колебался. Мне казалось, что я стою перед угрозой оказаться в когтях у собственного камердинера и если сейчас уступлю, то стану, как бедняга Обри Фодергилл, сам над собой не властен. Но, с другой стороны, Дживс — явно малый с головой, и было бы очень даже славно

передоверить ему обязанность думать, когда понадобится. Наконец я принял решение.

— Хорошо, Дживс, — сказал я. — Вам виднее. Можете его подарить кому-нибудь.

Он посмотрел на меня сверху вниз, снисходительно, как папаша на несмышленого сына.

— Благодарю вас, сэр. Я отдал его вчера вечером младшему садовнику. Еще чаю, сэр?

Триумфальный дебют Корки[9]

Вы, вероятно, обратите внимание, читая эти мои записки, что время от времени действие в них вдруг переносится в Нью-Йорк и его окрестности; возможно, вы даже вскинете брови и удивленно спросите себя: «Что делает Бертрам в такой дали от своей любимой Англии?»

Вообще-то это долгая история, но если ее подсократить и сделать из многосерийного фильма короткометражку, то суть сведется к следующему: сколько-то времени назад моя тетушка Агата отправила меня в Америку, чтобы я помешал моему кузену Гасси жениться на певичке из мюзик-холла, но от моего вмешательства все так запуталось, что я решил лучше уж остаться пока в Нью-Йорке, только бы избежать нескончаемых задушевных бесед с теткой по поводу случившегося.

Поручил Дживсу найти пристойную квартиру и зажил в изгнании. Должен признаться, более веселого места, чем Нью-Йорк, для изгнанника не найти. Принимали меня всюду с распростертыми

---

[9] Примечания: 9

© Перевод. Ю. Жукова.

объятиями, жизнь кипела, и я, в сущности, не так уж чтобы сильно страдал от выпавших на мою долю невзгод. Приятели знакомили меня со своими приятелями, те со своими, и очень скоро я перезнакомился со всеми интересными людьми города, и с теми, кто купается в роскоши на Парк-авеню, и с теми, кто экономит газ в районе Вашингтон-сквер — художниками, писателями и прочей богемой. Словом, с интеллектуалами.

Корки, о котором у нас с вами пойдет речь, был как раз художник. Портретист, как он сам себя называл, однако ни одного портрета среди его работ пока не значилось. Вообще в портретном жанре есть своя тонкость, я это доподлинно знаю: вы начинаете писать портрет только после того, как к вам пришли и его заказали, но никто к вам не придет и ничего не закажет, если вы уже не написали уйму разных портретов. Трудное условие для честолюбивого начинающего художника, если не сказать жестокое.

Корки перебивался тем, что от случая к случаю рисовал карикатуры для разных журналов и газет — у него очень смешно получается, если нападет на удачную тему, — а также изображал кровати, стулья и прочую мебель для рекламных объявлений. Однако главным его источником

средств к существованию был богатый дядюшка, некто Александр Уорпл, который имел джутовую торговлю.

Я смутно представляю себе, что такое джут, но, судя по всему, для широких масс он все равно что хлеб насущный, потому что мистер Уорпл нажил на нем неприлично богатое состояние.

Многие почему-то уверены, что у богатого дядюшки кошелек для вас в любое время дня и ночи нараспашку, но Корки утверждает, что ничего подобного. Его дядюшка был крепкий, цветущий мужчина, такие живут вечно. Пятьдесят один год, и наверняка отсчитает еще столько же. Но не это приводило в отчаяние бедного Корки, он отличался широтой взглядов и ничуть не возражал против долгожительства. Он возмущался тем, что упомянутый Уорпл постоянно его шпыняет и пилит. Понимаете, дядюшка Корки не желал, чтобы племянник занимался живописью. Считал, что у него таланта ни на грош. И все время требовал, чтобы тот бросил искусство и занялся джутовым бизнесом, начал бы с самого низа и упорным трудом пробивал себе путь наверх. Знаете, что на это говорил Корки? Корки говорил, что понятия не имеет, чем там занимаются на самом низу джутового бизнеса, но чутье ему подсказывает,

что ничего гнуснее и придумать нельзя. Более того, он верил, что станет великим художником. Вот увидите, твердил он, придет день, и я прославлюсь. Пока же он употреблял все свои дипломатические таланты и все красноречие, дабы выманить у скупердяя толику ежеквартального вспоможения.

Корки и того бы не получал, не владей душой его дядюшки сильнейшая страсть. В этом смысле мистер Уорпл оказался большой оригинал. Судя по моим наблюдениям, типичный капитан американской индустрии в нерабочие часы как правило не делает ровным счетом ничего. Выпустив на улицу кота и заперев на ночь дверь конторы, он сразу же впадает в спячку, из которой выходит лишь для того, чтобы снова встать к штурвалу американской индустрии. Однако мистер Уорпл в свое свободное время превращался в орнитолога, так это, кажется, называется. Он написал книгу под названием «Американские птицы» и сейчас трудился над другой, которая будет называться «Еще раз об американских птицах». Все были уверены, что когда он ее закончит, то возьмется за третью и будет писать до тех пор, пока запас американских птиц не исчерпается. Корки посещал старика раз в три месяца и слу-

шал его рассуждения об американских птицах.

Видно, из дядюшки можно было веревки вить после того, как он всласть наговорится на любимую тему, и потому после этих родственных встреч Корки пока еще исправно получал свое содержание. Но знали бы вы, какие муки приходилось ему за это терпеть. Во-первых, эта ужасная неизвестность: раскошелится старый хрыч или нет, ну, и потом, конечно, птицы, они нагоняли на него смертельную скуку, за исключением, естественно, жареных, да еще с бутылкой доброго вина.

Чтобы завершить портрет мистера Уорпла, добавлю, что нравен он был сверх всякой меры, племянника же своего Корки считал безнадежным тупицей, а всякий поступок, который тот совершал сообразуясь лишь с собственным разумением, принимал как очередное подтверждение его врожденного слабоумия. Подозреваю, что более или менее в том же духе относится ко мне Дживс. Словом, когда в один прекрасный день ко мне в гостиную робко прокрался Корки, двигая перед собой какую-то барышню, и пролепетал: «Берти, я хочу познакомить вас с моей невестой, это мисс Сингер», я сразу же подумал именно о той стороне дела, по поводу которой он

и пришел ко мне советоваться.

— Корки, а как же дядюшка? — только и спросил я.

Бедняга лишь горько рассмеялся. Вид у него был затравленный и несчастный, он был похож на преступника, который благополучно совершил убийство, но не знает, как избавиться от трупа.

— Ах, мистер Вустер, мы так боимся, — произнесла барышня. — Мы надеялись, может быть, вы придумаете, как ему сообщить поделикатней.

Мюриэль Сингер была неброская, трогательно очаровательная юная особа из той породы, что умеют смотреть на вас своими огромными глазищами с таким восхищением, будто вы самый необыкновенный человек на свете, просто удивительно, как вы сами до сих пор этого не поняли. Она несмело опустилась на краешек стула и взглянула на меня, как бы желая сказать: «Ах, он такой сильный, такой могучий, я знаю, он не причинит мне зла». Она вызывала у мужчины желание защитить ее, погладить ее руку и сказать: «Ну, ну, не огорчайтесь, крошка, все будет хорошо» или еще что-то утешительное. Я почувствовал, что готов ради нее на все. Она была как те безобидные на вкус американские коктейли, которые незаметно ударяют вам в голову, так что

вы, не успев еще сообразить, что делаете, кидаетесь переустраивать мир — насильственными методами, если надо, и заодно сообщаете вон тому здоровенному детине в углу, что нечего на вас пялиться, вы можете в случае чего и башку ему оторвать. Знаете, я весь зажегся лихостью, отвагой, прямо как благородный странствующий рыцарь, и был готов помогать ей до последней капли крови.

— По-моему, дядюшка будет в восторге, — сказал я Корки. — Он поймет, что мисс Сингер — просто идеальная жена для вас.

Но Корки не откликнулся на мою попытку приободрить его.

— Вы его не знаете. Даже если бы Мюриэль ему понравилась, он никогда в этом не признается. Упрям как осел. Обязательно скажет «нет», для него это вопрос принципа. Как это я посмел принять важное решение сам, не посоветовавшись с ним? Только это его и волнует. Завопит, ногами затопает, в первый раз, что ли?

Я стал усиленно шевелить извилинами, стараясь найти выход.

— Вы должны познакомить его с мисс Сингер, но так, чтобы он не знал, что и вы тоже с ней знакомы. Потом появитесь вы…

— Да как же я их познакомлю? В этом-то и загвоздка.

— Тогда остается последнее средство, — сказал я.

— Какое же?

— Призвать на помощь Дживса.

И я нажал кнопку звонка.

— К вашим услугам, сэр, — произнес возникший невесть откуда Дживс. Есть у него такая особенность: вы должны наблюдать за ним, как ястреб, иначе не заметите, как он входит в комнату. Он вроде тех загадочных индусов, которые вдруг растворяются в воздухе прямо у вас на глазах, перемещаются в таком вот разобранном виде в пространстве, а потом снова собирают себя по частям где им надо. У меня есть один кузен, он теософ, так он утверждает, что у него такой фокус несколько раз почти получился, правда, не до конца, может быть, из-за того, что в детстве его кормили мясом животных, которых забили злые мясники, и пирогами.

Едва я увидел своего дворецкого, весь облик которого излучал почтительное внимание, как тяжесть свалилась с моей души. Наверное, так чувствует себя ребенок, когда он затерялся в толпе, а потом вдруг увидел неподалеку своего отца.

— Дживс, — сказал я, — нам нужен ваш совет.

— К вашим услугам, сэр.

Я несколькими яркими мазками обрисовал ему горестное положение Корки.

— Так что вот, Дживс, теперь вы знаете, как обстоят дела. Мы хотим, чтобы вы придумали, как познакомить мистера Уорпла с мисс Сингер, и чтобы он при этом не догадался, что она — знакомая мистера Коркорана. Понимаете?

— Вполне, сэр.

— Постарайтесь изыскать какой-нибудь способ.

— Я его уже нашел, сэр.

— Неужели!

— Плану, который я хотел бы предложить, сэр, гарантирован успех, однако не исключаю, что вы можете найти в нем изъян: он потребует некоторых финансовых вложений.

— У Дживса есть гениальная идея, — объяснил я Корки, — но потребуются деньги.

Физиономия у бедняги, конечно, вытянулась, но я, сразу растаяв под трогательным, доверчивым взглядом барышни, понял: настал час выступить в роли благородного рыцаря.

— Здесь, Корки, вы можете рассчитывать на меня, — сказал я. — Буду только рад. Продолжай-

те, Дживс.

— Я думаю, сэр, мистеру Коркорану стоит воспользоваться страстью мистера Уорпла к орнитологии.

— К орнитологии? А вы откуда знаете, что он помешан на птицах?

— Так уж построены эти нью-йоркские квартиры, сэр. То ли дело добротные дома у нас в Лондоне. А здесь стены между комнатами самого неосновательного свойства. И потому я, не имея ни малейшего желания подслушивать что бы то ни было, несколько раз слышал, как мистер Коркоран с большим чувством высказывался по поводу упомянутого вами увлечения.

— Понятно. Но дальше, Дживс, дальше.

— Эта юная леди могла бы написать небольшую книжицу под названием — ну, скажем, «Круг чтения для детей. Американские птицы» — и посвятить ее мистеру Уорплу. Издали бы ее ограниченным тиражом за ваш счет, сэр, и, конечно же, большая часть текста должна содержать хвалебные высказывания в адрес капитального труда самого мистера Уорпла о том же предмете. Сразу по выходе в свет подарочный экземпляр книги желательно послать мистеру Уорплу вместе с письмом, где юная леди попросит поз-

воления представиться человеку, которому она столь многим обязана. Полагаю, поставленная цель будет достигнута, хотя, как я уже отмечал, сопряженные с ее достижением расходы могут оказаться значительными.

Я был горд, точно хозяин дрессированной собаки, которая с блеском выполнила свой номер перед почтеннейшей публикой. Я всегда верил в Дживса и знал, что он не подкачает. Я иной раз диву даюсь, как это человек такого выдающегося ума довольствуется должностью моего дворецкого, гладит мне брюки и так далее. Я бы с половиной его мозгов стал как минимум премьер-министром.

— Дживс, это гениально! — сказал я. — Вы превзошли самого себя.

— Благодарю вас, сэр.

— Но я никогда в жизни не смогу написать книгу, — возразила барышня. — Я даже письма пишу с трудом.

Корки негромко кашлянул.

— Видите ли, Берти, таланты Мюриэль скорее лежат в области сцены, — произнес он. — Я не успел вам рассказать, она пляшет канкан в оперетте «Скорее к выходу» на Манхэттене, вот мы немного и волнуемся, как дядюшка Александр

отнесется к нашей помолвке. Полный абсурд, конечно, но мы уверены, что именно из-за этого обстоятельства он будет рвать и метать без всякого удержу.

Ну, ясное дело. Не знаю, почему — корифеи психоанализа в этом лучше разбираются, — но дядюшки и тетушки как класс на дух не переносят сцену, будь то оперная, драматическая или любая другая. Она для них как кость в горле.

Но Дживс, конечно, и тут не растерялся.

— Думаю, сэр, мы без труда найдем какого-нибудь нуждающегося литератора, который с радостью напишет нужную нам книгу за небольшой гонорар. Главное — чтобы на титульном листе значилось имя юной леди.

— Правильно, — поддержал Корки. — Сэм Паттерсон за сто долларов все и напишет. Он ежемесячно сочиняет для одного художественного журнала повесть, три рассказа и десять тысяч слов романа с продолжением под разными фамилиями. Такую мелочь, как детская книжонка, он в два счета настрочит. Я с ним прямо сегодня и переговорю.

— Отлично.

— Я вам больше не нужен, сэр? — спросил Дживс. — Очень хорошо, сэр. Благодарю вас, сэр.

Я всегда считал издателей людьми выдающихся познаний, череп у них от серого вещества чуть не лопается, и только сейчас понял, в чем заключается их роль. Знаете, в чем? В выписывании чеков, больше у издателя никаких обязанностей нет, настоящую работу выполняют достойные, трудолюбивые, энергичные люди. Уж я-то знаю, потому что сам выступил в качестве издателя. Я сидел себе, посиживал в своей уютной квартире, черкнул раз-другой вечным пером, и в положенный срок из печати вышла роскошная, в глянцевой обложке книженция.

Я как раз находился у Корки, когда он получил первые экземпляры «Американских птиц» в «Круге чтения для детей». Мюриэль Сингер тоже была там, мы болтали о разных разностях, и вдруг раздался громкий стук в дверь, это посыльный принес пачку книг.

Да уж, это была всем книгам книга. Красная обложка, на ней птица уж не знаю какой породы, внизу золотыми буквами имя невесты Корки. Я открыл один экземпляр наугад.

— «Весенним утром, гуляя по полям и лугам, — прочел я на двадцать первой странице сверху, — ты можешь услышать мелодичное, беззаботное щебетанье красногрудой коноплянки,

принадлежащей к семейству вьюрковых, отряд воробьиных. Когда вырастешь, обязательно прочти увлекательнейшую книгу мистера Александра Уорпла «Американские птицы», узнаешь о коноплянке все в подробностях».

Прямо вот так, ни больше ни меньше. Откровенная, лобовая реклама дядюшкиного опуса. Через несколько страниц он опять оказался в центре внимания уже в связи с желтоклювой кукушкой. С ума сойти! Чем дальше я читал, тем больше восхищался автором этой писанины и гением Дживса, который придумал такой грандиозный ход. Дядюшка не устоит, как день ясно. Вы называете человека самым сведущим в мире специалистом по желтоклювой кукушке, и чтобы в душе его после этих слов да не шевельнулось по отношению к вам некое подобие дружелюбия? Быть такого не может!

— Успех обеспечен! — восхитился я.

— Дядюшка наш! — поддержал Корки.

Через два дня он заглянул ко мне на Парк-авеню рассказать, что все идет как по маслу. Дядюшка прислал Мюриэль письмо, исполненное немыслимой, сверхчеловеческой доброты, не знай Корки его почерка, нипочем бы не поверил, что старый хрыч способен на такую галантность. Дя-

дюшка писал, что будет счастлив познакомиться с мисс Сингер, он ждет ее в любое время, когда ей будет благоугодно посетить его.

Вскоре мне случилось уехать из Нью-Йорка. Меня уже давно приглашали погостить в свои загородные поместья разные заядлые охотники и прочие любители скачек и других видов спорта, так что в город я вернулся только через несколько месяцев. Конечно, я частенько вспоминал Корки, как-то у них там, уладилось ли все к общему согласию, и представьте себе, в первый же мой вечер в Нью-Йорке, заглянув в один из тихих кабачков, где я бываю, когда не манят яркие огни, я увидел там Мюриэль Сингер. Она сидела одна за столиком возле двери, а Корки, надо полагать, отлучился позвонить по телефону. Я разлетелся к ней.

— Кого я вижу! Ну, и как? Рассказывайте, рассказывайте!

— А, это вы, мистер Вустер. Очень рада.

— Корки здесь?

— Прошу прощения?

— Вы ведь Корки ждете?

— Я вас не сразу поняла. Нет, я жду не его.

Что-то такое послышалось мне в ее голосе, вроде бы «А это еще что за личность такая?»

— Как, неужели вы поссорились с Корки?

— Поссорились?

— Ну, размолвка у вас произошла, пустяковое недопонимание, оба погорячились, бывает, знаете ли.

— С чего вы взяли? Не понимаю.

— Тогда в чем дело? Раньше вы всегда с ним обедали перед тем, как идти в театр.

— Я оставила сцену.

И тут до меня дошло. Я совсем забыл, как долго меня не было в городе.

— Ну да, как же, понимаю! Вы вышли замуж.

— Да.

— Потрясающе! Желаю вам всяческого счастья.

— Большое спасибо. Александр, — произнесла она, глядя мимо меня, — это мой знакомый… мистер Вустер.

Я обернулся. Рядом стоял субъект с бобриком седых, упрямо торчащих волос и красной от избытка здоровья физиономией. Устрашающего вида детина, хотя сейчас настроен мирно.

— Мистер Вустер, познакомьтесь, пожалуйста, с моим мужем. Александр, мистер Вустер — друг Брюса.

Старикан с чувством стиснул мне руку, только поэтому я и не грянулся со всего маху на пол.

Стены, пол и потолок заходили ходуном.

— Стало быть, вы, мистер Вустер, знаете моего племянника, — донесся до меня его голос. — Хорошо бы вам удалось хоть немного вправить ему мозги, чтобы он бросил эту свою дурацкую мазню. Впрочем, мне кажется, он и сам начал входить в разум. Я это заметил, дорогая, когда он в первый раз пришел к нам обедать и познакомился с тобой. Был такой тихий, серьезный. Как будто что-то уразумел. Мистер Вустер, вы не откажете нам в удовольствии отобедать сейчас с нами? Или вы уже обедали?

Да, да, обедал, заверил я его. Какой там обед, мне бы свежего воздуха глотнуть. Скорей на улицу, надо опомниться, сообразить, что к чему.

Дома я услышал, что Дживс что-то делает у себя в комнате, и позвал его.

— Дживс, — сказал я, — надо срочно мобилизовать лучшие силы и спасать положение. Сначала принесите мне бурбона с содовой — бурбона как можно больше, — а потом я расскажу вам новость.

Он принес на подносе высокий стакан.

— Вы бы, Дживс, тоже выпили. Стоит подкрепиться заранее.

— Спасибо, сэр, может быть, потом.

— Как хотите, дело ваше. Но знайте, вы будете потрясены. Помните моего приятеля мистера Коркорана?

— Как же, сэр.

— И ту барышню, которая должна была исподволь завоевать расположение дядюшки с помощью книжечки о птицах?

— Еще бы, сэр.

— Так вот, она завоевала расположение дядюшки. И вышла за него замуж.

Дживс и глазом не моргнул. Его ничем не удивишь.

— Такого поворота событий следовало опасаться с самого начала, сэр.

— Неужели вы подозревали, что все кончится именно так?

— Я не исключал такой возможности, сэр.

— Ну, знаете, Дживс! Могли бы хоть предупредить нас, черт возьми.

— Не хотелось показаться неделикатным, сэр.

Перекусив и придя в более спокойное состояние духа, я, конечно, понял, что вовсе не виноват в случившемся, если все трезво оценить. Судите сами, мог ли я предугадать, что блестящий план Дживса приведет к такому конфузу? Но что греха таить, мне все равно не улыбалась перспекти-

ва встретиться с Корки сейчас, пусть уж лучше время, этот великий врач, сначала проделает свою утешительную работу. С полгода я обходил Вашингтон-сквер стороной. Можно даже сказать, забыл, что такой район вообще существует в Нью-Йорке. А когда наконец решил, что худшее позади и можно без опаски наведаться в эти края, чтобы связать, как принято говорить, порвавшуюся нить, это якобы всеисцеляющее время, вместо того чтобы нежно подуть на затянувшуюся рану, самым злодейским образом всадило в нее острейший нож. Развернув однажды утром газету, я прочел, что миссис Александр Уорпл подарила своему супругу сына и наследника.

Мне было так жалко старину Корки, что я не смог прикоснуться к завтраку. Я был убит наповал. Это полный крах. Что мне-то сейчас делать? Конечно, лететь на Вашингтон-сквер, молча стиснуть горемыке руку. Однако я подумал, подумал, и стало ясно, что пороху у меня не хватит. Зачем мозолить человеку глаза в таком горе? Буду посылать ему свое сочувствие телепатически.

Но через месяц-другой меня снова начали одолевать угрызения совести. Я вдруг подумал, что ведь, в сущности, подло бегать от несчастного малого, будто он — прокаженный, ему, может

быть, сейчас особенно нужно, чтобы все друзья сплотились вокруг него. Я представил себе, как он сидит в своей студии один-одинешенек, наедине с горькими мыслями, и до того растрогался, что тут же сломя голову бросился на улицу, схватил такси и велел шоферу мчать на Вашингтон-сквер. Ворвался в студию, а он стоит понуро у мольберта и водит по холсту кистью, а на возвышении сидит сурового вида немолодая особа женского пола с младенцем на руках.

Н-да, к подобным казусам надо всегда быть готовым.

— Э-э-э… м-м-м… — пробормотал я и попятился к выходу.

Корки оглянулся.

— Привет, Берти. Не уходите, мы уже заканчиваем сеанс. На сегодня все, — сказал он няне, и та поднялась со стула и опустила младенчика в коляску, стоящую на рейде.

— Завтра в то же время, мистер Коркоран?

— Да, я вас жду.

— До свидания.

— До свидания.

Корки постоял немного, поглядел на дверь, потом шагнул ко мне, и его вдруг словно прорвало. К счастью, он считал само собой разумеющимся,

что я все знаю, поэтому обошлось без излишней неловкости.

— Эта гениальная идея принадлежит дядюшке, — полыхал он. — Мюриэль еще не знает о портрете. Он, видите ли, готовит ей сюрприз ко дню рождения. Нянька везет мальчишку якобы на прогулку, а на самом деле прямиком сюда. Хотите знать, что такое ирония судьбы, Берти? Лучшего примера не найти. Мне первый раз в жизни заказали портрет, и кого я должен писать? Этот мерзкий свиной огузок, который нагло заявился в этот мир и отнял у меня мое законное наследство. В голове не умещается! И ведь какой изощренный садизм: вынуждать меня чуть не по полдня любоваться сопливой физиономией этого выродка, который, в сущности, обобрал меня, как бандит, и оставил нищим. Отказаться от портрета я не могу, тогда дядюшка перестанет давать мне на жизнь, и все равно: каждый раз, как я встречаю бессмысленный вытаращенный взгляд этой козявки, я испытываю адские муки. Берти, признаюсь вам как на духу: когда малец снисходительно выпучится на меня, а потом отвернет башку и срыгнет, будто его тошнит от моего вида, я с наслаждением представляю себе, как все первые полосы вечерних газет кричат о

сенсационном убийстве. Иногда я даже заголовки вижу: «Талантливый молодой художник зарубил топором грудного младенца».

Я молча сжал его плечо. Бедный мой старый друг Корки, такое глубокое сострадание не выскажешь словами.

После этого визита я сколько-то времени не заглядывал к нему в студию, зачем сыпать соль на раны, человеку и без того тошно. К тому же, признаюсь, меня отпугивала нянька. Она была до жути похожа на тетку Агату. Точно так же просверливала вас насквозь глазами.

Но однажды после обеда Корки сам звонит мне по телефону.

— Привет, Берти.

— Привет.

— Вы очень заняты сегодня вечером?

— Да нет, не особенно.

— Тогда приходите, пожалуйста, ко мне, очень прошу.

— А что такое? Что-нибудь случилось?

— Я портрет закончил.

— Ну, дружище, поздравляю. Такой капитальный труд.

— Да уж. — По голосу Корки чувствовалось, что его одолевают сомнения. — Понимаете, Берти,

что-то в нем меня смущает. Через полчаса придет дядюшка смотреть работу, а я… Сам не знаю почему, но мне нужна ваша моральная поддержка.

Так, все ясно, я ввязываюсь в какую-то неприятную историю. Тут, конечно, не обойтись без благожелательного участия Дживса.

— Думаете, старый хрыч не оценит? Будет рвать и метать?

— Не исключаю.

Я вспомнил краснорожего детину в ресторанчике и попытался представить себе, как он рвет и мечет. Очень убедительно получилось.

— Приду, — твердо пообещал я в телефонную трубку.

— Вот спасибо!

— Но при одном условии: я возьму с собой Дживса.

— Возьмете Дживса? Это еще зачем? Нечего ему тут делать! Ваш кретин Дживс как раз и придумал тот идиотский план, из-за которого…

— Слушайте, Корки, если вы думаете, что я жажду встретиться с вашим сумасшедшим дядюшкой один на один, без Дживса, который выручит из любой передряги, то вы глубоко заблуждаетесь. Да я скорей в клетку с дикими зверями войду и вцеплюсь зубами льву в загривок.

— Ладно, пусть приходит, — согласился Корки. Без особой радости, однако ж согласился.

Я вызвал звонком Дживса и объяснил ему сложившееся положение.

— Я к вашим услугам, сэр, — ответил Дживс.

Мы застали Корки возле двери, он разглядывал портрет, стоя в оборонительной позиции, как будто ожидал, что тот бросится на него.

— Берти, остановитесь там, где вы сейчас, — сказал он, не двигаясь с места. — А теперь скажите мне честно, что вы об этом думаете?

Свет из большого окна падал прямо на портрет. Я внимательно в него всмотрелся. Потом шагнул чуть ближе и снова всмотрелся. Вернулся на прежнее место, потому что оттуда все выглядело не так катастрофично.

— Ну что? — взволнованно спросил Корки.

Я задумался.

— Конечно, старина, я видел ребенка всего один раз, да и то не больше минуты, но… Он, если не ошибаюсь, и в самом деле на редкость противный младенец, правда?

— Но ведь не до такой же степени, как на моем портрете?

Я снова всмотрелся в портрет, и совесть не позволила мне покривить душой.

— Нет, старина, вы чересчур увлеклись.

Корки нервно откинул пятерней волосы со лба и застонал.

— Вы правы, Берти, конечно, правы. Какая-то чертовщина творится с этим проклятым портретом. По-моему, мне нечаянно удалось сделать то, чего всегда добивался Сарджент, — написать душу модели. Я проник сквозь оболочку внешнего, поверхностного, и изобразил на полотне душу ребенка.

— Помилуйте, у новорожденного младенца и такая черная душа? Когда бы он успел так погрязнуть в пороках? Что вы скажете, Дживс?

— Я склонен согласиться с вами, сэр.

— У него… Корки, у него какой-то странный плотоядный взгляд, вы не находите?

— А, вы это тоже заметили? — спросил Корки.

— Любопытно было бы найти человека, который не заметит.

— Я ведь чего хотел? Хотел придать этому пащенку выражение повеселее, а вместо этого написал забулдыгу.

— Именно это я и хотел сказать, дружище. Такое впечатление, будто он попал на грандиозную попойку и разгулялся вовсю. Вам так не кажется, Дживс?

— Да, сэр, младенец находится в явном подпитии.

Корки хотел что-то сказать, но дверь отворилась, и в студию вошел дядюшка.

На миг воцарился дух радости, веселья и всеобщего благоволения. Старикан пожал мне руку, хлопнул Корки по спине, провозгласил, что день нынче выдался просто на удивление, постукал себя по брючине тростью. Дживс растворился на заднем плане, и дядюшка его не заметил.

— Итак, Брюс, итак, мой мальчик, портрет наконец-то готов… а он в самом деле готов? Неси его сюда, показывай. Ну что ж, поглядим, посмотрим. Какой прекрасный сюрприз для твоей тетушки. Где же он? Сейчас мы…

И вдруг до него дошло. Он не был готов к такому удару, даже отшатнулся.

— А-а-а-а! — завопил он.

Потом наступила предгрозовая тишина. Давно я не чувствовал себя так неуютно.

— Это что, такая шутка? — зловеще спросил он наконец, и от его голоса по студии загуляли ледяные сквозняки.

Скорее на выручку старине Корки, это мой долг.

— От портрета лучше отойти подальше, — по-

советовал я дядюшке.

— Золотые слова! — рявкнул он. — Именно подальше! Желательно на край света, чтобы и в телескоп не разглядеть! — И он набросился на Корки, как неукрощенный лев из джунглей на кусок мяса. — И на это… на эту мазню ты столько лет тратил свое время и мои деньги! Да я бы тебе свой забор покрасить не доверил! Я заказал тебе портрет, думал, ты хоть чему-то научился, а ты? Намалевал карикатуру для комикса! — Он ринулся к двери, злобно рыча и в бешенстве колотя хвостом. — Все, с меня довольно. Хочешь и дальше валять дурака и бездельничать, художника из себя изображать — на здоровье. Но я тебе приказываю, племянничек: явишься в понедельник утром ко мне в контору, выкинешь из головы свои бредни и будешь служить, давно уже следовало, пять лет даром пропало. Начнешь с самого низа и станешь пробиваться наверх, иначе ни цента, ни единого цента, ни полцента… тьфу!

Дверь захлопнулась, мы остались одни. Я выполз из своего бомбоубежища.

— Корки, дружище, — еле слышно прошептал я.

Корки стоял и обреченно глядел на портрет. Взгляд затравленный, на лице тоска.

— Все, это конец. — Голос у него сорвался.

— Что вы теперь будете делать?

— Что буду делать? А что мне остается? Если он перестанет давать мне на жизнь, придется бросить живопись. А он грозился, вы сами слышали. Пойду в понедельник к нему в контору.

Я решительно не знал, что сказать. Уж мне-то было известно, какое отвращение вызывает у него дядюшкин бизнес, и я чувствовал себя до крайности неловко. Все равно что пытаться завязать светскую беседу с человеком, которого только что приговорили к двадцати годам тюрьмы.

И тут в тишине прозвучал спокойный голос:

— Если позволите, сэр, я мог бы дать совет.

А, Дживс. Он выступил из тени и тоже рассматривал портрет. Клянусь вам, я напрочь забыл, что Дживс здесь, с нами, это обстоятельство даст вам представление о том, как ужасен был в гневе дядя Александр.

— Не знаю, сэр, упоминал ли я когда-нибудь при вас некоего Дигби Тислтона, у которого был какое-то время в услужении? Может быть, вы даже с ним знакомы. Он был финансист. А сейчас он — лорд Бриджворт. Так вот, он любил повторять, что выход всегда есть. В первый раз я услышал от

него эти слова, когда публика отказалась покупать патентованное средство для удаления волос, которое он рекламировал.

— Что с вами, Дживс? Вы бредите?

— Я вспомнил о мистере Тислтоне только потому, сэр, что он в некотором роде оказался в сходном положении. Мазь для удаления волос не раскупалась, но он не впал в отчаяние. Он снова выбросил ее на рынок под названием «Львиная грива» и с гарантией, что через несколько месяцев у вас на голове вырастет густейшая шевелюра. На рекламе, если помните, сэр, был дважды изображен бильярдный шар с забавной рожицей — до начала курса и после его окончания, и на этой мази мистер Тислтон так разбогател, что его очень скоро возвели в звание пэра за заслуги перед партией консерваторов. Мне кажется, если мистер Коркоран хорошенько подумает, он поймет, как понимал мистер Тислтон, что выход всегда есть. Кстати, его подсказал сам мистер Уорпл. В пылу обвинений он назвал младенца на портрете карикатурой для комикса. Я считаю, сэр, он дал вам очень ценный совет. Возможно, написанный мистером Коркораном ребенок не понравился мистеру Уорплу из-за отсутствия портретного сходства с его единственным чадом,

зато редакторы, я уверен, придут от мальчишки в восторг и сделают его героем новой серии комиксов. Если мистер Коркоран позволит мне высказать мое мнение, я давно понял, что у него талант остро подмечать смешное. В этом мальце есть что-то очень симпатичное — эдакая лихость, задор. Я уверен, публика его полюбит.

Корки ястребиным взором впился в портрет и как-то странно вроде бы всхлипывал. Видно, нервы у бедняги совсем сдали.

Вдруг он дико захохотал.

— Корки, дружище! — Я осторожно потряс его за плечо. Испугался, что от горя у него началась истерика.

А Корки бросился расхаживать взад-вперед по студии.

— Он прав! Тысячу раз прав! Дживс, вы мой спаситель! Вам принадлежит величайшая идея века! «Явишься ко мне в понедельник! Будешь служить в моей конторе, начнешь с самого низа!» Да я, если пожелаю, куплю весь его бизнес с потрохами! Я знаком с редактором юмористического отдела «Санди стар», он у меня этого мальца с руками оторвет. Только на днях он сетовал, как трудно найти героев для увлекательных новых серий. А этот мой младенец — персонаж высшего

класса, мне за него любые деньги дадут. Я напал на золотую жилу. Где моя шляпа? Теперь я обеспечен на всю жизнь. Шляпа, черт ее возьми, где? Берти, одолжите мне пятерку, поеду на Парк-роу на такси!

Дживс отечески улыбнулся. Вернее, произвел сокращение лицевых мышц, которое у него означает улыбку.

— Если позволите, мистер Коркоран, я хотел бы предложить название для задуманной вами серии комиксов — «Приключения мальца Удальца».

Мы с Корки посмотрели на портрет, посмотрели друг на друга, и лица наши выразили благоговейное восхищение. Дживс попал в яблочко. Лучшего названия не придумать.

— Дживс, — сказал я. Это было уже недели две-три спустя, и я только что просмотрел страницу комиксов в «Санди стар». — Я оптимист. И всегда был оптимистом. Чем старше я становлюсь, тем лучше понимаю, как правы были Шекспир и разные другие поэты, которые утверждали, что ночь всего темнее перед рассветом, что у тучки всегда есть светлая изнанка и что вообще никогда не знаешь, где найдешь, а где потеряешь. Возьмем, к примеру, мистера Коркорана. Только что чело-

век был, можно сказать, в самом что ни на есть аховом положении. Получил от судьбы подлый, предательский удар под дых. И, однако, посмотрите на него сейчас. Вы видели эти рисунки?

— Я позволил себе взглянуть на них, сэр, когда нес вам газету. В высшей степени занимательно.

— Знаете, они имеют большой успех.

— Я это предвидел, сэр.

Я откинулся на подушки.

— Должен вам сказать, Дживс, вы гений. За такие услуги следует брать комиссионные.

— Признаюсь вам, сэр, я не внакладе. Мистер Коркоран был чрезвычайно щедр. Я приготовил вам коричневый костюм, сэр.

— Нет, я, пожалуй, надену синий в тонкую красную полосочку.

— Нет, сэр, только не синий в тонкую красную полосочку.

— Но я в нем выгляжу очень элегантно.

— Только через мой труп, сэр.

— Ладно, Дживс, будь по-вашему.

— Очень хорошо, сэр. Благодарю вас, сэр.

Дживс и незваный гость[10]

Наверняка утверждать не стану, но, по-моему, это Шекспир, а может, еще кто-то из таких же умников сказал: не успеешь почувствовать, что у тебя все в ажуре, глядь — а судьба уж крадется к тебе сзади с обрезком свинцовой трубы. Это я к тому, что он прав на все сто. Взять хоть историю с леди Малверн и ее сыном Уилмотом. Ну и попал же я тогда в переделку — хуже некуда. И ведь только-только успел подумать, до чего же славно живется на свете, как эта парочка свалилась мне на голову.

Упомянутая история началась в Нью-Йорке — я все еще торчал в Америке, — в ту пору, когда этот город бывает особенно хорош. Утро стояло великолепное, я вылез из-под холодного душа и чувствовал себя превосходно. Особенно же наслаждался вот чем: вчера мне удалось взять верх, да что там — одержать сокрушительную победу — над Дживсом. Видите ли, все шло к тому, что еще чуть-чуть — и я превращусь в жалкого раба. Этот человек все-таки ужасно меня подавляет.

---

[10] Примечания: 10

© Перевод. И. Шевченко.

Ладно уж, пусть по его милости мне пришлось отказаться от одного из моих костюмов — в костюмах он знает толк, так что на него тут можно положиться.

Но он запретил мне надевать ботинки с парусиновым верхом, которые я люблю, как родных братьев, и я чуть было не взбунтовался. Когда же наконец дело дошло до шляпы и Дживс попробовал раздавить меня, точно червя, во мне взыграла кровь Вустеров, и я недвусмысленно дал ему понять, кто есть кто.

Это долгая история, у меня сейчас нет времени ее пересказывать, но соль в том, что он хотел, чтобы я, по примеру президента Кулиджа, напялил шляпу, которую мы между собой прозвали «диво Белого дома». А мне страшно нравилась «особая бродвейская», которой отдавала предпочтение молодежь моего круга; кончилось тем, что после душераздирающей сцены я купил себе «особую бродвейскую». Вот такой был расклад в то незабываемое утро, и я чувствовал себя отважным и независимым.

Итак, растираясь в ванной грубым махровым полотенцем, я негромко напевал какую-то песню и гадал, что меня ждет на завтрак, как вдруг в дверь тихонько постучали. Я умолк и приоткрыл

дверь.

— Что там за бортом? — спросил я.

— К вам пожаловала леди Малверн, сэр.

— Кто-кто?

— Леди Малверн, сэр. Она ожидает вас в гостиной, сэр.

— Дживс, дружище, опомнитесь, — строго проговорил я, терпеть не могу, когда со мной шутят шутки до завтрака. — Вы же отлично знаете, что в гостиной никто меня не ожидает. Мыслимое ли дело, ведь едва-едва пробило десять!

— Как мне стало известно, ее сиятельство прибыла океанским пароходом сегодня рано поутру.

Это звучало уже более правдоподобно. Мне вспомнилось, что год назад я и сам прибыл в Америку отвратительно рано, около шести, и что меня высадили на чужой берег в начале восьмого.

— Дживс, кто такая леди Малверн, черт побери?

— Ее сиятельство не изволила мне этого сообщить, сэр.

— Она одна?

— Ее сиятельство сопровождает лорд Першор, сэр. Полагаю, его сиятельство сын ее сиятельства.

— О, тогда подайте мне пышные одеяния, и я быстренько в них облачусь.

— Ваш пиджачный костюм из твида сиреневого оттенка в готовности, сэр.

— В таком случае ведите меня к нему.

Одеваясь, я старался понять, кто такая эта чертова леди Малверн. И только когда просунул голову в ворот рубашки и взял в руки запонки, я ее вспомнил.

— Дживс, я ее вспомнил. Это приятельница тети Агаты.

— Вот как, сэр?

— Да. Перед отъездом из Лондона я с ней встречался за ленчем. Кошмарная особа. Пишет книги. Когда вернулась из Дурбара, настрочила целый том о социальных проблемах в Индии.

— Неужели, сэр? Извините, сэр, не этот галстук.

— Что?

— Этот не годится к твидовому пиджачному костюму, сэр.

Вот это удар. А я-то считал, что поставил Дживса на место. Наступил судьбоносный момент. Если я сейчас спасую, все мои вчерашние победы пойдут прахом. Я взял себя в руки.

— Что еще с галстуком? Я и прежде замечал, что

вы на него косо смотрите. Говорите откровенно, как подобает мужчине. В чем дело?

— Слишком кричащий, сэр.

— Ничего подобного. Розовый, веселенький галстук. Вот и все.

— Он не подходит, сэр.

— Дживс, я надену этот галстук.

— Очень хорошо, сэр.

До чего неприятно, черт подери. Я видел, что Дживс страдает. Но уступать не собирался. Повязал галстук, надел жилет, пиджак и вышел в гостиную.

— Привет, привет, здравствуйте, — сказал я. — Что?

— Здравствуйте, мистер Вустер. Вы, кажется, не знакомы с моим сыном Уилмотом? Мотти, дорогой, это мистер Вустер.

Эта треклятая леди Малверн была энергичная, самоуверенная, жизнерадостная особа, невысокая, зато широкая — глазом не окинешь. Самое большое из моих кресел пришлось ей как раз впору, казалось, неведомый мастер знал, что нынче в моде будет кресло, туго облегающее бедра. У леди Малверн были блестящие выпученные глаза, копна желтых волос, и когда говорила, она обнажала не менее пятидесяти семи передних

зубов. Я сник. Я почувствовал себя десятилетним мальчишкой, которого нарядили по-воскресному и привели в гостиную поздороваться. Словом, никому бы не хотелось видеть такое у себя в гостиной перед завтраком.

Ее сын Мотти, юнец лет двадцати трех, был высокий, худой и смиренный на вид. Желтые, как у матери, волосы прилизаны и разделены прямым пробором. Глаза тоже выпученные, но не сверкают. Уныло серые с розоватым ободком. Никакого намека на ресницы. Скошенный, безвольный подбородок. Короче, тихий, невзрачный, кроткий, как овца, молодой человек.

— Счастлив познакомиться, — сказал я, хотя это было чистейшей ложью, у меня уже появилось предчувствие, что мне угрожает крупная неприятность. — Значит, перебрались через океан? Надолго ли в Америку?

— Примерно на месяц. Ваша тетушка дала мне ваш адрес и сказала, что я смело могу вас навестить.

Услышав это, я обрадовался — кажется, тетя Агата идет со мной на мировую. По-моему, я раньше уже говорил, что между нами кошка пробежала, и вот из-за чего: она послала меня в Нью-Йорк, чтобы вызволить моего кузена Гасси,

в которого мертвой хваткой вцепилась девица из мюзик-холла. Когда я завершил операцию спасения, оказалось, что Гасси не только женат на означенной девице, но и сам стал актером мюзик-холла, изрядно преуспев на этом поприще. Теперь вы поймете, почему отношения между тетушкой и племянником несколько напряжены.

Я просто не смел вернуться в Англию и предстать перед ней, поэтому вздохнул с облегчением, узнав, что по прошествии времени рана затянулась настолько, что тетушка наказала своей приятельнице меня навестить. Мне нравилась Америка, но я не хотел, чтобы до конца моих дней мне был заказан въезд в Англию. Поверьте, Англия слишком мала, в ней невозможно жить, если тетя Агата ступила на тропу войны. Услышав слова леди Малверн, я взбодрился и сердечно улыбнулся гостям.

— Ваша тетушка сказала, вы сделаете все возможное, чтобы помочь нам.

— О чем речь! Всенепременно!

— Благодарю вас. Я хочу, чтобы вы ненадолго приняли к себе моего дорогого Мотти.

В первый момент я ничего не понял.

— То есть ввел в свои клубы?

— Да нет же! Нет! Мой дорогой Мотти совершен-

но домашний ребенок. Правда, Мотти, дитя мое?

Мотти, который сидел, засунув набалдашник трости в рот, раскупорился и подал голос.

— Да, мама, — промямлил он и снова закупорился.

— Я не желаю, чтобы его вводили в клубы. Приютите его у себя — вот что я имею в виду. Оставьте пожить с вами, пока меня не будет.

Ужасающие слова были произнесены ровным будничным голосом. Эта женщина даже не представляла себе, насколько чудовищно то, что она предлагает. Я окинул Мотти быстрым взглядом. Он углубленно сосал набалдашник и смотрел в стену. Одна мысль, что мне, неизвестно на какое время, подсунут это сокровище, до смерти меня испугала. Не преувеличиваю, просто до смерти. Это было совершенно, абсолютно немыслимо. Как только я увижу, что Мотти протискивается в мое гнездышко, я тут же призову полицию. Я хотел было так все ей и сказать, но она, как паровой каток, смяла мои невысказанные возражения.

В этой женщине было нечто такое, что парализует волю.

— Я уезжаю из Нью-Йорка дневным поездом — мне необходимо побывать в тюрьме Синг-Синг. Меня чрезвычайно интересует состояние

американских тюрем. Потом я намерена не спеша проехать по всему побережью, с тем чтобы посетить тамошние места заключения. Видите ли, мистер Вустер, поездка в Америку у меня чисто деловая. Вы, конечно, читали мой труд «Индия и индийцы»? Мои издатели настоятельно желают, чтобы я написала подобную книгу и о Соединенных Штатах Америки. Однако я не могу оставаться в этой стране более чем на месяц — должна вернуться в Англию к началу сезона. Впрочем, этого времени вполне достаточно. В Индии я провела и того меньше, а мой добрый друг сэр Роджер Креморн написал книгу «Америка изнутри», прожив здесь всего две недели. Я бы с радостью взяла с собой моего дорогого Мотти, но в поезде его, бедного, укачивает. Когда вернусь, я его у вас заберу.

Я сидел так, что мне было видно Дживса, накрывающего стол к завтраку. Мне надо было улучить минутку, чтобы поговорить с ним наедине. Он наверняка что-нибудь придумает, чтобы укротить эту особу.

— Мистер Вустер, зная, что Мотти с вами, я могу вздохнуть с облегчением. Мне известно, что большой город полон соблазнов. До сих пор я уберегала моего дорогого Мотти от этой напа-

сти. Мы с ним покойно живем у себя в поместье. Мистер Вустер, уверена, вы о нем позаботитесь. Он нимало вас не обременит, — говорила она об этом несчастном так, будто его здесь нет. А ему и горя мало. Перестал грызть трость и сидит себе с открытым ртом. — Он вегетарианец и трезвенник, только и делает, что читает. Дайте ему хорошую книгу — и он будет счастлив. — Она поднялась. — Очень вам благодарна, мистер Вустер. Не знаю, что бы я делала, если бы вы не пришли на помощь. Идем, Мотти, до отхода поезда мы успеем осмотреть кое-какие достопримечательности. Дорогой, я на тебя полагаюсь — собери как можно больше сведений о Нью-Йорке. Смотри во все глаза и записывай свои впечатления. Это мне очень пригодится. До свидания, мистер Вустер. Я вам пришлю Мотти после полудня.

Они вышли, а я в ужасе воззвал к Дживсу:

— Дживс!

— Сэр?

— Что делать? Вы, конечно, все слышали? Вы же все время были в столовой. Этот кошмарный тип собирается у нас поселиться.

— Кошмарный тип, сэр?

— Дебил какой-то.

— Прошу прощения, сэр?

Я бросил на Дживса пронзительный взгляд. На него это было совсем не похоже. Минуту спустя я догадался. Он не может мне простить галстука и старается отыграться.

— С сегодняшнего дня лорд Першор будет жить у нас, — холодно сказал я.

— Очень хорошо, сэр. Завтрак подан, сэр.

Поплакаться некому — разве что яичнице с ветчиной. То, что Дживс мне не посочувствовал, оказалось последней каплей. На минуту я дрогнул и чуть было не приказал ему выкинуть и шляпу и галстук, которые он так невзлюбил, но вовремя взял себя в руки. Нет уж, провалиться мне на этом месте, если позволю Дживсу обращаться со мной как с жалким рабом. Чем больше я размышлял, тем хуже мне становилось. Взять хоть Мотти, хоть Дживса — просто непонятно, что делать. Вышвырни я Мотти, он нажалуется маме, она — тете Агате. Даже подумать страшно, что меня ждет. Рано или поздно, но я захочу вернуться в Англию, и не дай бог, если тетка Агата встретит меня у причала с дубиной в руках. Придется приютить Мотти и сделать для него все, что в моих силах.

Около полудня прибыл багаж Мотти и вслед за ним увесистый сверток — должно быть, хорошие книги. Когда я это увидел, мне немного полегча-

ло. Кажется, хороших книг хватит, чтобы занять парня на целый год. Я приободрился, надел «особую бродвейскую», поправил розовый галстук и умотал с приятелями на ленч в ближайшем ресторане; за прекрасной едой, льющимися через край напитками и веселой болтовней полдня прошло вполне счастливо. А к вечеру я и думать забыл о Мотти.

Отобедал в клубе, потом пошел в мюзик-холл и вернулся домой довольно поздно. Никаких намеков на присутствие Мотти не заметил и решил, что он уже спит. Правда, странно, что перевязанный бечевкой сверток с хорошими книгами валяется на прежнем месте. Похоже, Мотти, проводив маму, завалился спать.

Дживс внес вечернее виски с содовой. По его поведению я понял, что он все еще дуется.

— Дживс, лорд Першор уже спит? — сдержанно-холодным тоном спросил я.

— Нет, сэр. Его сиятельство еще не вернулся.

— Не вернулся? Как это не вернулся?

— Его сиятельство пришел вскоре после того, как пробило шесть тридцать, переоделся и снова ушел.

В этот момент у наружной двери послышался легкий шорох — кто-то скребся, словно пытался

пройти сквозь филенку. Затем глухой удар, будто рухнула тяжесть.

— Дживс, пойдите и посмотрите, в чем дело.

— Хорошо, сэр.

Он вышел и вскоре вернулся.

— Если вы не возражаете, сэр, полагаю, мы могли бы его внести.

— Внести?

— Его сиятельство лежит на коврике за порогом, сэр.

Я вышел за дверь. Дживс был прав. Мотти лежал на полу, свернувшись калачиком, и слегка постанывал.

— Вот черт, у него, наверное, припадок, — сказал я, вглядываясь в лицо несчастного. — Дживс! Видно, кто-то подсунул ему мясо!

— Сэр?

— Он же вегетарианец, понимаете? Должно быть, где-то наелся бифштекса. Вызовите доктора!

— Вряд ли подобные меры необходимы, сэр. Если бы вы взяли его сиятельство за ноги, а я бы…

— Боже правый, Дживс! Вы думаете… он… да нет, не может быть…

— Я склонен думать именно так, сэр.

И он, разрази меня гром, оказался прав. Теперь

уже не оставалось никаких сомнений. Мотти был пьян. Вдрызг пьян.

Черт побери, я был ошарашен.

— Дживс, кто бы мог подумать!

— Мало кто, сэр.

— Стоило только спустить с него бдительное начальственное око, и он ударился в загул.

— Совершенно справедливо, сэр.

— Где ты блуждал в ночи, дитя — так, что ли?

— Похоже на то, сэр.

— Давайте втащим его, а?

— Да, сэр.

Мы приволокли лорда Першора в спальню, Дживс уложил его в постель, а я закурил сигарету и сел в кресло, чтобы все осмыслить. У меня возникло дурное предчувствие. Кажется, я влип по уши.

На следующее утро, задумчиво выпив чашку чая, я отправился в комнату Мотти, чтобы проведать несчастного. Признаться, ожидал увидеть жалкие останки, но нет — он сидел в постели, веселый, свежий как огурчик, и читал колонку «Пикантных анекдотов».

— Привет! — сказал я.

— Привет! — сказал Мотти.

— Привет! Привет!

— Привет! Привет! Привет!

Продолжать в том же духе было довольно затруднительно.

— Как вы сегодня себя чувствуете? — поинтересовался я.

— Шикарно! — весело и развязно вскричал Мотти. — Знаете, а этот ваш камердинер — я говорю о Дживсе, — малый не промах. Когда я проснулся, голова у меня раскалывалась, и он мне принес какой-то таинственный напиток темного цвета, от которого я сразу воскрес. Сказал, что это его собственное изобретение. Мне надо почаще общаться с этим парнем. Выдающаяся личность.

Черт возьми, не верю глазам своим — этот тип только вчера сидел тут и сосал набалдашник трости.

— Наверное, вы вечером съели что-то неудобоваримое, да? — спросил я как бы между прочим, давая ему шанс выйти из неловкого положения. Но не тут-то было.

— Нет! — решительно возразил он. — Ничего подобного. Я просто-напросто напился. За милую душу. Напился вдрызг. Больше того, собираюсь повторить. Буду напиваться каждый вечер. Старина, если заметите, что я трезв, — торжественно проговорил он, — только скажите, я тотчас изви-

нюсь и исправлю промах.

— Позвольте, а как же я?

— При чем здесь вы?

— Видите ли, я, так сказать, несу за вас ответственность. В том смысле, что, если вы намерены вести себя таким образом, меня ждут крупные неприятности.

— Ничем не могу помочь, это ваши трудности, — твердо заявил Мотти. — Послушайте, старина, впервые в жизни мне выпала удача предаться соблазнам большого города. Зачем существуют эти соблазны, если мы не будем им предаваться? Даже как-то обидно за большой город. Кроме того, мама сказала, чтобы я смотрел во все глаза и копил впечатления.

Я присел к нему на краешек кровати. Голова у меня шла кругом.

— Дружище, ваши чувства мне понятны. — Мотти, видимо, хотел меня утешить. — Если бы я мог поступиться своими намерениями, то попридержал бы себя ради вас. Но долг прежде всего! Впервые в жизни меня оставили одного, и я решил пуститься во все тяжкие. Молодость дается лишь раз. Зачем омрачать утро жизни? Пусть молодежь наслаждается своей молодостью! Тру-ля-ля! Ура!

Вообще-то, если разобраться, он прав.

— Друг мой, всю жизнь меня держат взаперти в родовом имении в Мач-Мидлфолде, графство Шропшир. Запри вас туда, вы бы поняли, что это значит. Помню всего один раз, когда общественное спокойствие было нарушено: во время церковной службы застукали мальчика-хориста — он сосал шоколадку. Судили-рядили об этом целую неделю. В Нью-Йорке я пробуду всего месяц и хочу, чтобы мне было что вспомнить долгими зимними вечерами. Это мой единственный шанс обзавестись воспоминаниями, и я его не упущу. Послушайте, старина, объясните, что надо сделать, чтобы вызвать этого достойнейшего из достойных, Дживса? Позвонить? Крикнуть? Мне не терпится поговорить с ним на тему виски с содовой.

У меня было возникла мысль, что, сопровождай я Мотти в его похождениях, куража у него поубавится. Представьте себе, если в разгар веселья Мотти, главный запевала в компании, поймает мой укоризненный взгляд, он, возможно, немного уймется. Поэтому вечером я сам повел его ужинать. В первый и последний раз. Ведь я человек спокойный, миролюбивый, всю жизнь провел в Лондоне и не могу выдержать бешеного

темпа, который задают здоровяки, взращенные в загородных поместьях. То есть я, конечно, всей душой за развлечения, но в пределах разумного и все такое прочее. По-моему, детина, швыряющий в вентилятор вареные яйца, привлекает к себе ненужное внимание. Нормально повеселиться и так далее — святое дело, но плясать на столах, а потом удирать от официантов, метрдотелей и вышибал — это уж чересчур, предпочитаю спокойно сидеть и переваривать пищу.

В тот вечер я едва унес ноги, вернулся домой и твердо решил, что с Мотти я больше не ходок. Правда, как-то раз случайно встретился с ним поздно ночью. Проходил мимо кабака с дурной репутацией и вынужден был увернуться — Мотти просвистел в воздухе в направлении тротуара на противоположной стороне улицы. Из-за двери за полетом его сиятельства с мрачным удовлетворением наблюдал мускулистый вышибала.

В некотором отношении я даже сочувствовал Мотти. Ведь у него только четыре недели, и надо успеть оторваться по полной программе, чтобы наверстать упущенное за десять лет. Поэтому я не удивлялся его прыти. На его месте я вел бы себя так же. Хотя, конечно, он хватил через край. Не маячь на заднем плане леди Малверн с тетей

Агатой, я бы наблюдал Моттины художества со снисходительной улыбкой. Однако я не мог избавиться от сознания, что рано или поздно стану козлом отпущения. Постоянно думать о неотвратимости наказания, до глубокой ночи дожидаться, когда заявится в стельку пьяный Мотти, втаскивать это сокровище на кровать, а наутро проскальзывать в его комнату на разведку и созерцать скорбную картину — ото всего этого я начал чахнуть. Превратился в тень, даю честное слово. Чуть где стукнет — дрожу как лист. И никакого сочувствия от Дживса, это меня ранило до глубины души. Упрямый малый не мог мне простить шляпы и галстука и не желал прийти на помощь. Однажды утром мне так захотелось сочувствия, что я поступился фамильной гордостью Вустеров и обратился к нему прямо:

— Дживс, это уж невыносимо, верно?

— Сэр?

— Вы знаете, о чем я говорю. Наш драгоценный гость забыл все, чему его учили в детстве. Знать ничего не желает.

— Да, сэр.

— Но обвинят меня, понимаете? Вы ведь знаете тетю Агату.

— Да, сэр.

— Ну так вот.

Я немного подождал, но Дживс не дрогнул.

— Дживс, нет ли у вас плана, как обуздать это чудовище?

— Нет, сэр, — отрезал он, растворился в воздухе и материализовался у себя в комнате. Проклятый упрямец! Чушь какая-то. Ведь ничего дурного не было в «особой бродвейской». Просто забавная штучка, от которой мои приятели приходят в восторг. Но Дживс предпочитал «диво Белого дома» и поэтому бросил меня на произвол судьбы.

Вскоре Мотти взбрело в голову притащить на рассвете своих собутыльников в дом, чтобы продолжить пирушку. Тут уж терпение у меня лопнуло. Видите ли, я живу в той части города, где подобные шалости недопустимы. У меня пропасть приятелей — актеров, литераторов, художников, которые обитают на Вашингтон-сквер, так у них вечер начинается около двух ночи, утром торговцы уже развезут по домам молоко, а гулянка все продолжается. Там это принято. Соседи даже не уснут, если у них над головой никто не пляшет под гавайскую гитару. Но на Пятьдесят седьмой улице такие номера не проходят. И вот в три утра вваливается Мотти с подгулявшими приятелями. Компания, проорав

дурными голосами свои школьные песни, подхватывает хором «Вспоминаю я колодец, наше старое ведро». Естественно, жильцы дома стали брюзжать и жаловаться. За завтраком последовал холодно-укоризненный звонок управляющего, и мне пришлось рассыпаться в извинениях.

Вечером я вернулся домой рано — обедал в одиночестве, выбрав такое место, где вероятность встречи с Мотти равнялась нулю. В гостиной было темно, и я только было хотел включить свет, как вдруг — удар, и что-то упругое и округлое хватает меня за штанину. Общение с Мотти до такой степени истощило мою нервную систему, что я не мог с собой совладать — метнулся прочь и с отчаянным душераздирающим воплем выскочил в прихожую, а тут как раз Дживс выходит из своей комнаты узнать, в чем дело.

— Вы что-то сказали, сэр?

— Дживс! Там кто-то есть, и он хватает за ноги!

— Полагаю, это Ролло, сэр.

— А?

— Мне следовало вас предупредить, но я не слышал, как вы вошли. В настоящее время он пребывает не в самом хорошем расположении духа, ибо еще не освоился в доме.

— Кто такой Ролло, черт подери?!

— Ролло — бультерьер его сиятельства, сэр. Его сиятельство выиграл его в какой-то лотерее и привязал к ножке стола. Если позволите, сэр, я войду и включу свет.

Дживс просто бесподобен. У меня на глазах он совершил подвиг, достойный пророка Даниила, бестрепетно вошедшего в львиный ров. Он смело прошествовал прямо в гостиную. Более того, от Дживса исходил особый магнетизм или как это называется, ибо треклятый зверь, вместо того чтобы тяпнуть добычу за ногу, вдруг затих, точно его бромом опоили, и повалился на спину лапами кверху. Словом, выказал такое радушие, будто Дживс — не Дживс, а его родной дядюшка-миллионер. Однако увидев меня, животное снова ощетинилось и явно ни о чем другом уже не думало, как только снова взяться за Бертрама с того места, где его прервали.

— Ролло пока еще к вам не привык, — сказал Дживс и с восхищением посмотрел на проклятую четвероногую тварь. — Он превосходный сторожевой пес.

— Не желаю, чтобы сторожевые псы охраняли от меня мои комнаты.

— Разумеется, нет, сэр.

— Ну и что мне делать?

— Вне всякого сомнения, со временем животное научится вас узнавать, сэр. Отличать ваш индивидуальный запах.

— Что значит мой «индивидуальный» запах? Не надейтесь, я не собираюсь поселиться в прихожей, ожидая, когда эта тварь одобрит мой запах.

Я минуту подумал.

— Дживс!

— Сэр?

— Завтра первым же поездом я уезжаю. Поживу за городом у мистера Тодда.

— Желаете, чтобы я вас сопровождал, сэр?

— Нет.

— Слушаюсь, сэр.

— Когда вернусь, пока не знаю. Письма пересылайте к мистеру Тодду.

— Слушаюсь, сэр.

Случилось так, что вернулся я через неделю. Рокки Тодд, приятель, у которого я поселился, большой чудак, он живет один-одинешенек на пустынном Лонг-Айленде, и ему это по душе; но я для подобной жизни не создан. Старина Рокки — превосходный малый, но, проведя несколько дней у него в доме, среди лесов, вдали от цивилизации, я почувствовал, что Нью-Йорк, даже с Мотти в качестве приложения, в сущности, не так

уж и плох. На Лонг-Айленде день длится сорок восемь часов; ночью не можешь уснуть, потому что стрекочут сверчки; хочешь пропустить глоток горячительного — топай две мили, желаешь получить вечерние газеты — топай шесть миль. Я поблагодарил Рокки за радушие и гостеприимство и успел на единственный поезд, отходящий из этих забытых богом мест. К обеду я уже был в Нью-Йорке. Сразу рванул домой. Дживс вышел мне навстречу из своей комнаты.

Я опасливо огляделся в поисках Ролло.

— Дживс, где собака? Привязана?

— Животное здесь больше не живет, сэр. Его сиятельство отдал Ролло швейцару, а швейцар его продал. У его сиятельства появилось предубеждение против Ролло после того, как животное укусило его сиятельство за икру ноги.

Сам не ожидал, что эта маленькая новость так меня обрадует. Кажется, я недооценивал Ролло. Когда сойдешься с ним поближе, в нем открывается уйма достоинств.

— Превосходно! — сказал я. — Дживс, а что лорд Першор? Дома?

— Нет, сэр.

— Вернется к обеду?

— Нет, сэр.

— Где же он?

— В тюрьме, сэр.

— В тюрьме?!

— Да, сэр.

— Вы хотите сказать, в тюрьме?

— Да, сэр.

Я опустился в кресло.

— Почему?

— Его сиятельство напал на констебля, сэр.

— Лорд Першор напал на констебля!

— Да, сэр.

Я старался осмыслить услышанное.

— Но послушайте, Дживс! Какой ужас!

— Сэр?

— Что скажет леди Малверн, когда узнает?

— Полагаю, ее сиятельство не узнает, сэр.

— Но она вернется и захочет знать, где он.

— Полагаю, сэр, ко времени возвращения ее сиятельства срок заключения его сиятельства истечет.

— А если нет?

— В таком случае, сэр, полагаю, было бы разумно немного погрешить против истины.

— Каким образом?

— Если позволите, я бы взял на себя смелость сообщить ее сиятельству, что его сиятельство

ненадолго отбыл в Бостон, сэр.

— Почему в Бостон?

— Город, весьма достойный внимания и интереса, сэр.

— Дживс, вижу, вы все предусмотрели.

— Надеюсь, сэр.

— Послушайте, Дживс, а ведь нам с вами сказочно повезло. Не подвернись тюрьма, к возвращению леди Малверн обалдуй Мотти мог бы угодить в дурдом.

— Именно так, сэр.

Чем больше я размышлял, тем более благодетельным мне представлялся этот анекдот с кутузкой. Несомненно, тюрьма давно по Мотти плачет. Только решетка и может его обуздать.

Жаль, конечно, бедолагу, но вообще-то молодому человеку, прожившему всю жизнь в обществе леди Малверн в деревенской глуши Шропшира, тюремное заключение не в новинку. В общем, я снова воспрял духом. Жизнь текла, как это сказано у поэта, будто одна большая сладостная песнь. Недели две все шло так славно и спокойно, что, даю честное слово, я почти забыл о Моттином существовании. Единственное, что никак не налаживалось, — это отношения с Дживсом: он все еще дулся и как-то сторонился меня. Нет, он

ничего не говорил, ничего не делал, упаси бог, но держался как чужой. Однажды, повязывая розовый галстук, я поймал в зеркале его взгляд. В глазах его читалась глубокая печаль.

Внезапно, значительно ранее намеченного срока, вернулась леди Малверн. Я ее не ждал. Забыл, как быстро летит время. Она явилась, когда я еще лежал в постели, потягивал чай и думал о том о сем. Дживс вплыл в комнату и доложил, что проводил ее сиятельство в гостиную. Накинув что-то на скорую руку, я вышел к ней.

Явилась, сидит в том же кресле, как прежде, поперек себя шире. Единственная разница — рот плотно сомкнут.

— Доброе утро, — сказал я. — Вот вы и вернулись. Что?

— Вернулась.

В ее голосе звучали ледяные нотки, на меня будто пахнуло холодным ветром. Наверное, еще не завтракала, подумал я. Для меня самого белый свет озаряется солнечной радостью только после завтрака, и тогда я становлюсь всеобщим любимцем. Если не съем пару яиц и не глотну кофе, я не человек.

— Наверное, вы еще не завтракали?

— Не завтракала.

— Не желаете ли яйцо, или сосиски, или еще чего-нибудь?

— Нет. Благодарю.

Она говорила таким тоном, будто состояла в обществе идейных ненавистников сосисок и лиге борцов против яиц. Некоторое время все молчали.

— Я к вам заезжала вчера вечером, — сказала она. — Никого не было дома.

— Весьма сожалею. Ваша поездка была приятной?

— Чрезвычайно приятной, благодарю.

— Все ли посмотрели? Ниагарский водопад, Йеллоустонский парк, Большой Каньон и прочее?

— Посмотрела достаточно.

Снова возникла леденящая пауза. Дживс выплыл из гостиной и принялся накрывать в столовой к завтраку.

— Надеюсь, Уилмот вам не слишком докучал, мистер Вустер?

Я все ждал, когда она заведет разговор о Мотти.

— Ничуть! Друзья навек. Водой не разлить.

— Значит, вы везде его сопровождали?

— Конечно! Мы с ним были неразлучны. Осмотрели все достопримечательности, знаете ли.

Утром — в музеи, наслаждаемся искусством, затем перекусываем в вегетарианских ресторанах, потом не спеша направляемся на концерты духовной музыки, обедаем дома. После обеда обычно играем в домино. Спать ложимся рано и встаем бодрые и свежие. В общем, отлично проводим время. Ужасно жаль, что Мотти уехал в Бостон.

— Ах! Так Уилмот в Бостоне?

— Да. Мне следовало вам об этом сообщить, но мы даже не представляли себе, где вы находитесь. Вы… порхали, как птичка, в смысле, порхали с места на место, и мы не могли вас застать. Да, так Мотти отбыл в Бостон.

— Вы уверены, что он отбыл в Бостон?

— Конечно, разумеется. — Я окликнул Дживса, который в соседней комнате неторопливо раскладывал вилки и все такое прочее. — Дживс, ведь лорд Першор не переменил намерения съездить в Бостон?

— Нет, сэр.

— Ну вот, я прав. Да, Мотти отбыл в Бостон.

— В таком случае как вы объясните, мистер Вустер, что вчера, во время посещения тюрьмы Блэквелс-Айленд, где я собирала материал для книги, я увидела моего дорогого Мотти, он был

одет в полосатую робу и сидел с молотком в руках перед грудой камней.

Я попытался что-нибудь придумать, но в голову ничего не приходило. Надо быть семи пядей во лбу, чтобы справиться с таким потрясением. Я до того напряг мозги, что они заскрипели, однако на пространстве от пробора до затылка не шевельнулось ни одной мыслишки. Я онемел. И слава богу, потому что все равно у меня не было возможности ввернуть словечко. Леди Малверн завладела разговором. До этого момента она сдерживалась, а тут ее будто прорвало.

— Значит, вот как, мистер Вустер, вы приглядывали за моим дорогим мальчиком! Вы оскорбили меня в лучших чувствах, а я так в вас верила! Оставила его на ваше попечение, надеялась, вы оградите его от тлетворных влияний. Он пришел к вам невинный, неопытный, не ведающий о том, что творится в мире, доверчивый, непривычный к искушениям большого города, а вы толкнули его на путь порока!

Что на это ответишь? Перед моим мысленным взором стояла злорадная тетя Агата, точащая боевой топор к моему возвращению.

— Вы преднамеренно…

Тихий голос где-то в отдалении проговорил:

— Если позволит ваше сиятельство, я мог бы объяснить.

Как всегда, Дживс неожиданно соткался из эфира у камина в гостиной. Леди Малверн попыталась заморозить его взглядом, но с Дживсом такие фокусы не проходят. Взглядами его не проймешь.

— Осмелюсь предположить, что ваше сиятельство неправильно поняли мистера Вустера, у вас могло сложиться впечатление, что он был в Нью-Йорке, когда его сиятельство… забрали. И если мистер Вустер информировал ваше сиятельство, что его сиятельство отбыл в Бостон, то мистер Вустер основывался на сведениях о местопребывании его сиятельства, которые получил от меня. Все это время мистера Вустера в Нью-Йорке не было, он навещал своего друга, проживающего в сельской местности, и мистер Вустер ничего не знал, пока ваше сиятельство ему сейчас не сказали.

В ответ леди Малверн издала звук, напоминающий хрюканье. Но Дживс не дрогнул.

— Мистер Вустер души не чает в его сиятельстве и прилагает столько сил, опекая его сиятельство. Поэтому я, опасаясь нанести тяжкий удар мистеру Вустеру, взял на себя смелость скрыть от него

правду и сообщил ему, что его сиятельство отбыл погостить в Бостон. Мистеру Вустеру было бы трудно поверить, что его сиятельство добровольно, из самых лучших побуждений отправился в места заключения. Но ваше сиятельство, хорошо зная его сиятельство, легко это поймет.

— Что?! — вскричала леди Малверн, тараща глаза. — Как вы сказали? Лорд Першор отправился в тюрьму добровольно?

— Если мне будет позволено, я постараюсь объяснить вашему сиятельству. Осмелюсь предположить, что напутствие вашего сиятельства произвело на его сиятельство глубокое впечатление. Мне часто приходилось слышать, как его сиятельство говорил мистеру Вустеру о своем горячем желании последовать наставлениям вашего сиятельства и собрать материалы для книги вашего сиятельства об Америке. Мистер Вустер подтвердит, что его сиятельство зачастую огорчался при мысли о том, сколь мало он делает, чтобы помочь вашему сиятельству.

— Истинная правда! Он страшно убивался! — подхватил я.

— Внезапно однажды вечером его сиятельству пришла в голову мысль лично изучить тюремные условия, исследовать их, так сказать, изнутри. Он

с радостью ухватился за эту мысль и никакими силами его было не удержать.

Леди Малверн посмотрела на Дживса, потом на меня, потом снова на Дживса. Я видел, что она колеблется, верить или нет.

— Ваше сиятельство, осмелюсь утверждать, что джентльмен с такими моральными качествами, как у его сиятельства, может попасть в тюрьму только по своей воле, ибо его сиятельство не в состоянии совершить преступление против закона, которое повлекло бы за собой арест.

Леди Малверн хлопнула глазами. Потом поднялась с кресла.

— Мистер Вустер, — сказала она, — примите мои извинения. Я была к вам несправедлива. Мне следовало лучше знать моего Уилмота. И свято верить в его чистоту и благородство.

— Вне всякого сомнения! — сказал я.

— Завтрак готов, сэр, — сказал Дживс.

Я сел за стол и, не оправившись от потрясения, задумчиво уставился на яйцо-пашот.

— Дживс, — сказал я, — вы спасли мне жизнь.

— Благодарю вас, сэр.

— Никто бы не убедил тетю Агату, что это не я приохотил нашего недотепу к разгульной жизни.

— Думаю, что так, сэр.

Я начал есть яйцо. Признаться, я был ужасно растроган тем, как Дживс явился мне на подмогу. Что-то подсказывало мне, что он заслуживает щедрого вознаграждения. Секунду я колебался. Затем решился.

— Дживс!

— Сэр?

— Этот розовый галстук…

— Да, сэр?

— Сожгите его.

— Благодарю вас, сэр.

— И еще, Дживс.

— Да, сэр?

— Возьмите такси и купите мне «диво Белого Дома», как у президента Кулиджа.

— Очень вам благодарен, сэр.

Я испытал чертовски приятное облегчение. Будто тучи у меня над головой рассеялись и все стало на свои места. Я, как герой романа, который решает больше не ссориться с женой, все забыть и простить. Чего бы я только не сделал, лишь бы показать Дживсу, как я его ценю.

— Дживс, — сказал я, — этого недостаточно. Может быть, вы хотели бы чего-нибудь еще?

— Да, сэр. Если позволите, пятьдесят долларов.

— Пятьдесят долларов?

— Тогда я мог бы заплатить долг чести, сэр. Я должен эти деньги его сиятельству.

— Вы должны лорду Першору пятьдесят долларов?

— Да, сэр. Мы случайно встретились на улице в тот вечер, когда его сиятельство арестовали, сэр. Я как раз размышлял, каким образом побудить его сиятельство отказаться от того образа жизни, к которому его сиятельство пристрастился. Когда мы встретились, его сиятельство находился в разгоряченном состоянии и, по-видимому, принял меня за одного из своих приятелей. Во всяком случае, когда я взял на себя смелость предложить его сиятельству пари на пятьдесят долларов, что ему «слабо засветить в глаз» проходящему мимо полисмену, его сиятельство с готовностью согласился и выиграл пари.

Я вынул бумажник и отсчитал сто долларов.

— Держите, Дживс, — сказал я, — пятидесяти недостаточно. Знаете, Дживс, вам… вы неподражаемы!

— Стараюсь, сэр.

Дживс и «порядочная жила»[11]

Сижу я иной раз утром в постели, попиваю чай, а Дживс порхает по комнате, доставая все что нужно для моего сегодняшнего наряда. И приходит мне такая мысль: а ну как этому приятелю вздумается взять расчет? И что я, к дьяволу, буду без него делать? В Нью-Йорке особенно опасаться нечего, но в Лондоне у меня от этой мысли сердце не на месте. Сманить его пытался уже не один пройдоха. Я точно знаю, что юный Регги Фулджем обещал ему платить вдвое больше против того жалованья, которое он получает у меня. А когда ко мне заходил Алистер Бингем-Ривз (его камердинер, как известно, вечно гладит брюки поперек), он посматривал на Дживса такими горящими, такими жадными глазами, что я испугался не на шутку. Ну не шакалы?

Дело, понимаете, в том, что Дживс — большая умница. Это видно уже по тому, как он вдевает запонки.

Я обращаюсь к нему за помощью во всякой переделке: Дживс не подведет. Мало того, он готов

---

[11] Примечания: 11

© Перевод. В. Ланчиков.

протянуть руку любому из моих друзей, кого угораздит вляпаться в скверную историю. Взять хотя бы тот довольно-таки каверзный случай с милягой Бикки и его дядюшкой, порядочным жилой.

Как-то раз через несколько месяцев после моего приезда в Америку я вернулся домой поздненько. Дживс подал мне выпить на сон грядущий и доложил:

— Нынче вечером, сэр, в ваше отсутствие заходил мистер Биккерстет.

— Вот как? — переспросил я.

— Дважды, сэр. Он был несколько встревожен.

— Да? Трепыхался, значит?

— Именно такое впечатление у меня и сложилось, сэр.

Я отхлебнул виски. Досадно, конечно, если у Бикки неприятности, но, сказать по правде, я обрадовался, что нам с Дживсом наконец подвернулась безопасная тема: с недавних пор между нами пробежала черная кошка, и теперь едва ли не всякий разговор с ним грозил съехать на личности. И все потому, что я решил отпустить усы. Не знаю, удачно ли я придумал, но только Дживс из-за этого ходил сам не свой. Он просто видеть не мог мои усы и так допекал меня своими косыми взглядами, что в конце концов

они мне осточертели. Слов нет, когда речь идет об одежде, к замечаниям Дживса и правда стоит прислушиваться: тут его суждения бывают безукоризненными. Но если он собирается подвергать своей цензуре не только мой гардероб, но и физиономию — уж это, по-моему, ни в какие ворота не лезет! Нет, я не какой-то упрямый сумасброд: сколько раз я с голубиной кротостью уступал Дживсу, когда он браковал мой любимый костюм или галстук. Но когда камердинер начинает распоряжаться вашей верхней губой, тут уж сам Бог велит проявить бычье упрямство и поставить нахала на место.

— Мистер Биккерстет обещал наведаться позже, сэр.

— Видно, что-то у него стряслось.

— Да, сэр.

Я задумчиво покрутил усы. По лицу Дживса пробежала тень, и я поспешно оставил усы в покое.

— В газетах пишут, сэр, что в Америку пароходом «Кармантик» прибывает дядя мистера Биккерстета.

— Дядя?

— Его сиятельство герцог Чизикский.

Я и понятия не имел, что дядя у Бикки герцог.

Ну и ну! Вот так дружишь с человеком и ничего о нем не знаешь. С Бикки я познакомился, когда только-только приехал в Нью-Йорк, на какой-то вечеринке или попойке на Вашингтон-сквер. Я, кажется, немного скучал по Лондону и, обнаружив, что Бикки англичанин, да к тому же мой однокашник по Оксфорду, был не прочь с ним поболтать. Вдобавок он оказался такой шалопай, что просто умора, так что мы с ним моментально подружились. Пристроившись в уголке, где не мельтешили художники и скульпторы, мы принялись тихо-мирно выпивать. А уж когда Бикки совершенно гениально изобразил бультерьера, который загоняет на дерево кота, я в него прямо влюбился. С тех пор мы сделались закадычными друзьями, и все-таки я знал о нем мало — слышал только, что он едва сводит концы с концами и деньги у него водятся лишь в те дни, когда он получает от своего дядюшки ежемесячные почтовые переводы.

— Но раз его дядя герцог Чизикский, — заметил я, — почему Бикки не носит титул? Почему не называет себя «лорд Такой-то» или «лорд Сякой-то»?

— Мистер Биккерстет — сын покойной сестры его сиятельства, сэр, которая состояла в супруже-

стве с капитаном Колдстримского гвардейского полка Роллом Биккерстетом.

Все-то он знает, этот Дживс!

— Отец мистера Биккерстета тоже умер?

— Да, сэр.

— И никаких капиталов ему не оставил?

— Нет, сэр.

Тут я начал догадываться, почему бедолага Бикки все время, можно сказать, на мели. На первый, поверхностный, взгляд, раз ты племянник герцога, то живи себе припеваючи. Но надо знать старого гриба Чизика: он был богат, как черт, ему принадлежало пол-Лондона и пять-шесть графств на севере королевства, но при этом прижимист донельзя. Как выражаются американцы, «порядочный жила». Так что, если родители Бикки действительно ничего ему не оставили и доход его полностью зависел от щедрот старого герцога, ему не позавидуешь. Но ведь не из-за денег же он со мной сдружился. Бикки одалживаться не любит. Он всегда говорил, что дружба — это святое и у него принцип: друзей не общипывать.

В этот момент в дверь позвонили. Дживс выплыл в прихожую.

— Да, сэр, мистер Вустер только что вернулся, — услышал я его голос, и в комнату ввалился

Бикки. Вид у него был прежалостный.

— Привет, Бикки, — сказал я. — Дживс говорил, ты меня разыскиваешь. Что случилось?

— Я здорово влип, Берти. Пришел посоветоваться.

— Что там у тебя, старина?

— Завтра приезжает мой дядя.

— Дживс говорил.

— Он, понимаешь, герцог Чизикский.

— Дживс говорил.

Бикки удивился:

— Дживс, похоже, знает все на свете.

— Это же надо, я сам только что об этом думал!

— А может, он заодно знает, как мне выкарабкаться? — мрачно поинтересовался Бикки.

— Дживс, мистер Биккерстет здорово влип, — объявил я. — Ему нужна ваша помощь.

— Слушаю, сэр.

Бикки замялся.

— Только, видишь ли, Берти, дельце такое, щекотливое… Сам понимаешь.

— Нашел из-за чего беспокоиться! Дживс уже наверняка в курсе дела. Правда, Дживс?

— Да, сэр.

— Ой! — опешил Бикки.

— Не исключено, что я заблуждаюсь, сэр, но не

состоит ли ваше затруднение в том, что вы не знаете, как объяснить его сиятельству, отчего вы в настоящее время находитесь в Нью-Йорке, а не в Колорадо?

Бикки задрожал, как желе от шквального ветра.

— Что за чертовщина! Как вы узнали?

— Накануне вашего отъезда из Англии я случайно встретил дворецкого его светлости. Он сообщил, что, проходя как-то мимо дверей библиотеки, нечаянно услышал беседу касательно этого предмета, которую имел с вами, сэр, его светлость.

Бикки глухо захохотал.

— Ну, раз уж всем все известно, то темнить незачем. Это старик спровадил меня в Америку, потому что я, мол, безмозглый лоботряс. Он обещал посылать мне ежемесячное пособие, а за это я должен был немедленно отправиться в какую-то глухомань под названием Колорадо, на какую-то… как ее… ферму или ранчо и поучиться этому… как его… фермерству или ранчерству. Была охота! Всю жизнь мечтал скакать на лошадях, гоняться за коровами и всякое такое. А с другой стороны, сам посуди, не мог же я отказаться от этого пособия.

— Я тебя прекрасно понимаю, старина.

— Приехал я в Нью-Йорк, огляделся: место вполне приличное. И я решил, что лучше всего тут и осесть. Отбил дяде телеграмму — что затеял, мол, в Нью-Йорке выгодное дело, так что ранчерство можно и побоку. Дядя не возражал. С тех пор я тут и живу. А дядюшка уверен, что мои дела идут в гору. Я и подумать не мог, что он сюда заявится. И как же мне теперь выкручиваться?

— Дживс, — сказал я, — как же мистеру Биккерстету выкручиваться?

— Он, понимаешь, прислал мне телеграмму, — продолжал Бикки. — Пишет, что хочет остановиться у меня — наверно, чтобы сэкономить на гостинице. Я всегда старался ему внушить, что живу здесь на широкую ногу. Так не везти же его к себе в пансион?

— Ну как, Дживс, придумали? — спросил я.

— Если мой вопрос не покажется нескромным, сэр, то позвольте полюбопытствовать, каковы пределы той помощи, которую вы готовы оказать мистеру Биккерстету?

— Да я для тебя, старина, ничего не пожалею!

— В таком случае, сэр, осмелюсь предложить, чтобы вы одолжили мистеру Биккерстету…

— Ну уж нет, — отрезал Бикки. — Я тебя никогда

не грабил и грабить не собираюсь. Пусть я и шалопай, но я никому на свете не должен ни гроша — кроме торговцев, конечно, — и этим горжусь.

— Я лишь имел в виду предложить, сэр, чтобы вы одолжили мистеру Биккерстету эти апартаменты. Тогда мистер Биккерстет сможет создать у его сиятельства впечатление, что они принадлежат ему. Я, с вашего позволения, сделаю вид, будто состою в услужении не у вас, а у мистера Биккерстета. Вы же временно будете проживать здесь на правах гостя мистера Биккерстета. Его светлость можно разместить во второй свободной спальне. Смею надеяться, сэр, что такое решение вопроса будет вполне удовлетворительным.

Бикки и думать забыл о своих неприятностях и таращился на Дживса с благоговейным изумлением.

— Мне также представляется желательным отправить его светлости на борт судна телеграфную депешу, уведомляющую его о перемене адреса. Хорошо бы, чтобы мистер Биккерстет встретил его светлость в порту и сразу же препроводил сюда. Можно ли рассматривать такой план как окончательный выход из положения?

— Еще бы!

— Благодарю вас, сэр.

Бикки не отрываясь смотрел на Дживса, пока тот не скрылся за дверью.

— Откуда что берется! — пробормотал он. — Знаешь, Берти, я вот что думаю: это у него, наверно, форма головы такая. Ты не замечал, какой у него затылок? Так и выпирает.

На другое утро я вскочил с постели ни свет ни заря, чтобы встретить старикана вместе со всеми. Я по опыту знал, что эти океанские лайнеры имеют привычку прибывать в чертовски безбожную рань. Было только начало десятого, а я уже оделся, выпил чаю и, свесившись из окна, высматривал на улице Бикки и его дядюшку. Утро выдалось тихое, славное; такими утрами в голову лезут всякие мыслишки о душе и тому подобном. Но только я принялся размышлять о жизни в общем и целом, как вдруг заметил, что на улице разгорелась свара. Какой-то старикашка в цилиндре, только что вылезший из такси, страшно разорялся из-за платы за проезд. Насколько я мог разобрать, он требовал, чтобы водитель позволил ему расплатиться не по нью-йоркским, а по лондонским ценам. Водитель же, как видно, о Лондоне прежде никогда не слышал да и теперь не больно им интересовался. Старикашка твердил, что в Лондоне за то же расстояние с

него взяли бы всего один шиллинг, а водитель отвечал, что ему плевать.

— Герцог приехал, Дживс! — крикнул я.

— Да, сэр?

— Это, наверно, он звонит.

Дживс торжественно отворил дверь, и старикашка прополз в комнату.

— Добрый день, сэр, — расшаркался я, сияя, как солнечный зайчик. — А ваш племянник отправился встречать вас в порт. Вы, должно быть, разминулись. В общем, моя фамилия Вустер. Мы с Бикки большие друзья, вот. Я тут у него гощу. Чаю не желаете? Принесите чаю, Дживс.

Старый Чизик плюхнулся в кресло и огляделся по сторонам.

— И эта роскошная квартира принадлежит моему племяннику Фрэнсису?

— Ему самому.

— Она, верно, стоит бешеных денег.

— Да, порядочно. Здесь вообще такая дороговизна, что ой-ой-ой.

Старик застонал. В комнату неслышно впорхнул Дживс с чаем, и старый Чизик, чтобы оправиться от потрясения, присосался к чашке.

— Ужасная страна, мистер Вустер, — кивнул он. — Просто ужасная. Чуть-чуть проехал в такси

— плати восемь фунтов. Возмутительно!

Он еще раз оглядел обстановку и, кажется, остался доволен.

— Не знаете ли вы, часом, сколько племянник платит за такую квартиру?

— Что-то около двухсот долларов в месяц.

— Что? Сорок фунтов в месяц?

Я сообразил, что, если сейчас не придумать какое-нибудь правдоподобное объяснение, наша затея полетит к черту. Догадаться, о чем думает старик, не трудно. Он все пытался увязать эту роскошь со своими привычными представлениями о том, что такое Бикки. А их поди увяжи: миляга Бикки, притом что он был малый хоть куда и не имел себе равных по части изображения бультерьеров и кошек, все же оставался одним из самых выдающихся оболтусов среди той половины рода человеческого, которая носит кальсоны.

— Вы себе представить не можете, — начал я, — какие чудеса Нью-Йорк творит с людьми. Попадешь сюда — и откуда только сметка берется. Взрослеешь на глазах. Воздух здесь, что ли, такой. Вы, наверно, помните Бикки каким-то шалопаем, но теперь это совсем другой человек. Чертовски серьезный, предприимчивый. В деловых кругах говорят, что ему палец в рот не клади.

— Уму непостижимо! Скажите, мистер Вустер, а чем он, собственно, занимается?

— Так, ничего особенного. Тем же, что и Рокфеллеры всякие. — Я шмыгнул к двери. — Прошу прощения, но я вынужден вас оставить. У меня там кое с кем встреча.

Когда я выходил из лифта, в дом влетел Бикки.

— Здорово, Берти. Я его проворонил. Ну что, приехал?

— Сидит наверху, пьет чай.

— И как ему все это?

— Так и ахнул.

— Ура! Побегу к нему. До скорого, старина.

— Счастливо, приятель.

Бикки расцвел, повеселел и поскакал к дядюшке, а я отправился в клуб и, расположившись у окна, стал глазеть на снующие туда-сюда автомобили.

Поздно вечером я вернулся домой переодеться к ужину.

— Куда это все подевались, Дживс? — спросил я, заметив, что во всей квартире никто не цокает копытцами. — Пошли погулять?

— Его светлость пожелал осмотреть достопримечательности города, сэр. Мистер Биккерстет отправился с ним в качестве сопровождающего.

Насколько я могу судить, их экскурсия имеет целью посещение Могилы Гранта.

— Мистер Биккерстет небось козой скачет от радости?

— Как, сэр?

— Я говорю, мистер Биккерстет, наверно, рад до чертиков, что все сошло так гладко?

— Не совсем, сэр.

— Чем он теперь-то недоволен?

— К сожалению, план, который я предложил мистеру Биккерстету и вам, сэр, оказался не вполне безупречным.

— Но герцог же поверил, что дела у мистера Биккерстета идут лучше некуда?

— Совершенно верно, сэр. Вследствие чего он принял решение лишить мистера Биккерстета ежемесячной финансовой помощи на том основании, что тот уже встал на ноги и больше в денежном вспомоществовании не нуждается.

— Вот те на! Это катастрофа, Дживс!

— Да, сэр, досадное происшествие.

— Вот не думал, что дело так повернется.

— Должен признаться, сэр, что я и сам не предвидел подобного обстоятельства.

— То-то он, наверно, с ума сходит, бедолага.

— Да, сэр, мистер Биккерстет несколько обес-

куражен.

У меня сердце сжалось.

— Надо что-то предпринять, Дживс.

— Да, сэр.

— Вам ничего такого в голову не приходит?

— В настоящий момент нет, сэр.

— Ни за что не поверю, что все так безнадежно.

— Любимой сентенцией одного из моих бывших хозяев — нынешнего лорда Бриджуотера, как я вам, кажется, уже докладывал, — было: «Безвыходных положений не бывает». Мы, без сомнения, изыщем средство помочь мистеру Биккерстету в его затруднении, сэр.

— Вы уж постарайтесь, Дживс.

— Приложу все силы, сэр.

Я прошел к себе и начал одеваться к ужину. На душе у меня кошки скребли. Можете представить, в каких я был растрепанных чувствах, если чуть не надел к смокингу белый галстук. И в ресторан-то я отправился не потому, что проголодался, а чтобы скоротать время. Ох и стыдно же мне было ковыряться в меню, зная, что бедняга Бикки скоро будет пробавляться бесплатным супом для безработных.

Когда я вернулся домой, старый Чизик уже

отправился на боковую, а Бикки, нахохлившись, сидел в кресле и горевал вовсю. Изо рта свисала сигарета, глаза почти остекленели.

— Не убивайся ты так, старина, — сказал я.

Бикки схватил стакан и залпом его опрокинул, совсем упустив из виду, что в стакане ничего нет.

— Пропал я, Берти, — выговорил он и повторил номер со стаканом.

Но, видно, легче ему от этого не стало.

— Эх, Берти, случилось бы это неделей позже! В субботу я должен был получить перевод за этот месяц. Получил бы и открыл дело: в журналах все пишут, есть верный способ заработать уйму денег. Накопить несколько долларов и устроить куриную ферму. Разводить кур — чем плохо? — От этой мысли он было оживился, но тут же сник. — Э, что толку? Все равно денег нет.

— Ну-ну, старина. Тебе стоит только заикнуться.

— Огромное тебе спасибо, Берти, но я тебя грабить не стану.

Вот так всегда. Те, кому ты готов помочь деньгами, не берут, а те, кому бы ты и гроша не дал, норовят чуть ли не сесть тебе на голову и обчистить карманы. А так как деньги у меня не

переводились, то людишки этой второй категории ко мне так и липли. Сколько раз в Лондоне, пробегая по Пиккадилли, я слышал за спиной возбужденный отрывистый лай жаждущего перехватить в долг и чувствовал на затылке его горячее дыхание. Всю жизнь я осыпал щедротами прощелыг, которых на дух не переносил. И вот теперь, когда из меня так и сыпятся дублоны и песо и мне не терпится ими поделиться, бедняга Бикки, у которого в карманах ветер гуляет, отказывается наотрез.

— Тогда остается последняя надежда.

— Какая?

— Дживс.

— Что прикажете, сэр?

Я обернулся. Предупредительный Дживс уже был тут как тут. Откуда только у него эта удивительная способность вырастать как из-под земли? Бывает, сидишь себе в старом кресле, задумаешься, а стоит поднять глаза — он уже перед тобой. Бедняга Бикки струхнул не на шутку. Он взвился с кресла, как вспугнутый фазан. Я-то к Дживсу уже привык, но в прежнее время и я чуть не откусывал себе язык от неожиданности, когда он вот так ко мне подкрадывался.

— Вы меня звали, сэр?

— Ах, вы уже тут, Дживс.

— Разумеется, сэр.

— Что-нибудь придумали, Дживс?

— Придумал, сэр. После нашего последнего разговора я, как мне представляется, нашел способ, который поможет нам выйти из положения. Я бы не хотел показаться дерзким, сэр, но, по-моему, мы недоучли, что источником дохода может послужить его светлость.

Бикки хохотнул таким смешком, который иногда называют «глухим»: этакое язвительное гортанное угуканье, как будто кто-то полощет горло.

— Я вовсе не имел в виду, сэр, что нам удастся убедить его светлость предоставить искомую сумму, — объяснил Дживс. — Я лишь позволил себе взглянуть на его светлость как на собственность, которая в настоящее время лежит, если можно так выразиться, мертвым грузом и все же вполне может быть употреблена с пользой.

Бикки посмотрел на меня с недоумением. Признаться, я и сам мало что понял.

— Нельзя ли пояснее, Дживс?

— Мой план, сэр, сводится к следующему. Его светлость — личность в некотором роде выдающаяся. Жители же этой страны, как вам, сэр,

без сомнения, известно, имеют исключительную страсть обмениваться рукопожатиями с выдающимися личностями. Мне подумалось, что в числе ваших знакомых или знакомых мистера Биккерстета наверняка найдутся люди, которые с охотой заплатят небольшую сумму — скажем, два-три доллара — за право быть представленными его светлости, что даст им возможность пожать ему руку.

Бикки не очень-то поверил.

— По-вашему, есть на свете такие олухи, которые даже раскошелятся, лишь бы поручкаться с моим дядюшкой?

— Моя тетя, сэр, заплатила пять шиллингов молодому человеку, который однажды в воскресенье привел к ней в гости живого киноактера. Это очень подняло ее престиж в глазах соседей.

Бикки начал колебаться.

— Ну если вы думаете, что дело выгорит…

— Я в этом совершенно убежден, сэр.

— А ты, Берти?

— Я — за, старина. Обеими руками за. Очень стоящая затея.

— Благодарю вас, сэр. Других распоряжений не будет? Спокойной ночи, сэр.

И Дживс выплыл из комнаты, а мы с Бикки

принялись обсуждать детали.

Пока мы не начали операцию по превращению старого Чизика в доходное предприятие, я и не представлял, до чего же туго приходится биржевым воротилам, покуда покупатели не раскачаются. Сегодня, встречая в репортажах с биржи обычную фразу «Торги открылись в спокойной обстановке», я сочувствую биржевикам от всей души. Как я их понимаю! Наши торги тоже открывались в спокойной обстановке. Если бы вы только знали, как трудно было подогреть интерес покупателей к нашему старикану! К концу недели у нас в списке значился только один человек — хозяин магазина деликатесов из того квартала, где жил Бикки. Да и от него проку было мало, потому что он вздумал расплатиться не живыми деньгами, а ломтиками ветчины. Потом проблеснула надежда: брат ростовщика, у которого занимал Бикки, пообещал выложить за знакомство с Чизиком десять долларов наличными. Однако сделка не состоялась: этот фрукт оказался анархистом и, вместо того чтобы жать старикану руку, собирался дать ему пинка. Ну и намучился я, уламывая Бикки отказаться от этого предложения, — а то он уже было нацелился сгрести монету и в дальнейшее не вмешиваться.

По-моему, он посчитал брата ростовщика человеком высокой доблести, благодетелем рода человеческого.

Так бы мы, наверно, и махнули рукой на эту затею, если бы не Дживс. Что ни говори, а Дживс в своем роде единственный и неповторимый. Я такого ума и находчивости ни в ком не встречал. Как-то утром он проскользнул ко мне в комнату с чашкой доброго старого чаю и намекнул, что у него есть новость.

— Сэр, вы позволите вернуться к вопросу о его светлости?

— С этим кончено. Мы решили свернуть дело.

— Как, сэр?

— Все равно ничего не получится. Мы так никого и не уговорили.

— Мне представляется, сэр, что эту сторону дела я могу взять на себя.

— Вам что, удалось кого-то раздобыть?

— Да, сэр. Восемьдесят семь джентльменов из Птицбурга.

Я подскочил на кровати, расплескивая чай.

— Из Птицбурга?

— Птицбург, штат Миссури, сэр.

— Где вы их откопали?

— Вчера, сэр, поскольку вы предупредили,

что уходите из дома на весь вечер, я позволил себе посетить театральное представление и в антракте разговорился с джентльменом, занимавшим соседнее кресло. Мое внимание, сэр, привлекло несколько аляповатое украшение в его бутоньерке — крупный синий значок с надписью «Птицбург себя покажет!», выведенной большими красными буквами. Не самое удачное дополнение к вечернему костюму джентльмена. К своему удивлению, я заметил в зрительном зале немало лиц с подобными же украшениями. Я осмелился полюбопытствовать, что они означают, и получил ответ, что эти джентльмены, числом восемьдесят семь человек, прибыли из небольшого городка в штате Миссури, именуемого Птицбургом. Их поездка, насколько я понял, имеет целью исключительно увеселительное времяпрепровождение и светское общение. Мой собеседник весьма пространно описал развлечения, которые намечены на время их пребывания в этом городе. В числе прочего он с изрядным удовольствием и гордостью упомянул то обстоятельство, что столь многочисленная депутация была представлена одному знаменитому боксеру и удостоилась его рукопожатия. Это навело меня на мысль сделать им предложение касательно

его светлости. Одним словом, я договорился, что завтра вечером, если вы дадите на то свое согласие, вся депутация явится к его светлости на аудиенцию.

— Целых восемьдесят семь человек! Однако! Сколько же они платят с носа?

— Мне пришлось согласиться на оптовую скидку, сэр. По окончательным условиям договора, выручка составит сто пятьдесят долларов за всю партию.

Я задумался.

— Деньги вперед?

— Нет, сэр. Я пытался добиться, чтобы деньги были выплачены заранее, но безуспешно.

— Ладно, получим деньги — я накину из своих, и будет пятьсот. Бикки не догадается. Как по-вашему, Дживс, мистер Биккерстет ничего не заподозрит, если я увеличу выручку до пятисот долларов?

— Не думаю, сэр. Мистер Биккерстет славный джентльмен, однако не слишком сообразителен.

— Ну вот и отлично. Слетайте-ка после завтрака в банк и снимите немного с моего счета.

— Слушаю, сэр.

— А знаете, Дживс, вы просто чудо.

— Благодарю вас, сэр.

— Правда-правда.

— Очень хорошо, сэр.

В то же утро я отвел Бикки в сторонку и рассказал ему о случившемся. Он чуть не зарыдал от счастья, на заплетающихся ногах пошел в гостиную и прицепился к старому Чизику, который с мрачной решимостью во взоре читал страничку юмора в утренней газете.

— Дядя, у вас есть какие-нибудь планы на завтрашний вечер? Я тут, понимаете, пригласил приятелей, хочу вас познакомить.

Старик вскинул на него глаза и задумался.

— А журналистов среди них не будет?

— Журналистов? Ни боже мой! Но почему вы спрашиваете?

— Терпеть не могу, когда меня осаждают журналисты. Когда наш пароход заходил в порт, на меня напали какие-то прилипчивые молодые люди, которым непременно хотелось выведать, что я думаю об Америке. Больше я этих приставаний не потерплю.

— Что вы, дядя, можете не беспокоиться. Завтра вы ни одного газетчика не увидите.

— В таком случае я буду только рад знакомству с твоими друзьями.

— И руку им подадите и все такое?

— Ну разумеется, я буду держаться так, как того требуют установленные правила цивилизованного общения.

Бикки рассыпался в благодарностях, и мы с ним отправились завтракать в клуб, где он завел шарманку про кур, инкубаторы и тому подобную дребедень.

* * *

Взвесив все «за» и «против», мы решили напускать птицбургцев на старикана отрядами по десять человек. Дживс привел к нам своего театрального знакомого, и мы обговорили все детали. Знакомый оказался очень приличным малым, только он все старался подмять разговор под себя и увести его в сторону нового водопровода, который недавно проложили в его родном городе. Мы условились, что, поскольку выдержать больше часа такой аудиенции нам вряд ли по силам, каждая шайка визитеров получит возможность провести в обществе герцога лишь семь минут. Дживс с секундомером в руках будет производить хронометраж и по истечении положенного времени заглядывать в гостиную и многозначительно кашлять. В заключение мы, что называется, засвидетельствовали друг другу

свое глубочайшее почтение, и гость из Птицбурга откланялся, на прощание от всей души пригласив нас заехать как-нибудь к ним в город и полюбоваться новым водопроводом. Мы поблагодарили за приглашение.

На другой день нахлынула депутация. В первой смене оказался уже знакомый нам малый, а с ним еще девять, похожие на него как две капли воды. Держались они чертовски бойко и деловито, как будто чуть не с детства корпели в конторах, тянулись в струнку перед начальством и все такое прочее. Они по очереди подходили к старикану и с нескрываемым удовольствием жали ему руку — только один из них при этом, как видно, думал о чем-то невеселом. Вслед за тем они становились в сторонку и развязывали языки.

— Что бы вы хотели передать жителям Птицбурга? — спросил наш приятель.

Старик захлопал глазами:

— Но я сроду не бывал в Птицбурге.

Гость поморщился.

— Обязательно приезжайте, — сказал он. — Город растет как на дрожжах. Птицбург себя покажет!

— Птицбург себя покажет! — молитвенно возгласили остальные.

И вдруг задумчивый гость — плотный, упитанный малый с волевым подбородком и холодными глазами — наконец подал голос:

— Послушайте-ка.

Все собрание посмотрело на него.

— Надо бы для порядка… — начал он. — Нет, я не к тому, что кто-то там жульничает; но чтобы все было по форме, пусть-ка этот джентльмен официально, при свидетелях подтвердит, что он в самом деле герцог.

— Как прикажете вас понимать, сэр? — побагровел старикан.

— Да вы не обижайтесь, сделка есть сделка. Я ничего такого сказать не хочу, мне только одно непонятно. Вон тот джентльмен говорит, что его фамилия Биккерстет, так? Но раз вы герцог Чизикский, почему он тогда не лорд Перси Этакий или Разэтакий? Я в этих тонкостях разбираюсь: читал английские романы.

— Это что-то неслыханное!

— Чего вы кипятитесь? Уж и спросить нельзя. Имею право. Должны мы знать, за что деньги платим.

Тут в разговор влез любитель водопроводов:

— Верно, Симмз. И как это я забыл про этот пункт при переговорах? Поймите, джентльмены,

мы деловые люди. Мы вправе убедиться, что нас не надувают. И уж если мы платим мистеру Биккерстету полторы сотни долларов за этот прием, то мы, понятное дело, хотим знать…

Старый Чизик и бровью не повел. Он только испытующе посмотрел на Бикки и повернулся к поклоннику водопроводов.

— Честное слово, я об этом первый раз слышу, — светским тоном произнес он. — Будьте любезны, объясните.

— Мы с мистером Биккерстетом заключили сделку: восемьдесят семь граждан города Птицбурга за установленное по взаимной договоренности денежное вознаграждение получают право познакомиться с вами и поздороваться за руку. И теперь вот мой приятель Симмз — и я тоже — хотим удостовериться, что вы настоящий герцог. А то ведь за это ручался только мистер Биккерстет, а мы его толком и не знаем.

Старый Чизик поперхнулся.

— Позвольте заверить вас, сэр, — произнес он не своим голосом, — что я действительно герцог Чизикский.

— Ну вот и порядок, — обрадовался гость. — Это мы и хотели услышать. Значит, можно продолжать.

— Прошу прощения, — возразил старый Чизик, — но дальше это продолжаться не может. Я несколько утомился. Увы, но я вынужден вас покинуть.

— Как же так! Там еще семьдесят семь парней дожидаются.

— К сожалению, я должен их разочаровать.

— Раз так, придется расторгнуть сделку.

— Насчет этого разбирайтесь с моим племянником.

Гость встревожился:

— Так вы что, с остальными знакомиться не будете?

— Не буду!

— Тогда мы пошли.

Посетители убрались. Повисло глухое молчание. Потом старый Чизик повернулся к Бикки:

— Ну-с?

Бикки не нашелся, что ответить.

— Это правда?

— Да, дядя.

— Что это еще за фокусы?

Бикки стоял ни жив ни мертв.

— Расскажи-ка ты, старина, все как было, — посоветовал я.

У Бикки запрыгал кадык. Наконец он выго-

ворил:

— Понимаете, дядя, вы сказали, что не будете больше посылать переводы, а мне как раз нужны деньги на куриную ферму. Верное дело, ей-богу. Был бы только начальный капитал. Покупаешь курицу, и она тебе каждый день несет по яйцу. За неделю — семь яиц. Семь яиц можно продать, ну, так, за семьдесят пять центов. Расходов на содержание почти что никаких, зато доходы…

— Что ты плетешь, какие еще куры? Ты же уверял меня, что ты состоятельный предприниматель.

— Старина Бикки немного преувеличивал, — пришел я на помощь приятелю. — На самом деле все его доходы — это ваше пособие, и без него бедный малый неминуемо должен был вылететь в трубу. Пришлось придумывать, как бы побыстрее раздобыть деньжат. Мы и решили заработать на торговле рукопожатиями.

— Стало быть, ты мне лгал? — взревел старый Чизик с пеной у рта. — Намеренно обманывал меня относительно твоего материального положения?

— Просто ему, бедняге, не хотелось на ранчо, — объяснил я. — Не лежит у него душа к лошадям и коровам. А вот по куриной линии, как ему ка-

жется, он далеко пойдет. Только начать не на что. Так, может, вы ему…

— После всего случившегося? После такого… такого обмана, такой каверзы? Ни гроша!

— Но…

— Ни гро-ша!

И тут на заднем плане раздалось деликатное покашливание.

— С вашего позволения, сэр, я имею кое-что предложить.

Из глубины сцены выступил Дживс, и вид у него был умный-преумный.

— Мы вас слушаем, Дживс.

— Я лишь хотел заметить, сэр, что если мистеру Биккерстету в самом деле не хватает наличных денег и он не видит возможности их изыскать, то в целях получения требуемой суммы ему достаточно описать нынешнее происшествие для воскресного выпуска какой-нибудь особенно смелой и предприимчивой газеты.

— Ого! — воскликнул я.

— Ого-го! — воскликнул Бикки.

— Боже правый! — воскликнул старый Чизик.

— Понимаю, сэр, — кивнул Дживс.

Бикки бросил на дядю сияющий взгляд.

— Дживс говорит дело! Вот возьму и напишу.

«Кроникл» с руками оторвет: там обожают такие скандальчики.

Старый Чизик жалобно застонал:

— Не смей, Фрэнсис! Я тебе категорически запрещаю!

— Да, «запрещаю», — расхрабрился Бикки. — А если мне больше неоткуда взять денег…

— Постой! Постой… голубчик. Экий ты горячий. Можно все уладить.

— Да не поеду я на ваше дурацкое ранчо!

— Что ты, что ты, голубчик. Разве я предлагаю? У меня и в мыслях не было. Я… я думаю… — Старикан помялся и через силу выдавил: — Я думаю, будет лучше, если ты вернешься со мной в Англию. По-моему… да-да, кажется, это можно устроить… по-моему, я могу найти полезное применение твоим способностям, если определю тебя на место секретаря.

— Что же, работа по мне.

— Правда, жалованья я тебе положить не могу, но ты же знаешь, что в политических кругах Англии секретарь и без жалованья получает такой вес, что…

— Пятьсот фунтов — вот какой вес меня устроит, — отрезал Бикки. — В смысле, фунтов стерлингов. Пятьсот фунтов в год. И чтобы выплата

каждые три месяца.

— Друг мой!

— Ни пенса не уступлю.

— Но зато, голубчик, должность моего секретаря даст тебе неоценимую возможность набраться опыта, вникнуть во все тонкости политической жизни и… Словом, у тебя будет в высшей степени выгодная должность.

— Пятьсот фунтов в год, — повторил Бикки, вкусно выговаривая каждое слово. — На курах я бы зарабатывал в сто раз больше — по моим расчетам. Положим, завел бы я дюжину кур. Каждая выведет дюжину цыплят. А те, как подрастут, тоже выведут по дюжине. И как пойдут они все нести яйца! Золотое дно. В Америке яйца — первый товар. Их кладут на лед и хранят годами, пока цены не станут по доллару за штуку. И чтобы я променял такое будущее на должность, где я и пяти сотен в год не заработаю? Ха!

Старый Чизик страдальчески скривился, но, видимо, решил сдаться.

— Хорошо, дружок, — сказал он.

— То-то, — обрадовался Бикки. — Значит, по рукам.

— Дживс, — сказал я, когда Бикки утащил дядюшку вспрыснуть сделку за ужином. — Дживс,

это одна из ваших лучших побед.

— Благодарю вас, сэр.

— Я прямо диву даюсь, как это у вас все ловко выходит.

— Что вы, сэр.

— Жаль только, вам самому ничего не перепало.

— Если я не ошибаюсь, сэр, мистер Биккерстет, как можно заключить из его слов, намеревается отблагодарить меня за помощь, которую я имел счастье ему оказать, несколько позже, когда он будет располагать соответствующими возможностями.

— Этого мало, Дживс.

— Что еще, сэр?

Я уже принял решение. Оно далось мне нелегко, но ничего лучше я придумать не мог.

— Принесите-ка мой бритвенный прибор.

Во взгляде камердинера сомнение боролось с надеждой.

— Вы не шутите, сэр?

— И сбрейте мне усы.

Последовала короткая пауза. Я почувствовал, что Дживс тронут до глубины души.

— Я вам очень, очень признателен, сэр, — тихо сказал он.

Лодырь Рокки и его тетушка[12]

Теперь уже дело прошлое, и можно честно признаться: был момент в этой истории с Рок-метеллером Тоддом, когда я подумал, что Дживс даст маху. Глупо, конечно, с моей стороны, ведь я его знаю как облупленного, и все же такая мыслишка закралась. Мне показалось, что у него был довольно-таки обескураженный вид.

Рокки Тодд свалился мне на голову весенним утром ни свет ни заря. Я спал как убитый, восстанавливая силы посредством всегдашнего девятичасового сна, как вдруг дверь распахнулась, и какой-то нахал двинул мне под ребра, а потом принялся стаскивать с меня одеяло. Я поморгал, протер глаза, собрался с духом и узрел перед собой Рокки. В первый миг я подумал, что он мне просто снится.

Дело в том, что Рокки живет где-то на Лонг-Айленде, у черта на куличках. К тому же он не раз мне сам говорил, что спит до полудня и обычно встает не раньше часа. Отъявленный лодырь, второго такого не сыщешь во всей Америке. Рок-

---

[12] Примечания: 12

© Перевод. И. Шевченко.

ки и занятие в жизни нашел подходящее, оно позволяло ему свободно предаваться главной своей склонности. Он был поэтом. То есть если что и делал, так это писал стихи. Однако большую часть времени, насколько мне известно, Рокки проводил вроде как в трансе. Он признавался, что может часами созерцать червяка, размышляя на тему о том, для чего эта божья тварь предназначена.

Образ жизни у него был продуманный и хорошо рассчитанный. Примерно раз в месяц он садился и дня три кропал стихи. Остальные триста двадцать девять дней в году отдыхал. Я и не знал, что сочинительство стихов может доставить средства к существованию, пусть даже такому, какое ведет Рокки. Но оказывается, что если, например, настрочить что-нибудь эдакое, не скованное рифмой, и призвать юношество жить на всю катушку, то американские издатели с руками оторвут такие вирши. Рокки как-то показывал мне свое сочинение. Начинается так:

Жить!
Жить!
Прошлое умерло.
Будущее не родилось.

Жить сегодняшним днем!
Жить каждым нервом,
Каждой клеточкой тела,
Каждой каплей алой крови твоей!
Жить!
Жить!

И дальше там было еще три строфы, все вместе напечатано в журнале на развороте титульного листа; вокруг рамочка с завитушками, а посередине здоровенный малый с бугристыми мускулами и чуть ли не нагишом радостно таращится на восходящее солнце. Рокки сказал, что за эти стишки ему отвалили сотню долларов, и он потом целый месяц полеживал себе в постели до четырех часов дня.

О будущем Рокки ничуть не тревожился: дело в том, что где-то в глуши, в Иллинойсе, у него была богатая тетка. Удивительное дело, чуть ли не у всех моих приятелей существует подобный источник благосостояния — у кого тетушка, у кого дядюшка. Вот у Бикки, например, дядя — герцог Чизикский. Корки тоже всегда прибегал к помощи своего дяди, любителя-орнитолога Александра Уорпла; потом они, правда, поссорились. При случае расскажу, что приключилось с моим

старинным приятелем Оливером Сипперли; у него тоже есть тетка, она живет в Йоркшире… Нет, таких совпадений не бывает. Тут скрыт глубокий смысл. Я к чему клоню: по-моему, само Провидение печется об этих олухах царя небесного, и лично я — за, обеими руками. Дело в том, что меня с детства мордовали мои тетки, и потому я радуюсь любому проявлению снисходительности и сердечной доброты со стороны родственников.

Однако я несколько отвлекся. Вернемся к Рокки. У него, как я уже сказал, есть тетка, и живет она в Иллинойсе. Согласитесь, если вас в честь тети нарекли Рокметеллером — что само по себе уже, по-моему, требует денежной компенсации — и вы у нее единственный племянник, можно уже ни о чем не беспокоиться. Рокки говорил мне, что когда получит наследство, то вовсе покончит с сочинительством, разве что черкнет иной раз пару-тройку строф, обращенных, скажем, к юноше, перед которым открыт весь мир, и содержащих какой-нибудь весьма ценный совет, как то: неплохо, мол, раскурить трубку и сидеть попыхивать, задрав ноги на каминную решетку.

Вот этот самый Рокки ворвался ко мне на рассвете и ткнул меня под дых.

— Берти, ты только прочти! — бормочет, а у

самого губы трясутся.

И размахивает чем-то у меня под носом, то ли письмом, то ли еще какой-то дрянью.

— Проснись и прочти!

А я не могу читать, пока не выпью чаю и не выкурю сигарету. Я протянул руку и позвонил.

Вошел Дживс, свеженький, как майское утро. Ума не приложу, как это ему удается.

— Чаю, Дживс!

— Слушаю, сэр.

А Рокки опять суется ко мне со своим дурацким письмом.

— Что это? — спрашиваю его. — В чем дело, черт побери?

— Читай!

— Не могу. Еще чаю не пил.

— Ладно, тогда слушай.

— От кого письмо?

— От тети.

В эту минуту я снова задремал. Просыпаюсь, а Рокки как раз спрашивает:

— Что же мне теперь делать?

Тут подобно потоку, тихо струящемуся по мшистому руслу, в комнату вплыл Дживс с подносом в руках, и я сообразил, как мне выкрутиться.

— Рокки, старина, — говорю я, — прочти, пожа-

луйста, еще раз. Пусть Дживс тоже послушает. Тетушка мистера Тодда прислала ему весьма странное письмо, Дживс, и мы хотим с вами посоветоваться.

— Слушаю, сэр.

Дживс, весь олицетворенная преданность, замер посреди комнаты. Рокки начал читать:

> «Дорогой Рокметеллер, я долго все обдумывала и пришла к заключению, что очень безрассудно с моей стороны так долго откладывать то, на что я уже решилась».

— Что скажете, Дживс?

— Мне кажется, пока немного туманно, сэр, но, безусловно, многое прояснится, если мы продолжим чтение документа.

— Читай дальше, дружище, — говорю я Рокки, дожевывая бутерброд.

> «Ты знаешь, как я всегда страстно мечтала о том, чтобы поехать в Нью-Йорк и своими глазами увидеть восхитительную жизнь, полную радости и наслаждений, о которой так много читала. Боюсь, теперь уже невозможно осуществить эту мечту.

Я слишком стара и слишком слаба. У меня уже нет сил».

— Грустно, Дживс, а?

— В высшей степени, сэр.

— Грустно! Как бы не так! — вставил Рокки. — Да ей просто лень. Я к ней ездил на Рождество, она здорова как лошадь. Ее доктор говорит, на ней можно воду возить. Но сама она талдычит, что безнадежно больна. Ну и, понятное дело, он вынужден ей поддакивать. Внушила себе, что поездка в Нью-Йорк ее убьет, поэтому она с места не двинется, хотя приехать сюда — ее заветная мечта.

— Как тот малый, у которого сердце где-то там в горах ищет олений след, а сам он внизу, верно, Дживс?

— В некотором отношении случаи весьма сходные, сэр.

— Валяй дальше, старина.

«Вот поэтому я решила, что если сама не могу вкусить удовольствий, которыми изобилует Нью-Йорк, то хотя бы порадуюсь им с твоей помощью. Эта мысль осенила меня вчера, после того как я прочла в воскресной газете прелестные стихи об

одном юноше, который всю жизнь чего-то там страстно желал. Потом он этого добился, но был уже слишком стар и не испытал никакой радости. Такие печальные стихи, они меня растрогали до слез».

— Как же, растрогали! — ехидно ввернул Рокки. — Я вот десять лет стараюсь ее разжалобить, и все тщетно.

«Тебе ведь известно, что, когда меня не станет, все мои деньги унаследуешь ты. До сих пор я все никак не могла назначить тебе содержание. Теперь я решилась, но при одном условии. Я написала в Нью-Йорк своим поверенным и распорядилась ежемесячно выдавать тебе весьма значительную сумму. А мое единственное условие состоит в том, чтобы ты поселился в Нью-Йорке и наслаждался жизнью, чего я всегда желала для себя. Хочу, чтобы ты был как бы моим представителем и тратил эти деньги так, будто я сама их трачу. Хочу, чтобы ты окунулся в шумную, веселую жизнь. Хочу, чтобы ты стал душой общества, блистал на званых вечерах.

А больше всего я хочу – даже настаиваю на этом, – чтобы ты писал мне по меньшей мере раз в неделю и давал подробный отчет обо всем, что ты делаешь и что происходит в Нью-Йорке. Таким образом и я тоже смогу получить удовольствие – пусть из вторых рук – и порадоваться, раз уж расстроенное здоровье не позволяет мне самой осуществить давнишнюю мечту. Не забудь, что я жду от тебя отчета во всех подробностях; не упускай никакой мелочи, даже такой, которая, на твой взгляд, не представляет интереса.

Твоя любящая тетя Изабель Рокмеллер».

— Что делать? — спрашивает Рокки.

— А что? — говорю я.

— Как — что? Что мне теперь делать?

Тут только до меня дошло, как странно Рокки себя ведет — ему, можно сказать, прямо с неба вдруг, нежданно-негаданно свалилась куча денег. Ему бы, кажется, сиять и прыгать от восторга. А этот фрукт, посмотрите на него, вид такой, будто судьба-злодейка нанесла ему удар прямо в солнечное сплетение. Просто поразительно.

— Ты что, не рад? — говорю ему.

— Рад?

— Я бы на твоем месте двумя руками ухватился за такую возможность. По-моему, тебе здорово повезло.

В ответ Рокки что-то пискнул, вытаращился на меня и принялся поносить Нью-Йорк почище Джимми Манди, того самого парня, который ратует за реформы в обществе. Недавно он прибыл в Нью-Йорк, предвыборное турне у него, ну и я пару дней назад прошвырнулся на Мэдисон-сквер-гарден, послушал его с полчасика. Ох и досталось от него Нью-Йорку, уж он в выражениях не стеснялся, видно, город ему здорово не понравился. Но, ей-богу, старина Рокки его переплюнул. Джимми по сравнению с ним, можно сказать, просто дифирамбы Нью-Йорку пел.

— Ничего себе повезло! — вопит Рокки. — Переехать в Нью-Йорк! Покинуть загородный дом, променять его на душную, зловонную, раскаленную дыру, именуемую квартирой, жить в этом богом проклятом городе, в этом гнойнике, в геенне огненной! Смешаться со всей этой публикой, для которой жизнь — это нечто вроде Виттовой пляски. Из вечера в вечер якшаться с теми, для кого самое большое удовольствие

— драть глотку и пить за семерых. Нет, Берти, я Нью-Йорк терпеть не могу. Я бы сюда ни ногой, да вот с издателями приходится встречаться. На этом городе порча, у него белая горячка. Нет, это невозможно! Находиться здесь больше чем один день?! Да я при одной мысли об этом просто заболеваю. А ты говоришь, повезло!

Наверное, я испытывал то же, что приятели старикана Лота, которые зашли к нему потрепаться, а радушный хозяин вдруг пустился обличать пороки Содома и Гоморры. Я и не подозревал в Рокки такого красноречия.

— Жизнь в Нью-Йорке меня убьет, — говорит он. — Дышать одним воздухом с шестью миллионами двуногих! Ходить весь день в пиджаке и твердых воротничках! Все время… — Он запнулся и выпучил глаза. — Боже правый! Ведь каждый вечер придется переодеваться к обеду. Какой ужас!

Я был шокирован.

— Ну знаешь, мой милый! — произнес я с укоризной.

— Берти, неужели ты каждый вечер переодеваешься к обеду?

— Дживс, — тон у меня был ледяной, — сколько у нас вечерних костюмов?

— У нас три фрака, сэр, два смокинга.

— Три.

— На самом деле только два, сэр. Третий, если вы помните, мы больше не носим. А также семь белых жилетов.

— А рубашек?

— Четыре дюжины, сэр.

— А белых галстуков?

— Два верхних мелких ящика в комоде заняты белыми галстуками, сэр.

— Вот видишь! — говорю я Рокки.

— А я не буду! Ни за что и никогда! — Рокки затрясся, как электрический вентилятор. — Не буду! Лучше сразу повеситься! Не могу я так одеваться. Неужели тебе не понятно? Да я весь день до пяти из пижамы не вылезаю, а потом просто напяливаю старый свитер.

Дживса при этих словах всего передернуло, беднягу. Подобные откровения оскорбляют его в лучших чувствах.

— Ну и что ты намерен делать? — сказал я.

— Что делать? В том-то и штука — не знаю.

— Можно написать тете и все ей объяснить.

— Можно-то можно… Только она в два счета помчится к своему поверенному и лишит меня наследства.

Да, пожалуй, он прав.

— Что вы посоветуете, Дживс? — спросил я.

Дживс почтительно кашлянул.

— По-видимому, суть дела состоит в следующем: мистеру Тодду в качестве необходимого условия для получения им денег вменяется в обязанность писать мисс Рокметеллер длинные и подробные письма и сообщать обо всех своих действиях, причем если мистер Тодд решительно отказывается, как он уже упомянул, покидать Лонг-Айленд, то единственный способ выполнить требования мисс Рокметеллер заключается в том, чтобы мистер Тодд привлек некое вспомогательное лицо, дабы с его помощью получать в форме обстоятельных отчетов подлинные впечатления, описание которых желает иметь мисс Рокметеллер, а затем на основании упомянутых отчетов сочинять соответствующие письма, оживляя их игрой воображения.

Произнеся все это, Дживс перевел дух и умолк. Рокки беспомощно посмотрел на меня. Конечно, с непривычки трудно угнаться за мыслью Дживса, я-то с ним пуд соли съел.

— Берти, дружище, он может говорить понятнее? — взмолился Рокки. — Сначала я что-то улавливал, но потом потерял нить. В чем тут

смысл?

— Рокки, старина, все очень просто. Я знал, что на Дживса можно положиться. Тебе надо только найти кого-то, кто бы слонялся по городу вместо тебя и все записывал, а ты потом переработаешь эти заметки в письма. Дживс, я правильно излагаю?

— В высшей степени, сэр.

Глаза Рокки засветились надеждой. Он с изумлением посмотрел на Дживса, видимо, сраженный его необыкновенным умом.

— Да, но кто за это возьмется? — проговорил Рокки. — Тут нужен толковый малый, и к тому же наблюдательный.

— Дживс! — воскликнул я. — Пусть этим займется Дживс.

— А он согласится?

— Дживс, вы согласитесь?

Тут я впервые за все время нашего близкого знакомства заметил на лице Дживса выражение, которое с натяжкой можно было принять за улыбку. Уголки рта чуть-чуть оттянулись, в глазах промелькнул живой блеск. Обычно-то у него взгляд задумчивый, как у рыбы.

— Буду рад, сэр. На самом деле как-то в свободный вечер я уже посетил несколько любопытных

мест и с большим удовольствием ввел бы такое времяпрепровождение в обиход.

— Прелестно! Рокки, я точно знаю, о чем твоя тетя хочет услышать. О кабаре! Мели ей всякий вздор на эту тему, она и уши развесит. Поэтому в первую очередь, Дживс, ступайте к Рейгелхаймеру. Это на Сорок второй улице. Любой покажет.

Дживс покачал головой:

— Простите, сэр, но к Рейгелхаймеру никто уже не ходит. Теперь самое модное кабаре «Повеселимся на крыше».

— Видишь? — сказал я Рокки. — На Дживса можно положиться. Он знает все.

Нечасто случается, чтобы и ты сам, и те, кто тебя окружает, были довольны и счастливы, но наша маленькая компания являла собой наглядный пример такой идиллии. Мы не могли нарадоваться. С самого начала все у нас шло как по маслу.

Дживс смотрел именинником: ведь его хлебом не корми, только дай возможность пошевелить своими несравненными мозгами, кроме того, он прекрасно проводил время и развлекался напропалую. Однажды вечером я видел его в «Ночной пирушке». Он посиживал за столиком прямо у танцевальной площадки и с явным удовольствием дымил толстенной сигарой. Лицо

его выражало сдержанную благожелательность. Он что-то записывал в маленький блокнот. Что касается нас двоих, то мне было весьма приятно оказать услугу старине Рокки, которого я искренне любил. А Рокки ликовал потому, что мог сидеть себе в пижаме сколько влезет и созерцать червяков. Тетушка тоже была на седьмом небе. Насмотрелась наконец на свой вожделенный Бродвей, правда, чужими глазами, но это, кажется, ее вполне устраивало. Я читал одно из ее писем, адресованных Рокки. Оно было исполнено восторгов.

Но и Рокки, надо отдать ему должное, сочинял по Дживсовым шпаргалкам такие письма, что и мертвого поднимут. Читать их просто умора. Вот как я, например, — заметьте, я обожаю ту самую жизнь, которая нагоняет на Рокки смертную тоску, — пишу своему приятелю в Лондон:

«Любезный Фредди, вот я и в Нью-Йорке. Недурственное местечко. Время провожу тоже недурственно. И вообще все вроде вполне недурственно. Кабаре тут весьма и весьма недурственные. Когда вернусь, не знаю. Как там все наши? Привет. Твой *Берти.*

P. S. Давно ли видел старину Теда?»

Честно говоря, Тед нужен мне, как щуке зонтик, просто надо же было хоть строчку черкнуть на второй странице. А вот как пишет старина Рокки:

«Дражайшая тетушка Изабель, не в силах выразить, как я Вам признателен за то, что Вы дали мне счастливую возможность пожить в этом изумительном городе. Каждый день я открываю в нем новое очарование.

Пятой авеню, конечно, нет равных, особенно в эту пору. Одеваются здесь превосходно».

Далее следует целый трактат о нарядах. Вот уж не думал, что Дживс такой знаток в этой об-

ласти.

«Как-то вечером прошвырнулись в «Ночную пирушку». Смотрели представление, потом поужинали в одном ресторане на Сорок третьей улице. Повеселились на славу. Среди ночи завалился Джордж Коуэн и отмочил анекдот об Уилли Коллире. Заглянул на минутку Фред Стоун, а Даг Фэрбенкс такие штуки выделывал, что мы просто со смеху умирали. Эд Винн тоже был, а Лоретта Тейлор заявилась с целой компанией. Представление в «Пирушке» дают классное. Прикладываю программку.

А вчера завалились в «Повеселимся на крыше»…»

* * *

Ну и так далее до бесконечности. Ничего удивительного, художественная натура и все такое. В смысле, тому, кто сочиняет стихи и прочий вздор, настрочить эдакое занимательное письмишко — пара пустяков, не то что мне. Как бы то ни было, сочинения Рокки, несомненно, разили не в бровь, а в глаз.

Я позвал Дживса и поздравил его:

— Дживс, вам нет равных!

— Благодарю вас, сэр.

— И как это вы все там подмечаете, я просто потрясен. А мне вот совсем нечего сказать. Ну был, ну повеселился, вот и все.

— Привычка, сэр.

— По-моему, письма мистера Тодда должны произвести на мисс Рокметеллер сильное впечатление. А?

— Вне всякого сомнения, сэр, — подтвердил Дживс.

И они, черт их подери, произвели впечатление. Да еще какое! Представляете, сижу я как-то дома после ленча — а прошло уже около месяца с тех пор, как Рокки заварил всю эту кашу, — курю сигарету, бью баклуши, вдруг дверь отворяется и как гром среди ясного неба раздается голос Дживса.

Не то чтобы он заорал, нет. У него вообще голос такой тихий, убаюкивающий, будто овца вдалеке блеет. Но когда я услышал, что он сказал, я подпрыгнул, точно пугливая газель.

— Мисс Рокметеллер!

И вот вваливается высокая, дородная особа женского пола. Я был сражен наповал. Не стану

этого отрицать. Вроде Гамлета, когда перед ним возник дух его отца. Я же твердо знал, что тетя моего друга Рокки сиднем сидит у себя дома, не может она оказаться здесь, в Нью-Йорке. Исключено!

Таращусь на нее, потом на Дживса. А он стоит себе, и вид у него эдакий величественно-отрешенный. Болван! Нет чтобы сплотить ряды и помочь молодому хозяину!

Тетя моего друга Рокки меньше всего походила на тяжелобольную, поспорить с ней в этом смысле могла бы, пожалуй, только моя тетя Агата. Кстати, я обнаружил между ними много сходства.

С первого взгляда было видно, что мисс Рокметеллер такая особа, которой лучше не вешать лапшу на уши, ибо гнев ее может быть страшен. А внутренний голос говорил мне, что если наша затея выйдет наружу, то мисс Рокметеллер справедливо сочтет, что ей повесили лапшу на уши.

— Добрый день, — выдавил я.

— Добрый, — говорит она. — Мистер Коуэн?

— Э-э… нет.

— Мистер Фред Стоун?

— Не совсем… Вообще-то мое имя — Вустер… Берти Вустер.

По-моему, мисс Рокметеллер была разочарована. Кажется, славная старинная фамилия Вустеров не произвела на нее никакого впечатления.

— Где Рокметеллер? — спрашивает она. — Его нет дома?

Убила наповал. Что ей отвечать, ума не приложу. Не скажешь ведь, что он сидит на пленэре, червей разглядывает. И тут я слышу краем уха легчайший звук, скорее как бы даже намек на звук. Почтительное покашливание, которым Дживс обычно возвещает, что он хотел бы вмешаться в разговор.

— Возможно, вы запамятовали, сэр, но мистер Тодд еще утром отправился с друзьями на автомобильную прогулку.

— Ах да, да, конечно, Дживс, конечно, — говорю я и смотрю на часы. — Он не сказал, когда вернется?

— Он дал понять, сэр, что будет довольно поздно.

Дживс испарился. Не дожидаясь, когда я опомнюсь и предложу ей сесть, тетя Рокки расположилась в кресле и как-то странно на меня посмотрела. Я бы сказал, с отвращением. Как на замусоленную кость, которую собака притащила

в дом, намереваясь на досуге хорошенько тут ее припрятать. Моя английская тетя Агата тоже, бывало, таким взглядом смерит, что у меня мурашки по спине забегают.

— Молодой человек, по-моему, вы чувствуете себя здесь как дома. Вы что, близкий друг Рокметеллера?

— О да, весьма!

Она нахмурилась, будто старина Рокки обманул ее ожидания.

— То-то я смотрю, вы хозяйничаете в его квартире.

Честно говоря, не ожидал такого реприманда, прямо дар речи потерял. Мне хотелось предстать в роли гостеприимного хозяина, а со мной обходятся как с незваным гостем. Я был крайне уязвлен. Заметьте, ведь она говорила со мной так, будто ей и в голову не пришло расценить мое присутствие в этом доме как обычный светский визит. Очевидно, она принимает меня то ли за взломщика, то ли за водопроводчика, которого вызвали для того, чтобы заменить кран в ванной. Моя персона явно ее раздражала.

В тот момент, когда надежда завязать непринужденную беседу стала выказывать все признаки предсмертной агонии, меня осенило. Чай!

Доброе, старое, испытанное средство!

— Не желаете ли чашечку чаю?

— Чаю? — произнесла она так, будто никогда в жизни о таком напитке и слыхом не слыхивала.

— Чашечка чаю с дороги — самое милое дело, — говорю я. — Бодрит что надо! Встряхивает просто класс! В смысле восстановления сил, ну и все прочее, знаете ли. Пойду скажу Дживсу.

И я бочком-бочком выскользнул из гостиной и устремился в обитель Дживса. А он сидит себе, почитывает вечернюю газету и в ус не дует.

— Дживс, мы хотим чаю.

— Слушаю, сэр.

— Дживс, по-моему, это уж чересчур. А?

Я искал сочувствия, понимаете, сочувствия и сердечной доброты. Моя бедная нервная система подверглась такому кошмарному потрясению.

— Мисс Рокметеллер вообразила, что квартира принадлежит мистеру Тодду. На каком таком основании, спрашивается?

Храня на лице выражение сдержанного достоинства, Дживс наполнил чайник водой.

— Безусловно, на основании писем мистера Тодда, сэр, — произнес он. — По моему предложению, если вы помните, на письмах указывался ваш адрес, чтобы создать впечатление, что ми-

стер Тодд имеет квартиру в центре города.

Я вспомнил. Тогда нам казалось, что мы придумали очень ловкий ход.

— Ну, знаете, Дживс, это ни на что не похоже, черт подери! Она считает, что я нахлебник! Околачиваюсь тут, выставляю мистера Тодда на дармовую еду и клянчу у него рубашки.

— Весьма вероятно, сэр.

— Это же просто отвратительно, знаете ли.

— Крайне огорчен, сэр.

— И вот еще что. Как быть с мистером Тоддом? Необходимо как можно скорее его вызвать. Принесите чай и пойдите дайте ему телеграмму, пусть мчится сюда первым же поездом.

— Я уже это сделал, сэр. Взял на себя смелость написать мистеру Тодду. Письмо отправил с посыльным.

— Черт побери, Дживс, оказывается, у вас все схвачено!

— Благодарю вас, сэр. К чаю подать тосты с маслом? Вот именно, сэр. Благодарю вас.

Я вернулся в гостиную. Мисс Рокметеллер застыла в той позе, в какой я ее оставил. Сидит на краешке стула, выпрямив спину, точно аршин проглотила; зонтик зажат в руке наподобие метательного снаряда. Снова окинула меня этим

своим леденящим взглядом. Сомнений быть не могло — она меня почему-то невзлюбила. Наверное, потому, что я не Джордж М. Коуэн. По-моему, это уж чересчур.

— Однако какая приятная неожиданность! Не правда ли? — сказал я, нарушив гробовое молчание, длившееся никак не менее пяти минут, в надежде завязать хоть какой-то разговор.

— Неожиданность?!

— Ну да. Ваш приезд в Нью-Йорк, знаете ли, ну и все такое.

Мисс Рокметеллер подняла брови и сквозь очки кинула на меня цепкий взгляд.

— Что тут неожиданного? Разве я не могу навестить единственного племянника? — сказала она.

— Ну конечно! Конечно! Непременно! Я хотел сказать…

Тут в гостиной возник Дживс с чаем. Я пришел в неописуемый восторг. Когда не знаешь, что сказать, самое лучшее — занять себя каким-нибудь делом. Я принялся суетиться вокруг чайника и почувствовал себя почти счастливым.

— Чай, чай, чай! Вот и чай! Вот он, чай! — приговаривал я.

Вообще-то я собирался сказать совсем не то. И

держаться намерен был гораздо более сухо и официально, ну и все такое. Тем не менее дело пошло на лад. Я налил ей чаю. Она чуть-чуть отхлебнула и, передернувшись, поставила чашку.

— Молодой человек, неужели вы вообразили, что я буду пить это пойло? — осведомилась она ледяным тоном.

— О да! Встряхивает, знаете ли, просто классно.

— Что значит «классно встряхивать»?

— Это значит, что человек взбодряется и ловит кайф, ну, то есть кайфует.

— Не поняла ни слова из того, что вы тут наговорили. Послушайте, вы англичанин?

Я постарался рассеять ее сомнения. В ответ — ни слова. Уж лучше бы она тараторила без умолку, чем так молчать. В общем, я твердо уяснил, что англичане ей не по душе. И возникни у нее крайняя нужда общаться с англичанином, я последний, кого она выбрала бы для этой цели.

Итак, наша беседа снова иссякла. Но я не оставлял усилий, хотя с каждой минутой убеждался, как трудно поддерживать непринужденный светский разговор, особенно если ваш собеседник цедит слова в час по чайной ложке.

— Удобно ли вы устроились в гостинице? —

вежливо осведомился я.

— В какой гостинице?

— Ну в той, где вы остановились.

— Не собираюсь останавливаться в гостинице.

— Значит, у друзей?.. Да?

— Естественно, я поселюсь здесь, у племянника.

Я остолбенел, до меня сначала даже не дошло, о чем она говорит.

— Как! Здесь?! — с трудом выдавил я.

— Разумеется. А где же еще?

Меня точно волной окатило — я живо представил себе весь ужас моего положения. Я не знал, как поступить. Сказать, что квартира принадлежит мне, — значит с головой выдать Рокки. Ведь тетка начнет расспрашивать, где он живет, и бедолага пропал на корню. Я еще не успел оправиться от потрясения, а она говорит:

— Будьте столь любезны, скажите слуге моего племянника, чтобы он приготовил мне комнату. Я хочу прилечь.

— Слуге вашего племянника?

— Ну да, тому, которого вы называете Дживсом. Раз Рокметеллер отправился на автомобильную прогулку, вам нет нужды его ждать. Уверена, что, когда он вернется, ему захочется побыть со мной

без посторонних.

Нет, это выше моих сил! Не помню, как выбрался из гостиной и оказался в прибежище Дживса.

— Дживс! — еле выговорил я.

— Сэр?

— Дживс, приготовьте для меня бренди с содовой. Силы мои на исходе.

— Слушаю, сэр.

— Дживс, чем дальше, тем хуже.

— Сэр?

— Она считает, что вы слуга мистера Тодда. Что и квартира, и все вообще тоже принадлежит ему. Вам ничего не остается, как поддерживать ее в этом убеждении. Мы должны молчать, иначе она обо всем догадается. А я не хочу подводить мистера Тодда. Кстати, Дживс, она желает, чтобы вы приготовили ей постель.

Дживс был оскорблен в лучших чувствах.

— Едва ли это уместно, сэр…

— Знаю… знаю. Однако прошу вас сделать это из личного расположения ко мне. Если уж на то пошло, едва ли уместно уезжать из собственной квартиры в гостиницу. Что?

— Вы хотите переехать в гостиницу, сэр? А как же ваш гардероб? Что вы будете надевать?

— Господи боже мой! Я об этом не подумал. Вы

могли бы тайком от мисс Рокметеллер сложить кое-что из одежды в чемодан и привезти его мне в «Святую Аурелию»?

— Приложу все усилия, сэр.

— Ладно. Ну вот, кажется, и все. Когда мистер Тодд появится, скажите ему, где я нахожусь.

— Слушаю, сэр.

Я огляделся. Настала минута прощания. Мне сделалось грустно. Вспомнилась одна душещипательная история — там какого-то бедолагу выгоняют из уютного дома на улицу, на холод и снег.

— Прощайте, Дживс, — сказал я.

— Прощайте, сэр.

И я поплелся прочь.

А знаете, пожалуй, я склонен согласиться с разными там поэтами и философами, которые полагают, что если с человеком стряслась беда, он должен ужасно этому радоваться. Вообще, знаете ли, много всякого понаписано об очищении через страдание. Будто оно делает человека более терпимым и участливым. Ты начинаешь лучше понимать других людей с их горестями, если нечто подобное испытал на собственной шкуре.

Я стоял в своей унылой гостиничной спальне и тщился сам себе повязать белый галстук, как

вдруг меня пронзила мысль о том, как много, должно быть, в мире несчастных, о которых некому позаботиться, потому что у них нет камердинера. Я всегда смотрел на Дживса как на нечто само собой разумеющееся. Но, ей-богу, если вдуматься хорошенько, сколько же молодых людей вынуждены сами гладить себе брюки, и никто не принесет им утреннего чаю, ну и все такое. Весьма глубокое суждение, знаете ли. В том смысле, что теперь я понимаю, на какие ужасные лишения обрекает людей бедность.

С горем пополам я оделся. Дживс, упаковывая чемодан, не забыл ни одной мелочи. Предусмотрел все до последней запонки. Тут уж меня, кажется, совсем развезло. Так невыносимо грустно сделалось. Помнится, кто-то здорово про это написал: вот, мол, прощальный привет от того, кого уже нет с нами.

Пообедал я где придется, потом смотрел какое-то представление. Ничто меня не радовало. Идти ужинать не хотелось, и я завалился спать. Не помню, чтобы когда-нибудь мне было так худо. Однажды поймал себя на том, что тихонько брожу по комнате, точно в доме покойник. Если бы было с кем словом перемолвиться, то я, наверное, говорил бы шепотом. И в самом деле, когда за-

звонил телефон, я ответил глухим, замогильным голосом. На том конце провода решили, должно быть, что ошиблись номером. Рокки — а это оказался он — раз пять прокричал в трубку: «Алло, алло!» Бедный малый был явно не в себе.

— Берти! Это ты? О господи, Берти, я пропал!

— Откуда ты говоришь?

— Из «Пирушки». Уже час, как заявились сюда, боюсь, всю ночь здесь проторчим. Тетушке Изабель я сказал, что пойду позвоню приятелю, приглашу его сюда. Она как приклеилась к стулу, так и сидит кайфует, на лице телячий восторг — вот это, мол, жизнь! Прямо сама не своя от счастья, а я вот-вот свихнусь.

— Старина, давай-ка выкладывай все по порядку, — говорю я.

— И выкладывать нечего. Смоюсь отсюда потихоньку — и прямо к реке, головой в воду, и конец. Берти, неужели ты каждый вечер терпишь такую пытку, да еще и радуешься? Уму непостижимо! Я прикрылся меню, хотел было вздремнуть минутку, но какое тут! Откуда ни возьмись целое стадо девиц с воздушными шарами. Вопят, руками машут. И еще два оркестра гремят, стараются друг дружку заглушить. Я разбит телом и душой! Как хорошо, покойно мне было дома — валялся,

покуривал трубку, а тут твоя телеграмма. Пришлось одеваться и целых две мили мчаться как угорелому к поезду. Чуть инфаркт не хватил. А потом ломал голову, придумывал, что наплести тетушке. В довершение всего вынужден был втиснуться в этот твой проклятый фрак.

Из моей груди вырвался стон отчаяния. Меня как обухом по голове хватило — Рокки распоряжается моим гардеробом!

— От него же рожки да ножки останутся!

— Надеюсь, — злорадно сказал Рокки. Кажется, все эти передряги дурно повлияли на его характер. — Хоть отыграюсь на нем. Я из-за него совсем извелся. Он же мне мал, наверное, размера на три, в любой момент по швам полезет. Молю Бога, чтобы скорее, по крайней мере хоть вздохну свободно. С половины восьмого не могу толком дух перевести. Спасибо, хоть Дживс ухитрился, купил мне подходящие воротнички, а то бы я давно от удушья скончался. Можно сказать, жизнью рисковал, пока пуговица на воротнике не отлетела. Берти, это же сущий ад! Да еще тетя Изабель танцевать заставляет. А как же мне танцевать, если я здесь никого не знаю. Но даже если бы и знал кого из тутошних девиц, все равно не смог бы. В этих брюках, пропади они пропадом,

я и хожу-то с трудом. Пришлось сказать тетушке, что подвернул ногу. Она мне покоя не дает, все спрашивает, когда явятся Коуэн и Стоун. Боюсь, вот-вот обнаружится, что Стоун сидит через два столика от нас. Берти, надо что-то предпринять! Ты должен придумать, как расхлебать эту кашу. Ведь это ты ее заварил.

— Я? В каком смысле?

— Ну, не ты, так Дживс. Какая разница. Это же ты предложил довериться Дживсу. А все эти письма, которые я сочинял по его шпаргалкам, это все они виноваты. Видно, я с ними перестарался. Тетушка сама только что об этом говорила. Она, по ее словам, так и просидела бы до конца дней у себя дома. Но письма до такой степени ее потрясли, что она собралась с силами и прикатила сюда. Она считает, что с ней случилось чудо и она исцелилась. Берти, я больше не выдержу! Это конец!

— А Дживс не может что-нибудь придумать?

— Нет. Он ходит с потерянным видом и приговаривает: «Весьма огорчительно, сэр!» Хороша помощь!

— Послушай, старик, в конце концов, мне еще хуже. Ты все-таки живешь в удобной квартире, и Дживс при тебе. А потом, ты же экономишь

кучу денег.

— Какие деньги? В каком смысле «экономлю»?

— Ну как же, а содержание, которое тетушка тебе отстегивает? Полагаю, все расходы она берет на себя, разве нет?

— Конечно, берет. Но содержания больше не выдает. Сегодня написала поверенным. Говорит, раз она сама теперь в Нью-Йорке, то в этом нет необходимости, мы же везде будем ходить вместе, и ей проще самой платить по счетам. Послушай, Берти, не будем лукавить, в этой навозной куче — а я ее чуть ли не под микроскопом рассмотрел — нет жемчужного зерна.

— Но, Рокки, дружище, это уж слишком, черт побери! Ты и не представляешь, каково мне приходится в этой мерзкой гостинице, да еще и без Дживса. Я должен вернуться в квартиру.

— Даже не думай!

— Но это же моя квартира!

— Ничего не поделаешь. Тетя Изабель тебя терпеть не может. Она спрашивала, чем ты зарабатываешь на жизнь, и когда я сказал, что ты ничего не делаешь, она заявила, что так и думала и что ты типичный представитель никчемной вырождающейся аристократии. Поэтому если ты думаешь, что имел у нее успех, то глубоко

ошибаешься. Ладно, мне пора, не то она пойдет меня искать. Прощай!

На следующее утро ко мне заглянул Дживс. Бесшумно вплыл в комнату, совсем как дома, я чуть не прослезился.

— Доброе утро, сэр, — сказал он. — Я тут принес кое-что из ваших вещей.

И он начал расстегивать ремни на чемодане, который принес с собой.

— Наверное, нелегко было все это стянуть?

— Нелегко, сэр. Пришлось ждать удобного случая. Мисс Рокметеллер на редкость бдительная леди.

— Знаете, Дживс, как ни говори, а дело зашло слишком далеко.

— Положение в настоящее время таково, что могу определенно утверждать — ни с чем подобным мне прежде не приходилось сталкиваться, сэр. Я принес твидовый костюм, как того требуют погодные условия. Завтра, если ничего не помешает, постараюсь доставить пиджачную пару, коричневую в блекло-зеленую крапинку.

— Я больше не в состоянии выносить… все это, Дживс.

— Мы должны надеяться на лучшее, сэр.

— Может, все-таки вы что-нибудь придумаете?

— Я чрезвычайно много думал о создавшемся положении, сэр, но пока без особого успеха. Кладу три шелковые рубашки — темно-серую с синим отливом, светло-синюю и светло-лиловую — в нижний ящик, сэр.

— Неужели вы совсем ничего не можете придумать, Дживс?

— На данный момент ничего, сэр. Дюжина носовых платков и носки цвета загара будут лежать в левом верхнем ящике.

Он застегнул ремни на чемодане и поставил его на стул.

— Мисс Рокметеллер весьма занятная леди, сэр.

— Не то слово.

Дживс задумчиво посмотрел в окно.

— Мисс Рокметеллер, сэр, во многих отношениях напоминает мне мою тетку, которая проживает в Лондоне, в юго-восточной его части. Характеры у них в высшей степени сходные. Моя тетка тоже обожает всяческие столичные увеселения. У нее, например, пристрастие к прогулкам в пролетке. Глаз с нее нельзя спустить — тотчас наутек и целый день катается. До того доходит, что, случается, даже запускает руку в детские сбережения, только чтобы доставить себе удо-

вольствие.

— Право, я не прочь поболтать с вами о ваших тетках, Дживс, — сказал я ледяным тоном. Мне казалось, что он меня подвел, да и вообще я был сыт им по горло. — Однако не вижу, какое отношение они имеют к моим неприятностям.

— Прошу прощения, сэр. Оставляю на каминной полке несколько наших галстуков, сэр, с тем чтобы вы могли выбрать по своему вкусу, сэр. Я бы посоветовал синий в красный ромбик, сэр.

С этими словами он поплыл к дверям и бесшумно выскользнул вон.

Часто слышишь, что люди, которые попали в хорошую передрягу или просто потерпели урон, сначала пребывают как бы в трансе, туго соображая, что к чему, потом вдруг соберут силенки, очухаются и с головой окунутся в новую жизнь. Время — самый лучший лекарь. Природа берет свое, ну и все прочее. Так оно и есть. Знаю, потому что сам день-два спустя после того, что можно назвать состоянием полной прострации, начал приходить в себя. Разумеется, я отнюдь не наслаждался своей теперешней жизнью, смешно даже об этом говорить перед лицом ужасного несчастья — потери Дживса, но тем не менее я вдруг обнаружил, что мало-помалу вновь начи-

наю вкушать мелкие житейские радости. Иными словами, я взбодрился до такой степени, что стал наведываться в кабаре, где мог хоть ненадолго забыть о своих злоключениях.

Нью-Йорк — тесный городишко, если говорить о той его части, которая только пробуждается, тогда как все остальные отходят ко сну, и вскоре наши со стариной Рокки пути начали пересекаться. Однажды я увидел его у «Пила», потом в «Повеселимся». Всякий раз с ним не было никого, кроме тетки, и хотя Рокки старательно делал вид, что совершенно счастлив, уж кто-кто, а я, зная все обстоятельства дела, понимал, как он, бедолага, мучается. Сердце у меня обливалось кровью. Вообще-то, когда я думал о себе, оно обливалось еще больше, но на долю Рокки тоже хватало. Выглядел несчастный так, что казалось, еще немного, и он отдаст концы.

Тетке, по-моему, тоже было слегка не по себе. Видимо, она начала удивляться, почему до сих пор ни разу не нахлынули разные знаменитости, не взыграл дух бесшабашного веселья, которым были проникнуты послания племянника. И я ее понимаю. Сам я прочел всего пару писем, но у меня сложилось впечатление, что вся жизнь ночного Нью-Йорка вращается вокруг Рокки и

что если, например, он не появился в кабаре, то представление тут же отменяется.

В следующие два дня я их не встречал, однако, когда вечером третьего дня сидел в «Maison Pierre», кто-то хлопнул меня по плечу. Смотрю — Рокки, во взоре тоска, и вид такой, будто его удар хватил. Удивляюсь, как этот увалень умудряется напяливать мой фрак и при этом не порвать его по швам, загадка, да и только. Позже он признался, что сразу же разрезал жилет на спине, чем весьма облегчил себе жизнь.

Сначала я подумал было, что в этот вечер Рокки удалось улизнуть от тетки, но потом увидел, что она тоже здесь. Сидит за столиком у стены и смотрит в мою сторону так, точно собирается устроить метрдотелю сцену за то, что пускают сюда невесть кого.

— Берти, старина, — говорит Рокки, и голос у него срывается, — мы с тобой всегда были друзьями, правда? В смысле, ты знаешь, я на все готов, если ты попросишь.

— Рокки, старый добрый дружище, — говорю я. Право, он меня растрогал.

— Тогда, ради всего святого, посиди до конца вечера за нашим столиком.

Ну, знаете, дружба, конечно, дело святое, но

всему есть предел.

— Послушай, мой дорогой, — говорю ему, — я готов на все в разумных пределах. Однако…

— Берти, ты должен. Ты просто обязан. Надо что-нибудь придумать, как-то ее развлечь. Понимаешь, она чем-то озабочена. Уже два дня в таком состоянии.

По-моему, она что-то заподозрила. Наверное, не может понять, почему я не встречаю никого из своих приятелей. На днях столкнулся с двумя газетчиками, с которыми когда-то был хорошо знаком. Благодаря им удалось какое-то время продержаться. Представил их тете Изабель как Дэвида Беласко и Джима Корбетта, — ничего, сошло. Но теперь — конец, они себя исчерпали, и тетушка снова в недоумении. Что-то надо делать, не то все выйдет наружу. Тогда я ни цента от нее не увижу, готов поспорить на что угодно. Ради бога, Берти, пойдем к нашему столику, поможешь мне.

И я пошел. Когда друг в беде, надо уметь сплотиться. Тетя Изабель сидела, по своему обыкновению, очень прямо. Мне показалось, что она отчасти утратила тот азарт, с которым пустилась исследовать Бродвей. Вид у нее был такой, будто тягостные мысли не дают ей покоя.

— Тетушка Изабель, вы знакомы с Берти Вустером? — говорит Рокки.

— Знакома.

— Садись, Берти, — говорит Рокки.

Так и началась эта веселенькая вечеринка. Одна из тех радостных, беззаботных вечеринок, когда сидишь, крошишь хлеб и семь раз откашляешься, прежде чем слово вымолвить, а потом решишь, что лучше вообще рта не открывать. Повеселились мы так с часок, и вдруг тетушка Изабель заявляет, что хочет ехать домой. Я усмотрел в этом зловещий знак, особенно в свете того, что говорил мне Рокки. Ведь ее, бывало, калачом из кабаре не выманишь.

Рокки тоже встревожился и кинул на меня умоляющий взгляд.

— Ты поедешь с нами, Берти, пропустим по рюмочке?

Я чувствовал, что это предложение выходит за рамки договора, но делать нечего. Бросить беднягу одного с этой дамой просто бесчеловечно. Пришлось согласиться.

Как только мы вышли и сели в такси, у меня возникло ощущение стремительно надвигающейся развязки. В углу, где сидела тетушка, царило гробовое молчание, и хотя Рокки, беспокойно

ерзавший на маленьком откидном сиденьице впереди, из кожи вон лез, стараясь поддержать беседу, компанию нашу трудновато было бы отнести к разряду болтливых.

Когда мы вошли в квартиру, я мельком увидел Дживса, сидевшего в своей келье, и мне захотелось его позвать, дабы сплотить ряды. Что-то мне подсказывало, что он вот-вот нам понадобится.

Горячительное стояло на столе в гостиной. Рокки взял графин.

— Скажи, когда хватит, Берти.

— Стой! — рявкнула тетушка.

Рокки выронил графин.

Я поймал его взгляд, когда он нагнулся, чтобы собрать осколки. Это был взгляд человека, который понимает, что все кончено.

— Оставь осколки в покое, Рокметеллер! — скомандовала тетя Изабель.

Рокки повиновался.

— Пришло время поговорить, — сказала она. — Не могу сидеть сложа руки и смотреть, как молодой человек губит себя!

Бедняга Рокки издал какой-то булькающий звук, вроде того, с каким вытекало из графина виски.

— Э-э? — произнес он, хлопая глазами.

— Это моя вина, — продолжала тетя Изабель. — Тогда я еще не обратилась к свету истины. Но теперь у меня глаза открылись. Я поняла, какую ужасную ошибку совершила. Содрогаюсь при мысли, какой вред я нанесла тебе, Рокметеллер, когда требовала, чтобы ты приобщился к безнравственной жизни этого страшного города.

Вижу, Рокки ощупью тянется к столу, касается его пальцами, и на лице у него выражается облегчение. Мне были понятны его чувства.

— Рокметеллер, когда я писала письмо, в котором побуждала тебя ехать в Нью-Йорк, я еще не имела чести слышать мистера Манди.

— Джимми Манди! — воскликнул я.

Знаете, как иногда бывает, все, кажется, безнадежно перепуталось, и вдруг вам удается ухватить ниточку. Когда мисс Рокметеллер упомянула о Джимми Манди, я начал более или менее понимать, что происходит. Мне уже приходилось сталкиваться с чем-то подобным. Помню, в Англии мой камердинер, предшественник Дживса, вернувшись однажды с какого-то собрания, объявил во всеуслышание перед компанией моих приятелей, которые собрались у меня на ужин, что я обуза для общества.

Тетушка окинула меня испепеляющим взгля-

дом.

— Вот именно, Джимми Манди, — изрекла она. — Удивлена, что такой человек, как вы, слышал о нем. На лекциях мистера Манди нет ни музыки, ни подвыпивших мужчин, ни танцев, ни бесстыдных женщин, выставляющих себя напоказ. Для вас его лекции интереса не представляют. Они обращены к тем, кто еще не совсем погряз во грехе. Мистер Манди приехал, дабы спасти Нью-Йорк от Нью-Йорка, по собственному выражению этого замечательного человека, «вымести порок вон поганой метлой». Рокмеллер, впервые я услышала мистера Манди три дня назад. На его лекцию меня привела чистая случайность. Как часто в нашей жизни простой случай может предопределить наше будущее!

Тебя вызвали по телефону к мистеру Беласко, и поэтому ты не мог повезти меня на ипподром, как мы договаривались. Я попросила твоего камердинера Дживса отвезти меня туда. Но он оказался ужасным тупицей. Вероятно, он меня не понял. Теперь я благодарю Бога за это. Как я позже узнала, он привез меня на Мэдисон-сквер-гарден, где мистер Манди читал лекцию. Твой камердинер усадил меня и исчез. Я догадалась, что произошла ошибка, но лекция уже началась.

Сидела я в середине ряда. Чтобы выйти, мне пришлось бы побеспокоить множество людей. Пришлось остаться.

Она судорожно сглотнула.

— Рокметеллер, я никогда ни к кому не испытывала столь горячей признательности, как к мистеру Манди. Он изумителен! Он подобен библейскому пророку, бичующему людские грехи. В порыве вдохновения он впадал в такое неистовство, что я испугалась за него. Порой он прибегал к несколько необычным выражениям, но в каждом его слове звучало суровое осуждение порока. Он показал мне Нью-Йорк в его истинном свете. Он открыл мне глаза, как, оказывается, суетно и безнравственно сидеть в этих раззолоченных притонах зла и лакомиться крабами и прочими деликатесами, когда порядочным людям давно пора спать.

Он сказал, что танго и фокстрот — это изобретение дьявола, толкающее людей прямо в преисподнюю. Что послушать негритянский джаз хотя бы минут десять — это уже большой грех, это все равно что участвовать в диких оргиях, которыми славились Ниневия и Вавилон. А когда мистер Манди воскликнул: «Это к вам относится!» — и указал прямо на меня, я чуть

сквозь землю не провалилась. С его лекции я ушла совсем другим человеком. Рокметеллер, ты, должно быть, заметил, как я переменилась! Я уже не та беззаботная, легкомысленная особа, которая толкала тебя в эти гнездилища зла!

Рокки вцепился в стол и держался за него, как черт за грешную душу.

— Да, я… я думал, вам немного не по себе, — заикаясь проговорил Рокки.

— Не по себе? Напротив. Со мной все в порядке. Послушай, Рокметеллер, ты тоже можешь спастись, еще не поздно. Ты только пригубил чашу зла. Но не испил ее до дна. Поначалу будет трудно, но, поверь мне, ты осилишь, если смело ополчишься против соблазнов и обольщений этого ужасного города. Рокметеллер, ведь ты постараешься ради меня, правда? Ты завтра же покинешь этот город и начнешь бороться с собой. Мало-помалу, призвав на помощь всю свою волю…

Не могу избавиться от мысли, что именно слово «воля», подобно трубному гласу, воодушевило старину Рокки. Должно быть, он понял наконец, что свершилось чудо, что тетушка Изабель вовсе не отторгает его от себя. Во всяком случае, когда она произнесла эти слова, он встрепенулся, отпустил стол и обратил к ней горящий взор.

— Тетушка Изабель, вы хотите, чтобы я уехал в деревню?

— Да.

— И жил там?

— Да, Рокметеллер.

— И никогда не приезжал в Нью-Йорк?

— Да, Рокметеллер. Именно этого я и хочу. Не вижу другого способа. Только там ты будешь свободен от искушений. Рокметеллер, совершишь ли ты этот поступок ради меня?

Рокки снова ухватился за стол. Видимо, он черпал в этом предмете большую поддержку.

— Совершу! — возгласил он.

— Дживс, — сказал я. Дело было на следующий день, я уже вернулся в свою старую добрую квартиру и теперь сидел в старом добром кресле, задрав ноги на стол. Только что я проводил старину Рокки, который отбыл в свой загородный дом, проводив часом раньше тетушку Изабель, которая вернулась в свой родной городишко, где, наверное, слыла сущим наказанием Господним. Итак, мы наконец-то остались одни. — Дживс, самое лучшее в жизни — это оказаться у себя дома, правда?

— Истинная правда, сэр.

— Под милой сенью родного крова, ну и все

такое. А?

— Совершенно верно, сэр.

Я снова закурил.

— Дживс!

— Сэр?

— Знаете ли, в этой истории был момент, когда я подумал, что вы зашли в тупик.

— В самом деле, сэр?

— Как это вы додумались повести мисс Рокметеллер на лекцию? Мысль просто гениальная!

— Благодарю вас, сэр. Это случилось довольно неожиданно, однажды утром, когда я размышлял о моей тетушке, сэр.

— О вашей тетушке? Помешанной на пролетках?

— Именно так, сэр. Я вспомнил, что, когда у нее разыгрывался очередной приступ этой мании, мы обычно посылали за священником нашего прихода. Мы не раз убеждались, что, как только он заговорит с ней о высоких материях, она забывает про катание.

Вот я и подумал, что подобный метод может оказаться эффективным и в случае с мисс Рокметеллер.

Находчивость этого малого просто ошеломила меня.

— Ума палата! — воскликнул я. — Здорово у вас котелок варит! Как вы этого добиваетесь? Наверное, поедаете уйму рыбы или еще чего-нибудь. Скажите, Дживс, ведь вы поедаете уйму рыбы?

— Нет, сэр.

— Ну, тогда это Божий дар, вот что я думаю. А уж коль его не дано, то нечего и суетиться.

— В высшей степени справедливо, сэр, — проговорил Дживс. — Если мне позволено будет высказать свои соображения, сэр, я бы больше не стал надевать этот галстук, сэр. Зеленый цвет придает вашему лицу немного желтушный вид. Если позволите, я бы настоятельно советовал сменить его на синий с красными ромбиками, сэр.

— Хорошо, Дживс, — смиренно сказал я. — Вам лучше знать.

Поразительное происшествие со старинной Биффи[13]

— Дживс, — позвал я, восстав из ванны. — Сплотите ряды.

— Слушаю, сэр.

Я от всей души одарил его благосклонной улыбкой. В ту пору я на недельку-другую закатился в Париж, а там что-то такое разлито в воздухе, эдакая joie de vivre[14], которая переполняет сердце и настраивает на игривый лад.

— Выложите наш джентльменский костюм средней нарядности, подходящий для богемных пиршеств, — распорядился я. — Сегодня я обедаю с одним знакомым живописцем на том берегу Сены.

— Очень хорошо, сэр.

— Да, и если кто меня будет спрашивать, Дживс, скажите, что я объявлюсь ближе к тому часу, когда нисходит безмятежный сумрак.

— Слушаю, сэр. Пока вы принимали ванну,

---

[13] Примечания: 13
© Перевод. И. Бернштейн.

[14] Примечания: 14
Радость жизни *(фр.)*.

звонил мистер Биффен.

Удивительно, как за границей то и дело натыкаешься на знакомых, иной раз не видел однокашника тысячу лет и не чаял не гадал встретиться — и вдруг, нате пожалуйста! Где я меньше всего опасался наткнуться на старину Биффи, так это в Париже. Было время, мы с ним на пару предавались светской жизни, обедали, ужинали в одной компании чуть не каждую ночь напролет. Но где-то года полтора назад у него померла крестная и оставила ему в наследство имение в Хертфордшире, он туда перебрался, стал носить гетры, якшаться с коровами и вообще являть собой деревенского сквайра и землевладельца. С тех пор мы почти не виделись.

— Старина Биффи в Париже?! Он-то что здесь делает?

— Он со мной не поделился, сэр, — ответил Дживс холодноватым, как мне показалось, тоном, будто бы даже слегка неприязненно, а ведь прежде они были вполне на дружеской ноге.

— Где он остановился?

— Отель «Авенида», рю дю Колизе, сэр. Он сообщил, что намерен выйти прогуляться и заглянет сюда на исходе дня.

— Ладно, если меня еще не будет, скажете ему,

чтобы подождал. А теперь, Дживс, ме ган, мон шапо[15], и дорогу хозяину! Пока, пока!

День был бесподобный, времени у меня оставалось еще навалом, и я в конце концов у Сорбонны вылез из такси, решив остаток пути проделать пешком. Но не успел протопать и трех шагов, как вот тебе раз! Прямо передо мной на тротуаре — Биффи собственной персоной. Если бы мой последний шаг не повис в воздухе, я бы с разгона прямо в него уперся.

— Биффи! — воскликнул я. — Вот так так!

Он уставился на меня, мигнув выпученным глазом, — ну вылитая хертфордширская корова, получившая во время завтрака неожиданный тычок под ребро.

— Берти! — наконец взвыл он хриплым голосом. — Слава богу! — Он вцепился в мой рукав. — Не оставляй меня! Я потерялся.

— Что значит — потерялся?

— Вышел пройтись, но мили через две понял, что не имею понятия, где нахожусь. Так с тех пор и хожу тут кругами, уж и не знаю, сколько часов.

— Почему же ты не спросил дорогу?

— Так я не знаю ни слова по-французски.

---

[15] Примечания: 15

Mes gants, non chapeau *(фр.)* — мои перчатки, моя шляпа.

— Кликнул бы такси.

— Я обнаружил, что оставил все деньги в гостинице.

— Мог бы доехать до гостиницы, а потом сойти вниз и расплатиться.

— Верно. Но я еще вдруг обнаружил, что забыл, как она называется, будь она неладна.

Вот вам типичный Чарлз Эдвард Биффен во всей своей красе. Второго такого обормота и недотепы на свете не сыщешь. Видит бог, — и тетя Агата не даст соврать — я и сам не ахти какой мудрец. Но в сравнении с Биффи я просто величайший мыслитель всех времен и народов.

— Я бы дал шиллинг, ей-богу, — говорит Биффи, — если бы мне кто сказал название этой чертовой гостиницы.

— Будешь должен мне. Отель «Авенида», рю дю Колизе.

— Берти! Это потрясающе! Как ты узнал, разрази меня гром?

— Ты сам сегодня утром продиктовал этот адрес Дживсу.

— Точно! Я и забыл.

— Ладно, пошли. Выпьем по стаканчику, а потом я посажу тебя в такси и отправлю в гостиницу «Авенида». В обед я занят, но еще полно

времени.

Мы забрели в одно из одиннадцати кафе, расположенных впритык друг к дружке на той улице, и я заказал две порции восстановительного.

— А что ты делаешь в Париже? — спросил я у Биффи.

— Берти, старина, — ответил он скорбно. — Я приехал сюда искать забвения.

— По-моему, в этом ты добился успеха.

— Ты не понимаешь! Дело в том, старина, что мое сердце разбито. Сейчас я тебе все расскажу.

— Нет-нет! Не надо!

Но было уже поздно.

— В прошлом году, — начал он, — я подался в Канаду на лососиную ловлю.

Я заказал еще по порции. Если уж слушать рыбацкие байки, необходимо взбодриться.

— На лайнере по пути в Нью-Йорк я познакомился с одной девушкой. — Биффи звучно глотнул, точно бульдог, который торопится заглотать одну половину котлеты, чтобы скорее схватить вторую. — Берти, старина. Я не могу тебе ее описать. Нечего даже и пытаться.

И то хоть слава богу.

— Она была замечательная. Мы с ней прогуливались по палубе после ужина. Она театральный

работник. Или вроде того.

— Что значит — вроде того?

— Ну, знаешь, натурщица, манекенщица, — в таком духе. Накопила несколько фунтов и отправилась искать работу в Новом Свете. Она мне все о себе рассказала. У ее отца молочная лавка в Клапеме. А может, в Криклвуде. Одно из двух, либо молочная лавка, либо обувной магазин, это я точно запомнил.

— Да, спутать немудрено.

— Просто я хочу, чтобы ты понял, что у нее хорошие, здоровые буржуазные корни. Ничего легкомысленного. Такой женой всякий мужчина может гордиться.

— И чья же она жена?

— Ничья — пока. Я хотел, чтобы стала моей, но потерял ее.

— Рассорились?

— Да нет же. Говорю тебе: потерял. В прямом смысле. Последний раз я видел ее на нью-йоркской таможне. Мы с ней стояли возле чемоданов, и я только-только успел спросить, не согласится ли она выйти за меня замуж, а она ответила, что да, она согласна, и все складывалось просто замечательно, но тут появился какой-то неприятный тип в форменной фуражке и стал приставать ко

мне из-за сигарет, которые он нашел на дне моего чемодана, а я о них совершенно забыл и не внес в декларацию. Было уже довольно поздно, наш пароход пристал в одиннадцатом часу, и я сказал Мэйбл, чтобы она ехала к себе в гостиницу, а я за ней завтра заеду и отвезу ее куда-нибудь позавтракать. Но больше я ее так никогда и не видел.

— Значит, в гостинице ее не было?

— Она, может, и была. Но…

— Ты хочешь сказать, что сам туда не явился?

— Берти, старина, — мученическим тоном произнес Биффи, — бога ради, не подсказывай мне, что я хочу сказать, а чего не хочу сказать. Дай мне все рассказать самому, иначе я запутаюсь, и придется начинать сначала.

— Ну уж нет. Валяй излагай сам, — согласился я поспешно.

— Так вот. В двух словах, Берти, — я забыл название гостиницы. Добрых полчаса объяснялся с таможенниками насчет сигарет, а когда освободился, в голове — хоть шаром покати. Помнилось мне вроде бы, что я это название на чем-то записал, но, по-видимому, это мне только казалось: ни на одной бумажке у меня в карманах его не было. Нет, безнадежное дело. Я ее потерял.

— Но почему же ты не навел справки?

— Понимаешь, Берти, беда в том, что я забыл, как ее зовут.

— Ну и ну! — Это уже был предел безмозглости, даже для Биффи. — Не может быть, чтобы ты забыл, как ее зовут. Да ты мне сам только что говорил: Мюриел или что-то наподобие того.

— Мэйбл, — холодно поправил Биффи. — А забыл я ее фамилию. И пришлось мне махнуть рукой и двинуть дальше в Канаду.

— Одну минутку, — сказал я. — Но ты-то должен же был назвать ей свою фамилию. А раз так, пусть ты и не мог ее найти, зато она могла найти тебя.

— Вот именно. Поэтому я и впал в отчаяние. Она знает мою фамилию, и адрес, и все остальное, но я не получил от нее ни полслова. Наверное, когда я не объявился в гостинице, она приняла это за тонкий намек, что, мол, я передумал и бью отбой.

— Пожалуй, — согласился я. Действительно, это было единственное подходящее объяснение. — Ну а раз так, остается только завить горе веревочкой и залить сердечные раны. Верно я говорю? Поехали поужинаем сегодня вместе, а потом закатимся в «Аббатство» или еще куда-нибудь.

Но Биффи покачал головой:

— Бесполезно. Я уже пробовал. Кроме того, я уезжаю четырехчасовым поездом. Завтра у меня ужин с одним человеком, который, кажется, вот-вот клюнет на мой хертфордширский дом.

— Вот как? Ты продаешь дом? Я думал, он тебе нравится.

— Нравился. Но теперь, как подумаю, что после всего опять останусь жить один в этом огромном пустом здании, — и меня просто оторопь берет. Так что когда сэр Родерик Глоссоп выразил интерес…

— Сэр Родерик Глоссоп! Неужели тот самый, что лечит психов?

— Да, знаменитый специалист по нервным болезням. А ты что, знаком с ним?

Солнце жарило вовсю, но у меня похолодела спина.

— Я был пару недель помолвлен с его дочерью, — вполголоса ответил я. Вспоминая, как я тогда еле отделался, я обычно впадаю в состояние, близкое к обмороку.

— А у него есть дочь? — равнодушно переспросил Биффи.

— Есть. Сейчас я тебе все расскажу…

— Но только не в данную минуту, старина, — оборвал меня Биффи, вставая со стула. — Я должен

вернуться в гостиницу и позаботиться об укладке чемоданов.

Что было, на мой взгляд, настоящим свинством с его стороны: я-то его вон как внимательно слушал. Чем дольше живу на свете, тем тверже убеждаюсь, что старый добрый дух товарищества «ты — мне, я — тебе» совершенно, можно сказать, вывелся в нашем кругу. Словом, я посадил его в такси и отправился обедать.

Прошло не больше десяти дней, когда я за утренним кофе с тостами испытал довольно малоприятное потрясение. Прибыли английские газеты, и Дживс, выходя из комнаты, оставил возле моей кровати свеженький номер «Таймс».

Я праздно переворачивал газетные листы в поисках спортивного раздела, и вдруг в глаза мне бросилась маленькая заметка под крупным заголовком:

«ПРЕДСТОЯЩИЕ БРАКОСОЧЕТАНИЯ

мистер Ч. Э. Биффен и мисс Глоссоп

Объявлена помолвка между Чарлзом Эдвардом Биффеном, сыном покойного м-ра Э. Ч. Биффена и миссис Биффен, прожив. по адресу: 11, Пенслоу-сквер,

Мейфэр, и Гонорией Джейн Луизой, единственной дочерью сэра Родерика и леди Глоссоп, прож. по адресу: 6в, Харли-стрит, W».

— Черт! Вот это да! — вскричал я.

— Сэр? — обернулся с порога Дживс.

— Дживс, вы помните мисс Глоссоп?

— Весьма отчетливо, сэр.

— Она обручилась с мистером Биффеном!

— Вот как, сэр? — произнес Дживс и, не добавив больше ни слова, выскользнул за дверь.

Подобная невозмутимость с его стороны обеспокоила и насторожила меня как довольно красноречивое свидетельство вопиющего бессердечия, чего я за ним до сих пор совершенно не замечал. Ведь Гонория Глоссоп как-никак была ему близко знакома.

Я еще раз перечитал заметку. Она пробуждала во мне странные чувства. Не знаю, случалось ли вам читать в газете о помолвке вашего школьного друга с девушкой, на которой еще бы один неосмотрительный шаг, и вы бы оказались бесповоротно женаты сами. Это дает вам ощущение, не знаю даже как сказать, наверно, нечто в таком роде чувствует человек, который вышел с другом

детства прогуляться по джунглям, а навстречу — тигрица, или ягуар, или еще какая-нибудь зверюга, он успел в последнюю секунду вскарабкаться на дерево, глядит вниз, а его друг мелькнул и пропал в чаще, зажатый в плотоядных челюстях хищника. Эдакое как бы молитвенное глубокое облегчение, если вы меня понимаете, смешанное в то же время с некоторой все-таки жалостью. То есть я хочу сказать, при всей радости, что мне удалось избежать женитьбы на Гонории, я искренне сожалел, что такой приличный малый, как Биффи, схлопотал подлянку. Я выпил чаю и задумался.

Конечно, есть на свете, я полагаю, такие парни — крепкие, несгибаемые ребята с каменными подбородками и горящим взором, — которым обручиться с этой язвой Глоссоп — раз плюнуть и даже, может быть, приятно. Но я отлично знал, что Биффи не из их числа. Дело в том, что Гонория — это такая здоровая, энергичная девица, мускулатура у нее как у борца в полусреднем весе, а смех — будто кавалерийский эскадрон скачет по мосту, сколоченному из пустых жестянок. Встречаться с такой лицом к лицу через стол за завтраком — это же страшно подумать! Да еще башковитая. Эдакое нежное создание, которое

измочалит вас в шестнадцати сетах в теннис и в нескольких кругах в гольф, а потом спускается к обеду свеженькая как огурчик и ждет, что вы поведете с ней интеллектуальный разговор о Фрейде. Еще бы неделя помолвки с нею, и у ее папаши-психиатра завелся бы новый пациент. А Биффи — личность тихая, безобидная, вроде меня. Словом, говорю вам, я был потрясен и обескуражен.

И особенно, как я уже сказал, меня потрясло гнусное равнодушие Дживса. В эту самую минуту он как раз опять неслышно просочился в спальню, и я дал ему еще один шанс проявить нормальные человеческие чувства.

— Вы расслышали имена, которые я назвал, Дживс? — спросил я. — Мистер Биффен собирается жениться на Гонории Глоссоп, дочери старого господина с бровями и лысой головой.

— Да, сэр. Какой костюм приготовить вам на сегодня?

И это, заметьте, говорит человек, который в бытность мою помолвленным с означенной Глоссоп напрягал все фибры своего мозга, чтобы меня вызволить. Нет, убейте, ничего не понимаю.

— Синий в розовую полоску! — ответил я ему холодно. Пусть видит, как я горько в нем разо-

чарован.

Спустя неделю или около того я возвратился в Лондон и не успел расположиться на прежней квартире, как вдруг является Биффи. Одного взгляда на него мне было достаточно, чтобы понять: отравленная рана загноилась. Вид у Биффи был не блестящий, нет, далеко не блестящий. На лице застыло знакомое мне выражение, я сам, бывало, бреясь, наблюдал аналогичное в зеркале во времена своей недолгой помолвки с этой чертовой куклой Глоссоп. Однако, не желая нарушать принятые нормы общежития, я со всей возможной для меня теплотой пожал ему лапу.

— Ну, старина, — сказал я ему. — Поздравляю!

— Спасибо, — отвечает он уныло. После чего наступило тяжкое молчание, затянувшееся на добрых три минуты.

— Берти, — наконец произнес Биффи.

— Да?

— Это правда, что?..

— Что?

— Да так, ничего.

И беседа наша опять вроде как иссякла. Прошло еще минуты полторы. Биффи снова вынырнул из небытия.

— Берти.

— Я все еще здесь, старина. Ты чего?

— Послушай, Берти, это правда, что ты когда-то был помолвлен с Гонорией?

— Правда.

Биффи откашлялся.

— И как же ты спасся… то есть я хочу сказать, какая трагедия помешала вашему браку?

— Это все Дживс. Он нашел выход из положения, все продумал и осуществил.

— Я, пожалуй, перед уходом загляну на кухню, переговорю с Дживсом, — задумчиво произнес Биффи.

Ну, чувствую, тут не до церемоний, надо говорить начистоту.

— Биффи, старичок, — обращаюсь я к нему, — признайся как мужчина мужчине: ты что, хочешь рвать когти?

— Берти, дружище, — отвечает он с мольбой в голосе, — как старый друг старому другу признаюсь: хочу.

— Зачем же ты, черт дери, в это дело ввязался?

— Не знаю. А ты зачем?

— Я… Само как-то получилось.

— Вот и со мной тоже как-то само получилось. Знаешь, когда у человека разбитое сердце… Живешь вроде как во сне, перестаешь соображать,

теряешь бдительность. Ну и оглянуться не успел, а ты уже попался. Не могу тебе толком объяснить, как это вышло, но факт таков. И теперь я хочу от тебя услышать, что в таких случаях полагается делать?

— То есть каким образом дать задний ход?

— Ну да. Мне не хотелось бы ранить ничьи чувства, но я решительно больше не могу. Это невозможно. Дня полтора-два мне казалось, что ничего особенного, обойдется. Но теперь… Ты помнишь, как она смеется?

— О да.

— Этот ее смех, и потом, она еще ни на минуту не оставляет человека в покое, ей, видите ли, надо развивать твой интеллект, и так далее.

— Знаю, знаю.

— Ну так вот. Что ты порекомендуешь? Ты сказал, что Дживс нашел выход из положения. Как это понимать? Нельзя ли подробнее?

— Видишь ли, сэр Родерик, на самом деле психический врач, сколько ни величай его специалистом-психоневрологом, получил сведения, что в моем роду есть кое-какие психические отклонения. Так, ничего серьезного, просто один дядя у нас держал в спальне кроликов. И вот папаша Глоссоп приехал сюда пообедать со мной

и заодно меня освидетельствовать, а Дживс так подстроил, что старик уехал в полном убеждении, что у меня не все дома.

— Понятно, — кивнул Биффи. — Беда только в том, что у нас в роду нет психических отклонений.

— Ни одного?

Просто не верилось, что можно вырасти таким законченным остолопом, как душка Биффи, и притом самопроизвольно, безо всякой посторонней помощи.

— Ни единого психа в родословной, — мрачно подтвердил Биффи. — Надо же, какая незадача. Завтра старикашка как раз приедет ко мне обедать и, конечно, захочет меня тоже проверить на сдвинутость. А я, как на грех, абсолютно в здравом уме.

Я задумался. От одной только мысли о новой встрече с сэром Родериком у меня по спине побежали холодные мурашки; однако, если представляется случай помочь ближнему, мы, Вустеры, забываем о себе.

— Вот что, Биффи, — говорю я ему. — Послушай, что я придумал. Я подъеду к тебе, когда вы сядете обедать. И очень может быть, когда сэр Родерик увидит, кто твой друг, он без всяких разговоров

немедленно запретит помолвку.

— В этом что-то есть, — сразу воодушевился Биффи. — Благородно с твоей стороны, Берти.

— Пустяки, — ответил я. — А перед тем я еще посоветуюсь с Дживсом. Изложу ему суть дела и послушаю, что он скажет. Дживс меня никогда не подводил.

Биффи отчалил приободренный. А я отправился на кухню.

— Дживс, — говорю, — мне опять понадобилась ваша помощь. У меня только что состоялся огорчительный разговор с мистером Биффеном.

— Неужели, сэр?

— Дело вот какого рода, — начал я и описал ему положение вещей.

Странно, но я вижу, он слушает будто каменный. Обычно, когда я призываю Дживса обсудить какую-нибудь загвоздку, он бывает само сочувствие и сама изобретательность. И вдруг такое.

— Боюсь, сэр, — произнес он, как только я договорил, — что мне вряд ли подобает вмешиваться в сугубо личное дело, где затрагиваются…

— Да ладно вам, Дживс!

— Нет, сэр. Это была бы с моей стороны недопустимая вольность.

— Дживс, — говорю я и беру этого упрямого

быка прямо за рога. — Что вы имеете против старины Биффи?

— Я, сэр?

— Да, вы.

— Уверяю вас, сэр!

— Что ж, ладно. Если вы не хотите подставить плечо и спасти ближнего, я вас, конечно, неволить не буду. Но позвольте вам сказать, что я сейчас пойду в гостиную, сяду и начну думать. Какой же у вас будет вид, когда я возвращусь и объявлю, что нашел спасение для Биффи? Самый дурацкий вид, уверяю вас.

— Да, сэр. Принести вам виски с содовой?

— Нет. Кофе. Черный и крепкий. И если кто-нибудь пожелает меня видеть, скажите, что я занят и просил не беспокоить.

Через час я позвонил в звонок.

— Дживс, — говорю я свысока.

— Да, сэр?

— Будьте добры, позвоните по телефону мистеру Биффену и передайте, что мистер Вустер кланяется и что выход найден!

На следующее утро я пешком отправился к Биффи, чрезвычайно, надо признаться, довольный собой. Как правило, осенившая тебя накануне блестящая мысль ухитряется утратить почти весь

свой блеск, когда разглядываешь ее в лучах наступившего утра. Но эта моя умственная находка выглядела после завтрака не менее привлекательно, чем вчера перед ужином. С какого бока ни рассматривай, это был совершенный верняк.

За несколько дней до того моя тетя Эмили праздновала шестилетний юбилей своего сына Хэролда, и я, оказавшись перед необходимостью приобрести подарок, присмотрел в магазине на Стрэнде одну забавную игрушку, как раз подходящую, на мой взгляд, для развлечения малого дитяти и умиления друзей и домочадцев. Она представляла собой как бы бутоньерку, к которой снизу прикреплена такая резиновая штуковина наподобие клизмы, нажмешь — и полторы пинты холодной родниковой воды мощной струей ударяют в лицо тому, кто вздумал понюхать цветочки. Самое подходящее изобретение для развития детского интеллекта, решил я, сделал покупку и отправился по месту назначения.

Но там я застал Хэролда посреди целой кучи дорогих и великолепных игрушек, так что просто рука не поднялась прибавить к ним мое подношение, которое обошлось мне всего в одиннадцать с половиной пенсов. Я тут же, на диво быстро, нашелся, — бывает, что и мы, Вустеры, умеем,

когда надо, соображать молниеносно, — оторвал от игрушечного аэропланчика карточку дяди Джеймса, вставил вместо нее свою, а брызгалку спрятал в карман и впоследствии унес домой. Так она все эти дни и лежала у меня всуе, но теперь наконец настал срок пустить ее в дело.

— Ну? — нетерпеливо спросил Биффи, когда я на полном скаку влетел в его гостиную.

Бедный петушок едва шевелил жабрами со страху. Мне это состояние было знакомо. И я, помнится, испытывал нечто подобное, поджидая к обеду сэра Родерика. Как, интересно, люди с больными нервами могут вести беседу с этим человеком? А ведь у него самая обширная практика во всем Лондоне, и не проходит дня, чтобы он не садился на голову хотя бы одному бедняге и не кричал санитарам, чтобы скорее тащили смирительную рубашку. И на мир он глядит как бы сквозь солому, торчащую в волосах его несчастных пациентов. Словом, я был совершенно уверен: стоит только Биффи надавить на клизму, а уж об остальном позаботится природа.

Поэтому я потрепал Биффи по плечу и сказал:

— Все в порядке, старик!

— Что предлагает Дживс?

— Дживс? Ничего.

— Но ты же сказал, все в порядке.

— В доме Вустера Дживс не единственный, кто способен думать, друг мой. Я занялся твоим делом сам и могу тебя заверить, что держу его под контролем.

— Ты? — переспросил Биффи не слишком-то лестным тоном. В нем слышался недостаток веры в мои таланты, а я всегда считаю: лучше показать, чем сто раз объяснять. Я сунул ему бутоньерку.

— Как ты относишься к цветам, Биффи? — спрашиваю.

— Что?

— Понюхай цветочки.

Биффи понуро сунулся хоботом в букетик, и тут я надавил на клизму в строгом соответствии с инструкцией на обороте ярлыка.

Люблю получать по полной стоимости за свои деньги. В одиннадцать с половиной пенсов эта штука мне обошлась, но сработала она так, что и двойную цену было бы не жалко отдать. В рекламе на коробке сообщалось, что эффект получается «неописуемо комичный». И могу вас заверить, что это еще мягко сказано. Бедолага Биффи отскочил на три фута и опрокинул инкрустированный столик.

— Ну вот, — скромно сказал я.

Биффи сначала утратил дар речи, но сравнительно быстро опомнился и смог высказаться довольно пылко.

— Успокойся, приятель, — сказал я, когда он смолк, чтобы перевести дух. — Это была не праздная забава, а наглядная демонстрация. Прими подарок и благословение от старого друга, снова наполни этот баллончик, сунь букетик сэру Родерику в физиономию, надави — и в остальном положись на него самого. Ручаюсь, не пройдет и трех секунд, как желание породниться с тобой покинет его раз и навсегда.

Биффи захлопал глазами.

— Ты что, хочешь, чтобы я обрызгал сэра Родерика?

— Именно. Обрызгай его хорошенько, от всей души.

— Но…

Он еще что-то взволнованно лепетал, когда раздался звонок у входной двери.

— Боже милосердный! — воскликнул Биффи, весь трясясь, как желе. — Это он. Займи его разговором, пока я сбегаю сменю рубашку.

Я едва успел набрать воды в клизму и положить бутоньерку рядом с прибором Биффи, как дверь отворилась, и вошел сэр Родерик. Я в этот миг,

нагнувшись, поднимал опрокинутый столик, и он приветственно обратился ко мне со спины:

— Добрый день! Надеюсь, я не опо… Мистер Вустер!

Должен признаться, что мне было немного не по себе. Есть что-то в этом человеке, что повергает в трепет самые мужественные сердца. Услышишь слова: «Сэр Родерик Глоссоп», — и поджилки у тебя начинают с полным основанием дрожать как осиновый лист. Здоровенная голова, эдакий голый шар, все волосы, которым положено на ней расти, переползли вниз и скучились в бровях, а глаза из-под бровей убивают наповал, точно «лучи Смерти».

— Как поживаете? — произнес я, поборов некоторое желание выпрыгнуть задом наперед из окна. — Давненько не виделись, а?

— Тем не менее я вас отчетливо помню, мистер Вустер.

— И чудесно, — говорю. — Старина Биффи вот пригласил меня принять тут участие в кое-какой кормежке…

Он угрожающе шевельнул бровями.

— Вы являетесь другом Чарлза Биффена?

— Да, знаете ли. Друзья с детских лет.

Он со свистом набрал в грудь воздуха, и видно

было, что акции Биффи сразу заметно упали. Потом он посмотрел вниз, а на полу разбросаны разные предметы, которые были на столике.

— Здесь что-то произошло?

— Ничего серьезного, — отвечаю. — Просто со стариной Биффи случился небольшой припадок, или родимчик, вследствие которого опрокинулся стол.

— Припадок?!

— Или родимчик.

— Он что же, страдает припадками?

Я уже открыл было рот, чтобы ответить, но тут в комнату влетел Биффи. Он забыл пригладить щеткой волосы, из-за чего имел вполне безумный вид, и я приметил, с какой подозрительностью покосился на него сэр Родерик. Похоже было, что почва вполне взрыхлена и удобрена и клубень теперь гарантированно примется и даст росток.

Человек Биффи внес кушанья, и мы уселись за стол.

Поначалу можно было подумать, что обеду суждено пройти в самой ледяной обстановке, от какой только случалось коченеть и стыть бывалым завсегдатаям званых обедов. Биффи, вообще хозяин на троечку, не внес от себя в пир разума и излияния духа ни малейшего вклада, разве толь-

ко слегка икал время от времени, а когда я делал попытку поддержать застольную беседу, сэр Родерик всякий раз оборачивался ко мне с таким убийственным выражением на физиономии, что любая счастливая находка немедленно гибла в зародыше. Но, к счастью, на второе было подано куриное фрикасе такого отменного качества, что старик, умяв свою порцию, протянул миску за добавкой и чуть ли не залучился добродушием.

— Я явился сюда, Чарлз, — объявил он почти что, можно сказать, приветливо, — с неким, если можно так выразиться, заданием. Да, с заданием. Превосходное фрикасе.

— Рад, что вам нравится, — промямлил Биффи.

— Исключительное. Тает во рту. — Он загреб себе еще полтарелки. — Да, так я говорю, я прибыл с заданием. Вы, нынешняя молодежь, я знаю, живете в нашей несравненной столице, не удосужившись осмотреть ни одной из ее многочисленных достопримечательностей. Будь я азартным человеком, каковым не являюсь, я бы заключил пари на изрядную сумму, что вы, Чарлз, ни разу в жизни не посетили даже такое историческое место, как Вестминстерское аббатство. Или я не прав?

Биффи нечленораздельно икнул, что, мол, дав-

но собирался, но…

— И Тауэр?

— Да, и Тауэр тоже.

— А между тем не далее как в двадцати минутах езды на такси от Гайд-парка находится в настоящее время величайшая и назидательнейшая коллекция предметов, как одушевленных, так и неодушевленных, когда-либо за всю английскую историю выставлявшаяся на обозрение посетителей. Я имею в виду Британскую имперскую выставку в Уэмбли.

— Мне вчера один анекдот рассказали про Уэмбли, — ввернул я, чтобы немного взбодрить разговор. — Остановите меня, если уже слышали. Один тип подходит к глухому у ворот выставки и спрашивает: «Это Уэмбли?» Глухой говорит: «Чего?» Тип опять: «Это Уэмбли?» А глухой: «Чего?» А тип опять: «Это Уэмбли?» — «Да нет, — это глухой говорит, — не лямблии, а цирроз». Ха-ха-ха, правда?

Но бодрый смех замер у меня на губах. Сэр Родерик слегка повел в мою сторону бровью, и я сразу понял, что мое место — в мусорной корзинке и нечего мне было оттуда высовываться. Не знаю больше никого, кто умел бы так дать ближнему почувствовать себя отбросом человечества, как

это получается у сэра Родерика Глоссопа.

— Значит, вы до сих пор не посетили Уэмбли, Чарлз? — вернулся он к прежней теме. — Нет? Я это подозревал. Так вот, задание, мною полученное, состоит в том, чтобы свозить вас на выставку. Так хочет Гонория. Она полагает, что таким образом можно будет расширить ваш кругозор, в чем я с нею вполне согласен. Мы отправимся сразу после обеда.

— Ты ведь тоже с нами поедешь, Берти? — умоляющим голосом спросил Биффи.

Во взгляде его была такая мука, что я колебался не долее одной минуты. Кореш есть кореш. К тому же, если моя задумка с клизмой оправдает ожидания, эта увеселительная поездка вообще, с Божьей помощью, не состоится.

— Что ж, пожалуй, — не стал упираться я.

— Ну зачем же нам злоупотреблять добротой мистера Вустера? — весь напыжился сэр Родерик.

— Ерунда. Я и сам уже давно собирался заглянуть в эту лавочку. Сейчас слетаю домой переодеться и заеду сюда за вами на автомобиле.

Пауза. Биффи, похоже, страшно обрадовался, что не придется остаток дня провести с глазу на глаз с сэром Родериком, даже утратил дар речи.

А сэр Родерик, поджав губы, хранил молчание в знак несогласия. Потом вдруг заметил бутоньерку у прибора Биффи и подчеркнуто переменил тему:

— О, цветы! Душистый горошек, если не ошибаюсь. Дивный представитель семейства бобовых, радующий и взор, и обоняние.

Я посмотрел через стол на Биффи. Глаза у него выпучились, в них появился непривычный блеск.

— Вы любите цветы, сэр Родерик? — хрипло спросил он.

— Чрезвычайно.

— Тогда понюхайте.

Сэр Родерик изогнул выю и потянул носом. Пальцы Биффи сомкнулись на клизме. Я зажмурился и вцепился обеими руками в край стола.

— Чудесный аромат, — слышу голос сэра Родерика. — Очень приятный.

Открываю глаза — Биффи отвалился на спинку стула, на лице трагическая маска, рядом на скатерти цветы. Я сразу понял, что произошло. В этот решающий миг, когда от простого нажатия пальцев зависела его судьба, бедняга Биффи, бесхребетная козявка, смалодушничал и дал задний ход. Весь мой план, взлелеянный и продуманный

до мельчайших деталей, безнадежно лопнул.

Дома я застал Дживса за поливкой гераней под окном гостиной.

— Смотрите, как живописно они цветут, сэр, — сказал он, окидывая растения отеческим взором.

— Ни слова про цветы, Дживс, — откликнулся я. — Теперь я знаю, что чувствует генерал, который научно спланировал военную операцию, а подчиненные сорвали ее осуществление.

— Вот как, сэр?

— Да, — вздохнул я и все ему рассказал. Он выслушал меня очень внимательно.

— Довольно нерешительный и слабохарактерный молодой джентльмен этот мистер Биффен, — таков был комментарий Дживса по окончании моего рассказа. — Я вам сегодня до ночи больше не понадоблюсь, сэр?

— Нет. Мы едем на выставку в Уэмбли. Я только забежал переодеться и взять машину. Выложите мне спецодежду, которой не страшны будут объятия тысячерукой толпы, и позвоните в гараж.

— Очень хорошо, сэр. Серая шевиотовая куртка, я думаю, подойдет. Не будет ли с моей стороны бесцеремонностью, сэр, если я попрошу вас взять и меня в автомобиль? Я тоже намеревался сегодня побывать в Уэмбли.

— Да? Ладно, пожалуйста.

— Весьма благодарен, сэр.

Я переоделся, и мы поехали к Биффи. Они с сэром Родериком забрались на задние сиденья, а Дживс сел впереди рядом со мной. Вид Биффи так вопиюще не соответствовал развлекательной цели нашей поездки, что сердце мое сжалось от сострадания, и я попытался еще раз воззвать к человеколюбию Дживса.

— Должен признаться, Дживс, — говорю я ему, — что вы меня разочаровали.

— Мне весьма печально это слышать, сэр.

— Нет, правда-правда. Совершенно разочаровали. Кажется, могли бы сплотиться и помочь человеку. Видели, какое у мистера Биффена выражение лица?

— Да, сэр.

— Ну и как же?

— Прошу меня простить, сэр, но мистер Биффен, бесспорно, сам виноват, если принял на себя матримониальные обязательства, которые ему в тягость.

— Вы говорите совершенную чушь, Дживс. Вы знаете не хуже меня, что Гонория Глоссоп — это бич Божий. С таким же успехом можно винить человека за то, что его переехал грузовик.

— Да, сэр.

— Именно что да! И к тому же бедный дуралей был в таком состоянии, что вообще не мог оказать сопротивления. Он мне сам рассказывал. Он потерял свою единственную любовь, а вы знаете, каково это, когда с тобой случается такое несчастье?

— Как же это с ним произошло, сэр?

— Он влюбился, когда плыл на пароходе в Нью-Йорк, и расстался со своей избранницей у входа в таможню, условившись о встрече назавтра в ее отеле. Но вы ведь знаете, что за фигура этот Биффи. Он даже собственное имя то и дело забывает. Название отеля он не записал, и оно просто вылетело у него из головы. С тех пор он ходил сам не свой, вроде как в трансе, а очнулся — и оказывается, он обручен с Гонорией Глоссоп!

— Я этого не знал, сэр.

— И никто, я думаю, не знает, кроме меня. Он со мной поделился тогда в Париже.

— Казалось бы, сэр, можно было предпринять поиски.

— Я так ему и сказал. Но он забыл, как ее зовут.

— Это поразительно, сэр.

— Мне тоже так показалось. Но факт таков. Он только помнил имя — Мэйбл, а фамилию нет. Не

будешь же искать по всему Нью-Йорку девушку по имени Мэйбл, правда?

— Я согласен, что это было бы довольно затруднительно.

— Ну так вот, сами видите.

— Да, сэр.

Тут мы застряли в толкучке экипажей перед входом на выставку, и, поскольку, чтобы лавировать между ними, понадобилось все мое внимание, я вынужден был временно замолчать. В конце концов мы все-таки произвели парковку и вошли на территорию выставки. Дживс куда-то делся, и нашу экспедицию возглавил сэр Родерик. Он направился в Павильон индустрии, мы с Биффи поплелись следом.

Лично я на выставки вообще-то не ходок. Народные массы в сплоченном состоянии действуют на меня угнетающе; пошаркав подошвами в толпе с четверть часа или около того, я начинаю чувствовать, что земля у меня под ногами накалилась и тлеет. К тому же в данном конкретном случае мне как-то недоставало интереса, если вы меня понимаете. То есть, конечно, есть миллионы людей, которые готовы визжать и плакать от восторга при виде рыбы-дикобраза или стеклянного короба с зерном из Западной Австралии, — но не

Бертрам. Поверьте тому, кто не станет врать: не Бертрам. Когда мы наконец выдрались из селения туземцев Золотого Берега и потащились к Дворцу машинерии, стало уже более или менее ясно, что с минуты на минуту я тихо скроюсь и подамся в заманчивый «Плантаторский бар», находящийся в отделе «Вест-Индия». Сэр Родерик протащил нас мимо него на повышенной скорости, поскольку у него в душе ничего не пробудилось при виде бара; а вот я успел углядеть там бравого молодца за стойкой, который готовил некий напиток, подливая в высокие стаканы — и как будто бы даже со льдом — жидкости из разных бутылок и перемешивая состав специальной палочкой. Мне мучительно захотелось ближе пообщаться с этим малым. Я уже изготовился выпасть из рядов, отстать от родного отряда и затеряться в толпе, как вдруг что-то зацепило меня за рукав. Оглядываюсь — Биффи. И на лице у него написано, что его терпение истощилось.

Бывают в жизни мгновения, когда нет нужды в словах. Я посмотрел на Биффи, Биффи посмотрел на меня. Полнейшее взаимопонимание объединило наши сердца.

— ?

— !

Три минуты спустя мы уже находились среди вестиндских плантаторов. Я никогда не бывал в Вест-Индии, но могу засвидетельствовать, что по части удовлетворения потребностей человека они там на целый круг опередили европейскую цивилизацию. Тип за стойкой, добрейшей души человек, угадал наши потребности, едва мы появились на горизонте. Мы еще и облокотиться перед ним не успели, как он уже прыгал позади стойки, при каждом прыжке снимая с полки новую бутылку. Очевидно, для плантатора выпивка — не выпивка, если в ней содержится менее семи составных частей. И я вовсе не говорю, что плантаторы тут не правы. Малый за стойкой сообщил нам, что напиток, им составленный, называется «Зеленый пшик»; если я женюсь и у меня родится сын, он будет зарегистрирован как Бертрам Пшик Вустер в память о чудесном спасении его отца.

Мы приняли по третьей, и Биффи удовлетворенно вздохнул.

— Где, по-твоему, сейчас сэр Родерик? — спросил он задумчиво.

— Биффи, старичок, — честно ответил я, — мне в высшей степени наплевать.

— Берти, душа моя, и мне тоже, — признался он.

Он еще раз вздохнул и прервал воцарившееся между нами молчание просьбой к бармену дать ему новую соломинку.

— Берти, — сказал Биффи, — я только что вспомнил одну очень странную вещь. Ты Дживса знаешь?

Я ответил, что да, знаю.

— Так вот, когда мы входили сюда, случилось удивительное происшествие. Ко мне подвалил старина Дживс и произнес нечто совершенно загадочное. Нипочем не угадаешь.

— Еще бы.

— Дживс сказал, — весь напрягшись, проговорил Биффи, — цитирую дословно… он сказал: «Мистер Биффен»… это он ко мне обращался, ты понимаешь?..

— Понимаю.

— «Мистер Биффен, — так он сказал, — очень советую вам посетить…»

— Ну? Что же? — спросил я, поскольку он на этом смолк.

— Берти, старина, — ответил Биффи, очень расстроенный, — понимаешь, я напрочь забыл, что именно.

— Потрясающе, — говорю я. — Одного я взять в толк не могу: как это ты умудряешься управ-

ляться со своим хертфордширским хозяйством, ей-богу? Не забываешь доить коров, сервировать обед свиньям.

— Ну, это-то пустяки. Там всюду имеются трудящиеся, наемная рабочая сила, они всем этим занимаются.

— А-а, — говорю. — Ну раз так, давай выпьем еще по «Зеленому пшику» и отправимся к аттракционам.

Прошу иметь в виду, что мои вышеприведенные отрицательные высказывания насчет выставок не относятся к их более, так сказать, земным отделам. То есть я не менее всякого другого способен наслаждаться деревянными откосами, с которых за шиллинг съезжаешь на циновке по наклонной плоскости. С удовольствием играю в прыг-скок. И готов против любого сразиться на деньги, почтовые марки или орехи в пружинный бильярд.

Но при всей моей сердечной склонности к подобного рода забавам до Биффи мне оказалось далеко, как от земли до неба. «Зеленый ли пшик» так на него подействовал, или просто он вздохнул полной грудью, отделавшись от сэра Родерика, не знаю точно, но он с таким азартом предался пролетарским развлечениям, что меня прямо

страх взял. Я никак не мог оттащить его от качелей с переворотом, а на американских горках он, похоже, вообще решил поселиться. Наконец я его оттуда выцарапал. И вот Биффи бредет рядом со мной в толпе безумной, весь взволнованный, глаза горят, и мучит его выбор между предсказательницей судьбы и чертовым колесом, как вдруг я чувствую, он вцепился в мой локоть, и уста его испустили громкий звериный вопль:

— Берти!

— Ну, что еще?

Он указывает пальцем на вывеску над крышей павильона:

— Смотри! Дворец красоты!

Мне захотелось его немного осадить. В конце концов, сколько можно: мы уже не те юнцы, что в прежние времена.

— Нечего там делать, — говорю. — Мне приятель в клубе рассказывал. Там и нет ничего, одни девицы. Полным-полно девиц. Какой интерес на них глазеть?

— Большой интерес! — возразил Биффи. — Полно девиц — это замечательно, пусть их будут десятки, сотни, и чем меньше походят на Гонорию, тем замечательнее. Кроме того, я вспомнил, что Дживс рекомендовал мне посетить именно

этот павильон. Все вдруг всплыло в памяти. «Мистер Биффен, — он мне сказал, — я очень советую вам побывать во Дворце красоты». Я, правда, не знаю, к чему это он и зачем, но скажи мне, Берти, разве правильно, разумно, полезно пренебрегать хоть единым словечком Дживса? Вход вон в ту дверь слева.

Не знаю, приходилось ли вам бывать во Дворце красоты. Это своего рода аквариум, где вместо рыб содержится прекрасный пол. Входишь — перед тобой вроде как прозрачная коробка, и сквозь толстое стекло оттуда на тебя таращится прелестное создание в довольно своеобразном туалете. А сверху надпись: «Прекрасная Елена». Двигаешься дальше — в следующем отделении другая дама ведет поединок джиу-джитсу со змеей; подзаголовок — «Клеопатра». Словом, вы поняли общую идею: знаменитые женщины в мировой истории. В таком духе. Не ахти как увлекательно, на мой взгляд. Я утверждаю, что красивая женщина теряет значительную часть своего очарования, если ее поместить за стеклом. Более того, у меня даже возникло неприятное чувство, будто заглянул по ошибке в окно чужой спальни, и я припустил со всех ног, чтобы поскорее выбраться на волю. Но Биффи неожиданно обезумел.

По крайней мере у меня сложилось такое впечатление. Он вдруг пронзительно заорал, сдавил мне локоть, будто крокодильими челюстями, и что-то непонятное залопотал.

— Ик! — воскликнул он (за точность не ручаюсь, но смысл приблизительно такой).

Меж тем собралась большая толпа интересующихся. Я сначала подумал, что, наверно, женщин сейчас будут кормить. Но Биффи ни на кого не обращал внимания. Он как полоумный махал рукой, указывая на одно из стеклянных помещений. Не помню сейчас, что в нем изображалось, но девица была в плоеном воротнике, так что, вероятно, королева Елизавета или Боадицея — словом, кто-то из той эпохи. Довольно симпатичная такая девушка. И она так же таращилась на Биффи, как он на нее.

— Мэйбл! — взревел Биффи, словно бомба разорвалась у меня в ухе.

Надо сказать, что мне в эту минуту было не особенно весело. Драма — она, конечно, вещь замечательная, но угодить в драму в общественном месте — этого я совершенно не выношу. А я даже не подозревал, до чего там место оказалось общественное. За каких-то пять секунд толпа удвоилась в размерах, и притом, что большин-

ство разглядывало Биффи, достаточно нашлось и таких, кто глазел на меня, вероятно видя во мне важного участника спектакля и ожидая от меня с минуты на минуту какого-нибудь лихого коленца на потеху публике. А Биффи знай себе скачет, как ягненок на майском лугу, и к тому же совершенно безмозглый ягненок.

— Берти! Это она! Она это! — Он дико озирался вокруг. — Где, черт возьми, ход за кулисы? Где директор? Немедленно подайте сюда директора!

Тут он набросился на стеклянную перегородку и стал колошматить по ней тростью.

— Старина, послушай-ка, — пытался я его урезонить. Но он вырвался.

Эти загородные жители вместо тросточки, являющейся непременной принадлежностью экипировки столичного щеголя, носят обычно внушительную дубину, а в Хертфордшире тогда, похоже, в моде были настоящие палицы. Биффи с первого же удара разнес стеклянную перегородку в мелкие дребезги. Еще трех ударов хватило на то, чтобы расчистить путь и войти внутрь, не порезавшись. И не успел столпившийся народ сообразить, какая удача ему выпала за один шиллинг входной платы, как Биффи очутился внутри и завязал с тамошней девицей оживленный

разговор.

Одновременно в толпе появились два огромных полисмена.

От полисмена нельзя требовать романтического взгляда на вещи. Ни слезинки не утерли на ходу два блюстителя порядка. В мгновение ока они прошествовали внутрь клетки, а затем обратно, уже в обществе Биффи. Я устремился следом, для того чтобы скрасить ему последние минуты, а он обратил ко мне пылающее лицо и возопил голосом, исполненным чувства:

— Чизик шестьсот восемь — семьдесят три! Запиши, Берти, а то я забуду. Чизик шестьсот восемь — семьдесят три! Номер ее телефона!

И он исчез, сопровождаемый не менее одиннадцатью тысячами зевак. Тут чей-то голос произнес:

— Мистер Вустер! Что… что… что все это значит?

Рядом со мной стоял сэр Родерик и сильнее обычного топорщил брови.

— Ничего особенного, — ответил я. — Просто старина Биффи окончательно спятил.

Сэр Родерик отшатнулся:

— Что-о?

— Понимаете, у него случился припадок. Или

родимчик.

— Опять? — Он глубоко вздохнул. — И за этого человека я чуть было не позволил моей дочери выйти замуж! — пробормотал он себе под нос. Я дружески похлопал его по плечу. Заставил себя, хотя, поверьте, это было нелегко.

— Я бы на вашем месте, — говорю я ему, — отменил это дело. Крест бы поставил. Бесповоротно вымарал бы из расписания. Таков мой вам совет.

Он злобно покосился на меня.

— В ваших советах я не нуждаюсь, мистер Вустер! Я уже сам, независимо от вас, принял такое решение. А вы, будучи другом этого человека, — факт, который сам по себе должен был бы послужить мне предостережением, — вы, в отличие от меня, еще увидитесь с ним. И сделайте одолжение, поставьте его при встрече в известность, что он может считать свою помолвку расторгнутой!

— Будет сделано! — отозвался я и поспешил вослед зевакам. У меня создалось впечатление, что настало время потолковать о небольшом залоге.

Примерно через час я протолкался на стоянку к своему автомобилю. На переднем сиденье я обнаружил Дживса, погруженного в созерцание миров. При моем появлении он учтиво встал.

— Вы собираетесь уезжать, сэр?

— Да.

— А как же сэр Родерик, сэр?

— Его не будет. Бесполезно скрывать от вас, Дживс, что мы с ним раздружились. И даже не разговариваем.

— В самом деле, сэр? А мистер Биффен? Вы не будете его ждать?

— Нет. Он в тюрьме.

— Вот как, сэр?

— Да. Я хотел внести залог и увезти его, но они передумали и оставили его ночевать в кутузке.

— За что же его задержали, сэр?

— Помните, я вам рассказывал про девушку, которую он полюбил? Он увидел ее за стеклом во Дворце красоты и рванул к ней кратчайшим путем, то есть пробил в стекле окошко. Ну а полицейские чины его зацапали и уволокли закованного в цепи. — Тут я искоса взглянул на Дживса. Трудно сбоку устремить на человека пронзительный взор, но мне это удалось. — Дживс, — сказал я, — тут что-то кроется, на первый взгляд неуловимое. Ведь это вы посоветовали мистеру Биффену сходить во Дворец красоты. Вы что, знали, что он найдет там свою любимую?

— Знал, сэр.

Это было поразительно и даже отчасти загадочно.

— Надо же! Вы, кажется, знаете все на свете.

— Я просто знаком с будущей миссис Биффен, сэр.

— Ах так. Значит, вам было известно, что произошло в Нью-Йорке?

— Да, сэр. И именно по этой причине я не был расположен содействовать мистеру Биффену, когда вы любезно предложили мне оказать ему посильную помощь. Я ошибочно усмотрел в его действиях игру с чувствами девушки, сэр. Но когда вы ознакомили меня с истинным положением вещей, мне стало ясно, как я был несправедлив к мистеру Биффену, и я постарался исправить ошибку.

— Н-да. Вы ему оказали огромную услугу. Ведь он совсем помешался от любви.

— Весьма рад это слышать, сэр.

— Да и она тоже вам очень многим обязана. Старина Биффи — обладатель годового дохода в пятнадцать тысяч фунтов, не говоря уж о всяких там коровах, утках и курицах, которых столько, что просто девать некуда. Крайне полезная птица в семейном обиходе, курица.

— Да, сэр.

— Скажите, Дживс, а, собственно, каким образом вы оказались знакомы с этой девушкой?

Дживс задумчиво смотрел вдаль на людские толпы.

— Она моя племянница, сэр. Если мне дозволительно сделать замечание, я бы не советовал, сэр, так резко поворачивать руль. Мы едва не столкнулись с автобусом.

Без замены штрафом[16]

Обоснованность улик сомнений не вызывала. Правоохранительная система сработала без сбоев. И судья, поправив пенсне, грозившее в любой момент слететь с носа, прокашлялся, словно больной баран, прежде чем сообщить нам дурную весть. «Подсудимый Вустер, — трудно передать словами, какие муки совести и стыд испытал ваш покорный слуга, Бертрам, услышав такое вот обращение к себе, — приговаривается к штрафу в пять фунтов».

— Ну конечно! — вырвалось у меня. — О чем речь! Само собой!

Я ужасно обрадовался, что дело разрешилось такой приемлемой суммой. Оглядывал то, что называют морем лиц, пока не увидел в последних рядах Дживса.

Этот смелый малый пришел, чтобы посмотреть на своего молодого господина в час испытаний.

— Послушай, Дживс, — крикнул я, — у тебя найдется пятерка? Я немного поиздержался.

— Соблюдать тишину! — рявкнуло вмешива-

---

[16] Примечания: 16

© Перевод. В. Вебер.

ющееся не в свое дело ничтожество, судебный пристав.

— Нет, вы не поняли, — объяснил я. — Мне необходимо уточнить некоторые финансовые детали. Ты при деньгах, Дживс?

— Да, сэр.

— Славный парень!

— Вы друг подсудимого? — спросил судья.

— Я нахожусь в услужении у мистера Вустера, ваша честь, в качестве его личного камердинера.

— В таком случае заплатите штраф судебному клерку.

— Слушаюсь, ваша честь.

Судья холодно мне кивнул, как бы давая понять, что теперь можно сбить кандалы с моих запястий, и, еще раз поправив съехавшее пенсне, одарил беднягу Сиппи одним из самых раздраженных взглядов, какие только доставались арестантам в полицейском суде на Бошер-стрит.

— Дело подсудимого Льва Троцкого, который, — он вновь неодобрительно покосился на Сиппи, — по моему глубокому убеждению, назвался вымышленным, фиктивным именем, кажется мне куда более серьезным, чем предыдущее. Он обвиняется в неоправданном и жестоком избиении стража порядка. Свидетельские показа-

ния полицейского неопровержимо доказывают, что подсудимый ударил его в живот, причинив сильную боль во внутренностях, и, кроме того, другими способами препятствовал исполнению служебных обязанностей. Мне известно, что вечером после ежегодной регаты между университетами Оксфорда и Кембриджа властями традиционно гарантируются определенные поблажки всем, кто отмечает это событие, но применение насилия и грубое хулиганство, допущенное подсудимым Троцким, не могут остаться безнаказанными. Таким образом, я приговариваю его к тридцати дням заключения во Второй окружной тюрьме без права замены штрафом.

— Нет, послушайте!.. Тут… как… будь оно проклято! — запротестовал бедный старина Сиппи.

— Молчать! — рявкнуло вмешивающееся не в свое дело ничтожество.

— Слушается следующее дело, — заявил судья.

Так началась эта история.

Нам просто не повезло. Некоторые подробности я, конечно, помню смутно, но, как я все это себе представляю, произошло примерно следующее.

Как правило, я воздерживаюсь от излишеств, но в один-единственный вечер в году позволяю себе расслабиться и вспомнить, так сказать, ушед-

шую молодость. Как вы уже догадались, вечер, о котором я говорю, наступает после ежегодной лодочной гонки между студентами Оксфорда и Кембриджа; другими словами, это Вечер регаты. Каждый год в это время вы можете увидеть меня навеселе, а на этот раз, честно признаюсь, я немного перебрал и встретил Сиппи напротив «Эмпайра»[17] уже тепленьким. Вот почему я так быстро заметил, что Сиппи, один из самых беззаботных кутил, выглядел как в воду опущенный. У меня сложилось впечатление, что он чем-то сильно огорчен.

— Берти, — начал он, когда мы зашагали к Пиккадилли. — Душа тоской полна, хватаясь за малейшую надежду. — Сиппи, между прочим, литератор (хотя во всем, что касается предметов первой необходимости, полностью зависит от тетки, проживающей в сельской местности) и поэтому частенько разговаривает высоким штилем. — Беда в том, что нет у меня надежды, за которую я мог бы ухватиться, ни последней, ни какой-то другой. Судьба против меня, Берти.

— Что стряслось, старина?

— Завтра я должен покинуть Лондон и уехать

---

[17] Примечания: 17

«Эмпайр» — большой лондонский кинотеатр на Лестер-сквер.

на три недели к совершенно жутким — я этим не ограничусь, — абсолютно невыносимым друзьям моей тети Веры. Она все это подстроила, и пусть проклятие племянника загубит все луковицы тюльпанов в ее саду.

— Кто же эти адские псы? — спросил я.

— Некие Принглы. В последний раз я гостил у них, когда мне было десять лет, но даже тогда мне показалось, что вторых таких зануд не сыскать во всей Англии.

— Тяжелый случай. Неудивительно, что ты совсем раскис.

— Мир стал серым, — вздохнул Сиппи. — Как мне выйти из этой ужасной депрессии?

Тут у меня и родилась одна из блестящих идей, какие обычно приходят в голову в Вечер регаты за полчаса до полуночи.

— Что тебе нужно, старик, так это полицейский шлем.

— Неужели нужен, Берти?

— Я в этом уверен. Будь я на твоем месте, я перешел бы на другую сторону улицы и взял вон тот шлем.

— Но в нем полицейский. Его же видно.

— Что с того? — удивленно спросил я. Просто не понимал ход его мыслей.

Сиппи на мгновение застыл в раздумьях.

— Мне кажется, ты абсолютно прав, — изрек он. — Странно, что я не додумался до этого раньше. Ты действительно советуешь мне добыть этот шлем?

— Безусловно.

— Тогда я его добуду, — просиял Сиппи.

Теперь вы разобрались в ситуации и понимаете, почему я, покинув зал суда свободным человеком, испытывал угрызения совести. На двадцать пятом году жизни, в то время как перед ним открывались все двери и все такое, Оливер Рендолф Сипперли угодил за решетку, и исключительно по моей вине. Ведь это я, образно говоря, вывалял этого кристально-чистого человека в грязи, и теперь передо мной стоял один вопрос: как искупить свой грех?

Очевидно, что первым делом следовало повидаться с Сиппи, узнать, нет ли у него каких пожеланий. Двинувшись в этом направлении и наведя справки, я в конце концов оказался в полутемной комнате с белыми стенами и длинной скамьей, на которой, закрыв голову руками, сидел Сиппи.

— Ну как ты, старина? — приглушенно, как принято говорить у постели умирающего, спросил я.

— Я конченый человек, — заявил Сиппи, являя собой сваренное в мешочек яйцо.

— Перестань. Все не так плохо, как кажется с первого взгляда. По крайней мере у тебя хватило ума назваться чужим именем, так что никто не прочтет о твоем аресте в газетах.

— Плевать я хотел на газеты. Меня волнует, как мне провести с Принглами три недели, начиная с сегодняшнего дня, если я буду сидеть в тюрьме с кандалами на лодыжках?

— Ты сам говорил, что не хочешь к ним ехать.

— Дело не в том, чего я хочу, а чего — нет, болван! Я должен к ним ехать! Если я у них не появлюсь, тетя Вера начнет выяснять, где я. А если она узнает, что вместо штрафа меня на тридцать дней бросили в самую сырую темницу под крепостным рвом, ты представляешь себе, чем это для меня закончится?

Я понял, о чем он толкует.

— Знаешь, нам все равно не придумать, как выкрутиться, — честно ответил я. — Мы должны обратиться в более высокую инстанцию. Дживс — вот с кем нужно посоветоваться.

И, выяснив у Сиппи кое-какие подробности, я пожал ему руку и пошел домой.

— Дживс, — обратился я к нему, когда в голове

у меня немного прояснилось после опохмеливающего напитка, который он предусмотрительно приготовил к моему приходу, — я должен кое-что тебе рассказать, кое-что исключительно важное, затрагивающее жизненные интересы человека, на которого ты всегда смотрел как… к которому ты всегда относился с… с кем ты… короче, раз уж сегодня я несколько не в себе… речь о мистере Сипперли.

— Да, сэр?

— Дживс, мистер Супперли вляп.

— Простите, сэр?

— Я хочу сказать, мистер Сипперли влип.

— Правда, сэр?

— И все благодаря мне. По доброте сердечной, желая развеселить беднягу и занять его каким-нибудь делом, я посоветовал ему украсть полицейский шлем.

— Неужели, сэр?

— Ты мог бы обойтись без реплик, Дживс? — спросил я. — Для человека с такой больной головой, как у меня, история и так слишком уж запутанная, и если ты будешь перебивать, я совсем потеряю нить. Прошу тебя, сделай одолжение и помолчи. Лучше изредка кивай, показывая, что тебе все понятно.

Я закрыл глаза и собрался с мыслями.

— Начнем с того, Дживс, что мистер Сипперли — не знаю, известно тебе об этом или нет — целиком и полностью зависит от своей тети Веры.

— Вы имеете в виду мисс Сипперли из Пэддока, Бекли-на-болоте, в Йоркшире, сэр?

— Да. Только не говори мне, что ты ее знаешь.

— Лично я — нет, сэр. Но в деревне поблизости живет мой кузен, который с ней знаком. Он говорил мне, что мисс Сипперли — властная, вспыльчивая пожилая леди со… но я прошу прощения, сэр. Мне следовало кивнуть.

— Совершенно верно, тебе следовало кивнуть. Именно так, Дживс, тебе следовало кивнуть. Но сейчас поезд уже ушел.

И я кивнул сам себе. Прошлой ночью не спал положенных мне восьми часов, и меня время от времени охватывало какое-то летаргическое состояние.

— Да, сэр? — Дживс, похоже, ожидал продолжения.

— Э-э-э… ах… да! — Я встряхнулся. — Так на чем мы остановились?

— Вы сказали, что мистер Сипперли целиком и полностью зависит от своей тети Веры, сэр.

— Так и сказал?

— Да, сэр.

— Ты абсолютно прав, именно так я и сказал. Так вот, Дживс, ему ни в коем случае нельзя ей перечить. Я понятно объясняю?

Дживс кивнул.

— А теперь слушай внимательно. Несколько дней назад она написала Сиппи письмо с просьбой приехать и спеть что-нибудь на деревенском концерте, который она устраивает. Такая просьба равносильна королевскому приказу, если ты понимаешь, о чем я, и Сиппи не мог просто взять и отказаться. Но он как-то раз уже выступал на организованном ею концерте и, после того как его освистали самым неподобающим образом, не желал повторения пройденного. Ты все понял, Дживс?

Дживс кивнул.

— Сиппи придумал, как ему тогда казалось, гениальный план. Он сообщил тетушке, что с радостью спел бы на ее концерте, но так уж вышло, что издатель подписал с ним договор на серию статей о Кембридже и поэтому он должен немедленно отправиться туда на три недели. Тебе ясно, Дживс?

Дживс наклонил свой кокосовый орех.

— После чего мисс Сипперли написала ему

очередное письмо, похвалила за то, что работу он ставит выше удовольствий — под последним она, видимо, подразумевала пение песен на концертах в Бекли-на-болоте, где тебя освистывают местные хулиганы, — и указала, что остановиться ему, естественно, придется у ее друзей, Принглов, раз уж он едет в Кембридж, потому что живут они неподалеку от города. Затем она послала Принглам телеграмму, извещая их о прибытии своего племянника двадцать восьмого числа, и получила ответ, что те будут рады его принять. А теперь Сиппи в кутузке, и во что все это может вылиться? Дживс, эта проблема достойна твоего могучего ума. Я в тебя верю.

— Я сделаю все возможное, чтобы оправдать ваше доверие, сэр.

— Тогда — вперед! А пока опусти жалюзи, принеси мне пару подушек и пододвинь этот стульчик так, чтобы я мог положить на него ноги. После чего уйди, предайся размышлениям и сообщи мне результат — ну, допустим, часа через два, а еще лучше — через три. Если кто-нибудь придет и захочет меня повидать, передай им, что я умер.

— Умерли, сэр?

— Умер. Ты будешь недалек от истины.

Проснулся я к вечеру, и бодрым, хотя шея у ме-

ня поворачивалась со скрипом. Нажал на кнопку звонка.

— Я дважды заходил к вам, сэр, — отчитался Дживс, — но вы спали, и мне не хотелось вас беспокоить.

— Молодец. Всегда так поступай… Итак?

— Я тщательно обдумал проблему, о которой вы говорили, сэр, и вижу только одно решение.

— Одного вполне достаточно, Дживс. Что ты предлагаешь?

— Вам следует отправиться в Кембридж вместо мистера Сипперли, сэр.

Я уставился на безумца. Разумеется, чувствовал я себя значительно лучше, чем несколько часов назад, но все-таки недостаточно хорошо, чтобы выслушивать эту галиматью.

— Дживс, — голос мой звучал сурово, — очнись, пока не поздно. Ты соображаешь, что несешь?

— Боюсь, сэр, я не могу предложить другого плана, который разрешил бы дилемму мистера Сипперли!

— А ты хорошенько подумай! Пошевели мозгами! Даже я, несмотря на бессонную ночь и беспокойное утро, проведенное с судейскими, понимаю, что твой план — бред сивой кобылы. Твоя первая ошибка сразу бросается в глаза: ведь

эти люди ждут не меня, а мистера Сипперли. Обо мне они и слыхом не слыхивали.

— Тем лучше, сэр. Мое предложение заключается в том, чтобы вы отправились в Кембридж к Принглам и представились им как мистер Сипперли.

— Дживс, — я чувствовал, как на глаза наворачиваются слезы, — ты сам знаешь, что городишь чушь. На тебя это совершенно не похоже — приходить к больному человеку и добавлять ему страданий.

— Я считаю предложенный мною план осуществимым, сэр. Пока вы спали, мне удалось переговорить с мистером Сипперли, и он проинформировал меня, что профессор и миссис Прингл видели его в последний раз, когда ему было десять лет.

— Верно. Мне он тоже об этом говорил. Но все равно они наверняка начнут расспрашивать меня о моей тете — вернее, о его тете. И что тогда?

— Мистер Сипперли любезно сообщил мне некоторые факты о мисс Сипперли, которые я записал. Если вы просмотрите их на досуге, а я расскажу вам о привычках этой дамы, известных мне от моего троюродного брата, думаю, вы без труда сможете ответить на любой обычный

вопрос.

Все-таки Дживс — удивительный хитрец. Со дня нашего знакомства он вновь и вновь поражал меня, предлагая очередной идиотский план, проект или программу действий, а буквально через пять минут умудрялся убедить меня, что его замысел не только реальный, но и эффективный. Сейчас ему пришлось попотеть почти четверть часа, план он предложил уж больно невероятный, но тем не менее он своего добился. Я держался до тех пор, пока этот малый не привел самый весомый аргумент.

— Осмелюсь предположить, сэр, что вам лучше всего покинуть Лондон как можно скорее и скрыться на некоторое время в укромном месте, где вас нельзя будет разыскать.

— Да? Это еще зачем?

— За последний час, сэр, миссис Спенсер звонила трижды, каждый раз требуя срочно позвать вас к телефону.

— Тетя Агата! — вскричал я и побледнел, несмотря на загар.

— Да, сэр. Насколько я понял из ее слов, она прочла в вечерней газете заметку об утреннем судебном заседании.

Я вскочил с кресла как ужаленный. Если тетя

Агата в воинственном настроении, мне следует улепетывать, не теряя ни секунды.

— Дживс, — скомандовал я, — хватит слов, пора действовать. Немедленно упакуй мои чемоданы.

— Они упакованы, сэр.

— Выясни, когда отправляется ближайший поезд на Кембридж.

— Через сорок минут, сэр.

— Вызови такси.

— Такси у двери, сэр.

— Прекрасно! — воскликнул я. — Веди меня к нему.

* * *

Особняк Принглов находился довольно далеко от Кембриджа, в миле или двух по Трампингтон-роуд. Когда я туда прибыл, все переодевались к обеду, поэтому я встретился с семейством только после того, как привел себя в порядок и спустился в столовую.

— Здравствуйте! Здравствуйте! — Я глубоко вдохнул и бросился в бездну.

Я пытался говорить четко и громко, но, по правде говоря, чувствовал себя прескверно. Застенчивому и неуверенному человеку всегда становится не по себе, когда он при этом изоб-

ражает из себя кого-то другого. Ощущение, что я тону, возникло у меня, когда я переступал порог столовой, а при виде Принглов оно только усилилось.

Сиппи говорил, что вторых таких зануд нет во всей Англии, и я сразу понял, что он не ошибся. Профессор Прингл, тощий, лысый язвенник, глазами напоминал треску, а миссис Прингл выглядела так, будто где-то в 1900 году ей сообщили плохие новости и она до сих пор так и не пришла в себя. И едва я успел собраться с силами после знакомства с этой парой, как меня представили двум древним старушкам, с ног до головы закутанным в шали.

— Несомненно, вы помните мою маму? — печально спросил профессор, указывая на Экспонат А.

— Э-э-э, гм-м-м! — ответил я, выдавливая из себя толику лучезарной улыбки.

— И мою тетю, — выдохнул профессор, словно жизнь становилась все мрачнее и мрачнее.

— Да, да, да! — Вторая толика досталась Экспонату Б.

— Только сегодня утром они говорили мне, что вас помнят, — простонал профессор, видимо, потеряв всякую надежду.

Наступила тишина. Вся эта честная компания таращилась на меня, напоминая семейку из одного не самого веселого рассказа Эдгара Аллана По, и я почувствовал, что моя joie de vivre[18] увядает на корню.

— Я помню Оливера, — вздохнула Экспонат А. — Он был таким прелестным ребенком. Какая жалость! Какая жалость!

Очень тактично и, главное, рассчитано на то, чтобы гость чувствовал себя как дома.

— Я помню Оливера, — кивнула Экспонат Б, глядя на меня примерно так же, как судья с Бошер-стрит смотрел на Сиппи, прежде чем вынести приговор. — Скверный мальчишка! Мучил мою кошку.

— У тети Джейн прекрасная память, учитывая, что скоро ей исполнится восемьдесят семь, — прошептала миссис Прингл со скорбной гордостью.

— Что ты сказала? — подозрительно осведомилась Экспонат Б.

— Я сказала, что у тебя прекрасная память.

— Ага! — Милая старушенция бросила на меня еще один злобный взгляд. Я понял, что с ее стороны дружеского участия Бертраму не до-

---

[18] Примечания: 18
Joie de vivre — жизнерадостность *(фр.).*

ждаться. — Он гонялся за моей Тибби по всему саду, стрелял в нее из лука.

В этот момент из-под дивана вылез кот. Задрав хвост, подошел ко мне и принюхался. Я всегда нравился кошкам; и оставалось только сожалеть, что на меня повесили уголовное прошлое Сиппи. Я наклонился, намереваясь почесать кота за ухом — такой политики я неизменно придерживаюсь со всеми котами, — и тут Экспонат Б пронзительно завизжала:

— Остановите его! Остановите!

Она кинулась ко мне, на удивление даже резво для своих лет, схватила своего любимца на руки и посмотрела на меня с горьким негодованием, ожидая от меня какой-то пакости! Выглядело все ужасно неловко.

— Я люблю кошек, — смущенно пробормотал я.

Номер не прошел. Симпатии присутствующих принадлежали явно не мне. И разговор совсем увял, когда открылась дверь и в комнату вошла девушка.

— Моя дочь Элоиза, — мрачно представил ее профессор, как будто терпеть не мог в этом признаваться.

Я повернулся, чтобы поприветствовать еще од-

ну представительницу изящного пола, и застыл с протянутой рукой и отвисшей челюстью. Не припоминаю, когда в последний раз я испытывал такое потрясение.

Наверное, каждому из вас доводилось встречать человека, который напомнил бы вам какую-нибудь ужасную личность из ваших знакомых. Я, к примеру, однажды играл в гольф в Шотландии и увидел входящую в отель женщину, как две капли воды похожую на мою тетю Агату. Вероятно, очень достойную даму, и я бы мог это выяснить, если б остался, но выяснять не стал. Тем же вечером ретировался в Лондон, не в силах вынести такого вот соседства. А однажды покинул ночной клуб в разгар веселья только потому, что главный официант напомнил мне моего дядю Перси.

И теперь в Элоизе Прингл я увидел Гонорию Глоссоп. По-моему, я уже рассказывал вам об этой жуткой Глоссоп. Дочь сэра Родерика Глоссопа, врача-мозгоправа, и я был обручен с ней около трех недель, во многом против своей воли, пока старикан, к великой моей радости, не пришел к выводу, что я — ку-ку, и не расторгнул помолвку. С тех пор при одной мысли об этой девушке я просыпался в холодном поту от собственного крика. И вдруг передо мной предстала ее точная копия.

— Э-э-э… здравствуйте, — поздоровался я.

— Добрый вечер.

Ее голос добил меня окончательно. Гонория — ни больше ни меньше. Гонория Глоссоп разговаривала как укротительница львов, что-то выговаривающая одному из своих питомцев. И эта девушка тоже. Я торопливо попятился и инстинктивно подпрыгнул, почувствовав под ногой что-то мягкое. Комнату огласили кошачьи протесты, к которым тут же присоединился крик негодования, и, обернувшись, я увидел тетю Джейн, стоявшую на четвереньках и пытавшуюся успокоить кота, который удрал под диван. Она бросила на меня взгляд, яснее всяких слов говоривший, что ее худшие опасения подтвердились.

В эту минуту нас позвали обедать — только после того, как я произвел должное впечатление.

— Дживс, — обратился я к нему, когда вечером мы остались одни, — я не из слабаков, но склонен думать, что мне это не по силам.

— Вы не получаете удовольствия от визита, сэр?

— Нет. Ты видел мисс Прингл?

— Да, сэр. Издалека.

— Тебе крупно повезло. Ты хорошо ее рассмотрел?

— Да, сэр.

— Она никого тебе не напомнила?

— Мне кажется, мисс Прингл удивительно похожа на свою кузину, мисс Гонорию Глоссоп, сэр.

— Кузину! Ты хочешь сказать, она кузина Гонории?

— Да, сэр. Старшая сестра миссис Прингл, урожденная мисс Блатеруик, вышла замуж за сэра Родерика Глоссопа.

— Вот те на! Теперь понятно, почему они так похожи.

— Да, сэр.

— Как две капли воды, Дживс! Она даже разговаривает в точности как мисс Глоссоп.

— Неужели, сэр? Я не слышал голоса мисс Прингл.

— Ты ничего не потерял. И вот что я тебе скажу, Дживс. Пусть ничто не заставит меня подвести старину Сиппи, я уже сейчас вижу, что этот визит станет для меня настоящим испытанием на прочность. На худой конец профессора и его жену еще можно терпеть. Если постараться изо всех сил, можно даже смириться с существованием тети Джейн. Но встречаться каждый день с девицей Элоизой — более того, пить при этом только лимонад, единственный напиток, который подают

к обеду, — он не может требовать от меня так много. Что мне делать, Дживс?

— По-моему, вам следует избегать общества мисс Прингл, сэр.

— Это первое, что пришло мне в голову, — ответил я.

Как вы понимаете, легко говорить о том, что общества женщины надо избегать; но когда вы живете с ней в одном доме, а она не желает избегать вашего общества, получается не очень. Странно устроена жизнь: люди, от которых ты изо всех сил стремишься держаться подальше, к тебе просто липнут. Не пробыв у Принглов и двадцати четырех часов, я уже понял, что эту назойливую особу мне придется видеть очень и очень часто.

Она относилась к тем девицам, на которых вечно натыкаешься то в коридоре, то на лестнице. Стоило мне войти в одну из комнат, как минутой позже туда же вплывала и она. А если я оправлялся в сад, она обязательно выпрыгивала мне навстречу из-за лаврового куста или неожиданно вырастала у луковой грядки. Где-то к десятому дню я начал чувствовать, что меня обложили со всех сторон.

— Дживс, — пожаловался я, — она окончательно меня доконала.

— Сэр?

— Эта женщина преследует меня. Я ни на минуту не могу остаться один. Предполагалось, что старина Сиппи должен изучать колледжи в Кембридже, и этим утром мы с ней объездили пятьдесят семь этих заведений. Днем я решил посидеть в саду, так она тут же нарисовалась рядом. Вечером заловила меня в маленькой столовой, примыкающей к кухне. Если так пойдет дальше, я не удивлюсь, если, принимая ванну, обнаружу ее в мыльнице.

— Это будет крайне неприятно, сэр.

— Именно. Послушай, Дживс, ты не можешь предложить какой-нибудь выход?

— В данный момент нет, сэр. Мисс Прингл определенно вами заинтересовалась. Сегодня утром она подробно расспрашивала меня о вашем образе жизни в Лондоне.

— Что?

— Да, сэр.

Я в ужасе на него уставился. Страшная мысль пришла мне в голову. Я задрожал как осиновый лист. Во время ленча произошло одно любопытное событие. Мы только покончили с котлетами, и я откинулся на спинку стула, чтобы перевести дух, прежде чем приняться за вареный пудинг,

когда, случайно подняв голову, я встретился глазами с Элоизой, смотревшей на меня в упор. Тогда я не придал этому значения, потому что вареный пудинг — такое блюдо, которое требует к себе исключительного внимания, если ты и вправду хочешь получить от него удовольствие; но сейчас, после слов Дживса, я понял, что означал тот зловещий взгляд.

Даже за ленчем выражение ее лица показалось мне до странности знакомым, а теперь у меня внезапно открылись глаза. Точно так же смотрела на меня Гонория Глоссоп в те несколько дней, что предшествовали нашему обручению, — взглядом голодной тигрицы, учуявшей добычу.

— Дживс, знаешь, что я думаю?

— Сэр?

Я с трудом проглотил слюну.

— Дживс, выслушай меня внимательно. Не подумай, будто я отношу себя к числу неотразимых мужчин, перед которыми женщине никогда не устоять, у меня нет и мысли, что всякая девушка после встречи со мной теряет душевный покой. Скорее наоборот, в моем присутствии девушки, как правило, поднимают брови и кривят губы. И меня никак нельзя отнести к тем, кто понапрасну бьет тревогу. Ты согласен, Дживс?

— Да, сэр.

— Тем не менее, Дживс, некоторые девушки — и это научно обоснованный факт — почему-то увлекаются именно такими мужчинами, как я.

— Совершенно справедливо, сэр.

— Я хочу сказать, мне прекрасно известно, что в моей голове нет и половины того, что должно быть у обычного парня. И когда со мной знакомится девица, у которой мозгов вдвое больше нормы, ее так и тянет ко мне, а в глазах тут же вспыхивает огонь любви. Я не знаю, почему так происходит, но тем не менее это случается не в первый раз.

— Быть может, подобным образом природа заботится о сохранении равновесия среди особей одного вида, сэр.

— Весьма возможно. Во всяком случае, такое происходит со мной снова и снова. Гонория Глоссоп, одна из самых блестящих выпускниц Гертона[19], заглотнула меня, как щенок бульдога — кусок стейка.

— Мне говорили, сэр, что мисс Прингл преуспела в учебе куда больше мисс Глоссоп.

— Все одно к одному! Дживс, она пожирает

---

[19] Примечания: 19

Гертон-колледж — известный женский колледж Кембриджского университета. Основан в 1869 г.

меня взглядом.

— Да, сэр?

— Я все время натыкаюсь на нее на лестнице и в коридоре.

— Правда, сэр?

— Она советует мне, какие надо читать книги, чтобы расширить мой кругозор.

— Наводит на размышления, сэр.

— А сегодня за завтраком, когда я ел сосиску, она посоветовала мне этого не делать, так как современная медицина доказала, что в четырехдюймовой сосиске микробов не меньше, чем в дохлой крысе. Материнский инстинкт, ты понимаешь; она озаботилась моим здоровьем.

— Думаю, сэр, мы должны это расценить как неопровержимые доказательства.

Я плюхнулся в кресло, в прескверном настроении.

— Что делать, Дживс?

— Мы должны подумать, сэр.

— Ты и думай. Мне нечем.

— Я всесторонне рассмотрю этот вопрос и приложу все усилия, сэр, чтобы вы остались мной довольны.

Лучше что-то, чем ничего, но мне все равно было как-то не по себе. Да, никуда не денешься:

Бертрам чувствовал себя не в своей тарелке.

На следующее утро мы объездили еще шестьдесят три кембриджских колледжа, и после ленча я сказал, что хочу пойти к себе и прилечь. Выждав с полчаса, я сунул в карман книгу и курительные принадлежности, выбрался из окна и спустился в сад по очень удобной водосточной трубе. Направился к летней беседке, которая представлялась мне подходящим местом для человека, которому хочется часок побыть в одиночестве.

Сад радовал глаз. Солнце светило, крокусы цвели, и никакой Элоизы Прингл. Кот играл сам с собой на лужайке. Когда я позвал его — «кис-кис», — заурчал и побежал ко мне. Я едва успел взять его на руки и почесать за ухом, как откуда-то сверху раздался дикий визг. Подняв голову, я увидел тетю Джейн, наполовину высунувшуюся из окна. Жутко неприятно.

— Хорошо, хорошо, — пробормотал я.

Отпустил кота, который пулей умчался в кусты.

После недолгих размышлений я отказался от мысли запустить в старушенцию кирпичом и взял курс на те же кусты, чтобы под их прикрытием неприметно добраться до беседки. И, можете мне поверить, не успел я закурить первую сигаре-

ту, как на мою книгу упала тень и компанию мне составила мисс Липучка собственной персоной.

— Вот вы где.

Усевшись рядом, она с неподобающей игривостью выхватила мою сигарету из мундштука и выкинула за дверь беседки.

— Вы постоянно курите, — продолжила она тоном любящей новобрачной, что меня очень напрягло. — Как бы я хотела, чтобы вы отказались от этой дурной привычки. Курить вредно. И напрасно вы вышли в сад без летней куртки. Вам просто необходим человек, который присматривал бы за вами.

— У меня есть Дживс.

Она чуть нахмурилась.

— Он мне не нравится.

— Да? Почему?

— Не знаю. Как бы мне хотелось, чтобы вы от него избавились.

У меня мороз пошел по коже. Знаете почему? Когда я обручился с Гонорией Глоссоп, она первым делом потребовала, чтобы я выгнал Дживса, потому что он ей не понравился. Мысль о том, что эта девушка похожа на Гонорию не только телом, но и чернотой души, окончательно выбила меня из колеи.

— А что вы читаете?

Она взяла книгу из моих рук и снова нахмурилась. Книгу эту я прихватил с собой, уезжая из Лондона, чтобы почитать в поезде, — веселенький такой детективчик, который назывался «Кровавый след». Она листала страницы, пренебрежительно кривя рот.

— Не понимаю, как вы можете читать такую чушь… — Она умолкла. — Боже правый!

— Что случилось?

— Вы знакомы с Берти Вустером?

Внезапно я увидел свои имя и фамилию, размашисто написанные на титульном листе, и мое сердце сделало тройное сальто.

— Э-э-э… гм-м-м… в каком-то смысле… некоторым образом… знаком.

— Но он же просто чудовище. Мне странно, что вы можете с ним дружить. Помимо прочего, этот человек, можно сказать, дебил. Одно время он был обручен с моей кузиной Гонорией, но помолвка расстроилась, потому что от безумия его отделял только шаг. Слышали бы вы, что говорит о нем мой дядя Родерик!

Я не стал проявлять любопытство.

— Вы часто с ним видитесь?

— Достаточно.

— Недавно я прочитала в газете, что его оштрафовали за непристойное поведение на улице.

— Да, я тоже читал.

Она одарила меня противным, материнским взглядом.

— Он не может оказать на вас хорошего влияния. Как бы мне хотелось, чтобы вы перестали с ним встречаться. Вы не будете, правда?

— Ну… — протянул я, и в этот момент Катберт, тот самый кот, которому, по-видимому, надоело сидеть в кустах одному, вошел в беседку с написанным на мордочке дружелюбием и запрыгнул мне на колени. Я встретил его с распростертыми объятиями: все-таки теперь нас стало трое; к тому же его появление позволило мне переменить тему разговора.

— Очень люблю кошек, — признался я.

Но сбить ее с намеченного курса не удалось.

— Вы перестанете встречаться с Берти Вустером? — спросила она, проигнорировав кошачий мотив.

— Это будет так трудно.

— Глупости! Вам понадобится лишь немного силы воли. Этот человек не может быть интересным собеседником. Дядя Родерик говорит, он безвольная никчемность.

Я мог бы кое-что сказать о сэре Родерике, но, к сожалению, приходилось держать рот на замке.

— Вы сильно изменились с тех пор, как мы в последний раз виделись, — с упреком заявила мне мисс Прингл. Она наклонилась и начала чесать кота за вторым ухом. — Помните, когда мы были детьми, вы говорили, что сделаете для меня все, о чем я вас попрошу?

— Неужто?

— А однажды вы заплакали, потому что я рассердилась и не позволила вам меня поцеловать.

Я не поверил ей тогда, не верю и сейчас. Сиппи во многих отношениях был болваном, но все имело свои пределы. Даже в десять лет не мог он дать такую слабину. Я не сомневался, что девица нагло лжет, но от этого мне не стало легче. Я отодвинулся от нее на пару дюймов, уставился в никуда, глядя прямо перед собой, чувствуя, как мой лоб покрывается испариной.

А затем, вдруг… ну, сами знаете, как это бывает. Наверное, каждый из нас испытывал в жизни неудержимое желание сотворить какую-нибудь невероятную глупость. Такая идея частенько возникает, когда сидишь в театре. Иной раз так хочется крикнуть: «Пожар!» — и посмотреть, что из этого выйдет. Или разговариваешь с че-

ловеком, и тут приходит мысль: «А чего бы не засветить ему в глаз?»

А говорю я все это потому, что в тот момент, когда плечо Элоизы вдавливалось в мое, а черные волосы почему-то щекотали мне нос, у меня внезапно возникло безумное желание ее поцеловать.

— Правда? — прохрипел я.

— Неужели вы забыли?

Ее глаза заглянули в мои, и я почувствовал, что скольжу в пропасть, и зажмурился. А затем из дверей беседки до меня донесся самый прекрасный голос, который я когда-либо слышал в своей жизни:

— Отдайте моего кота!

Я открыл глаза. Милая, добрая тетя Джейн, королева всех женщин, стояла передо мной и смотрела на меня, как на вивисекциониста[20], которого застукала за проведением очередного эксперимента. Как эта удивительная женщина умудрилась меня выследить, не знаю, но факт остается фактом: она стояла передо мной, благослови Бог ее древнюю, интеллигентную душу,

---

[20] Примечания: 20

Вивисекция — живосечение, выполнение операций на живом животном для изучения функций организма, действия лекарств, веществ, разработки методов хирургического лечения и т. п.

совсем как спасатели в последнем эпизоде фильма о потерпевших кораблекрушение.

Я не стал ждать. Чары рухнули, и я покинул беседку в ту же секунду. Уже в дверях меня догнал ее старческий голос:

— Он стрелял в мою Тибби из лука.

* * *

В течение нескольких следующих дней ничто не нарушало моего спокойствия. Элоизу я почти не видел. Я обнаружил, что со стратегической точки зрения водосточная труба у моего окна поистине бесценна. И теперь редко выходил из дома другим путем. Мне уже казалось, что продержусь все три недели, к которым меня приговорили, если и дальше окажусь таким же везучим.

А тем временем, как говорится в фильмах…

Двумя вечерами позже, когда я спустился в гостиную, там уже собралась вся семья. Профессор, профессорша, два Экспоната и девица Элоиза сидели по разным углам, кот спал на ковре, канарейка — в клетке. Короче, по всему чувствовалось, что этот вечер пройдет, как и предыдущие.

— Так, так, так! — весело сказал я. — Привет-привет-привет!

Я всегда говорю что-то такое, когда вхожу в

помещение, где уже кто-то есть. Мне кажется, это верный шаг к непринужденной беседе.

Девица Элоиза с упреком на меня посмотрела.

— Где вы пропадали весь день? — спросила она.

— После ленча я отдыхал у себя в комнате.

— В пять часов вечера вас там не было.

— Верно. Я чуток поработал над статьей о добрых старых колледжах, а потом пошел прогуляться. Физические нагрузки, знаете ли, очень полезны для здоровья.

— Mens sana in corpore sana[21], — прокомментировал профессор.

— Ничего удивительного, — вежливо согласился я.

В эту минуту, когда все шло лучше некуда и я чувствовал себя как кум королю, миссис Прингл внезапно изо всех сил ударила меня мешком с песком в основание черепа. Разумеется, никакого настоящего мешка в руках она не держала. Я выражаюсь фигурально.

— Родерик сильно задерживается. — В этом выразился ее удар.

Возможно, вам покажется странным, что это

---

[21] Примечания: 21

Mens sana in corpore sana — в здоровом теле здоровый дух *(лат).*

имя оглушило меня, как динамит рыбу. Поверьте мне на слово: для человека, который хоть раз имел дело с сэром Родериком Глоссопом, в мире существует только один Родерик, причем на одного больше, чем хотелось бы.

— Родерик? — булькнул я.

— Мой свояк, сэр Родерик Глоссоп, этим вечером приезжает в Кембридж, — пояснил профессор. — Завтра он читает лекцию в Сент-Льюке, а сегодня мы ждем его к обеду.

И пока я стоял, чувствуя себя как главный герой, захваченный врасплох в логове заговорщиков, дверь отворилась.

— Сэр Родерик Глоссоп, — объявила служанка или кто-то еще, и он вошел.

Одна из причин, по которой старого хрыча не любили сливки общества, состояла в том, что голова его очень уж напоминала купол собора Святого Павла, а кустистые брови просто просили, чтобы их подровняли секатором, приведя в божеский вид. Когда на тебя надвигается лысый череп с глазами, торчащими из-под кустов, неприятно, знаете ли, ощущать, что стратегическая железная дорога, необходимая для отступления, еще не построена.

Когда сэр Родерик вошел в комнату, я попя-

тился за диван, вверив свою судьбу Господу. Не требовалось мне обращаться к гадалке, чтобы узнать, что меня ждут неприятности от человека в черном.

Сначала он меня не заметил. Пожав руки профессору и его жене, сэр Родерик поцеловал Элоизу и кивнул Экспонатам.

— Боюсь, я немного задержался, — сказал он. — Небольшое происшествие в дороге. Мой шофер повернул…

Тут он увидел меня, стремящегося держаться от него подальше, и удивленно вскрикнул, словно я причинил ему немалую боль.

— Это… — начал профессор, махнув рукой в моем направлении.

— Я уже знаком с мистером Вустером.

— Это, — продолжал профессор, — племянник мисс Сипперли, Оливер. Вы помните мисс Сипперли?

— Что вы имеете в виду? — рявкнул сэр Родерик. Видимо, частое общение с психами выработало у него такую резкую и властную манеру поведения. — Этого никчемного молодого человека зовут Берти Вустер. Что за чушь вы несете о каких-то Оливерах и Сипперли?

Профессор посмотрел на меня с вполне объяс-

нимым любопытством. Остальные присутствующие последовали его примеру. Я выдавил из себя жалкую улыбку.

— Видите ли, дело в том… — начал я.

Профессор напряженно обдумывал ситуацию.

Мне показалось, я слышу, как в его голове что-то трещит и щелкает.

— Этот человек сказал, что его зовут Оливер Сипперли, — произнес он.

— Подойдите сюда! — проревел сэр Родерик. — Если я все правильно понимаю, вы проникли в этот дом, прикинувшись племянником старого друга семьи?

Он все понимал правильно.

— Ну, в общем, да, — ответил я.

Сэр Родерик выстрелил в меня взглядом, который ударил в грудь, поблуждал в теле и вышел со спины.

— Безумец! Абсолютный безумец, как я и предположил с первого взгляда!

— Что он сказал? — спросила тетя Джейн.

— Родерик говорит, этот молодой человек — безумец, — прокричал профессор.

— Ага! — кивнула тетя Джейн. — Так я и думала. Он спускается в сад и входит в дом по водосточной трубе.

— Что?!

— Я сама его видела… э… много раз.

Сэр Родерик грозно фыркнул.

— Его нужно изолировать. Преступно оставлять человека в таком состоянии на свободе. На следующей стадии болезни его может охватить мания убийства.

Я подумал, что, как это ни печально, мне придется сдать старину Сиппи, чтобы опровергнуть это ужасное обвинение. В конце концов, наш обман все равно открылся.

— Позвольте мне объяснить, — робко подал я голос. — Сиппи попросил меня погостить здесь вместо него.

— Что вы имеете в виду?

— Ему не удалось приехать, потому что его посадили в тюрьму после того, как в Вечер регаты он набросился на полицейского.

Должен признаться, мне с большим трудом удалось втолковать им, что произошло, а когда они все поняли, их отношение ко мне не изменилось к лучшему. Между нами появилась некоторая натянутость, поэтому, когда всех пригласили к обеду, я вежливо откланялся и поднялся к себе. Обед бы мне не повредил, но обстановка сложилась такая неприятная.

— Дживс, — я позвонил, едва войдя в комнату, и он тут же появился в дверях, — мы идем ко дну.

— Сэр?

— Основы ада дрожат, и наша карта бита.

Он внимательно меня выслушал.

— Роковую случайность, сэр, всегда необходимо учитывать как один из возможных вариантов. И теперь нам не остается ничего другого, как сделать очевидный шаг.

— О чем это ты?

— Надо повидаться с мисс Сипперли, сэр.

— Разрази меня гром! Зачем?

— Будет лучше, если она узнает факты из ваших уст, сэр, чем из письма, которое ей обязательно напишет профессор Прингл. Ведь вы по-прежнему хотите сделать все возможное, чтобы помочь мистеру Сипперли, сэр?

— Я не могу подвести Сиппи. Если ты считаешь…

— Мы можем попробовать, сэр. Почему-то мне представляется, что мисс Сипперли снисходительно отнесется к проступку мистера Сипперли.

— Почему?

— Предчувствие, сэр.

— Ну, раз так… А как нам туда добраться?

— Мисс Сипперли живет примерно в ста пятидесяти милях от Кембриджа, сэр. Оптимальный вариант — нанять автомобиль.

— В таком случае немедленно его найми, Дживс. — Мысль о том, что я буду в ста пятидесяти милях от Элоизы Прингл, не говоря уже о тете Джейн и сэре Родерике, мгновенно согрела душу.

Пэддок, Бекли-на-болоте, находился недалеко от деревни, и на следующее утро, плотно позавтракав в местной гостинице, я отправился туда пешком. Почти не волновался, и удивляться этому не приходилось: слишком уж много я пережил за последние две недели, вот испытания и закалили меня. Какой бы ни оказалась тетушка Сиппи, она по крайней мере не была сэром Родериком Глоссопом.

Вскоре я увидел перед собой средних размеров загородный особняк с прекрасно ухоженным садом и посыпанной гравием широкой подъездной дорожкой, по дуге проложенной сквозь кусты, которые выглядели так, словно их только что пропылесосили; короче, такой дом с первого взгляда наводил на мысль: «Здесь живет чья-то тетя». Я зашагал по подъездной дорожке и сразу за поворотом увидел женщину с лейкой в руках, поливавшую клумбу с цветами. Ни секунды не

сомневаясь, что передо мной искомая тетушка, я остановился, откашлялся и произнес:

— Мисс Сипперли?

Она стояла ко мне спиной и, услышав мой голос, подпрыгнула и отскочила в сторону, словно босоногая балерина, которая внезапно наступает на консервную банку, танцуя «Видения Саломеи»[22]. Едва удержав равновесие, она ошарашенно на меня уставилась. Крупная, здоровая женщина с румянцем во всю щеку.

— Надеюсь, я не испугал вас? — спросил я.

— Кто вы?

— Меня зовут Бертрам Вустер. Я приятель вашего племянника Оливера.

Ее дыхание постепенно пришло в норму.

— Вот как? Услышав ваш голос, я приняла вас за другого.

— Нет, это я. Мне необходимо сообщить вам новости об Оливере.

— Что случилось?

Мной овладели сомнения. Теперь, когда мы подошли к сути дела, существу вопроса или как там это называется, я потерял былую уверенность

---

[22] Примечания: 22

«Видения Саломеи» — танцевальный номер по мотивам пьесы Оскара Уайльда «Саломея», подготовленный и впервые представленный публике Мод Аллан (1873–1956, настоящее имя Мод Дюрран) в 1906 г.

в себе.

— Должен предупредить вас, что это довольно печальная история, знаете ли.

— Оливер заболел? С ним произошел несчастный случай?

Она говорила взволнованно, и меня это порадовало: всегда приятно видеть проявление человечности. Я решил закончить с преамбулой.

— Нет, он здоров, — ответил я. — Что же касается несчастного случая, это как посмотреть. Он в каталажке.

— Где?

— В тюрьме.

— В тюрьме!

— И в этом исключительно моя вина. Мы прогуливались вечером после регаты, и я посоветовал ему добыть полицейский шлем.

— Я вас не понимаю.

— Сиппи выглядел жутко подавленным, знаете ли, и я подумал, правильно или неправильно, что он развеселится, если перейдет на другую сторону улицы и позаимствует у полицейского шлем. Ему тоже показалось, что мысль неплоха, и он начал действовать, но полисмен поднял шум, а Оливер ему врезал.

— Врезал?

— Саданул… нанес удар… в живот.

— Мой племянник Оливер ударил полицейского в живот?

— Именно в живот. А на следующее утро судья упек его в тюрягу на тридцать дней без права замены штрафом.

Сообщив эту новость, я, по правде говоря, поглядел на нее с некоторой опаской, не зная, чем все обернется. Внезапно лицо ее, казалось, раскололось напополам. Какие-то мгновения я видел один только рот, затем она начала приплясывать на траве, заливаясь смехом и размахивая лейкой.

Я подумал, ей здорово повезло, что рядом нет сэра Родерика Глоссопа. Он тут же уселся бы ей на голову и велел принести смирительную рубашку.

— Вы не рассердились? — спросил я.

— Рассердилась? — Она залилась счастливым смехом. — Никогда в жизни не получала таких приятных известий!

Я обрадовался и успокоился. Надеялся, конечно, что она не закатит истерику, услышав об аресте Сиппи, но даже представить себе не мог, что эта новость приведет ее в полный восторг.

— Я им горжусь! — заявила она.

— Вот и славно.

— Если б каждый молодой англичанин бил полицейских в животы, наша страна стала бы только лучше!

По правде говоря, я не понял, почему она пришла к такому выводу, но, судя по всему, тучи над головой Сиппи рассеялись, а потому я после еще нескольких ничего не значащих фраз откланялся и ушел.

— Дживс, — сообщил я, вернувшись в гостиницу, — все прекрасно. Но, должен тебе признаться, я ничего не понимаю.

— Вас не затруднит рассказать мне, сэр, что произошло, когда вы встретились с мисс Сипперли?

— Я рассказал, что Сиппи засадили в тюрьму за нападение на полицейского, после чего она весело расхохоталась, замахала лейкой и объявила, что она им гордится.

— Думаю, я могу объяснить вроде бы эксцентричное поведение мисс Сипперли, сэр. Как мне говорили, в течение последних двух недель местный констебль причинил ей массу неприятностей. Несомненно, именно поэтому она стала предвзято относиться к полиции в целом.

— Неужели? А почему?

— Констебль переусердствовал в исполнении

своих обязанностей, сэр. Не менее трех раз за последние десять дней он вручал мисс Сипперли повестки в суд: за превышение скорости на автомобиле, за выгуливание собаки без ошейника в общественном месте и за очень уж черный дым из трубы. Будучи в деревне, если так можно выразиться, диктаторшей, мисс Сипперли привыкла к безнаказанности, и неожиданное служебное рвение констебля заставило ее возненавидеть полицейских как класс, а вследствие этого взглянуть на действия мистера Сипперли одобрительно и с пониманием.

Я понял, что он имел в виду.

— Какое удивительное везение, Дживс!

— Да, сэр.

— А откуда ты все это знаешь?

— От констебля, сэр. Он мой кузен.

Я вытаращился на него. Прямо скажу, мне открылась истина.

— Великий боже, Дживс! Ты не подкупал его?

— Нет, сэр. Правда, на прошлой неделе он праздновал свой день рождения, и я сделал ему скромный подарок. Я всегда очень любил Эгберта, сэр.

— Сколько?

— Всего-то пять фунтов, сэр.

Я сунул руку в карман:

— Возьми. И вот тебе еще пятерка на счастье.

— Премного вам благодарен, сэр.

— Дживс, — я покачал головой, — неисповедимы пути твои и дивны дела. Не станешь возражать, если я немного попою?

— Ни в коем разе, сэр, — ответил Дживс.

Спасаем Фредди[23]

— Надеюсь, Дживс, я не помешаю вам, — сказал я, вернувшись как-то из клуба.

— Нисколько, сэр.

— Хотелось бы с вами кое-что обсудить.

— Слушаю, сэр.

Дживс укладывал в чемодан мой курортный гардероб — приближался наш отъезд на побережье. Он выпрямился — весь усердие и внимание.

— Дживс, — начал я, — меня беспокоит мой близкий друг — он оказался в затруднительном положении.

— Вот как, сэр?

— Вы ведь знаете мистера Булливанта?

— Да, сэр.

— Так вот, сегодня я зашел пообедать в «Трутни» и встретил его там в курилке — забился в самый темный угол, и вид поникший, точь-в-точь последняя роза ушедшего лета. Разумеется, меня это удивило. Вы ведь знаете, какой это блестящий джентльмен. Душа общества, стоит ему где-то появиться.

---

[23] Примечания: 23

© Перевод. И. Архангельская.

— Да, сэр.

— Весельчак, каких мало.

— Совершенно верно, сэр.

— Естественно, я осведомился, в чем дело, и он открыл мне, что поссорился со своей невестой. Знаете ли вы, Дживс, что он помолвлен с мисс Элизабет Викерс?

— Знаю, сэр. Я прочел объявление в «Морнинг пост».

— Оно уже недействительно — он больше не жених. В чем причина ссоры, он мне не сказал, но факт таков, что мисс Викерс расторгла помолвку. Запретила ему к ней близко подходить, отказывается говорить с ним по телефону, отсылает его письма обратно нераспечатанными.

— Ужасно, сэр.

— Надо что-то предпринять, Дживс. Но что?

— Я бы затруднился, сэр, вот так, сразу, вносить предложения.

— Для начала я, пожалуй, заберу его с собой в Марвис-Бей. Знаю я этих горемык, которым царица их грез дала вдруг от ворот поворот. Что им необходимо, так это полностью изменить обстановку.

— Думаю, вы правы, сэр.

— Да-да, изменить обстановку — это очень

важно. Мне как-то рассказывали об одном таком отвергнутом влюбленном. Девушка отказала ему. Он уехал за границу. Два месяца спустя девушка прислала телеграмму: «Возвращайся. *Мюриел».* Он сел писать ответ и вдруг обнаружил, что не может вспомнить ее фамилию, поэтому вообще не ответил, и в дальнейшем жизнь его протекала вполне счастливо. Очень может быть, что, отдохнув неделю-другую в Марвис-Бее, Фредди Булливант и думать забудет об Элизабет Викерс.

— Вполне возможно, сэр.

— Если же этого не случится, то, может быть, морской воздух и простая здоровая пища благотворно воздействуют на вас, Дживс, вас осенит какая-нибудь блестящая идея и вы придумаете план, как снова свести этих голубков вместе.

— Я постараюсь, сэр.

— Знаю, Дживс, знаю. Не забудьте положить побольше носков.

— Не забуду, сэр.

— А также теннисных рубашек.

— Непременно, сэр.

Я перестал мешать ему, и двумя днями позже мы отправились в Марвис-Бей, где я снял коттедж на июль и август. Не знаю, бывали ли вы в Марвис-Бее. Это в Дорсетшире, и хотя шикарным

это местечко не назовешь, есть в нем и свои прелести. С утра вы купаетесь и валяетесь на песке, а вечером прогуливаетесь по берегу в компании с комарами. В девять вечера, смазав маслом раны, ложитесь спать. Простая, здоровая жизнь, и, судя по всему, она вполне устраивала беднягу Фредди. Как только всходила луна и бриз с мягким шелестом овевал ветки дерев, его никакими силами невозможно было вытащить с берега. Комары его просто обожали. Они праздно вились в воздухе, оставляя без внимания вполне приличных гуляющих, чтобы быть в форме к моменту появления Фредди.

Пожалуй, только в середине дня Фредди несколько докучал мне. У кого достанет духу попрекнуть в чем бы то ни было друга, сердце которого разбилось в мелкие дребезги, однако, должен признаться, в первые дни нашего пребывания в Марвис-Бее его мрачный вид порядком действовал мне на нервы. Если он не грыз свою трубку, мрачно уставившись на ковер, то садился за пианино и одним пальцем выстукивал «Розы в саду». Кроме «Роз», он играть ничего не умел, да и эта мелодия ему не давалась. Начинал он твердо и уверенно, но уже на третьем такте давал осечку, и ему приходилось начинать все сначала.

Однажды утром, когда Фредди, по обыкновению, принялся терзать «Розы», а я, искупавшись, вошел в гостиную, мне показалось, что таких мрачных звуков он еще никогда не извлекал. Я не ошибся.

— Берти, — начал Фредди загробным голосом, споткнувшись на третьей закорючке слева после начала второго такта, отчего получился душераздирающий звук, подобный предсмертному хрипу гибнущей песчанки. — Я видел ее!

— Кого — ее? — недоверчиво переспросил я. — Элизабет Викерс? Как ты мог ее видеть? Ее здесь нет.

— Она здесь. Наверно, приехала погостить у родственников или у кого-то там еще. Я пошел на почту справиться, нет ли мне писем… Мы столкнулись в дверях.

— И что произошло?

— Она сделала вид, что не знает меня.

Он снова принялся за «Розы» и запутался в шестнадцатых.

— Берти, тебе не стоило привозить меня сюда. Я должен уехать.

— Уехать? Не говори глупостей. Все просто замечательно! Тебе крупно повезло, что она приехала сюда. Тебе выпала козырная карта.

— Но она сделала вид, что даже не знакома со мной.

— Ну и что с того? Будь мужчиной! Сделай еще один заход, завоюй ее.

— Она смотрела сквозь меня. Как будто меня там и не было.

— Не обращай внимания. Соберись с силами. Теперь тебе нужно сделать что-нибудь такое, чтобы она почувствовала себя обязанной тебе, чтобы кротко поблагодарила тебя. Чтобы она…

— За что ей кротко благодарить меня?

Я слегка задумался. Похоже, он нащупал изъян в моих построениях. Я несколько растерялся, если не сказать больше, но потом сообразил.

— Тебе нужно спасти ее, когда она станет тонуть, — сказал я.

— Но я не умею плавать.

Да, Фредди — это Фредди. Отличный малый во многих отношениях, но проку от него, можно сказать, ноль.

Он снова ткнул пальцем в клавишу, и я почел за благо удалиться, оставив вопрос открытым.

Я прогуливался по берегу и обдумывал ситуацию. Надо было посоветоваться с Дживсом, но он ушел по каким-то делам. Надеяться на то, что Фредди придумает что-то сам, не приходилось. Я

не спорю, старина Фредди был человек не без способностей. Он хорошо играл в поло, и, я слышал, о нем говорили как о многообещающем бильярдисте. Но на том его достижения и кончались, предприимчивостью он не отличался.

Поглощенный раздумьями, я обогнул нагромождение камней, и мой взгляд упал на фигуру в голубом. Это была она! Лично с невестой Фредди я не был знаком, но шестнадцать ее фотографий были развешаны по стенам спальни Фредди, и ошибиться я не мог. Она сидела на песке и помогала маленькому толстому мальчику строить замок. Рядом с книжкой в руке сидела в шезлонге пожилая особа. Я услышал, как девушка назвала ее тетей. Голова у меня заработала, и я заключил, что толстый карапуз — ее кузен. Окажись тут Фредди, подумал я, он в силу этого обстоятельства наверняка проникся бы нежными чувствами к малышу. Сам же я прилива нежных чувств не испытал. Пожалуй, я еще никогда не встречал ребенка, который был бы мне менее симпатичен. Толстый, круглый увалень.

Достроив замок, карапуз исполнился мировой скорбью и захныкал. Девушка, как видно, просто читала его мысли, она взяла его за руку и повела к лоточнику, который продавал сладости. А я

пошел дальше.

Те, кто хорошо меня знает, скажут вам, если вы поинтересуетесь, что я несколько туповат. Моя родная тетя Агата это подтвердит. И дядя Перси, и многие другие мои ближайшие и — если вы не возражаете против такого эпитета — дражайшие родственники. Что ж, я не в обиде. Вполне допускаю, что я не самый сообразительный человек на свете. Однако должен сказать — и хотел бы это подчеркнуть, — что время от времени, как раз в тот момент, когда окружающие теряют последнюю надежду, что я когда-нибудь поумнею, меня вдруг осеняет какая-то, бесспорно, гениальная идея. Именно так случилось сейчас. Сомневаюсь, чтобы даже умнейшим из умнейших пришла в голову подобная мысль. Ну разве что Наполеону, однако ручаюсь, что ни Дарвин, ни Шекспир, ни Томас Харди вовек бы до такого не додумались.

Осенило меня на обратном пути. Я брел по берегу, тщетно ломая голову над непосильной задачей, когда перед моими глазами вновь возник толстый бутуз — он задумчиво шлепал лопаткой по медузе. Девушки поблизости не было. Тетки тоже. Поблизости не было никого. И тут словно яркая вспышка озарила мой мозг, и я решил задачу воссоединения Фредди и Элизабет полностью

и окончательно.

Из той сценки, какую я наблюдал, проходя мимо этого места в первый раз, я заключил, что девушка относится к малышу с большой нежностью. К тому же скорее всего он ей близкий родственник. В моей голове сложился ясный план действий: на какое-то непродолжительное время я похищаю этого юного тяжеловеса, девушка приходит в отчаяние и мечется в поисках его по пляжу, и тут неожиданно появляется старина Фредди, ведя за руку мальчика, и рассказывает историю о том, как увидел его, блуждающего в одиночестве, и практически спас ему жизнь. Признательность девушки не знает границ, она уже не сердится на Фредди, они снова друзья.

Не медля ни секунды, я сграбастал ребенка и пустился наутек.

Поначалу старина Фредди никак не мог взять в толк, что происходит. Когда я появился в нашей гостиной с ребенком на руках и плюхнул его на диван, Фредди не выразил никакой радости. Мальчишка к тому времени опять захныкал, — он, по-видимому, не одобрял мой замысел, — и на Фредди это подействовало удручающе.

— Что все это значит, черт побери? — спросил он, с отвращением разглядывая толстячка.

Негодник испустил такой вопль, что задрожали стекла. Надо было срочно принять стратегическое решение. Я помчался на кухню и схватил горшочек с медом. Догадка была правильной. Мальчишка перестал орать и принялся размазывать мед по своей физиономии.

— Так в чем дело? — спросил Фредди, когда установилась тишина.

Я изложил ему свой план. Постепенно до него начало доходить. Мука и страдание сошли с его лица, и впервые со дня приезда в Марвис-Бей он улыбнулся почти что счастливой улыбкой.

— Знаешь, Берти, в этом что-то есть.

— Именно то, что надо, дружище!

— Думаю, это сработает, — сказал Фредди и, оторвав мальчишку от горшочка с медом, повел его за собой.

— Наверно, Элизабет где-то на пляже, — были его последние слова.

Тихая радость воцарилась в моей душе. Я очень любил старину Фредди, и мне приятно было думать, что не пройдет и получаса, как он снова обретет счастье. Мирно попыхивая сигаретой, я сидел в качалке на веранде, когда увидел на дороге возвращавшегося Фредди. Милостивый Боже, мальчишка был по-прежнему с ним!

— Алло! — сказал я. — Ты что, не нашел ее?

Вид у Фредди был такой, как будто ему съездили ногой в живот.

— Да нет, нашел, — ответил он и, как пишут в книгах, горько усмехнулся.

— И что же?

Он упал в кресло, и из груди его вырвалось некое подобие стона.

— Он ей не кузен, дурак ты несчастный! — сказал Фредди. — Она вообще не знает, кто он, — просто мальчик, которого она встретила на пляже. До сегодняшнего утра она его в глаза не видела.

— Но она же помогала ему строить песочный замок!

— Ну и что? Все равно это чужой мальчишка.

Девушка помогает строить песочный замок ребенку, которого впервые увидела пять минут назад, — тут уж, как говорится, дальше некуда! Правильно пишут о теперешних девицах — бесстыжие, другого эпитета не подберешь.

Именно такое мнение я и высказал Фредди, но он меня даже не слушал.

— Так кто же он тогда — этот кошмарный ребенок? — спросил я.

— Не имею ни малейшего представления. Боже

мой, что я пережил! Одно лишь меня утешает — что ближайшие несколько лет своей жизни ты, надеюсь, проведешь в Дартмурской тюрьме. За совершенное похищение. А я буду приезжать в дни свиданий и глумиться над тобой через прутья решетки.

— Расскажи мне, как было дело, старина, — попросил я.

Он рассказал. Это заняло немало времени, поскольку чуть ли не на каждой фразе Фредди прерывался, чтобы обозвать меня каким-нибудь бранным словом, но в конце концов у меня сложилась более или менее полная картина происшествия. Барышня по имени Элизабет выслушала сочиненный им рассказ холодно, как айсберг, а затем… нет, прямо лгуном она его не назвала, но косвенно дала понять, что он полное ничтожество и иметь с ним дело она не желает. Поверженный и униженный, Фредди вместе с младенцем уполз прочь.

— И помни, — заключил Фредди, — все это придумал ты. Я к этому не имею никакого отношения. Если ты намерен избежать наказания или хотя бы смягчить суровость приговора, тебе лучше немедля отправиться на поиски родителей ребенка и вернуть его, прежде чем за тобой

явится полиция.

— Но кто его родители?

— Понятия не имею.

— Где они живут?

— Ничего не знаю.

Ребенок тоже ничего не знал. На редкость бестолковый и неразвитой мальчик. Единственное, что я из него вытянул, — так это то, что у него есть папа. Нет чтобы спросить за вечерней беседой у папаши имя и адрес. Итак, попусту потратив десять минут, мы вышли с ним на вольный простор и побрели неведомо куда.

Честное слово, покуда я не пустился в это изнурительное странствие, волоча за собой карапуза, я не имел ни малейшего представления, до чего это трудная задача — возвратить сына родителям. А уж каким образом похитители детей попадаются в лапы полисменов — для меня и вовсе загадка. Я, точно ищейка, обрыскал весь Марвис-Бей, но никто не востребовал малыша. Можно было подумать, что он поселился здесь совершенно самостоятельно и живет один-одинешенек в отдельном коттедже. Поиски продолжались до тех пор, пока на меня не сошло еще одно озарение — я решил порасспрашивать повстречавшегося нам на пути торговца сластями. Торговец привет-

ствовал моего толстячка как давнего знакомца и сообщил мне, что родители его, по фамилии Кегуорти, проживают в пансионате «Морской отдых».

Теперь оставалось только отыскать этот «Морской отдых». Посетив «Морской горизонт», «Морскую панораму», «Морской бриз», «Морской коттедж», «Морское бунгало», «Морской приют» и «Морскую усадьбу», я в конце концов нашел и «Морской отдых».

Постучался. Ответа не последовало. Я постучал в дверь еще раз. В доме послышалось какое-то движение, но никто не появился. Я уже приготовился шарахнуть дверным молотком с такой силой, чтобы эти люди поняли, что я сюда не шутки шутить пришел, но тут откуда-то сверху раздался голос:

— Алло!

Я поднял глаза и в верхнем окошке увидел круглое розовое лицо, обрамленное бакенбардами. Лицо смотрело на меня.

— Добрый день! — крикнул владелец розового лица. — Вам сюда нельзя.

— А я и не собираюсь входить.

— Потому что… Ой! Да это же Пузатик!

— Меня зовут не Пузатик. А вы, я полагаю, ми-

стер Кегуорти? Я привел вашего сына.

— Вижу-вижу. Ку-ку, Пузатик! Папочка тебя видит.

Лицо спряталось. Послышались голоса. Затем оно появилось снова.

— Послушайте!

Я мрачно утаптывал гравий. Этот тип действовал мне на нервы.

— Вы живете в Марвис-Бее?

— Снял коттедж на несколько недель.

— Как ваша фамилия?

— Вустер.

— Не может быть! Ну просто чудеса! Скажите же скорее, как она пишется: В-у-с-т-е-р или В-у-р-с-т-е-р?

— Вэ-у-эс…

— Я спрашиваю потому, что когда-то знал мисс Вустер, фамилия которой писалась Вэ-у-эс…

Мне уже надоели эти упражнения в правописании.

— Может, вы откроете дверь и заберете ребенка?

— Я не могу открыть дверь. Эта мисс Вустер, которую я знал, вышла замуж за человека по фамилии Спенсер. Она вам не родня?

— Это моя тетя Агата, — ответил я с саркасти-

ческой ноткой в голосе, тем самым давая ему понять, что именно такие типы, как он, и водят знакомство с моей тетей Агатой.

Он просиял.

— Какая удача! — воскликнул он. — А мы-то ломали голову, что нам делать с Пузатиком! Понимаете ли, какая история — у нас тут свинка. У Босоножки — это моя дочурка — только что обнаружили свинку. Пузатик может заразиться. Мы никак не могли придумать, что нам делать. Как нам повезло, что именно вы его нашли! Он удрал от няни. Я не решился бы доверить его незнакомому человеку, но вы — другое дело. Любой из племянников миссис Спенсер может рассчитывать на полное мое доверие. Вы должны взять Пузатика к себе домой. Как замечательно все устроилось! Я написал моему брату в Лондон, чтобы он приехал и увез мальчика. Он может появиться здесь через несколько дней.

— Господи помилуй! Может?

— Вообще-то мой брат очень занятой человек, но не позже чем через неделю он обязательно приедет. А до тех пор Пузатик сможет пожить у вас. Превосходный план! Я вам премного благодарен! Вашей жене Пузатик очень понравится.

— У меня нет жены! — возопил я, но окошко со

стуком захлопнулось, как будто джентльмен с бакенбардами заметил микроба свинки, норовящего вырваться из заточения на волю, и кинулся ему наперерез.

Я вздохнул поглубже и отер платком свой страдальческий лоб.

Окошко снова распахнулось.

— Эй!

Пакет с тонну весом обрушился мне на голову и взорвался подобно бомбе.

— Поймали? — спросило круглое лицо, снова появляясь в окошке. — Ай-яй-яй, вы не поймали. Впрочем, не страшно — купите все у бакалейщика. Спросите «Бейли, гранулированные чипсы для завтрака». Пузатик любит, чтобы молока было совсем чуть-чуть. Не сливок. Молока. Но обязательно фирмы «Бейли».

— Понимаю, но…

Лицо исчезло, окно захлопнулось. Я подождал некоторое время, однако больше ничего не произошло, и, взяв Пузатика за руку, я двинулся прочь.

Мы вышли на дорогу — навстречу нам шла Элизабет.

— Это ты, малыш? — спросила она, вглядываясь в Пузатика. — Значит, папочка нашел тебя?

Сегодня утром на пляже мы очень подружились с вашим сыном, — сказала она мне.

Это было уж слишком! Я еще не пришел в себя после диалога с розовощеким психом, и нате вам — новый сюрприз! У меня перехватило дыхание от возмущения, однако, прежде чем я успел отречься от столь нелепого отцовства, девушка, кивнув на прощанье, скрылась за углом.

Я и не ждал, что Фредди, снова увидев мальчишку, запоет от радости, но все же надеялся, что он проявит хотя бы немного больше мужества и чисто британской стойкости. Он же, когда мы вошли, вскочил, метнул в Пузатика яростный взгляд и схватился за голову. Он долго молчал, не произнося ни слова, но зато потом, заговорив, долго не мог остановиться.

— Ну скажи хоть что-то, — обратился он ко мне, покончив с основными комментариями по поводу последних событий. — Почему ты молчишь?

— Если ты предоставишь мне такую возможность, может быть, и скажу.

И я сообщил ему про новую неприятность.

— Что же ты собираешься делать? — спросил Фредди довольно, я бы сказал, злобным тоном.

— А что мы можем сделать?

— Мы? Что значит — мы? Я не собираюсь

тратить время, сменяя тебя на посту няньки. Я немедленно возвращаюсь в Лондон.

— Фредди! — вскричал я. — Фредди, дружище! — Голос мой дрогнул. — Неужели ты покинешь друга в беде?

— Да, покину.

— Фредди, — сказал я, — ты должен быть рядом со мной. Ты просто обязан! Понимаешь ли ты, что этого ребенка надо раздевать, купать и одевать снова? Ты же не хочешь, чтобы все это я делал один?

— Тебе поможет Дживс.

— Нет, сэр! — Как раз в эту минуту Дживс вкатил в гостиную столик с завтраком. — Сожалею, но я должен решительно устраниться от этих забот. — Дживс говорил почтительно, но твердо. — У меня слишком мало опыта — вернее, нет никакого опыта в уходе за детьми.

— Самое время начать его приобретать, — настаивал я.

— Нет, сэр. Мне очень жаль, но я не могу взять на себя эти обязанности.

— Тогда останься ты, Фредди!

— Я не останусь.

— Но ты обязан. Вспомни, старина, мы друзья уже столько лет. Твоя матушка любит меня.

— Она тебя не любит.

— Ну хорошо, пусть не любит, но мы вместе учились в школе, ты еще задолжал мне десять фунтов.

— Ну ладно, ладно, — смирившись, сказал он.

— К тому же, старина, я ведь для тебя старался.

Он посмотрел на меня как-то странно и задышал тяжело и прерывисто.

— Я готов вытерпеть многое, Берти, — сказал он, — но не жди от меня благодарности — этого не будет!

Оглядываясь назад, я отдаю себе отчет, что от гибели меня спасла гениальная идея — скупить содержимое близлежащей кондитерской. Бесперебойно поставляя сладости нашему юному подопечному, мы довольно сносно просуществовали до конца того рокового дня. В восемь он заснул прямо в кресле, и, расстегнув все видимые пуговицы, а где не было пуговиц, применяя грубую силу, если что-то не поддавалось, мы уложили милое чадо в постель.

Фредди стоял посередине комнаты и смотрел на горку одежды на полу. На лбу у него пролегли две страдальческие морщины. Я догадывался, о чем он думает. Раздеть ребенка — дело нехитрое, это, так сказать, вопрос мускульных усилий, но

как его потом одеть, вот в чем вопрос. Я поворошил горку носком ботинка. Вот что-то длинное полотняное, но что? И какая-то розовая фланелевая штуковина загадочного предназначения. Пренеприятная история.

Однако утром я вспомнил, что через коттедж от нас поселилась семья с детишками, и, сходив туда еще до завтрака, позаимствовал у них няню. Нет, право же, женщины — это чудо! Буквально за восемь минут няня приладила все разрозненные части одежды в нужные места, и наш герой превратился просто в картинку, хоть веди на детский прием в саду Бэкингемского дворца. Я осыпал ее щедротами, и няня пообещала заглядывать к нам по утрам и вечерам. За завтрак я сел, можно сказать, в прекрасном расположении духа. Наконец-то нам, хоть и несколько криво, но улыбнулась удача.

— Вообще-то, — сказал я, — ребенок приносит в дом тепло и уют. Ты не согласен?

В эту минуту Пузатик опрокинул чашку молока прямо на брюки Фредди, и когда Фредди вернулся к столу переодевшись, утвердительно ответить на мой вопрос он был уже не в состоянии.

Вскоре после завтрака Дживс спросил, не уделю ли я ему несколько минут, — он хочет кое-что

сообщить мне.

Бурные события последних дней так все запутали, что я уже не очень ясно помнил, зачем я привез Фредди в Марвис-Бей, однако мне еще не окончательно отшибло память. Хочу сказать, что я несколько разочаровался в Дживсе. План, если вы помните, был такой: морской воздух и простая еда, так сказать, освежают его умственные способности, и он придумывает, как помирить Фредди с его невестой Элизабет. Но что же получилось? Дживс отменно ел и спал, однако не сделал и малого шажка в направлении к счастливой развязке. Шаг сделал я, причем без всякой посторонней помощи, и хотя, должен сказать, ничего хорошего из моего одинокого шага не вышло, факт остается фактом: это я проявил сметливость и находчивость. Так что, когда Дживс ко мне пожаловал, я встретил его высокомерно. Прохладно, я бы сказал. С ледком.

— Слушаю вас, Дживс, — ответил я. — Вы хотели поговорить со мной?

— Да, сэр.

— Валяйте, Дживс.

— Благодарю вас, сэр. Я хотел сказать, что вчера вечером я посетил местный кинотеатр.

Я вздернул брови. Он меня просто изумил. В до-

ме бог весть что творится, молодой хозяин, можно сказать, доведен до отчаяния, а он не только шляется по кино, но и считает уместным сообщать мне о своем праздном времяпрепровождении!

— Надеюсь, вы получили удовольствие, — сказал я достаточно ядовито.

— Да, сэр, спасибо. Показывали суперфильм в семи частях о бурной жизни нью-йоркского высшего света. С Бертой Блевитч, Орландо Мерфи и Беби Бобби в главных ролях. Очень интересный фильм, сэр.

— Рад слышать, — сказал я. — Ну а если сегодняшнее утро вы проведете на пляже, копаясь в песочке, с лопаткой и ведерком в руках, вы тоже придете доложить мне об этом? У меня ведь нет никаких забот, и ваш рассказ послужит мне приятным развлечением.

Иронически сказал. С сарказмом. Даже горько, если разобраться.

— Фильм называется «Крошечные ручки». Родители малыша — его играет Беби Бобби, — как это ни печально, разошлись.

— Ай-яй-яй! — сказал я.

— Но в глубине души они все еще любят друг друга.

— Неужели? Отрадно слышать.

— Однако так все и продолжалось, сэр, пока однажды…

— Дживс, — сказал я, испепеляя его взглядом, — что за чушь вы городите? В доме черт знает что творится, этот жуткий ребенок буквально сидит у меня на голове, и вы полагаете, что я способен слушать…

— Прошу меня извинить, сэр, но я бы и не упомянул об этом фильме, если бы он не натолкнул меня на одну мысль…

— Мысль?

— Мысль, которая, я думаю, поможет нам в обеспечении матримониального будущего мистера Булливанта. К чему, если вы припомните, сэр, вы и призывали меня.

Мой вздох был полон раскаяния.

— Дживс, — сказал я, — я был к вам несправедлив.

— Что вы, сэр!

— Да нет же, я вас не понял. Мне показалось, что вы настолько увлеклись морскими купаниями и прочими курортными прелестями, что начисто забыли о нашем общем деле. Я не должен был так думать! Расскажите мне все подробно, Дживс.

Он с достоинством поклонился. Я просиял. И хотя мы не бросились друг другу в объятия, ясно

было, что отношения наши снова наладились.

— Сэр, в этом суперсуперфильме «Крошечные ручки», — начал Дживс, — родители ребенка, как я уже сказал, разошлись.

— Разошлись, — повторил я, кивая. — Верно. И затем?

— Настал день, сэр, когда их маленький сынишка снова их соединил.

— Каким образом?

— Насколько я помню, сэр, малыш спросил: «Папочка, ты больше не любишь мамочку?»

— И дальше?

— Это всколыхнуло их чувства. На экране появляются «обратные кадры», если я правильно это называю: они жених и невеста, счастливая супружеская жизнь в первые годы, далее идут разные любовные картины в историческом порядке; и конец фильма — крупным планом: он и она нежно обнимаются, на них умиленно смотрит малыш, в отдалении орган тихо играет «Сердца и цветы».

— Продолжайте, Дживс, — сказал я. — Вы меня очень заинтересовали. Я, кажется, начинаю улавливать вашу мысль. Вы полагаете?..

— Я полагаю, сэр, коль скоро в доме находится юный джентльмен, вполне возможно устроить

подобную dénouement[24] для мистера Булливанта и мисс Викерс.

— Но вы не учли, что этот юный джентльмен не имеет никакого родственного отношения ни к мистеру Булливанту, ни к мисс Викерс.

— Несмотря на эту помеху, сэр, я предвижу положительный результат. Если возможно хотя бы на короткое время свести мистера Булливанта и мисс Викерс в нашей гостиной в присутствии ребенка и если этот ребенок будет произносить какие-то трогательные слова…

— Я вас понял, Дживс! — с энтузиазмом воскликнул я. — Гениально! Вот как я это представляю: сцена разыгрывается здесь, в гостиной. В центре — малыш. Девушка слева. Фредди в глубине сцены играет на пианино. Хотя нет. Он может только одним пальцем и только самое начало «Роз». Так что без тихой музыки придется обойтись. Все остальное получается просто идеально. Вот смотрите, Дживс, — продолжал я. — Чернильница — это мисс Викерс. Кружка с надписью «Сувенир из Марвис-Бея» — мальчишка. Перочистка — мистер Булливант. Начинается разговор, который надо подвести к реплике мальчишки. Реплика…

---

[24] Примечания: 24
Развязка *(фр.).*

Допустим, она прозвучит так: «Ка-асивая тетя, ты любишь дядю?» Они простирают друг к другу руки. Стоп-кадр. Далее: Фредди пересекает комнату справа налево и берет девушку за руку. От волнения у него комок в горле. Затем он произносит проникновенную речь. «Ах, Элизабет, — говорит он, — не слишком ли затянулась наша размолвка? Видишь, даже малое дитя укоряет нас!» И так далее. Я набрасываю общий план. Фредди предстоит поработать над текстом. А нам необходимо продумать получше реплику для ребенка. «Ка-асивая тетя, ты любишь дядю?» — звучит недостаточно четко. Хотелось бы что-то более…

— Могу я предложить вариант, сэр?

— Слушаю вас.

— Я посоветовал бы всего два слова: «Поцелуй Фредди». Это коротко, хорошо запоминается и, я бы сказал, побуждает к действию.

— Вы гений, Дживс!

— Благодарю вас, сэр.

— «Поцелуй Фредди» — решено. Но как, черт побери, мы заманим ее сюда? Мисс Викерс не здоровается с мистером Булливантом. Она к нему близко не подойдет.

— Это осложняет дело, сэр.

— Но не важно. Устроим встречу на лоне

природы. Подстережем ее на пляже, когда все подготовим. Пока что мы должны добиться, чтобы ребенок выучил свою роль назубок.

— Да, сэр.

— Отлично! Завтра в одиннадцать утра первая репетиция.

Бедняга Фредди пребывал в таком мрачном расположении духа, что я решил до поры до времени не посвящать его в наш замысел. Не то у него настроение, чтобы еще волноваться по поводу предстоящего спектакля. Итак, мы начали с Пузатика. И уже на первых репетициях обнаружили, что единственный способ заставить Пузатика сосредоточиться — это, так сказать, воздействовать на него приманкой. Я имею в виду все те же сладости.

— Главная трудность, сэр, — сказал Дживс под конец первой репетиции, — это, как я полагаю, установить в сознании юного джентльмена связь между словами, которые он должен произнести, и последующим угощением.

— Совершенно верно, Дживс, — сказал я. — Как только негодник сообразит, что за этими двумя словами, если он произнесет их громко и отчетливо, автоматически последует шоколадная нуга, успех будет обеспечен.

Я не раз размышлял о том, как это интересно — дрессировать животных, пробуждать в них сознание, заставлять думать. Да, это было увлекательно — дрессировать Пузатика. День на день не приходился. То вдруг казалось, что успех просто поразителен — малыш входил в роль и исполнял ее как настоящий профессионал. А назавтра снова все распадалось. Время, однако, летело…

— Дживс, — сказал я, — нам надо спешить. В любой момент может приехать дядя мальчика и забрать его.

— Вы правы, сэр.

— А дублера у нас нет.

— Совершенно верно, сэр.

— Мы должны работать не покладая рук. Честно сказать, этот ребенок порой приводит меня в отчаяние. Глухонемой и тот уже выучил бы эти два слова.

Хотя не могу не отдать должное мальчишке: упорства ему было не занимать. Неудачи не расхолаживали его. Стоило ему завидеть шоколадку, как он решительно бросался в бой и вопил что ни попадя, покуда не получал награду. Вот только стабильности ему не хватало. Что до меня, то я готов был рискнуть и при первой возможности устроить встречу, однако Дживс возражал.

— Я бы не советовал слишком торопиться, сэр, — сказал он. — До тех пор, пока память юного джентльмена действует недостаточно надежно, мы рискуем провалить весь замысел. Вспомните, сэр, сегодня он так разбушевался, что вместо «поцелуй Фредди» сказал «стукни Фредди». Боюсь, подобный призыв не растрогает юную леди.

— Да уж. К тому же она может и выполнить его. Вы правы, Дживс. Отложим представление.

Но, увы, отложить мы не смогли. Занавес поднялся на следующий же день!

Ничьей вины в том не было, и уж тем более моей. Судьба распорядилась, как ей заблагорассудилось. Дживс куда-то ушел, дома были мы с Фредди и Пузатик. Фредди только что уселся за пианино, а я решил вывести малыша на прогулку, но только мы вышли на веранду, как увидели Элизабет — она направлялась на пляж. При виде ее малыш издал приветственный вопль, и она остановилась у крыльца веранды.

— Здравствуй, детка, — сказала она. — Доброе утро! — Это мне. — Можно мне к вам подняться?

И, не дожидаясь ответа, Элизабет вспорхнула на веранду. Такой, видно, у нее был характер. Она занялась малышом. Напоминаю, что в пяти шагах от нас, в гостиной, бренчал по клавишам

Фредди. Положение было отчаянное — поверьте мне, Бертраму! В любую минуту Фредди могло взбрести в голову выйти на веранду, а я ведь еще не провел с ним ни одной репетиции.

Я решил нарушить молчание.

— Мы как раз собрались на пляж, — сказал я.

— Да? — Девушка прислушалась. — Вы настраиваете пианино? — спросила она. — Моя тетушка ищет настройщика. Вы не против, если я загляну в гостиную и попрошу мастера, когда он кончит работать у вас, зайти к нам?

Я отер со лба капельки пота.

— Э-э… не стоит входить сейчас, — сказал я. — Не сию минуту. Настройщики не выносят, когда их беспокоят во время работы. Знаете ли, эти артистические натуры… Но позднее я скажу ему…

— Прекрасно. Попросите его зайти в «Сосновое бунгало», к Викерсам… Ах, по-моему, он уже перестал. Сейчас, наверное, выйдет. Я подожду.

— Вам не кажется… вы не опоздаете на пляж? — сказал я. Но Элизабет уже болтала с малышом и что-то нащупывала в своей сумке.

— На пляж… — промямлил я.

— Смотри, что я тебе купила, детка, — сказала девушка. — Почему-то я была уверена, что встречу тебя, и вот запаслась твоими любимыми

конфетками.

И — о боже! — она помахала перед вытаращенными глазами Пузатика брикетом ирисок величиной с мемориал принцу Альберту.

Это все решило. С утра мы с Пузатиком довольно долго репетировали, и, надо сказать, он продемонстрировал определенные успехи. Сейчас он ухватил все с первого раза.

— Поцелуй Фредди! — завопил он.

В этот момент дверь из гостиной отворилась, и на веранду, будто откликнувшись на призыв Пузатика, вышел Фредди.

— Поцелуй Фредди! — вопил малыш.

Фредди уставился на девушку, девушка на него.

Я уставился в пол, малыш — на брикет ирисок.

— Поцелуй Фредди! — вне себя орал Пузатик. — Поцелуй Фредди!

— Что все это значит? — спросила девушка, поворачиваясь ко мне.

— Лучше отдайте ему ириску, — сказал я. — Он будет орать, пока ее не получит.

Элизабет отдала Пузатику ирис, и он утих. Фредди, остолоп несчастный, так все и стоял с открытым ртом. Он не вымолвил ни единого слова.

— Что все это значит? — повторила вопрос девушка. Щеки у нее пылали, глаза сверкали, в меня летели стрелы. Я, Бертрам Вустер, превратился в филе без единой косточки, если я понятно выражаюсь. В хорошо отбитую котлету. Случалось ли вам, танцуя, наступить на подол платья своей дамы — я говорю о временах, когда женщины носили платья такой длины, что на них можно было наступить, — и услышать треск, и увидеть ангельскую улыбку на ее лице, когда она говорит вам: «Пожалуйста, не извиняйтесь. Это такой пустяк», — а потом вдруг встретиться с ее холодными, ясными голубыми глазами и совершенно отчетливо ощутить удар, как будто вы наступили на зубья грабель и рукоятка подпрыгнула и стукнула вас по лицу? Именно так смотрела на меня невеста Фредди — Элизабет.

— Я вас слушаю, — сказала она, и зубы ее слегка лязгнули.

Я сглотнул слюну. И сначала сказал, что это ничего не значит. Затем — что это не значит ничего особенного. И наконец проговорил: «Видите ли, вот такая вышла история». И рассказал ей все от начала до конца. Все это время кретин Фредди стоял и молчал, словно его вдруг поразила немота.

Девушка тоже молчала. Она слушала.

И вдруг начала смеяться. Я никогда не слышал, чтобы какая-нибудь девушка так смеялась. Она привалилась к столбику веранды и хохотала во все горло.

А Фредди, этот чемпион по идиотизму, так и стоял молча.

Рассказ мой был закончен, и я потихонечку, бочком, стал продвигаться к крыльцу. Я сказал все, что должен был сказать, и, как мне представлялось, на этом месте в моей роли стояла ремарка: «Незаметно уходит». На Фредди я окончательно махнул рукой. Произнеси он хоть слово, и все было бы в порядке. Но он безмолвствовал.

Я отошел довольно далеко от нашего коттеджа, когда встретил Дживса, возвращавшегося с прогулки.

— Все кончено, Дживс, — сказал я. — Ставим точку. Старина Фредди оказался форменным ослом, он все погубил. Спектакль провалился.

— Не может быть, сэр! Но что случилось?

Я рассказал ему.

— Он провалил свою роль, — заключил я. — Ему представлялась редкая возможность высказаться, но он не воспользовался ею. Он молчал как рыба. Он… О боже! Смотрите!

Мы с Дживсом шли обратно, в поле нашего зрения уже появился коттедж. Шестеро ребятишек, няня, двое зевак, еще одна нянька и продавец из кондитерской стояли перед нашей верандой. Они не сводили с нее глаз. По улице поспешали еще пятеро ребятишек, собака, трое мужчин и мальчик — очевидно, чтобы присоединиться к зрителям. А на веранде, словно одни в пустыне Сахаре, слились в объятиях Фредди и его Элизабет.

— Боже праведный! — воскликнул я.

— Похоже, все завершилось наилучшим образом, сэр, — сказал Дживс.

— Кажется, вы правы, — согласился я. — Миляга Фредди явно не справился с текстом, однако успех полный.

— Истинная правда, сэр, — сказал Дживс.

Не подвести Бинго[25]

Промокнув последний лист, я откинулся в кресле, чувствуя себя практически опустошенным. Старина Вустер лег костьми, но результат выглядел вполне пристойно. Я перечитал все сначала и задумался, не втиснуть ли в конце еще абзац, но тут в дверь постучали, и появился Дживс.

— Миссис Траверс на проводе, сэр.

— Вот как? — буркнул я, не отрываясь от текста. Вы же понимаете, работа есть работа.

— Да, сэр. Миссис Траверс передает привет и была бы рада узнать, как продвигается статья, которую вы для нее пишете.

— Дживс, допустимо ли в дамском журнале упоминать о полукальсонах?

— Нет, сэр.

— Тогда скажите, что статья готова.

— Хорошо, сэр.

— А потом возвращайтесь, Дживс. Окинете взглядом мой труд — требуется ваш вердикт.

Моя тетушка Далия, которая издает женский еженедельник под названием «Будуар элегант-

---

[25] Примечания: 25

© Перевод. А. Круглов.

ной дамы», на днях зажала меня в угол и выбила обещание высказать пару веских суждений в рубрике «Мужья и братья» на тему «Что носит хорошо одетый мужчина». Вообще, теток надо поощрять, когда они того заслуживают, а в столице попадается немало образцов похуже, чем тетя Далия, так что я легкомысленно согласился — но, клянусь честью, дал бы ей от ворот поворот, невзирая ни на какое родство, имей я хоть самое туманное представление о том, во что ввязываюсь! Эта адская работенка высосала все соки из моего организма. А я еще удивлялся, почему у пишущей братии вечно плешь и взгляд как у побитой птицы.

— Дживс, — начал я, когда он вернулся, — вам, случайно, не доводилось читать «Будуар элегантной дамы»?

— Нет, сэр. Данное издание мне не попадалось.

— На следующей неделе раскошельтесь на шесть пенсов, там будет вот эта статья — «Что носит хорошо одетый мужчина по мнению Вустера».

— В самом деле, сэр?

— Именно так, Дживс. Безделица, но напрячься пришлось изрядно. Есть и о носках кое-что, вам должно понравиться.

Он взял рукопись и сосредоточенно перелистал, потом произнес с легкой одобрительной улыбкой:

— Тема носков раскрыта в должном ключе, сэр.

— Выразительно получилось, а?

— В высшей степени, сэр.

Я пристально следил, как он читает, и наконец, как и ожидалось, свет любви, так сказать, угас в его глазах. Предстояла неприятная сцена, и я собрал волю в кулак.

— Дошли до шелковых сорочек к вечернему костюму? — небрежно обронил я.

— Да, сэр, — тихо процедил Дживс с таким видом, будто его внезапно укусил за ногу не кто-нибудь, а лучший друг. — Прошу прощения, но…

— Что-то не так?

— Да, сэр. Сорочки из мягкого шелка не носят с вечерним костюмом.

— Дживс, — продолжал я, сверля зануду непреклонным взглядом, — значит, станут носить, будь я проклят! Кстати, раз уж зашел разговор, я заказал дюжину таких у «Пибоди и Симмса»; и не надо так смотреть — я тверд, как скала.

— Если мне будет позволено, сэр…

— Нет, Дживс. — Я оборвал его решительным

жестом. — Возражения бесполезны. Никто не уважает больше, чем я, ваших суждений о носках, галстуках и — скажу даже больше — гетрах; но когда дело доходит до вечерних сорочек, рассудок вас подводит. Вашим взглядам не хватает широты, они предвзяты и реакционны. Напрашивается слово «закоснелость». Возможно, вам будет интересно узнать, что однажды вечером в Ле-Туке я видел, как в казино заявился сам принц Уэльский в точно такой сорочке!

— Его Королевское Высочество, сэр, может позволить себе некоторые вольности, тогда как вам…

— Нет, Дживс, — отрезал я, — даже не пытайтесь. Когда решение Вустеров твердо, оно… в общем, твердо, вы меня поняли.

— Очень хорошо, сэр.

Конечно, славный малый был уязвлен, и нам обоим это далось нелегко, но такой разговор надо доводить до конца. Раб я или не раб? Вот к чему все сводится. Настояв на своем, я решил сменить тему.

— Вот и славно. Теперь еще одно. У вас нет знакомой горничной, Дживс?

— Горничной, сэр?

— Ну да, ну да. Вы же знаете, кто это.

— Вам требуется горничная, сэр?

— Не мне, мистеру Литтлу. Пару дней назад мы с ним беседовали в клубе. Миссис Литтл сулит щедрую награду тому, кто подыщет горничную, которая ладит с фарфором.

— В самом деле, сэр?

— Именно. Нынешняя, похоже, весь переколотила. Тайфун, самум и торнадо в одном лице. Так что, если вы знаете какую-нибудь…

— Очень многих, сэр. Кого-то близко, кого-то не очень.

— Вот и вспомните всех старых знакомых… А теперь — шляпу, трость и все прочее. Надо сдавать статью.

Редакция «Будуара» располагалась в одном из грязноватых переулков близ Ковент-Гарденского рынка. Не успел я добраться до входной двери, увязая в гнилых капустных листьях и раздавленных помидорах, как навстречу вышел не кто иной, как миссис Литтл. Она тепло поприветствовала меня как старого друга семьи, хотя, признаться, я давненько их не навещал.

— Каким ветром, Берти? Вот уж не думала тебя встретить к востоку от Лестер-сквер.

— Да вот, статью принес для тети Далии, у нее тут вроде как редакция наверху — «Будуар эле-

гантной дамы».

— Надо же, какое совпадение! И я только что обещала ей статью.

— Даже не думай, — поморщился я, — знала бы ты, какая это тягомотина… Ах да, совсем забыл, тебе же не привыкать, да?

И в самом деле, я дурака свалял. Мой друг Бинго Литтл, если помните, женился на знаменитой писательнице Рози М. Бэнкс, чья слащавая писанина расходилась бешеными тиражами. Такой статейку накатать — раз плюнуть.

— Конечно, справлюсь, — кивнула она. — Твоя тетушка предложила очень милую тему.

— Ну и славно. Кстати, я поговорил с Дживсом насчет горничной, у него знакомых пруд пруди.

— Вот спасибо! Ты завтра вечером не занят?

— Да ничем особенно.

— Приходи к нам обедать. Будет твоя тетушка, и даже надеется привести супруга. Мне не терпится с ним познакомиться.

— Благодарю, Рози. С удовольствием.

Сказано это было от чистого сердца. Может, Литтлам с горничными и не везет, но повар у них что надо. Неизвестно, где и когда законной половине Бинго удалось откопать совершенно уникального француза. Выдает такое рагу — зака-

чаешься. Старина Бинго прибавил в весе десяток фунтов с тех пор, как этот Анатоль появился у них в доме.

— Тогда ждем к восьми.

— Договорились. Спасибо большое!

Рози упорхнула, а я поплелся вверх по лестнице «сдавать материал», как говорим мы, труженики прессы.

Тетушку Далию было едва видно за ворохом всевозможных бумаг. Вообще-то, я не испытываю особой привязанности к родственникам, но с тетушкой Далией всегда был дружен. Она вышла замуж за моего дядю Томаса — человека, между нами говоря, совсем не примечательного, — в тот год, когда Василек выиграл скачки в Ньюмаркете. Не успели жених с невестой подойти к алтарю, как я сказал себе: «Слишком хороша для старого хрыча». У нее широкая, открытая душа, таких часто встречаешь на охоте — и в самом деле, до замужества она не вылезала из седла, — но дядюшка не желает жить в деревне, и теперь тетя Далия направляет лишнюю энергию на свое бумажное детище.

Когда я вошел, она вынырнула из бумаг и приветливо запустила в меня книжкой.

— Берти! Никак и впрямь закончил ту статью?

— Даже запятые все на месте.

— Ну, ты герой. О боже, представляю, какой там бред.

— Ничего подобного, материал — пальчики оближешь! Дживс и то по большей части одобрил, разве что шелковые сорочки ему немного против шерсти, но поверьте, тетушка, — это последний писк моды. Вот увидите, скоро весь высший свет в них будет щеголять на премьерах и приемах.

— Этот твой Дживс… — Тетушка бросила мою статью в корзинку и наколола какие-то листочки на какой-то крюк вроде мясницкого. — Жалкий пустозвон, так ему и передай!

— Ну что вы, тетя Далия… В мужских сорочках Дживс, может, и не силен, однако же…

— Да при чем тут это! Неделя прошла, как я просила найти повара — и где он?

— Святые угодники! Он что, бюро по найму прислуги? Вот и миссис Литтл просит его подыскать горничную. Встретились с ней внизу — говорит, взялась написать что-то для вас.

— Да, слава небесам. Может, удастся поднять тираж. Сама я ее сочинения на дух не переношу, но дамочки от них с ума сходят. Ее имя на обложке творит чудеса, что для нас очень кстати.

— Журнал плохо расходится?

— Да нет, почему же, нормально, но тираж растет медленно.

— Ну, еще бы.

— Мне еще как-то удается убедить в этом Тома, в его светлые минуты, — вздохнула тетушка, насаживая на крюк очередные бумаги, — но сейчас у бедного олуха как раз приступ пессимизма, и все из-за криворукой неумехи, которая вообразила себя кухаркой! Еще пара-тройка ее так называемых обедов, и Том откажется платить по типографским счетам.

— Да что вы говорите!

— Говорю, как есть. Вчера, после *ris de veau à la financière*[26] в ее исполнении, он битый час плакался, что выбрасывает деньги на ветер.

Дядюшка Томас заработал где-то на Востоке громадную кучу денег, а заодно напрочь испортил желудок, и теперь с ним сладить не так-то просто. Сколько раз сам наблюдал, как он жизнерадостно щебетал в ожидании рыбных блюд, но дело не успевало дойти до сыра, как он уже впадал в черную меланхолию.

Как там звали того типа, которого мне все подсовывали в Оксфорде? Шип… Шоп… Ах да,

---

[26] Примечания: 26

Телячий зоб с грибным соусом «финансьер» *(фр.)*

Шопенгауэр, точно. Вот уж брюзга, хуже не придумаешь. Так вот, по сравнению с дядюшкой Томасом, когда его желудочный сок объявляет забастовку, этот самый Шопенгауэр может показаться развеселой Поллианной[27]. А самое скверное, с точки зрения тети Далии, что в такие минуты дядюшка неизменно воображает себя на грани разорения и принимается экономить.

— Да уж, — покачал я головой. — Ну, хоть завтра за обедом у Литтлов отведет душу.

— Ты вполне уверен, Берти? — с подозрением спросила тетя Далия. — Я просто не могу себе позволить спускать его с поводка не имея полной гарантии.

— Там чудесный повар. Я их давненько не навещал, но если он в той же форме, что два месяца назад, дядя Томас получит незабываемое наслаждение.

— Ну да, а потом вернется в наш крематорий для бифштексов, — проворчала тетушка совсем по-шопенгауэровски.

Свое семейное гнездышко чета Литтлов свила в Сент-Джонс-Вуде — такой веселенький особня-

---

[27] Примечания: 27

Никогда не унывающая героиня одноименного романа детской писательницы Элинор Портер (1868–1920) и фильма с Мэри Пикфорд в главной роли.

чок с подобием сада. Когда на следующий вечер я явился в гости, вся компания была уже в сборе. Тетя Далия болтала в уголке с Рози, а дядя Томас стоял у камина рядом с Бинго и потягивал коктейль с таким хмурым, подозрительным видом, словно пришел на обед к семейке Борджиа и даже если не отравится сейчас, то за обедом уж точно не отвертится.

От дядюшки я и не ожидал проявлений лучезарной жизнерадостности, так что не обратил на него особого внимания, но что меня удивило, так это необычайная мрачность моего друга. Говорите про Бинго что хотите, но тоску на гостей он никогда не нагонял. Помню, как в холостяцкие годы он кидался хлебным мякишем, сидя за столом в ожидании супа. Но сегодня они с дядей стоили друг друга. Малыш Бинго стоял понурый и озабоченный — точь-в-точь Борджиа, который забыл подсыпать цианида в консоме, а обеденный гонг вот-вот ударит.

До того как включиться в общую беседу, он успел сказать пару слов, но даже они ничего не прояснили.

Наливая коктейль, наклонился к моему уху и произнес зловещим лихорадочным шепотом:

— Берти, надо переговорить, дело жизни и

смерти. Будь дома завтра утром.

Этим дело и ограничилось: почти сразу грянул стартовый выстрел, и мы потянулись в пиршественные чертоги. С этого момента, признаюсь, затруднения Бинго вылетели у меня из головы, потому что старина Анатоль, вдохновленный, видимо, свежим притоком ценителей, воистину превзошел сам себя.

Я не из тех, кто судит о подобных вещах поспешно. Каждое мое слово взвешенно, и я готов повторить: Анатоль превзошел самого себя. Лучшего обеда мне в жизни не пришлось отведать, а уж дядюшка просто оживал на глазах, как цветок, политый в засуху. Усаживаясь за стол, он говорил о политике такое, что правительству едва ли хотелось бы услышать, но за *consommé pâté d'Italie*[28] примирительно вздыхал: чего еще ожидать в такие-то времена. Откушав *paupiettes de sole à la princesse*[29], признал, что за скверную погоду политики уж точно отвечать не могут, а после *caneton Aylesbury à la broche*[30] уже прак-

---

[28] Примечания: 28
Бульон с пирожком по-итальянски *(фр.)*

[29] Примечания: 29
Фаршированный рулет из морского языка *(фр.)*

[30] Примечания: 30
Утка на вертеле по-эйлсберийски *(фр.)*

тически был готов от всей души выступить в поддержку правительства.

А Бинго тем временем молчал как сыч, которого одолевает тайная тоска. Чудеса, да и только!

Шагая к дому, я только и размышлял о новой загадке, надеясь, впрочем, что моему другу не придет в голову нагрянуть со своими бедами ни свет ни заря. Судя по выражению лица, заявиться он собирался часам к шести.

Дома дожидался Дживс.

— Приятный обед, сэр?

— Великолепный, Дживс!

— Рад слышать, сэр. Вскоре после вашего ухода звонил по телефону мистер Джордж Траверс. Он очень надеется видеть вас в Харрогите, сэр. Мистер Траверс отбывает туда завтра утренним поездом.

Мой дядя Джордж, завзятый бонвиван, слишком привык за долгие годы ни в чем себе не отказывать, и теперь принудительная поездка на воды в Харрогит или Бакстон то и дело висит над ним как… как какой-то там меч; а оставаться там в одиночестве ему невыносимо.

— Не получится, — покачал я головой. Дядя Джордж и в Лондоне не подарок, не говоря уже о том, чтобы торчать с ним на курорте.

— Мистер Траверс очень настаивал, сэр.

— Нет, Дживс, — твердо сказал я. — Моей душе не чуждо сострадание, но дядя Джордж… ну, вы понимаете.

— Так точно, сэр.

Я рад был слышать, как он это произнес. Кроткий, как овечка. Вот что значит проявить твердость! Урок с шелковыми сорочками не прошел даром.

Малыш Бинго появился, когда я уже успел позавтракать. Дживс живо препроводил гостя в спальню, где тот присел ко мне на кровать.

— Доброе утро, Берти.

— Доброе утро, старина, — приветливо улыбнулся я.

— Не уходите, Дживс, — буркнул он.

— Сэр?

— Останьтесь. Побудьте здесь, вы понадобитесь.

— Слушаю, сэр.

Бинго закурил сигарету и мрачно уставился на обои.

— Берти, — сказал он наконец, — произошла кошмарная катастрофа. Если ничего не предпринять, и притом срочно, моя репутация в обществе обречена, о самоуважении можно забыть, мое

доброе имя будет втоптано грязь, и я не осмелюсь больше показаться в лондонском Вест-Энде.

— Сильно сказано, клянусь предками! — воскликнул я.

— Прямо в точку! — Бинго разразился могильным хохотом. — Твоя клятая тетка и есть самый корень зла.

— Какая клятая тетка? Уточни. Их у меня видимо-невидимо.

— Миссис Траверс — которая печатает ту дьявольскую газетенку.

— Ну, это ты загнул, старина, — поморщился я. — Эта тетка из всех как раз самая сносная. Думаю, Дживс меня поддержит.

— Должен признать, сэр, что сам пришел к аналогичному мнению.

— Значит, уйдите от него, — раздраженно бросил Бинго. — Эта женщина — угроза обществу, разрушительница семейного очага и общественная язва! Знаешь, что она натворила? Подбила Рози написать статью в свой бульварный листок!

— Я знаю.

— Но ты не знаешь, о чем статья!

— Рози сказала только, что тетя Далия подсказала блестящую тему.

— Она пишет про меня.

— Да ну?

— Вот именно! Про меня! А заглавие знаешь? «Как я приручаю крошку муженька»!

— Кого-кого?

— Крошку муженька.

— Какую еще крошку?

— Я и есть крошка, — с горечью выдавил Бинго, — и согласно статье, много чего еще, но простое чувство приличия не позволяет повторить это даже старому другу. Короче, речь идет о грязном пасквиле из разряда интимных семейных историй для широкой публики, которые так обожают женщины; все про Рози и про меня, и что она делает, когда я прихожу домой не в духе, и так далее. Веришь, Берти, до сих пор краснею, как вспомню второй абзац.

— И что там?

— Даже не спрашивай. Такое, что дальше просто некуда. Ты знаешь, как я люблю Рози, в обычной жизни она милая и рассудительная, но стоит ей усесться за диктовальную машину, начинает сюсюкать, как не знаю кто. Берти, эта статья не должна увидеть свет!

— Но…

— Если это произойдет, мне придется уйти из

всех клубов, отрастить бороду и стать отшельником.

— По-моему, ты немного сгущаешь краски, старина, — хмыкнул я. — Дживс, как он, сгущает краски?

— Думаю, сэр…

— Я их разбавляю! Ты просто не слышал того, что довелось слышать мне. Вчера перед обедом Рози вставила валик в аппарат, и у меня волосы дыбом встали, когда раздалось это карканье. Если статью напечатают, я стану всеобщим посмешищем, меня же до смерти заклюют!.. Берти, — произнес он хриплым шепотом, — даже ты со своим слоновьим воображением можешь представить, что скажут Джимми Боулз и Таппи Роджерс, не говоря уже о других, когда прочтут, что я «полубог, полудитя, лепечущее и проказливое».

Представить было легко.

— Прямо так и сказала? — ахнул я.

— Слово в слово, и это единственное, что я решусь повторить вслух, так что сам видишь, какая беда надо мной нависла.

Я задумчиво потеребил край одеяла. С Бинго мы дружили долгие годы, а Вустеры не бросают друзей в трудную минуту.

— Все понятно, Дживс? — спросил я.

— Да, сэр.

— Положение серьезное.

— Да, сэр.

— Мы должны помочь.

— Да, сэр.

— Есть какие-нибудь идеи?

— Да, сэр.

— А? Что, правда?

— Да, сэр.

— Бинго, — воскликнул я, — солнце еще не померкло! У Дживса есть идея.

— Дживс, — произнес малыш Бинго дрожащим голосом, — помогите мне выкрутиться, и можете просить что угодно, хоть полкоролевства.

— Даная проблема, — начал Дживс, — весьма удачно сочетается с другой миссией, возложенной на меня сегодня утром.

— Вот как?

— Перед тем, как я подал вам чай, сэр, звонила миссис Траверс и очень настойчиво просила меня убедить повара мистера Литтла отказаться от места у мистера Литтла и перейти на службу к ней. Оказывается, мистер Траверс остался доволен обедом настолько, что до глубокой ночи восхищался исключительными дарованиями

повара.

— Что-о?! — испустил Бинго душераздирающий вопль. — Эта… эта стервятница решила заграбастать нашего повара?

— Да, сэр.

— После того как ела наш хлеб, черт побери!

— Боюсь, что моральные принципы особ женского пола в отношении поваров несколько рудиментарны, сэр.

— Минуточку, — прервал я Дживса, которого явно одолевал приступ ораторства. — Как это все же сочетается с нашим делом?

— Видите ли, сэр, мой опыт подсказывает, что ни одна хозяйка никогда не простит другой переманивания повара, особенно хорошего. Я убежден, что успех данного мне поручения немедленно и неминуемо приведет к разрыву добросердечных отношений. Миссис Литтл, вне всякого сомнения, будет настолько рассержена на миссис Траверс, что откажется сотрудничать с ее журналом. Действуя таким образом, мы не только осчастливим миссис Траверс, но и пресечем нежелательную публикацию. Так сказать, убьем двух зайцев, если я вправе употребить подобное выражение.

— Разумеется, вправе, Дживс, — великодушно

кивнул я, — и не могу не отметить, что на этот раз ты превзошел самого себя.

— Да, но… как же… — проблеял Бинго. — То есть… Анатоль — он же один на миллион!

— Пойми, несчастный, в этом-то вся соль, иначе какой смысл!

— Да понятно, только… как же я без него… без Анатоля?

— Святые угодники! — возмутился я. — Такие дела, а ты о желудке беспокоишься?

Бинго горестно вздохнул.

— Ладно, ладно. Наверное, тут и впрямь без хирургического вмешательства не обойтись. Согласен. Вперед, Дживс, так держать! Завтра утром загляну к вам, узнаю новости.

Повесив голову, малыш Бинго отправился домой.

Наутро он ввалился совсем спозаранку, так что Дживс совершенно справедливо счел неприличным нарушать мой сон. К тому моменту, как я воспрянул и был готов дать аудиенцию, они успели переговорить по душам на кухне. Когда наконец мой друг показался на пороге спальни, по его лицу было видно, что дела плохи.

— Все отменяется, — сказал он, тяжело опускаясь на кровать.

— Что? Как?

— Вот так. С поваром ничего не выйдет. Дживс говорил вечером с Анатолем, и тот уходить не хочет.

— Неужто тетя Далия не догадалась повысить ему жалованье?

— Она-то сулила золотые горы, только он ни в какую. Оказывается, влюблен в нашу экономку.

— У вас же нет экономки.

— Есть.

— Что-то я ее не заметил. Позавчера за столом прислуживал какой-то тип, похожий на деревенского гробовщика.

— Это наш местный зеленщик, выручает нас при необходимости. Экономка в отпуске, точнее, была до вчерашнего вечера. Вернулась за десять минут до того, как зашел Дживс, и Анатоль так расчувствовался от долгожданной встречи, что его было не соблазнить всей королевской казной.

— Но послушай, Бинго, это же ерунда. Решение лежит на поверхности, неужели незаурядный ум Дживса упустил его? Тете Далии всего лишь надо переманить экономку вместе с поваром, чтобы те не расстались.

— Ну, мне это сразу пришло в голову.

— Спорим, что нет.

— Да пришло, пришло.

— И чем тебе не нравится такой план?

— Он не сработает. Если твоя тетка возьмет к себе нашу экономку, ей придется уволить свою.

— Ну и что?

— Тогда уволится шофер, который в нее влюблен.

— В тетку?

— Нет же, в экономку. А твой дядя, как выясняется, других шоферов не признает, этот самый аккуратный.

Что тут прикажете делать? Я и представить себе не мог, что жизнь прислуги настолько насыщена, как теперь говорят, сексуальными комплексами. Сплошные парочки, просто водевиль какой-то!

— М-да, — протянул я. — Ну, раз так, остается смириться с тем, что статья все-таки выйдет, да?

— Она не выйдет.

— У Дживса есть другой план?

— Нет, у меня. — Бинго наклонился и похлопал меня по коленке. — Послушай, Берти… мы ведь с тобой в одной школе учились, ты помнишь?

— Конечно, только…

— И ты никогда не оставлял друзей в беде. Это любой подтвердит верно?

— Да, но…

— Ты не подведешь, всегда придешь на выручку. Да что тут говорить, — усмехнулся он, — как будто я когда-нибудь в тебе сомневался. Бросить старого школьного друга в трудный час — это не про Берти Вустера, нет!

— Погоди, что у тебя за план?

Бинго успокаивающе сжал мне плечо.

— План как раз в твоем вкусе, старина, — справишься в два счета. Ты ведь уже проделывал почти то же самое: помнишь, сам рассказывал, как стащил дядюшкины мемуары в «Уютном»? Я вдруг вспомнил, и тут же пришла идея. Тебе…

— Нет, постой…

— Все уже готово, Берти! Беспокоиться совершенно не о чем. Мы допустили большую ошибку, когда положились на Дживса с его окольными путями. Куда лучше действовать напрямую, без всяких дурацких хитростей. Короче…

— Послушай…

— Короче, сегодня я веду Рози в театр на дневной спектакль. Окно ее кабинета оставлю открытым, и когда мы будем уже далеко, ты заберешься внутрь, возьмешь валик с записью и смоешься. Проще некуда!

— Нет, погоди минутку…

— Да понятно, — отмахнулся Бинго. — Как найти валик — тебя ведь это интересует? Найти легче легкого, ошибка исключена. Он в левом верхнем ящике стола, который не заперт, потому что в четыре придет стенографистка печатать статью.

— А теперь послушай меня, Бинго. Я очень тебе сочувствую и все такое, но кражу со взломом решительно отвергаю.

— Да какого черта, от тебя требуется всего-навсего повторить то же самое, что в «Уютном».

— Нет, не то же самое. Там я гостил и просто забрал посылку со стола в холле. Вламываться в чужой дом никто не требовал. Извини, но на такую гнусность я не пойду ни под каким предлогом!

Взгляд Бинго наполнился изумлением и обидой.

— И это говорит Берти Вустер? — тихо спросил он.

— Именно так!

— Берти, — произнес он вкрадчиво, — мы ведь только что вспоминали, как вместе учились в школе!

— Какая разница.

— В школе, Берти. В старой доброй школе.

— Мне все равно! Я не стану…

— Берти!
— Я не…
— Берти!
— Нет!
— Берти!
— Ладно, так и быть.
— Вот теперь я узнаю Бертрама Вустера! — воскликнул малыш Бинго, хлопнув меня по плечу.

Не знаю, приходилось ли вам об этом задумываться, но для человека мыслящего есть что-то чертовски ободряющее в новостях о кражах, которыми пестрят газеты. Если, конечно, вы истинный патриот Британии и все такое прочее. Я имею в виду, что за моральный дух страны, сыны которой столь охотно выбирают подобный путь, можно не опасаться, ибо уверяю вас — эта работа требует воистину чугунных нервов. Я бродил взад-вперед у входа битых полчаса, прежде чем решился проскользнуть в ворота и обойти дом с той стороны, куда выходило окно кабинета, и даже потом еще минут десять стоял, прижавшись к стене в ожидании полицейских свистков.

В конце концов я собрался с духом и приступил к делу. Большое окно на первом этаже, большое и удобное, было к тому же широко распахнуто. Я перекинул колено через подоконник, оттолкнул-

ся другой ногой и запрыгнул внутрь, всего лишь немного ободрав лодыжку. Как вы понимаете, оказался я в кабинете.

Постоял, прислушался — вроде бы все тихо. Казалось, на всем свете не осталось никого, кроме меня. На самом деле ощущение одиночества было такое сильное, что стало даже жутковато. Ну, вы знаете, как это бывает. Часы на каминной полке тикали размеренно и как-то осуждающе, действуя на нервы, а с портрета над часами подозрительно глядел какой-то старик, по виду чей-то дед. Не знаю чей — Рози или Бинго — но точно дед. А может, и прадед, не поручусь. Такой солидный старикан в высоком воротничке, который, видимо, так натер ему шею, что он задрал подбородок и смотрел на меня сверху вниз, будто говорил: «Это ты заставил меня нацепить эту удавку!»

До стола оставался всего шаг, нас разделял лишь бурый мохнатый коврик на полу. Избегая дедушкиного взгляда, я призвал всю бульдожью отвагу Вустеров и двинулся вперед по ковру, но едва успел шагнуть, как его юго-восточная оконечность внезапно приподнялась, приняла сидячее положение и засопела.

Поймите меня правильно: чтобы проявить себя достойно в подобной ситуации, надо быть одним

из тех сильных, молчаливых, всегда готовых ко всему парней. Такой лишь бросил бы на ковер беглый взгляд и сказал себе: «А, пекинес… хороший», а потом принялся бы выказывать расположение к собачке, чтобы обеспечить ее симпатию и моральную поддержку. Должно быть, меня скорее можно причислить к поколению молодых невротиков, о которых пишут в газетах, потому как в тот же миг выяснилось, что ни сила духа, ни, того пуще, молчаливость мне не свойственны. Заорав, я отскочил метра на полтора в сторону, а затем раздался такой грохот, будто в комнате взорвалась бомба.

Зачем писательнице держать в кабинете столик с вазой, фотографиями в рамках, блюдцем, лаковой шкатулкой и склянкой ароматических трав, я понятия не имею, но у Рози он стоял, и я с размаху врезался в него. Казалось, весь мир разлетелся вдребезги и обрушился водопадом из битого стекла и фарфора. Помню, несколько лет назад, сбежав в Америку от тети Агаты, которая вырыла топор войны, я посетил Ниагарский водопад, и тот грохотал очень похоже, хоть и чуть тише.

В тот же миг залаял пес.

Он был мелкий — из тех, что, по идее, не должны

издавать звуков громче, чем скрип карандашного грифеля, — однако же, заливался как целая охотничья свора. Забившись в угол и выпучив глаза, он каждые пару секунд отчаянно запрокидывал голову и издавал оглушительный вой.

Ну что ж, я умею проигрывать. Мне было жаль малыша Бинго и не хотелось его подводить, но сомнений не оставалось: пора уносить ноги. «Беги, Бертрам!» — мелькнуло в голове. Я рванулся к окну и мигом выкарабкался наружу.

На дорожке к воротам, словно назначив мне свидание, стояли полисмен и экономка.

Ситуация складывалась затруднительная.

— О!.. Э-э… вот и вы! — промямлил я. Последовавшую паузу, пожалуй, можно было назвать задумчивой.

— Я же говорила, что слышала шум, — подала наконец голос экономка.

Полисмен таращился, как вареный рак.

— Это еще что такое? — спросил он.

Я пожал плечами с кроткой ангельской улыбкой.

— Объяснить, пожалуй, трудновато…

— Еще бы!

— Я просто… э-э… заглянул, так сказать. Старый друг семьи, знаете ли.

— Как вы попали в дом?

— Через окно. На правах старого друга, так сказать.

— Значит, говорите, друг семьи?

— О да, старый друг. Очень, очень старый друг.

— Впервые его вижу, — отрезала экономка.

Я глянул на нее с отвращением. Как в такую мог влюбиться даже повар-француз, я не понимал, хоть убейте. Не то чтобы совсем страшная, вовсе нет, в иных, более благоприятных обстоятельствах она могла бы показаться даже хорошенькой, но сейчас… В жизни не встречал особы неприятней.

— Да, — подтвердил я, — впервые. Тем не менее я старый друг семьи.

— Тогда почему вы не позвонили в дверь?

— Не хотел никого беспокоить.

— Какое же тут беспокойство, за это жалованье платят, — возразила экономка, поджав губы. — Впервые его вижу, — повторила она зачем-то. Кошмарная женщина.

— Послушайте, — просиял я, озаренный внезапной идеей, — меня же знает гробовщик!

— Какой еще гробовщик?

— Тот, что прислуживал за столом, когда я обедал здесь два дня назад.

— Шестнадцатого числа сего месяца, — уточнил полисмен, глянув на экономку. — Прислуживал за обедом гробовщик?

— Разумеется, нет.

— Просто он был похож на… Ах да, вспомнил — он был зеленщик!

— Прислуживал за столом зеленщик шестнадцатого?.. — снова затянул полисмен. Надутый осел!

— Вообще-то, да, — нахмурилась экономка. Вид у нее был озадаченный, как у тигрицы, лишившейся добычи. Внезапно лицо ее просветлело. — Он мог и так это узнать у кого-нибудь.

Ну и стерва!

Полисмен сурово взглянул на меня.

— Ваше имя?

— Видите ли… с вашего разрешения, я не хотел бы пока его называть, поскольку…

— Как хотите. Назовете в суде.

— О, нет! Черт, погодите…

— Вам придется пройти со мной.

— Но послушайте, я и в самом деле старый друг хозяев. Черт, как же я забыл, у них там даже мое фото в гостиной! Ну да, теперь вы сами убедитесь!

— Если оно там есть, — хмыкнул полисмен.

— Ни разу не видела, — заявила экономка.

Просто мерзавка, честное слово.

— Вытирайте получше пыль, точно увидите! — Я вложил в свою реплику весь сарказм, на который был способен.

— В мои обязанности не входит уборка в гостиной, — фыркнула она презрительно.

— Ну, еще бы! Очевидно, ваша обязанность — рыскать всюду, подслушивать, подглядывать, а еще прохлаждаться в саду с полицейскими, у которых наверняка полно более важных дел.

— Моя обязанность — открывать дверь гостям, — парировала она. — Тем, которые в окна не лезут.

Дискуссия явно складывалась не в мою пользу, пришлось сменить тактику.

— Дорогая моя, — произнес я примирительно, — давайте не будем опускаться до вульгарной перебранки. Я всего лишь хотел сказать, что мой фотографический портрет в гостиной, кто бы ни стирал с него пыль, неоспоримо докажет, что я старый друг семьи. Верно, констебль?

— Ну, если так… — нехотя проворчал он.

— Так и есть, уверяю вас! Он там, в гостиной.

— Тогда пойдем посмотрим.

— Правильно, старина! Это по-нашему, по-

мужски.

Гостиная была на втором этаже, а моя фотография стояла на столике у камина. Только она там не стояла. Ну, вы понимаете — камин на месте, столик тоже, но никаких следов того проклятого снимка! Вот Бинго, вот его дядя лорд Битлшем, вот миссис Бинго в три четверти с нежной улыбкой на устах, все как обычно — но ничего, хоть сколько-нибудь похожего на Бертрама Вустера.

— Хо! — сказал полисмен.

— Но черт побери, она была здесь еще позавчера!

— Хо! — повторил он. — Хо-хо! — словно подпевая застольному хору в комической опере. Проклятье!

И тут у меня родилась идея, не имеющая себе равных.

— Кто здесь вытирает пыль? — спросил я, обернувшись к экономке.

— Не я.

— Я и не говорю, что вы. Я спрашиваю, кто.

— Мэри, горничная. Кто же еще?

— Так я и думал. Так и знал! Упомянутая Мэри, констебль, печально известна всему Лондону своей неприязнью к фарфору, на нее сыплются жалобы со всех сторон. Вы понимаете, что про-

изошло? Эта вредительница случайно разбила стекло на моей фотографии и вместо того, чтобы честно и мужественно признаться, просто засунула ее куда-то.

— Хо! — ощерился полисмен, продолжая подпевать невидимому пьяному хору.

— Так спросите ее! — воскликнул я. — Пойдите и спросите.

Он кивнул экономке.

— Спуститесь к ней и спросите, раз уж ему так приспичило.

Она вышла из комнаты, бросив на меня через плечо убийственный взгляд. Не поручусь, что не расслышал еще одно «Хо!». Наступило короткое затишье. Констебль занял позицию у двери, загородив ее мясистой спиной, а я слонялся туда-сюда по комнате.

— Что это вы задумали? — насторожился он.

— Просто осматриваюсь, может, ее переставили.

— Хо!

Снова тишина. Оказавшись у окна, я вдруг обнаружил, что рама опущена не до конца и дюймов на шесть не доходит до подоконника! Мир за окном был таким солнечным и радостным… Не хочу сказать, что я так уж быстро соображаю,

но в голове снова явственно зазвучало: «Беги, Бертрам!» Словно невзначай, я провел рукой по нижнему краю рамы, затем с силой рванул ее кверху… Спустя мгновение лавровый куст под окнами принял меня в свои объятия. Я лежал в нем, раскинув руки, словно тот самый крест, которым помечают место происшествия.

В окне гостиной появилось большое красное лицо. Я вскочил на ноги и понесся к воротам, прыгая через кусты.

— Эй! — крикнул полисмен.

— Йо-хо-хо! — отозвался я, не сбавляя хода. И добавил, уже сам себе, заскочив в проезжавшее такси и откинувшись на спинку сиденья:

— В следующий раз малышу Бинго придется выпутываться самому.

То же самое, не стесняясь в выражениях, я сообщил Дживсу, положив ноги на каминную решетку и прикладываясь к успокоительному стаканчику виски с содовой.

— Никогда, Дживс! Будь я проклят, если еще хоть раз…

— Видите ли, сэр…

— Нет, ни за что!

— Видите ли, сэр…

— Что еще за «видите ли»? К чему вы клоните?

— Видите ли, сэр, мистер Литтл чрезвычайно настойчивый молодой человек, а у вас, если позволите, сэр, характер отзывчивый и мягкий…

— Не думаете же вы, что у него хватит бесстыдства впутать меня еще в одну грязную историю?

— Мне это представляется более чем вероятным, сэр.

Я скинул ноги с решетки и вскочил, дрожа как осиновый лист.

— Дживс, что вы посоветуете?

— Полагаю, сэр, небольшая перемена обстановки стала бы благоразумным решением.

— Удрать?

— Точно так, сэр. Если мне позволено будет предложить, почему бы вам все-таки не присоединиться к мистеру Джорджу Траверсу в Харрогите?

— Боже, Дживс!

— Там вы оказались бы вне пределов, так сказать, опасной зоны, сэр.

— Что ж, возможно, вы правы, Дживс, — вздохнул я. — Да, пожалуй, вы правы. Харрогит далеко от Лондона?

— Двести шесть миль, сэр.

— Думаю, вы правы. Сегодня еще есть поезд?

— Да, сэр. Вы легко на него успеете.

— Отлично. Уложите самое необходимое.
— Багаж упакован, сэр.
— Хо! — воскликнул я.

Странное дело, но если разобраться, Дживс почему-то всегда оказывается прав. На вокзале он уверял, что в Харрогите мне даже понравится, и, черт возьми, нисколько не ошибся. Представляя себе поездку на воды, я совсем не учел, что окажусь среди несчастных, истязаемых лечебными процедурами, которые мне самому не грозят, а вы понятия не имеете, насколько это приятное ощущение.

Взять, к примеру, дядю Джорджа. Местный врачеватель, окинув его цепким взглядом, первым делом наложил полный запрет на спиртное и вдобавок прописал каждое утро в половине девятого таскаться пешком с холма к Королевскому бювету, где принимать дюжину унций теплой натрий-магниевой. Звучит не так уж пугающе, однако, судя по отзывам сопричастных, это все равно что употребить пару прошлогодних тухлых яиц, разболтанных в морской воде. Мысль о том, что дядюшка, жестоко притеснявший меня в детстве, поглощает такую дрянь, да еще вскакивает ради этого с постели в четверть девятого, действовала по утрам в высшей степени утешительно.

К четырем пополудни он опять брел с холма вниз для повторной экзекуции, а вечером мы вместе обедали. Развалившись в кресле, я потягивал вино и слушал, как он описывает вкус целительной жидкости. Короче, проводил время в сплошных удовольствиях.

Обычно мне удавалось выкроить время, чтобы спуститься и понаблюдать, как дядюшка справляется со своей дневной дозой: нам, Вустерам, не чужд здоровый юмор. И как-то раз, наслаждаясь этим спектаклем посреди второй недели пребывания, я вдруг услышал свое имя.

— О, тетушка Далия! Каким ветром?

— Вот, приехали вчера с Томом.

— Том здесь лечится? — с надеждой осведомился дядя Джордж, оторвавшись от адского пойла.

— Да.

— А вы?

— Я тоже.

— Ага! — просиял дядюшка.

Таким счастливым я не видел его давно. Проглотив последние капли, он отправился на активную прогулку, как предписывалось перед сеансом массажа.

— Как это вам удалось оторваться от издательских дел, — подивился я и добавил с надеждой: —

«Будуар», часом, не прогорел?

— Моя приятельница за ним присматривает. Прогорел? — фыркнула тетушка. — Я бы не сказала. Встаем на ноги. Том отстегнул пару тысяч и обещал добавить сколько надо, так что удалось купить права на публикацию по частям «Чистосердечных откровений долгой жизни» леди Бэблокхайт. Это просто бомба, Берти! Тираж взлетит вдвое, а добрая половина лондонского высшего света будет биться в истерике.

— Ого! И впрямь, неплохо. «Откровения», да плюс еще статья миссис Литтл…

Запах напитка, который только что отведала почтенная родственница, наводил на мысль об утечке газа, но, как оказалось, лицо тетушки перекосилось по другой причине.

— Не напоминай мне об этой женщине, Берти! — воскликнула она. — Не выношу таких.

— Я думал, вы дружите.

— Уже нет. Ты веришь, она наотрез отказывается печатать у меня свою статью…

— Да ну?

— …и всего лишь потому, что их повар уволился и перешел к нам! Обиделась, видите ли!

Чудеса, да и только.

— Анатоль ушел? А экономка, как же они…

— Берти, соберись, ты заговариваешься. При чем тут экономка?

— Просто я думал…

— Сомневаюсь, что ты вообще когда-нибудь думаешь. — С облегчением отдуваясь, тетя Далия поставила пустой стакан. — Дело сделано. Одно утешение, что сейчас буду смотреть, как пьет Том, только этим и держусь. Уж так его корчит, бедолагу. Говорю, что надо быть в форме для шедевров Анатоля, это его здорово подбадривает. Знаешь, Берти, такая кухня стоит любых испытаний. Этот француз — настоящий мастер своего дела! На самом деле не слишком удивительно, что миссис Литтл так взбеленилась. Тем не менее личные отношения не следует смешивать с работой. Мало ли в чем мы разошлись, почему журнал должен пострадать? Так или иначе, никуда больше она статью не пристроит, идея принадлежит мне, и тому есть свидетели! Попробует продать — вчиню иск, а со мной судиться — дело тухлое. К слову о тухлятине, сернистая вода ждет, куда подевался Том?

— Но как же…

— Кстати, Берти, — перебила тетушка, — я беру назад резкие выражения по поводу твоего слуги Дживса. Голова у него варит хоть куда!

— Дживс?

— Да, он вел переговоры и показал себя с наилучшей стороны. Да и сам в накладе не остался, будь спокоен. Я его отблагодарила — и было за что. Если Том уже сейчас без единого звука выложил пару тысяч, трудно даже представить, что будет, когда он распробует кухню Анатоля в полной мере. Станет подписывать чеки во сне.

Я вскочил на ноги. Тетушка уговаривала меня задержаться и поглядеть на лечение дяди Тома, уверяя, что такое зрелище пропускать нельзя, но мне было не до того. Взбежав по холму, я оставил прощальную записку дядюшке Джорджу и первым же поездом вернулся в Лондон.

— Дживс, — сказал я, смыв с себя дорожную пыль, — поведайте мне все без утайки. Чистосердечно и откровенно, как леди Бэблокхайт.

— Сэр?

— Если вы о ней не слышали, не беда. Расскажите, как вы провернули этот трюк. Я знаю только, что Анатоль был влюблен в ту экономку — бог знает, почему — и не желал с ней разлучаться. И что же дальше?

— Признаюсь, сэр, некоторое время я пребывал в растерянности, но затем мне оказало существенную помощь одно счастливое открытие.

— Какое?

— Мне довелось беседовать с горничной миссис Траверс, сэр, и припомнив, что миссис Литтл требуется домашняя прислуга данной специальности, я сообщил об этом, а также о благоприятных материальных перспективах на новом месте. Горничная выразила согласие оставить работу у миссис Траверс, я посетил миссис Литтл и договорился.

— Да, но что за счастливое открытие?

— Выяснилось, сэр, что на предыдущем месте некоторое время назад эта девушка служила в одном доме с Анатолем, и он, как это зачастую практикуется у французов, завязал с ней роман. Как я понял, сэр, они даже были формально обручены. Но в одно прекрасное утро Анатоль исчез, не оставив адреса, и бедняжка оказалась брошенной. Нетрудно понять, что данное обстоятельство значительно упрощало дело. Девушка уже не питала чувств к Анатолю, однако перспектива оказаться под одной крышей с двумя соблазненными им…

— Святые угодники! Понимаю. Все равно что запустить хорька в кроличью нору.

— Практически тот же принцип, сэр. Анатоль исчез из дома Литтлов и появился у миссис Тра-

верс уже через полчаса после уведомления об ожидаемом прибытии новой горничной. Легкомысленный человек, сэр. Эти французы…

— Дживс, — объявил я, — ваш гений не поддается описанию!

— Ваши слова — честь для меня, сэр.

— А что сказал мистер Литтл?

— Выразил удовлетворение, сэр.

— В материальном выражении?

— Да, сэр. Двадцать фунтов. В ту субботу ему повезло на скачках в Херст-Парке.

— Тетя упоминала, что она…

— Да, сэр. Она была очень щедра, сэр. Двадцать пять фунтов.

— Боже правый, Дживс! Да вы их просто печатаете.

— Мои сбережения в самом деле значительно увеличились, сэр. Миссис Литтл была так добра, что наградила меня десятью фунтами за хорошую горничную, а мистер Траверс…

— Дядя Томас?!

— Да, сэр. Он также проявил большое великодушие, совершенно независимо от миссис Траверс — еще двадцать пять фунтов. А мистер Джордж Траверс…

— Только не говори, что и дядя Джордж раско-

шелился! Он-то с чего вдруг?

— Точно так, сэр, я и сам не вполне понял. Прислал мне чек на десять фунтов. Вероятно, у него сложилось впечатление, что я причастен к вашему решению присоединиться к нему в Харрогите, сэр.

Я разинул рот.

— Ну, раз уж все словно сговорились, то и мне не стоит отставать. Вот вам еще пятерка.

— О, благодарю вас, сэр! Вы чрезвычайно…

— Конечно, по сравнению с теми огромными суммами это не деньги…

— Что вы, сэр.

— …и я не совсем понимаю, за что их даю…

— Я тоже, сэр.

— …но все-таки берите.

— Большое спасибо, сэр!

Я поднялся на ноги.

— Хоть время и позднее, но, пожалуй, переоденусь и схожу где-нибудь перекушу. После двух недель в Харрогите надо немного развеяться.

— Слушаю, сэр. Я распакую вашу одежду.

— Кстати, Дживс, те сорочки из мягкого шелка от «Пибоди и Симмса» уже доставили?

— Да, сэр. Я отправил их обратно.

— Отправили?!

— Так точно, сэр.

Я взглянул на него. Ну, вы понимаете… Что толку?

— Ладно. Тогда приготовьте обычную накрахмаленную.

— Очень хорошо, сэр, — поклонился Дживс.

Берти меняет точку зрения[31]

За последние несколько лет мне так часто приходилось давать советы молодым людям, желающим овладеть нашей профессией, что всю мою систему, для удобства, я свел к одной короткой формуле. «Изобретательность и такт» — таков мой девиз. Такт у меня, само собой, всегда был на первом месте, что же касается изобретательности, думаю, я могу утверждать, что в большинстве случаев я ухитрялся проявить известную долю того, что называется тонкостью, имея дело с некоторыми затруднениями, которые время от времени неизбежно возникают в повседневной жизни джентльмена, находящегося в услужении. В качестве подтверждения вспоминается эпизод, произошедший неподалеку от Брайтона в Школе молодых леди, — история, которая началась однажды вечером, с того момента, как мистер Вустер, которому я принес виски и сифон с водой, обратился ко мне необыкновенно раздраженным тоном.

Не просто слегка угрюмым, какой был у него вот

---

[31] Примечания: 31

© Перевод. Э. Новикова.

уже несколько дней и так не вязался с его обычно оптимистичной натурой. Такой тон я объяснял естественной реакцией на легкую форму гриппа, которую перенес мистер Вустер, и, конечно же, не обращая внимания на подобные мелочи, просто исполнял мои обычные обязанности, но в тот вечер мистер Вустер обнаружил из ряда вон выходящее раздражение, когда я принес ему сифон и виски.

— Черт побери, Дживс, — сказал он в явном возбуждении. — Хоть бы раз для разнообразия вы поставили поднос на другой стол.

— Сэр?

— Каждый вечер, черт подери, — мрачно продолжал мистер Вустер, — вы приходите в одно и то же время с одним и тем же подносом и ставите его на один и тот же стол. Я сыт по горло, уверяю вас. От этого идиотского однообразия и сам чувствуешь себя полным идиотом.

Признаюсь, его слова вызвали у меня определенные опасения. Я уже слышал подобные рассуждения от джентльменов, в услужении у которых я находился раньше, и это почти неизменно означало, что они подумывают о женитьбе. Поэтому, честно сказать, я и встревожился, услышав такого рода высказывания из

уст мистера Вустера. У меня не было желания прерывать такие приятные во всех отношениях отношения, как у нас с мистером Вустером, а мой опыт подсказывает, что, как только жена входит в парадную дверь, камердинер бывшего холостяка выходит в заднюю.

— Вы, конечно, ни при чем, — продолжил мистер Вустер, несколько успокаиваясь. — Я вас не виню. Но, разрази меня гром, в смысле, вы должны со мной согласиться, я имею в виду, в последнее время я много размышлял и пришел к заключению, что моя жизнь пуста. Я одинок, Дживс.

— У вас много друзей, сэр.

— От них никакого толку.

— Эмерсон, — напомнил я, — называет дружбу величайшим творением природы, сэр.

— Отлично, когда в следующий раз его увидите, можете передать ему, что он осел.

— Слушаю, сэр.

— Скажите, Дживс, вы видели пьесу под названием «Кто-то там чего-то такое»?

— Нет, сэр.

— Она идет в этом… как же его? Я был там вчера. Главный герой — такой тип, жизнерадостный и веселый, живет себе, в ус не дует, и вдруг откуда

ни возьмись появляется девочка и говорит, что она его дочка. В первом акте что-то такое было, но он совершенно понятия не имел. Тут, ясное дело, начинается суматоха, а они говорят: «Ну так что?», а он говорит: «Что скажете?», а они говорят: «Это ты что скажешь?», а он говорит: «Ладно, будь по-вашему» — и берет девочку к себе, и они вместе идут по дороге жизни. В общем, к чему я веду, Дживс, я позавидовал этому малому. Ужасно забавная девчушка, понимаете, так доверчиво за него держится, и всякое такое. Нуждается в заботе, если вы понимаете, о чем я, Дживс, я бы хотел иметь дочку. Что для этого нужно сделать?

— Полагаю, предварительной ступенью является женитьба, сэр.

— Нет, я говорю об удочерении. Ребенка же можно удочерить, Дживс. Но я хочу знать, с чего обычно начинают в таких случаях.

— Насколько я себе представляю, это очень утомительный и трудоемкий процесс, он отнимет у вас все свободное время.

— Ладно, тогда сделаем так. На следующей неделе моя сестра с тремя девочками возвращается из Индии. Я съеду отсюда, сниму дом и поселюсь там вместе с ними. Ей-богу, Дживс, мне кажется, это отличный план, что скажете? Детский лепет,

а? Топот маленьких ножек там и сям?

Я скрыл беспокойство, хотя, чтобы сохранить хладнокровие, мне потребовалось собрать все силы. План действий, набросанный мистером Вустером, будучи приведенным в исполнение, означал конец нашего удобного холостяцкого распорядка; без сомнения, кто-нибудь другой на моем месте выразил бы в подобной ситуации свое несогласие. Я избежал этой тактической ошибки.

— Прошу прощения, сэр, — сказал я, — мне кажется, вы еще не вполне оправились от гриппа. Если мне будет позволено высказать свое мнение, вам необходим короткий отдых на море. Брайтон был бы идеальным вариантом, сэр.

— Вам кажется, что у меня сдвиг по фазе?

— Никоим образом, сэр. Я только считаю, что недолгое пребывание в Брайтоне восстановит ваши силы.

Мистер Вустер задумался.

— Что ж, не так уж вы и не правы, — сказал он наконец. — Я действительно словно бы немного не в своей тарелке. Упаковывайте чемодан и завтра утром отвезете меня.

— Очень хорошо, сэр.

— А когда вернемся, я со свежими силами вер-

нусь к маленьким ножкам.

— Разумеется, сэр.

Таким образом, я получил отсрочку и вздохнул с облегчением. Но я сознавал, что кризис не миновал и требует весьма искусного урегулирования. Не часто видел я, чтобы мистер Вустер был настолько одержим какой-то идеей. Подобной решимости я не наблюдал с того раза, когда он, несмотря на мое откровенное неодобрение, вздумал надеть лиловые носки. Тогда мне удалось пресечь этот непорядок, и я имел все основания надеяться, что и теперь в конце концов смогу привести историю к счастливому финалу. Хозяева подобны лошадям. Им требуется твердая рука. У каких-то камердинеров хватает мастерства управлять ими, у каких-то — нет. Мне, слава богу, не на что жаловаться.

Лично я находил наше пребывание в Брайтоне чрезвычайно приятным и склонен был продлить его, но так и не угомонившемуся мистеру Вустеру стало скучно уже к концу второго дня, а к середине третьего он велел мне упаковать вещи и подогнать машину к отелю. Прекрасным летним днем, около пяти, мы выехали в лондонском направлении и проделали мили две, когда я заметил впереди на дороге юную леди, махавшую с

большим воодушевлением. Я нажал на тормоз и остановил машину.

— В чем дело, Дживс? — спросил мистер Вустер, очнувшись от грез.

— Чуть дальше на дороге, сэр, я вижу юную леди, пытающуюся знаками привлечь внимание, — объяснил я. — Сейчас она идет сюда.

Мистер Вустер пригляделся.

— Да, вижу. Полагаю, она хочет, чтобы ее подвезли, Дживс.

— Именно этот смысл я усмотрел в ее жестах, сэр.

— Прелестное создание, — сказал мистер Вустер. — Интересно, с какой стати она разгуливает по шоссе?

— Выглядит она так, сэр, как будто прогуливает уроки, сэр.

— Здрасьте-мордасти, — сказал мистер Вустер, когда девочка подошла. — Тебя подбросить?

— Это, а вы можете? — спросила девочка, просияв от удовольствия.

— Куда тебе нужно?

— Через милю будет поворот налево. Если вы меня там высадите, оттуда я уже дойду пешком. Это, большое спасибо. У меня гвоздь в туфле.

Она залезла на заднее сиденье. Рыжеволосая,

курносая и с необыкновенно широкой улыбкой. В возрасте, мне кажется, лет двенадцати. Она опустила одно из откидных сидений и встала на него коленями, чтобы было легче общаться.

— Ну и влетит же мне, — сказала она. — Мисс Томлинсон будет в ярости.

— Почему? — спросил мистер Вустер.

— У нас сегодня короткий день, и я улизнула в Брайтон, чтобы сходить на пирс и немного поразвлечься на игральных автоматах. Я думала, что вернусь вовремя и никто не заметит моей отлучки, но в туфле вылез гвоздь, и теперь мне попадет. Что ж, — заключила она философски и этим вызвала, признаюсь, мое уважение, — ничего не поделаешь. Какая у вас машина? «Санбим»? А у нас дома «вулсли».

Мистер Вустер заметно разволновался. Как я уже говорил, в то время мистер Вустер пребывал в таком расположении духа, что его волновало все, касающееся молодых особ женского пола. Опасность, грозившая этой девочке, тронула его до глубины души.

— Это, дело плохо, — заключил он. — Неужели ничем нельзя помочь? Это, Дживс, может быть, можно что-нибудь придумать?

— Я не считаю себя вправе вносить предло-

жения, сэр, — ответил я, — но, раз уж вы сами подняли этот вопрос, я скажу, что задача представляется мне разрешимой. Я думаю, благовидным предлогом могло бы послужить сообщение о том, что вы являетесь старым другом отца молодой леди. В этом случае вы могли бы сказать, что, проезжая мимо школьных ворот, увидели молодую леди и предложили ей прокатиться. Без сомнения, при таких обстоятельствах недовольство мисс Томлинсон заметно уменьшится либо исчезнет вовсе.

— Вы просто прелесть! — заключила молодая леди с восторгом и поцеловала меня. По этому поводу я должен только выразить сожаление, что губы у нее были липкими от только что съеденной конфеты.

— Дживс, вы бьете без промаха! — сказал мистер Вустер. — Отличный план, просто гениальный. Это, думаю, мне нужно заранее узнать твою фамилию и прочее, раз уж теперь я друг твоего отца.

— Огромное спасибо. Меня зовут Пегги Мейнуоринг, — сказала девочка. — Мой отец — профессор Мейнуоринг. Он написал кучу книжек. Это вам, наверное, надо знать.

— Профессор Мейнуоринг — автор извест-

ных философских трактатов, сэр, — рискнул я вставить замечание. — Они пользуются огромной популярностью, однако, надеюсь, молодая леди простит меня, некоторые утверждения профессора мне лично представляются узко практическими. Мы едем в школу, сэр?

— Да. Вперед, Дживс. Странная штука получается, Дживс. Знаете, я никогда раньше не был в школе для девочек.

— Вот как, сэр?

— Должно быть, это очень интересно, а, Дживс?

— Полагаю, именно так, сэр, — ответил я.

Проехав с полмили, я завернул в ворота указанного молодой особой здания внушительных размеров и остановил машину перед парадным крыльцом. Мистер Вустер с девочкой вошли в дом, и вскоре ко мне вышла горничная.

— Вам велено поставить машину сзади у конюшен, — сказала она.

— Так, значит, все в порядке? — сказал я. — Где мистер Вустер?

— Мисс Пегги повела его знакомиться с подружками. А кухарка приглашает вас на кухню выпить чашку чаю.

— Передайте ей, что я буду счастлив. До того

как я поставлю машину у конюшен, могу я переговорить с мисс Томлинсон?

Через минуту служанка препроводила меня в гостиную. Красивая, но с характером — таково было мое первое впечатление от мисс Томлинсон. Чем-то она напомнила мне тетю мистера Вустера Агату. Тот же пронизывающий взгляд и то же выражение лица, которое не передашь словами, но в целом ясно, что никаких глупостей от вас не потерпят.

— Боюсь, я беру на себя слишком большую смелость, мадам, — начал я, — но надеюсь, вы позволите сказать несколько слов о моем господине. Думаю, не ошибусь, предположив, что мистер Вустер не слишком много рассказал вам о себе.

— Он ничего не рассказал о себе, кроме того, что он друг профессора Мейнуоринга.

— То есть он не сказал вам, что он тот самый Вустер?

— Тот самый?

– *Бертрам* Вустер, мадам.

Должен заметить, что мистер Вустер, чьи умственные способности не стоит даже принимать всерьез, обладает именем, открывающим безграничные возможности. Его имя, позволю себе

пояснить мою мысль, звучит очень внушительно, особенно если вы только что узнали, что он близкий друг такого знаменитого человека, как профессор Мейнуоринг. Вы, конечно, не могли сразу сообразить, идет ли речь о писателе Бертраме Вустере или о Бертраме Вустере — основателе новой философской школы, но у вас возникало неприятное ощущение, что вас сочтут невеждой, если вы не сделаете вид, что прекрасно знаете, о ком идет речь. Мисс Томлинсон, как я и предполагал, кивнула со значением.

— Ах, *Бертрам* Вустер!

— Он необыкновенно застенчив, мадам, и никогда не предложил бы этого сам, но, зная его, я уверен, он почел бы за честь выступить перед молодыми леди. Он прекрасно говорит экспромтом.

— Замечательная мысль, — решительно произнесла мисс Томлинсон. — Я вам очень признательна за то, что вы мне ее подсказали. Я, конечно же, попрошу его поговорить с девочками.

— А если он сделает вид — конечно, из скромности, — что не хочет?

— Я буду настаивать.

— Большое спасибо, мадам. Очень вам обязан. Надеюсь, вы не будете упоминать о моем участии в этом проекте? Мистер Вустер может решить,

что я превысил полномочия.

Я проехал к конюшням и остановил машину во дворе. Я посмотрел на нее пристально. Это была хорошая машина в превосходном состоянии, но мне почему-то показалось, что с ней может что-то случиться, какая-то крупная поломка, на устранение которой потребуется никак не меньше двух часов. У всякого бывают дурные предчувствия.

Примерно через полчаса, когда, прислонившись к машине, я спокойно наслаждался сигаретой, появился мистер Вустер.

— Курите, курите, Дживс, — сказал он, заметив, что я вынул сигарету изо рта. — Кстати, я как раз хотел стрельнуть у вас сигаретку. Найдется?

— Боюсь, только дешевый сорт, сэр.

— Нормально, — сказал он нетерпеливо. Мне показалось, что он выглядит слегка усталым, и взгляд у него стал какой-то безумный.

— Странная штука, Дживс, я где-то посеял свой портсигар. Нигде его нет.

— Очень жаль, сэр. В машине его тоже нет.

— Да? Должно быть, вывалился где-нибудь. — Он с наслаждением затянулся. — Забавные создания эти девочки, Дживс, — заметил он немного погодя.

— Совершенно верно, сэр.

— Хотя, конечно, я могу себе представить, что кому-нибудь они покажутся немного утомительными в этом…

— В большом количестве, сэр?

— Именно. В большом количестве они немного утомительны.

— Должен признаться, сэр, именно это наблюдение я вынес из общения с ними. В юности, на заре моей карьеры, сэр, я одно время служил рассыльным в школе для девочек.

— Не может быть! Я ничего об этом не знал. Скажите, Дживс, э… а в ваше время эти… э… небесные создания тоже часто хихикали?

— Практически безостановочно, сэр.

— От этого хоть кто почувствует себя ослом, да? Наверное, можно не спрашивать, не пялились ли они на вас время от времени, а?

— В той школе, сэр, у барышень была любимая игра, в которую они играли, когда приходил с визитом какой-нибудь мужчина. Они неотрывно смотрели на него и хихикали, и та, которая заставит его покраснеть, получала небольшой приз.

— Ну да, Дживс, не может быть!

— Да, сэр. Это развлечение доставляло им огромное удовольствие.

— Никогда не думал, что девочки такие дья-

волята.

— Гораздо хуже мальчиков, сэр.

Мистер Вустер вытер лоб платком.

— Через несколько минут мы будем пить чай, Дживс. Надеюсь, что после чая я почувствую себя лучше.

— Будем надеяться, сэр.

Однако сам я в этом сомневался.

Чаепитие на кухне прошло в очень приятной обстановке. Тосты с маслом были вкусные, а служанки — молодые и симпатичные, хотя и неразговорчивые. Горничная, присоединившаяся к нам под конец, после того как управилась со своими обязанностями в школьной столовой, сообщила, что мистер Вустер держится молодцом, но выглядит взволнованным. Я вернулся на конный двор и только начал снова осматривать машину, когда появилась представительница рода Мейнуорингов.

— Вы не могли бы передать вот это мистеру Вустеру? — Она протянула портсигар Вустера. — Он, должно быть, обронил его. Ужасно смешно, — продолжила она, — он будет читать нам лекцию.

— В самом деле, мисс?

— Мы обожаем лекции. Мы сидим и смотрим на беднягу в упор, пока он не собьется. В прошлом

семестре один тип стал икать. Как вы думаете, мистер Вустер будет икать?

— Нам остается надеяться на лучшее, мисс.

— Вот будет умора, да?

— Еще бы, мисс.

— Ну, мне пора возвращаться. Я хочу сесть в первом ряду.

И она убежала. Обаятельный ребенок. Удивительно жизнерадостный.

Как только она исчезла, послышались беспокойные шаги, и из-за угла появился мистер Вустер. Встревоженный. И очень сильно.

— Дживс!

— Сэр?

— Заводите машину!

— Сэр?

— Я уезжаю.

— Сэр?

Мистер Вустер переступил с ноги на ногу.

— Что вы заладили «сэр» да «сэр»? Говорю вам, я уезжаю. Сматываюсь. Нельзя терять ни минуты. Положение отчаянное. Черт возьми, Дживс, вы знаете, что произошло? Эта Томлинсон только что меня обрадовала, что я должен выступать перед девочками. Стоять там перед всем этим выводком и говорить. Представляю, на кого я

буду похож! Заводите машину, Дживс, будь она неладна. Скорее, скорее!

— Боюсь, сэр, это невозможно. Машина неисправна.

Мистер Вустер уставился на меня. Совершенно остекленевшими глазами.

— Неисправна?!

— Да, сэр. Какая-то неполадка. Должно быть, незначительная, но, возможно, потребуется время для ее устранения.

Мистер Вустер принадлежит к категории беспечных молодых людей, которые научатся водить машину, но никогда не поинтересуются, как она устроена, и я счел себя вправе добавить несколько технических терминов.

— Думаю, неисправен дифференциал. Или выхлопная труба.

Я очень привязан к мистеру Вустеру, и, признаюсь, я чуть было не сжалился над ним, когда посмотрел на его лицо. Его взгляд, полный немого отчаяния, способен был растрогать кого угодно.

— Тогда я погиб. Если только, — слабый луч надежды пробежал по его искаженному страданием лицу, — как вы думаете, Дживс, мне удастся ускользнуть и добраться до шоссе пешком?

— Боюсь, вы опоздали, сэр. — Я украдкой ука-

зал на приближающуюся с тыла фигуру мисс Томлинсон, которая наступала со спокойной решимостью.

— Ах, вот вы где, мистер Вустер.

Он выдавил жалкую улыбку.

— Да… э… вот и я.

— Все ожидают вас в большой классной комнате.

— Но послушайте, — сказал мистер Вустер, — я… Я совершенно не знаю, о чем говорить.

— О чем угодно, мистер Вустер. Обо всем, что придет вам в голову. Что-нибудь веселое, — сказала мисс Томлинсон. — Веселое и забавное.

— Веселое и забавное?

— Можете рассказать им несколько смешных историй. Но в то же время не пренебрегайте и серьезными темами. Не забывайте, что мои девочки стоят на пороге взрослой жизни и хотят услышать что-нибудь полезное, ободряющее и напутственное, что могло бы запомниться надолго. Но вы, конечно же, сами все прекрасно знаете, мистер Вустер. Пойдемте. Девочки ждут нас.

Ранее я уже говорил об изобретательности и о том, какую роль она играет в жизни личного слуги джентльмена. Это качество особенно необходимо для участия в сценах, где ваше участие

изначально не предполагалось. Так много интересного происходит за закрытыми дверями, что камердинеру, если он не собирается безнадежно отстать от жизни, необходимо пускать в ход всю свою сообразительность, чтобы обеспечить себе возможность стать если не зрителем, то по крайней мере слушателем некоторых интересующих его событий. Я резко отвергаю практику подслушивания у замочных скважин как вульгарное и недостойное занятие, но и не опускаясь до этого, мне, как правило, удается преодолеть подобное затруднение.

В данном случае это было просто. Большая классная комната располагалась на первом этаже, а широкие балконные двери по причине хорошей погоды все время оставались открытыми. Встав за колонной на крыльце, или, лучше сказать, веранде, примыкавшей к комнате, я получил возможность все видеть и слышать. Это было зрелище, которое я не хотел бы пропустить. Мистер Вустер, скажу прямо, бесспорно, превзошел самого себя.

Мистер Вустер — молодой джентльмен, обладающий практически всеми необходимыми качествами, кроме одного. Я не имею в виду ум, так как умный хозяин вообще нежелателен.

Качеству, которое я упомянул, нелегко дать точное определение, но я бы, вероятно, назвал его умением справляться с непредвиденными ситуациями. Случись что-либо непредвиденное, и мистер Вустер сразу начинает жалко улыбаться и таращить глаза. Ему не хватает присутствия духа. Часто мне приходилось сожалеть о том, что не в моей власти наделить его частью той находчивости, которой отличался мой предыдущий хозяин, мистер Монтегю Тодд, известный финансист, в настоящее время отбывающий второй год тюремного заключения. Я знал людей, которые врывались к мистеру Тодду с явным намерением с ним разделаться и через полчаса уходили, добродушно посмеиваясь и попыхивая его сигарой. Для мистера Тодда выступить без подготовки перед залом, полным барышень, было не сложнее, чем сыграть в крестики-нолики; кончилось бы все тем, что он скорее всего убедил бы их вложить все карманные деньги в один из его многочисленных проектов; но для мистера Вустера такое выступление было худшим вариантом кары небесной. Он взглянул на молодых леди, которые дружно и не мигая смотрели на него, сморгнул и начал жалко подергивать свой рукав. Он был похож на застенчивого молодого

человека, которого уговорили выйти на эстраду, чтобы принять участие в номере фокусника, и у него из головы вдруг стали извлекать кроликов и вареные яйца. Мисс Томлинсон произнесла короткое, но изящное вступительное слово.

— Девочки, — сказала мисс Томлинсон, — некоторые из вас уже познакомились с мистером Вустером — мистером *Бертрамом* Вустером, и всем вам, я надеюсь, знакомо его славное имя.

Тут, к сожалению, мистер Вустер издал ужасный булькающий смешок и, поймав на себе взгляд мисс Томлинсон, покраснел до корней волос. Мисс Томлинсон продолжила:

— Он любезно согласился перед отъездом сказать нам несколько слов, и я не сомневаюсь, что все вы будете слушать его с самым серьезным вниманием. Теперь начнем.

При последних словах она взмахнула правой рукой, и мистер Вустер, по-видимому, решивший, что это относится к нему, откашлялся и уже открыл было рот. Но, очевидно, ее фраза адресовалась юным леди и выполняла функцию сигнала, ибо все школьницы как одна встали и грянули нечто вроде песни, слова которой я запомнил, но мелодия как-то не удержалась в памяти. Слова были такие:

Мы приветствуем вас!
Мы приветствуем вас!
Дорогого нам гостя,
Мы приветствуем вас!
Мы приветствуем!
Мы приветствуем!
Мы приветствуем вас!
Мы приветствуем вас!
Вас!

Хористкам была предоставлена большая свобода в выборе тональности, и, я бы сказал, их пению не хватало слаженности. Каждая тянула свое и, допев до конца, поджидала отставших. Очень своеобразное представление, меня оно чрезвычайно развлекло. Однако на мистера Вустера оно подействовало как удар по голове. Он попятился и поднял руку, защищаясь. Затем шум стих, и в воздухе повисло ожидание. Мисс Томлинсон бросила повелительный взгляд, он моргнул, раз или два сглотнул и нетвердой походкой двинулся вперед.

— Видите ли, — сказал он.

Затем ему, очевидно, показалось, что подобное обращение не отвечает требованиям этикета, и

он добавил:

— Леди.

Взрыв серебристого смеха в первом ряду снова заставил его умолкнуть.

— Девочки, — произнесла мисс Томлинсон.

Она сказала это негромко и мягко, но слова ее немедленно возымели действие. В зале мгновенно воцарилась гробовая тишина. Несмотря на столь краткое знакомство с мисс Томлинсон, должен признать, что очень немного женщин вызывало у меня большее восхищение. У нее была хватка.

К тому моменту мисс Томлинсон, вероятно, уже разобралась в ораторских способностях мистера Вустера и поняла, что ждать от него вдохновенных речей бесполезно.

— Может быть, — сказала она, — по причине позднего времени и занятости мистер Вустер просто даст вам небольшой совет, который мог бы пригодиться во взрослой жизни, а потом мы споем школьный гимн и приступим к вечерним занятиям.

Она посмотрела на мистера Вустера. Он попытался ослабить на себе воротник.

— Совет? Во взрослой жизни? Ну, да я даже не знаю.

— Какую-нибудь простую рекомендацию, мистер Вустер, — твердо сказала мисс Томлинсон.

— Ну что ж… Так вот… Да… — Больно было видеть, как мистер Вустер пытается мобилизовать свой мозг. — Я расскажу вам одну штуку, которая мне в жизни принесла немало пользы, про нее мало кто знает. Мой старый дядя Генри научил меня этому, когда я в первый раз приехал в Лондон. «Запомни, мой мальчик, — сказал он, — если встать у «Романо» на Стрэнде, можно увидеть часы на Доме правосудия на Флит-стрит. Большинство людей скажет, что это невозможно, потому что решит, что Дома не будет видно из-за пары церквей, которые стоят там посреди дороги. Но ты-то теперь знаешь, что это не так, и возьми себе на заметку. Ты можешь выиграть кучу денег, заключая пари с теми, кто еще не в курсе». И, ей-богу, он оказался прав на все сто, эту штуку стоило запомнить. Я выиграл не один фунт.

Мисс Томлинсон сухо кашлянула, и он замолчал, не окончив фразы.

— Может быть, лучше, мистер Вустер, — сказала она ровным ледяным тоном, — вы расскажете моим девочкам какую-нибудь небольшую историю. То, что вы рассказываете, безусловно, необычайно интересно, но, может быть, короткая…

— А, да-да, — сказал мистер Вустер. — История? Значит, история? — Вид у бедняги был совершенно безумный. — Скажите, вы слыхали анекдот про биржевого маклера и хористку?

— А теперь мы споем школьный гимн, — сказала мисс Томлинсон, всплывая как айсберг.

Я решил не дожидаться исполнения школьного гимна. Мне казалось вполне вероятным, что в самое ближайшее время мистеру Вустеру может потребоваться машина, поэтому я вернулся на конный двор, чтобы быть наготове.

Ждать мне пришлось недолго. Через несколько минут он пришел, пошатываясь. Лицо мистера Вустера нельзя назвать непроницаемым. Напротив, оно прозрачно, как озерцо, в котором отражается все происходящее. Его лицо было для меня раскрытой книгой, и он произнес именно ту фразу, которую я ожидал услышать.

— Дживс, — хрипло сказал он, — вы уже починили эту чертову машину?

— Только что, сэр. Я трудился над ней не покладая рук.

— Тогда, ради всего святого, поехали.

— Но вы, насколько я понял, собирались выступать перед молодыми леди, сэр.

— А я уже выступил, — ответил мистер Вустер,

заморгав с необыкновенной быстротой. — Да, уже выступил.

— Полагаю, успешно, сэр?

— Да. Да. Необычайно успешно. Прошло как по маслу. Но… э… я думаю, мне уже можно уезжать. Не стоит злоупотреблять гостеприимством, а?

— Совершенно верно, сэр.

Я сел на водительское место и уже собирался включить зажигание, как вдруг послышались голоса, при первых звуках которых мистер Вустер с невероятным проворством перепрыгнул в заднее отделение автомобиля и, пока я оборачивался, успел спрятаться на полу под ковриком. Последнее, что я увидел, был его умоляющий глаз.

— Друг мой, вы не видели мистера Вустера?

На конном дворе появилась мисс Томлинсон, сопровождаемая дамой, судя по акценту француженкой.

— Нет, мадам.

Француженка воскликнула что-то на родном языке.

— Что-нибудь случилось, мадам? — осведомился я.

Мисс Томлинсон, как я понимаю, не из тех дам, кто в обычном состоянии станет посвящать в свои тревоги чужого слугу, даже самого добро-

желательного и сочувствующего. Тот факт, что она поделилась со мной сейчас, показывает, как сильно она была потрясена.

— Да, случилось! Мадемуазель только что обнаружила в кустах девочек, они курили. Когда их спросили, они заявили, что эти отвратительные сигареты им дал мистер Вустер. — Она повернулась к француженке: — Он, должно быть, где-то в саду или в доме. Я думаю, что этот человек сумасшедший. Пойдемте, мадемуазель.

Прошло, должно быть, не меньше минуты, прежде чем мистер Вустер, как черепаха, высунул голову из-под коврика.

— Дживс!

— Сэр?

— Поехали. Заводите мотор. Езжайте и не останавливайтесь.

Я поставил ногу на стартер.

— По территории школы придется ехать очень медленно, так будет безопаснее, сэр, — сказал я. — Мы можем задавить какую-нибудь молодую леди, сэр.

— А чем плохо? — с горечью спросил мистер Вустер.

— Или даже мисс Томлинсон, сэр.

— Не надо, — мечтательно протянул мистер

Вустер. — Не дразните меня.

— Дживс, — сказал мистер Вустер, когда вечером, примерно через неделю, я принес ему сифон и виски, — это просто здорово.

— Сэр?

— Здорово. Понимаете, удобно и приятно. Я имею в виду, только взглянешь на часы и подумаешь, а вдруг сегодня вы запоздаете со старым добрым виски, и тут как раз вы входите с подносом, всегда в одно и то же время, и ни минутой позже; ставите его на стол и испаряетесь, а на следующий вечер снова приходите, ставите и испаряетесь, и на следующий — я хочу сказать, это дает ощущение надежности и спокойствия. Как-то успокаивает. Точно, успокаивает.

— Да, сэр. Один вопрос, сэр…

— Какой?

— Вы уже подыскали подходящий загородный дом, сэр?

— Дом? В каком смысле «дом»?

— Насколько я понял, сэр, вы намеревались оставить эту квартиру и снять дом подходящего размера, чтобы жить там вместе с вашей сестрой, миссис Сколфилд, и тремя ее дочками.

Мистера Вустера передернуло.

— Отменяется, Дживс, — сказал он.

— Слушаю, сэр, — сказал я.

Посоветуйтесь с Дживсом[32]

[32] Примечания: 32
© Перевод. И. Шевченко.

Глава 1
Дживс и грозная поступь рока

Стояло утро того дня, когда мне было предписано мчаться сломя голову к моей тетке Агате в Вуллем-Черси, графство Хартфордшир, чтобы провести там целых три недели, и, сидя за завтраком, я чувствовал — не побоюсь признаться, — что сердце мне придавил увесистый булыжник. Мы, Вустеры, славимся отвагой и мужеством, но в ту минуту под внешней твердостью во мне гнездился безотчетный страх.

— Дживс, — сказал я, — нет больше прежнего, веселого Бертрама.

— В самом деле, сэр?

— Да, Дживс. Он испарился, улетучился.

— Весьма огорчен, сэр.

Он снял крышку с блюда, на котором благоухала яичница с беконом, и я уныло ковырнул ее вилкой.

— Зачем?! Зачем, спрашиваю я себя, зачем тетка Агата приглашает меня в свое поместье?

— Не могу сказать, сэр.

— Она же меня терпеть не может.

— Это верно, сэр.

— Я ей как кость в горле, это общеизвестный факт. Ума не приложу, в чем тут дело, но всякий раз, как наши с тетушкой Агатой дорожки сходятся, я рано или поздно попадаю, мягко говоря, впросак, и она заносит над моей головой карающий топор. Кто я в ее глазах, как не жалкий червь и отброс общества! Дживс, я прав или нет, как вы полагаете?

— Совершенно правы, сэр.

— И тем не менее тетушка требует, чтобы я отменил все ранее назначенные встречи и летел на всех парах в Вуллем-Черси. У нее наверняка какие-то гнусные расчеты, о которых нам с вами ничего не известно. У меня на сердце камень, но ответьте, Дживс, — поднимется ли у вас рука осуждать за это своего господина?

— Никогда, сэр. Прошу прощения, сэр, но, кажется, звонят в дверь.

Дживс растворился в воздухе, а я еще раз вяло ткнул вилкой в яичницу с беконом.

— Телеграмма, сэр, — сказал Дживс, возникая в пространстве.

— Вскройте ее, Дживс, и прочтите. От кого она?

— Она без подписи, сэр.

— Вы хотите сказать, в конце нет имени?

— Как раз это я и стремился выразить, сэр.

— Дайте взглянуть.

Я внимательно вчитался в текст. Телеграмма была странная. Очень странная. Другого слова не подберешь. Вот что там значилось:

Запомни когда здесь появишься жизненно необходимо прикинуться незнакомыми.

Мы, Вустеры, не отличаемся быстрой сообразительностью, особенно поутру, и я ощутил тупую боль между бровями.

— Дживс, что это значит?

— Понятия не имею, сэр.

— Тут написано «когда здесь появишься». Где это «здесь»?

— Обратите внимание, сэр, телеграмма отправлена из Вуллем-Черси, сэр.

— Совершенно верно. Из Вуллем, как вы тонко подметили, Черси. Это нам о чем-то говорит, Дживс.

— О чем именно, сэр?

— Не знаю. Может быть, телеграмма от тетушки Агаты, как вы думаете?

— Вряд ли, сэр.

— Верно, вы опять правы. В таком случае с пол-

ным основанием можно утверждать только то, что некто неизвестный, проживающий в Вуллем-Черси, считает жизненно необходимым, чтобы я прикинулся незнакомым с ним. Дживс, но почему я должен прикинуться, что мы не знакомы?

— Понятия не имею, сэр.

— Однако если посмотреть с другой стороны, то почему бы и не прикинуться?

— Совершенно справедливо, сэр.

— В таком случае из этого следует, что имеет место некая тайна и только время поможет ее раскрыть. А нам, Дживс, остается лишь ждать.

— Именно это я и хотел сказать, сэр.

Я прибыл в Вуллем-Черси около четырех и застал тетю Агату в ее кабинете за сочинением писем. Насколько я знаю свою тетушку, она всегда писала людям гадости с ядовитыми постскриптумами. Взгляд, которым она меня наградила, не сиял от радости.

— А, это ты, Берти.

— Да, я.

— У тебя нос в саже.

Я усердно поработал носовым платком.

— Хорошо, что ты приехал пораньше. Хочу перемолвиться с тобой словом до того, как ты встретишься с мистером Филмером.

— С кем?

— С мистером Филмером, это член кабинета министров. Он у нас сейчас гостит. Неужели ты не слышал о мистере Филмере? Быть такого не может!

— Конечно, слышал! — сказал я, хотя понятия не имею, что это за тип. Я плохо разбираюсь в наших политических деятелях.

— Желательно, чтобы ты произвел на мистера Филмера хорошее впечатление.

— Нет проблем.

— Оставь этот развязный тон. И не думай, будто тебе ничего не стоит произвести на мистера Филмера хорошее впечатление. Он известный политический деятель, выдающаяся личность, и его ждет великое будущее. А ты легкомысленный, никчемный и пустой оболтус. Скорее всего, мистер Филмер отнесется к тебе настороженно.

Неприятно слышать такое поношение из уст кровной родственницы, — впрочем, мне не привыкать.

— Поэтому здесь ты должен постараться не выглядеть легкомысленным, никчемным и пустым оболтусом. Прежде всего ты бросишь курить.

— Ну, знаете!

— Мистер Филмер — президент Лиги про-

тивников курения. Второе: ты откажешься от употребления алкогольных напитков.

— Пропади все пропадом!

— И сделай одолжение, не вздумай заводить речь о барах, бильярдных и актрисах. Мистер Филмер будет составлять о тебе мнение главным образом из бесед с тобой.

Тут я затронул принципиальный вопрос:

— Хорошо, но зачем я должен производить впечатление на этого… на мистера Филмера?

— Затем, что таково мое желание, — отрезала тетка, бросив на меня суровый взгляд.

Не самый находчивый ответ, можно бы придумать и получше, но другого объяснения мне не дождаться, и потому я поспешно ретировался с ощущением сердечной тоски.

Я побрел в парк, и первый, на кого я наткнулся, был Бинго Литтл, провалиться мне на месте.

Мы с ним дружим, можно сказать, с пеленок. Родились в одном городке, чуть не в один день, вместе пошли в детский сад, потом в Итон и в Оксфорд, а достигнув зрелых лет, на славу покутили в добром старом Лондоне. Если кто и может облегчить крестные муки моего пребывания в этом вредоносном месте, так это Бинго Литтл.

Но как он здесь оказался, было выше моего ра-

зумения. Не так давно он женился на известной писательнице Рози М. Бэнкс, и когда я видел его в последний раз, он готовился ехать с женой в Америку, куда ее пригласили читать лекции. Отлично помню, как он проклинал все на свете, потому что из-за этого путешествия придется пропустить скачки в Аскоте.

И как ни странно, он сейчас находился здесь. Мне не терпелось увидеть лицо друга, и я завопил, как на охоте:

— Бинго!

Он обернулся, и, поверьте, то, что я увидел, не было лицом друга. Лицо было все перекошено. Он замахал руками, будто сигнальщик на вахте.

— Ш-ш, — зашипел он. — Хочешь меня погубить?

— А?

— Не получил мою телеграмму?

— Значит, это была твоя телеграмма?

— Разумеется, моя.

— Тогда почему ты не подписался?

— Я подписался.

— В том-то и дело, что нет. Я ничего не понял.

— Но ты ведь получил мое письмо.

— Какое письмо?

— Мое письмо.

— Не получал я никакого письма.

— Значит, я забыл его отправить. Я тебе сообщал, что нахожусь здесь как репетитор твоего двоюродного брата Томаса и что, когда мы встретимся, ты должен сделать вид, будто мы не знакомы. Это для меня очень важно.

— Но почему?

— Если твоя тетка догадается, что я твой друг, она тут же откажет мне от места.

— Почему?

Бинго поднял брови:

— Почему? Берти, ну ты сам подумай. Если бы ты был твоей теткой и знал, что ты за тип, допустил бы ты, чтобы твой ближайший друг был наставником твоего сына?

Моя бедная голова пошла кругом, но скоро я все-таки сообразил, что в его словах кроется много суровой правды и здравого смысла. Однако Бинго не объяснил мне, в чем суть или, если хотите, смысл этой таинственной истории.

— Я думал, ты в Америке, — сказал я.

— Нет, я не в Америке.

— Почему?

— Не важно. Не в Америке, и все.

— Зачем ты нанялся в репетиторы?

— Не важно. Есть причины. Берти, я хочу, что-

бы ты хорошенько вбил себе в голову, намертво вбил: никто не должен заподозрить, что мы с тобой друзья. Позавчера этого мерзкого мальчишку, твоего кузена, застукали с сигаретой, он курил, забравшись в кусты, и из-за этого мое положение здесь сильно пошатнулось. Твоя тетка сказала, что, если бы я надлежащим образом следил за ребенком, ничего подобного бы не произошло. И теперь, стоит ей обнаружить, что мы с тобой друзья, она тут же вышвырнет меня вон, спасения нет. А я должен остаться здесь, это вопрос жизни и смерти.

— Почему?

— Не важно почему.

В этот миг, видимо, послышались чьи-то шаги, и он проворно нырнул за лавровый куст. А я поплелся к Дживсу, дабы обсудить с ним эти странные события.

— Дживс, — сказал я, входя в спальню, где он распаковывал мои чемоданы, — вы помните ту телеграмму?

— Да, сэр.

— Ее отправил мистер Литтл. Он живет здесь в качестве воспитателя моего кузена Томаса.

— В самом деле, сэр?

— Ничего не понимаю. Ведь он вольная птица.

Может ли вольная птица без всякой на то причины поселиться в доме, где живет моя тетя Агата?

— Весьма эксцентричный поступок, сэр.

— Более того, станет ли кто-нибудь по доброй воле, просто ради удовольствия, заниматься обучением моего кузена Томаса, известного тупицы и изверга рода человеческого?

— Крайне проблематично, сэр.

— Тайна за семью печатями, Дживс.

— Совершенно верно, сэр.

— И что самое ужасное в этой истории: чтобы сохранить за собой место, мистер Литтл шарахается от меня как от прокаженного. И значит, умирает моя единственная надежда сколь-нибудь пристойно провести время среди этой мерзости запустения. Дживс, известно ли вам, что тетка запретила мне курить, пока я здесь нахожусь?

— Возможно ли это, сэр?

— И пить тоже.

— Но почему, сэр?

— Потому что она желает из каких-то неведомых мне побуждений, которых не хочет раскрывать, чтобы я произвел хорошее впечатление на некоего Филмера.

— Весьма неприятно, сэр. Однако многие врачи, как мне известно, приветствуют подобное воздер-

жание как путь к оздоровлению организма. Они утверждают, что при этом улучшается кровообращение и обеспечивается защита кровеносных сосудов от преждевременного затвердения.

— В самом деле? В следующий раз передайте этим вашим врачам, что они ослы.

— Слушаюсь, сэр.

Окидывая взором свое богатое событиями прошлое, могу с уверенностью сказать, что с этой минуты потянулась череда самых тоскливых дней, какие выпадали на мою долю. Ни тебе выпить животворящего коктейля перед обедом, ни выкурить с наслаждением сигарету, ибо каждый раз приходилось распластываться в спальне на полу и выпускать сигаретный дым в камин. А каково постоянно натыкаться на тетю Агату в самых неожиданных местах? А нравственные мучения из-за необходимости якшаться с достопочтенным А. Б. Филмером? Так недолго и умом тронуться.

Каждый день я играл с достопочтенным Ф. в гольф. Чего только не вынес Бертрам, влача это непосильное бремя: в кровь кусал губы, до боли сжимал кулаки. Играл достопочтенный Ф. из рук вон плохо, при этом болтал не закрывая рта, так что у меня в глазах темнело. Словом, я стал отча-

янно жалеть себя. И вот однажды вечером, когда я одевался к обеду, ко мне в комнату проскользнул Бинго и отвлек от моих собственных забот.

Если друг попал в переделку, мы, Вустеры, мгновенно забываем о себе. А старина Бинго влип по уши, это было видно невооруженным глазом. Он напоминал кошку, которую только что пнули и уже занесли ногу, чтобы пнуть еще раз.

— Берти, — сказал Бинго, уселся на кровать и помолчал минуту-другую, насыщая пространство тоской и унынием, — в каком состоянии сейчас Дживсовы мозги?

— По-моему, крутятся на полных оборотах. Дживс, как насчет серого вещества? Оно у вас хорошо функционирует?

— Да, сэр.

— Слава богу, — сказал Бинго, — потому что мне требуется наисерьезнейший совет. Если здравомыслящие люди не предпримут решительных шагов, чтобы мне помочь, мое имя будет втоптано в грязь.

— Что у тебя стряслось, старина? — сочувственно спросил я.

Бинго теребил покрывало.

— Сейчас расскажу, — сказал он. — И объясню, почему я торчу в этом треклятом доме и вожусь

с мальчишкой, которого следует хорошенько отходить розгой, а не обучать латыни и греческому. Берти, я здесь потому, что для меня это единственный выход. В последнюю минуту перед тем, как отплыть в Америку, Рози решила, что мне лучше остаться и присматривать за нашим китайским мопсом. Она оставила мне две сотни фунтов стерлингов продержаться до ее возвращения. Этой суммы, распредели я ее рачительно на весь срок, вполне хватило бы нам с мопсом на жизнь в умеренном благополучии. Ах, Берти, Берти, ты и сам все понимаешь.

— Что понимаю?

— Кто-то подкатывается к тебе в клубе и начинает убеждать, что, мол, есть одна кляча, которая непременно выиграет скачки, даже если подхватит люмбаго и гельминтоз в десяти ярдах от старта. Я был уверен, Берти, что выгодно вложил капитал в надежное дело.

— То есть ты поставил все деньги на эту лошадь?

Бинго горько засмеялся:

— Если ее можно назвать лошадью. Не рвани она перед финишем, стала бы участницей следующего заезда. Словом, она пришла последней, и я оказался в ужасном положении. Любым путем

надо было изыскать средства к существованию до возвращения Рози, чтобы она ничего не узнала. Рози — прекрасная женщина, но, будь ты женат, Берти, ты бы знал — даже лучшая из жен придет в негодование, обнаружив, что муж просадил все деньги на скачках. Вы со мной согласны, Дживс?

— Да, сэр. В этом отношении женщины ведут себя странно.

— Решать надо было немедленно. Того, что осталось после катастрофы, хватило, чтобы поместить мопса на шесть недель в «Комфортабельный собачий питомник» в Кингсбридже, это в графстве Кент. А сам я без гроша в кармане бросился искать место преподавателя. Подвернулся этот сорванец Томас. И вот я здесь.

Слов нет, печальная повесть, но, как ни ужасно постоянное общение с тетей Агатой и юным Тосом, по-моему, Бинго успешно выкрутился из труднейшего положения.

— Тебе осталось потерпеть несколько недель, и все устроится в наилучшем виде.

Бинго мрачно хмыкнул:

— Всего несколько недель! Буду счастлив, если продержусь тут еще несколько дней. Помнишь, я тебе говорил, что вера твоей тетки в меня как в наставника ее тупицы-сыночка пошатнулась,

когда его застукали с сигаретой? Оказывается, застукал Тоса этот самый Филмер. Десять минут назад Томас мне объявил, что готовит страшную месть Филмеру за то, что тот наябедничал твоей тетке. Не знаю, что паршивец задумал, но если он осуществит свою месть, мне конец. У твоей тетки на Филмере свет клином сошелся, она выставит меня в два счета. А Рози вернется только через три недели!

Я все понял.

— Дживс, — сказал я.

— Сэр?

— Я все понял. А вы поняли?

— Да, сэр.

— В таком случае сплотим ряды.

— Боюсь, сэр…

Бинго тихо застонал.

— Дживс, только не говорите, что вам ничего не приходит в голову, — проговорил он срывающимся голосом.

— В данный момент ничего не приходит. Весьма огорчен, сэр.

Бинго жалобно заскулил, как бульдог, которому не дали печенья.

— Ладно, тогда мне остается только одно, — мрачно сказал он, — ни на минуту не спускать

глаз с этого кретина.

— Совершенно верно, — сказал я. — Неустанная бдительность, да, Дживс?

— Несомненно, сэр.

— И все-таки, Дживс, — сказал Бинго тихим, проникновенным голосом, — вы ведь обдумаете мое положение, правда?

— Несомненно, сэр.

— Благодарю вас, Дживс.

— Не за что, сэр.

Надо сказать, что когда наставала пора решительных действий, Бинго проявлял энергию и упорство, вызывающие невольное уважение. Думаю, в последующие два дня не было минуты, когда Тос мог бы себе сказать: «Наконец-то я один!» Но к концу второго дня тетя Агата объявила, что утром приедут гости поиграть в теннис, и на меня напал страх, что катастрофа разразится.

Понимаете, Бинго из тех ненормальных, которые, схватившись за теннисную ракетку, впадают в состояние транса и все, что выходит за пределы корта, перестает для них существовать. Если в разгар сета вы сообщите Бинго, что пантеры пожирают в огороде его лучшего друга, он рассеянно глянет на вас и проронит: «А? Что?» Я знал, что Бинго теперь и не вспомнит о юном Томасе и до-

стопочтенном Филмере, пока на корте не стукнет последний мяч. Поэтому вечером, переодеваясь к обеду, я услышал грозную поступь рока.

— Дживс, — сказал я, — вы когда-нибудь задумывались о жизни?

— Время от времени, сэр, на досуге.

— Жестокая штука, верно?

— Жестокая, сэр.

— Понимаете, нам кажется одно, а выходит совсем другое.

— Позволю заметить, сэр, брюки следует на полдюйма поднять. Чуть-чуть подтяните подтяжки, и мы добьемся желаемого эффекта. Вы говорили, сэр…

— Вот, например, Вуллем-Черси. Может показаться, здесь собралось веселое, беззаботное общество и приятно проводит время в загородном доме. Но под сверкающей поверхностью мчатся губительные потоки. Посмотришь, как достопочтенный Филмер уплетает за завтраком лосося под майонезом, и подумаешь: вот самый беззаботный человек на свете. А тем временем неумолимая судьба подкрадывается к нему все ближе. Как вы думаете, Дживс, что именно собирается выкинуть это исчадие ада?

— В ходе непринужденной беседы, которая

сегодня состоялась у меня с юным джентльменом, сэр, он сообщил мне, что читает книгу под названием «Остров сокровищ» и что на него произвел сильное впечатление один из персонажей, а именно капитан Флинт. Насколько я понимаю, юный джентльмен обдумывает, не следует ли ему в своих поступках подражать упомянутому капитану.

— Боже милостивый, Дживс! Если я не путаю, этот Флинт крушил всех подряд своей саблей. Дживс, как вы считаете, может Томас наброситься с саблей на мистера Филмера?

— Возможно, у юного джентльмена не имеется сабли, сэр.

— Ну, не с саблей, так еще с чем-нибудь.

— Нам остается только ждать, сэр. Галстук, если позволите заметить, сэр, следует затянуть чуть-чуть туже. Наша цель — добиться максимально приближенного к совершенству эффекта бабочки. Если позволите, сэр…

— Дживс, какое значение имеет галстук в данное время? Неужели вы не понимаете, что семейное счастье мистера Литтла висит на волоске?

— Не бывает такого времени, сэр, чтобы галстук не имел значения.

Я видел, как страдает бедный малый, но даже не попытался пролить бальзам на его рану. Какое слово вертится у меня на языке? Вспомнил — озабочен. Я был слишком озабочен, знаете ли. И в смятении. Чтоб не сказать — истерзан тревогой. Тревога продолжала терзать меня и на следующий день, когда в половине третьего на теннисном корте началось веселье. День стоял душный, жаркий, временами раздавались раскаты грома; казалось, даже воздух пропитан угрозой.

— Бинго, — сказал я, когда мы с ним вышли на корт в первой парной игре, — как ты думаешь, что сегодня выкинет юный Тос — ведь за ним не следит твое недремлющее око?

— А? — рассеянно отозвался Бинго. Лицо его уже обрело особое выражение теннисного маньяка, глаза остекленели. Он взмахнул ракеткой и негромко фыркнул.

— Я его нигде не вижу, — сказал я.

— Кого не видишь?

— Его не вижу.

— Кого — его?

— Тоса.

— Зачем он тебе?

Я понял, что говорить с ним бесполезно.

Единственное, что меня утешало, так это присутствие среди зрителей достопочтенного Филмера, зажатого между двумя дамами под зонтиками. Здравый смысл мне подсказывал, что даже такой поднаторевший в каверзах мальчишка, как Тос, вряд ли решится на дерзкую выходку, если объект занимает столь стратегически сильную позицию. Успокоившись, я с азартом отдался игре и как раз обставлял местного викария, когда над головой послышался раскат грома и хлынул дождь.

Все в панике бросились в дом и вскоре собрались в гостиной к чаю. Вдруг тетя Агата, оглядев стол поверх сандвича с огурцом, сказала:

— А где мистер Филмер?

Такого потрясения я давно не испытывал. Только что я жил совсем в другом мире: вот моя стремительная подача, мяч со свистом летит над сеткой; служитель церкви не успел опомниться, а я, гибко изогнувшись, уже вывожу мяч на центральную линию… Я с грохотом свалился с небес на землю. Пирожное выскользнуло из моих дрогнувших пальцев, шмякнулось на пол, и теткин спаниель Роберт немедленно его сожрал. Я снова услышал грозную поступь рока.

Филмер был не из тех, кто способен легко-

мысленно пренебречь чаем, — вы, я думаю, и сами понимаете. Большой любитель поесть, питающий особо нежную привязанность к вечернему чаю с горячей сдобой, он до сегодняшнего дня возглавлял наш общий забег к кормушке. Несомненно, только вражеские козни могли помешать достопочтенному, нагулявшему отменный аппетит, вовремя явиться в гостиную.

— Должно быть, он попал под дождь и укрылся где-нибудь в парке, — сказала тетя Агата. — Берти, ступай поищи мистера Филмера. И захвати для него плащ.

— Будет сделано! — сказал я. В эту минуту моим заветным желанием было отыскать достопочтенного. И я надеялся найти его не в виде хладного трупа.

Надев плащ и взяв второй под мышку, я дал полный вперед, но в холле наткнулся на Дживса.

— Дживс, — сказал я, — боюсь, что случилось худшее. Нет мистера Филмера.

— Да, сэр.

— Я должен обшарить весь парк и найти его.

— Вероятно, я смогу упростить вам задачу, сэр. Мистер Филмер находится на острове посреди озера.

— В такой дождь! Вот болван! Почему он не

вернулся?

— У него нет лодки, сэр.

— А как он очутился на острове?

— Приплыл на лодке, сэр. Но мастер Томас отправился вслед за мистером Филмером и отвязал его лодку. Минуту назад мастер Томас посвятил меня в обстоятельства дела. Оказывается, капитан Флинт имел обыкновение высаживать своих врагов на необитаемые острова. Мастер Томас счел, что самое мудрое — последовать примеру капитана Флинта.

— Но боже мой, Дживс! Должно быть, мистер Филмер промок до нитки.

— Да, сэр. От мастера Томаса не укрылась эта сторона дела.

Пришло время действовать.

— Дживс, пойдемте со мной!

— Слушаюсь, сэр.

Я ринулся к сараю, где стояли лодки.

Муж моей тетки Агаты, Спенсер Грегсон, не пренебрегающий игрой на фондовой бирже, недавно неплохо нажился на акциях компании «Каучук Суматры», и тетя Агата, выбирая себе поместье, за ценой не постояла и развернулась вовсю. Огромный холмистый парк простирается на несколько миль, пышные купы деревьев

в изобилии снабжены воркующими голубями и прочей разноголосой птицей, сад утопает в розах; конюшни, надворные строения, флигели составляют довольно разухабистый ансамбль. Но главная примечательность поместья — озеро.

Оно раскинулось к востоку от дома, за розарием, и занимает несколько акров. Посреди озера — остров. Посреди острова — строение, именуемое Октагоном. На крыше этого самого Октагона, как раз посередине, точно фигура, украшающая фонтан, восседал достопочтенный А. Б. Филмер, и с него ручьями стекала вода. Мы поплыли к острову, я изо всех сил греб, а Дживс управлял штурвальным тросом, и вскоре услышали крики, которые по мере приближения становились все громче. Минуту спустя я увидел и самого достопочтенного Филмера, причем в этом ракурсе казалось, что он гнездится поверх кустов. По-моему, даже если ты член кабинета министров, у тебя должно хватить мозгов спрятаться под деревом, а не торчать как пень на открытом месте.

— Дживс, возьмите чуть правее.

— Слушаюсь, сэр.

Я проворно причалил.

— Подождите меня здесь, Дживс.

— Хорошо, сэр. Старший садовник сегодня

утром мне сообщил, сэр, что недавно на этом острове лебедь свил гнездо.

— Дживс, сейчас не время совершать экскурсы в естественную историю, — с легким неодобрением сказал я, ибо дождь все усиливался и брюки у меня сильно намокли.

— Как вам будет угодно, сэр.

Я стал продираться сквозь кусты. Путь оказался нелегким, и на первых же ярдах я понял, что обеднел ровно на восемь фунтов и одиннадцать пенсов — столько стоили мои теннисные туфли на рифленой подошве, но я не сдался и вскоре выбрался на расчищенную площадку перед Октагоном.

Упомянутое сооружение было воздвигнуто в конце прошлого века и предназначалось, как мне говорили, для дедушки прежнего владельца поместья, дабы старичок мог предаваться игре на скрипке в тихом и удаленном от дома месте. Я достаточно знаю о скрипачах и могу себе представить, сколь душераздирающие звуки производил здесь в свое время старый джентльмен, но, уверен, они показались бы райской музыкой в сравнении с теми воплями, которые доносились сейчас с крыши Октагона. Достопочтенный Филмер не заметил прибытия спасательной экс-

педиции и надрывался изо всех сил, стараясь, чтобы его услышали в доме, отделенном от острова водными просторами; могу вас заверить, что у достопочтенного был реальный шанс добиться успеха. Он обладал дискантом редкой пронзительности — мне казалось, что над головой с визгом проносятся пули. Самое время, подумал я, послать ему добрую весть, что помощь подоспела, а то сорвет голос.

— Эй! — крикнул я, дождавшись короткой паузы.

Достопочтенный высунул голову из-за карниза.

— Эй! — взвыл он и завертел головой во все стороны, упорно не желая увидеть меня.

— Эй!

— Эй!

— Эй!

— Эй!

— Ах! — сказал он, наконец заметив меня.

— Порядок! — откликнулся я, чтобы заверить достопочтенного Филмера в моих добрых намерениях.

Честно говоря, нашу беседу трудно было назвать содержательной; возможно, вскоре она сделалась бы более плодотворной, но в тот самый

миг, когда я готовился произнести нечто важное, послышался шипящий звук, будто рядом разворошили змеиное гнездо, и слева от меня из кустов внезапно вырвалось что-то огромное, белое и разъяренное. Я нутром понял — надо спасаться, и взмыл, как фазан; плохо соображая, что делаю, я отчаянно карабкался по стене. В дюйме от моей левой лодыжки что-то сильно захлопало по стене, и тут все сомнения у меня исчезли — внизу мне делать нечего, остается только рваться «сквозь льды и снега во весь опор, знамя держа в руках с девизом загадочным «Эксцельсиор»[33].

— Будьте осторожны! — заблеял сверху достопочтенный.

Мог бы и помолчать.

Тот, кто строил Октагон, вероятно, предвидел подобный ход событий. По всей высоте стены через правильные промежутки шли пазы, будто специально предназначенные для рук и ног, и вскоре я, припарковавшись на крыше рядом с достопочтенным, стал глядеть на гигантского лебедя в припадке злобы. Он топтался внизу, вытягивая шлангоподобную шею. Меня так и подмывало схватить кусок кирпича и, хорошень-

[33] Примечания: 33

Строки из стихотворения Генри Уодсуорта Лонгфелло (1807–1882) «Эксцельсиор» (1842). — *Прим. пер.*

ко прицелившись, запустить в подлую птицу. Я не стал противиться порыву, швырнул кирпич — и не промахнулся.

Достопочтенный, как мне показалось, остался недоволен.

— Не дразните его! — сказал он.

— Он сам меня дразнит, — ответил я.

Лебедь вытянул еще футов восемь своей шлангообразной шеи и издал звук, с каким вырывается пар из лопнувшей трубы. Дождь продолжал лить с неослабевающей яростью, и я пожалел, что в смятении, которым сопровождалось мое карабканье по стене, я сразу же выронил плащ, предназначенный для достопочтенного узника. Хотел было предложить ему свой, но здравый смысл возобладал.

— И как это он вас не цапнул? — удивился я.

— Еще чуть-чуть — и цапнул бы, — отвечал он, бросая вниз взгляд, полный отвращения. — Пришлось удирать со всех ног.

Достопочтенный, надо отметить, был низенький, бочкообразный человечек. Казалось, его, будто какую-то жидкую субстанцию, все лили и лили в одежду, забыв сказать «Хватит!». Забавно было бы посмотреть, как он тут демонстрировал чудеса ловкости, подумал я и невольно улыб-

нулся.

— Не вижу ничего смешного, — сказал достопочтенный, переводя взгляд, полный отвращения, с разъяренной птицы на меня.

— Прошу прощения.

— Птица могла меня изувечить.

— Хотите, я еще раз съезжу по ней кирпичом?

— И не вздумайте. Вы только ее разозлите.

— Ну и что? Ведь она, по-моему, с нашими чувствами не слишком считается.

Тут достопочтенный Филмер решил обсудить со мной другую сторону дела:

— Не могу понять, как могла уплыть моя лодка, я ведь накрепко ее привязал к ивовому пню.

— Совершенно загадочный случай.

— Подозреваю, что какой-то озорник нарочно ее отвязал.

— Ну что вы, вряд ли! Вы бы увидели.

— Дело в том, мистер Вустер, что за кустами ничего не видно. Кроме того, меня сегодня из-за жары одолевала сонливость, и, сойдя на остров, я немного вздремнул.

Мне не хотелось, чтобы достопочтенный развивал эту тему, и я поспешил перевести разговор в другое русло.

— Довольно мокро, как вы считаете? — ска-

зал я.

— Представьте, я успел это заметить, — отозвался достопочтенный противным ядовитым тоном. — Тем не менее благодарю за то, что привлекли мое внимание к этому обстоятельству.

Насколько я понял, тема погоды не слишком вдохновляла достопочтенного. Тогда я сделал попытку поговорить о птицах, населяющих близлежащие графства.

— Замечали ли вы, — начал я, — что брови у лебедя сходятся на переносице?

— Да уж, я на них вдоволь нагляделся. Представилась такая возможность.

— Из-за этого у них такой недружелюбный вид, верно?

— И нрав тоже. Знаю, на себе испытал.

— Странно, — сказал я, с воодушевлением развивая птичью тему, — что у лебедей семейная жизнь так дурно влияет на расположение духа.

— Послушайте, нельзя ли выбрать иной предмет для разговора? Дались вам эти лебеди!

— Да, но все-таки это очень интересно. В том смысле, что этот наш приятель там, внизу, наверняка в обычной жизни отличный парень, всеобщий любимец, знаете ли. Просто из-за того, что его драгоценная половина свила здесь

гнездо…

Я запнулся. Вы вряд ли мне поверите, но до этой минуты я в суматохе и не вспомнил, что, пока мы сидим, загнанные на крышу, где-то на заднем плане бродит обладатель могучего разума, и если ему сообщить о нашей беде и призвать его сплотить ряды, он в пять минут найдет десяток способов нас выручить.

— Дживс! — заорал я.

— Сэр? — донесся издалека почтительный голос.

— Мой слуга, — объяснил я достопочтенному. — У него феноменальные способности и невероятная находчивость. Он в минуту вызволит нас отсюда. Дживс!

— Сэр?

— Я сижу на крыше.

— Очень хорошо, сэр.

— Что же тут хорошего? Помогите нам. Мы с мистером Филмером в безвыходном положении.

— Очень хорошо, сэр.

— Хватит твердить «Очень хорошо, сэр». Не вижу ничего хорошего. Все вокруг кишит лебедями.

— Я немедленно приступлю к выполнению ваших указаний, сэр.

Я посмотрел на достопочтенного. Даже рискнул похлопать его по спине — будто по мокрой губке шлепнул.

— Порядок, — сказал я. — Сейчас придет Дживс.

— Какой от него толк?

Я слегка нахмурился. Достопочтенный говорил брюзгливым тоном, и это мне не понравилось.

— Поймете, когда увидите его в действии, — ответил я довольно холодно. — Он может выбрать любую стратегию. Но в одном вы должны быть совершенно уверены — Дживс найдет выход. Вот он уже идет, крадется сквозь подлесок, лицо его светится умом. Нет предела его интеллектуальным возможностям. Он питается одной рыбой.

Я наклонился и заглянул вниз.

— Дживс, следите за лебедем.

— Я держу птицу под неусыпным наблюдением, сэр.

Лебедь снова отмотал изрядный отрезок шеи и вытянул ее в нашу сторону, но тотчас же обернулся. Голос с тыла привел его в замешательство. Он подверг Дживса быстрому внимательному осмотру, потом вдохнул воздух, угрожающе зашипел, подпрыгнул и ринулся вперед.

— Берегитесь, Дживс!

— Слушаюсь, сэр.

Я заранее мог бы сказать этому лебедю, что ничего у него не выйдет. Среди своих собратьев он, возможно, числился интеллектуалом, но тягаться с Дживсом — куда там! Лучше бы ему сразу убраться подобру-поздорову.

Каждому молодому человеку, начинающему самостоятельную жизнь, следует знать, как справиться с разъяренным лебедем, поэтому я вкратце изложу соответствующую процедуру. Сначала надо подобрать оброненный кем-то плащ, потом, точно рассчитав расстояние, набросить плащ птице на голову, после этого вы подсовываете под птицу багор, который предусмотрительно захватили с собой, и поднимаете. Лебедь оказывается в кустах и изо всех сил старается освободиться, а вы не спеша возвращаетесь к лодке, прихватив ваших друзей, которые в эту минуту, возможно, сидели на крышах где-то поблизости. Именно такой метод применил Дживс, и, по-моему, усовершенствованию он не подлежит.

Достопочтенный развил невероятную скорость — никогда бы не подумал, что он на такое способен. Не прошло и минуты, как мы сидели в лодке.

— Вы действовали весьма толково, любез-

ный, — обратился достопочтенный к Дживсу, когда мы отошли от берега.

— Я стараюсь быть полезным, сэр.

Видимо, достопочтенный сказал все, что имел сказать на данную минуту. Он съежился и погрузился в размышления. Казалось, совсем ушел в себя. Даже когда у меня сорвалось весло и я вылил, наверное, пинту воды ему за ворот, он и ухом не повел.

И только когда мы причалили к берегу, он снова вернулся к жизни:

— Мистер Вустер.

— Да?

— Я обдумывал обстоятельство, о котором уже вам сообщал ранее, каким образом могла отвязаться лодка, на которой я приплыл на остров.

Мне это не понравилось.

— Загадка, да и только, — сказал я. — Не стоит ломать голову. Все равно не разгадать.

— Ничего подобного. Я пришел к выводу, который мне кажется единственно правдоподобным. Я убежден, что лодку угнал Томас, сын хозяйки дома.

— Нет-нет, не думаю. Да и зачем?

— У него на меня зуб. И вообще, совершить подобный поступок может или ребенок, или

слабоумный.

Достопочтенный направился к дому, а я в ужасе уставился на Дживса. Да, именно в ужасе.

— Дживс, вы слышали?

— Да, сэр.

— Что делать?

— Возможно, мистер Филмер, еще раз хорошенько подумав, придет к выводу, что его подозрения не имеют под собой почвы.

— Но ведь они имеют под собой почву.

— Да, сэр.

— Что же делать?

— Не знаю, сэр.

Я проворно направился к дому и доложил тете Агате, что с достопочтенным Филмером полный порядок, потом пошел наверх принять горячую ванну, так как в ходе спасательной экспедиции промок насквозь от носа до киля. Я наслаждался благодатным теплом, как вдруг раздался стук в дверь.

Вошел Пурвис, дворецкий тети Агаты:

— Миссис Грегсон приказала передать вам, сэр, что она желает вас видеть как можно скорее.

— Но она только что меня видела.

— Насколько я понял, она снова желает вас видеть, сэр.

— Ладно.

Я еще немного полежал в воде, потом вытерся и направился к себе в комнату, где застал Дживса, раскладывающего нижнее белье.

— Дживс, я тут подумал, надо бы дать мистеру Филмеру хинина или еще чего-нибудь. Проявить милосердие, как вы думаете?

— Я уже все сделал, сэр.

— Отлично. Не могу сказать, что испытываю к нему большую симпатию, но не хочу, чтоб он схватил простуду. — Я натянул носок. — Дживс, вы, наверное, понимаете, что нам с вами следует немедленно кое-что обдумать. В смысле — обдумать наше положение. Мистер Филмер подозревает юного Тоса в том, что тот на самом деле и совершил, и если достопочтенный сообщит о своих подозрениях тете Агате, она наверняка уволит мистера Литтла, и миссис Литтл все узнает. Какова будет развязка? Сейчас я вам объясню. Миссис Литтл получит веские улики против мистера Литтла, и хоть я и холостяк, но могу утверждать, что ради сохранения тактики взаимных уступок и компромиссов или того равновесия, на котором зиждется семейная жизнь, ни одна женщина не должна иметь улик против мужа. Женщины пускают в ход такие улики. Они

ничего не забывают и не прощают.

— Совершенно справедливо, сэр.

— Ну так как нам быть?

— Я уже уладил это дело, сэр.

— Уладили?

— Да, сэр. Едва мы с вами расстались, как решение созрело у меня в уме. Случайное замечание, брошенное мистером Филмером, натолкнуло меня на мысль.

— Дживс, вы необыкновенный человек.

— Благодарю вас, сэр.

— Какое же решение вы нашли?

— Мне пришла мысль пойти к мистеру Филмеру и сказать, что это вы угнали лодку, сэр.

У меня в глазах помутилось, я лихорадочно вцепился в носок, который в этот момент натягивал на ногу:

— Что-что?

— Вначале мистер Филмер не был склонен верить моим словам. Но я указал ему на одно существенное обстоятельство: вы, несомненно, знали, что он находится на острове. Этот факт весьма многозначителен, с чем мистер Филмер не мог не согласиться. Далее я ему напомнил, что вы легкомысленный молодой человек, сэр, который вполне мог сыграть с ним такую шутку.

Мне удалось до конца убедить мистера Филмера в моей правоте, и теперь нет ни малейшей опасности, что он обвинит в содеянном мастера Томаса.

Я ошеломленно уставился на злодея.

— И вы считаете, что ловко все устроили? — сказал я.

— Да, сэр. Мистер Литтл не будет уволен, как вы того желали.

— А как же я?

— Вы тоже выиграете, сэр.

— Каким же это образом?

— Сейчас объясню, сэр. Я выяснил, с какой целью миссис Грегсон вас сюда пригласила. Она желала познакомить вас с мистером Филмером в надежде, что он предложит вам стать его личным секретарем.

— Что?!

— Да, сэр. Дворецкий Пурвис случайно слышал, как миссис Грегсон обсуждала этот вопрос с мистером Филмером.

— Стать секретарем этой жирной зануды! Дживс, я бы этого не пережил.

— Да, сэр. Я понимаю, что вы никогда бы на это не согласились. Вряд ли вы с мистером Филмером подходите друг другу. Однако если бы миссис Грегсон добилась для вас этого места, вам было

бы неловко отказаться.

— Попробовал бы я отказаться!

— Именно, сэр.

— Но, Дживс, по-моему, кое-что вы упустили из виду. Как мне слинять отсюда?

— Сэр?

— Тетя Агата только что передала через Пурвиса, что желает меня видеть. Скорее всего, в эту минуту она точит топор войны.

— Вероятно, самое благоразумное — не встречаться с ней, сэр.

— Но как избежать встречи?

— Непосредственно рядом с этим окном, сэр, имеется отличная, прочная водосточная труба. Через двадцать минут я мог бы подать к воротам ваш спортивный автомобиль, сэр.

Я поднял на Дживса благоговейный взгляд.

— Дживс, — сказал я, — вы, как всегда, правы. А не могли бы вы подать автомобиль через пять минут?

— Скажем, через десять, сэр.

— Идет. Приготовьте дорожный костюм, в остальном положитесь на меня. Где та водосточная труба, о которой вы так благосклонно отзывались?

Глава 2
Старина Сиппи и его комплекс неполноценности

Я смерил его холодным взглядом. Недоумение и досада владели мною.

— Дживс, ни слова больше, — проговорил я. — Вы зашли слишком далеко. Шляпы — да. Носки — да. Пальто, брюки, рубашки, галстуки, гетры — безусловно. Что касается этих предметов, я целиком полагаюсь на ваше суждение. Но когда речь идет о вазах — никогда!

— Очень хорошо, сэр.

— Вы заявляете, что эта ваза не гармонирует с обстановкой комнаты. Я решительно отвергаю in toto[34] ваше утверждение, что бы оно, по-вашему, ни означало. Мне ваза нравится. Я нахожу, что она живописная, броская, да и стоит всего пятнадцать шиллингов.

— Очень хорошо, сэр.

— То-то же. Если кто-нибудь позвонит, то в ближайший час я буду у мистера Сипперли в редакции «Мейферского бюллетеня».

---

[34] Примечания: 34
В целом *(лат.)*.

Я удалился, храня на лице выражение сдержанного высокомерия, ибо был недоволен своим дворецким.

Прогуливаясь по Стрэнду вчера после обеда, я забрел в одну из тех лавчонок, где продавцы, завывая, как сирены в тумане, продают с аукциона всякую всячину. До сих пор не представляю толком, как это произошло, но я стал обладателем большой китайской вазы, украшенной малиновыми драконами. Наряду с драконами присутствовали птицы, собаки, змеи и зверь, похожий на леопарда. Этот зверинец теперь обосновался на консоли над дверью моей гостиной.

Ваза мне нравилась. Она была такая яркая и веселая. Она привлекала взгляд. Вот почему, когда Дживс, слегка поморщившись, начал выступать, хоть никто его об этом не просил, как заправский искусствовед, я дал ему отпор. Подумай я хорошенько, я бы ему сказал: «Ne sutor ultra»[35]. В том смысле, что чего ждать от камердинера, подвергающего вазы искусствоведческому анализу? Разве в его компетенции критиковать фарфор, который приобретает хозяин? Нет, нет и еще раз нет, так я ему и сказал.

---

[35] Примечания: 35

Берти перевирает известное латинское выражение «Ne sutor supra crepidam», букв.: — «Пусть сапожник судит не выше сапога».

В редакцию «Мейферского бюллетеня» я пришел, так и не избавившись от дурного настроения. Для меня было бы большим облегчением излить душу старине Сиппи — ведь друг, безусловно, все поймет и посочувствует мне. Рассыльный провел меня во внутреннюю комнатенку, где мой друг справлял свои редакторские обязанности. Бедняга Сиппи был по уши завален работой, и у меня просто духу не хватило плакаться ему в жилетку.

Насколько я понимаю, человек, поработав какое-то время в редакции, сгибается под бременем забот. Полгода назад Сиппи был весел и жизнерадостен: палец покажи — и он от хохота покатится. Он тогда служил, что называется, внештатно: здесь тиснет рассказик, там — стишки, и жил себе припеваючи. А с тех пор как он стал редактором этой газетенки, я его просто не узнаю.

Сегодня он, видно, совсем заредактировался, так что, временно отложив свои заботы, я постарался его ободрить и принялся расписывать, как мне понравился их последний выпуск. На самом-то деле я его, конечно, не читал, но мы, Вустеры, готовы идти на любые ухищрения, если надо поддержать друга.

Лекарство подействовало. Сиппи оживился:

— Тебе правда понравилось?

— Экстра-класс, старина.

— Каков материалец, а?

— Блеск!

— Как тебе это стихотворение — «Одиночество»?

— Потрясающе.

— Настоящий шедевр.

— Не то слово! Кто автор?

— Там же указано, — сдержанно проговорил Сиппи.

— У меня плохая память на имена.

— Его написала мисс Гвендолен Мун. Берти, ты знаком с мисс Мун?

— По-моему, нет. Приятная девушка?

— Боже мой! — вскричал Сиппи.

Я внимательно в него вгляделся. Если вы спросите мою тетушку Агату, она вам скажет — она, впрочем, скажет, даже если вы ее и не спросите, — что я тупой и бесчувственный, как пень. Примитивный, как амеба, так тетя Агата однажды обо мне отозвалась, и не могу сказать, что в общем, широком смысле она так уж не права. Однако существует одна область, в которой я

детектив, не уступающий Хокшоу[36]. Могу распознать любовное томление быстрее, чем кто-либо другой в Лондоне. За последние годы так много моих друзей подхватили эту болезнь, что я ее в туманный день за милю различу. Сиппи сидел, откинувшись на спинку стула, и с отсутствующим видом жевал ластик. Я мгновенно поставил диагноз:

— Ну, дружище, выкладывай.

— Берти, я ее люблю.

— Ты ей признался?

— Что ты! Как можно?

— А почему бы нет? Вверни в разговоре, как бы между прочим.

Сиппи глухо застонал:

— Берти, приходилось ли тебе чувствовать, что ты — жалкий червь?

— А как же! С Дживсом — сплошь и рядом. Но сегодня он зашел слишком далеко. Веришь ли, дерзнул подвергнуть критике вазу, которую…

— Она настолько выше меня.

— Высокая девица?

— Духовно выше. Возвышенная душа. А кто я? Заурядное, приземленное существо.

---

[36] Примечания: 36

Хокшоу — герой пьесы Т. Тейлора «Человек с пропуском» (1863). — *Прим. пер.*

— Ты на этом настаиваешь?

— Конечно. Разве ты забыл, как год назад в ночь после гребных гонок я схлопотал тридцать суток без права замены штрафом за то, что заехал кулаком под дых полисмену?

— Но ты же был в стельку пьян.

— Вот именно. Какое право имеет пьяница и закоренелый преступник домогаться благосклонности богини!

Сердце у меня кровью обливалось от жалости к старине Сиппи.

— По-моему, ты немного преувеличиваешь, дружище, — сказал я. — В ночь после регаты каждый человек, получивший благородное воспитание, непременно бывает вдрызг пьян, и лучшие из нас почти всегда не ладят с полицией.

Он помотал головой:

— Бесполезно, Берти. У тебя добрые намерения, но тут слова бессильны. Нет, я могу только издали ей поклоняться. В ее присутствии я немею. Язык прилипает к гортани. Я не мог бы даже собраться с духом и предложить ей… Войдите! — крикнул Сиппи.

Как раз когда он начал свою проникновенную речь, кто-то постучал в дверь. Не столько, впрочем, постучал, сколько ударил или даже пнул. В

комнату вошел высокий, внушительного вида субъект с пронзительным взглядом и римским носом. Властный тип — пожалуй, такая характеристика больше всего к нему подходила. Мне не понравился его воротничок, а Дживс наверняка нашел бы что сказать по поводу его брюк, и все-таки вид у него был властный. От него веяло неодолимой силой. Он был похож на регулировщика уличного движения.

— А-а, Сипперли! — сказал он.

Старина Сиппи пришел в страшное волнение. Вскочил со стула и стал навытяжку с выпученными глазами.

— Садитесь, Сипперли, — сказал субъект. Меня он вниманием не удостоил. Всего лишь бросил острый взгляд, чуть повел носом в мою сторону и навсегда вычеркнул Бертрама из своей жизни. — Принес вам еще один — ха! — небольшой подарок. Посмотрите на досуге, мой друг.

— Да, сэр, — сказал Сиппи.

— Думаю, вам понравится. И вот еще что, Сипперли, — буду рад, если подберете шрифт покрупнее и разместите на более видном месте, чем мой предыдущий опус «Старинные архитектурные памятники Тосканы». Я понимаю, что в еженедельной газете всегда не хватает ме-

ста, — но кому понравится, что его произведение засовывают в дальний угол, среди реклам увеселительных заведений и портных? — Он замолк, и глаза у него угрожающе сверкнули. — Вы учтете мою просьбу, Сипперли?

— Да, сэр, — сказал Сиппи.

— Весьма обязан, мой друг, — сказал субъект. Тон у него снова стал добродушный. — Надеюсь, вы меня извините. Меньше всего мне хотелось бы вмешиваться в — ха! — редакторские дела, но... Впрочем, прощайте, Сипперли. Завтра в три зайду узнать о вашем решении.

Он ретировался, оставив в пространстве зияющую брешь размером десять на шесть футов. Когда пространство сомкнулось, я откинулся на спинку стула и спросил:

— Что это было?

Я испугался: мне показалось, что старина Сиппи потерял рассудок. Он воздел руки, вцепился себе в волосы и начал их рвать, потом злобно пнул стол и упал в кресло.

— Будь он проклят! — сказал Сиппи. — Чтоб ему поскользнуться на банановой кожуре по дороге в церковь и порвать связки на обеих лодыжках!

— Кто он?

— Пусть его поразит хрипота, чтобы он не смог

произнести напутственную речь по случаю окончания семестра!

— Да, но кто же он?

— Директор школы, — сказал Сиппи.

— Но, дружище…

— Директор школы, в которой я учился. — Сиппи уставился на меня безумным взглядом. — Боже мой! Берти, ты понимаешь, в какой я западне?

— Честно говоря, нет.

Сиппи вскочил со стула и забегал по комнате.

— Что ты чувствуешь, когда встречаешься с директором твоей школы? — спросил он.

— Я с ним не встречаюсь. Он умер.

— Ладно, тогда скажу, что чувствую я. Мне кажется, будто я снова в Лоуэр-Форте и классный руководитель за какую-то провинность отправил меня к директору. Берти, так однажды и было, и я помню все как сейчас. Вот я стучу в дверь кабинета и слышу рык старика Уотербери: «Входите!» Подобный рык, наверное, слышали ранние христиане, когда их бросали в клетку льва. «Входите!» И я вхожу, еле волоча ноги. Он смотрит на меня и что-то говорит, проходит целая вечность… А потом я наклоняюсь и получаю шесть смачных ударов тростью, которая жалит, как гадюка. И теперь, когда он приходит в редак-

цию, во мне оживают прежние чувства, и я, будто четырнадцатилетний мальчишка, лепечу: «Да, сэр», «Нет, сэр».

Теперь мне стало более или менее ясно, в чем дело. Такие артистические натуры, как Сиппи, которые ударились в сочинительство, отличаются особой чувствительностью и ни с того ни с сего впадают в истерику.

— Он все время сюда таскается, и карманы у него набиты статейками вроде «Школы при старых монастырях», «Некоторые малоизученные взгляды Тацита» и прочей дрянью. И у меня не хватает духу ему отказать. А ведь считается, что наш еженедельник призван развлекать светскую публику.

— Сиппи, ты должен проявить твердость. Да, дружище, именно твердость.

— Не могу! При виде его я чувствую себя изжеванной промокашкой. Когда он буравит меня взглядом, я совершенно теряю присутствие духа и снова становлюсь школьником. Берти, я не могу избавиться от этого комплекса. Знаешь, чем в конце концов все кончится? Владелец еженедельника заметит какой-нибудь шедевр Уотербери, решит — кстати, совершенно справедливо, — что я рехнулся, и выставит меня вон.

Я задумался. Положение было не из легких.

— А что, если… — начал я.

— Бесполезно, — сказал Сиппи.

— Есть у меня одна мыслишка…

— Дживс, — сказал я, вернувшись домой, — пораскиньте мозгами!

— Сэр?

— Отточите свой интеллект. Трудный случай, вам придется показать все, на что вы способны. Приходилось ли вам слышать о мисс Гвендолен Мун?

— Да, сэр. Перу мисс Мун принадлежат «Осенние листья», «Это было в июне» и другие произведения.

— С ума сойти, Дживс, вы знаете все на свете.

— Благодарю вас, сэр.

— Так вот, мистер Сипперли влюбился в мисс Мун.

— Да, сэр.

— Но не смеет ей признаться.

— Довольно распространенный случай, сэр.

— Считает, что недостоин ее.

— Именно, сэр.

— Да, но это еще не все. Возьмите на заметку то, о чем я вам рассказал, Дживс, и слушайте остальное. Мистер Сипперли, как вам известно,

редактор еженедельной газеты, призванной развлекать светскую публику. А директор школы, где обучался мистер Сипперли, повадился приходить в редакцию и заваливать ее всяким вздором, совершенно не подходящим для развлечения светской публики. Вам все ясно?

— Совершенно ясно, сэр.

— И этот вздор мистер Сипперли вынужден публиковать вопреки собственному желанию только потому, что у него не хватает духу послать этого типа ко всем чертям. Беда в том, Дживс, что у него это самое… чем часто страдают люди такого склада, как мистер Сипперли… вертится на языке…

— Комплекс неполноценности, сэр?

— Вот-вот. Комплекс неполноценности. У меня у самого он тоже разыгрывается, когда я общаюсь с тетушкой Агатой. Вы меня знаете, Дживс. Знаете, что, если потребуются добровольцы, чтобы укомплектовать спасательную шлюпку, я первый туда брошусь. Скажи мне: «Берти, не спускайся в угольную шахту» — я и ухом не поведу…

— Вне всяких сомнений, сэр.

— Однако, Дживс, я хочу, чтобы вы очень внимательно следили за ходом моей мысли. Когда я узнаю, что тетя Агата вырыла топор войны и идет

на меня, я убегаю как заяц. Почему? А потому, что она будит во мне комплекс неполноценности. То же самое происходит и с мистером Сипперли. Если надо, он, не дрогнув, примет на себя смертоносный удар, но он не в состоянии сделать мисс Мун предложение, он не может дать кулаком под дых мистеру Уотербери и послать его подальше вместе с его опусами — ему мешает комплекс неполноценности. Итак, Дживс, что вы на это скажете?

— Боюсь, я не сумею экспромтом предложить надежный план действий, сэр.

— Нужно подумать?

— Да, сэр.

— Думайте, Дживс, думайте. Утро вечера мудренее. Как там у Шекспира сказано о сне?

— «Целитель сладостный природы утомленной», сэр.

— Вот-вот. Именно то, что вам нужно.

Нет ничего лучше, знаете ли, как отложить решение трудной задачи до утра. Едва пробудившись, я обнаружил, что, пока спал, у меня в голове воцарился полный порядок и сам собой созрел план, который не посрамил бы самого Фоша[37].

---

[37] Примечания: 37

Фош Фердинанд (1851–1929) — французский маршал. — *Прим. пер.*

Я позвонил, чтобы Дживс принес мне чаю. Еще раз позвонил, но прошло не меньше пяти минут, прежде чем он вплыл в спальню с подносом.

— Прошу прощения, сэр, — сказал он в ответ на мой упрек. — Я не слышал звонка. Я был в гостиной, сэр.

— Да? — сказал я, отхлебывая глоток чаю. — Наводили порядок?

— Я стирал пыль с новой вазы, сэр.

У меня на душе потеплело. К кому я привязан всем сердцем, так это к этому доброму малому, у которого всегда достает смирения признать свои ошибки. Разумеется, никаких патетических слов не сорвется с его губ, но мы, Вустеры, умеем читать между строк, и я понял, что ваза начинает ему нравиться.

— Как она смотрится?

— Да, сэр.

Немного загадочный ответ, но я не стал углубляться.

— Дживс, — сказал я.

— Сэр?

— Я о том деле, которое мы вчера обсуждали.

— О деле, касающемся мистера Сипперли, сэр?

— Именно. Можете больше о нем не тревожиться. Приостановите работу интеллекта. Ваша

помощь в этом деле не потребуется. Я нашел решение. Меня как будто озарило.

— В самом деле, сэр?

— Именно озарило. В делах такого рода, Дживс, всегда следует начинать с изучения… э-э… что я хотел сказать?

— Затрудняюсь ответить, сэр.

— Это самое… э-э… такое в общем-то банальное слово, хоть и латинское, на языке вертится…

— Может быть, с изучения психологии личности, сэр?

— Вот именно. Психология — это ведь имя существительное, да?

— Да, сэр.

— А звучит как имя собственное. Итак. Дживс, вникнем в психологию старины Сиппи. Мистер Сипперли находится в положении человека, у которого пелена еще не спала с глаз. Передо мной стояла задача разработать некий план, чтобы заставить эту пелену пасть. Вы меня понимаете?

— Не совсем, сэр.

— Послушайте, я вот о чем. В настоящее время этот бывший директор Уотербери совершенно подавляет мистера Сипперли тем, что держится с необыкновенным достоинством, надеюсь, вы представляете. Но теперь мистер Сипперли уже

не тот мальчик, каким он был несколько лет назад. Теперь он каждый день бреется, в редакции он важная птица, но он не может забыть, как когда-то Уотербери влепил ему по мягкому месту шесть смачных ударов. И вот результат — комплекс неполноценности. Единственный способ избавиться от этого комплекса — устроить так, чтобы мистер Сипперли увидел Уотербери в самом унизительном положении. Тогда пелена спадет у него с глаз. Вы должны это понять, Дживс. Возьмем, например, вас. У вас есть, конечно, друзья и родственники, которые с восхищением на вас смотрят и испытывают к вам большое уважение. Но допустим, в один прекрасный вечер они видят, как вы, скажем, на Пиккадилли в состоянии сильного подпития отплясываете чарльстон в нижнем белье.

— Вероятность подобного развития событий ничтожно мала, сэр.

— Не важно, допустим, нечто подобное произошло. Тогда пелена спадет с их глаз, так ведь?

— Возможно, сэр.

— Возьмем другой случай. Помните, как примерно год назад тетушка Агата обвинила горничную французского отеля в краже жемчуга, а потом обнаружила его у себя в комоде?

— Да, сэр.

— Помните, как глупо она выглядела? Вы не можете этого отрицать.

— Разумеется, сэр, я привык видеть миссис Спенсер Грегсон в более выгодном свете, чем в тот момент.

— Именно. Следите за ходом моей мысли, как хищник за своей жертвой. Я видел тетю Агату в минуту ее падения, видел, как она побагровела, когда усатый хозяин отеля отчитывал ее на мелодичном французском языке, а ей возразить было нечего, она только и могла что глазами хлопать. Тут я почувствовал, что у меня пелена спала с глаз. Впервые в жизни, Дживс, благоговейный страх, который эта женщина с детства мне внушала, бесследно исчез. Правда, потом он вернулся. Но в тот момент я увидел тетю Агату такой, какая она есть на самом деле. Я-то всегда считал, что она людоедка и при одном упоминании ее имени самый храбрый мужчина начинает дрожать как осиновый лист, а тут вижу глупую гусыню, которая допустила ужасную бестактность. Тогда, Дживс, я мог бы ей высказать все, что о ней думаю. И только рыцарское отношение к дамскому полу удержало меня от этого шага. Я ведь не погрешил против истины?

— Нет, сэр.

— Ну так вот, мое твердое убеждение — пелена спадет с глаз мистера Сипперли, если он увидит, как этот Уотербери притащится в редакцию, обсыпанный с головы до ног мукой.

— Мукой, сэр?

— Мукой, Дживс.

— Но почему он должен следовать столь необычной манере поведения, сэр?

— А у него не будет выбора. Сверху над дверью я поставлю пакет с мукой, дальнейшее произойдет под действием закона тяготения. Я собираюсь устроить этому Уотербери ловушку.

— Право, сэр, я не могу поддержать…

Я поднял руку:

— Помолчите, Дживс. Это еще не все. Вы помните, что мистер Сипперли влюблен в мисс Гвендолен Мун, но робеет признаться. Спорю, вы об этом забыли.

— Нет, сэр.

— Прекрасно. Так вот, я уверен: как только мистер Сипперли избавится от благоговейного трепета перед Уотербери, он так взбодрится духом, что ему будет море по колено. Он со всех ног помчится прямо к мисс Мун и бросит свое сердце к ее ногам.

— Да, сэр, но…

— Дживс, — сказал я строго, — стоит мне предложить план, или схему, или программу действий, вы тотчас же произносите противным голосом: «Да, сэр, но…» Мне это не нравится, и вам следует избавиться от этой привычки. План, или схема, или программа действий, которую я начертал, не имеет изъянов. А если они есть, буду рад услышать, какие именно.

— Да, сэр, но…

— Дживс!

— Прошу прощения, сэр. Я только хотел заметить, что, как мне представляется, вы подходите к решению проблем мистера Сипперли не в том порядке.

— Как это «не в том порядке»?

— Видите ли, мне кажется, сэр, нужный результат скорее может быть достигнут, если вначале побудить мистера Сипперли сделать предложение мисс Мун. В случае, если молодая леди ответит согласием, мистер Сипперли, думаю, придет в такое приподнятое состояние, что ему не составит труда отстоять свои права в отношениях с мистером Уотербери.

— А, вот вы и загнали себя в угол! Каким образом вам удастся побудить мистера Сипперли

объясниться с мисс Мун?

— Мне пришло в голову, сэр, что, поскольку мисс Мун поэтесса, натура романтическая, вероятно, на нее произведет впечатление известие о том, что мистер Сипперли получил тяжелую травму и в беспамятстве все время повторяет ее имя.

— Срывающимся голосом?

— Именно, сэр, как вы тонко заметили — срывающимся голосом.

Я сел в постели и с укоризненным видом помахал перед Дживсом чайной ложечкой.

— Дживс, — сказал я, — я последний, кто обвинил бы вас в том, что вы изменили себе, но все это на вас так не похоже. Дживс, вы потеряли форму. Вы утратили прежнюю хватку. Возможно, пройдут годы, прежде чем мистера Сипперли угораздит получить тяжелую травму.

— Это обстоятельство следует принять во внимание, сэр.

— Не верю своим ушам! И это вы, Дживс, вы предлагаете смиренно приостановить всякую деятельность, может быть на годы, в расчете на то, что когда-нибудь мистер Сипперли попадет под грузовик? Нет! Мы будем следовать той программе, которую наметил я. Прошу вас сразу после

завтрака пойти и купить полтора фунта муки самого лучшего качества. Остальное я беру на себя.

— Слушаюсь, сэр.

Каждый полководец знает, что, приступая к боевым действиям, прежде всего следует детально изучить топографию местности, где будут разворачиваться события. Что ожидает вас в противном случае? Вспомните Наполеона, вспомните дорогу на Ватерлоо. Какая ослиная тупость!

Топографию Сиппиной редакции я знал назубок. Однако ее план рисовать не буду, ибо опыт мне подсказывает, что, как только вы доходите до того места в детективном романе, где автор приводит план поместья с комнатой, в которой найден труп, с лестницами, ведущими в коридор, и со всякими прочими подробностями, вы эту страницу пропускаете. Лучше я все объясню в нескольких словах.

Редакция «Мейферского бюллетеня» находилась на втором этаже старого замшелого здания неподалеку от Ковент-Гарден. Если войти в парадную дверь, прямо перед вами окажется коридор, ведущий в помещение компании «Братья Беллами», торгующей семенами, овощами и фруктами. Идите мимо «Братьев Беллами», поднимитесь по лестнице — и перед вами окажутся две двери.

Одна из них, с табличкой «Посторонним вход воспрещен», ведет в святая святых, где обитает Сиппи. Другая, с табличкой «Справочная», открывается в комнатенку, где сидит мальчишка-рассыльный и, посасывая мятные лепешки, читает о приключениях Тарзана. В этой комнатке есть еще одна дверь, ведущая в кабинет Сиппи. Все предельно просто.

Именно над дверью с табличкой «Справочная» я предполагал пристроить пакет с мукой.

Заметьте, устройство ловушки для такой уважаемой персоны, как директор школы (пусть даже не столь престижной, как ваша), — дело, к которому ни в коем случае не следует подходить легкомысленно, напротив, оно требует самой тщательной подготовки. Никогда еще я не уделял столько внимания выбору блюд за обедом, как в тот день. Роскошной трапезе предшествовали два сухих мартини, в заключение заказано полбутылки прекрасного легкого шампанского, за ним последовала рюмка коньяку. Теперь подайте мне хоть самого епископа, я в два счета устрою ему ловушку.

Отделаться от мальчишки-рассыльного — вот единственная трудность в разработанном мною плане. Естественно: кому нужен свидетель, когда

вы устанавливаете над дверью пакет с мукой? К счастью, к любому человеку можно найти подход, и я, наврав мальчишке, что кто-то из его родных заболел, отправил его домой, в Криклвуд. А сам влез на стул и принялся за дело.

Хоть я много лет не брался за такую работу, но, как выяснилось, прежней сноровки не утратил. Уравновесив пакет с мукой так, что легкое прикосновение к двери приводило в действие всю систему, я спрыгнул со стула, прошмыгнул через кабинет Сиппи и вышел на улицу. Сиппи пока еще не появился, что было мне на руку, но, насколько я знал, обычно без пяти три он уже на месте. Я расхаживал по улице около здания редакции; вскоре из-за угла показался Уотербери. Он вошел в парадную дверь, а я отправился на прогулку. В мои планы не входило быть поблизости от того места, где вскоре начнут развиваться события.

По моим расчетам, с поправкой на погоду, ветер и прочее, пелена должна была спасть с глаз Сиппи примерно в четверть четвертого по Гринвичу. Итак, побродив минут двадцать по Ковент-Гарден среди прилавков с картошкой и капустой, я вернулся к дому, поднялся наверх и вошел в дверь с табличкой «Посторонним вход воспрещен»,

ожидая увидеть старину Сиппи. Представляете себе мое изумление и разочарование? За столом Сиппи сидел Уотербери и читал газету с таким видом, будто это был его личный кабинет.

Более того, на нем не было и намека на муку.

— Вот черт! — сказал я.

Да, это был мой Ватерлоо. Но пропади все пропадом, мог ли я ожидать, что этот нахал, хоть он и директор школы, не моргнув глазом ввалится прямо в личный кабинет Сиппи, вместо того чтобы, как принято у порядочных людей, войти через дверь, предназначенную для посетителей?

Он нацелил на меня свой нос:

— Да?

— Я зашел к старине Сиппи.

— Мистер Сипперли еще не прибыл.

Он говорил раздраженно, как человек, который не привык ждать.

— Как жизнь? — спросил я, желая разрядить обстановку.

Он снова уткнулся в газету. Потом вопросительно взглянул на меня, будто давая понять, что я здесь лишний:

— Извините?

— Нет-нет, ничего.

— Вы что-то сказали?

— Только спросил «Как жизнь?», знаете ли.

— При чем тут жизнь?

— Так, вообще.

— Я вас не понимаю.

— Не берите в голову, — сказал я.

Какой тяжелый труд поддерживать светский разговор с этим типом, подумал я. На редкость необщительный субъект.

— Хорошая погода, — сказал я.

— Хорошая.

— Но говорят, посевам необходим дождь.

Он снова уткнулся в газету и был ужасно недоволен, что приходится отвлекаться на разговор со мной.

— Кому?

— Посевам.

— Посевам?

— Посевам.

— Каким посевам?

— Ну, просто посевам.

Он отложил газету:

— Кажется, вы желаете сообщить мне какие-то сведения о посевах. Я вас слушаю.

— Говорят, им необходим дождь.

— В самом деле?

На этом наша беседа закончилась. Он снова

погрузился в чтение, а я сел и принялся сосать набалдашник трости. Время тянулось медленно.

Может, часа через два, а может, через пять минут в коридоре послышались странные звуки, будто там воет собака. Уотербери встрепенулся. Я тоже встрепенулся.

Вой приближался. Дверь распахнулась, и в кабинет ввалился Сиппи. Он пел:

— «Я вас люблю, вот все, что я могу сказать. Я вас люблю, лю-ю-ю-блю ва-а-ас…»

Наконец он смолк. По-моему, давно бы пора.

— А, привет! — сказал он.

Я был поражен. Когда я в последний раз видел старину Сиппи, он выглядел, если вы помните, просто ужасно. Лицо осунувшееся, измученное. Под глазами круги. Все признаки крайнего истощения. А сейчас, спустя каких-нибудь двадцать четыре часа, он весь сиял. Глаза сверкали. На губах счастливая улыбка. Как будто он каждое утро перед завтраком пропускает рюмочку горячительного.

— Привет, Берти! — сказал он. — Привет, Уотербери, старина! Простите, что опоздал.

По-моему, Уотербери остался крайне недоволен такой непринужденной формой обращения. Он напустил на себя неприступный вид:

— Вы сильно опоздали. Позвольте заметить, что я прождал вас более получаса, а мое время ценится дорого.

— Простите, простите, простите, — радостно пропел Сиппи. — Вы пришли поговорить насчет статьи о драматургах Елизаветинской эпохи, которую вы мне вчера оставили, верно? Ну, так я ее прочел, и мне очень жаль, Уотербери, старина, но она Н.Г.

— Простите, не понял.

— Не годится для нас. Совершенно неподходящий материал. Наша газета призвана развлекать светскую публику. Во что будет одета дебютантка в Гудвуде — вот что нас интересует. Или что-нибудь вроде: «Вчера в парке видели леди Бетти Бутл, вы, конечно, знаете, она золовка герцогини Пибл, или Куку — для близких друзей…» — и подобный вздор. Наши читатели не желают знать о драматургах Елизаветинской эпохи.

— Сипперли!..

Старина Сиппи протянул руку и отечески похлопал Уотербери по спине.

— Послушайте, Уотербери, — добродушно сказал он. — Поверьте, мне неприятно отказывать старинному приятелю. Но я должен выполнять свой долг перед читателями. Однако не уны-

вайте. Старайтесь, и вы добьетесь успеха. Вы подаете надежды, но вам следует хорошенько изучить рынок спроса. Оглядитесь внимательно, поймите, что нужно издателям. Вот, например, такое предложение: почему бы вам не взяться за живую и веселую статейку о комнатных собачках? Вы, вероятно, знаете, что мопсы теперь не в моде, их вытеснили пекинесы, грифоны[38] и маленькие белые терьеры. Поработайте в этом направлении и…

Уотербери двинулся к двери.

— У меня нет никакого желания работать в этом направлении, — злобно произнес он. — Если вас не устраивает мое исследование о драматургах Елизаветинской поры, я, без сомнения, найду другого издателя, которого моя работа заинтересует.

— Уотербери, вы стоите на правильном пути! — от души обрадовался Сиппи. — Никогда не сдавайтесь. Упорство и труд все перетрут. Если у вас приняли одну статью, тут же посылайте этому издателю следующую. Если вам откажут, несите свой труд другому издателю. Так держать, Уотербери! Буду следить за вашими успехами с большим интересом.

---

[38] Примечания: 38

Грифоны — длинношерстные легавые собаки. — *Прим. пер.*

— Благодарю, — язвительно сказал Уотербери. — Совет профессионала для меня просто неоценим.

Он вылетел, изо всех сил хлопнув дверью. А я посмотрел на Сиппи, который кружил по комнате как откормленный бекас.

— Сиппи…

— А? Что? Не могу остановиться, Берти. Забежал рассказать тебе новости. Я пригласил Гвендолен на чай в «Карлтон». Я счастливейший человек на свете. Помолвлен. Обручен. Все прошло как по маслу. Свадьба первого июня, ровно в одиннадцать в соборе Святого Петра, на Итон-сквер. Подарки можно посылать до конца мая.

— Но, Сиппи! Угомонись на минуту. Что произошло? Я думал…

— Ах, это длинная история. Долго рассказывать. Лучше спроси у Дживса. Он пришел со мной и ждет на улице. Когда я увидел, как она, рыдая, склонилась надо мной, я понял, что пришло время сказать ей все. Я взял ее ручку в свои ладони и…

— В каком это смысле склонилась над тобой? Где?

— У тебя в гостиной.

— Почему?

— Что «почему»?

— Почему она склонилась над тобой в моей гостиной?

— Осел! Потому что я лежал на полу. По-моему, вполне естественно, что девушка должна склониться, если мужчина лежит на полу. Прощай, Берти, я должен бежать.

Он вылетел из комнаты, я и опомниться не успел. Я стремглав бросился за ним, но он уже скатился с лестницы. Когда я выскочил на улицу, там уже никого не было.

Впрочем, нельзя сказать «никого». На тротуаре стоял Дживс и задумчиво поглядывал на разложенную на прилавке брюссельскую капусту.

— Мистер Сипперли только что ушел, сэр, — сказал он.

Я остановился и вытер пот со лба.

— Дживс, — сказал я, — что происходит?

— Что касается романа мистера Сипперли, сэр, то счастлив сообщить: все в полном порядке. Они с мисс Мун пришли к полному согласию.

— Знаю. Они обручились. Но как это произошло?

— Я взял на себя смелость телефонировать от вашего имени мистеру Сипперли и попросил его немедленно прийти к вам, сэр.

— Так вот как он оказался у меня в квартире! А потом?

— Потом я взял на себя смелость телефонировать мисс Мун и сообщил ей, что с мистером Сипперли произошел несчастный случай. Как я и предвидел, молодая леди чрезвычайно разволновалась и выразила желание немедленно навестить мистера Сипперли. Когда она приехала, потребовалось всего несколько минут, чтобы уладить дело. Выяснилось, что мисс Мун давно любит мистера Сипперли, сэр, и…

— Мне казалось, когда мисс Мун приехала и обнаружила, что с мистером Сипперли не произошло несчастного случая, она должна была рассердиться, что ее обманули.

— Но несчастный случай с мистером Сипперли произошел, сэр.

— Произошел?

— Да, сэр.

— Странное совпадение. В свете того, о чем вы говорили сегодня утром.

— Не совсем совпадение, сэр. Прежде чем телефонировать мисс Мун, я снова взял на себя смелость и нанес мистеру Сипперли сильный удар по голове, воспользовавшись для этой цели одной из ваших клюшек для гольфа, которая

случайно стояла в углу. По-моему, это оказалась короткая клюшка. Вы, конечно, помните, что сегодня утром перед уходом вы отрабатывали удар.

Я, разинув рот, глядел на злодея. Дживс умен и проницателен сверх всякой меры, это я знал всегда. Он невероятно эрудирован во всем, что касается галстуков, краг и прочего. Но я не мог даже представить, что он способен пустить в ход грубую физическую силу. Теперь мой дворецкий открылся мне совсем с другой стороны. По-моему, в эту минуту с моих глаз тоже спала пелена.

— Боже правый, Дживс!

— Мне было чрезвычайно трудно решиться на это, сэр. Иного выхода, как мне представляется, не было.

— Но послушайте, Дживс. Не могу понять одного: почему мистер Сипперли не пришел в ярость, когда понял, что вы огрели его клюшкой?

— Он этого не понял, сэр. Я принял меры предосторожности — дождался, когда он повернется ко мне спиной.

— А как вы ему объяснили, откуда у него на голове шишка?

— Я объяснил мистеру Сипперли, что ему на голову упала ваша новая ваза, сэр.

— Но как он мог этому поверить? Ведь ваза разбилась бы.

— Она разбилась, сэр.

— Что?!

— Чтобы достичь эффекта правдоподобия, мне пришлось, вопреки моему желанию, ее разбить, сэр. К моему большому сожалению, сэр, должен вам сообщить, что, находясь в сильном волнении, я ее разбил на мелкие кусочки, поэтому она не подлежит восстановлению.

Я выпрямился во весь рост.

— Дживс! — сказал я.

— Прошу прощения, сэр, но не находите ли вы, что было бы гораздо благоразумнее надеть шляпу? Ветер довольно холодный.

Я поморгал:

— Разве я не в шляпе?

— Нет, сэр.

Я потрогал свою черепушку. Дживс оказался прав.

— И правда нет! Должно быть, я забыл ее в редакции. Подождите меня здесь, Дживс. Я за ней схожу.

— Хорошо, сэр.

— Мне надо много чего вам сказать.

— Благодарю вас, сэр.

Я взбежал по лестнице, толкнул дверь, и что-то мягко плюхнулось мне на голову. В следующую минуту все вокруг стало белым от муки. В волнении я вбежал не в ту дверь. Так что если кто-нибудь еще из моих друзей обзаведется комплексом неполноценности, пусть избавляется от него сам. С меня довольно.

Глава 3
Дживс и святочные розыгрыши

Письмо пришло шестнадцатого утром. Я как раз заправлялся завтраком и, чувствуя, что изрядно подкрепил себя кофе и копченой рыбой, решил, не откладывая в долгий ящик, выложить новости Дживсу. Как сказано у Шекспира, если собрался что-то сделать, то не медли. Дживс, разумеется, будет разочарован и даже раздосадован, но, черт побери, толика разочарования время от времени идет человеку на пользу. Дает почувствовать, что жизнь штука серьезная, даже суровая.

— Дживс!

— Сэр?

— Тут вот пришло письмо от леди Уикем. Приглашает на Святки в Скелдингс. Упакуйте, пожалуйста, все, что нужно. Мы отправляемся туда двадцать третьего. Побольше белых галстуков, Дживс, а также несколько добротных повседневных костюмов. Мы там пробудем достаточно долго.

В ответ последовало молчание. Я чувствовал направленный на меня укоризненный взгляд,

но сделал вид, что ничего не замечаю и целиком поглощен намазыванием на тост мармелада.

— Насколько я понял, сэр, вы предполагали сразу после Рождества посетить Монте-Карло.

— Знаю. Но Монте-Карло отменяется. Планы изменились.

— Очень хорошо, сэр.

Зазвонил телефон, очень кстати прервав назревающее щекотливое объяснение. Дживс поднял трубку:

— Да?.. Да, мадам... Очень хорошо, мадам. Мистер Вустер дома. — Он протянул трубку мне: — Миссис Спенсер Грегсон, сэр.

Знаете, время от времени не могу отделаться от чувства, что Дживс теряет былую хватку. Прежде, бывало, он глазом не моргнув отвечал тетушке Агате, что меня нет дома. С упреком посмотрев на своего камердинера, я взял трубку.

— Алло? — сказал я. — Да? Алло? Алло? Берти у телефона. Алло?

— Хватит твердить «Алло», — приказала старушенция в своей обычной сварливой манере. — Ты же не попугай. А жаль, у попугаев есть хоть сколько-то разума.

По-моему, тетушка взяла совсем не тот тон, которым надлежит беседовать по утрам с молодым

человеком, — но что с ней поделаешь?

— Берти, леди Уикем сказала, что она тебя пригласила на Рождество в Скелдингс. Ты поедешь?

— Еще бы!

— Ладно, но помни, что надо вести себя прилично. Леди Уикем моя старинная приятельница.

Я был не в настроении обсуждать подобные темы по телефону. С глазу на глаз еще куда ни шло, но по телефону — нет.

— Естественно, я приложу все усилия, тетя Агата, — холодно сказал я, — к тому, чтобы вести себя в манере, приличествующей английскому джентльмену, который наносит визит…

— Что ты сказал? Повтори. Я не слышу.

— Я сказал «хорошо».

— Да? Ну смотри. Есть еще одна причина, почему мне особенно не хочется, чтобы ты выглядел в Скелдингсе полным идиотом. Там будет гостить сэр Родерик Глоссоп.

— Что?!

— Почему ты так орешь? Совсем меня оглушил.

— Вы сказали «сэр Родерик Глоссоп»?

— Да.

— Может, вы хотели сказать «Таппи Глоссоп»?

— Я хотела сказать «сэр Родерик Глоссоп» и по-

этому сказала. А теперь, Берти, слушай меня внимательно. Слушаешь?

— Да, слушаю.

— Вот и слушай. Мне наконец удалось с неимоверными трудностями и вопреки очевидному почти убедить сэра Родерика, что ты не помешанный. Он готов воздержаться от вынесения тебе окончательного приговора, пока еще раз с тобой не повидается. Поэтому в Скелдингсе веди себя…

Тут я повесил трубку. Я был потрясен. Потрясен до глубины души.

Остановите меня, если я уже об этом рассказывал, но на тот случай, если вы не в курсе, позвольте мне только упомянуть несколько фактов, касающихся этого самого Глоссопа. Это был старик с устрашающей внешностью — лысый, с неправдоподобно густыми бровями, по профессии врач-психиатр. По сей день не знаю, как это случилось, но когда-то я обручился с его дочерью Гонорией, жутко энергичной особой, которая читала Ницше, а раскаты ее хохота наводили на мысль о волнах, бьющих в суровые скалистые берега. Помолвка расстроилась по причине событий, убедивших старика Глоссопа, что я не в своем уме, и с тех пор мое имя возглавляет у него список сумасшедших, с которыми ему приходи-

лось обедать.

На мой взгляд, присутствие такого типа, как сэр Родерик Глоссоп, способно омрачить даже рождественские дни, когда на всей земле воцаряется мир и в человеках благоволение[39]. Если бы не особые причины, побуждающие меня стремиться в Скелдингс, я бы отклонил приглашение леди Уикем.

— Дживс, — сказал я в волнении, — знаете что? Сэр Родерик Глоссоп тоже собирается в гости к леди Уикем.

— Очень хорошо, сэр. Если вы закончили завтрак, позвольте унести поднос.

Холодный, надменный тон. Ни сочувствия, ни духа сплочения и единения, столь радующего душу. Как я и предвидел, известие о том, что мы не едем в Монте-Карло, нанесло Дживсу удар в самое сердце. Дело в том, что он питает сильную склонность к азартным играм и, конечно же, заранее предвкушал минуты приятного волнения за карточным столом.

Мы, Вустеры, умеем носить маску, и я сделал вид, что не замечаю его нелюбезности.

— Уносите, Дживс, — с достоинством сказал

---

[39] Примечания: 39

…и в человеках благоволение… — несколько искаженная цитата из Библии, Лк.: 2,14. — *Прим. пер.*

я, — и как можно скорее.

Натянутые отношения продолжались до конца недели. Чай по утрам обидчивый слуга подавал с холодно-отчужденной миной. Когда же двадцать третьего мы ехали в автомобиле в Скелдингс, вид у него был замкнутый и равнодушный. А посмотрели бы вы, как он вдевал запонки мне в рубашку перед ужином в первый день визита! Я ужасно страдал и, лежа в постели утром двадцать четвертого, решил наконец выложить Дживсу все начистоту в надежде, что он меня поймет, недаром же он от природы наделен здравым смыслом.

В то утро я чувствовал себя превосходно, мне все удавалось. Правда, с хозяйкой дома, леди Уикем, носатой дамой, созданной по образу и подобию тетушки Агаты, мне было немного не по себе, но приняла она меня вполне радушно. Ее дочь Роберта отнеслась ко мне с такой сердечностью, что, не скрою, струны моего сердца затрепетали. И даже сэр Родерик во время нашей короткой встречи, казалось, был весь пропитан святочной благостью. Когда он меня увидел, рот у него перекосило на сторону, что я воспринял как улыбку. «Ха, молодой человек!» — сказал сэр Родерик. Сказал не слишком дружелюбно, но

все-таки сказал, и в моем представлении это было равнозначно тому, что лев возлег подле агнца.

Итак, пока все шло без сучка без задоринки; и я решил посвятить Дживса в свои дела.

— Дживс, — сказал я, когда он явился с дымящимся подносом в руках.

— Сэр?

— Речь идет о нашем здесь пребывании. Я хотел бы вам кое-что объяснить. Считаю, что вы имеете на это право.

— Сэр?

— Боюсь, Дживс, отказавшись поехать в Монте-Карло, я вас огорчил.

— Ничуть, сэр.

— Да бросьте, Дживс! Знаю, вы настроились на зимовку в этом старом добром рассаднике зла. Видел, как заблестели у вас глаза, когда я сказал, что мы туда едем. Вы чуть-чуть потянули носом, и пальцы у вас дрогнули. Видел, видел. А теперь, когда планы изменились, вы надели на себя броню.

— Ничуть, сэр.

— Бросьте, Дживс. Я же вижу. Ну так вот, хочу, чтобы вы поняли, что изменить планы меня побудил не пустой каприз. Не по легкомыслию и минутной прихоти я принял предложение леди

Уикем. Я не одну неделю обдумывал этот шаг, принимая во внимание много разных соображений. Во-первых, можно ли в таком месте, как Монте-Карло, проникнуться святочным духом?

— Прошу прощения, сэр, вы непременно желаете проникнуться святочным духом?

— Желаю. От всей души. Это во-первых, затем — во-вторых. Я просто обязан был приехать на Рождество в Скелдингс, так как знал, что здесь будет Таппи Глоссоп.

— Сэр Родерик Глоссоп, сэр?

— Нет, его племянник. Вы, вероятно, заметили, что по дому слоняется малый со светлыми волосами и улыбкой Чеширского кота. Это и есть Таппи, а я с некоторых пор хочу задать ему хорошую трепку, у меня на него зуб. Дживс, выслушайте все и скажите, прав ли я, вынашивая мысль об ужасной мести. — Я глотнул чаю, чтобы немного успокоиться, так как, вспомнив свои злоключения, я изрядно разволновался. — Хоть Таппи и приходится племянником сэру Родерику Глоссопу, от рук которого, как вам известно, я здорово пострадал, мы с Таппи, как добрые друзья, веселились и в «Трутнях», и в других местах. Парень не виноват, что у него такие родственники, говорил я себе. Мне бы, например, очень

не хотелось, чтобы мои приятели ставили мне в вину тетушку Агату. По-моему, с моей стороны это было великодушно. Правда?

— Вне всяких сомнений, сэр.

— Ну так вот, я пригрел этого самого Таппи, водил с ним дружбу — и, как вы думаете, что он сделал?

— Не могу сказать, сэр.

— Сейчас расскажу. Однажды вечером после ужина в «Трутнях» он предложил мне пари, что я не смогу перебраться через плавательный бассейн на руках, держась за кольца, подвешенные на веревках к потолку. Я принял вызов; легко и быстро перебирая руками, я достиг последнего кольца и вдруг обнаружил, что этот изверг привязал веревку к поручню, так что я повис в пустоте, вдали от родных берегов и любимых лиц. Мне ничего не оставалось, как прыгнуть в воду. Этот злодей признался, что часто проделывает с приятелями эту шутку. Клянусь, я буду не я, если не отыграюсь на нем, тем более что здесь, в поместье, представляется масса возможностей. Вам ясно, Дживс?

— Вне всяких сомнений, сэр.

Однако я не находил в нем прежнего сочувствия и понимания, его манера ясно об этом

свидетельствовала. Тогда я решился выложить на стол все карты, как ни деликатен был предмет предстоящего разговора.

— А теперь, Дживс, мы подошли к самой главной причине, побудившей меня приехать в Скелдингс. Дживс, — сказал я, уткнувшись в чашку и чувствуя, что лицо у меня заливается краской, — дело в том, что я влюбился.

— Вот как, сэр?

— Вы видели мисс Роберту Уикем?

— Да, сэр.

— Ну так вот. — Я помолчал, давая ему время вникнуть в суть. — Дживс, находясь здесь, вы, без сомнения, будете общаться с горничной мисс Уикем. Не упускайте случая наплести ей с три короба и берите быка за рога.

— Сэр?

— Вы знаете, о чем я говорю. Распишите ей, какой я славный малый. Глубокая, мол, натура. Стоит только начать. Расскажите, какое доброе у меня сердце, не забудьте упомянуть, что в нынешнем году у нас в «Трутнях» я занял второе место в соревнованиях по сквошу[40]. Реклама никогда не повредит.

---

[40] Примечания: 40

Сквош — род упрощенного тенниса. — *Прим. пер.*

— Очень хорошо, сэр. Но…

— Что «но»?

— Видите ли, сэр…

— Перестаньте повторять «Видите ли, сэр…» таким нудным тоном. Я ведь вас просил. Вам все труднее отделаться от этой привычки. Следите за собой. Что вы хотели сказать?

— Вряд ли я могу взять на себя смелость…

— Давайте, Дживс. Мы всегда рады вас выслушать, говорите.

— Прошу прощения, сэр, но я хотел бы заметить, что, как мне кажется, мисс Уикем вряд ли подходит…

— Дживс, — холодно прервал его я, — если вы собираетесь сказать что-то нелестное об этой леди, то в моем присутствии лучше этого не делать.

— Очень хорошо, сэр.

— В присутствии других тоже. И вообще, чем вам не угодила мисс Уикем?

— Право же, сэр, увольте.

— Дживс, я настаиваю. Говорите начистоту. Вы что-то имеете против мисс Уикем? Я хочу знать, что именно.

— Мне просто пришло в голову, сэр, что для джентльмена вашего склада мисс Уикем не со-

всем подходящая партия.

— Что значит моего склада?

— Видите ли, сэр…

— Дживс!

— Прошу прощения, сэр. Это выражение вырвалось у меня нечаянно. Я хотел только заметить, что мог бы с уверенностью утверждать…

— Что-что?

— Я хочу сказать, сэр, что поскольку вы пожелали узнать мое мнение…

— Я не пожелал.

— Мне показалось, сэр, вас интересует моя точка зрения на этот счет.

— Да? Ну что ж, выкладывайте.

— Хорошо, сэр. Если позволите, сэр, то очень коротко. Конечно, мисс Уикем очаровательная молодая леди…

— Вот, Дживс, вы на правильном пути. Какие глаза!

— Да, сэр.

— А волосы!

— Совершенно справедливо, сэр.

— А как espiegle[41], если я ничего не путаю.

— Вы абсолютно правильно употребили это

---

[41] Примечания: 41
Шаловлива *(фр.)*.

прилагательное, сэр.

— Ну хорошо. Продолжайте.

— Я допускаю, что мисс Уикем обладает всеми перечисленными достоинствами, сэр. Тем не менее с матримониальной точки зрения данная юная леди совсем не подходит джентльмену вашего склада. Как мне представляется, мисс Уикем недостает серьезности, сэр. Она слишком непостоянна, слишком легкомысленна. Джентльмен, претендующий на право стать мужем мисс Уикем, должен быть властной натурой и иметь твердый характер.

— Это уж несомненно!

— Я бы никогда не взял на себя ответственность рекомендовать в спутницы жизни юную леди с ярко-рыжими волосами. На мой взгляд, сэр, рыжие волосы таят в себе большую опасность.

Я посмотрел нахалу прямо в глаза.

— Дживс, — сказал я, — вы несете вздор.

— Да, сэр.

— Совершенную чушь.

— Да, сэр.

— Чистой воды ахинею.

— Да, сэр.

— Да, сэр, то есть да, Дживс. Вы свободны, — проговорил я и с надменным видом пригубил чай.

Признаться, нечасто мне удается убедить Дживса, что он ошибается, но на этот раз уже к ужину у меня были все основания доказать упрямцу, как он не прав, и я не стал медлить.

— Кстати, о нашем разговоре, — сказал я, выйдя из ванной и обращаясь к Дживсу, который придирчиво разглядывал мою рубашку, — буду рад, если вы уделите мне минуту вашего драгоценного внимания. Предупреждаю, когда я вам все изложу, вы почувствуете себя глупцом.

— В самом деле, сэр?

— Да, Дживс, последним глупцом. Надеюсь, это вас заставит в будущем более осторожно высказываться в отношении людей. Если я не ошибаюсь, утром вы заявляли, что мисс Уикем легкомысленна, непостоянна и что ей не хватает серьезности. Я прав?

— Совершенно правы, сэр.

— Ну так вот, сейчас вы в корне измените свое мнение, я уверен. Сегодня после обеда мы с мисс Уикем ходили гулять, и я ей рассказал, какую штуку выкинул со мной Таппи Глоссоп в плавательном бассейне в «Трутнях». Так вот, Дживс, она ловила каждое мое слово и преисполнилась сочувствия ко мне.

— Неужели, сэр?

— Да, сочувствие ее так и распирало. И это еще не все. Не успел я закончить рассказ, как она предложила такой умный, пикантный и до тонкостей продуманный способ мести, что вам и не снилось. Уверен, старина Таппи по гроб жизни меня не забудет.

— Весьма отрадно, сэр.

— Вот именно, отрадно. Оказывается, в школе, где училась мисс Уикем, девицы время от времени откалывали этот номер с какой-нибудь паршивой овцой. Знаете, Дживс, что они проделывали?

— Нет, сэр.

— Брали длинную палку — теперь слушайте очень внимательно — и привязывали к ее концу огромную штопальную иглу. Затем в глухую полночь тихо прокрадывались в спальню жертвы, подсовывали палку под одеяло и протыкали иглой грелку. Девицы в таких делах гораздо изощреннее мальчиков. Мы в школе, бывало, в бессонные ночные часы выливали кувшин воды на какого-нибудь бедолагу, но нам и в голову не приходило, что можно добиться того же результата с помощью изящного научного метода. Вот видите, Дживс, какую шутку мисс Уикем предложила сыграть с Таппи. И как у вас

язык повернулся назвать ее легкомысленной и беспечной! Из девушки, способной придумать такой блестящий ход, получится идеальная жена. Дживс, буду признателен, если сегодня вечером вы припасете прочную палку с острой штопальной иглой на конце.

— Видите ли, сэр…

Я поднял руку.

— Дживс, — сказал я, — ни слова больше. Прочная палка и хорошая, длинная, острая штопальная игла. Без всяких отговорок, в моей спальне сегодня, ровно к одиннадцати тридцати.

— Очень хорошо, сэр.

— Вы знаете, где комната Таппи?

— Могу уточнить, сэр.

— Действуйте, Дживс.

Через несколько минут он вернулся с необходимыми сведениями:

— Мистер Глоссоп помещается в Замковой комнате, сэр.

— Где она находится?

— Этажом ниже, сэр, вторая дверь.

— Порядок, Дживс. Запонки вдели?

— Да, сэр.

— А воротнички пристегнули?

— Да, сэр.

— Тогда помогите мне надеть рубашку.

Чем больше я думал о предстоящем свершении, к которому меня подталкивало чувство долга и попранной гражданственной чести, тем больше оно мне нравилось. Я человек не мстительный, но я понимал, как понял бы любой на моем месте, что спускать таким злодеям, как Таппи, их козни — значит подрывать устои не только общества, но и всей цивилизации. Я предвидел, что мне придется столкнуться с трудностями и неудобствами: во-первых, предстояло бодрствовать до глубокой ночи, во-вторых, брести по холодному коридору, однако я не дрогнул. Фамильная честь ко многому обязывает. Еще во времена Крестовых походов мы, Вустеры, показали, на что мы способны.

В тот вечер был сочельник, поэтому, как я и предполагал, все веселились напропалую. Сначала сельский хор толпился у парадного входа и распевал рождественские гимны, потом кто-то затеял танцы, потом мы долго болтали, и я добрался до своей спальни во втором часу. С поправкой на всевозможные случайности выходило, что в экспедицию можно пуститься не раньше половины третьего. Честно признаюсь, только твердая решимость поквитаться с Таппи помешала мне

махнуть рукой на всю эту затею и нырнуть под одеяло. Теперь я уже не тот, а раньше мог не спать ночи напролет.

Итак, к половине третьего все угомонились. Я стряхнул с себя сонный дурман, взял палку со штопальной иглой на конце и вышел в коридор. Подойдя к Замковой комнате, повернул ручку и, убедившись, что дверь не заперта, переступил порог.

Наверное, грабителю, в смысле — настоящему профессионалу, который работает круглый год по шесть дней в неделю, оказаться поздней ночью в чьей-то спальне — это раз плюнуть. Но такого человека, как я, у которого нет никакого опыта в таких делах, вряд ли бы кто-нибудь осудил, если бы он, то есть я, послал все к черту и, тихонько закрыв дверь с другой стороны, рванул к себе в комнату и завалился спать. Только призвав на помощь знаменитую отвагу Вустеров и напомнив себе, что если я упущу этот случай, то другого, возможно, никогда не представится, мне удалось преодолеть замешательство. Минутная слабость прошла, и Бертрам снова стал самим собой.

Сразу, как только я вошел, мне показалось, что в комнате темно, как в подвале, где хранят уголь, но немного погодя начали проступать очертания

предметов. Шторы на окнах были задернуты неплотно, и местами я мог кое-что разглядеть. Кровать стояла напротив окна, изголовьем к стене, а изножьем к двери, возле которой я находился, что позволяло мне, свершив, так сказать, задуманное, мгновенно покинуть место действия. Теперь передо мной встала довольно деликатная задача — определить, где находится грелка. Запомните: если вы захотите выполнить подобную миссию тихо и быстро, вы ни в коем случае не должны тыкать наугад штопальной иглой в одеяло, стоя в ногах кровати. Прежде чем вы перейдете к радикальным действиям, настоятельно вам рекомендую точно рассчитать местоположение грелки.

В этот момент, должен заметить, я испытал нечаянную радость, потому что услышал смачный храп, исходивший от того места, где лежали подушки. Здравый смысл мне говорил, что субъекта, способного издавать такой храп, вряд ли разбудит какая-то мелочь. Я бочком продвинулся к кровати, протянул руку и стал осторожно ощупывать одеяло. Почти сразу же рука наткнулась на бугорок. Я хорошенько нацелился и, крепко сжав палку, вонзил штопальную иглу в этот бугорок. Затем, вытащив оружие, попятился к

двери. Еще миг — и я на свободе, припущу на всех парах в свою комнату, чтобы предаться наконец сладостному сну. Но вдруг раздался жуткий треск, и мне показалось, что мой спинной хребет вылетел вон, пробив в голове дырку. Содержимое кровати село, будто выскочил черт из табакерки, и сказало:

— Кто здесь?

Тут я понял цену самых тонко продуманных стратегических построений и могу вас заверить — они-то и губят все предприятие. В соответствии с тщательно разработанным планом, чтобы облегчить себе отступление, я оставил дверь открытой, и сейчас она, черт бы ее побрал, захлопнулась с таким грохотом, будто бомба разорвалась.

Однако мысли мои были заняты не взрывом, а совсем иным предметом. Меня крайне встревожило только что сделанное открытие: на кровати спал вовсе не Таппи. У Таппи голос высокий и визгливый, как будто провинциальный тенор пустил петуха. А я услышал нечто среднее между трубным гласом в Судный день и рыком тигра, просидевшего несколько дней на голодной диете и требующего завтрак. Противный, режущий ухо голос, так и слышишь: «Пошеве-

ливайтесь!» — будто ты никудышный игрок в гольф и задерживаешь на поле пару отставных полковников. В этом голосе не было и намека на добродушие, учтивость, голубиное воркование, которые дают вам почувствовать, что вы обрели друга.

Я не стал мешкать. Рванул с места, хлопнул за собой дверью и был таков. Может, я и дубина стоеросовая, как тетя Агата меня аттестует, но я безошибочно чувствую, когда мое присутствие уместно, а когда нет.

Сейчас я помчусь по коридору к лестнице с такой скоростью, что поставлю рекорд, но кто-то резко дернул меня назад. Только что я был весь порыв и пламя, буря и натиск, но вот какая-то неодолимая сила осадила меня и держит, не давая вырваться.

Знаете, порой мне кажется: если судьба решила сыграть с вами такую злую шутку, спросите себя, стоит ли ей противиться. Так как ночь выдалась чертовски холодная, я надел халат. Именно пола этой проклятой хламиды, защемленная дверью в последнюю минуту, меня доконала.

Дверь распахнулась, в коридор хлынул свет, и обладатель мерзкого голоса схватил меня за руку.

Это был сэр Родерик Глоссоп.

За сим последовало временное затишье. Секунды три-четыре, а может быть, и больше, мы стояли, впившись друг в друга взглядом, причем старик все еще держал меня за локоть мертвой хваткой. Не будь на мне халата, а на нем розовой пижамы в голубую полосочку и не гляди он на меня с такой злобой, будто сейчас убьет, мы смотрелись бы, наверное, как рекламная картинка, где умудренный опытом старец, отечески похлопывая молодого человека по руке, говорит ему: «Мой мальчик, если бы вы подписались на издания заочных курсов Матт-Джефф в Освего, штат Канзас, как это сделал я, то смогли бы, подобно мне, стать третьим помощником вице-президента Объединенной Шенектейдской корпорации, выпускающей пилочки для ногтей и щипчики для бровей».

— Вы! — наконец вырвалось у сэра Родерика. И в этой связи хочу констатировать: тот, кто утверждает, что нельзя прошипеть слово, в котором отсутствует буква «ш», мелет вздор. Сэр Родерик произнес это «Вы!» как разъяренная кобра, и я не открою секрета, если скажу, что мне стало здорово не по себе.

Вообще-то мне, наверное, следовало что-ни-

будь произнести. Однако единственное, что я с трудом из себя выдавил, был едва слышный блеющий звук. Даже в обычной обстановке, когда моя совесть блистала чистотой, я чувствовал себя не в своей тарелке, встречаясь с этим типом, а уж теперь и подавно, тем более что смотрел он из-под своих ужасных бровей так, будто готов пырнуть меня ножом.

— Войдите, — проскрипел он, втаскивая меня за собой в комнату. — Не стоит будить весь дом. А теперь, — он отпустил мой локоть и закрыл дверь, причем брови у него так и ходили ходуном, — а теперь сделайте милость, объясните мне, что означают эти ваши безумные действия.

Мне показалось, что легкий, беззаботный смех сейчас как нельзя более кстати. Я и хохотнул.

— Перестаньте гоготать! — рявкнул радушный хозяин. Вынужден признаться, что легкость и беззаботность не произвели того эффекта, на который я рассчитывал.

Я с большим трудом взял себя в руки.

— Крайне сожалею, что так вышло, — сказал я как можно более сердечным тоном. — Видите ли, я думал, что вы Таппи.

— Будьте любезны, обращаясь ко мне, воздержитесь от употребления ваших идиотских

жаргонных выражений. Что означает на вашем языке «таппи»?

— Видите ли, это вовсе не жаргонное выражение… Если подойти к вопросу с научной точки зрения, это имя собственное. Понимаете, я думал, что вы ваш племянник.

— Думали, что я мой племянник? Почему я должен быть моим племянником?

— Я считал, что это его комната.

— Мы с племянником поменялись комнатами. Терпеть не могу спать на последнем этаже. Боюсь пожара.

Впервые с начала нашей беседы я немного взбодрился. Подлость старого хрыча возмутила меня до такой степени, что на миг я даже перестал ощущать себя лягушкой, которую переехала борона. До последней минуты это ощущение буквально сковывало меня по рукам и ногам. Зато теперь я осмелел настолько, что стал смотреть на этого облаченного в розовую пижаму труса с презрением и ненавистью. Мой тщательно продуманный план так бездарно провалился только из-за того, что старый хрыч одержим малодушным страхом и предпочел, чтобы Таппи вместо него поджарился на огне, случись такая крайность, как пожар. Я бросил на старикашку

презрительный взгляд и, кажется, даже хмыкнул.

— Уверен, ваш камердинер должен был сообщить вам, — сказал сэр Родерик, — что мы намереваемся поменяться комнатами. Я его встретил перед обедом и просил уведомить вас о наших планах.

Голова у меня пошла кругом. Нет, мало сказать «пошла кругом». Это неожиданное известие сразило меня наповал. Выходит, все это время Дживс знал, что старый хрыч будет спать в постели, которую я собираюсь протыкать штопальной иглой! Знал и допустил, чтобы я шел на погибель, ни словом не предупредил. Это было выше моего понимания. Я стоял как громом пораженный. Пораженный насмерть.

— Вы сказали Дживсу, что собираетесь ночевать в этой комнате? — прошептал я.

— Да. Будучи осведомлен о том, что вы с моим племянником состоите в дружеских отношениях, я желал избавить себя от вашего возможного визита. Признаться, мне и в голову не приходило, что упомянутый визит ожидается в три часа ночи. Какого черта, — рявкнул он, внезапно распаляясь, — вы рыщете по дому в этот час?! И что это у вас за штука?

Я вдруг понял, что все еще сжимаю в руке палку. Честное слово, в шквале эмоций, вызванных предательством Дживса, это открытие явилось для меня полной неожиданностью.

— Штука? — сказал я. — Ах да!

— Что означает ваше «Ах да!»? Что это такое?

— Видите ли, это длинная история…

— Ничего, у нас впереди вся ночь.

— Вот, собственно, как было дело. Прошу вас представить себе, как пару месяцев назад я мирно сидел после обеда в «Трутнях», никого не трогал и задумчиво покуривал сигарету… — Я умолк.

Старый хрыч меня не слушал. Он изумленно таращил глаза на кровать. Оттуда на ковер что-то капало.

— Господи!

— …покуривал сигарету и болтал о том о сем… — Я снова умолк. Старикашка приподнял одеяла и уставился на труп грелки.

— Ваших рук дело? — спросил он тихим, задушенным голосом.

— Э-эм… да. По существу, да. Я как раз собирался вам объяснить…

— А ваша тетушка еще старалась меня убедить, что вы не сумасшедший!

— Я и вправду не сумасшедший. Совершенно не

сумасшедший. Если вы позволите объяснить…

— Не позволю.

— Все началось…

— Молчать!

— Хорошо. Молчу.

Он сделал носом несколько глубоких вдохов и выдохов.

— Моя постель насквозь промокла!

— Началось с того…

— Замолчите! — Он еще посопел. — Вы, жалкий несчастный идиот, — снова заговорил он, — потрудитесь объяснить мне, где находится комната, которая предназначалась для вас?

— Этажом выше. Часовая комната.

— Благодарю. Думаю, я ее найду.

— А?

Он грозно пошевелил бровями.

— Я намерен провести остаток ночи в вашей комнате, — сказал он, — полагаю, постель там находится в пригодном для сна состоянии. А вы можете со всеми удобствами расположиться здесь. Желаю покойной ночи.

Он встал, а я остался стоять дурак дураком.

Мы, Вустеры, старые служаки. Мы стойко переносим превратности судьбы. Однако сказать, что меня обрадовала перспектива провести здесь

ночь, значило бы покривить душой. Один-единственный взгляд на постель убедил меня, что спать в ней и думать нечего. Золотая рыбка была бы довольна, но Бертрам — нет. Оглядевшись вокруг и решив, что самое подходящее место для сна — это кресло, я похитил с кровати пару подушек, уселся поудобнее, набросил на ноги коврик, лежавший перед камином, и принялся считать овец.

Однако толку от этого было мало. Мой бедный котелок кипел, до сна ли тут. Открывшееся мне черное предательство Дживса вспоминалось вновь и вновь всякий раз, когда я готов был погрузиться в сон; ночь тянулась нескончаемо долго, становилось все холоднее. Я как раз размышлял, удастся ли мне вообще когда-нибудь заснуть, как вдруг голос у самого моего уха сказал: «Доброе утро, сэр». Я вздрогнул и открыл глаза.

Мне казалось, что я ни на минуту не задремал, но, видимо, все-таки задремал. Ибо шторы были подняты, в окна лился дневной свет, и Дживс стоял передо мной с чашкой чаю на подносе:

— Веселого Рождества, сэр!

Я слабой рукой потянулся к живительному напитку. После двух-трех глотков мне стало лучше. Правда, я испытывал боль во всем теле, а

черепушка была налита свинцом, но теперь хоть мысль работала более или менее четко. Я остановил на предателе ледяной взгляд и приготовился задать ему жару.

— Говорите, «веселого»? Значит, по-вашему, «веселого», да? — начал я. — Позвольте вам сказать, все зависит от того, что вы вкладываете в прилагательное «веселый». Если вы, кроме того, полагаете, что будет весело вам, то вы ошибаетесь. — Я сделал еще один глоток чаю и продолжал холодным тоном, отчеканивая каждое слово: — Хотелось бы задать вам один вопрос. Вы знали, что сэр Родерик Глоссоп будет спать в этой комнате, или нет?

— Знал, сэр.

— Вы в этом признаетесь!

— Да, сэр.

— И вы ничего мне не сказали!

— Не сказал, сэр. Я подумал, что более благоразумно этого не делать.

— Дживс…

— Если позволите, я объясню, сэр.

— Попробуйте!

— Я догадывался, что умолчание с моей стороны, возможно, вовлечет вас в несколько затруднительное положение, сэр…

— Стало быть, догадывались?

— Да, сэр.

— В таком случае я вас поздравляю — ваша догадка блестяще оправдалась, — сказал я, делая очередной глоток черного китайского чаю.

— Но мне казалось, сэр, будь что будет, все к лучшему.

Я хотел ввернуть пару теплых слов, но он лишил меня этой возможности:

— Я предположил, учитывая ваши взгляды, сэр, что, обстоятельно все обдумав, вы предпочтете, чтобы ваши отношения с сэром Родериком Глоссопом и его семейством оставались скорее сдержанными, нежели сердечными.

— Мои взгляды? На что?

— На матримониальный союз с мисс Гонорией Глоссоп, сэр.

Меня словно током ударило. Дживс открыл мне глаза на оборотную сторону дела. Я вдруг понял, к чему он клонит, понял в мгновенном озарении, как несправедлив был к этому достойному человеку. Я-то считал, что он посадил меня в лужу, а на самом деле он всячески старался вытащить своего господина из этой самой лужи. Прямо как в одном рассказе для детей: однажды ночью некий странник идет куда-то, а его собака

вцепилась ему в штанину и не пускает. «Отпусти! Ты чего, Пират?» — говорит он собаке, но она держит его, и ни в какую; он пришел в ярость, кричит на собаку, ругает ее последними словами, но собака будто не слышит; вдруг луна выглянула из-за облаков, и странник видит, что стоит на краю пропасти, еще шаг и… в общем, вы поняли мою мысль: я о том, что точно такая же история произошла сейчас со мной.

Удивительно, как молодой человек теряет бдительность и начинает пренебрегать опасностями, которые повсюду его окружают. Даю честное слово, до этой минуты мне и в голову не приходило, что моя тетя Агата задумала наладить наши отношения с сэром Родериком, чтобы со временем вернуть меня в лоно семьи Глоссоп, а затем сбыть Гонории.

— Боже мой, Дживс! — сказал я, бледнея.

— Совершенно верно, сэр.

— Думаете, я подвергался риску?

— Да, сэр. Огромному риску.

Вдруг мною овладела одна тревожная мысль.

— Послушайте, Дживс, когда сэр Родерик спокойно все обдумает, он поймет, что я хотел разыграть Таппи и что протыкание грелки всего лишь одна из тех шуток, какие все откалывают в

сочельник, на них надо смотреть сквозь пальцы и принимать со снисходительной улыбкой и отеческим покачиванием головы, — так ведь? Дескать, молодость, святочное веселье и все такое прочее. Я хочу сказать, если он сообразит, что я не замышлял против него ничего дурного, то все старания пойдут насмарку.

— Нет, сэр. Вряд ли. Возможно, реакция сэра Родерика была бы именно такой, если бы не второй инцидент.

— Какой такой второй инцидент?

— Сегодня ночью, сэр, когда сэр Родерик занял вашу комнату, кто-то туда проник, проколол грелку острым предметом и скрылся под покровом темноты.

Признаться, я ничего не понял.

— Как! Вы думаете, я хожу во сне?

— Нет, сэр. Это сделал мистер Таппи Глоссоп. Сегодня утром я его встретил, сэр, до того как пришел сюда к вам. Он был в очень веселом настроении и поинтересовался у меня, как вы отнеслись к этому инциденту. Мистер Глоссоп не знал, что его жертвой стал сэр Родерик.

— Дживс, какое удивительное совпадение!

— Сэр?

— Ну как же, Таппи пришла в голову та же

мысль, что и мне. Вернее, не мне, а мисс Уикем. Очень странно, думаю, вы не станете отрицать. Чудеса, да и только.

— Не совсем, сэр. Оказывается, эту мысль подала мистеру Глоссопу юная леди.

— Мисс Уикем?

— Да, сэр.

— Вы хотите сказать, что после того, как мисс Уикем предложила мне проткнуть грелку Таппи, она подговорила Таппи проткнуть мою?

— Совершенно верно, сэр. Юная леди щедро одарена чувством юмора, сэр.

Я был ошеломлен. Когда я вспомнил, что чуть было не предложил руку и сердце девушке, которая способна надуть человека, питающего к ней сильное и благородное чувство, то задрожал всем телом.

— Вам холодно, сэр?

— Нет, Дживс. Просто дрожь пробрала.

— То, что произошло, если я могу взять на себя смелость высказать свое мнение, сэр, подтверждает точку зрения, которую я изложил вчера и которая состоит в том, что хотя мисс Уикем очаровательная юная леди…

Я поднял руку.

— Ни слова, Дживс, — сказал я. — Любовь умер-

ла.

— Понимаю, сэр.

Я сидел в грустном раздумье.

— Значит, утром вы видели сэра Родерика?

— Да, сэр.

— Ну и как он?

— Немного взвинчен, сэр.

— Взвинчен?

— Да, сэр. Возбужден. Он выразил настоятельное пожелание увидеться с вами, сэр.

— Что вы мне посоветуете?

— Если вы выйдете через черный ход сразу, как только оденетесь, сэр, вам не составит труда пересечь поле так, чтобы вас никто не видел, и дойти до деревни, где вы сможете нанять автомобиль и доехать до Лондона. Позже я мог бы привезти вещи в вашем автомобиле.

— Дживс, но разве в Лондоне я буду в безопасности? Там сейчас тетя Агата.

— Да, сэр.

— Так что же?

Он посмотрел на меня своим непостижимым взглядом:

— Я думаю, самое лучшее, сэр, ненадолго покинуть Англию, где зимой погода не слишком нас радует. Я бы не взял на себя смелость давать

вам советы, сэр, но ввиду того, что вы уже имеете заказанные заранее на послезавтра места в «Голубом экспрессе», следующем в Монте-Карло…

— Но вы же аннулировали заказ?

— Нет, сэр.

— Я думал, вы аннулировали.

— Нет, сэр.

— Я же вас об этом просил.

— Да, сэр. Нерадивость с моей стороны, но я забыл об этом поручении.

— Вот как?

— Да, сэр.

— Ладно, Дживс. Едем в Монте-Карло.

— Очень хорошо, сэр.

— Как удачно, что вы забыли аннулировать заказ.

— В самом деле, сэр, очень удачно. Если вы немного подождете, сэр, я схожу в вашу комнату и доставлю вам костюм.

Глава 4
Дживс и песня песней

Стояло утро еще одного жаркого и ветреного дня. Следуя своей неизменной привычке, я распевал в ванной комнате «Эй, сынок!», когда за дверью послышались шаги и голос Дживса произнес:

— Прошу прощения, сэр.

Я как раз дошел до того места, где поется об одиноких ангелах и где требуется крайняя степень сосредоточенности, чтобы выдать эффектный финал, но тем не менее я прервал процесс и вежливо отозвался:

— Да, Дживс? Что такое?

— Мистер Глоссоп, сэр.

— Что с ним?

— Он в гостиной, сэр.

— Таппи Глоссоп?

— Да, сэр.

— В гостиной?

— Да, сэр.

— Хочет со мной поговорить?

— Да, сэр.

— Хм!

— Сэр?

— Я сказал «Хм!».

Сейчас объясню, почему я сказал «Хм!». Видите ли, в появлении Таппи я усмотрел нечто странное. Ведь он должен знать, что в этот час я принимаю ванну и, следовательно, занимаю выгодную стратегическую позицию — могу, например, запустить в него мокрой губкой. Поэтому я был здорово удивлен его приходом.

Я проворно выскочил из ванны и, промокнув торс и конечности парой полотенец, прошествовал в гостиную. Таппи сидел у пианино и одним пальцем наигрывал «Эй, сынок!».

— Привет! — бросил я не без надменности.

— А-а, Берти, привет! — отвечал Таппи. — Послушай, Берти, я пришел по важному делу.

Мне показалось, что приятель держится скованно. Подойдя к камину, он неловким движением опрокинул на пол вазу, и она разлетелась на мелкие осколки.

— Берти, дело в том, что я обручился.

— Обручился?

— Обручился, — смущенно подтвердил Таппи, смахивая фотографию в рамке на каминную решетку. — Почти обручился.

— Почти?

— Да. Берти, она тебе понравится. Ее зовут Кора Беллинджер. Она обучается классическому вокалу. У нее изумительный голос, черные блестящие глаза и возвышенная душа.

— В каком смысле «почти»?

— Понимаешь, в чем дело. Прежде чем заказывать приданое, она хочет кое-что выяснить. Видишь ли, из-за того, что у нее возвышенная душа, она смотрит на жизнь очень серьезно. Чего она совершенно не выносит, так это грубого юмора, всяких шуточек, розыгрышей и всего такого прочего. Говорит, если она узнает, что я на это способен, то между нами все кончено. И к несчастью, она от кого-то слышала про эту шутку в «Трутнях»… Думаю, ты давно о ней забыл, правда, Берти?

— И не мечтай!

— Да-да, конечно. Я хочу сказать, ты же первый смеешься от души, когда вспоминаешь про бассейн в «Трутнях». Я тебя прошу, старик, при первой же возможности отведи Кору в сторонку и заверь ее, что в этой истории нет ни слова правды. Берти, мое счастье в твоих руках, надеюсь, ты меня понимаешь.

Разумеется, если он ставит вопрос таким об-

разом, что мне остается? У нас, Вустеров, свой кодекс чести.

— Ладно уж, — сказал я, впрочем без особого восторга.

— Берти, ты молодчага!

— Когда я познакомлюсь с этой занудой?

— Пожалуйста, Берти, не называй ее «занудой». Я уже все предусмотрел. Я сегодня приведу ее к тебе на обед.

— Как?!

— К половине второго. Чудно. Славно. Отлично. Благодарю. Я всегда знал, что могу на тебя положиться.

Он умотал, а я обратился к Дживсу, который возник передо мною с завтраком на подносе.

— Дживс, обед на троих, — сказал я.

— Очень хорошо, сэр.

— Знаете, Дживс, это уж слишком. Помните, какую свинью подложил мне мистер Глоссоп тогда, в бассейне «Трутней»?

— Да, сэр.

— С тех пор я мечтаю отомстить. А теперь, вместо того чтобы стереть его в порошок, я должен кормить его с невестой изысканным обедом, всячески обхаживать — словом, быть добрым ангелом.

— Такова жизнь, сэр.

— Вот именно, Дживс. Что у нас на завтрак? — спросил я, оглядывая поднос.

— Копченая селедка, сэр.

— Не удивлюсь, — сказал я, все еще пребывая в задумчивости, — если узнаю, что жизнь селедок полна волнений и тревог!

— Вполне возможно, сэр.

— Это помимо того, что ее коптят.

— Да, сэр.

— И все идет своей чередой, Дживс…

* * *

Не могу сказать, что эта барышня Беллинджер вызвала у меня такой же восторг, как у Таппи. Она предстала перед моим взором ровно в час двадцать пять и оказалась упитанной особой лет тридцати с комплекцией борца среднего веса, властным взглядом и квадратным подбородком, которого лично я всячески бы сторонился. Наверное, такой бы стала Клеопатра, если ее посадить на углеводную диету. Не знаю почему, но все женщины, имеющие касательство к оперному пению, даже если они еще только ему обучаются, склонны к излишней полноте.

Таппи тем не менее был явно от нее без ума.

Все его поведение и до обеда, и во время оного свидетельствовало о том, как сильно он старается соответствовать ее благородной душе. Когда Дживс предложил ему коктейль, он отпрянул, будто ему сунули под нос змею. Я ужаснулся, увидев, как любовь изменила этого несчастного. У меня даже аппетит пропал.

В половине третьего Беллинджер отбыла на урок пения. Таппи рысцой потрусил за ней до двери, нежно подвывая и слегка подпрыгивая. Вернувшись, он уставился на меня затуманенным взглядом и сказал:

— Ну, Берти?

— Что «ну»?

— В смысле, как она? Хороша?

— А то! — сказал я, чтобы ублажить несчастного придурка.

— Удивительные глаза, правда?

— Слов нет.

— А фигура — правда, потрясающая?

— Шикарная!

— А какой упоительный голос!

На этот вопрос я имел все основания ответить довольно искренне. Девица Беллинджер по просьбе Таппи спела несколько песен, прежде чем зарыться в кормушку. Что правда, то правда,

глотка у нее была луженая. С потолка все еще сыпалась штукатурка.

— Голос потрясающий, — сказал я.

Таппи вздохнул и, налив в стакан примерно на четыре дюйма виски и на один — содовой, с наслаждением сделал большой глоток.

— Ах, — сказал он, — как хорошо!

— Почему ты не пил за обедом?

— Понимаешь, в чем дело, — сказал Таппи. — Я еще не выяснил, как Кора относится к умеренному употреблению спиртных напитков время от времени, поэтому счел благоразумным пока воздержаться. Думаю, такое воздержание будет свидетельствовать в ее глазах о моем глубоком уме. Сейчас все висит на волоске, и каждая мелочь может поколебать чашу весов.

— Чего я не могу постичь, так это как, черт побери, убедить ее, что у тебя вообще есть ум — о глубоком я уж не говорю.

— Пусть тебя это не волнует — у меня свои методы.

— Готов поспорить, они никудышные.

— Да? Готов? — горячо заговорил Таппи. — Ну так позволь сказать тебе, мой дорогой, что эти мои способы отнюдь не никудышные. Я искусно и тонко руковожу всем процессом. Помнишь

Бифи Бингема, он учился с нами в Оксфорде?

— Видел его на днях. Он стал пастором.

— Да. В Ист-Энде. Ну так вот, он организовал клуб для местных подростков с дурными наклонностями, они там в читальном зале играют в триктрак, пьют какао, изредка ходят в клуб «Чудаки» на нравоучительные представления и концерты. Я помогаю Бифи в этом начинании. Последние месяцы по вечерам только и делаю, что играю в триктрак. Кора все это чрезвычайно одобряет. Она обещала петь в концерте, который Бифи устраивает во вторник.

— Неужели?

— Честное слово. А теперь, Берти, оцени мою дьявольскую изобретательность — я тоже буду там петь.

— С чего ты взял, что это пойдет тебе на пользу?

— Понимаешь, я хочу петь так, чтобы Кора поняла, какая я глубокая натура, о чем теперь она, наверное, и не подозревает. Она увидит, как этот простой, необразованный народ будет утирать слезы, и скажет себе: «Да, у этого человека возвышенная душа!» Ибо это будут не какие-нибудь водевильные куплеты, я дешевых шансонеток не признаю. Песнь об одиноких ангелах — вот что

мне по душе и…

Я даже вскрикнул от удивления:

— Уж не собираешься ли ты спеть «Эй, сынок!»?

— Непременно.

Я был поражен. Да, черт побери, поражен. Понимаете, у меня своя точка зрения на «Эй, сынок!». Я считаю, что на нее могут покуситься только избранные и только в уединении ванной комнаты. И при мысли о том, что в клубе «Чудаки» эта песня будет опошлена типом, который может обойтись с ближним так, как обошелся со мной в тот вечер в «Трутнях», я почувствовал отвращение. Да меня чуть не стошнило!

Однако мне не удалось выразить свое возмущение, потому что в гостиную вошел Дживс:

— Только что по телефону звонила миссис Траверс, сэр. Она пожелала передать, что зайдет к вам через несколько минут.

— Понял, Дживс, — сказал я. — Послушай, Таппи…

Я оторопел. Таппи исчез.

— Дживс, что вы с ним сделали? — спросил я.

— Мистер Глоссоп ушел, сэр.

— Ушел? Как ушел? Он только что здесь сидел…

— Хлопнула парадная дверь, сэр.

— Но почему он дал деру?

— Возможно, мистер Глоссоп не пожелал встретиться с миссис Траверс, сэр.

— Почему?

— Не могу сказать, сэр. Но несомненно, что при упоминании о миссис Траверс мистер Глоссоп поспешно вскочил с кресла.

— Странно.

— Да, сэр.

Я перевел разговор на животрепещущую тему.

— Дживс, — начал я. — Во вторник мистер Глоссоп собирается петь «Эй, сынок!» на концерте в Ист-Энде.

— В самом деле, сэр?

— Перед аудиторией, состоящей в основном из уличных торговцев, слегка разбавленных ларечниками, поставщиками апельсинов и третьеразрядными боксерами.

— Вот как, сэр?

— Не забудьте мне напомнить, чтобы я туда пошел. Мистера Глоссопа непременно освищут, и я не хочу упустить это зрелище.

— Очень хорошо, сэр.

— Когда приедет миссис Траверс, проводите ее в гостиную.

Тем, кто близко знаком с Бертрамом Вустером, хорошо известно, что на его жизненном пути толчется целый взвод надменных и спесивых теток, постоянно ставящих ему палки в колеса. Однако среди этого устрашающего сонма есть одно приятное исключение, а именно тетушка Далия. Она вышла замуж за старину Тома Траверса в тот год, когда Колокольчик выиграл Кембриджширские скачки, и честно скажу, дядюшке можно только позавидовать. Мне всегда приятно поболтать с тетей Далией, и я с искренним радушием поднялся ей навстречу, когда около трех часов она на всех парусах вплыла в гостиную.

Вид у нее был крайне взволнованный, и она без предисловий перешла к делу. Надо вам сказать, что моя тетушка Далия — дама крупная и энергичная. Много лет увлекалась охотой и обычно не говорит, а кричит, будто в полумиле отсюда на склоне холма только что заметила лисицу.

— Берти, — гаркнула она голосом, рассчитанным на то, чтобы взбодрить свору гончих, — мне нужна твоя помощь!

— Тетя Далия, можете на меня рассчитывать, — учтиво отвечал я. — Честно признаюсь, никому на свете я не окажу услугу с большей готовностью, чем вам; никому на свете мне не было бы

так приятно угодить…

— Довольно, угомонись, — взмолилась она. — Слушай, ты видишься с этим твоим другом Глоссопом?

— Он только что разделил со мной обед.

— Правда? Жаль, что ты не подсыпал яду ему в суп.

— Мы не ели супа. И вообще, тетя Далия, вот вы называете его моим другом, а я не стал бы с чистой совестью утверждать, что вы правы. Не так давно, когда мы с ним ужинали в «Трутнях»…

Тут тетя Далия довольно бесцеремонно, как мне показалось, заявила, что предпочтет ознакомиться с моими воспоминаниями после того, как я облеку их в форму книги. До меня наконец дошло, что сегодня она совершенно утратила свойственную ей жизнерадостность. Я отложил в сторону свои собственные заботы и спросил, чем она так огорчена.

— Всему виной этот злодей Глоссоп, — сказала она.

— Что он натворил?

— Разбил сердце Анджелы.

Анджела — это дочь тети Далии и моя кузина. Девица что надо.

— Разбил сердце Анджелы?

— Да… разбил… ей… сердце!

— Вы хотите сказать — он разбил ей сердце?!

Тетушка довольно нервно попросила меня не втягивать ее в дурацкий водевильный диалог.

— Как это он ухитрился? — спросил я.

— Просто пренебрег ею, вот и все. Низкий, бессердечный, коварный лицемер.

— Вот именно коварный, тетушка Далия, — сказал я. — Когда говоришь о Таппи Глоссопе, это определение напрашивается само собой. Позвольте, я вам расскажу, что он однажды со мной вытворил в «Трутнях». Мы только что отужинали…

— С начала сезона и вплоть до недавнего времени — недели три с тех пор прошло — он увивался вокруг Анджелы. В мое время сказали бы, что он добивается ее расположения…

— То есть волочится за нею?

— Волочится, ухаживает — какая разница!

— Как скажете, тетя Далия, — вежливо согласился я.

— Ладно, как бы то ни было, он торчал у нас в доме с утра до вечера, обедал, танцевал с ней до полуночи и прочее. Бедное дитя, он вскружил ей голову. Она была уверена, что они теперь навеки свяжут свои жизни, это только вопрос времени.

И вдруг три недели назад он исчезает, бросает ее без всяких объяснений. До меня дошел слух, что он увлечен какой-то девицей, с которой познакомился на чаепитии в Челси. Ее зовут… как бишь ее?..

— Кора Беллинджер.

— Откуда ты знаешь?

— Она сегодня приходила ко мне обедать.

— Это он ее привел?

— Да.

— Какая она?

— Очень корпулентна. По форме что-то вроде Альберт-Холла.

— По-твоему, он в нее влюблен?

— Он просто глаз с нее не спускал.

— Современный юнец, — сказала тетя Далия, — недоносок и идиот от рождения, ему нужна нянька, чтобы водила его за ручку и каждые полчаса отвешивала ему тумака.

Я попробовал напомнить тете Далии, что у тучки есть светлая изнанка.

— Тетя Далия, если вы спросите меня, — начал я, — то, по-моему, Анджеле просто повезло. Глоссоп — тот еще тип, редкостная скотина. Я все пытаюсь вам рассказать, как гнусно он поступил со мной однажды в «Трутнях». Раззадорил меня,

подпоив как следует, и предложил пари, что я не переберусь через плавательный бассейн, держась руками за веревки и кольца. Я знал, что для меня это сущий пустяк, и охотно согласился, заранее радуясь, что оставлю его, как говорится, с носом. Я уже проделал полпути и чувствовал, что сам черт мне не брат, и вдруг вижу, что этот подонок привязал последнюю веревку к поручню. Мне ничего не оставалось, как прямо во фраке нырнуть в воду и добираться вплавь.

— Что ты говоришь?!

— Да, представьте себе. Это случилось несколько месяцев назад, а я все никак не могу смириться. Тетя Далия, надеюсь, вы не хотите, чтобы ваша дочь вышла замуж за негодяя, который способен на такую низость?

— Напротив, ты заставил меня поверить в этого щенка. Я вижу, в нем все же что-то есть. Берти, я хочу, чтобы у них с этой Беллинджер все расстроилось.

— Каким образом?

— Это меня не волнует. Можешь делать все, что тебе нравится.

— Но что я могу?

— Что? Обрисуй положение своему камердинеру Дживсу. Уж он найдет способ. Один из самых

толковых людей, каких я когда-либо знала. Изложи ему дело во всех подробностях, и пусть он пораскинет умом.

— А в этом что-то есть, тетушка Далия, — задумчиво сказал я.

— Конечно, есть, — согласилась она. — Для Дживса это дело — детская забава. Пусть подумает, а я загляну к вам завтра узнать результат.

С этими словами тетушка удалилась, а я призвал к себе Дживса.

— Дживс, — сказал я, — вы все слышали?

— Да, сэр.

— Я так и знал. У моей тети Далии на редкость зычный голос. Я думаю, Дживс, она могла бы в случае нужды зарабатывать на жизнь, сзывая домой крупный рогатый скот, разбредшийся по всему графству.

— Я не задумывался над этим, сэр, но у меня нет сомнений в том, что вы правы.

— Ну хорошо, что будем делать? Каково ваше впечатление? По-моему, мы должны приложить все усилия, чтобы помочь миссис Траверс.

— Да, сэр.

— Я люблю тетю Далию и люблю Анджелу. Люблю их обеих, понимаете? Что эта сбитая с толку девочка нашла в Таппи, понятия не имею, да и

вы, наверное, тоже. Но она явно в него влюблена, хотя сам я никогда бы в это не поверил, и томится, подобно…

— …олицетворенному томлению, сэр.

— Подобно олицетворенному, как вы проницательно подметили, томлению. Поэтому мы должны сплотиться. Дживс, сосредоточьтесь на решении этой задачи. От вас потребуется все, на что вы способны.

На следующий день, когда ко мне ворвалась тетя Далия, я сразу же вызвал Дживса. Вы даже представить себе не можете, какой умный вид у него был — он весь так и светился интеллектом, и я сразу понял, что он нашел решение.

— Говорите, Дживс, — сказал я.

— Очень хорошо, сэр.

— Вы ведь все обдумали?

— Да, сэр.

— И успешно?

— У меня есть план, сэр, который, по моим представлениям, поможет достичь желаемого результата.

— Выкладывайте, — распорядилась тетя Далия.

— В делах подобного рода, мадам, самое основное — исследовать психосоматический статус

личности.

— Что-что?

— Психосоматический статус, мадам.

— Он имеет в виду психосоматический статус, — сказал я. — А под психосоматическим статусом, Дживс, вы подразумеваете…

— …естество и характер главных действующих лиц данной коллизии, сэр.

— В смысле, что они собой представляют?

— Совершенно верно, сэр.

— Берти, он всегда так изъясняется? Даже когда вы одни? — озадаченно спросила тетя Далия.

— Иногда. Временами. А временами — нет. Продолжайте, Дживс.

— Если позволите, сэр, первое, что меня довольно сильно поразило в мисс Беллинджер, когда у меня появилась возможность понаблюдать за нею, так это ее жесткость и нетерпимость. Я могу себе представить, что мисс Беллинджер приветствует успех. Но не вижу ее в роли женщины, сострадающей неудачнику. Вероятно, вы помните, сэр, ее реакцию, когда мистер Глоссоп старался дать ей прикурить от своей автоматической зажигалки? На ее лице выразилась досада из-за того, что зажигалка мистера Глоссопа не сразу сработала.

— Вы правы, Дживс. По-моему, она даже отчитала его за это.

— Совершенно верно, сэр.

— Постойте, я хочу разобраться, — растерянно сказала тетя Далия. — Значит, вы считаете, что если он все время станет подносить ей свою автоматическую зажигалку, ей в конце концов это надоест и она даст ему отставку? Смысл в этом?

— Я просто упомянул об этом случае, мадам, чтобы проиллюстрировать крутой нрав мисс Беллинджер.

— Крутой нрав, — сказал я, — вот именно. Мисс Беллинджер — крепкий орешек. Эти ее глаза… А подбородок? Они говорят сами за себя. Если бывают на свете железные женщины, то мисс Беллинджер одна из них.

— Совершенно справедливо, сэр. Следовательно, я полагаю, что если мисс Беллинджер окажется свидетельницей того, что мистер Глоссоп публично поставит себя в невыгодное положение, она утратит к нему интерес. Например, если во вторник на концерте мистер Глоссоп не доставит своим пением никакого удовольствия зрителям…

Я наконец врубился:

— Господи, Дживс! Значит, если он провалится,

все будет кончено?

— Я буду очень удивлен, если этого не случится, сэр.

Я покачал головой:

— Мы не можем полагаться на волю случая, Дживс. На мой взгляд, «Эй, сынок!» в исполнении Таппи — это верный провал, но мало ли что бывает… Поймите, мы не должны сидеть сложа руки и ждать, что нам повезет.

— Мы не будем ждать, что нам повезет, сэр. Я бы посоветовал, чтобы вы обратились к вашему другу мистеру Бингему и предложили свои услуги в качестве участника предстоящего концерта. Мы бы легко смогли устроить так, чтобы вы выступили непосредственно перед мистером Глоссопом и спели «Эй, сынок!». Полагаю, сэр, если мистер Глоссоп споет «Эй, сынок!» сразу после вас, аудитория будет реагировать нужным нам образом. К тому времени, когда мистер Глоссоп начнет петь, зрители потеряют интерес к этой песне и выразят свои чувства достаточно бурно.

— Дживс, — сказала тетя Далия, — вы гений!

— Благодарю вас, мадам.

— Дживс, — сказал я, — вы осел!

— С чего ты взял, что он осел?! — возмутилась тетя Далия. — Он предложил гениальный план,

лучше ничего не придумаешь.

— Чтобы я пел «Эй, сынок!» в концерте, который устраивает Бифи Бингем?! Воображаю эту картину!

— Вы каждый день поете эту песню в ванной комнате, сэр. У мистера Вустера, — сказал Дживс, обращаясь к тете Далии, — приятный мягкий баритон…

— Не сомневаюсь, — сказала тетя Далия.

Я обдал Дживса ледяным взглядом:

— Одно дело петь «Эй, сынок!» в ванной, Дживс, и совсем другое — перед залом, набитым молодежью и торговцами дешевыми апельсинами.

— Берти, — сказала тетя Далия, — споешь как миленький.

— Не буду!

— Берти!

— Ничто меня не заставит…

— Берти, — твердо проговорила тетя Далия, — ты будешь петь «Эй, сынок!» во вторник, третьего prox[42], будешь петь, как жаворонок на рассвете, в противном случае проклятие тетки…

— Не буду!

— Подумай об Анджеле!

---

[42] Примечания: 42

Сокр. от proximo *(лат.)* — в следующем месяце.

— Не хочу!

— Берти!

— Нет! И пропади все пропадом!

— Не будешь?

— Не буду!

— Это твое последнее слово?

— Да, последнее. Раз и навсегда, тетя Далия, ничто меня не заставит пропеть ни одной ноты!

И поэтому в тот же день я послал Бифи Бингему телеграмму с оплаченным ответом, предложил свои услуги, и к вечеру все было решено. Я выступал вторым после антракта. Следующим шел Таппи, сразу за ним — мисс Кора Беллинджер, известное меццо-сопрано.

— Дживс, буду вам чрезвычайно обязан, — проговорил я ледяным тоном вечером того же дня, — если вы сгоняете в ближайший нотный магазин и доставите мне экземпляр «Эй, сынок!». В теперешнем положении мне необходимо хорошенько заучить и текст, и припев. Не говорю уж о том, сколько хлопот и нервной энергии от меня потребуется.

— Хорошо, сэр.

— Однако хочу заметить…

— Я должен идти немедленно, сэр, ибо нотный магазин может закрыться.

— Ха! — сказал я довольно ядовито.

Хотя я закалил себя перед предстоящим суровым испытанием и со стороны, наверное, казалось, что Бертрам исполнен спокойного, холодного мужества, позволяющего с беспечной улыбкой совершать отчаянные поступки, тем не менее, когда я вошел в клуб «Чудаки» на Бермондси-Ист и окинул взглядом собрание любителей поразвлечься, мне понадобилось призвать всю бульдожью отвагу Вустеров, чтобы не послать к черту эту дурацкую затею, не нырнуть в такси и не вернуться в лоно цивилизации. Когда я приехал, возвышающее душу представление было в полном разгаре, и некто, по виду похожий на местного гробовщика, читал про Гангу Дина[43]. Аудитория хоть и не улюлюкала в строгом смысле этого слова, вид имела весьма мрачный, что мне совсем не понравилось. От одного взгляда на эту публику я почувствовал себя как Седрах, Мисах и Авденаго, когда им предстояло войти в пещь огненную.

Внимательно приглядевшись к толпе, я понял, что они временно отложили вынесение пригово-

[43] Примечания: 43

Ганга Дин — персонаж одноименного стихотворения Р. Киплинга. — *Прим. пер.*

ра. Случалось ли вам стучаться в двери одного из тех нью-йоркских баров, где незаконно торгуют горячительным и где перед вашим носом захлопывается решетка, а потом появляется лицо? Долгую минуту оно молча глядит на вас, и вся ваша прошлая жизнь проносится перед вами. Потом вы сообщаете, что вы друг мистера Зинзинхаймера, который вас предупредил, что, если вы на него сошлетесь, вас примут должным образом. И только тогда обстановка разряжается. Ну так вот, эти уличные торговцы и лавочники заставили меня вспомнить это лицо. «Ну-ка, попробуй отколи коленце, — казалось, говорили они, — мы тебе покажем, где раки зимуют». Признаться, меня не оставляло чувство, что стоит мне выйти на сцену со своим «Эй, сынок!», как они тут же сочтут, что я «попробовал отколоть коленце».

— Полный зал, сэр, — произнес голос у меня над ухом. Рядом со мной стоял Дживс и благосклонно наблюдал за представлением.

— И вы здесь? — холодно сказал я.

— Да, сэр. Я здесь присутствую с самого начала.

— Вот как? Ну и что, есть потери?

— Сэр?

— Дживс, вы меня отлично понимаете, — сурово проговорил я, — пожалуйста, не притворяй-

тесь. Кто-нибудь уже провалился?

— Нет, сэр.

— Думаете, я буду первый?

— Нет, сэр. Я не вижу оснований предполагать, что вы потерпите неудачу, сэр. Я не сомневаюсь, что вас примут хорошо.

Внезапно меня поразила одна мысль.

— Вы уверены, что все пойдет так, как было намечено?

— Да, сэр.

— А я не уверен. И скажу вам почему. В вашем дурацком плане есть слабое место.

— Слабое место, сэр?

— Именно. Неужели вам не пришло в голову, что мистер Глоссоп, услышав, как я пою эту проклятую песню, откажется выйти на сцену после меня? Дживс, пошевелите извилинами. Мистер Глоссоп поймет, что перед ним разверзлась бездна, и вовремя остановится. Он вообще не станет выступать.

— Мистер Глоссоп не услышит, как вы поете, сэр. По моему совету он посетил «Кувшин и бутылку» — заведение, которое находится как раз напротив концертного зала. Мистер Глоссоп не намерен его покидать, пока не придет его очередь выйти на подмостки.

— Да? — сказал я.

— Если позволите, сэр, здесь неподалеку имеется еще одно заведение, которое называется «Коза и виноград». Мне кажется, было бы весьма целесообразно…

— …чтобы я навестил эту самую «Козу с виноградом»?

— Это помогло бы вам снять нервное напряжение, сэр, в ожидании выступления.

Я все еще сердился на Дживса за то, что он втянул меня в эту гнусную историю, но, должен признаться, последние его слова немного меня смягчили. Спору нет, он был прав. Он изучал психологию личности, и это не давало ему сбиться с верного пути. Спокойные десять минут в «Козе и винограде» — именно то, чего требовала нервная система моей личности. Рвануть в упомянутое заведение и пропустить пару стаканчиков виски с содовой было для Бертрама Вустера минутным делом.

Лечение оказало на меня прямо-таки магическое действие. Что еще они лили в напиток, кроме медного купороса, не знаю, но он в корне изменил мои взгляды на жизнь. Исчезло мучившее меня странное удушье. Я больше не чувствовал слабости в коленках. Конечности не дрожали,

язык развязался, спина распрямилась. Помедлив ровно столько, чтобы заказать еще стаканчик и осушить его, я радостно пожелал официантке покойной ночи, приветливо кивнул парням, сидевшим в баре, — мне очень понравились их лица — и гоголем направился в зал, готовый ко всему.

Вскоре я уже стоял на сцене, и миллион выпученных глаз таращился на Бертрама. В ушах у меня странно жужжало. Потом сквозь это жужжание я услышал, как затренькало пианино. И, вручив свою душу Господу, я набрал полную грудь воздуха и запел.

И как все только не сорвалось. Свое выступление я помню как в тумане. Кажется, когда я затянул припев, по залу пошел ропот, я подумал, что, наверное, зрители хотят мне подпевать, и эта мысль очень меня воодушевила. Тут уж я расстарался и выжал из своей глотки все, на что способен, с ходу взял самую высокую ноту и элегантно удалился в кулисы. Кланяться я не выходил, просто убрался подобру-поздорову и направился к Дживсу, который меня ждал, стоя в задних рядах.

— Ну, Дживс, — сказал я, бросая якорь рядом с ним и отирая со лба праведный пот, — по край-

ней мере, подмостки не снесли.

— Да, сэр.

— Но теперь вы можете всех оповестить, что я в последний раз пел за стенами своей ванной комнаты. Это была моя лебединая песнь, Дживс. Всякого, кто захочет меня послушать, прошу пожаловать к двери моей ванной и приложить ухо к замочной скважине. Может, я и ошибаюсь, но мне показалось, что к концу моего выступления зрители как-то заволновались. По-моему, тень провала витала в воздухе, я слышал, как она бьет крылами.

— Я тоже подметил, сэр, что аудитория несколько возбуждена. Видимо, она утратила интерес к этой мелодии.

— А?

— Мне бы следовало заранее вас информировать, сэр, что перед вами эту песню уже исполняли дважды.

— Что?!

— Да, сэр. Одна дама и один джентльмен. Это очень популярное произведение, сэр.

У меня отвисла челюсть. Как он мог, зная это, спокойно отправить своего господина на верную гибель?! Я был потрясен. Видимо, прославленная верность слуги своему господину навсегда

утрачена. Я хотел решительно, не стесняясь в выражениях, изложить Дживсу свою точку зрения на его поступок, но меня остановило поразительное зрелище — на сцену, пошатываясь, шел Таппи.

По его виду можно было безошибочно сказать — вот человек, который недавно свел близкое знакомство с «Кувшином и бутылкой». Раздалось несколько радостных возгласов — вероятно, Таппи приветствовали партнеры по игре в триктрак, признавшие в нем своего. Услышав одобрительные крики, Таппи расплылся в широченной — от уха до уха — улыбке. Видно, он был в стельку пьян, хотя все еще держался на ногах, и очень доволен собой. Благодушно помахав рукой своим сторонникам, он отвесил публике царственный поклон — ну прямо восточный монарх перед восторженной толпой.

Девица за фортепиано ударила по клавишам и заиграла вступление к «Эй, сынок!». Таппи раздулся, как шар, сцепил пальцы, возвел глаза к потолку для большей убедительности и запел. По-моему, в первую минуту народ был слишком ошеломлен и поэтому не предпринял немедленных шагов. Удивительно, но, даю слово, Таппи пел, а в зале стояла мертвая тишина. Но вскоре

народные массы опомнились.

Разъяренный уличный торговец поистине ужасен. Прежде мне никогда не приходилось видеть по-настоящему распаленный пролетариат, и, должен сказать, это зрелище нагнало на меня страху. В том смысле, что сразу стало понятно, как было дело во время Французской революции. Со всех сторон из зала послышался рев, такой услышишь, как мне говорили, только на рингах Ист-Энда, когда рефери дисквалифицирует народного любимца, а потом удирает без оглядки, спасая свою жизнь. Затем народ перешел от слов к делу, и в ход пошли овощи.

Не знаю почему, но я ожидал, что в первую очередь в Таппи бросят картофелину. У каждого на этот счет свое мнение. Однако в него полетел банан, и я сразу уразумел, насколько правильно был сделан выбор: видно, действовали умные головы, не чета мне. Эти парни с детства знают, как надо поступать с теми, кто им не по нраву, у них на это особое чутье. Увидев, как банан размазался по рубашке Таппи, я понял, насколько он эффективнее и живописнее, чем картофелина.

Правда, приверженцы картофельной школы тоже не оплошали. В разгар побоища я заметил нескольких парней довольно интеллигентного

вида, которые швырялись исключительно картофелинами.

Реакция Таппи была поистине удивительной. Глаза у него выпучились, волосы стали дыбом, но рот исправно открывался и закрывался, и было понятно, что он в шоке автоматически продолжает петь «Эй, сынок!». Потом, выйдя из транса, он на хорошей скорости припустил за кулисы. Последнее, что я видел, — летящий помидор, который непременно шмякнулся бы Таппи в спину, не скройся он за кулисой.

Вскоре суматоха улеглась, крики смолкли. Я обернулся к Дживсу.

— Тягостная картина, — сказал я. — Но что поделаешь!

— Да, сэр.

— Хирургические меры, так это называется?

— Совершенно верно, сэр.

— Думаю, после этого зрелища мы, несомненно, можем считать, что роману Глоссоп — Беллинджер пришел конец.

— Да, сэр.

В эту минуту на сцене появился старина Бифи Бингем.

— Леди и джентльмены, — проговорил Бифи.

Я ожидал, что он упрекнет своих подопеч-

ных за столь неподобающий способ выражать свои чувства. Однако я ошибся. Безусловно, он уже был приучен к взаимным компромиссам, неизбежным на этих возвышающих душу представлениях, и давно понял, что не стоит обращать внимания, если зал несколько оживился.

— Леди и джентльмены, — сказал старина Бифи, — следующим номером нашей программы должны были быть песни в исполнении мисс Коры Беллинджер, прославленного меццо-сопрано. Мисс Кора Беллинджер только что мне звонила. У нее сломался автомобиль. Однако она взяла такси и вскоре сюда прибудет. А тем временем наш друг мистер Инок Симпсон прочтет поэму «Кровожадный Дэн Макгру».

Я уцепился за Дживса:

— Дживс! Вы слышите?

— Да, сэр.

— Ее здесь не было!

— Да, сэр.

— Она не видела Ватерлоо своего возлюбленного.

— Не видела, сэр.

— Весь ваш идиотский план сорвался.

— Да, сэр.

— Пойдемте, Дживс, — сказал я, и те, кто стоял

рядом со мной, наверное, удивились, почему выразительное лицо Бертрама так побледнело и взгляд застыл. — Я подвергся такому нервному потрясению, какое выпадало на долю разве что первым христианам-мученикам. Я потерял несколько фунтов веса, и мой организм надолго вышел из строя. Я прошел через тяжкие испытания, воспоминания о которых заставят меня из месяца в месяц пробуждаться ночью с пронзительным криком. И все это впустую. Идемте.

— Если вы не возражаете, сэр, я бы хотел остаться и досмотреть представление.

— Дело ваше, Дживс, — сказал я уныло. — Лично мне уже ничего не хочется. Загляну, пожалуй, в «Козу и виноград», пропущу еще стаканчик цианистого калия и отправлюсь домой.

Должно быть, было около половины одиннадцатого. Я сидел в своей столь дорогой моему сердцу гостиной, мрачно потягивая укрепляющее средство, более или менее последний стакан за сегодняшний день, когда в парадную дверь позвонили и передо мной возник Таппи. У него был такой вид, будто он пережил великий опыт общения с собственной душой. Под глазом наливался смачный синяк.

— А-а, Берти, привет, — сказал он и принялся

расхаживать вокруг камина, будто прикидывая, что бы такое повертеть в руках или, может, разбить. — Я только что пел в концерте у Бифи Бингема, — сказал он после непродолжительного молчания.

— Да? Ну и как?

— Очень лихо, — сказал Таппи. — Зрители в диком восторге.

— Сразил их?

— Наповал, — сказал Таппи. — Плакали как дети.

Заметьте, это говорил человек, получивший прекрасное воспитание, человек, который с молоком матери впитал, что ложь — смертный грех.

— Наверное, мисс Беллинджер довольна?

— Да, в полном восторге.

— Значит, теперь полный порядок?

— Да, конечно.

Таппи помолчал.

— Но с другой стороны, Берти…

— Да?

— Знаешь, я все хорошенько обдумал. Как-то я сомневаюсь… по-моему, мисс Беллинджер мне все-таки не пара.

— Сомневаешься?

— Да.

— Но почему вдруг?

— Даже не знаю. На тебя находит вроде как озарение. Берти, я очень уважаю мисс Беллинджер. Восхищаюсь ею. Но… э-э… Берти, я ничего не могу с собой поделать… Чувствую, что добрая, милая девушка… э-э… как твоя кузина Анджела, например… была бы… э-э… на самом деле… Словом, я хочу попросить тебя, может, ты позвонишь Анджеле и узнаешь, как она отнесется к предложению пойти сегодня вечером к Беркли поужинать и потанцевать.

— Тогда вперед! Вот телефон.

— Нет, Берти, я бы все-таки попросил тебя. Так или иначе, если ты проложишь дорогу… Видишь ли, может случиться, что она… в смысле, ты ведь знаешь, случаются всякие недоразумения… Берти, дружище, ты понимаешь, к чему я клоню? Пожалуйста, похлопочи за меня, проложи дорожку, если ты не против.

Я подошел к телефону и позвонил тете Далии.

— Она говорит, что ты можешь прийти, — сказал я.

— Передай ей, — благоговейно проговорил Таппи, — она и глазом не успеет моргнуть, а я уже буду у нее.

Едва он умчался, как я услышал щелчок замка

и мягкие шаги по коридору.

— Дживс, — позвал я.

— Сэр? — сказал Дживс, появляясь в гостиной.

— Дживс, удивительные вещи творятся на свете. Здесь только что был мистер Глоссоп. Сказал, что у них с мисс Беллинджер все кончено.

— Да, сэр.

— Кажется, вы совсем не удивлены.

— Нет, сэр. Признаться, я предвидел подобную возможность.

— Да? Но почему?

— Эта мысль мне пришла, когда я увидел, как мисс Беллинджер ударила мистера Глоссопа в глаз.

— Ударила?!

— Да, сэр.

— В глаз?!

— В правый глаз, сэр.

Я схватился за голову:

— Что, черт подери, на нее нашло?

— Мне показалось, сэр, мисс Беллинджер была немного расстроена приемом, который ей устроила аудитория.

— Господи боже мой! Неужели она тоже провалилась?

— Да, сэр.

— Но почему? У нее прекрасный голос.

— Да, сэр. Но я думаю, публику возмутил ее репертуар.

— Дживс! — Мысли у меня в голове пустились вскачь. — Неужели мисс Беллинджер тоже им спела «Эй, сынок!»?

— Да, сэр. К тому же она вынесла на сцену — на мой взгляд, весьма необдуманно — большую куклу и пела, обращаясь к ней. Аудитория впала в заблуждение и приняла ее за марионетку-чревовещателя. Вследствие этого случился небольшой беспорядок.

— Но какое странное совпадение, Дживс!

— Не совсем, сэр. Я рискнул взять на себя смелость подойти к мисс Беллинджер, когда она приехала на концерт, и напомнить ей о себе. Затем я сказал, что мистер Глоссоп просил меня передать ей его горячее пожелание исполнить в знак особого к нему расположения его любимую песню «Эй, сынок!». Когда мисс Беллинджер узнала, что и вы, и мистер Глоссоп тоже пели эту песню непосредственно перед ней, мне кажется, она сочла, что стала жертвой глупой шутки мистера Глоссопа. Будут ли какие-нибудь приказания, сэр?

— Нет, спасибо.

— Покойной ночи, сэр.

— Покойной ночи, Дживс, — благоговейно сказал я.

Глава 5
Случай с собакой Макинтошем

Мой крепкий сон был прерван звуком, напоминающим отдаленные раскаты грома, и когда сонный туман немного рассеялся, я смог определить, что это за звук и откуда он исходит. Источником его был теткин скотчтерьер Макинтош, который царапался в дверь. Дело в том, что моя тетушка Агата отбыла лечиться в Экс-ле-Бен, а на мое попечение оставила это скудоумное животное, с которым у нас резко расходятся взгляды на предмет раннего вставания. Хотя часы не показывали и десяти, глупый пес был тут как тут.

Я позвонил, и вскоре из ниоткуда возник Дживс с подносом. Впереди Дживса бежало животное, оно вскочило на кровать, проворно лизнуло меня в правый глаз, свернулось клубочком и немедленно погрузилось в глубокий сон. Объясните мне: какой смысл подниматься ни свет ни заря и ломиться в дверь, если вы намерены при первой же возможности снова завалиться спать? Тем не менее каждый день на протяжении последних пяти недель малахольный пес упрямо придержи-

вался одной и той же стратегии, и, признаться, мне это уже здорово надоело.

На подносе лежало два-три письма, и, залив в утробу с полчашки живительного напитка, я почувствовал, что теперь в силах за них приняться. Сверху лежало письмо от тетушки Агаты.

— Ха! — сказал я.

— Сэр?

— Я сказал «Ха!», Дживс. И это «Ха!» выражает облегчение. Тетушка Агата возвращается сегодня вечером. От шести до семи она будет в своей городской резиденции и надеется, что ее там встретит Макинтош.

— Вот как, сэр? Мне будет не хватать песика.

— Мне тоже, Дживс. Несмотря на его привычку подниматься чуть свет и до завтрака врываться ко мне с изъявлениями любви, он славный малый. Тем не менее я чувствую большое облегчение при мысли, что он скоро отправится восвояси. Пока пес находился под моей опекой, я не знал ни минуты покоя. Вам известно, что за дама тетушка Агата. Она расточает любовь своей собаке, вместо того чтобы окружить этой любовью родного племянника. И если, не дай бог, с псом что-нибудь случится, пока я выступаю

in loco parentis[44], если он подцепит бешенство, вертячку или гельминтоз, тетя Агата обвинит меня.

— Совершенно верно, сэр.

— А вы хорошо знаете, Дживс, для тети Агаты и того, кого она сочтет виновным, Лондон становится слишком тесен.

Я вскрыл второе письмо и пробежал его глазами.

— Ха! — сказал я.

— Сэр?

— Еще одно «Ха!», Дживс, однако на этот раз оно означает умеренное удивление. Это письмо от мисс Уикем.

— Вот как, сэр?

В голосе Дживса я почувствовал озабоченность, и для меня не было секретом, какой вопрос он сейчас себе задает: «Неужели мой молодой господин близок к тому, чтобы снова поскользнуться?» Видите ли, в свое время сердце Берти Вустера было до некоторой степени пленено этой самой Робертой Уикем, которая никогда не удостаивалась одобрения со стороны Дживса. Он считал ее ветреной, своевольной и опасной для людей

---

[44] Примечания: 44
В роли родителя *(лат.)*.

и животных. И я обязан сказать, что события в известной мере подтвердили его точку зрения.

— Она хочет, чтобы я сегодня пригласил ее на обед.

— Вот как, сэр?

— А также двух ее друзей.

— Вот как, сэр?

— Сюда. К половине второго.

— Вот как, сэр?

Я почувствовал раздражение.

— Дживс, бросьте подражать попугаю, — сказал я, решительно взмахнув куском хлеба с маслом. — Какой смысл стоять тут и твердить «Вот как, сэр?»? Я знаю, что у вас на уме, и прямо заявляю — вы ошибаетесь. По отношению к мисс Уикем Бертрам Вустер холоден как сталь. Но не вижу, черт побери, причины отказывать ей в такой малости, как обед. Вустер может разлюбить, но он всегда сохраняет учтивость.

— Очень хорошо, сэр.

— В таком случае посвятите утро хлопотам и запасите снедь. В традициях старого короля Венцеслава[45]. Помните? «Принеси мне мясо и принеси мне птицу…»

---

[45] Примечания: 45

…старого короля Венцеслава. — Нил Д. М. (1818–1886), «Славный король Венцеслав». — *Прим. пер.*

— «Принеси мне мясо и принеси мне вина», сэр.

— Может, и так. Вам лучше знать. Да, Дживс, и еще фруктовый рулет.

— Сэр?

— Да, фруктовый рулет, и в нем как можно больше варенья. Мисс Уикем особо об этом упоминает. Загадочная история, верно?

— Чрезвычайно загадочная, сэр.

— Кроме того, устрицы, мороженое, горы шоколадных конфет с такой вязкой, скользкой начинкой. От одной мысли о них тошнит.

— Да, сэр.

— Вот и меня тоже. Но она этого хочет. Должно быть, сидит на особой диете. Ладно, что поделаешь! Позаботьтесь обо всем, Дживс, хорошо?

— Да, сэр.

— К половине второго.

— Хорошо, сэр.

— Благодарю вас, Дживс.

В половине первого я вывел Макинтоша в парк на утреннюю прогулку и, вернувшись минут через сорок, обнаружил, что в гостиной сидит Бобби Уикем, курит и болтает с Дживсом, который отвечает ей, по-моему, довольно сухо.

Думаю, я вам уже рассказывал о Бобби Уикем.

Это та самая рыжеволосая девица, которая безжалостно опозорила меня в истории с Таппи Глоссопом и грелкой. Я тогда приехал к ним на Рождество в Скелдингс-Холл, это их имение в Хартфордшире. Мать Бобби, леди Уикем, пишет романы, которые, по-моему, хорошо раскупаются теми, кто любит сентиментальный вздор. Леди Уикем — внушительная особа, похожая на мою тетушку Агату. Бобби совсем другая, фигурка у нее — как у кинозвезды Клары Бау. Когда я вошел в гостиную, Бобби так сердечно со мной поздоровалась, что Дживс, который направлялся в буфетную, чтобы смешать коктейли, замер у двери и послал мне печальный, полный тревоги взгляд, каким мудрый старый отец предостерегает легкомысленного сына, увлеченного местной красоткой. Я кивнул Дживсу с таким видом, будто хотел сказать: «Холоден как сталь!» — и он выскользнул, предоставив мне играть роль радушного хозяина.

— Берти, ужасно мило с твоей стороны, что ты согласился угостить нас обедом, — сказала Бобби.

— Не бери в голову, старушка. Всегда тебе рад.

— Ты приготовил все, о чем я просила?

— Вся перечисленная тобой гадость лежит в

буфетной. Послушай, с каких пор ты пристрастилась к фруктовому рулету?

— Берти, это не для меня. Должен прийти маленький мальчик.

— Что?!

— Берти, прости, пожалуйста, — сказала она, заметив мое волнение. — Мне понятны твои чувства, и я не собираюсь притворяться, будто не знаю, что этот мальчишка совсем не подарок. Даже не верится, что бывают такие дети. Но мне позарез надо к нему подлизаться, всячески его ублажить и вообще принять его как важного гостя, потому что все зависит только от него.

— В каком смысле?

— Сейчас объясню. Ты ведь знаешь маму?

— Чью маму?

— Мою.

— Ну конечно. Я думал, ты говоришь о матери этого ребенка.

— У него нет мамы. У него только папа — крупный театральный деятель из Америки. Я с ним познакомилась на днях на одной вечеринке.

— С папой?

— Ну да.

— Или с ребенком?

— Нет, с папой.

— Понятно. Пока все понятно. Валяй дальше.

— Ну вот, мама — моя мама — написала пьесу по одному из своих романов, и когда я познакомилась с этим папой — с театральным папой — и, между нами, он положил на меня глаз, я себе сказала: «А почему бы нет?»

— Что «почему бы нет»?

— Почему бы не подсунуть ему мамину пьесу.

— Ты говоришь о своей маме?

— Ну конечно, о своей. Не о его же. У него, как и у ребенка, тоже нет мамы.

— Наверное, это у них наследственное.

— Понимаешь, Берти, так уж получилось, что мама сейчас на меня ужасно сердится. Во-первых, я разбила автомобиль… ну и еще кое-что было. Вот я и подумала, что мне выпал шанс наладить отношения. Я поворковала с этим Блуменфелдом…

— Знакомая фамилия.

— Да, он крупный деятель у себя в Америке. Сейчас приехал в Лондон узнать, нельзя ли тут купить стоящую пьесу. Ну вот, я с ним поворковала, а потом спрашиваю, не хочет ли он прослушать мамину пьесу. Он согласился, и я пригласила его на обед, чтобы прочитать ему эту пьесу.

— Ты собираешься читать ее здесь? — спросил

я, бледнея.

— Да.

— О господи!

— Я тебя понимаю, — сказала Бобби. — Конечно, это тоска зеленая. Но надеюсь, мне повезет. Все зависит от мальчишки. Видишь ли, этот Блуменфелд, непонятно почему, всегда полагается на его мнение. Наверное, считает, что интеллект среднего зрителя не выше, чем у этого ребенка, и…

Я издал слабый стон, и Дживс, который появился в дверях с коктейлями, бросил на меня страдальческий взгляд. Я вспомнил все.

— Дживс!

— Сэр?

— Помните, когда мы были в Нью-Йорке, отвратительный мальчишка по имени Блуменфелд буквально с грязью смешал Сирила Бассингтон-Бассингтона, который хотел поступить на сцену?

— Весьма живо, сэр.

— Ну так приготовьтесь. Он будет у нас обедать.

— Вот как, сэр?

— Рад, что вы отнеслись к моему сообщению с таким спокойствием. Я видел это исчадие ада всего несколько минут, и перспектива снова оказаться в его обществе вызывает у меня дрожь.

— Вот как, сэр?

— Хватит твердить «Вот как, сэр?». Вы видели этого монстра в действии и знаете, чего он стоит. Он сказал Сирилу Бассингтон-Бассингтону, человеку, которому даже не был представлен, что у него физиономия как у рыбины. Сразу же, едва только его увидел. Даю честное слово, что, если паршивец скажет мне, что у меня физиономия как у рыбины, я размозжу ему голову.

— Берти! — в волнении вскричала Бобби.

— Да, размозжу.

— Но ты погубишь все дело!

— И пусть. У нас, у Вустеров, есть гордость.

— Возможно, юный джентльмен не заметит, что у вас лицо как у рыбины, сэр, — сказал Дживс.

— М-м, это, конечно, меняет дело.

— Но мы не можем полагаться на счастливый случай, — сказала Бобби. — Скорее всего, это будет первое, что он заметит.

— В таком случае, мисс, — сказал Дживс, — было бы разумнее, если бы мистер Вустер не присутствовал на обеде.

Я так и просиял. Как всегда, Дживс нашел выход.

— Но мистеру Блуменфелду это может пока-

заться странным.

— Хорошо, можешь сказать ему, что я чудак. Скажи, что иногда на меня внезапно что-то находит, и тогда я не выношу общества людей. Придумай что хочешь.

— Но его это может оскорбить.

— Он еще больше оскорбится, если я двину его сыночку по зубам.

— Мне кажется, мисс, было бы целесообразно принять план, предложенный мной.

— Ладно уж, — сказала Бобби. — Тогда дуй побыстрей отсюда. Правда, мне хотелось, чтобы ты тоже слушал мамину пьесу и хохотал в нужных местах.

— Не думаю, что в пьесе будут такие места, — сказал я. И с этими словами в два прыжка выскочил в холл, схватил шляпу и рванул на улицу. В этот миг у подъезда остановился автомобиль, в котором сидели папаша Блуменфелд и его мерзкий отпрыск. Я понял, что мальчишка меня узнал, и сердце у меня ушло в пятки.

— Привет! — сказал он.

— Привет, — выдавил я.

— Куда это ты шпаришь? — спросило дитя.

— Хм-м, — буркнул я и припустил в открытые просторы.

Я пообедал в «Трутнях» в свое полное удовольствие, потом довольно долго сидел за кофе, покуривал сигареты. В четыре часа я решил, что можно, пожалуй, подумать о том, чтобы вернуться домой, но, не желая рисковать, я сначала позвонил Дживсу:

— Путь свободен, Дживс?

— Да, сэр.

— Младшего Блуменфелда поблизости не наблюдается?

— Нет, сэр.

— Может, забился куда-нибудь в укромный уголок?

— Нет, сэр.

— Как все прошло?

— Мне кажется, вполне удовлетворительно, сэр.

— Не спрашивали, почему меня нет?

— Я думаю, мистер Блуменфелд и юный мастер Блуменфелд были несколько удивлены вашим отсутствием, сэр. Судя по всему, они вас встретили, когда вы выходили из дома.

— В том-то и дело. Ужасно неловко, Дживс. Ребенок, видно, хотел со мной поговорить, а я что-то буркнул и промчался мимо. Они это как-нибудь обсуждали?

— Да, сэр. Юный мастер Блуменфелд высказался по этому поводу.

— Интересно, что он сказал?

— Не могу точно его процитировать, сэр, но он провел аналогию между вами и кукушкой.

— Кукушкой?

— Да, сэр. Он сказал, что у кукушки интеллект выше.

— Так и сказал? Вот видите, как я был прав, что ушел из дома. Одна такая шуточка с его стороны — и я врезал бы ему по зубам. Дживс, вы, как всегда, дали мне мудрый совет.

— Благодарю вас, сэр.

— Итак, поскольку путь свободен, я возвращаюсь домой.

— Может быть, сэр, вы сначала позвоните мисс Уикем? Она пожелала, чтобы я передал вам эту ее просьбу.

— В смысле, чтобы я ей позвонил?

— Совершенно верно, сэр.

— Хорошо. Ее номер?

— Слоан, 8090. Я думаю, это резиденция тетушки мисс Уикем на Итон-сквер.

Я набрал номер, и до меня немедленно донесся голосок юной Бобби. По его звучанию я догадался, что она чрезвычайно довольна.

— Алло? Берти, это ты?

— Собственной персоной. Какие новости?

— Блеск! Все прошло просто на ура. Обед был что надо. Ребенок наелся по самые брови и с каждой минутой становился все дружелюбнее. А когда прикончил третью порцию мороженого, то был готов расхвалить любую пьесу, даже мамину. Я шпарила изо всех сил, чтобы не дать ему опомниться, и он проглотил пьесу как миленький. Когда я дошла до конца, старый Блуменфелд говорит: «Ну, сынок, как, по-твоему?» Ребенок мечтательно улыбнулся — наверное, вспомнил о фруктовом рулете — и говорит: «Порядок, папуля». Сейчас старик Блуменфелд повел его в кино, а в половине шестого я пойду к ним в «Савой» подписывать контракт. Только что говорила по телефону с мамой, она вся в нетерпении.

— Потрясающе!

— Я знала, что ты обрадуешься. Ой, Берти, чуть не забыла. Помнишь, ты как-то говорил, что готов для меня на все?

Я настороженно замолчал. Честно признаться, я действительно однажды именно так и высказался, но это высказывание предшествовало истории с Таппи и грелкой. В более трезвом настроении, рожденном упомянутым эпизодом,

я бы не был так щедр на обещания. Вы знаете, как это бывает. Любовь вспыхивает и умирает, разум возвращается на свой трон, и вы уже не ощущаете в себе готовности плясать под дудку вашего кумира, как в раннем чистом пылу божественной страсти.

— Что ты хочешь, чтобы я сделал?

— Мне не надо, чтобы ты что-то делал. Это я кое-что сделала и надеюсь, ты не рассердишься. Видишь ли, только я начала читать пьесу, как в комнату вбежал твой пес, скотчтерьер. Ребенок пришел от него в восторг и, многозначительно глядя на меня, сказал, что мечтает как раз о такой собаке. Естественно, мне ничего не оставалось, как ответить: «Я тебе ее дарю».

Я покачнулся:

— Ты… ты… Что ты наделала?!

— Подарила ему твою собаку. Я знала, что ты не будешь возражать. Понимаешь, мне важно было задобрить мальчишку. Если бы я ему отказала, он бы охаял пьесу, и тогда все эти рулеты и прочие сласти пошли бы коту под хвост. Видишь ли…

Я бросил трубку. Челюсть у меня отвисла, глаза вытаращились. Я, шатаясь, вышел из телефонной кабины, неверной походкой добрел до выхода и окликнул такси. Ворвавшись в квартиру, я заво-

пил, призывая Дживса:

— Дживс!

— Сэр?

— Знаете, что случилось?

— Нет, сэр.

— Собака… пес тети Агаты… Макинтош…

— Я что-то его не вижу, сэр. Когда обед закончился, он куда-то делся. Может быть, он у вас в спальне?

— Да, как бы не так! В спальне! Я вам скажу, где он, — в «Савое»!

— Сэр?

— Мисс Уикем сказала, что отдала его Блуменфелду-младшему.

— Сэр?

— Отдала его этому гнусному мальчишке, говорю вам. Подарила. Отдала в качестве подарка. С наилучшими пожеланиями.

— Каковы мотивы данного поступка, сэр?

Когда я объяснил все обстоятельства дела, Дживс почтительно поцокал языком.

— Я всегда придерживался мнения, если вы припомните, сэр, — сказал он, — что мисс Уикем, хотя и очаровательная юная леди…

— Да-да, сейчас это не важно. Что мы можем предпринять? Вот в чем вопрос. От шести до

семи вернется тетя Агата и недосчитается скотчтерьера. А так как она, вероятно, всю дорогу страдала морской болезнью, легко представить себе, Дживс, что меня ожидает. Когда я выложу ей всю правду о том, что ее пес отдан совершенно постороннему человеку, думаю, мне не следует рассчитывать на милосердие с ее стороны.

— Положение очень тревожное, сэр.

— Как вы сказали?

— Очень тревожное, сэр.

Я фыркнул:

— Да? По-моему, Дживс, окажись вы в Сан-Франциско в эпицентре землетрясения, вы бы и бровью не повели. Английский язык, как мне твердили в школе, самый выразительный в мире, он весь напичкан миллионом разных прилагательных. А вы? Неужели не могли найти что-нибудь более подходящее, чтобы описать мое ужасное положение? Нет, Дживс, оно не просто тревожное — оно… оно… как это называется?

— Катастрофическое, сэр.

— Именно. Ну, так что же делать?

— Я принесу вам виски с содовой, сэр.

— Какой от него толк?

— Напиток вас освежит, сэр. А тем временем, если желаете, я подумаю, что можно предпринять.

— Идет.

— Очень хорошо, сэр. Я полагаю, вы не пожелали бы совершить какой-либо шаг, который мог бы подвергнуть опасности добрые отношения, установившиеся между мисс Уикем и мистером и мастером Блуменфелдами.

— А?

— Вы ведь не намерены, например, отправиться в отель «Савой» и потребовать, чтобы вам вернули собаку?

Соблазнительная мысль, конечно, но я отрицательно покачал головой. Есть поступки, которые Вустеры могут совершать, и есть поступки, которых Вустеры совершать не могут. Путь, указанный Дживсом, без сомнения, привел бы к успеху, однако несносный мальчишка разозлится и разбранит пьесу. Я уверен, какую бы пьесу ни накропала мамаша Бобби, театральная публика в восторг не придет, но я не мог, выражаясь языком поэзии, отвести чашу счастья от губ треклятой девчонки. Короче говоря, noblesse oblige[46].

— Нет, Дживс, — сказал я. — Но если вы придумаете, как мне тайно проникнуть в апартаменты Блуменфелда и похитить животное, не причиняя

---

[46] Примечания: 46
Положение обязывает *(фр.)*.

никому неприятностей, будет то, что надо.

— Я приложу все усилия, сэр.

— Тогда немедленно принимайтесь думать. Говорят, для мозга очень хороша рыба. Попробуйте поесть сардин, возвращайтесь, и посмотрим, каков будет результат.

— Очень хорошо, сэр.

Не прошло и десяти минут, как Дживс снова возник передо мною:

— Мне кажется, сэр…

— Да, Дживс?

— Мне кажется, сэр, я придумал план действий.

— Или схему.

— Или схему, сэр. План действий, или схему, которая применима к данной ситуации. Если я правильно вас понял, сэр, мистер и мастер Блуменфелды находятся в кинематографе?

— Верно.

— В таком случае они вряд ли вернутся раньше четверти шестого.

— Тоже верно. Мисс Уикем назначено прийти в половине шестого, чтобы подписать контракт.

— Следовательно, в апартаментах никого нет.

— Кроме Макинтоша.

— Кроме Макинтоша, сэр. Таким образом, все

зависит от того, распорядился ли мистер Блуменфелд провести мисс Уикем в апартаменты, чтобы она дожидалась его возвращения там.

— Почему от этого все зависит?

— Если мистер Блуменфелд отдал такое распоряжение, дело очень упрощается. Необходимо только, чтобы мисс Уикем прибыла в отель к пяти часам. Она поднимется в апартаменты. Вы тоже должны приехать в отель к пяти часам, сэр, и пройти по коридору мимо апартаментов. Если мистер и мастер Блуменфелды еще не вернулись, мисс Уикем откроет дверь, выйдет, а вы войдете, завладеете животным и уедете.

Я уставился на Дживса:

— Сколько банок сардин вы съели, Дживс?

— Ни одной, сэр. Я не люблю сардины.

— Стало быть, вы придумали этот поразительный, грандиозный, гениальный план, совсем не стимулируя свой мозг путем поедания рыбы?

— Да, сэр.

— Вам нет равных, Дживс.

— Благодарю вас, сэр.

— Стойте!

— Сэр?

— А если пес откажется идти ко мне? Вы же знаете, какой он малахольный. За это время,

особенно если он уже привык к новому месту, он наверняка меня забыл и теперь обойдется со мной как с чужаком.

— Я предусмотрел такую возможность, сэр. Самое разумное в данных обстоятельствах, сэр, — обрызгать ваши брюки анисовыми каплями.

— Анисовыми каплями?

— Да, сэр. Это средство широко используется в таком промысле, как похищение собак.

— Но, Дживс… как же… эти чертовы… анисовые капли?

— Я полагаю, в данном деле анисовые капли — самое главное, сэр.

— Но где достать эту дрянь?

— В любой аптеке, сэр. Мне кажется, сэр, вам стоит сразу же пойти и купить пузырек анисовых капель, а я тем временем телефонирую мисс Уикем, чтобы известить ее о предполагаемом мероприятии и удостовериться в том, что она будет допущена в апартаменты мистера и мастера Блуменфелдов.

Не знаю, каков мировой рекорд по молниеносному бегании в аптеку и приобретению анисовых капель, но склонен думать, что я его побил. Этот феноменальный скоростной бросок был вызван к жизни мыслью о том, что тетя Агата

с каждой минутой все ближе и ближе подкатывает к Лондону. Я шпарил домой с такой скоростью, что чуть не столкнулся с самим собой, на всех парах летевшим в аптеку.

Дживс сообщил мне хорошие новости:

— Все складывается в высшей степени благоприятно, сэр. Мистер Блуменфелд действительно распорядился, чтобы мисс Уикем была допущена в апартаменты. В данную минуту юная леди уже в пути. К тому времени, когда вы приедете в отель, она уже будет там.

Что ни говори о старине Дживсе — вот я, к слову сказать, первый готов утверждать, что его взгляды на вечерние рубашки крайне ограниченны и консервативны, — но надо признать: этот человек умеет составить план кампании. Наполеону не помешало бы брать у него уроки. Если уж Дживс разработал для вас план, вы должны всего лишь неуклонно следовать ему, не упуская ни одной мелочи, и тогда, считайте, дело в шляпе.

В данном случае все шло в идеальном соответствии с планом. Прежде я и не подозревал, что воровать собак так просто, мне казалось, это ремесло требует холодного ума и стальных нервов. Теперь же я понимаю, что с таким делом справится и младенец, если, конечно, им будет

руководить Дживс. Я вошел в отель, прокрался по лестнице и стал околачиваться в коридоре, прикидываясь пальмой в горшке, если кто-нибудь проходил мимо. Вскоре дверь блуменфелдовских апартаментов отворилась, на пороге появилась Бобби, за ней пулей вылетел Макинтош, страстно принюхался, немедленно уткнулся носом в благоуханную ткань моих брюк и принялся с восторгом упиваться запахом. Будь я птичкой, подохшей дней пять назад, он бы, наверное, обнюхивал меня с меньшим вожделением. Признаться, анис — не тот аромат, который предпочел бы я для себя, но он очевидно обладает способностью растрогать собаку до глубины души.

Таким образом, связь была установлена, остальное оказалось проще простого. Животное следовало за мной по пятам. Мы благополучно спустились по лестнице, я источал невыносимый запах, а Макинтош блаженно его вдыхал. Еще несколько нервозных минут — и мы, укрывшись в такси, мчались к дому. Операция прошла блестяще.

Как только мы вошли в квартиру, я поручил Макинтоша заботам Дживса и попросил его запереть животное в ванной комнате или где-нибудь еще, куда не проникал бы исходящий

от меня запах. И тут я снова отдал Дживсу дань восхищения.

— Дживс, — сказал я, — пользуясь случаем, хочу еще раз скупо, по-мужски, сказать то, что не раз говаривал прежде: вам нет равных.

— Благодарю вас, сэр. Я рад, что мероприятие прошло удачно.

— Не мероприятие, а развлечение. Скажите, Дживс, вы всегда в такой форме или вас внезапно осеняет?

— Сэр?

— Я говорю об уме. О сером веществе. Наверное, вы были феноменально умным ребенком?

— Моя матушка считала, что я умен, сэр.

— Ну, это не довод. Даже меня моя мама считала умным. Впрочем, не стоит сейчас об этом… Скажите, Дживс, вам бы пригодилась пятерка?

— Очень вам благодарен, сэр.

— Да что там пятерка! Вообразите, Дживс, — постарайтесь воочию представить себе такую картину, — что стало бы с тетей Агатой, если бы я явился к ней между шестью и семью и сообщил, что Макинтоша больше нет с нами. Мне бы пришлось бежать из Лондона и отпустить бороду.

— Я очень живо представляю себе, сэр, что миссис Спенсер Грегсон была бы весьма огорчена.

— Еще бы. А в тех случаях, когда тетя Агата бывает огорчена, даже отчаянные смельчаки готовы забиться в щель, только бы не попасться ей на глаза. Однако, к счастью, все закончилось благополучно… О господи!

— Сэр?

Я замялся. Совестно обескураживать человека, который так замечательно показал себя в деле, но смолчать было нельзя.

— Вы кое-что упустили из виду, Дживс.

— Вы уверены, сэр?

— Да, Дживс, к сожалению, должен сказать, что ваша схема, или план действий, превосходный во всем, что касается меня, ставит мисс Уикем в затруднительное положение.

— В каком смысле, сэр?

— Ну как, разве вы не понимаете? Если Блуменфелды узнают, что она была в апартаментах, когда произошла кража, и папочка и сынок сразу же догадаются, что она замешана в исчезновении Макинтоша, разобидятся, разозлятся, и контракт не будет подписан. Я удивлен, что вы этого не предусмотрели. Все-таки вам тогда стоило поесть сардин.

Я огорченно покачал головой, и тут в парадную дверь позвонили. Заметьте, когда раздается не

просто звонок, а непрерывный громкий трезвон, вы тотчас понимаете, что вас посетил некто с явными признаками высокого кровяного давления и явным поводом для недовольства вами. Я подскочил как ужаленный. Мои сегодняшние подвиги совершенно вывели меня из равновесия.

— Господи боже мой, Дживс!

— Кто-то пришел, сэр.

— Да.

— По-видимому, это мистер Блуменфелд-старший, сэр.

— Что?!

— Он телефонировал незадолго до вашего возвращения, предупредил, что собирается нанести вам визит.

— Только этого мне не хватало!

— Весьма сожалею, сэр.

— Что делать, Дживс?

— Мне представляется, сэр, наиболее разумным шагом было бы спрятаться за диван.

Я сразу оценил совет. Я не встречался с этим Блуменфелдом в обществе, но издали мне его видеть приходилось. Это было, когда они ссорились с Сирилом Бассингтон-Бассингтоном. Тогда Блуменфелд не произвел на меня впечатления человека, с которым приятно находиться в за-

мкнутом, ограниченном пространстве, особенно если этот тип чем-то взволнован. Крупный, тучный, грубый, настоящий хам, если что-то не по нему, он тут же набросится на вас и ударом в челюсть собьет с ног.

Поэтому я угнездился за диваном. Через минуту по комнате будто ураган пронесся, и в гостиную ввалилось нечто сверхъестественно громоздкое.

— Это чучело Вустер, — проревел голос, в котором чувствовались многие годы тренировки в оголтелом разносе актеров на генеральных репетициях. — Где он?

— Не могу сказать, сэр, — учтиво ответил Дживс.

— Он спер пса у моего сына.

— В самом деле, сэр?

— Нахально ворвался в мой номер и унес животное.

— Чрезвычайно огорчительно, сэр.

— И вы не знаете, где он?

— Мистер Вустер может находиться где угодно, сэр. Его поступки непредсказуемы.

Блуменфелд громко потянул носом:

— Странное зловоние!

— В самом деле, сэр?

— Чем здесь разит?

— Анисовыми каплями, сэр.

— Анисовыми каплями?

— Да, сэр. Мистер Вустер имеет обыкновение опрыскивать ими свои брюки.

— Опрыскивать брюки?

— Да, сэр.

— Какого черта?

— Не могу сказать, сэр. Поступки мистера Вустера, как правило, трудно объяснить. Он экстравагантный джентльмен.

— Экстравагантный? Может, он с заскоками?

— Вы не ошиблись, сэр.

— В смысле, с приветом?

— Именно, сэр.

Последовало молчание. Я бы сказал — довольно продолжительное.

— М-м? — произнес старина Блуменфелд. Мне показалось, в его голосе появились нотки сомнения.

Он снова помолчал.

— И он опасен?

— Да, сэр, если бывает раздражен.

— Гм… отчего же он раздражается?

— Одна из странностей мистера Вустера состоит в том, что ему не нравятся джентльмены дородного телосложения. Они приводят его в

бешенство.

— В смысле, толстые?

— Да, сэр.

— Почему?

— Этого никто не знает, сэр.

Снова воцарилось молчание.

— Я толстый, — задумчиво произнес старикашка.

— Я бы не взял на себя смелость это утверждать, сэр, но поскольку вы так считаете… Вероятно, вы припоминаете, сэр, что когда мистера Вустера уведомили, что вы приглашены на обед, он, не будучи уверен, что сможет сдержать себя, покинул дом.

— Да, это правда. Он как ошпаренный выскочил из подъезда в тот момент, когда мы подъехали. Я уже тогда подумал, что это очень странно. И мой сын тоже подумал, что это очень странно. Мы с ним оба подумали, что это очень странно.

— Да, сэр. Мистер Вустер, как мне кажется, желал избежать возможных неприятностей, какие уже имели место прежде… Что касается запаха анисовых капель, сэр, по-моему, я определил, откуда он исходит. Если не ошибаюсь, он распространяется из-за дивана. Скорее всего, мистер Вустер там спит.

— Что?!

— Спит, сэр.

— И часто он спит на полу?

— Почти всегда после полудня, сэр. Может быть, вы желаете, чтобы я его разбудил?

— Не надо!

— Мне казалось, вы хотели что-то сказать мистеру Вустеру, сэр.

Старик Блуменфелд перевел дух.

— Хотел, но теперь передумал, — пробормотал он. — Только бы выйти отсюда живым — большего я не прошу.

Я слышал, как дверь гостиной отворилась и затворилась. Немного погодя хлопнула парадная дверь. Я выполз из-под дивана. Там было не слишком уютно, и меня обрадовало, что можно наконец оказаться в более приятном месте.

— Ушел?

— Да, сэр.

Я одобрительно посмотрел на Дживса:

— Дживс, вы достигли небывалых высот.

— Благодарю вас, сэр.

— Что меня поражает, так это почему он вообще сюда явился. С какой стати он решил, что похитил Макинтоша я?

— Видите ли, сэр, вопрос, который вы подняли

в связи с тем, что мисс Уикем могут заподозрить в соучастии в деле похищения животного, не остался вне сферы моего внимания. Поэтому я взял на себя смелость посоветовать мисс Уикем сказать мистеру Блуменфелду, что она видела, как вы забрали животное. Мне показалось, что в результате такого заявления репутация мисс Уикем весьма возрастет в глазах мистера Блуменфелда.

— Понял. Риск, конечно, есть, но, вероятно, он оправдан. Да, в целом, конечно, оправдан. Что у вас в руках, Дживс?

— Банкнота в пять фунтов, сэр.

— А-а, та, что я вам дал?

— Нет, сэр. Эту я получил от мистера Блуменфелда.

— В самом деле? Что это на него наехало?

— Мистер Блуменфелд столь щедро наградил меня за то, что я вручил ему собаку, сэр.

Я разинул рот:

— Вы хотите сказать?..

— Нет, сэр, не Макинтоша. Макинтош находится в моей спальне. Мистеру Блуменфелду я отдал другое животное такой же породы, я его приобрел в магазине на Бонд-стрит во время вашего отсутствия. Все скотчтерьеры похожи друг на

друга как близнецы, сэр, и только любящий глаз может увидеть различие между ними. Я счастлив сообщить вам, сэр, что мистер Блуменфелд не заметил этой невинной подтасовки.

— Дживс, — сказал я прерывающимся — не стыжусь в этом признаться — голосом, — вам нет равных!

— Очень вам благодарен, сэр.

— Исключительно потому, что у вас череп изобилует выпуклостями в самых неожиданных местах и вы соображаете в два раза лучше, чем двое любых вместе взятых умников, благодать, можно сказать, воцарилась вокруг нас. Тетя Агата в выигрыше, я в выигрыше, Уикемы, и мамаша и дочка, в выигрыше, Блуменфелды, и отец и сын, в выигрыше. Куда ни кинь взгляд, куча людей благодаря вам в выигрыше. Дживс, тут пятеркой не обойдешься. Если бы я знал, что кому-то может прийти в голову, что Бертрам Вустер вздумал ограничиться какой-то жалкой пятеркой в качестве вознаграждения таких свершений, как ваши, мне было бы стыдно смотреть людям в глаза. По-моему, еще одна будет не лишней?

— Благодарю вас, сэр.

— И еще одна.

— Очень вам благодарен, сэр.

— И третья. Бог троицу любит.

— Большое спасибо, сэр, я чрезвычайно признателен. Прошу прощения, сэр, кажется, звонит телефон.

Он вышел в коридор, и я услышал, как он то и дело повторяет: «Да, мадам», «Разумеется, мадам».

— Миссис Спенсер Грегсон у телефона, сэр, — сказал он, возвращаясь в гостиную.

— Тетя Агата?

— Да, сэр. Ее сиятельство звонит с вокзала Виктория и желает поговорить с вами относительно скотчтерьера Макинтоша. Мне кажется, она желает услышать из ваших собственных уст, что с песиком все в порядке, сэр.

Я поправил галстук. Я одернул жилет. Я слегка выдвинул манжеты из рукавов. Я чувствовал себя на высоте в самом полном значении этого слова.

— Передайте ей, что я сейчас возьму трубку.

Глава 6
Произведение искусства

Я сидел за обедом у моей тетушки Далии, и хотя Анатоль, несравненный тетушкин повар, на этот раз превзошел себя по части кулинарных изысков, должен вам сказать, пища богов превращалась у меня во рту в нечто более или менее напоминающее мочалку. Понимаете, мне предстояло сообщить тетушке дурные вести, а подобная перспектива всегда начисто лишает меня аппетита. Тетя Далия будет недовольна, я это предвидел, а когда тетя Далия недовольна, она в выражениях не стесняется, недаром всю юность посвятила охотничьим забавам.

Однако, подумал я, лучше не тянуть кота за хвост и сразу покончить с неприятным делом.

— Тетя Далия, — сказал я, беря быка за рога.

— Да?

— Вы не забыли о круизе?

— Нет.

— В смысле — о путешествии на яхте, в которое вы собирались?

— Нет, не забыла.

— Об этом чудном круизе на вашей яхте по Средиземному морю, в который вы так любезно меня пригласили и который я с таким нетерпением предвкушал?

— К чему ты клонишь, олух царя небесного?

Я с трудом проглотил кусок cotelette-supreme-aux-choux-fleurs[47] и пролепетал:

— Мне очень жаль, тетя Далия, но я не смогу составить вам компанию.

Как я и ожидал, она вытаращила глаза:

— Что?!

— Очень жаль, но, боюсь, не смогу.

— Ты, чучело гороховое, хочешь сказать, что не едешь с нами?

— Да, никак не смогу.

— Это еще почему?

— Дела чрезвычайной важности требуют, чтобы я непременно остался в Лондоне.

Тетушка фыркнула:

— Знаю я твои дела! Верно, какая-нибудь дев-

---

[47] Примечания: 47

Котлета из самых лучших сортов мяса с цветной капустой *(фр.)*.

чонка снова вскружила тебе голову?

Мне очень не понравилось, как тетушка выражается, но, признаюсь, я был поражен ее проницательностью — или пронзительностью? — право, не знаю, как называется качество, которым наделены детективы.

— Да, тетенька, — сказал я, — вы угадали. Я и в самом деле влюблен.

— Кто она?

— Некая мисс Пендлбери. Ее имя Глэдис, но пишется Гвлэдис.

— В смысле — с буквой «г»?

— Да, с «г» и «в».

— Неужели Гвлэдис?

— Да, именно так.

Тетушка издала воинственный клич.

— Неужели у тебя не хватает ума бежать как от чумы от девицы, которая называет себя Гвлэдис? Послушай, Берти, — заговорила тетя Далия, взяв серьезный тон, — я гораздо более опытная женщина, чем ты, и могу дать тебе несколько полезных советов. Во-первых, если ты свяжешься с девицей, которая заявляет, что ее зовут Гвлэдис, или Зои, или Беэйта, или Мабелль, — жди беды. Причем самые опасные из них — Гвлэдис. Какова же твоя пассия?

— Она божественна.

— Не та ли это особа, которую я на днях видела в Гайд-парке? Она мчала тебя в красном спортивном автомобиле со скоростью шестьдесят миль в час?

— Да, на днях она меня катала в Гайд-парке. По-моему, это обнадеживающий знак. И у нее красный «виджен-севен».

Тетя Далия вздохнула с облегчением:

— Ну, тогда ты наверняка с ее помощью свернешь себе шею, прежде чем она потащит тебя к алтарю. Это немного утешает. Где ты с ней познакомился?

— На вечеринке в Челси. Она художница.

— Боже правый!

— Уверяю вас, тетенька, она достигла больших высот. Она написала мой портрет. Мы с Дживсом его сегодня повесили у нас в квартире. По-моему, Дживсу он не нравится.

— С какой стати он должен ему нравиться, если он на тебя хоть сколько-нибудь похож. Художница! Называет себя Гвлэдис! Гоняет на автомобиле как заправский шофер. — Тетушка задумалась. — Что ж, все это весьма прискорбно, но не понимаю, почему ты с нами не едешь.

Я объяснил:

— Надо быть ненормальным, чтобы в такой ситуации уехать из Лондона. Вы же знаете, каковы эти девицы. С глаз долой — из сердца вон. К тому же у меня из головы нейдет некий тип по имени Люций Пим. Мало того, что он тоже художник и их с Глэдис это связывает, так он еще и кудрявый. Никогда не следует сбрасывать со счетов кудрявые волосы, тетя Далия. И вообще этот Люций Пим крутой парень. Глэдис в грош не ставит. Охаивает ее шляпки, поносит ее светотень. Я часто замечал, что по непонятным причинам такое обхождение пленяет девиц, а так как я по натуре настоящий крем-брюле, да еще и рыцарь в придачу, то, сами видите, положение у меня невыгодное.

Учитывая все эти соображения, я не могу пуститься в Средиземное море, оставив без присмотра этого самого Пима. Вы же понимаете, тетя Далия.

Тетушка расхохоталась. Хохот был довольно противный. Этакий, знаете, презрительный.

— Стоит ли волноваться, — сказала тетка. — Неужели ты хоть на минуту допускаешь мысль, что Дживс одобрит твой выбор?

Я был уязвлен.

— Стало быть, вы считаете, тетя Далия, — ска-

зал я и, помнится, стукнул черенком вилки по столу… или не стукнул? Нет, кажется, все-таки стукнул, — что я допущу, чтобы Дживс руководил мною, чтобы он помешал мне жениться, на ком я хочу?

— Но он же не позволил тебе отрастить усы, правда? А вспомни фиолетовые носки? А мягкие рубашки с фраком?

— Ну, это совсем другое дело.

— Готова заключить с тобой пари, Берти. Дживс не допустит этого брака.

— Какая чепуха!

— И от портрета отделается, если он ему не по вкусу.

— Чепуха! Не бывать этому никогда.

— И к назначенному часу доставит тебя, бестолочь ты несчастная, на борт нашей яхты. Не ведаю, как он это сделает, но ты будешь на месте, экипированный всем — от яхтсменской кепки до трех дюжин запасных носков.

— Тетя Далия, давайте переменим тему, — холодно сказал я.

Расстроенный до глубины души таким отношением со стороны ближайшей родственницы, я вынужден был немного погулять по Гайд-парку, чтобы успокоиться. Около половины пятого, ко-

гда мои нервы перестали вибрировать, я вернулся домой. Дживс стоял в гостиной и рассматривал портрет.

Я чувствовал себя несколько неловко, так как перед уходом объявил Дживсу, что намерен отменить морское путешествие, и хотя он сделал вид, что ему все равно, я знал, что он огорчен. Видите ли, он заранее предвкушал это плавание. С той минуты, как я принял приглашение тетушки, его глаза загорелись мечтой о море. Мне даже показалось, что он напевает на кухне хоровые матросские песни. Должно быть, кто-то из предков Дживса был моряком, может, даже служил под началом Нельсона, потому что любовь к морю у него в крови. Когда мы с ним плыли в Америку, я не раз замечал, как он расхаживает по палубе вразвалочку, будто истый моряк, и казалось, вот-вот бросится поднимать мейн-брас или сплеснивать нактоуз.

И хотя я выложил Дживсу все резоны, поверил ему свои сердечные тайны, ничего не скрывая, мне было совершенно ясно, что он раздосадован, поэтому, войдя в гостиную, я сразу постарался внести немного сердечности в наши отношения:

— Ну как, Дживс, по-моему, неплохо смотрится, а?

— Да, сэр.

— Произведение искусства украшает дом как ничто другое.

— Да, сэр.

— Придает комнате некий… как бы сказать…

— Да, сэр.

Соглашаться-то он соглашался, но тон у него был начисто лишен сердечности, и я твердо решил вправить ему мозги. В конце концов, черт побери! Не знаю, имеется ли у вас дома ваш портрет, но если имеется, вы поймете мои чувства. Созерцание собственного портрета, висящего на стене, рождает в вас по отношению к нему нечто вроде отеческой нежности, и от окружающих вы ждете похвал и восторгов. А вместо этого они кривят губы, морщат нос, про взгляд и говорить нечего — стеклянный, надменный, точно у дохлой скумбрии. Представьте себе, каково вам приходится, если этот портрет написала девушка, к которой вы питаете чувства куда более глубокие и теплые, чем просто дружба.

— Дживс, — сказал я, — это произведение вам не по душе.

— О нет, сэр, отчего же.

— Дживс, увертки бесполезны. Вы для меня — открытая книга. По какой-то причине этот

портрет вам не нравится. Что вы имеете против него?

— Мне кажется, цветовая гамма немного ярковата, сэр.

— А мне не кажется, Дживс. Что еще?

— Прошу прощения, сэр, но мисс Пендлбери придала вашему лицу несколько голодное выражение.

— Голодное?

— Возникают некоторые ассоциации с собакой, взирающей на косточку, сэр.

Тут я его оборвал:

— Ничего подобного, никакого сходства с собакой, взирающей на косточку, я не вижу. По-моему, лицо на портрете имеет задумчивое и одухотворенное выражение.

— Понимаю, сэр.

Я перевел разговор на другую тему:

— Мисс Пендлбери сказала, что, может быть, навестит нас сегодня, чтобы осмотреть портрет. Она приходила?

— Да, сэр.

— И ушла?

— Да, сэр.

— То есть совсем ушла?

— Совершенно верно, сэр.

— Может быть, она сказала, что вернется?

— Нет, сэр. У меня сложилось впечатление, что у мисс Пендлбери не было намерения возвращаться, сэр. Она была немного огорчена, сэр, и выразила желание вернуться в студию отдохнуть.

— Говорите, огорчена? Чем же?

— Несчастным случаем, сэр.

Я не то чтобы нахмурился — вернее, нахмурился, но мысленно:

— Неужели с ней произошел несчастный случай?

— Да, сэр.

— Какой именно?

— Мисс Пендлбери попала в аварию, сэр.

— И получила увечья?

— Нет, сэр. Увечья получил джентльмен.

— Какой джентльмен?

— Мисс Пендлбери имела несчастье сбить джентльмена почти напротив нашего дома. У него перелом ноги, правда не слишком тяжелый.

— Ничего себе! А с мисс Пендлбери все в порядке?

— Мне кажется, сэр, ее физическое состояние вполне удовлетворительно. Она испытывает нравственные страдания.

— Ну, разумеется, ведь она тонкая, чувствительная натура. Это вполне естественно. Как невыносимо жесток для юной девушки этот мир, где все так и норовят броситься под колеса ее автомобиля. Должно быть, бедняжка испытала страшное потрясение. А что с оболтусом?

— Вы имеете в виду джентльмена, сэр?

— Да.

— Он находится здесь, сэр, в спальне для гостей.

— Что?!

— Да, сэр.

— Он здесь, в спальне?

— Да, сэр. Мисс Пендлбери пожелала, чтобы его принесли сюда. Она распорядилась, чтобы я телеграфировал в Париж сестре этого джентльмена, сэр, и уведомил ее о несчастном случае. Кроме того, я вызвал доктора, который сказал, что, по его мнению, пациент некоторое время должен сохранять status quo.

— В том смысле, что тело бог знает сколько времени нельзя вынести из дома?

— Да, сэр.

— Дживс, по-моему, это слишком!

— Да, сэр.

Да, черт подери, слишком! Я хочу сказать, будь

барышня трижды божественной, будь ваше сердце без остатка пленено ею и все такое прочее, никто не дает ей права превращать вашу квартиру в морг. Должен сказать, в эту минуту моя страсть чуть-чуть пошла на убыль.

— Ладно, полагаю, мне следует представиться этому идиоту. В конце концов, я же хозяин дома. Как его зовут?

— Мистер Пим, сэр.

— Пим?!

— Да, сэр. Юная леди, адресуясь к нему, называет его Люций. Он как раз шел сюда, чтобы посмотреть портрет, который написала мисс Пендлбери, поэтому и оказался на проезжей части вблизи вашего дома в тот момент, когда мисс Пендлбери выехала из-за угла.

Я направился в гостевую спальню. Надо сказать, мне было здорово не по себе. Не знаю, были ли вы когда-нибудь влюблены и попадался ли вам в качестве соперника кудрявый субъект, но, уверяю вас, в подобных обстоятельствах крайне нежелательно, чтобы этот самый соперник обосновался у вас в гостевой спальне, да еще со сломанной ногой. Кроме всего прочего, преимущества, которые он при этом, само собой, обретает, просто безграничны. Вот он полулежа,

с интересной бледностью в лице пощипывает виноград, девица исполнена жалости и сочувствия к нему, а вы — где же вам добиться успеха, когда вы расхаживаете по квартире в визитке и гетрах и на физиономии у вас играет здоровый румянец? По-моему, обстоятельства складывались для меня довольно мрачно.

Войдя в спальню, я увидел, что Люций Пим лежит на кровати, одетый в мою пижаму, курит мои сигареты и читает детективный роман. Он помахал в мою сторону сигаретой с этаким покровительственным, черт его подери, видом.

— А-а, Вустер, — сказал он.

— Давайте обойдемся без этих ваших «А-а, Вустер», — бесцеремонно оборвал его я. — Когда вы отсюда уберетесь?

— Думаю, примерно через неделю.

— Через неделю?!

— Или полторы. Пока доктор настаивает на полном покое и отдыхе. Так что извините, старина, но прошу вас не повышать голос. «Лишь тихий шепот войску был угоден». А теперь, Вустер, что касается аварии. Нам с вами надо прийти к взаимопониманию.

— Вы уверены, что не можете убраться отсюда?

— Уверен. Так сказал доктор.

— По-моему, необходимо посоветоваться с другим доктором.

— Нет смысла, мой друг. Доктор категорически запретил куда-либо меня перевозить, а он производит впечатление человека, знающего свое дело. Я понимаю, вас тревожит, что мне здесь недостаточно удобно. Уверяю, все будет хорошо. Кровать мне нравится. Итак, вернемся к теме аварии. Завтра приедет моя сестра. Она будет просто убита. Я ее любимый брат.

— Вы?

— Да.

— А сколько вас всего?

— Шестеро.

— И вы самый любимый?

— Да.

Наверное, остальные пятеро полные придурки, подумал я, но ничего не сказал. Мы, Вустеры, умеем держать язык за зубами, когда это необходимо.

— Она замужем за неким Слингсби. Должно быть, слышали — «Непревзойденные супы Слингсби». Он купается в деньгах. Наверное, считаете, что я могу время от времени взять у него в долг какую-нибудь мелочишку? — с горечью

вопросил Люций Пим. — Как бы не так! Впрочем, это к делу не относится. Штука в том, что сестра меня любит без памяти, поэтому может начать судебное преследование, и вообще от бедняжки Глэдис останется мокрое место, если сестра узнает, что это она меня сбила. Поэтому, Вустер, моя сестра не должна ни о чем догадываться. Прошу вас как порядочного человека хранить молчание.

— Естественно.

— Приятно, Вустер, что вы с ходу все уловили. Вы совсем не так тупы, как о вас говорят.

— Кто говорит, что я туп?

Пим поднял брови:

— А разве не говорят? Ну ладно. Как-никак этот вопрос мы решили. Если не придумаю что-нибудь получше, скажу сестре, что автомобиль, который меня сбил, не остановился, а номера я не заметил. А теперь, пожалуй, будет лучше, если вы меня покинете. Доктор особо настаивал на покое и отдыхе. К тому же хочу дочитать роман. Негодяй запустил кобру в дымоход, ведущий в комнату героини, и я за нее волнуюсь. Когда читаешь Эдгара Уоллеса, прямо поджилки трясутся. Я позвоню, если мне что-нибудь понадобится.

Я побрел в гостиную. Там я застал Дживса. Он

стоял и пристально глядел на мой портрет с таким выражением, будто картина причиняла ему нестерпимые страдания.

— Дживс, — сказал я, — кажется, мистер Пим прочно у нас обосновался.

— Да, сэр.

— Во всяком случае, в данное время. А завтра сюда явится его сестра, миссис Слингсби — «Непревзойденные супы Слингсби» собственной персоной.

— Да, сэр. Я телеграфировал миссис Слингсби в Париж около четырех. Если предположить, что когда доставили телеграмму, она находилась в отеле, то, без сомнения, завтра утром она сядет на пароход и прибудет в Дувр. Если же она предпочтет другой маршрут и отправится в Фолкстон, то как раз успеет на поезд, который прибывает в Лондон около семи. Вероятно, вначале она направится в свою резиденцию…

— Да-да, Дживс, — сказал я. — Захватывающая история, сколько экспрессии, сколько чувства. Вам следует в свободную минуту положить ее на музыку, получится шикарный вокальный вариант. А между тем запомните, пожалуйста, что я вам скажу. Миссис Слингсби ни в коем случае не должна узнать, что ноги ее брату переломала

мисс Пендлбери. Поэтому прошу вас навестить мистера Пима до приезда его сестры, уточнить, что он собирается ей наплести, и придерживаться этой версии во всех подробностях.

— Слушаюсь, сэр.

— А теперь, Дживс, как быть с мисс Пендлбери?

— Сэр?

— Она, конечно, придет справиться о здоровье мистера Пима.

— Вероятно, сэр.

— Так вот, она не должна меня здесь видеть. Дживс, вы ведь все знаете о женщинах, верно?

— Да, сэр.

— Тогда скажите, вправе ли я предполагать, что, если мисс Пендлбери придет навестить больного, увидит его, такого привлекательного своей бледностью, и, храня в памяти его трогательный образ, выйдет из спальни и наткнется на меня, слоняющегося тут в своих полосатых брюках, сравнение будет не в мою пользу. Вы понимаете? Взгляните на одну картину и на другую: первая — романтичная, а вторая… Что скажете?

— Совершенно верно, сэр. Это именно тот вопрос, к которому я собирался привлечь ваше внимание. Любой беспомощный, прикованный

к постели человек, вне всякого сомнения, пробуждает материнский инстинкт, свойственный каждой женщине, сэр, и вызывает в ее душе глубочайшие чувства. Писатель В. Скотт весьма точно подметил эту особенность женского сердца: «О женщины, коль в жизни гладь да тишь, капризны, вздорны вы, на вас не угодишь… Когда же час страдания пробьет…»[48]

Я покачал головой.

— Дживс, как-нибудь в другой раз, — сказал я, — я с большим удовольствием послушаю, как вы читаете В. Скотта, но сейчас я не в настроении. В том положении, которое я вам описал, мне лучше отсюда слинять с утра пораньше и до самого вечера. Возьму автомобиль и махну на денек в Брайтон.

— Очень хорошо, сэр.

— Так ведь будет лучше, правда?

— Вне всякого сомнения, сэр.

— Да, я тоже так думаю. Морской ветерок меня взбодрит, а я очень в этом нуждаюсь. Вы же останетесь приглядывать за домом.

— Хорошо, сэр.

— Передайте мисс Пендлбери поклон, скажите,

---

[48] Примечания: 48

…час страдания пробьет… — цитата из поэмы «Мармион» В. Скотта. — *Прим. пер.*

что я весьма сожалею о случившемся. Скажите, что меня вызвали по делу.

— Да, сэр.

— Если эта самая Слингсби потребует чего-нибудь освежающего, снабдите ее чем бог послал.

— Очень хорошо, сэр.

— И когда будете подсыпать яд в суп мистеру Пиму, избегайте мышьяка, его легко обнаружить. Пойдите к аптекарю и купите чего-нибудь такого, что не оставит следов.

Я вздохнул и поднял взгляд на портрет.

— Как все в мире шатко, Дживс.

— Да, сэр.

— Когда писался этот портрет, я был счастлив.

— Да, сэр.

— Такова жизнь, Дживс!

— Совершенно справедливо, сэр.

На том мы с ним и сошлись.

На другой день я несколько припозднился с возвращением. Напоенный озоном воздух, вкусный обед и упоительная поездка при лунном свете в моем добром старом автомобиле, который катился весело, как мячик, снова привели меня в хорошее настроение. В самом деле, проезжая Перли, я даже принялся напевать. Вообще Вустерам свойствен бодрый дух, и мое сердце вновь

наполнилось ликованием.

Взглянув на все другими глазами, я понял свою ошибку. С какой стати девица непременно должна влюбиться в молодого человека только потому, что у него сломана нога? Вначале, конечно, Глэдис Пендлбери почувствует симпатию к этому Пиму, потому что он такой беспомощный и нуждается в заботе. Но пройдет немного времени, и в голову начнут закрадываться совсем иные мысли. Она спросит себя, разумно ли доверять свое благополучие человеку, который настолько лишен здравого смысла, что может выскочить на мостовую прямо под колеса автомобиля. Она скажет себе, что, однажды совершив такую оплошность, он наверняка будет продолжать в том же духе. Ее, скорее всего, не прельстит семейная жизнь, состоящая из сплошного хождения по больницам и ношения фруктов своему мужу. Она, бесспорно, поймет, что более счастливое будущее ожидает ее с таким человеком, как Бертрам Вустер, который, несмотря на все свои недостатки, ходит, по крайней мере, по тротуарам и, прежде чем перейти улицу, смотрит по сторонам.

Итак, в прекрасном расположении духа я поставил автомобиль в гараж и, весело напевая, направился домой. Когда я вошел в квартиру,

Биг-Бен как раз бил одиннадцать. Я позвонил Дживсу, и он, будто угадав мое желание, тотчас же возник с сифоном и графином.

— Ну вот я и дома, Дживс, — сказал я, помешивая виски с содовой.

— Да, сэр.

— Что тут происходило в мое отсутствие? Мисс Пендлбери нас навещала?

— Да, сэр. Молодая леди пришла около двух часов.

— А ушла?

— Около шести, сэр.

Мне это совсем не понравилось. Четырехчасовой визит я воспринял как весьма дурной знак. Однако ничего не поделаешь.

— А миссис Слингсби?

— Миссис Слингсби прибыла в начале девятого и уехала в десять, сэр.

— Кипятилась?

— Да, сэр. Особенно когда уходила. Она выразила настоятельное желание видеть вас, сэр.

— Меня?

— Да, сэр.

— Вероятно, хочет от души поблагодарить за то, что я любезно позволил ее любимому брату лечить здесь искалеченную ногу, как вам кажется?

— Возможно, сэр. С другой стороны, она отзывалась о вас в крайне неодобрительной форме, сэр.

— Как так?

— «Безответственный балбес» — одно из выражений, которые употребила эта леди, сэр.

— Безответственный балбес?

— Да, сэр.

Я не мог взять этого в толк. Просто не понимал, на чем эта особа основывает свои суждения. Тетя Агата довольно часто высказывается обо мне подобным образом, но ведь она меня знает с детства.

— Надо в этом разобраться, Дживс. Мистер Пим еще не спит?

— Нет, сэр. Минуту назад он звонил и интересовался, нет ли в доме сигарет получше.

— Неужели?

— Да, сэр.

— Кажется, после этого несчастного случая он не стал менее нахальным.

— Не стал, сэр.

Войдя в гостевую спальню, я увидел, что Люций Пим сидит в подушках и читает детектив.

— А-а, Вустер, — сказал он. — С приездом. Знаете, с коброй все обошлось. Оказывается, вовремя подоспел главный герой и втайне от убийцы

выдернул у змеи ядовитые зубы. И когда змея выползла из дымохода и попыталась покусать героиню, у нее ничего не вышло. Наверное, чувствовала себя дура дурой.

— Мне нет никакого дела до кобр.

— Хорошо вам говорить «нет дела до кобр», — укоризненно сказал Люций Пим. — Вам бы еще как было дело до них, если бы им не удалили ядовитые зубы. Любой вам скажет. Между прочим, приходила моя сестра. Она хочет поговорить с вами.

— Мне тоже есть что ей сказать.

— «Два разума, но мысль одна владеет ими». Она хочет поговорить с вами о несчастном случае, который приключился со мной. Помните версию, которую я хотел ей изложить? О том, что машина скрылась? Мы с вами договорились, что я все это ей наплету, если не придумаю чего-нибудь получше. К счастью, мне пришла в голову очень удачная мысль. Я лежал и смотрел в потолок, и тут меня озарило. Понимаете, эта история про автомобиль, который не остановился, довольно хилая. Так не бывает, чтобы сбить человека, переломать ему ноги и не остановиться. Никто в такое не поверит. Поэтому я ей сказал, что это ваших рук дело.

— Что?!

— Сказал, что меня сбили вы своим автомобилем. Гораздо более убедительно. В этой версии все логично и строго. Концы с концами сходятся. Я знал, что вы ее одобрите. Любой ценой мы должны скрыть от сестры, что на меня наехала Глэдис. Я как мог облегчил вам жизнь, сказав сестре, что вы были под банкой и вас трудно обвинять в том, что произошло. Не все бы до такого додумались. Тем не менее, — сказал Люций Пим со вздохом, — боюсь, что сестра испытывает к вам некоторую неприязнь.

— Вот как?

— Да, именно так. И я настоятельно вам советую, если хотите, чтобы ваш завтрашний разговор прошел мирно, как можно скорее ее умаслить.

— В каком смысле «умаслить»?

— Я бы предложил послать ей цветы. Это был бы изысканный жест. Ее любимые цветы — розы. Пошлите ей букет роз, ее адрес — Хилл-стрит, номер три, и, может быть, все сразу уладится. Я чувствую своим долгом предупредить вас, старина, что у моей сестрицы Беатрис крутой нрав, особенно если ее вывести из себя. Мой зять может с минуты на минуту вернуться из Нью-Йорка.

Опасность, с моей точки зрения, состоит в том, что, если не умаслить Беатрис, она не отстанет от мужа, пока он не возбудит против вас уголовное дело за гражданское правонарушение, совершение неправомерного действия и еще бог знает за что и не предъявит громадный иск в качестве компенсации за убытки. Ко мне-то он особой любви не питает, и, будь по его, он одобрил бы парня, который переломал мне ноги, но он обожает Беатрис и сделает все, как она захочет. Поэтому мой вам совет: «Собери ты розовых бутонов, сколь возможно, и осыпь ты ими»[49] номер три по Хилл-стрит. В противном случае не успеете глазом моргнуть, как в списке дел, назначенных к слушанию, появится еще одно — Слингсби versus[50] Вустер.

Я смерил нахала презрительным взглядом. Но он, разумеется, и ухом не повел.

— Жаль, что вы не подумали обо всем этом раньше, — сказал я. Надеюсь, вы понимаете, что не столько была выразительна лексика, сколько тон, каким я произнес эти слова.

---

[49] Примечания: 49

…и осыпь ты ими… — Роберт Геррик (1591–1674), «Гесперид». — *Прим. пер.*

[50] Примечания: 50

Против *(лат.)*, юридический термин.

— Пустяки. Я все хорошо обдумал, — сказал Люций Пим. — Вы же помните, как мы уговорились: любой ценой…

— Ладно, — сказал я, — ладно, черт с вами.

— Кажется, вы чем-то раздосадованы? — спросил Люций Пим, удивленно глядя на меня.

— Ну что вы!

— Вот и славно, — с облегчением сказал он. — Я знал, вы поймете, что я ничего иного сделать не мог. Было бы ужасно, если бы Беатрис узнала правду о Глэдис. Наверное, вы замечали, Вустер, что любая женщина при случае гораздо более жестоко расправится с представительницей своего пола, чем с мужчиной. Поэтому вы, будучи особой мужского пола, легко выйдете сухим из воды. Килограмм-другой роз, несколько улыбок, два-три комплимента — и не успеете оглянуться, как она растает. Ловко раскиньте сети, и через пять минут вы с Беатрис будете весело болтать, как лучшие друзья. Только смотрите, чтобы при этом Слингсби-Суп не свалился вам как снег на голову. Он страшно ревнив, когда дело касается Беатрис. А теперь извините, старина, но я попрошу вас удалиться. Доктор считает, что еще денек-другой мне не следует слишком много разговаривать. Кроме того, уже время баиньки.

Чем больше я размышлял, тем привлекательнее мне казалась мысль послать эти чертовы розы. Люций Пим мне здорово не нравился. В самом деле, если бы пришлось выбирать, кого взять в попутчики на прогулку — его или таракана-прусака, — я бы наверняка предпочел таракана. Однако линия поведения, которую указал мне этот нахальный малый, была, безусловно, правильной. Его совет насчет роз показался мне разумным, и я решил последовать ему. Встав утром в десять пятнадцать, я наскоро проглотил питательный завтрак и чесанул прямо в цветочный магазин на Пиккадилли. В данном случае я не мог положиться на Дживса. Это дело требовало особого подхода. Выложив пару фунтов за необъятный букет, я сунул внутрь свою визитную карточку и отправил его на Хилл-стрит, а потом заглянул в «Трутни», чтобы немного освежиться. Так рано я нечасто позволяю себе пропустить стаканчик, но сегодняшнее утро, похоже, обещает быть не совсем обычным.

Около двенадцати я вернулся домой, прошел в гостиную, сел и стал настраиваться на предстоящую встречу. Конечно, я иду на нее с открытым забралом, но внутренний голос мне говорил, что вряд ли это будет такое свидание, о котором

приятно вспоминать в старости, сидя у камина. Мою судьбу решат розы. Если они умилостивят эту особу Слингсби, все обойдется, если же нет, Бертраму несдобровать.

Время шло, а она все не появлялась. Наверное, миссис Суп-Слингсби не из тех, кто вскакивает чуть свет, решил я и даже немного приободрился. Мой опыт общения с дамами свидетельствовал о том, что чем раньше они поднимаются с постели, тем более крутой у них нрав. Посмотрите, например, на мою тетю Агату, она всегда встает с петухами.

Однако не стоит думать, что это правило не имеет исключений, и спустя некоторое время мною стало овладевать беспокойство. Чтобы немного отвлечься, я достал из мешка клюшку для гольфа и начал загонять мяч в стакан. В конце концов, пусть эта Слингсби окажется такой, какой рисовалась мне в самые мрачные минуты ожидания, — я, по крайней мере, усовершенствую свое умение загонять мяч в лунку.

Как раз когда я отрабатывал особенно изощренный удар, в парадную дверь позвонили.

Я убрал стакан и сунул клюшку за диван. Подумал, не дай бог, эта дама застанет меня за таким легкомысленным занятием и сочтет Бертрама

черствым, неспособным к состраданию и раскаянию. Я поправил воротничок, одернул жилет и ухитрился изобразить на лице печальную полуулыбку, любезную, но лишенную всякого налета веселости. Выражение лица что надо, так держать, Бертрам, подумал я, взглянув на себя в зеркало, и в это время дверь отворилась.

— Мистер Слингсби, — провозгласил Дживс, затворил за собой дверь, и мы остались один на один.

Молчание продолжалось довольно долго, о непринужденной беседе, насколько я понял, мечтать было нечего. Потрясение от того, что вместо миссис Слингсби я увидел нечто иное, можно сказать, прямо противоположное, пагубно повлияло на мои голосовые связки. Вновь прибывший тоже, кажется, не был расположен начать легкий светский разговор. Он стоял, дерзко на меня пялился и молчал. Вероятно, каждый, кто берется производить что-нибудь вроде непревзойденных супов, должен выглядеть именно так.

Суперсуп-Слингсби был похож на римского императора — острый, проницательный взор, выдвинутый вперед подбородок. Он уставил на меня свой злобный взгляд и, если не ошибаюсь, заскрежетал зубами. Как мне показалось, мой

вид почему-то вызывал у него сильное отвращение, чем, признаться, я был изрядно озадачен. Не скажу, что я сногсшибательный красавец из модного журнала, но еще не было случая, чтобы один беглый взгляд на вашего покорного слугу приводил кого-нибудь в состояние бешенства. Обычно когда человек видит меня в первый раз, он тут же обо мне забывает.

Однако я сделал над собой усилие и принялся играть роль хозяина дома:

— Мистер Слингсби?

— Вот именно.

— Только что вернулись из Америки?

— Сегодня утром.

— Раньше, чем ожидали?

— Именно.

— Весьма рад вас видеть.

— Сейчас перестанете радоваться.

Я не знал, что сказать, и только судорожно сглотнул. Кажется, теперь я понял, что произошло. Этот тип успел повидаться с женой, она ему рассказала об аварии, и он примчался сюда, чтобы объясниться со мной. Очевидно, розы не ублаготворили даму. Единственное, что мне оставалось, — попытаться ублаготворить этого типа.

— Хотите выпить?

— Нет!

— Сигареты?

— Нет!

— Присаживайтесь, пожалуйста.

— Нет!

Я снова онемел. Выпить не хочет, от сигарет отказывается, сесть не желает — право, я уж и не знал, как его ублажить.

— Перестаньте ухмыляться, сэр!

Я покосился на свое отражение в зеркале и понял, о чем он говорит. Печальная полуулыбка все еще гуляла у меня на лице. Я поспешно сделал скорбную мину, и снова наступило молчание.

— А теперь, сэр, — заговорил наконец Суперсуп, — к делу. Думаю, излишне вам объяснять, зачем я здесь.

— Да. Конечно. Совершенно излишне. Речь идет о небольшом инциденте…

Он фыркнул так, что ваза, которая стояла на каминной полке, покачнулась.

— Небольшой инцидент? Значит, для вас это всего лишь небольшой инцидент?

— Понимаете…

— Позвольте заметить, сэр, когда в мое отсутствие нахальный субъект надоедает моей жене, я отнюдь не считаю это небольшим инцидентом. И

я приложу все усилия, — сказал Суперсуп — при этом глаза у него сделались еще более колючими — и с угрожающим видом принялся потирать руки, — чтобы заставить вас разделить мои взгляды на подобные поступки.

Честно говоря, я никак не мог понять, чего он хочет. Голова у меня пошла кругом.

— Что-что? — сказал я. — Вашей жене?

— Вы слышали, что я сказал.

— Здесь, должно быть, какая-то ошибка.

— Именно. И ее совершили вы.

— Но я не знаком с вашей женой.

— Ха!

— Я никогда ее не видел.

— Ха!

— Честное слово!

— Ха! — Он впился в меня взглядом: — Вы отрицаете, что послали ей цветы?

Тут сердце у меня совершило двойное сальто. Кажется, передо мной забрезжил свет.

— Цветы! — продолжал он. — Розы, сэр. Крупные, мясистые, отвратительные розы. Мерзкий букет в три обхвата. С вашей визитной карточкой…

Он вдруг осекся, как-то странно булькнул и уставился на что-то за моей спиной. Я обернулся

и увидел в дверях гостиной женщину. Как она вошла, я видеть не мог, потому что во время заключительной стадии разговора, принимающего все более угрожающий оборот, я потихоньку пятился к двери. Одного взгляда на вошедшую особу было достаточно, чтобы догадаться, кто она. Только женщина, имевшая несчастье приходиться сестрой Люцию Пиму, могла быть так на него похожа. Да, это была Беатрис, обладательница крутого нрава. Теперь я все понял. Она вышла из дома прежде, чем были доставлены розы. Она, неублаготворенная, явилась сюда, когда я в «Трутнях» подкреплял свой организм.

— Э-э… — сказал я.

— Александр! — воскликнула дама.

— Ага! — сказал Суперсуп. Впрочем, возможно, он сказал «Ого!». Во всяком случае, это прозвучало как боевой клич. Очевидно, самые худшие подозрения Суперсупа подтвердились. Глаза у него сверкнули диким огнем. Подбородок выдвинулся вперед на полметра. Кулаки сжимались и разжимались, будто он хотел увериться, что пальцы достаточно сильны и не подведут, когда настанет минута ловко и быстро придушить Бертрама. Издав еще раз свой воинственный клич «Ага!» или «Ого!», он прыгнул вперед, наступил на мяч

для гольфа, с которым я отрабатывал удар, и тут развернулась такая потрясающая сцена падения, какой я в жизни не видывал. Можно сказать, аттракцион века. Сначала в воздухе замелькало невероятное количество рук и ног, потом с грохотом, от которого чуть пол не провалился, Суперсуп совершил вынужденную посадку у стены.

С меня довольно, подумал я, выскользнул из гостиной и только собрался схватить с вешалки шляпу, как в прихожей возник Дживс.

— Мне показалось, я слышал шум, сэр, — сказал Дживс.

— Вполне возможно, — сказал я. — Это мистер Слингсби.

— Сэр?

— Мистер Слингсби исполнял русские пляски, — объяснил я. — Думаю, он сломал себе массу конечностей. Сходите посмотрите.

— Иду, сэр.

— Если он покалечен, разместите его в моей спальне и пошлите за доктором. По-моему, квартира успешно пополняется представителями семейства Пима и его родственниками, как считаете, Дживс?

— Согласен, сэр.

— Мне кажется, их запас близок к исчерпанию, но если явятся дядюшки с тетушками и тоже наломают тут изрядное количество своих конечностей, отправьте их в Честерфилдский госпиталь.

— Очень хорошо, сэр.

— Лично я, Дживс, — сказал я, открывая парадную дверь и медля на пороге, — отбываю в Париж. Адрес вам телеграфирую. Сообщите мне, когда квартира освободится от Пимов и полностью очистится от Слингсби, тогда я вернусь. И вот еще что, Дживс…

— Сэр?

— Старайтесь всячески ублажать этих полоумных, не жалейте сил. Они считают, во всяком случае Слингсби женского рода считает, что мистера Пима сбил я, а так как Слингсби мужского рода у нее на поводу, то и он завтра будет того же мнения. Постарайтесь за время моего отсутствия умаслить их всех.

— Непременно, сэр.

— Сейчас, думаю, вам самое время пойти взглянуть на тело. А я иду в «Трутни», пообедаю там и постараюсь успеть на двухчасовой поезд с Чаринг-Кросс. Ждите меня там с чемоданом, укомплектованным всеми необходимыми ве-

щами.

Прошло недели три, прежде чем Дживс послал мне сигнал: «Путь свободен». В ожидании вестей из Лондона я убивал время, колеся по Парижу и его окрестностям. Этот город я обожаю, но, не скрою, меня обрадовала возможность вернуться домой. Тут как раз подвернулся аэроплан, спустя два часа я оказался в Кройдоне и устремился прямиком туда, где заварилась вся эта каша. Неподалеку от Слоан-сквер я впервые обратил внимание на огромные рекламные щиты.

Автомобиль попал в пробку, и я, бесцельно блуждая взглядом по сторонам, неожиданно узрел что-то очень знакомое. И тут до меня дошло, в чем дело. На белой стене красовался огромный квадратный, со стороной не менее ста футов, рекламный плакат, намалеванный в красно-синих тонах. Наверху были выведены слова:

СУПЕРСУПЫ СЛИНГСБИ

Внизу стояло:

НАВАРИСТЫЕ И ПИТАТЕЛЬНЫЕ

А посередине — мой портрет. Да, черт побери, Бертрам Вустер собственной персоной. Репродукция с портрета кисти мисс Пендлбери,

воспроизведенная во всех подробностях.

От такого зрелища любой захлопает глазами, во всяком случае, я захлопал. Казалось, взгляд мне застил туман. Когда он рассеялся, я смог вдоволь налюбоваться на свою физиономию, благо автомобиль стоял у светофора.

Из всех самых омерзительных зрелищ, которые мне когда-либо приходилось видеть, это с завидной легкостью побивало все рекорды. Физиономия на плакате представляла собой гнусную карикатуру на меня, но была так узнаваема, будто под ней стояло мое имя. Теперь я понял, что Дживс подразумевал, когда говорил про голодный взгляд. На плакате он приобрел выражение скотской жадности. Я плотоядно пялился сквозь монокль шести дюймов в окружности на тарелку супа. Похоже было, что перед этим меня месяц морили голодом. Эта картина будто переносила вас в иную, жуткую реальность.

Я вышел из транса или, может быть, из комы и обнаружил, что автомобиль уже стоит у моего парадного. Взбежать по лестнице и ворваться в квартиру было делом двух-трех секунд.

При моем появлении в прихожей тотчас же материализовался Дживс с почтительным сиянием на лице.

— Рад вашему возвращению, сэр.

— Сейчас мне не до того, — гаркнул я. — Что это?..

— Рекламные щиты, сэр? Я собирался спросить, заметили ли вы их?

— Заметил ли!

— Поразительное зрелище, правда, сэр?

— Вот именно поразительное. А теперь, будьте любезны, объясните мне...

— Вы мне приказали, если изволите припомнить, сэр, не жалеть усилий, чтобы ублажить мистера Слингсби.

— Да, но...

— Задача оказалась чрезвычайно трудной, сэр. Мистер Слингсби, следуя настоятельным советам миссис Слингсби, совсем было решился вчинить вам судебный иск, что, насколько мне известно, вы считали крайне неприятным оборотом дела.

— Да, но...

— Когда мистер Слингсби оправился настолько, что смог встать с постели, он увидел ваш портрет, и тут я подумал, что было бы разумно обратить его внимание на те возможности, которые таит в себе данное произведение искусства, если его использовать в рекламных целях. Мистер Слингсби горячо одобрил эту мысль и, заручив-

шись моим обещанием, что в случае его отказа от возбуждения судебного иска вы охотно разрешите использовать портрет в рекламных целях, он начал переговоры с мисс Пендлбери о покупке авторских прав.

— Вот как? Ну, надеюсь, она по крайней мере не осталась внакладе?

— Нет, сэр. Мистер Пим, выступавший в качестве доверенного лица мисс Пендлбери, совершил, как мне представляется, чрезвычайно выгодную сделку.

— Он выступал в качестве ее доверенного лица?

— Да, сэр. Это входило в его компетенцию как жениха юной леди, сэр.

— Жениха?

— Да, сэр.

Представляете, какой удар под дых нанесло мне созерцание проклятого рекламного щита, если я при этом известии не пал, хладный и бездыханный, а только издал «Ха!» или «Хо!», а может быть, просто «Хм». После шока, вызванного рекламным шедевром, мне море было по колено.

— После этого рекламного шедевра, Дживс, — сказал я, — мне море по колено.

— Вот как, сэр?

— Да, Дживс. Девица поиграла на моих чувствах — ну и что?

— Совершенно справедливо, сэр.

— Мне показалось, я услышал голос любви, но он звал не меня. По-моему, я выдержу этот удар, верно, Дживс?

— Разумеется, сэр.

— Да, Дживс. Выдержу. Но чего я не выдержу, так это той ужасной рекламы. Ведь моя физиономия с тарелкой Суперсупа-Слингсби красуется по всему Лондону. Я должен бежать отсюда. В «Трутнях» меня на смех поднимут, проходу не дадут.

— Да, сэр. И миссис Спенсер Грегсон…

Я, наверное, заметно побледнел. Я совсем забыл про тетю Агату: представляю, что мне предстоит услышать по поводу урона, который нанесен фамильной чести по моей милости.

— Вы хотите сказать, что она звонила?

— По нескольку раз в день, сэр.

— Дживс, единственный выход — слинять отсюда.

— Да, сэр.

— Обратно в Париж, что ли?

— Я бы не взял на себя смелость советовать вам вернуться в Париж, сэр. Насколько я понимаю, там тоже вскоре появятся рекламные щиты

Bouillon Supreme. Продукция мистера Слингсби имеет широкое хождение во Франции, где на его непревзойденные супы большой спрос. Вид рекламных щитов будет вам неприятен, сэр.

— Куда же мне бежать?

— Если позволите, сэр, я мог бы дать вам совет: почему не вернуться к вашему первоначальному плану отправиться в круиз по Средиземному морю на яхте миссис Траверс? В морских просторах вам не будут докучать эти рекламные щиты.

Дживс, как мне показалось, бредит.

— Но ведь яхта вышла в плавание месяц назад. Сейчас она уже бог знает где.

— Нет, сэр. Круиз был отложен на месяц из-за болезни шеф-повара миссис Траверс месье Анатоля, которого сразила инфлюэнца. Пуститься в плавание без него миссис Траверс отказалась.

— Значит, они еще не отбыли?

— Нет, сэр. Яхта отплывает из Саутгемптона во вторник.

— В таком случае, черт побери, лучшего и желать нечего.

— Да, сэр.

— Позвоните тете Далии и скажите, что мы к ним присоединимся.

— Я взял на себя смелость позвонить миссис

Траверс еще до вашего возвращения, сэр.

— Неужели?

— Да, сэр. Я предположил, что, возможно, вы одобрите этот план.

— Еще бы! Всю жизнь мечтал отправиться в круиз.

— Я тоже, сэр. Это путешествие, без сомнения, будет чрезвычайно приятным.

— А запах соленого морского бриза, Дживс!

— Да, сэр.

— А лунная дорожка на море!

— Совершенно верно, сэр.

— А убаюкивающий плеск волн!

— Безусловно, сэр.

Я был на седьмом небе. Гвлэдис, рекламные щиты — да плевать мне на все это!

— Йо-хо-хо, Дживс! — сказал я, слегка поддернув брюки.

— Да, сэр.

— На самом деле, Дживс, я пойду дальше. Йо-хо-хо и бутылка рому!

— Очень хорошо, сэр. Доставлю немедленно.

Глава 7
Дживс и маленькая Клементина

Тот, кто близко знаком с Бертрамом Вустером, заверит вас, что хоть он порой уклоняется от участия в спортивных соревнованиях, но за шестнадцать лет не пропустил ни одного из ежегодных турниров, которые проводит гольф-клуб «Трутней». Тем не менее, когда я узнал, что в нынешнем году турнир состоится в Бингли-он-Си, я, признаться, некоторое время пребывал в сомнениях. Вот и сейчас, стоя у окна моего номера в отеле «Сплендид» и глядя на утренний пейзаж, я не то чтобы трясся как овечий хвост, но не мог одолеть чувства, что, кажется, совершил опрометчивый шаг.

— Дживс, — сказал я, — теперь, когда мы уже здесь, я задаюсь вопросом: разумно ли мы поступили?

— Бингли очень приятное место, сэр.

— Да, куда ни кинь взгляд, везде чертовски красиво, — согласился я. — Но хотя Бингли нежно овевается свежими морскими ветрами, мы не должны забывать, что именно здесь мисс

Маплтон, старинная приятельница тети Агаты, держит школу для девочек. Если тетка узнает, что я в Бингли, она непременно потребует, чтобы я навестил мисс Маплтон.

— Весьма вероятно, сэр.

Меня пробрала дрожь.

— Дживс, я видел ее всего один раз, «летним вечером у меня в палатке, после моей победы над нервиями»[51], то есть за обедом у тети Агаты в прошлом году на празднике урожая. И уверяю вас, одного раза мне за глаза хватит.

— В самом деле, сэр?

— А кроме того, надеюсь, вы не забыли, что произошло, когда я однажды попал в школу для девочек?

— Не забыл, сэр.

— В таком случае храним тайну и даем обет молчания. Будем считать, что я здесь инкогнито. Если тетя Агата спросит вас, где я был на этой неделе, скажите, что ездил лечиться в Харроугейт.

— Хорошо, сэр. Прошу прощения, сэр, вы предполагаете появиться в обществе, имея на себе данный предмет одежды?

---

[51] Примечания: 51

Нервиш — племя в Галлии, упоминается Тацитом и Цезарем («Записки о Галльской войне»). — *Прим. пер.*

До этого момента наша беседа протекала в дружественной и сердечной обстановке, но сейчас я почувствовал, что между нами пробежала кошка. Я все ждал, когда мои новые брюки гольф подвергнутся обсуждению, и был готов биться за них, как тигрица за своего детеныша.

— Непременно, Дживс, — сказал я. — Почему бы нет? Они вам не нравятся?

— Нет, сэр.

— Думаете, слишком блестят?

— Да, сэр.

— Режут вам глаз?

— Да, сэр.

— Ну а по мне, они великолепны, — твердо заявил я. Так как в атмосфере все равно наметилось некоторое похолодание, я счел уместным подбросить Дживсу информацию, которую до этого времени скрывал от него. — Гм… Дживс, — сказал я.

— Сэр?

— На днях я случайно встретил мисс Уикем. Мы поболтали о том о сем, и она пригласила меня в свою компанию, которая собирается этим летом посетить Антиб.

— Вот как, сэр?

Дживс скосил глаза в сторону. Дело в том, что,

как я уже раньше упоминал, он крайне не одобряет Бобби Уикем.

Наступило, что называется, напряженное молчание. Я решил продемонстрировать знаменитую непреклонность Вустеров. В том смысле, что время от времени необходимо занять твердую позицию. Беда Дживса в том, что он иногда слишком себя переоценивает. Только оттого, что он постоянно толпится вокруг меня и, охотно в этом признаюсь, несколько раз помог своему господину выбраться из передряги, он приобрел отвратительную манеру держаться так, будто он опекает Бертрама, как слабоумного ребенка, который без него, Дживса, давно бы пропал. Меня это возмущает.

— Я принял ее приглашение, Дживс, — сказал я спокойным, ровным голосом и с элегантной небрежностью закурил сигарету.

— Вот как, сэр?

— Вам понравится Антиб.

— Да, сэр?

— Мне тоже.

— Да, сэр?

— Значит, дело решенное.

— Да, сэр.

Я был доволен. Твердая позиция, как я убедился,

сделала свое дело. Дживс был раздавлен железной пятой. Если хотите, усмирен.

— Вперед и прямо, Дживс.

— Слушаюсь, сэр.

Я предполагал, что вернусь с турнира только вечером, но обстоятельства сложились таким образом, что я покинул, так сказать, арену, когда еще не пробило и трех. Я уныло слонялся по пирсу, как вдруг передо мной материализовался Дживс.

— Добрый день, сэр, — сказал он. — Я не знал, что вы так скоро вернетесь, иначе непременно ожидал бы вас в отеле.

— Я и сам не думал, что освобожусь так рано, Дживс, — отвечал я со вздохом. — К сожалению, вылетел из игры в первом же раунде.

— В самом деле, сэр? Очень огорчительно это слышать.

— Особенно обидно, Дживс, что меня обыграл болван, который до отвала наелся за завтраком и к тому же был под мухой. Сегодня мне явно не везло.

— Возможно, вы забывали неотрывно смотреть на мяч, сэр?

— Возможно. Как бы то ни было, я бесславно проиграл и… — Я умолк и стал с любопытством

вглядываться в даль. — Ах ты черт! Дживс, посмотрите-ка на барышню, которая идет нам навстречу. Она чрезвычайно похожа на мисс Уикем. Как вы объясните такое невероятное сходство?

— В данном случае, сэр, оно объясняется тем, что эта юная леди — мисс Уикем.

— Да ну?

— Да, сэр. Если изволили заметить, она вам машет.

— Но какого черта она здесь делает?

— Не могу сказать, сэр.

В голосе Дживса послышались ледяные нотки. Наверняка он был уверен: каким бы ветром ни занесло сюда мисс Уикем, хорошего не жди. Он отстал на шаг, всем своим видом выражая тревожную озабоченность, а я снял шляпу и радостно ею помахал.

— Привет! — сказал я.

Бобби стала на якорь рядом со мной.

— Привет, Берти, — сказала она. — Я не знала, что ты здесь.

— А я вот он, — заверил я.

— Ты в трауре? — спросила она, глядя на мои брюки гольф.

— Отлично сидят, правда? — сказал я, просле-

див ее взгляд. — А Дживсу не нравятся, но он отъявленный реакционер во всем, что касается брюк. Что поделываешь в Бингли?

— Моя кузина Клементина учится в здешней школе. Сегодня у нее день рождения, и я приехала ее навестить. Сейчас иду к ней. А ты здесь останешься на ночь?

— Да. У меня номер в «Сплендиде».

— Если хочешь, можешь угостить меня там ужином.

Дживс стоял позади меня, и я его не видел, но при этих словах почувствовал, как его взгляд предостерегающе вонзился мне в затылок. Я понимал, он хочет мне сообщить, что я искушаю судьбу, соглашаясь общаться с Бобби Уикем даже в такой безобидной форме, как совместное поедание ужина. Совершенная чушь, решил я. Впутаться с Бобби в головоломную интригу в загородном доме, где может случиться что угодно, — да, тут я молчу. Но рок или несчастье просто не могут подстеречь меня за таким невинным занятием, как сидение с Бобби за одним столом в ресторане. Поэтому я пренебрег сигналами, которые посылал мне Дживс.

— Конечно. Непременно. С удовольствием, — сказал я.

— Вот и славно. Я сегодня обязательно должна вернуться в Лондон, у нас пирушка в Беркли, но я могу немного опоздать, это не страшно. Мы придем около половины восьмого, а после ужина можешь сводить нас в кино.

— Вас?

— Ну да, Клементину и меня.

— Ты хочешь сказать, что приведешь с собой это чудовище — свою кузину?

— Конечно. Неужели ты не хочешь доставить ребенку удовольствие в день его рождения? И она вовсе не чудовище. Напротив, очень милая девчушка. Она совсем не будет нам в тягость. Тебе только придется потом отвести ее в школу. Тебя это, конечно, не затруднит?

Я насторожился:

— В чем заключается процедура отведения ее в школу?

— То есть как — в чем?

— Как-то раз, когда меня залучили в школу для девочек, директриса, знаешь, такая строгая дама с глазами-буравчиками, настояла на том, чтобы я обратился к этим юным озорницам с речью о нравственном совершенствовании и будущем, которое их ждет. Надеюсь, сегодня этого не случится?

— Конечно, нет. Вы подойдете к парадной двери, ты позвонишь, и ее впустят.

Я задумался:

— Кажется, это не выходит за пределы наших возможностей, да, Дживс?

— Я хотел бы надеяться, что вы правы, сэр, — процедил Дживс сквозь зубы. Тон у него был холодный, на лице я прочел выражение: «Если бы вы ко мне прислушались…», которое меня ужасно раздражает. Иногда Дживс становится похож на одну из моих тетушек.

— Хорошо, — сказал я снова, и на этот раз подчеркнуто, пренебрегая сигналами, которые подавал мне Дживс. — Итак, жду вас в половине восьмого. Не опаздывайте. И проследи, — добавил я, чтобы показать, что под улыбчивой внешностью скрывается твердый характер, — чтобы ребенок помыл руки и чтобы он не шмыгал носом.

Признаюсь честно, я не горел желанием общаться с кузиной Бобби Уикем Клементиной, но обязан сказать, что она оказалась не такой кошмарной, как можно было ожидать. Я давно заметил, что, знакомясь со мной, маленькие девочки обычно начинают хихикать. Хихикают и таращат глаза. Поднимаю взгляд, а девчуш-

ка уставилась на меня с таким видом, будто не верит, что такие люди бывают на свете. Мне кажется, они стараются хорошенько запомнить каждую особенность моих манер, чтобы потом передразнивать меня и смешить подружек.

К Клементине все вышесказанное не имело никакого отношения. Она была спокойным, ангелоподобным ребенком лет тринадцати — вернее, учитывая, что это был как раз день ее рождения, — ровно тринадцати лет. Ее взгляд выражал молчаливое восхищение. Руки были безукоризненно чисты, и носом она не хлюпала. За ужином, во время которого ее поведение оказалось просто безупречным, она сочувственно слушала, глядя мне в рот, когда я с помощью вилки и двух горошин объяснял ей, как сегодня мой соперник загнал меня в угол.

В кино она тоже вела себя выше всяких похвал и в конце вечера мило и искренне поблагодарила меня. Я остался очень доволен ребенком, о чем и сообщил Бобби, помогая ей усесться в ее спортивный автомобиль.

— Я же говорила тебе, что она прелесть, — сказала Бобби, нажимая на стартер и готовясь сломя голову мчаться в Лондон. — Я уверена, что в этой школе ее недооценивают. Там всегда всех

недооценивают. Когда я там училась, меня тоже недооценивали.

— Недооценивают? Каким образом?

— Ой, да разные способы существуют. Но чего еще ожидать от такой дыры, как школа Святой Моники?

Я вздрогнул:

— Святой Моники?

— Ну да, так она называется.

— Значит, ребенок из школы Святой Моники?

— А что здесь такого?

— А то, что мисс Маплтон — старинная приятельница моей тетки Агаты.

— Знаю. Именно твоя тетя Агата убедила мою маму отправить меня в эту дыру, когда я была маленькая.

— Послушай, — озабоченно сказал я, — когда ты сегодня днем заходила в школу, ты никому не проговорилась, что встретила меня в Бингли?

— Нет.

— Слава богу! — облегченно вздохнул я. — Понимаешь, если бы мисс Маплтон узнала, что я здесь, то, конечно, сочла бы, что я должен ее навестить. А так я уеду завтра, и кончено. Да, но вот проклятие, — сказал я, хлопнув себя по лбу, — как мне быть сегодня?

— А что сегодня?

— Разве я не должен ее повидать? Не могу же я позвонить, втолкнуть ребенка в дверь и смыться. Тетя Агата никогда мне этого не простит.

Бобби посмотрела на меня как-то странно, задумчиво, что ли.

— Кстати, Берти, — сказала она, — я как раз хотела обсудить с тобой этот вопрос. На твоем месте я бы не стала звонить в парадную дверь.

— Да? Почему?

— Ну, понимаешь, тут вот в чем дело. Считается, что Клементина уже спит. Они отправили ее спать как раз перед тем, как я пришла. Подумать только! В день рождения, можно сказать, в самый разгар дня рождения! И за что! Только за то, что девочка кинула кусочек шербета в чернила, чтобы послушать, как они зашипят!

У меня в глазах потемнело.

— Ты хочешь сказать, что паршивая девчонка сбежала без разрешения?

— Да. Вот именно. Улизнула, когда никто не видел. Ей так хотелось вдоволь поесть. Вообще-то я должна была сказать тебе об этом с самого начала, но мне не хотелось портить вечер.

В обхождении с прекрасным полом я, как правило, истинный рыцарь — учтив, добродушен,

изыскан. Но бывают обстоятельства, когда я способен произнести язвительные, резкие слова, и сейчас я их произнес.

— Ах так! — сказал я.

— Не волнуйся, все будет хорошо.

— Да уж, лучше некуда, — процедил я сквозь зубы. — Какие тут волнения и тревоги? Я возвращаюсь с ребенком, эта Маплтон буравит меня взглядом сквозь очки в стальной оправе, минут пять приятного общения, я удаляюсь, а эта самая Маплтон бежит к секретеру и строчит подробный отчет тетке Агате. Представить, что за этим последует, мое воображение отказывается. Уверен, что на этот раз тетка Агата побьет все свои прежние рекорды.

Бобби укоризненно поцокала языком:

— Берти, не гони волну. Тебе надо научиться не нервничать по пустякам.

— По пустякам?!

— Все прекрасно устроится, вот увидишь. Правда, тебе придется прибегнуть к небольшой уловке, чтобы впустить Клементину в школу, но это совсем просто, только внимательно выслушай, что я тебе скажу. Первое — ты должен запастись прочной длинной веревкой.

— Веревкой?

— Да, веревкой. Надеюсь, ты знаешь, что такое веревка.

Я надменно фыркнул.

— Естественно, — сказал я. — Ты имеешь в виду веревку.

— Верно. Веревку. Ты берешь ее с собой…

— И надо полагать, выделываю с ней всякие фокусы, чтобы умилостивить эту Маплтон?

Знаю, мой ответ прозвучал с убийственной язвительностью, но я был возмущен до глубины души.

— Ты берешь веревку с собой, — терпеливо повторила Бобби, — и, войдя в школьный сад, идешь, пока не упрешься в оранжерею около здания школы. Входишь в оранжерею и видишь множество цветочных горшков. Берти, ты сможешь опознать цветочный горшок, если увидишь его?

— Я прекрасно знаю, что такое цветочный горшок. Если ты подразумеваешь горшок, в который сажают цветы.

— Именно о таком горшке я тебе и толкую. Хорошо, идем дальше. Набираешь этих горшков сколько сможешь унести, выходишь из оранжереи и идешь, пока не упрешься в дерево. Лезешь на него, обвязываешь веревкой один из горшков

и устанавливаешь его на подходящей ветке, нависающей над оранжереей. Затем оставляешь Клем у парадной двери, возвращаешься в сад и дергаешь за веревку. Горшок падает, стекло разбивается, в школе слышат этот звон, и кто-нибудь выходит посмотреть, что случилось. Итак, дверь открыта, поблизости никого нет, Клементина проскальзывает внутрь и ложится спать.

— А если никто не выйдет?

— Тогда берешь еще один горшок и снова все повторяешь.

«Звучит довольно здраво», — подумал я.

— Ты уверена, что все получится?

— Осечки не было ни разу. Когда я училась в Святой Монике, я всегда проникала в школу таким путем. Берти, ты все понял? Давай быстренько повторим все сначала, а то мне уже пора мчаться. Итак, веревка.

— Веревка.

— Оранжерея.

— Или теплица.

— Цветочный горшок.

— Цветочный горшок.

— Дерево. Лезешь на дерево. Ветка. Спускаешься с дерева. Дергаешь. Звон стекла. И вот ты уже идешь баиньки. Запомнил?

— Запомнил. Но, — начал я сурово, — позволь тебе сказать…

— Нет времени. Надо мчаться. Лучше напиши мне, что ты хотел сказать. Желательно на одной странице. Пока.

Она умчалась, а я, проводив ее горящим взглядом, повернулся к Дживсу, который стоял неподалеку и показывал Клементине, как делать кролика из носового платка. Я отвел его в сторонку. По правде сказать, я воспрял духом, ибо осознал, что мне представляется потрясающая возможность поставить Дживса на место и доказать ему, что не он один может похвастаться умом и способностями.

— Дживс, — сказал я, — вы, конечно, будете удивлены, узнав, что существует некоторая загвоздка.

— Нисколько, сэр.

— Нисколько?

— Нисколько, сэр. Когда дело касается мисс Уикем, я, если мне будет позволено сказать, всегда жду недоразумений. Я не раз говорил, сэр, что хоть мисс Уикем очаровательная молодая леди, она склонна к…

— Да-да, Дживс. Я помню.

— Могу я спросить, что случилось на этот раз,

сэр?

Я объяснил положение вещей:

— Ребенок ушел в самоволку. Ее отправили спать за то, что она кинула кусочек шербета в чернила. В школе думают, что она весь вечер провела у себя в спальне. А она провела время с нами, стрескала в «Сплендиде» обед из восьми блюд, потом отправилась на Марин-Плаза и наслаждалась представлением на серебряном экране. Наша задача — вернуть ее в школу так, чтобы никто этого не заметил. Должен упомянуть, Дживс, что школой, где юная пленница отбывает свой срок наказания, руководит мисс Маплтон, старинная приятельница моей тетки Агаты.

— Вот как, сэр?

— Ничего себе проблема, а?

— Да, сэр.

— На самом деле, можно сказать, проблема из проблем, верно?

— Вне всякого сомнения, сэр. Если бы я мог предложить…

Я этого ожидал и поднял руку:

— Не нуждаюсь ни в каких предложениях, Дживс. Я сам намерен уладить это дело.

— Я только хотел высказаться…

Я снова поднял руку:

— Спокойно, Дживс, я владею ситуацией. Хочу реализовать одну свою идею. Возможно, вам интересно знать ход моих мыслей. Пораскинув мозгами, я пришел к выводу, что в таком заведении, как школа Святой Моники, обязательно должна быть оранжерея, набитая цветочными горшками. И тут, подобно озарению, весь план действий предстал перед моим мысленным взором. Надо обзавестись веревкой, обвязать ею цветочный горшок, установить его на ветке — поблизости от оранжереи, безусловно, имеется дерево с веткой, нависающей над оранжереей, — немного отойти и дернуть за веревку. Вы с ребенком будете ждать у парадной двери, но так, чтобы вас никто не видел. Итак, я дергаю за веревку, горшок падает, стекло разбивается, на шум из дома кто-то выходит, дверь открыта, ребенок проскальзывает в школу и действует там по своему разумению. Ваша задача в данном процессе, заметьте, проще простого и не потребует от вас чрезмерного напряжения. Что вы на это скажете?

— Видите ли, сэр…

— Дживс, я уже высказывался по поводу вашей привычки говорить «Видите ли, сэр…» всякий раз, как я предлагаю какой-нибудь тонкий стра-

тегический план. Меня все больше и больше раздражает эта ваша привычка. Однако буду рад услышать ваши критические замечания, если таковые имеются.

— Я только хотел высказать мнение, сэр, что план представляется мне немного усложненным.

— В таком сложном деле и план должен быть сложным.

— Не обязательно, сэр. Альтернативная схема, которую я собирался предложить…

Но я не стал его слушать:

— Дживс, в альтернативных схемах нет необходимости. Мы будем следовать намеченному мной направлению. Даю вам десять минут. Вы успеете занять позицию около парадной двери, а я тем временем раздобуду веревку. Затем я приступаю к выполнению самой трудной части плана. Итак, никаких дискуссий. Вперед, Дживс.

— Хорошо, сэр.

Я испытывал довольно сильное и приятное возбуждение, когда взбирался на холм, где стояла школа Святой Моники, когда распахнул калитку и вошел в темный сад. Но стоило мне сделать несколько шагов по газону, как у меня внезапно появилось странное ощущение, будто все кости

из моего тела вынули и заменили их макаронами. Я остановился.

Не знаю, случалось ли вам в начале пирушки испытывать нечто вроде лихорадочной веселости, которая потом без всякого перехода вдруг исчезает, будто кто-то щелкнул выключателем. Нечто подобное произошло со мной и сейчас. У меня возникло противное ощущение сродни тому, которое испытываешь в скоростных лифтах Нью-Йорка, когда, достигнув двадцать седьмого этажа, обнаруживаешь, что легкомысленно оставил все свои внутренности где-то на тридцать втором и уже поздно — ты не можешь остановиться и водворить их на место.

Истина явилась мне как льдинка, попавшая за воротник. До меня вдруг дошло, что я очень сильно погорячился. Только для того, чтобы одержать верх над Дживсом, я впутался в историю, которая наверняка обернется для меня самой страшной катастрофой в моей жизни. Чем ближе я подходил к зданию школы, тем сильнее осознавал, что мне не следовало с тупым высокомерием отвергать альтернативную схему Дживса. Единственное, в чем я сейчас нуждался, — это альтернативная схема, причем чем альтернативнее она будет, тем лучше для меня.

Тут я обнаружил, что стою у двери оранжереи. Не прошло и минуты, как я нагреб несколько горшков. Теперь вперед, к дереву «сквозь льды и снега, во весь опор, под знаменем странным — «Эксцельсиор»!».

Дерево было как будто специально посажено для нужной мне цели. Правда, здесь, в саду, принадлежащем близкой подруге тетки Агаты, мои взгляды на главные правила прыгания с ветки на ветку существенных изменений не претерпели; однако должен признаться, что если уж возникла подобная надобность, то, вне всякого сомнения, лезть на данное дерево стоило. Кажется, это был кедр, и не успел я оглянуться, как оказался на самой его верхушке, высоко над миром. Далеко внизу поблескивала стеклянная крыша оранжереи. Я поставил цветочный горшок на колено и принялся обвязывать его веревкой. А сам погрузился в безрадостные размышления о женщинах.

Конечно, в ту минуту я жестоко страдал оттого, что мои бедные нервы подвергались чрезмерному напряжению, и, оглядываясь назад, я убеждаюсь, что был в своих суждениях слишком уж суров. Однако меня отчасти может оправдать то, что выносил я их, сидя на ветке в ночной тьме.

Конечно, вы вправе думать обо мне что угодно, но чем чаще мыслящему человеку приходится общаться с женщинами, тем более невероятным ему кажется, что этому полу вообще позволено существовать на свете.

Женщины, на мой взгляд, никчемные создания. Возьмем, например, тех, кто замешан в данной истории. Начать с моей тети Агаты, более известной как бич Понт-стрит и черепаха, кусающая людей. Ближайшую подругу тети Агаты мисс Маплтон я видел всего один раз, но могу с уверенностью сказать, что она и тетя Агата — два сапога пара. Бобби Уикем коварно втравливает простодушных людей в истории вроде той, в которую сейчас влип я. А кузина Бобби Уикем Клементина? Вместо того чтобы прилежно готовить уроки и учиться быть примерной женой и матерью, она проводит свои юные годы, набивая чернильницы шербетом… Хорошенькая компания! Вернее будет сказать — шайка разбойников!

Только я вогнал себя в состояние крайнего возмущения женской безнравственностью и приготовился продолжать обличительный монолог, как внезапно яркий свет брызнул откуда-то снизу мне в лицо и чей-то голос произнес:

— Хо!

Это был полисмен. Во-первых, потому, что при нем был фонарь, во-вторых, потому, что он сказал «Хо!». Не знаю, помните ли вы мой рассказ о том, как я вломился в дом Бинго Литтла, чтобы похитить диктофонную запись невыносимо слащавой статьи, которую о нем написала его жена, и нырнул из окна кабинета прямо в лапы полицейских сил? При этом служитель закона произнес «Хо!» и, пока мы с ним общались, неустанно повторял это междометие. Очевидно, полисменов специально на это натаскивают в процессе их профессиональной подготовки. В конце концов, в тех обстоятельствах, в которых они обычно общаются с людьми, не так уж и плохо сказать «Хо!», чтобы завязать беседу.

— Эй, вы! Давайте слезайте! — сказал он.

Я слез. Цветочный горшок остался наверху. Я как раз успел установить его на ветке и теперь чувствовал себя так, будто смонтировал дистанционный взрыватель. Теперь все зависело от устойчивости горшка и от того, хорошо ли он уравновешен. Если он не рухнет, то я, разыграв легкую небрежность, может быть, как-то выкручусь из этого деликатного положения. Если рухнет, объясняться будет значительно труднее, это мне было ясно. Но я даже не представлял себе,

какое мало-мальски убедительное объяснение можно придумать.

Тем не менее я решил попытаться.

— А, сержант! — сказал я.

Это прозвучало неубедительно. Тогда я повторил то же самое, сделав ударение на «А!», что прозвучало еще неубедительнее. Это было недостойно Бертрама.

— Все в порядке, сержант, — сказал я.

— В порядке?

— О да. В полном порядке.

— Что вы там делали?

— Я?

— Да, вы.

— Ничего, сержант.

— Хо!

Мы оба замолчали, но наше молчание было не спокойным и благостным, которое случается, когда беседуют старые друзья, а тягостным и неловким.

— Пройдемте, — сказал сержант.

Последний раз я слышал подобные слова из уст полицейского на Лестер-сквер в вечер Гребных гонок, когда по моему совету мой старый приятель Оливер Рандолф Сипперли пытался стащить полицейскую каску, внутри которой находился

полицейский. В тот раз эти слова адресовались Сиппи, но все равно звучали отнюдь не привлекательно. А сейчас, когда они были обращены непосредственно ко мне, мороз пробрал меня до мозга костей.

— Но послушайте, черт побери! — сказал я.

В эту критическую минуту, когда Бертрам, исчерпав до дна все свои ресурсы, окончательно зашел в тупик, послышались мягкие шаги и тихий голос нарушил молчание:

— Вы их задержали, сержант? Нет, я вижу. Это мистер Вустер.

Полисмен обернулся и посветил фонариком:

— Кто вы такой?

— Я личный камердинер мистера Вустера.

— Чей-чей?

— Мистера Вустера.

— Этого человека зовут Вустер?

— Имя этого джентльмена — мистер Вустер. Я у него служу камердинером.

Думаю, полицейский испытывал благоговейный трепет перед величественной манерой Дживса, но продолжал стоять на своем.

— Хо! — сказал он. — Значит, у мисс Маплтон вы не служите?

— Мисс Маплтон не нуждается в услугах ка-

мердинера.

— Тогда что вы делаете у нее в саду?

— Я разговаривал с мисс Маплтон в здании школы, и она пожелала, чтобы я вышел и удостоверился, что мистер Вустер задержал незваных гостей.

— Какие еще незваные гости?

— Подозрительные личности, которые пробирались по саду. Мы с мистером Вустером их заметили, когда вошли в сад.

— А что вы делали в саду?

— Мистер Вустер пришел навестить мисс Маплтон, которая является близким другом семьи мистера Вустера. Мы заметили, что по газону крадутся подозрительные личности. Увидев это, мистер Вустер отправил меня предупредить и успокоить мисс Маплтон, а сам остался, чтобы все разузнать.

— Но он сидел на дереве.

— Если мистер Вустер поднялся на дерево, то я не сомневаюсь, что он руководствовался лучшими побуждениями и действовал исключительно в интересах мисс Маплтон.

Полисмен тяжело задумался.

— Хо! — сказал он. — Значит, так. Если хотите знать, я не верю ни слову. Нам в участок позво-

нили по телефону и сообщили, что кто-то влез в сад к мисс Маплтон, а я обнаружил этого парня на дереве. По мне — так вы оба и влезли в сад, и я намерен отвести вас к леди Маплтон для опознания.

Дживс благосклонно кивнул:

— Я с удовольствием готов вас сопровождать, сержант, если вы этого пожелаете. И я совершенно уверен, что то же самое могу заявить от лица мистера Вустера. Он также, я в этом убежден, не станет чинить препятствий на пути реализации ваших планов. Если вы полагаете, что по вине обстоятельств мистер Вустер оказался в положении, которое может быть названо двусмысленным или даже компрометирующим, то, естественно, его желанием будет реабилитировать себя по возможности…

— Все! — нервно сказал полисмен.

— Сержант?

— Хватит!

— Как скажете, сержант.

— Заткнитесь и пройдемте со мной.

— С удовольствием, сержант.

Должен сказать, я получил удовольствие от этой сцены, но, когда мы шли к парадной двери, на сердце было тяжело. Мне казалось, надо мной

навис злой рок, и я с сожалением думал о том, что доблестные усилия Дживса, его отлично аргументированные и логично построенные доводы пропали втуне. Версия, придуманная им, даже мне местами казалась почти правдоподобной. Какая досада, что этот идиот с фонариком не попался на удочку. Вне всяких сомнений, служба в полиции калечит мозги и убивает доверие к ближнему, поэтому у всех у них дурной характер. Тут уж ничего не попишешь.

Признаться, в сложившейся ситуации я не видел ни проблеска надежды. Безусловно, эта самая Маплтон подтвердит, что я племянник ее старой подруги, и, значит, не придется идти в полицейский участок и проводить ночь на нарах, однако, если вдуматься, пользы от этого — кот наплакал. Ребенок Клементина, по-видимому, все еще прячется где-то в темноте, и когда девчушку приведут и все раскроется, меня ожидает испепеляющий взгляд, пара «теплых» слов и подробное письмо тетке Агате. Пожалуй, отбыть в тюрьме положенный срок — не самый худший вариант для меня.

Когда я, размышляя таким образом о своей участи, переступил нетвердым шагом порог парадной двери, мне показалось, что сердце у меня

под тяжестью скорбных дум переместилось куда-то в район пяток. Пройдя коридор, мы вступили в кабинет, где за письменным столом стояла директриса собственной персоной, экипированная очками в стальной оправе, которые сверкали столь же отвратительно, как на обеде у тетки Агаты. Я бросил на нее робкий взгляд и зажмурился.

— Ах! — сказала мисс Маплтон.

Междометие «Ах!», произнесенное определенным образом — сначала помедлить на гласном, затем издать высокую ноту, а потом опуститься в нижний регистр, — может звучать даже более зловеще, чем междометие «Хо!». На самом деле какое из них эффектнее — вопрос спорный. Но меня потрясло, что мисс Маплтон произнесла свое «Ах!» вовсе не убийственно и не зловеще. Если слух меня не обманул, это было сердечное дружеское «Ах!». Такое «Ах!» услышишь, только когда встречаются два близких друга. Совершенно ошарашенный, я, забыв об осторожности, осмелился бросить на нее еще один взгляд. И с губ Бертрама сорвался сдавленный писк.

Этот наводящий ужас экспонат, стоявший передо мной, на самом деле был довольно мал ростом. В том смысле, что почтенная дама не возвышалась над каждым встречным. Но как бы

для компенсации недостатка в дюймах она была наделена тем величественным спокойствием, которое свидетельствовало о категорической нерасположенности терпеть всякие глупости и которым всегда отличаются дамы, руководящие школами. Те же качества я замечал, когда находился in statu pupillari, у директора своей школы. Одного его взгляда всегда было достаточно, чтобы я признался во всех своих прегрешениях. Вышесказанное относится в равной степени и к старшим сержантам, полисменам, регулировщикам уличного движения, а также к некоторым девицам, служащим в почтовых ведомствах. Видимо, все они обучены каким-то особенным образом поджимать губы и смотреть сквозь вас.

Короче говоря, долгие годы, посвященные воспитанию молодых девиц — отчитать Изабель, сделать суровое внушение Гертруде и так далее, — придали мисс Маплтон сходство с укротительницей львов. Именно поэтому я, кинув на нее первый робкий взгляд, зажмурился и прочел про себя короткую молитву. Но сейчас, хоть она и не утратила сходства с укротительницей львов, ее манера удивительным образом преобразилась: сейчас это была доброжелательная укротительница. Укротительница, которая, уложив львов

спать, может отдохнуть в обществе друзей.

— Стало быть, вам не удалось их обнаружить, мистер Вустер? — сказала она. — Жаль. Тем не менее я благодарна вам за хлопоты, которые вы на себя взяли. Поверьте, я ценю проявленную вами храбрость. Считаю, что ваше поведение выше всяких похвал.

Я почувствовал, что рот у меня потихоньку открывается и голосовые связки слегка подергиваются, но мне не удалось выдавить из себя ни слова. Я не мог понять, куда она клонит. Я был изумлен. Поражен. Словом, ошарашен.

Полицейский цербер издал звук, напоминающий вой. Как волк, который видит, что русский поселянин от него удрал.

— Вы можете опознать этого человека, мэм?

— Опознать? Что означает «опознать»?

В разговор вступил Дживс:

— Я предполагаю, мадам, что сержант находится под впечатлением, будто мистер Вустер проник в ваш сад с противозаконными целями. Я информировал сержанта о том, что мистер Вустер является племянником вашей подруги, миссис Спенсер Грегсон, но сержант отказался мне поверить.

Тут наступила пауза. Мисс Маплтон мину-

ту-другую сверлила констебля взглядом, будто застукала его за сосанием пастилок во время урока Закона Божия.

— Вы хотите сказать, сержант, — проговорила она голосом, который пронзил беднягу навылет в районе третьей пуговицы кителя и вышел из спины, — что имели глупость принять мистера Вустера за грабителя и таким образом совершили служебную ошибку, провалив все расследование?

— Он сидел на дереве, мэм.

— Ну и что из этого? Мистер Вустер, вы ведь влезли на дерево, чтобы лучше видеть?

Теперь я мог ответить. Первый шок прошел, и ко мне вернулось самообладание.

— Да. Именно. Так и есть. Конечно. Определенно. Совершенно верно, — сказал я. — Чтобы лучше видеть. И ежу ясно.

— Я взял на себя смелость объяснить это сержанту, но он отказался принять мое объяснение как не соответствующее здравому смыслу, — вставил Дживс.

— Сержант — болван, — изрекла мисс Маплтон. На миг мне показалось, что она ударит его линейкой по пальцам. — Из-за его тупости преступники успели убежать, теперь их и след простыл. Поду-

мать только, за такую работу мы платим местные и государственные налоги.

— Ужасно! — сказал я.

— Чудовищно!

— Позорно!

— Вопиющее безобразие! — сказала мисс Маплтон.

— Страшное дело! — поддакнул я.

Мы все больше и больше напоминали собой пару попугаев-неразлучников, и вдруг в открытое окно ворвался грохот. Как бы я ни старался, писателя из меня не выйдет. В школе, когда приходилось писать очерки или сочинения, в моем табеле успеваемости обычно стояло «Способности посредственные», или «Способности отсутствуют, но очень прилежен», или что-нибудь в этом роде. Правда, с годами я нахватался от Дживса кое-каких слов, но и теперь мне недостает бойкости пера, чтобы достаточно выразительно описать этот неимоверной силы грохот. Попробуйте представить, что махина Альберт-Холла рухнула на Хрустальный дворец[52], и вы получите приблизительное представление о том, что

[52] Примечания: 52

Хрустальный дворец — огромный выставочный павильон из стекла и чугуна; построен в 1851 г. для «Великой выставки»; сгорел в 1936 г. — *Прим. пер.*

произошло.

Мы все четверо, даже Дживс, подскочили на несколько дюймов. Полисмен издал потрясенное «Хо!».

Мисс Маплтон тотчас же вновь обрела свое властное спокойствие.

— Вероятно, кто-то из преступников упал в оранжерею, проломив крышу, — сказала она. — Сержант, может быть, вы хоть сейчас попытаетесь оправдать свое существование, проследуете туда и узнаете, что случилось?

— Да, мэм.

— И постарайтесь на этот раз не провалить все дело.

— Да, мэм.

— В таком случае, пожалуйста, поторопитесь. Или вы собираетесь всю ночь стоять здесь разинув рот?

— Да, мэм. Нет, мэм. Да, мэм.

До чего приятно было слушать его!

— Странное совпадение, мистер Вустер, — сказала мисс Маплтон, снова становясь общительной, едва отверженный покинул кабинет. — Я только что написала письмо вашей тетушке, а тут вдруг и вы появились. Разумеется, я вскрою конверт, чтобы сообщить ей, какую доблесть

вы проявили. Вообще я не слишком высокого мнения о нынешних молодых людях, но вы заставили меня изменить мои взгляды. Преследовать преступников ночью, в саду, без оружия — для этого требуется отчаянная храбрость. И с вашей стороны было необыкновенно любезно навестить меня. Я очень ценю ваше внимание. Надолго ли вы в Бингли?

На этот вопрос я тоже готов был ответить:

— Нет. Боюсь, что нет. Завтра я должен уехать в Лондон.

— Может быть, вы не откажетесь прийти ко мне на обед перед отъездом?

— Боюсь, не смогу. Чрезвычайно вам благодарен. У меня очень важная встреча, которую я не могу отменить. Не правда ли, Дживс?

— Да, сэр.

— Должны успеть на поезд в десять тридцать.

— Непременно, сэр.

— Весьма сожалею, — сказала мисс Маплтон. — Я надеялась, что вы будете столь любезны и скажете несколько слов моим девочкам. Может быть, в следующий раз?

— Вне всяких сомнений.

— Пожалуйста, дайте мне знать, когда снова соберетесь в Бингли.

— Как только соберусь, — сказал я, — непременно дам вам знать.

— Насколько я помню, сэр, в ваши планы не входило посещение Бингли в ближайшее время, сэр.

— Не только в ближайшее время, Дживс.

Парадная дверь за нами затворилась. Я провел ладонью по лбу.

— Дживс, расскажите мне все, — сказал я.

— Сэр?

— Говорю, расскажите мне все. Я ничего не понимаю.

— Все проще простого, сэр. Я взял на себя смелость и под свою ответственность ввел в действие альтернативный план, который, если вы помните, я пытался вам изложить.

— И что же?

— Мне пришло в голову, сэр, что самое разумное — постучать с черного хода и сказать, что я хотел бы поговорить с мисс Маплтон. Как мне казалось, пока служанка пойдет обо мне докладывать, юная леди сумеет проникнуть в здание незамеченной.

— И получилось?

— Да, сэр. Она поднялась по черной лестнице и беспрепятственно прошла в свою спальню.

Я нахмурился. Мысль о Клементине меня покоробила.

— Беспрепятственно! — сказал я. — Чтоб ей пусто было, Дживс, и пусть в воскресенье ее в угол поставят за незнание молитвы. Итак, вы повидались с мисс Маплтон?

— Да, сэр.

— И сказали ей, что я остался в саду один, без оружия и преследую преступников?

— Да, сэр.

— И что собираюсь ее навестить?

— Да, сэр.

— И теперь она занимается тем, что сочиняет постскриптум тете Агате и расписывает мои подвиги, не жалея похвал.

— Да, сэр.

Я глубоко вздохнул. Было слишком темно, и я не мог видеть этого носителя сверхчеловеческого интеллекта, которым, должно быть, светилась каждая черточка его лица. Как я ни пытался, в кромешной тьме разглядеть моего спасителя мне не удалось.

— Дживс, — сказал я, — мне с самого начала надо было руководствоваться вашими советами.

— Это, возможно, избавило бы вас от временных неприятностей, сэр.

— Да еще каких неприятностей! Представляете, едва я в полном мраке установил на ветке цветочный горшок, как вдруг свет фонаря ударил мне в лицо! Я подумал, что мне конец. Дживс!

— Сэр?

— Поездка в Антиб отменяется.

— Я рад это слышать, сэр.

— Если Бобби Уикем ухитрилась втравить меня в историю в таком тихом городке, как Бингли, что она натворит в Антибе, на этом модном курорте, где всегда царит веселье, даже подумать страшно.

— Совершенно верно, сэр. Мисс Уикем, как я уже упоминал, хоть и очаровательная…

— Да-да, Дживс. Не сыпьте соль на раны. С глаз Берти Вустера спала пелена.

Тут я немного замялся.

— Дживс!

— Сэр?

— Эти брюки для гольфа…

— Да, сэр?

— Можете отдать их для бедных.

— Очень вам благодарен, сэр.

Я вздохнул:

— Дживс, у меня сердце кровью обливается.

— Я очень ценю вашу жертву, сэр. Но когда

минует первая боль, вы почувствуете большое облегчение от того, что расстались с этим предметом верхней одежды, сэр.

— Вы так думаете?

— Я в этом убежден, сэр.

— Будь по-вашему, Дживс, — сказал я. — Вам виднее.

Глава 8
Возвышающая душу любовь

Каждый год наступает ужасное время, обычно оно приходится на начало августа, когда Дживс принимается настойчиво поговаривать об отпуске — вот лодырь! — и уматывает недели на две куда-нибудь на морской курорт, а я остаюсь один. Сейчас наступило такое время, и мы стали обсуждать, что делать с Бертрамом.

— У меня сложилось впечатление, сэр, — сказал Дживс, — что вы намеревались принять приглашение мистера Сипперли погостить в его гэмпширском поместье.

Я засмеялся. Горьким, безнадежным смехом.

— Верно, Дживс, намеревался. Но провидение сжалилось надо мной, и я вовремя проник в коварные замыслы Сиппи. Знаете, что он задумал?

— Нет, сэр.

— Как донесли мои шпионы, там будет невеста Сиппи, мисс Мун. А также мамаша невесты, миссис Мун, и маленький брат невесты, мастер Мун. Понимаете, какое дьявольское вероломство скрывается за этим приглашением? Понимае-

те, какие коварные замыслы у этого человека? Совершенно очевидно, что мне уготована роль развлекать миссис Мун и маленького Себастьяна Муна, пока Сиппи со своей малахольной девицей целыми днями будут бродить по живописным окрестностям и щебетать о том о сем. К счастью, мне удалось выскользнуть из западни. Вы помните маленького Себастьяна?

— Да, сэр.

— Помните, какие у него глазищи? И золотые кудри?

— Да, сэр.

— Не знаю почему, но я не выношу златокудрых детишек. При виде такого ребенка меня подмывает его поколотить или уронить что-нибудь ему на голову.

— Многие сильные личности подвержены подобным состояниям, сэр.

— Итак, никаких Сиппи. Кажется, звонят в дверь?

— Да, сэр.

— Наверное, кто-то пришел.

— Да, сэр.

— Надо пойти посмотреть.

— Да, сэр.

Дживс исчез и через мгновение явился, держа в

руках поднос с телеграммой. Я ее вскрыл, и легкая улыбка заиграла у меня на губах.

— Поразительно — иногда не успеешь чего-нибудь пожелать, а желание уже исполнилось. Телеграмма от тети Далии. Она меня приглашает в свое поместье, в Вустершир.

— Чрезвычайно удачно, сэр.

— Да. Как это я, подыскивая приют, упустил из виду тетю Далию, не понимаю. Это же райский уголок. Кругом пейзажи, один другого живописнее, купание и лучший повар во всей Англии. Вы ведь не забыли Анатоля?

— Нет, сэр.

— И главное, в доме тети Далии почти не бывает этих кошмарных детишек. Правда, ее сын Бонзо приехал туда на каникулы, но против него я не возражаю. Дживс, шпарьте на почту и отправьте телеграмму, что я принимаю приглашение.

— Да, сэр.

— Потом уложите вещи, не забудьте клюшки для гольфа и теннисную ракетку.

— Очень хорошо, сэр. Я рад, что все так удачно устроилось.

Кажется, я уже раньше упоминал, что в зловещем полку моих тетушек имеется одно приятное исключение — тетя Далия. Таких, как она, поис-

кать, к тому же не лишена веселого спортивного духа. Она, если вы помните, вышла замуж за старину Тома Траверса. И она же с помощью Дживса переманила у миссис Бинго Литтл ее повара-француза Анатоля. Гостить у тети Далии — сплошное удовольствие. В ее доме собирается шумное, оживленное общество, и если обычно загородные дома печально славятся тем, что вас ни свет ни заря поднимают к завтраку, то здесь такая нелепость никому не придет в голову.

И вот с ничем не омраченной радостью в душе я втиснул свой спортивный автомобиль в гараж Бринкли-Корта, графство Вустершир, и неспешно направился к дому по обсаженной кустарником аллее, мимо теннисного корта, чтобы оповестить хозяйку о своем прибытии. Когда я шел по газону, из окна курительной комнаты высунулась голова и дружелюбно мне засияла.

— А-а, мистер Вустер, — сказала голова. — Ха-ха!

— Хо-хо! — ответил я, не позволяя голове превзойти меня в вежливости.

Мне понадобилось несколько секунд, чтобы опознать голову. Я понял, что она принадлежит побитому молью семидесятилетнему джентльмену по имени Анструтер, старинному другу

покойного отца тети Далии. Я его раза два видел в теткином лондонском доме. Довольно приятный старикашка, но временами страдает нервным расстройством.

— Только что прибыли? — спросил он, продолжая сиять.

— Сию минуту, — сказал я, сияя в ответ.

— Полагаю, вы найдете нашу милую хозяйку в гостиной.

— Спасибо, — сказал я и, посияв еще немного на всякий случай, пошел к дому.

Тетя Далия, которая действительно оказалась в гостиной, очень мне обрадовалась, чем доставила мне большое удовольствие. Она тоже сияла. Наверное, день такой выдался, когда все сияют.

— А-а, это ты, — сказала она, — привет, урод. Слава богу, явился.

Такой прием меня вполне устраивал — вот если бы и остальные члены нашего семейного клана так меня встречали, особенно тетя Агата.

— Я всегда получаю необыкновенное удовольствие от вашего гостеприимства, тетя Далия, — сказал я с искренней теплотой. — Уверен, что прекрасно проведу время в вашем доме. Вижу, у вас гостит мистер Анструтер. Кто-нибудь еще?

— Ты знаком с лордом Снеттишемом?

— Встречал на скачках.

— Он здесь вместе с леди Снеттишем.

— И Бонзо, конечно?

— Да. И Томас.

— Дядя Томас?

— Нет, он в Шотландии. Твой кузен Томас.

— Вы говорите об этом изверге Тосе, сыне тети Агаты?

— Конечно! Сколько, по-твоему, у тебя кузенов Томасов, олух царя небесного? Агата уехала в Гамбург и подкинула ребенка мне.

Я встревожился:

— Но как же так, тетя Далия! Вы понимаете, что вы наделали? Вы хоть отдаленно представляете, какие бедствия навлекли на свой дом? В обществе Тоса может дрогнуть даже самый бесстрашный мужчина. Это же сущий дьявол в человеческом облике. Он способен на любую пакость.

— Я и сама всегда так считала, — сказала тетя Далия. — Но сейчас, черт его возьми, он ведет себя как герой святочного рассказа. Видишь ли, бедный мистер Анструтер в последнее время сильно сдал, и когда ему стало известно, что в доме гостят два мальчугана, он немедленно принял меры. Предложил награду в пять фунтов тому, кто будет лучше себя вести. И как ты думаешь, что из этого

последовало? У Томаса за плечами выросли большие белые крылья. — На лицо тетушки легла тень, будто что-то ее огорчило. — Маленький расчетливый негодник, — сказала она. — В жизни своей не видела такого тошнотворно благонравного ребенка. Одного этого достаточно, чтобы разочароваться в людях.

Я не совсем ее понимал:

— Но разве такие перемены в нем не во благо?

— Нет.

— Почему, не понимаю? Ведь благонравный Тос лучше, чем Тос, который носится по всему дому и чинит безобразия. По-моему, это очевидно.

— Совсем не очевидно. Понимаешь, Берти, эта награда за хорошее поведение все запутала. Создалась сложная ситуация. Вмешалась Джейн Снеттишем, ее охватил спортивный азарт, и она настояла на том, чтобы заключить пари.

Наконец-то я врубился. Теперь мне стало ясно, к чему клонит тетушка Далия.

— А! — воскликнул я. — Понял! Догадался. Уразумел. Она поставила на Тоса, правда?

— Да. И естественно, зная Тоса, я решила, что мое дело в шляпе.

— Конечно.

— Мне и в голову не пришло, что я могу проиг-

рать. Видит бог, я не питаю иллюзий по поводу моего дорогого Бонзо. Он с колыбели был отчаянный проказник. Но когда я поставила на него в соревновании с Тосом, я считала, что выигрыш у меня в кармане.

— Естественно.

— Бонзо просто шалун, заурядный озорник, а Томас — отпетый хулиган.

— Само собой. Не понимаю, тетя Далия, какие у вас основания тревожиться. Тос долго не выдержит. Обязательно сорвется.

— Да. Но несчастье может произойти раньше.

— Несчастье?

— Да. Берти, здесь затевается нечестная игра, — серьезным тоном сказала тетя Далия. — Когда я заключала пари, у меня и в мыслях не было, что Снеттишемы могут строить такие козни. А вчера мне стало известно, что Джек Снеттишем подбивает Бонзо влезть на крышу и выть в каминную трубу мистера Анструтера.

— Не может быть!

— Еще как может. Бедный больной старик до смерти бы перепугался. А придя в себя, первым делом исключил бы Бонзо из состязания и объявил Томаса победителем.

— Но Бонзо ведь не стал выть в трубу?

— Не стал, — сказала тетя Далия голосом, в котором звучала материнская гордость. — Он наотрез отказался. К счастью, мальчик сейчас влюблен, и это чувство так его изменило, что он с презрением отверг соблазн.

— Влюблен? В кого?

— В Лилиан Гиш. Неделю назад у нас в деревне, в кинотеатре «Сверкающая мечта», крутили старый фильм с ее участием, и Бонзо впервые ее увидел. После сеанса он вышел бледный, на нем лица не было, и с тех пор ведет себя все лучше и лучше. Так что опасность миновала.

— Слава богу.

— Да. Но теперь моя очередь. Ты думаешь, я спокойно все это проглочу? Если со мной поступают честно, я отплачу сторицей; но если они пускаются на обман, я принимаю вызов. Раз уж пошла такая грубая игра, я тоже внесу в нее свою лепту. Слишком велика моя ставка в этой игре. И я не собираюсь руководствоваться уроками нравственности, преподнесенными мне в нежном возрасте.

— Вы поставили крупную сумму?

— Если бы просто деньги! Я поставила Анатоля против судомойки Снеттишемов.

— Боже правый! Что скажет дядюшка Томас,

когда узнает, что Анатоля больше нет?

— И не говори!

— Не слишком ли большое преимущество оказывается на стороне миссис Снеттишем? Ведь известно, что Анатоль несравненный, прославленный повар.

— Ты прав, но судомойка Джейн Снеттишем тоже не лыком шита. Такой, как она, днем с огнем не сыщешь, Снеттишемы сами говорили. В наши дни хорошая судомойка — такая же редкость, как подлинник Гольбейна. Кроме того, мне пришлось дать фору этой Снеттишем. Она меня вынудила. Однако вернемся к тому, с чего я начала. Если конкуренты не брезгуют такими приемами, как искушение Бонзо, мы тоже прибегнем к подобным методам и расставим не одно искушение на пути Томаса. Так что пошли за Дживсом, и пусть он пораскинет мозгами.

— Но я не взял с собой Дживса.

— Не взял?

— Да. Он в это время года всегда ездит в отпуск, в Богнор, ловить креветок.

Лицо тети Далии выразило сильную озабоченность.

— Немедленно пошли за ним! Какая от тебя польза без Дживса, нескладеха несчастный?

Я расправил плечи и выпрямился во весь рост. Я как никто другой уважаю Дживса, но гордость Вустеров была уязвлена.

— Голова на плечах есть не только у Дживса, — холодно проговорил я. — Тетя Далия, положитесь в этом деле на меня. Сегодня к вечеру я представлю на ваше усмотрение полностью продуманный план действий. Если мне не удастся перехитрить Тоса, я съем свою шляпу.

— Чем тебе и придется удовольствоваться, если я проиграю Анатоля, — мрачно заключила тетушка.

Надо вам сказать, ее настроение очень мне не понравилось.

Расставшись с тетей Далией, я принялся изо всех сил размышлять. Вообще-то я всегда подозревал, что тетушка, хоть и выказывает мне расположение и неизменно радуется моему обществу, имеет о моих умственных способностях мнение не столь высокое, как мне бы хотелось. Уж очень часто она меня называет олухом, и если я в ее присутствии высказываю какое-то соображение, или предположение, или идею, тетушка ее встречает ласковым смехом, который меня почему-то обижает. Вот и сейчас, когда мы с ней говорили, она прозрачно намекнула, что

в нынешней сложной обстановке, требующей находчивости и сообразительности, Бертрам — существо совершенно никчемное. А я намерен был ей доказать, что она сильно меня недооценивает.

Вы поймете, чего на самом деле стоит Бертрам, если я вам скажу, что не успел я пройти нескольких шагов по коридору, как в голове у меня уже созрел блестящий план. Я придирчиво его рассматривал некоторое время, за которое успел выкурить полторы сигареты, и не нашел в нем ни единого изъяна, при условии — я подчеркиваю: при условии, — что мы с мистером Анструтером полностью сходимся во взглядах на хорошее и дурное поведение.

Самое главное в подобных случаях, как говорит Дживс, — это опереться на психологию индивидуума. Изучи индивидуума — и ты добьешься успеха. Юного Тоса я изучаю уже много лет, и его психология для меня — открытая книга. Он относится к тем детям, про которых никак не скажешь: «…солнце да не зайдет во гневе вашем», надеюсь, вы понимаете, что я хочу сказать. Я имею в виду вот что: попробуйте раздразнить, обидеть или разозлить этого юного головореза, и он при первой же возможности жестоко вам

отомстит. Например, прошлым летом он угнал лодку, на которой некий член кабинета министров, гостивший в поместье моей тетки Агаты в графстве Хартфордшир, заплыл на остров, стоящий посреди озера. Заметьте, шел проливной дождь, и на острове не было никого, кроме разъяренных лебедей. Так этот маленький негодяй отомстил члену кабинета министров. За что, вы спросите? А за то, что упомянутый член кабинета застукал Тоса за курением и сообщил об этом тетушке Агате. Как вам это понравится?

Поэтому я подумал, что несколько метких выпадов или колкостей, задевающих за живое, подействуют на Тоса безотказно и спровоцируют на жуткую месть. Не удивляйтесь, что я был готов пожертвовать собой ради блага тетушки Далии, — скажу вам только одно: да, мы, Вустеры, таковы.

Теперь мне важно было выяснить, сочтет ли мистер Анструтер оскорбление, нанесенное Бертраму Вустеру, достаточно веским поводом, чтобы исключить Тоса из игры. Или он, посмеиваясь по-стариковски, промямлит, что, мол, мальчишки, они и есть мальчишки, что с них возьмешь? В последнем случае, само собой, мой блестящий план срывается. Я решил немедленно поговорить

со стариканом.

Он все еще сидел в курительной комнате и читал утреннюю «Таймс». Вид у него был болезненный.

— А-а, мистер Анструтер, — сказал я. — Как дела?

— Мне совсем не нравится, как складывается ситуация на американском рынке, — ответил он. — Не понимаю этой явной тенденции к понижению.

— Да? Неужели? А как насчет вашего приза за примерное поведение?

— А, стало быть, вы об этом уже знаете?

— Да, наслышан, но не совсем понимаю вашу систему оценок.

— Ну как же, все очень просто. Я оцениваю поведение за день. Утром даю каждому из них по двадцать баллов. Из этой суммы вычитаю то или иное число, зависящее от тяжести проступка. Например, за громкий крик у моей спальни рано утром я вычитаю три балла, за свист — два балла. Наказание за более серьезные прегрешения, соответственно, увеличивается. Вечером, перед сном, я подвожу итоги и заношу их в записную книжку. По-моему, гениально просто, вы согласны, мистер Вустер?

— Вне всякого сомнения.

— До сих пор результаты были чрезвычайно благоприятные. Ни один из мальчиков не потерял ни одного балла, а моя нервная система находится в таком хорошем состоянии, на которое, признаться, я не смел и надеяться, когда узнал, что в доме одновременно со мной будут жить двое подростков.

— Понимаю, — сказал я. — Ваш расчет блестяще оправдывается. Скажите, а как вы расценили бы подлый поступок вообще?

— Простите?

— Я хочу сказать, если он не направлен лично против вас. Допустим, один из мальчуганов сделает пакость мне, например? Скажем, подставит подножку или подкинет жабу в постель?

Бедный старикан пришел в ужас:

— Всенепременно лишу виновного десяти баллов.

— Всего лишь?

— Ну, пятнадцати.

— Лучше бы двадцати. Хорошее круглое число.

— Хорошо, пусть будет двадцать. От таких шуточек меня в холодный пот бросает.

— Меня тоже.

— Мистер Вустер, вы ведь не забудете сооб-

щить мне, если произойдет такой безобразный случай?

— Вы первым об этом узнаете, — заверил его я.

Ну а теперь в сад, подумал я, на поиски юного Тоса.

Бертрам выяснил все, что нужно, и таким образом обрел твердую почву под ногами.

Мне не пришлось долго бродить по саду, я нашел Тоса в беседке, погруженного в чтение какой-то нравоучительной книги.

— Добрый день, — сказал он, приветствуя меня ангельской улыбкой.

Этот враг рода человеческого был коренастый, плотный подросток, которому наше слишком терпимое общество вот уже четырнадцать лет позволяло отравлять себе жизнь. Нос у него курносый, глаза зеленые, на вид настоящий сорвиголова. Мне он никогда не нравился, а уж с этой ангельской улыбкой выглядел прямо-таки отталкивающе.

Я перебрал в уме несколько подходящих колкостей.

— А-а, Тос, — сказал я, — привет. Да ты, я смотрю, разжирел как свинья.

По-моему, для начала неплохо. По опыту я знал, что Тос терпеть не может даже самых безобид-

ных, добродушных шуток насчет его явственно выпирающего брюшка. В последний раз, когда я отпустил замечание по этому поводу, дитя так меня отбрило, что я был бы горд иметь в своем лексиконе несколько подобных выражений. Но сейчас Тос молча одарил меня еще более ангельской улыбкой, чем прежде, хотя я успел приметить, как в его взгляде мелькнуло тоскливое выражение.

— Да, по-моему, я немного прибавил в весе, — добродушно согласился он. — Придется поделать физические упражнения, пока я живу здесь. Берти, может, ты хочешь сесть, — предложил он, вставая. — Ты ведь, наверное, устал с дороги. Хочешь, я положу тебе на кресло диванную подушку? А сигареты у тебя есть? А спички? Не то я мигом бы все тебе доставил из курительной комнаты. Если хочешь, сбегаю принесу что-нибудь прохладительное.

Сказать, что я был ошеломлен, — значит ничего не сказать. Хоть тетя Далия меня предупредила, я, в сущности, не верил, что этот юный бандюга способен столь разительно изменить свое отношение к ближним. Но сейчас, когда он явился передо мной помесью бойскаута и сервировочного столика на колесах, я почувствовал, что

окончательно сбит с толку, однако со свойственной мне бульдожьей хваткой продолжал начатое дело.

— Послушай, Тос, ты все еще прозябаешь в этой своей школе для придурков? — спросил я.

Пусть он устоял, когда я издевался над его пухлостью, но неужели он настолько продажен, чтобы за каких-то пять фунтов стерпеть насмешки над своей родной школой? Невероятно! Однако я ошибся. Видно, страсть к деньгам победила. Он только покачал головой:

— Я оттуда ухожу. Со следующего семестра поступаю в Певенхерст.

— Там носят плоские квадратные шапочки, да?

— Да.

— С розовыми кисточками?

— Да.

— Ну и вид у тебя будет! Осел с кисточкой, — сказал я, правда без особой надежды, и от души расхохотался.

— Что правда, то правда, — сказал он, хохоча еще искреннее, чем я.

— Квадратная шапочка!

— Ха-ха!

— Розовая кисточка!

— Ха-ха!

Тут я сдался.

— Ну ладно, пока, — уныло сказал я и поплелся прочь.

Через два дня мне стало ясно, что вирус стяжательства проник глубже, чем я думал. Этот ребенок был безнадежно одержим жаждой наживы.

Дурные новости сообщил мне старикан Анструтер.

— А-а, мистер Вустер, — сказал он, встретившись со мной на лестнице, когда я спускался в холл, подкрепив себя завтраком. — Вы были столь любезны, что выразили интерес к учрежденному мною состязанию на приз за примерное поведение.

— И что же?

— Я ведь вам объяснил мою систему оценок. Ну так вот, сегодня утром мне пришлось внести в нее некоторые изменения. Как мне представляется, обстоятельства этого требуют. Дело в том, что я случайно встретил племянника нашей милой хозяйки, юного Томаса. Он возвращался домой, и, как я заметил, вид у него был утомленный, ботинки в пыли. Естественно, я поинтересовался, что его заставило подняться в столь ранний час, — а, надо вам сказать, дело было еще до зав-

трака. Тогда он мне все объяснил: оказывается, он слышал, как вы вчера посетовали, что, уезжая из Лондона, забыли распорядиться, чтобы вам сюда доставляли «Спортивные новости», и он ходил на железнодорожную станцию — а это больше трех миль, — чтобы купить вам газету.

Все поплыло у меня перед глазами. Мне явились сразу два мистера Анструтера, оба с размытыми контурами.

— Что?!

— Я могу понять ваши чувства, мистер Вустер. И поверьте, я их ценю. Поистине, такая самоотверженная доброта в ребенке его возраста — большая редкость. Растроганный до глубины души благородством его поступка, я немного отступил от своей системы и наградил мальчика премией — пятнадцатью баллами.

— Пятнадцатью баллами!

— Действительно, почему пятнадцатью? Пусть будет двадцать. Как вы совершенно справедливо заметили, двадцать — прекрасная круглая цифра, — сказал старикан и заковылял прочь, а я бросился искать тетушку.

— Тетя Далия, — вскричал я, — дело принимает дурной оборот!

— Послушай, да они просто на ходу подметки

режут! — с горячностью подхватила тетя Далия. — Знаешь, что сейчас случилось? Этот плут Снеттишем, которого за такие проделки надо в шею гнать из его клуба, а к скачкам и близко не подпускать, подговаривал Бонзо хлопнуть во время завтрака бумажным пакетом над ухом мистера Анструтера и обещал за это десять шиллингов. Слава богу, любовь к Лилиан Гиш и на этот раз победила. Мой дорогой Бонзо просто смерил жулика Снеттишема взглядом и гордо удалился. Теперь ты понимаешь, с чем мы столкнулись?

— Тетя Далия, мы столкнулись с еще более страшным злом, — сказал я и поведал ей о разговоре с мистером Анструтером.

Она была ошеломлена. Можно сказать — сражена ужасом.

— Неужели Томас это сделал?

— Представьте себе.

— Протопал шесть миль, чтобы достать для тебя газету?

— Шесть с лишним.

— Маленький негодяй! Боже милостивый! Берти, представляешь, ведь он может начать творить добрые дела каждый день! Или даже дважды в день! Неужели нет никакого средства

его остановить?

— По-моему, нет. Его теперь не остановишь, тетя Далия. Должен признаться, я в полной растерянности. Есть только один выход. Надо послать за Дживсом.

— Давно пора! — отрезала тетушка. — Надо было его вызвать с самого начала. Телеграфируй ему сейчас же.

Все-таки Дживсу нет равных. И сердце у него золотое. Причем из золота высшей пробы. Любой на его месте, вызови я его телеграммой в разгар отпуска, наверняка послал бы меня подальше. Но Дживс не таков. Он примчался на следующий же день, загорелый, в прекрасной форме, и я немедленно изложил ему суть дела.

— Ну вот, Дживс, теперь вы все знаете, — сказал я, пересказав известные вам факты. — Ваша задача — хорошенько пораскинуть умом. Отдохните с дороги, а вечером, перекусив, удалитесь в уединенное место и поломайте голову. Может быть, хотите к ужину какие-нибудь особенные блюда или бодрящие напитки, чтобы подстегнуть мозги? Только скажите.

— Очень вам благодарен, сэр, но у меня уже есть план, который, я думаю, себя оправдает.

Я уставился на него чуть ли не с благоговейным

страхом:

— Как?! Уже?

— Да, сэр.

— Не может быть!

— Может, сэр.

— Наверное, ваш план основан на изучении психологии индивидуума?

— Совершенно верно, сэр.

Я с недоверием покачал головой. В душу закрались сомнения.

— Хорошо, Дживс, выкладывайте. Но честно говоря, особых надежд я не питаю. Вы ведь только что здесь появились и не знаете, какие пугающие перемены произошли в Тосе. Вы, наверное, думаете, что он такой же, как прежде. Ничего похожего, уверяю вас. Одержимый желанием сцапать эту пятерку, проклятый мальчишка стал просто шелковый, и в броне, так сказать, его добродетели нет ни малейшего изъяна. Я издевался над его толстым пузом, последними словами поносил его школу, а он знай себе улыбается, как умирающий лебедь. Впрочем, вы сами все увидите. Однако послушаем, что вы предлагаете.

— Мне пришло в голову, сэр, что самый разумный шаг в данных обстоятельствах состоит в том, чтобы вы обратились к миссис Траверс с

просьбой пригласить сюда в гости мастера Себастьяна Муна.

Я снова покачал черепушкой. По-моему, на этот раз славный малый бредил, причем бред был клинический.

— Черт побери, Дживс, какой от этого толк? — спросил я не без некоторой досады. — Почему Себастьяна Муна?

— Потому что у него золотые кудри, сэр.

— Ну и что из этого?

— Сильные личности порой не могут устоять при виде золотых кудрей, сэр.

Конечно, это была мысль. Однако я не сказал бы, что пришел в восторг. Возможно, вид Себастьяна Муна пробьет броню Тосовой добродетели настолько, что скверный мальчишка пустит в ход кулаки, но я не слишком на это надеялся.

— Может, вы и правы, Дживс.

— Вероятно, вы находите, что я настроен слишком оптимистично, сэр. Однако если вы помните, мастер Мун, кроме золотых кудрей, обладает некоторыми особенностями характера, которые не всем могут показаться приятными. Мастер Себастьян склонен, например, слишком живо и непосредственно выражать свои чувства, к чему, как мне представляется, мастер Томас, скорее

всего, отнесется крайне неодобрительно, тем более что мастер Себастьян несколькими годами моложе мастера Томаса.

У меня все время было чувство, что в плане Дживса есть изъян, и вот теперь я, кажется, понял, в чем он состоит.

— Но, Дживс, если этот малявка Себастьян, по вашим словам, действует на всех мальчишек как красная тряпка на быка, почему вы считаете, что его поколотит именно Тос, а не Бонзо? Если Себастьяном займется наш фаворит, мы окажемся в дураках. Не забывайте, Бонзо и так уже отстает от Тоса на двадцать очков.

— Такой оборот дела мне представляется весьма маловероятным, сэр. Мастер Траверс влюблен, а в тринадцать лет любовь оказывает на молодого человека мощное сдерживающее влияние.

— Гм, — задумчиво произнес я. — Ну что ж, Дживс, давайте попробуем.

— Да, сэр.

— Попрошу тетю Далию сегодня же написать Сиппи.

Должен вам сказать, что, когда спустя два дня в доме появился маленький Себастьян, во мне воскресла надежда. При виде этого златокудрого ангелочка у каждого порядочного мальчишки

просто руки чесались затащить его куда-нибудь в укромное местечко и как следует поколотить. Мне Себастьян Мун сильно напоминал маленького лорда Фаунтлероя[53]. Я пристально наблюдал за лицом Тоса в момент их встречи, и, если не ошибаюсь, взгляд у него был как у индейского вождя — скажем, у Чингачгука или у Сидящего Буйвола, — когда тот тянется к своему ножу для снятия скальпа. И вид у Тоса был такой, будто он готов немедленно приступить к делу.

Правда, пожимая Себастьяну руку, он, видно, сдержал себя. Только проницательный наблюдатель мог бы заметить, что Тос задет за живое. Но я-то заметил и немедленно послал за Дживсом.

— Дживс, если вам показалось, что я недооценил ваш план, то хочу вас разуверить. Вы попали в точку. Я наблюдал за Тосом, когда они с Себастьяном встретились. У Тоса в глазах появился подозрительный блеск.

— Вот как, сэр?

— Да. Он переминался с ноги на ногу и двигал ушами. В общем, похоже, сдерживался из последних сил.

---

[53] Примечания: 53

Маленький лорд Фаунтлерой — герой одноименного романа (1886) англо-американской писательницы Франсис Ходжсон Вернет (1849–1924). — *Прим. пер.*

— Да, сэр?

— Да. Меня не покидало явственное ощущение, что он вот-вот взорвется. Завтра же попрошу тетю Далию взять обоих недоносков на прогулку и оставить их одних где-нибудь в уединенном месте. Остальное предоставим природе.

— Хорошая мысль, сэр.

— Это больше, чем хорошая мысль, Дживс. Считайте, дело в шляпе.

Знаете, чем старше я становлюсь, тем больше крепнет во мне убежденность, что на самом деле никогда нельзя считать, что твое дело в шляпе. Не один раз мне приходилось видеть, как самые надежные построения рушились, и теперь уж я вряд ли избавлюсь от своего холодного скептицизма. Бертрам Вустер только качает головой, когда в «Трутнях» или еще где-нибудь ему, например, советуют поставить на лошадь, которая должна прийти первой, даже если на старте в нее ударит молния. Бертрам слишком хорошо знает жизнь, чтобы быть в чем-то уверенным.

Если бы кто-нибудь сказал мне, что мой кузен Тос, оставшись наедине с таким в высшей степени противным существом, как Себастьян Мун, не обкорнает ему кудряшки перочинным ножом, не вывозит его в грязи с головы до ног, а, напротив

того, вернется домой, неся на спине этого злосчастного ребенка, который, как оказалось, стер ногу, я бы пренебрежительно рассмеялся ему в лицо. Я хорошо знаю Тоса, знаю, на что он способен. Я видел его в деле и был убежден, что даже угроза лишиться пяти фунтов его не остановит.

И что же произошло? Стоял тихий предвечерний час, сладостно пели птички, сама природа будто нашептывала вам слова надежды и утешения, и вот тут-то и случилась беда. Я болтал со стариком Анструтером на террасе, когда вдруг из-за поворота на дорожке показались двое детей. Себастьян без шляпы, со своими золотистыми кудряшками, развевающимися на ветру, сидел на спине у Тоса и горланил какую-то песенку. А Тос, сгибаясь под тяжестью ноши, хоть и устало, но упорно тащился вперед, и на губах его играла эта проклятая ангельская улыбка. Он сгрузил Себастьяна на ступени и подошел к нам.

— У Себастьяна в туфле гвоздь, — сказал он тихим, благонравным голосом. — Ему было больно идти, поэтому я его принес.

Я услышал, как мистер Анструтер шумно вздохнул:

— Ты нес его всю дорогу?

— Да, сэр.

— По такому солнцепеку?

— Да, сэр.

— Но ведь тебе было тяжело?

— Немного, сэр, — сказал Тос, снова ангельски улыбаясь. — Но ему было страшно больно идти.

Я смотал удочки. С меня довольно. Невооруженным глазом видно, что почтенный старец сейчас начнет метать премиальные баллы. Глаз у него заблестел особым наградометательным блеском. И я отчалил в направлении своей спальни, где застал Дживса, перебирающего мои галстуки и прочие вещи.

Выслушав новости, он поджал губы:

— Плохи дела, сэр.

— Очень плохи, Дживс.

— Я этого боялся, сэр.

— Да? А я нет. Я был уверен. Тос должен был отлупить Себастьяна. Я на это рассчитывал. Вот что делает с человеком страсть к деньгам. Какой меркантильный век, Дживс. Будь я мальчишкой, я бы с радостью пожертвовал пятью фунтами, чтобы всласть отлупить такого ангелочка, как Себастьян. И ни секунды не считал бы, что пустил деньги по ветру.

— Вы ошибаетесь, сэр, трактуя таким образом побуждения мастера Томаса. Подавляя свои есте-

ственные порывы, он руководствовался отнюдь не желанием выиграть пять фунтов.

— Как это?

— Я установил истинную причину тех перемен, которые произошли в характере мастера Томаса, сэр. Честно скажу, я опешил.

— Что же это за причина, Дживс? Религия?

— Нет, сэр. Любовь.

— Любовь?

— Да, сэр. Мастер Томас мне в этом признался, когда мы с ним беседовали в холле сразу после обеда. Сначала разговор зашел о всякой всячине, потом мастер Томас вдруг сильно покраснел и, немного поколебавшись, спросил, считаю ли я, что мисс Грета Гарбо самая прекрасная девушка на свете.

Я схватился за голову:

— Дживс! Только не говорите, что Тос влюбился в Грету Гарбо.

— Именно, сэр. К несчастью, так и есть. Мастер Томас дал мне понять, что это чувство постепенно в нем разгоралось, а последний фильм с ее участием решил дело. Голос у мастера Томаса дрожал от избытка чувства, которое нельзя истолковать иначе как любовь. Из высказываний мастера Томаса я понял, что он намерен теперь

до конца жизни стараться вести себя так, чтобы быть достойным мисс Греты Гарбо.

Это был нокаут. Это был конец.

— Дживс, это конец, — сказал я. — Бонзо теперь отстает на добрых сорок баллов. Только какая-нибудь исключительно безобразная выходка может помешать Томасу получить приз. Но сейчас ничего такого от него, похоже, не дождешься.

— Да, подобная возможность представляется весьма маловероятной, сэр.

Я задумался.

— Дядюшку Томаса хватит удар, когда он вернется и узнает, что Анатоля больше нет.

— Да, сэр.

— Тете Далии придется испить горькую чашу до дна.

— Да, сэр.

— А если посмотреть с чисто эгоистической точки зрения, то мне уже никогда не приведется есть самые вкусные на свете блюда, если, конечно, Снеттишемы не пригласят меня как-нибудь вечерком на ужин. Но подобная возможность также представляется весьма маловероятной.

— Да, сэр.

— Остается только одно — мужественно смириться с неизбежным.

— Да, сэр.

— Как аристократ времен Французской революции, которого везут на казнь. Надменная улыбка. Гордо поднятая голова.

— Да, сэр.

— Тогда вперед, Дживс. Запонки вдеты?

— Да, сэр.

— Галстук выбран?

— Да, сэр.

— Воротничок и нижнее белье приготовлены?

— Да, сэр.

— Тогда иду принимать ванну. Вы и глазом не успеете моргнуть, как я вернусь.

Легко сказать, «надменная улыбка», «гордо поднятая голова», но по опыту знаю и, смею предположить, все со мной согласятся, что одно дело говорить о гордости и надменности, черт их подери, и совсем другое — изобразить. Должен честно признаться: следующие несколько дней, несмотря на все мои усилия, я пребывал в меланхолии.

Ибо, по закону подлости, на Анатоля как раз в это время снизошло особое кулинарное вдохновение и он бил свои прежние рекорды.

Вечер за вечером мы сидели за обеденным столом, пища таяла у нас во рту, и тетушка посылала мне взгляд, а я посылал взгляд тетушке,

и Снеттишем мужского рода противным, злорадным тоном вопрошал Снеттишем женского рода, едала ли она когда-нибудь подобные кушанья, и Снеттишем женского пола с самодовольной улыбкой отвечала, что отроду не пробовала таких яств, и я посылал взгляд тетушке, а тетушка посылала взгляд мне, и наши глаза наполнялись невыплаканными слезами. Такие вот дела.

Тем временем отъезд мистера Анструтера приближался. Как говорится, время бежало неумолимо. И как раз накануне его отъезда долгожданное событие произошло.

Стоял теплый, тихий, навевающий дремоту день. Я у себя в комнате строчил письмо, которое давно следовало бы написать. С того места, где я сидел, мне была видна затененная лужайка, обрамленная веселенькими клумбами. Птички прыгали, бабочки порхали туда-сюда, компания пчел жужжала тут и там. Старый мистер Анструтер, сидя в шезлонге, клевал носом. Не будь я так озабочен, эта мирная картина, безусловно, согрела бы мне душу. Одно только портило пейзаж — леди Снеттишем слонялась среди клумб и, вероятно, составляла в уме меню своих грядущих трапез, чтоб ей ни дна ни покрышки.

Итак, время будто остановилось. Птички пры-

гали, бабочки порхали, пчелы жужжали, старый мистер Анструтер похрапывал — каждый, как по нотам, разыгрывал свою партию. А я в письме своему портному уже добрался до того места, где надлежало строго выговорить ему по поводу того, как ведет себя правый рукав моего пиджака.

В дверь постучали, и в комнату вплыл Дживс с дневной почтой в руках. Я вяло взял письма и положил на стол.

— Вот так-то, Дживс, — мрачно сказал я.

— Сэр?

— Мистер Анструтер завтра уезжает.

— Да, сэр.

Я взглянул из окна на спящего старца:

— В мои юные годы, Дживс, будь я даже по уши влюблен, я бы не устоял при виде дремлющего в шезлонге старичка. Я бы отколол какой-нибудь номер, чего бы мне это ни стоило.

— Вот как, сэр?

— Да. Вероятнее всего, пульнул бы у него над ухом из игрушечного духового ружья. Нынешние мальчишки просто выродились. Начисто утратили спортивный дух. Наверное, даже в такой прекрасный день Тос сидит дома и показывает Себастьяну свой альбом с марками или что-нибудь вроде того. Ха! — с отвращением воскликнул я.

— Полагаю, мастер Томас и мастер Себастьян играют на конном дворе, сэр. Я недавно встретил мастера Себастьяна, и он мне сообщил, что идет на конный двор.

— А все кинематограф, Дживс, — сказал я, — проклятие нашего века. Когда бы не кинематограф, останься Тос на конном дворе вдвоем с таким ангелочком, как Себастьян…

Я осекся. Откуда-то с юго-запада, откуда именно, мне из окна не было видно, раздался душераздирающий вопль. Он ножом рассек тишину, и старый мистер Анструтер подскочил так, будто ему в мягкое место воткнули шило.

В следующий миг появился Себастьян. Он мчался со всех ног, а за ним гнался Тос. Тосу сильно мешало большое ведро с водой, которое он тащил в правой руке, но он явно выигрывал забег. Он почти настиг Себастьяна, но тот, проявив редкую находчивость, спрятался за мистера Анструтера, и на какой-то миг развитие событий прекратилось.

Но лишь на миг. Тос, очевидно находившийся в невменяемом состоянии, рванулся в сторону, поднял ведро обеими руками и опрокинул его. Мистер Анструтер, который рванулся в ту же сторону, что и Тос, получил сполна. Насколько я мог

видеть, мало ему не показалось. В одну секунду он превратился в самое мокрое существо во всем Вустершире.

— Дживс! — вскричал я.

— Да, безусловно, сэр, — сказал Дживс, выразив этими словами смысл и значение всего, что произошло.

Тем временем внизу страсти накалялись. Мистер Анструтер, хоть и немощный старик, маху не дал. Редко увидишь, чтобы человек его возраста действовал с таким проворством. Схватив трость, лежавшую рядом с шезлонгом, он ринулся в бой. Минуту спустя они с Тосом скрылись за углом дома и исчезли из поля моего зрения. Судя по доносившимся до меня воплям Тоса, ему, несмотря на всю его прыть, не удалось сбежать с поля боя.

Наконец суматоха и крики прекратились, и я, бросив злорадный взгляд на Снеттишем женского пола, которая стояла с таким видом, будто ей по физиономии заехали тортом, и смотрела, как ее ставленник проигрывает состязание, обернулся к Дживсу. Я чувствовал себя победителем. Нечасто мне удается обставить Дживса, но сейчас, бесспорно, выигрыш был мой.

— Вот видите, Дживс, я был прав, а вы ошибались. Тос есть Тос. Кровь в нем заговорила. Разве

может леопард избавиться от пятен на шкуре или эфиоп от чего-то там еще? Как это учили нас в школе?

— Можно изгонять природу вилами, сэр, но она все равно возвращается. В латинском оригинале это звучит…

— Бог с ним, с латинским оригиналом. Главное в том, что я вам говорил — Тос не сможет вынести этих золотых кудряшек, так и вышло. А вы со мной не соглашались.

— Как мне кажется, дело не в кудряшках, сэр.

— Именно в них, Дживс.

— Нет, сэр. Полагаю, дело в том, что мастер Себастьян с пренебрежением отозвался о мисс Гарбо.

— Да? С чего бы это?

— Я сам ему предложил, чтобы он это сделал, когда встретил его недавно. Мастер Себастьян очень охотно со мной согласился, так как, по его мнению, мисс Гарбо безусловно проигрывает в красоте и таланте по сравнению с мисс Кларой Бау, к которой мастер Себастьян давно питает глубокую симпатию. То, чему мы только что были свидетелями, сэр, наводит меня на мысль, что мастер Себастьян затронул упомянутую тему в самом начале их беседы с мастером Томасом.

Я рухнул на стул. Такое даже Вустерам не под силу.

— Дживс!

— Сэр?

— Вы хотите сказать, что Себастьян Мун, совсем еще ребенок, который расхаживает с длинными локонами, не вызывая отвращения в окружающих, влюблен в Клару Бау?

— Да, сэр, и, как он дал мне понять, довольно давно.

— Дживс, это новое поколение нам сто очков вперед даст.

— Да, сэр.

— Разве вы были таким?

— Нет, сэр.

— Я тоже не был таким, Дживс. В четырнадцать лет я написал Мэри Ллойд и попросил у нее автограф, но, если не считать этого эпизода, моя личная жизнь безупречна. Но дело не в этом. Дело в том, Дживс, что я снова должен отдать вам дань восхищения.

— Очень вам благодарен, сэр.

— Вы еще раз доказали, что вы великий человек, Дживс, от вас исходит свет разума.

— Рад, что мог оказаться полезен, сэр. Нуждаетесь ли вы еще в моих услугах?

— В смысле, вы хотите вернуться в Богнор к своим креветкам? Поезжайте, Дживс, и проведите там еще две недели, если захочется. И пусть вам сопутствует успех в ловле креветок.

— Большое спасибо, сэр.

Я восхищенно глядел на него. В его глазах светился ум высшего порядка, затылок выступал далеко назад.

— Жаль мне ту креветку, которая попытается своими жалкими уловками противостоять вам, Дживс, — сказал я.

И это была чистая правда.

Глава 9
Дживс и старая школьная подруга

Осенью того года, когда ноябрьские скачки в Манчестере выиграл Йоркширский Пудинг, благополучие моего старого друга Ричарда (Бинго) Литтла достигло своего… Забыл, как это называется. В общем, он стал, судя по всему, совершенным баловнем судьбы. Ел с аппетитом, спал крепко и наслаждался счастливой семейной жизнью. Когда же его всеми уважаемый дядя лорд Уилберфорс откинул наконец коньки, Бинго унаследовал значительное состояние и прекрасное старинное поместье, расположенное милях в тридцати от Нориджа. Сгоняв туда ненадолго, я убедился, что если есть на свете человек, который пребывает наверху блаженства, так это Бинго.

Мне пришлось покинуть райский уголок, потому что по настоянию моих родственников я должен был мчаться в Харроугейт, чтобы опекать моего дядюшку Джорджа, у которого снова стала пошаливать печень. Но когда в день отъезда мы с Бинго уплетали завтрак, я охотно принял его приглашение вернуться сразу, как только снова

вырвусь в мир цивилизации.

— Постарайся успеть к Лейкенхэмским скачкам, — твердил мне Бинго. Он вторично загрузил в свою тарелку сосиски с беконом. Бинго всегда был большой обжора, а на деревенском воздухе его аппетит разыгрался вовсю. — Махнем туда на автомобиле, возьмем корзину с едой и повеселимся на славу.

Я хотел было ответить, что непременно последую его совету, но миссис Бинго, которая как раз в это время вскрывала письмо, вдруг издала восторженный вопль:

— О, какая радость, мой любименький ягненочек!

Миссис Бинго, если вы помните, до замужества была известной писательницей Рози М. Бэнкс, и теперь она, обращаясь к мужу, имеет обыкновение придумывать для него эти кошмарные прозвища. Вероятно, причина в том, что она всю жизнь писала душещипательные романы для широких масс. Бинго особо против этого не бунтует. Понимая, что его женушка — автор такой из ряда вон выходящей ахинеи, как «Светский лев Мервин Кин» и «Фабричная девчонка», он, видимо, ожидал чего-то похлеще.

— О, какая радость, мой любименький ягнено-

чек! Правда?

— Что?

— К нам хочет приехать Лаура Пайк.

— Кто?

— Ты, конечно, слышал о ней от меня. Она моя самая любимая школьная подруга. Я перед ней преклоняюсь. Она необыкновенно умна. Лаура хочет погостить у нас неделю-другую.

— Нет вопросов. Пусть подваливает.

— Ты правда не возражаешь?

— Конечно, нет. Любая твоя подруга…

— Мой любименький! — сказала миссис Бинго, посылая мужу воздушный поцелуй из-за кофейника.

— Мой ангел! — сказал Бинго, прожевывая сосиску.

В самом деле, очень трогательно. Очаровательная домашняя сценка. Взаимное сердец лобызанье и все такое прочее. Когда мы с Дживсом возвращались домой на автомобиле, я ему сказал:

— В наше неспокойное время, Дживс, когда жены только и думают о том, как бы полнее себя выразить, когда мужья поглядывают на сторону и делают то, чего делать не положено, когда дом превращается в психушку, так приятно встретить

пару, живущую в любви и согласии.

— Безусловно, сэр.

— Я имею в виду мистера и миссис Бинго.

— Понимаю, сэр.

— Один поэт очень хорошо сказал о таких парах. Не помню, что именно.

— «Два сердца бьются как одно, одна и та же дума их умы тревожит», сэр.

— Чертовски хорошо сказано, Дживс.

— Сказано, как мне кажется, весьма убедительно, сэр.

Если бы я знал, что идиллическая сцена, свидетелем которой я был в то утро, уже таит в себе первый слабый ропот грядущего шторма! Рок неслышными шагами приближался к счастливым супругам, тайно засовывая кусок свинца в боксерскую перчатку.

Мне удалось довольно скоро отделаться от дядюшки Джорджа, и, оставив его барахтаться в целебных водах, я телеграфировал чете Бинго о своем возвращении. Путь был неблизкий, и когда я прибыл к месту назначения, мне едва хватило времени переодеться к ужину. Я стремительно облачился в смокинг и уже радостно предвкушал коктейли и изысканные блюда, когда дверь отворилась и вошел Бинго.

— Привет, Берти, — сказал он. — А-а, Дживс.

Говорил он каким-то безжизненным голосом. Поправляя галстук, я поймал на себе взгляд Дживса и в ответ вопросительно на него посмотрел. По выражению его лица я понял, что нас обоих поразило одно и то же обстоятельство: наш хозяин не в себе. Лоб нахмурен, в глазах нет привычного веселого блеска, прямо утопленник какой-то.

— Бинго, что-то случилось? — спросил я, встревоженный состоянием друга. — Ты скверно выглядишь. Уж не подхватил ли что-нибудь вроде чумы?

— Подхватил.

— Что?

— Чуму.

— В каком смысле?

— Она обитает у нас в доме, — сказал Бинго и засмеялся неприятным, кашляющим смехом, будто ему недавно миндалины удалили.

Я ничего не понимал. Старина Бинго говорил загадками.

— Старина, мне кажется, ты говоришь загадками. Дживс, вам не кажется, что он говорит загадками?

— Да, сэр.

— Я говорю о Пайк, — сказал Бинго.

— Что такое пайк?

— Лаура Пайк. Помнишь…

— А… да, конечно. Школьная подруга. Закадычная. Она все еще здесь?

— Да. Похоже, она поселилась у нас навеки. Рози от нее без ума. Ловит каждое ее слово.

— Все еще действует обаяние прошлого, да?

— Видимо, да, — сказал Бинго. — Я уже этой девичьей дружбой сыт по горло. По-моему, Пайк загипнотизировала Рози. Ничего не понимаю. У мужчин все по-другому. Вот мы с тобой, Берти, тоже вместе учились в школе, но я же не считаю, что ты должен мной руководить.

— Правда?

— И не ловлю каждое твое слово.

— Может, зря?

— А Рози именно так держится с этой самой Пайк. В ее руках она как воск. Посмотри вокруг, и ты увидишь, что райский уголок, который здесь был прежде, превратился в руины. А всё козни змеи, поселившейся в нашем доме.

— Да что же случилось?

— Лаура Пайк, чтоб ей пусто было, свихнулась на рациональном питании, — с раздражением сказал Бинго. — Она считает, что все мы едим слишком много, слишком поспешно и не то, что

следует. По ее мнению, питаться надо пастернаком и прочей гадостью. А Рози, нет чтобы прямо сказать этой Пайк, что она дуреха, каких мало, смотрит на нее с обожанием и верит каждому ее слову. В результате наша кухня пришла в упадок, и я хожу голодный. Если я тебе скажу, что вот уже несколько недель как мясной пудинг не появляется у нас на столе, ты все поймешь.

В это время зазвучал гонг. Бинго слушал его с мрачным видом.

— Не понимаю, зачем бить в этот чертов гонг, — сказал он, — когда все равно нечего есть. Кстати, Берти, ведь ты наверняка хочешь коктейль?

— Неплохо бы.

— Ну так ты его не получишь. У нас больше не подают коктейли. Школьная подруга считает, что они разъедают стенки желудка.

Я обомлел. Мне и в голову не приходило, что дело зашло так далеко.

— Не подают коктейли!

— Да. И тебе здорово повезет, если сегодня ужин будет не вегетарианский.

— Бинго! — вскричал я, потрясенный до глубины души. — Ты должен бороться. Ты должен отстаивать свои права. В конце концов, топни ногой. Стой на своем. Ты должен быть хозяином

в доме.

Бинго устремил на меня долгий, загадочный взгляд:

— Берти, ты женат?

— Нет, ты же знаешь.

— Если бы не знал, то сразу бы догадался. Пойдем.

Действительно, ужин нельзя было назвать стопроцентно вегетарианским, и больше мне нечего добавить в его защиту. Скудный, постный, он совсем не радовал желудок, который после долгой дороги требовал обильной и плотной еды. К тому же от разговоров, которые вела мисс Лаура Пайк, та малость, что попала мне в рот, потеряла всякий вкус.

Встреть я эту девицу при других обстоятельствах и не будь предупрежден о ее извращенных вкусах, она, наверное, произвела бы на меня приятное впечатление: довольно красива и привлекательна, несмотря на то что черты лица явно выдавали ее излишнюю властность. Но будь она Еленой Прекрасной, у Бертрама Вустера она бы не имела успеха, ибо своими дурацкими высказываниями все время ставила себя в неловкое положение.

Во время ужина она не закрывала рта, и я скоро

понял, отчего сердце Бинго так ожесточилось. Все, о чем она говорила, касалось пищи и склонности Бинго к обжорству, а следовательно, причинению страшного вреда своему желудку. При этом ее почему-то ничуть не пугало состояние моего желудка. Казалось, лопни Бертрам у нее на глазах, она и не взглянет. Все свое внимание она сосредоточила на Бинго, будто собиралась спасти его от неминуемой гибели. Уставясь на него, точно настоятельница храма на любимую, хотя и заблудшую послушницу, она рассказывала, что происходит с его внутренностями, когда он упорно употребляет продукты, лишенные витаминов, способных растворяться в жирах. Она со знанием дела толковала о протеинах, углеводах и физиологических потребностях человеческого организма. Она не утруждала себя тем, чтобы подбирать более деликатные выражения, и рассказанный ею весьма пикантный анекдот про одного типа, не желавшего есть чернослив, привел к тому, что я даже не притронулся к двум последним блюдам.

— Дживс, — сказал я, вернувшись вечером к себе в спальню, — мне не нравится то, что здесь творится.

— Не нравится, сэр?

— Нет, Дживс, не нравится. Меня все это сильно тревожит. Дело обстоит куда хуже, чем я ожидал. Из того, что говорил мистер Литтл перед обедом, у вас, наверное, сложилось впечатление, что эта Пайк просто-напросто разглагольствует о разных диетах. Не тут-то было. Она все время в качестве примера приводит мистера Литтла. Дживс, она буквально поедом его ест.

— Вот как, сэр?

— Да. Открыто. Без конца твердит, что он слишком много пьет и слишком жадно поглощает пищу. Слышали бы вы, как она рассуждает о переваривании пищи, сравнивая при этом мистера Литтла с покойным мистером Гладстоном. Бинго сидел как в воду опущенный. И что самое страшное — миссис Бинго одобряет все это безобразие. Неужели все жены таковы? Радуются, когда их мужей втаптывают в грязь?

— Если речь заходит о совершенствовании собственного мужа, любая женщина готова прислушаться к тому, что советуют посторонние, сэр.

— Вот почему у всех женатых мужчин такой затравленный вид, верно?

— Да, сэр.

Надо сказать, я проявил предусмотрительность

и послал Дживса принести мне тарелку печенья. Задумчиво отправляя в рот крекер, я сказал:

— Дживс, знаете, что меня тревожит?

— Нет, сэр.

— Мне кажется, мистер Литтл не совсем осознает, какая беда угрожает его семейному счастью. Теперь я начинаю понимать, что за штука брак и как она устроена. Дживс, хотите послушать, как я это себе представляю?

— Охотно, сэр.

— Ну так вот. Возьмем, например, молодую пару. Они только что поженились, и первое время у них сплошной восторг и ликование. Она уверена, что он лучше всех на свете. Он — ее божество, она смотрит на него с восхищением. В доме царят радость и веселье. Понимаете?

— Да, сэр.

— Но постепенно, шаг за шагом, мало-помалу наступает разочарование. Она видит, как он ест яйцо-пашот, и романтический ореол начинает понемногу рассеиваться. Она смотрит, как он кромсает отбивную, и ореол рассеивается еще больше. Ну, и так далее и тому подобное — надеюсь, вы следите за ходом моей мысли?

— Я с большим вниманием слежу за ходом вашей мысли, сэр.

— Заметьте, Дживс, теперь мы переходим к главному. К самой сути вопроса. Обычно процесс разочарования происходит постепенно, и женщина успевает к нему привыкнуть. Но в нашем случае, вследствие непристойных высказываний этой самой Пайк, разочарование наступает слишком стремительно. В мгновение ока, без всякой подготовки Бинго предстает перед женой как какой-то удав, напичканный всякими отвратительными внутренностями. По милости этой Пайк перед мысленным взором миссис Бинго рисуется образ такого, знаете ли, завсегдатая ресторанов с тройным подбородком, выпученными глазами и набухшими венами на лбу. Еще немного, и любовь совсем увянет.

— Вы так думаете, сэр?

— Уверен. Никакая любовь не выдержит подобного испытания. Сегодня за обедом Пайк дважды такое сказанула о кишечнике Бинго! Я не рискнул бы повторить при дамах даже в наше послевоенное время с его распущенными нравами. Надеюсь, вы все поняли. Нельзя без конца на глазах у жены придираться к кишечнику Бинго. От этого миссис Бинго непременно начнет задумываться. Главная опасность, как мне представляется, состоит вот в чем: вскоре миссис

Литтл решит, что чем стараться кое-как подправить Бинго, лучше его выбросить за негодностью и приобрести более совершенный экземпляр.

— Положение весьма тревожное, сэр.

— Дживс, надо действовать. Вы должны что-нибудь придумать. Если не найдете способ выкурить из дома эту Пайк, причем как можно скорее, семейному счастью конец. Понимаете, дело осложняется тем, что миссис Бинго — натура романтическая. Женщины, подобные ей, считают, что день прошел впустую, если они не намарают несколько страниц какого-нибудь несусветного вздора. Даже при полном благополучии их мучит жажда чего-то непонятного. По-моему, им чернила в голову ударяют. Миссис Бинго, как я подозреваю, с самого начала втайне сожалела, что Бинго не из числа тех волевых, мужественных смельчаков, которым Британская империя обязана своей славой и которыми напичканы ее собственные романы. Знаете, бывают этакие красавцы с печальным, неизъяснимым взором, с тонкими, выразительными пальцами и в сапогах для верховой езды. Понимаете?

— Вне всяких сомнений, сэр. Вы полагаете, критические высказывания мисс Пайк будут способствовать переходу четко не сформули-

рованного разочарования, крывшегося до сего времени в подсознании миссис Бинго, в сферу ее сознания.

— Дживс, вы не могли бы повторить все это еще раз? — сказал я, пытаясь с ходу поймать смысл и промахиваясь на несколько ярдов.

Он живо отбарабанил мне все сначала.

— Думаю, вы правы, Дживс. Как бы то ни было, главное — это объявить Пайк persona non grata и выдворить из дома. Что вы можете предложить?

— Боюсь, в данный момент я ничего не могу предложить, сэр.

— Ну что вы, Дживс!

— Весьма сожалею, сэр. Возможно, когда я увижу леди…

— В смысле — вам надо изучить психологию индивидуума и прочее?

— Совершенно верно, сэр.

— Я плохо себе представляю, как вы собираетесь это сделать. Едва ли вам удобно будет толпиться возле обеденного стола и внимать рассуждениям этой особы.

— Довольно затруднительное положение, сэр.

— Знаете, по-моему, представится хороший случай, когда во вторник мы поедем на скачки в Лейкенхэм. Завтракать будем на свежем воздухе

— мы берем с собой корзину с едой, — и ничто вам не помешает все время находиться рядом, разносить сандвичи и прочее. И вот тут-то, Дживс, держите ушки на макушке и смотрите в оба, мой вам совет.

— Очень хорошо, сэр.

— Договорились, Дживс. Никуда не отлучайтесь и не спускайте с нее глаз. А сейчас сгоняйте, пожалуйста, вниз и посмотрите, нельзя ли достать еще печенья. Ужасно хочется есть.

Утро того дня, когда мы собирались ехать на скачки в Лейкенхэм, выдалось яркое и солнечное. Сторонний наблюдатель сказал бы, что «улыбается бог в небесах, в этом мире все так хорошо!»[54]. Такие дни порой выдаются поздней осенью, когда солнце сияет, птички насвистывают, а воздух пронизан бодрящей свежестью, от которой кровь начинает играть в жилах.

Однако меня эта самая бодрящая свежесть не слишком радовала. От нее я чувствовал себя таким чудовищно здоровым и голодным, что сразу после завтрака принялся размышлять, что у нас будет на обед. А мысль о том, что именно у нас

[54] Примечания: 54

…в этом мире все так хорошо! — Роберт Браунинг (1812–1889), стихотворная драма «Проходит Пиппа» (1841). — *Прим. пер.*

будет на обед, если не удастся нейтрализовать влияние мисс Пайк, повергала меня в уныние.

— Дживс, я опасаюсь худшего, — сказал я. — Вчера за обедом мисс Пайк мимоходом заметила, что морковь — самый лучший овощ, потому что оказывает изумительное воздействие на кровь и очень улучшает цвет лица. Я руками и ногами за то, что оживляет кровь Вустеров. И охотно готов доставить удовольствие местным жителям, позволив им любоваться видом моих розовых щек. Но не такой же ценой! Я отказываюсь есть на обед сырую морковь! Поэтому во избежание неприятных сюрпризов, наверное, будет разумно, если вы прихватите с собой несколько лишних сандвичей для вашего господина. Не хочу рисковать.

— Очень хорошо, сэр.

Тут к нам подошел Бинго. Я давно не видел его таким веселым и довольным.

— Берти, я сейчас смотрел, как укладывают корзину с едой, — сказал он. — Стоял над душой у дворецкого и следил, чтобы он не наделал глупостей.

— Порядок? — спросил я с облегчением.

— Полный порядок.

— Морковки не будет?

— Никакой морковки, — сказал Бинго. — Санд-

вичи с ветчиной, — продолжал он, и глаза у него подозрительно заблестели, — сандвичи с языком, сандвичи с запеченным мясом, сандвичи с дичью, крутые яйца, омары, холодный цыпленок, сардины, пирог, пара бутылок «Боллинджера», бутылка выдержанного коньяку…

— Звучит как музыка, — сказал я. — А если мы потом еще раз захотим перекусить, зайдем в кабак.

— В какой кабак?

— Разве там нет кабака?

— Ни одного в радиусе нескольких миль. Поэтому я глаз не спускал, когда укладывали корзину. Чтобы там никаких штучек, ни-ни! Этот выгон, где происходят скачки, настоящая пустыня без оазиса. Гиблое место. Один знакомый мне рассказывал: приезжает он туда в прошлом году, распаковывает корзину, а из бутылки с шампанским вылетела пробка, и оно залило салат, пропитало все сандвичи, которые смешались с овечьим сыром, — в общем, все превратилось в кашу. Дороги здесь довольно ухабистые.

— Ну и что же он сделал?

— Съел всю эту кашу. У него не было выбора. Он говорит, что до сих пор ощущает во рту этот вкус.

В обычных обстоятельствах я бы, наверное, не обрадовался, узнав, как мы собираемся разделиться для поездки: Бинго и миссис Бинго в своем автомобиле, Пайк — в моем, а Дживс сзади на откидном сиденье. Но в данных обстоятельствах такое разделение имело свой смысл. Дживс сможет изучать затылок этой особы и делать соответствующие выводы. А я между тем вовлеку ее в разговор, чтобы Дживс понял, что она собой представляет.

Я начал действовать, как только мы отъехали, и она всю дорогу до самого ипподрома просто из кожи вон лезла. Весьма довольный поездкой, я припарковался у дерева и вышел из автомобиля.

— Дживс, вы все слышали? — озабоченно спросил я.

— Да, сэр.

— Крепкий орешек?

— Безусловно, сэр.

К нам подошла чета Бинго.

— Первый заезд начнется не раньше чем через полчаса, — сказал Бинго. — Успеем перекусить. Дживс, тащите корзину.

— Сэр?

— Корзину с едой, — благоговейным голосом сказал Бинго и облизнул губы.

— Но в автомобиле мистера Вустера корзины нет, сэр.

— Что?!

— Я полагал, корзина в вашем автомобиле, сэр.

У Бинго кровь мгновенно отхлынула от лица.

— Рози! — завопил он страшным голосом.

— Да, мой сладенький пончик?

— Борзина! Кутерброды!

— Дорогой мой, в чем дело?

— Корзина с бутербродами!

— Что с ней, мой сладенький?

— Ее забыли!

— Неужели? — сказала миссис Бинго.

Признаться, она еще никогда так низко не падала в моих глазах. Я знал, что она, как и все в нашем кругу, придает еде большое значение. Несколько лет назад, когда моя тетушка Далия переманила ее повара-француза Анатоля, она в моем присутствии отпустила по адресу тетушки несколько эпитетов, которые произвели на меня глубокое впечатление. Но сейчас, узнав, что оказалась почти на необитаемом острове без хлеба и воды, она лишь равнодушно проронила: «Неужели?» Только теперь я вполне осознал, до какой степени она подпала под тлетворное влияние своей подруги.

Сама Пайк пала в моих глазах еще ниже — если это возможно, — чем прежде.

— Вот и отлично, — сказала она, как ножом резанув беднягу Бинго. — Обед как таковой следует вообще отменить. В крайнем случае — ограничиться несколькими виноградинами, бананом и тертой морковью. Общеизвестный факт, что…

И пошла писать о желудочном соке, причем с такими подробностями, о которых не следует даже упоминать в присутствии джентльменов.

— Вот видишь, дорогой, — сказала миссис Бинго, — ты почувствуешь себя гораздо лучше, если не съешь плохо перевариваемую пищу. Поэтому радуйся: что ни делается — все к лучшему.

Бинго посмотрел на нее долгим, жалобным взглядом.

— Понятно, — сказал он. — Извините меня, но я лучше отойду куда-нибудь, чтобы прийти в себя, не слушая ваших замечательно интересных откровений.

Дживс многозначительным взглядом отозвал меня в сторонку, и я с надеждой последовал за ним. Ожидания меня не обманули. Дживс прихватил с собой сандвичей на двоих. На самом деле — на троих, и я свистнул Бинго, он незаметно подался к нам. Расстелив салфетку, мы накрыли

за кустами импровизированный стол. Потом Бинго направился к букмекерам навести справки о первом заезде. Дживс тихонько кашлянул.

— В дыхательное горло крошка попала? — спросил я.

— Нет, сэр, благодарю вас. Просто я хотел бы выразить надежду, что вы не осудите меня за излишнюю смелость, сэр.

— Какую?

— Это я перед отъездом вынул корзинку с сандвичами из вашего автомобиля, сэр.

Я задрожал как осиновый лист. Я выпучил глаза. Я был поражен ужасом. Потрясен до основания.

— Вы, Дживс? — сказал я, как Цезарь, когда тот обнаружил, что Брут проткнул его чем-то острым. — Вы хотите сказать, что преднамеренно…

— Да, сэр. Мне показалось, что это самый разумный шаг для достижения поставленной цели. Было бы крайне неосмотрительно, на мой взгляд, допустить, чтобы миссис Литтл в ее нынешнем настроении наблюдала, как мистер Литтл поедает пищу в том масштабе, о котором он упомянул сегодня утром.

Точка зрения Дживса была мне ясна.

— Вы правы, Дживс, — задумчиво сказал я. —

Понимаю, что вы имели в виду. Водится за Бинго такой грешок — в обществе сандвичей он склонен вести себя несколько грубовато. Мне не раз приходилось бывать с ним на пикниках. Он набрасывается на сандвич с языком или ветчиной, как лев, царь зверей, на антилопу. Сказанное распространяется также на омаров и холодного цыпленка. Согласен, подобное зрелище, наверное, потрясло бы его супругу… И все-таки… тем не менее… однако…

— На этот вопрос можно взглянуть и с другой стороны, сэр.

— С какой?

— День, проведенный без пищи на свежем осеннем воздухе, может заставить миссис Литтл изменить настроение, и она уже не станет столь горячо сочувствовать взглядам мисс Пайк.

— В том смысле, что голод не тетка и миссис Литтл пошлет эту самую Пайк к черту, когда та заведет свою песню о том, как полезно для желудка посидеть денек без еды?

— Совершенно верно, сэр.

Я покачал головой. Терпеть не могу осаживать человека, но приходится.

— И не надейтесь, Дживс, — сказал я. — Боюсь, вы не столь хорошо знаете женщин, как я. Для них

не пообедать — пустяк. Дамы вообще относятся к обеду с нескрываемым пренебрежением. Ваша беда, Дживс, в том, что вы перепутали обед с чаем. Черт в преисподней не так страшен, как дама, которая хочет выпить чаю, а ей не дают. Тут уж самая добродушная особа на свете уподобляется бомбе, которая в любую минуту может взорваться. Но обед для нее — ничто. Я был уверен, что вы, с вашим умом, знаете такие азбучные истины.

— Безусловно, вы правы, сэр.

— Вот если бы вы устроили, чтобы миссис Литтл пропустила чай… Но это несбыточная мечта, Дживс. К пяти часам она уже будет дома, где есть все, что душа пожелает. Дорога займет не больше часа. Последний заезд окончится около четырех. К пяти миссис Литтл уже удобно устроится за столом и будет наслаждаться, намазывая гренки маслом. Мне очень жаль, Дживс, но ваш план обречен. Ни малейшей надежды. Полный крах.

— Я весьма высоко ценю ваши замечания, сэр. Все, что вы сказали, совершенная правда.

— К несчастью. Но что делать? Нам остается только пойти на скачки, постараться обчистить пару букмекеров и на время забыть наши тревоги.

Этот день тянулся как год. Не могу сказать, что я

получил большое удовольствие. Я был расстроен. Озабочен. Время от времени небольшими группами выезжали фермеры верхом на хромоногих доморощенных клячах, тяжело трусивших по скаковому кругу, и я изредка кидал на них безразличный взгляд. Чтобы человек надлежащим образом воспринимал подобные сельские затеи, у него в желудке должен лежать хороший, плотный обед. Лиши его обеда — и что получится? Скука смертная. Не раз за эти часы я помянул Дживса недобрым словом. Мне стало казаться, что он потерял свою былую хватку. Даже ребенку ясно, что его дурацкий план обречен на неудачу.

Если вспомнить, что среднестатистическая женщина считает обед, состоящий из двух макаронин, половинки шоколадного эклера и рюмки кислого, как уксус, вина, пределом обжорства, то вы поймете, что она не станет раздражаться, если ее лишат несчастного сандвича. Это и ежу ясно. Просто смешно. Не стоит и говорить. Чего добился Дживс своим умничанием? Только того, что мне казалось, будто лисицы грызут мои внутренности, и я хотел лишь одного — скорее вернуться домой.

Когда начало вечереть и миссис Бинго объявила, что с этими играми пора кончать и она хочет

уехать, я почувствовал большое облегчение.

— Вас ведь не очень интересует последний заезд, мистер Вустер? — спросила она.

— Нет, ничуть, — совершенно искренне ответил я. В гробу я видел этот последний заезд. К тому же я выиграл шиллинг и шесть пенсов, а уходить надо тогда, когда ты в выигрыше.

— Мы с Лаурой подумали, что пора домой. Хочу поскорее выпить чаю. Бинго говорит, что остается. Вот я и подумала, что вы могли бы отвезти нас на нашем автомобиле, а Бинго с Дживсом приедут потом на вашем.

— Заметано.

— Вы знаете дорогу?

— Да, знаю. По шоссе до пруда, а там по проселочной дороге.

— Дальше я вам покажу, как ехать.

Я попросил Дживса подогнать автомобиль, и вскоре мы уже мчались с ветерком. Короткие сумерки быстро перешли в холодный, промозглый вечер. В такое время мысли обычно устремляются в направлении стакана согревающего шотландского виски с содовой и долькой лимона. Я жал на газ, и мы быстро отмахали по шоссе пять-шесть миль.

Свернув у пруда к востоку, я вынужден был сба-

вить скорость, потому что мы вдруг оказались на таком бездорожье, где о хорошей езде пришлось забыть. Не знаю, есть ли еще в Англии место, где вы чувствуете себя таким потерянным, как на проселочных дорогах Норфолка. Если бы изредка нам не попадались две-три коровы, можно было бы подумать, что здесь все вымерли.

Я снова подумал о шотландском виски, и чем больше я о нем думал, тем желаннее оно мне представлялось. Удивительно, до чего по-разному люди подходят к выбору напитков. Вот тут-то и выявляется, как сказал бы Дживс, психология индивидуума. Некоторые на моем месте мечтали бы о кружке пива, а по представлениям этой Пайк, как она сама мне сказала, когда мы ехали в Лейкенхэм, живительный напиток — это чуть теплый отвар каких-то там ягод или на худой конец фруктовая вода. Готовится она так: опускаете изюм в холодную воду и добавляете туда немного лимонного сока. После этого, полагаю, вы можете приглашать к себе старых друзей, устраивать оргию, а наутро хоронить тела.

Лично я сомнениями не мучился. Не колебался ни минуты. Согревающее шотландское виски с содовой — это именно то, что мне надо, причем акцент на виски, надеюсь, вы понимаете, но

отнюдь не на H_2O. Казалось, вожделенная рюмка подмигивает мне сквозь туман и говорит: «Держись, Бертрам! Теперь уже скоро!» И я с новой силой нажал на педаль, пытаясь подогнать стрелку спидометра к шестидесяти.

Но эта злодейка подползла к тридцати пяти, секунду поколебалась, а потом сдалась по причине полной безнадежности. Внезапно, к моему крайнему изумлению, автомобиль издал слабое бульканье, как чахоточный лось, и стал как вкопанный. Итак, мы затерялись где-то в Норфолке. Темнота вокруг нас сгущалась, холодный ветер, доносивший запахи гуано и вялой кормовой свеклы, пронизывал до костей.

Мои пассажирки на заднем сиденье подали голос:

— В чем дело? Что случилось? Почему вы не едете? Зачем вы остановились?

Я объяснил:

— Остановился не я. Остановился автомобиль.

— Почему?

— А черт его знает, — сказал я с грубой мужской откровенностью, которая так мне идет.

Видите ли, я один из тех водителей, которые ездят на автомобиле, но представления не имеют, как он устроен. Подход у меня простой — сажусь,

включаю автоматический стартер и отдаю себя в руки судьбы. Если что-нибудь ломается, я взываю о помощи к Автомобильной ассоциации. Такой метод, как правило, себя оправдывает, но в данном случае вышла осечка, так как на много миль вокруг не было ни намека на службу Автомобильной ассоциации. Все это я изложил своему прелестному грузу и в ответ получил от Пайк такое мощное «Тьфу!», от которого у меня чуть не снесло макушку. Имея целый выводок родственниц, которые с детства привыкли считать меня придурком, я стал, что называется, знатоком этого междометия и могу смело утверждать, что «Тьфу!», произнесенное Пайк, тянуло на экстра-класс и могло сравниться по тембру и выразительности только с «Тьфу» моей тетушки Агаты.

— Может быть, я смогу понять, в чем дело, — сказала она немного спокойнее. — Я разбираюсь в машинах.

Она вышла и, подняв капот, принялась внимательно разглядывать внутренности автомобиля. Я хотел было заметить, что, видимо, желудок у него испортился из-за нехватки растворимых в жирах витаминов, но промолчал. Я человек наблюдательный, и мне показалось, что сейчас

мисс Пайк не в духе.

На самом деле, что касается растворимых в жирах витаминов, я не ошибся. Покопавшись с недовольным видом в двигателе, Пайк решительно захлопнула капот, будто ее вдруг осенила догадка. Проверив ее, девица убедилась, что была права. В баке не оказалось ни капли бензина. Горючее кончилось. Другими словами, автомобилю катастрофически не хватало растворимых в жирах витаминов. Это означало, что у нас был единственный выход — доставить колымагу домой с помощью одной силы воли.

Сообразив, что вряд ли меня можно в чем-нибудь обвинить, как ни взгляни на это печальное происшествие, я приободрился до такой степени, что добродушно произнес: «Ну и ну! Хорошенькое дело!»

— Нет бензина, — сказал я. — Подумать только!

— Но Бинго говорил сегодня утром, что собирается залить полный бак, — сказала миссис Бинго.

— Думаю, он забыл, — сказала Пайк. — С него станется!

— Что ты хочешь этим сказать? — процедила миссис Бинго, и я уловил в ее тоне намек на… забыл, как это называется.

— Я хочу этим сказать, что он именно такой человек, который вполне может забыть наполнить бак, — отчеканила Пайк, которая тоже, кажется, была задета.

— Я была бы чрезвычайно тебе обязана, Лаура, — сказала миссис Бинго тоном, в котором звучала глубокая супружеская преданность, — если бы ты воздержалась от критики моего мужа.

— Тьфу! — сказала Пайк.

— И не говори мне «Тьфу!», — сказала миссис Бинго.

— Я буду говорить все, что хочу.

— Дамы, дамы! — сказал я. — Милые дамы, пожалуйста!

Оглядываясь назад, я понимаю, что поступил безрассудно. Один из главных жизненных уроков состоит в том, что в случае пикировки представительниц прекрасного пола мужчине следует по возможности удалиться и свернуться клубочком, имитируя тактику рассудительного опоссума, который в случае опасности прикидывается мертвым, а иногда, не ограничиваясь этим, надевает траурную повязку и подговаривает друзей, чтобы они причитали над его телом. Моя опрометчивая попытка сгладить конфликт привела к тому, что Пайк накинулась на меня, как раненая

леопардиха.

— Ну! — крикнула она. — Мистер Вустер, вы собираетесь что-нибудь предпринять?

— Что я могу предпринять?

— Посмотрите, вон стоит дом. Думаю, даже вы способны пойти туда и позаимствовать канистру бензина.

Я действительно увидел дом, и в одном из окон первого этажа горел свет. Мне с моим тренированным умом нетрудно было догадаться, что в доме обитают налогоплательщики.

— Очень здравое и умное предложение, — сказал я чарующим голосом. — Для начала я немного посигналю, чтобы сообщить им о нашем присутствии, а потом сбегаю.

Я посигналил, и результат превзошел все ожидания. В окне немедленно возникла человеческая фигура. Она приветливо замахала руками. Чрезвычайно ободренный этими дружескими жестами, я поспешил к парадной двери и громко ударил в нее дверным молотком. Я надеялся, что выход из положения найден.

Однако на мой стук никто не откликнулся. Я поднял молоток, чтобы еще раз попытать счастья. Но тут дверь распахнулась и на пороге вырос верзила в очках. Лицо его выражало страдание.

Видно, он испытывал тайные муки.

Разумеется, я ему сочувствовал, но у меня у самого было полно забот, поэтому я, минуя предисловия, сразу перешел к делу.

— Послушайте… — начал я.

Спутанные волосы парня стояли дыбом, и в этот момент он, как бы опасаясь, что они долго не продержатся в таком положении без посторонней помощи, запустил в них пятерню и для пущей надежности хорошенько их взъерошил. Только теперь я заметил в его очках угрожающий блеск.

— Это вы подняли тут адский шум?

— Э… да, — сказал я. — Я дал три гудка.

— Еще один гудок… только один, — парень говорил тихим, сдавленным голосом, — и я голыми руками разорву вас на куски. Жена ушла в гости, и я потратил несколько часов упорного труда, чтобы ребенок уснул. А тут являетесь вы и поднимаете шум. Какого черта вы сигналили?

— Э-э…

— Имейте в виду, — прошипел верзила, — еще один гудок, один-единственный звук, отдаленно наводящий на мысль о гудке, — и можете распрощаться с жизнью.

— Я только хотел попросить у вас бензина.

— А в ухо не хотите?

И закрыл дверь с деликатной осторожностью раба, отгоняющего мух от спящей Венеры.

Прекрасный пол почему-то всегда ополчается против потерпевшего поражение воина. Вернувшись к автомобилю, я не встретил теплого приема. Видимо, Бертрам оказался недостоин своих благородных предков-крестоносцев. Я пустил в ход свое обаяние, чтобы уладить дело миром, но вы догадываетесь, что из этого вышло. Если в холодный осенний вечер судьба забросила вас в пустыню, к тому же вы остались без обеда и, того гляди, останетесь без чая, то никакое обаяние не заменит вам чашки бодрящего напитка.

В общем, вскоре мне стало ужасно противно, и я, пробормотав, что иду искать помощь, вышел из автомобиля и пошел по направлению к Лейкенхэму. И вот, хотите — верьте, хотите — нет, не успел я пройти и полмили по этой забытой богом пустыне, как увидел свет фар.

Я остановился и закричал так, как никогда в жизни не кричал:

— Эй! Послушайте! Эй! Минутку! Эй! Секундочку!

Автомобиль подъехал и остановился.

— Берти, это ты? — сказал голос.

— Какое счастье! Бинго! Знаешь, у нас авария.

Бинго вышел из автомобиля.

— Дживс, — сказал он, — минут через пять трогайтесь потихоньку.

— Слушаюсь, сэр.

— Зачем нам идти пешком? — спросил я. — Какой смысл?

— Идем, старина, — сказал Бинго. — Только осторожно. Берти, я хочу кое в чем убедиться. Скажи, какая была обстановка, когда ты ушел? Накаленная?

— Немного.

— Ты заметил признаки начинающейся ссоры? Не собирается ли Рози расплеваться с этой Пайк?

— Да, в этом смысле наблюдается некоторое оживление.

— Давай подробности.

Я ему рассказал, что произошло. Он внимательно выслушал.

— Берти, — начал он, идя рядом со мной, — в жизни твоего старого друга наступил кризис, и ты тому свидетель. Может быть, это сидение в сломанном автомобиле поможет Рози понять то, что следовало понять уже давно, а именно: эта Пайк совершенно не пригодна к человеческому общению, ее следует бросить во тьму внешнюю,

где плач и скрежет зубов[55]. Держать пари не стану, но чего в жизни не бывает. Лучше Рози нет на свете, но, как и все женщины, она раздражается, если что-то ей помешает выпить чаю в пять часов. А сегодня, оставшись без обеда… Тихо!

Он схватил меня за руку, и мы остановились. Мы боялись шелохнуться, сгорая от любопытства. До нас доносились голоса, и мы сразу поняли, что у дам идет разговор начистоту.

Прежде мне никогда не приходилось слышать, как женщины ссорятся, и, должен вам сказать, эта сцена произвела на меня неизгладимое впечатление. Видимо, пока меня не было, боевые действия обрели широкомасштабный характер. Они достигли той стадии, когда противные стороны начинают ворошить прошлое и выставлять старые счета. Миссис Бинго говорила, что Пайк никогда не взяли бы в хоккейную команду школы Святой Адели, если бы она не подлизывалась к капитану команды и не лебезила перед ней так, что ее, миссис Бинго, до сих пор тошнит, когда она об этом вспоминает. А Пайк отвечала, что хоть она до сих пор воздерживалась об этом упоминать, ибо что прошло, то быльем поросло,

---

[55] Примечания: 55

…плач и скрежет зубов. — Евангелие от Матфея, 22:13. — *Прим. пер.*

но если миссис Бинго полагает, что ей, мисс Пайк, не известно, как миссис Бинго получила приз за хорошее знание Библии, пронеся в экзаменационный класс листок со списком царей иудейских у себя под корсажем, она, миссис Бинго, глубоко ошибается.

Более того, продолжала Пайк, миссис Бинго заблуждается, если воображает, что она, мисс Пайк, согласится провести еще хотя бы одну ночь под крышей ее, миссис Бинго, дома. И вообще она, мисс Пайк, решила нанести визит миссис Бинго в минуту слабости и по доброте душевной, не сомневаясь, что она, миссис Бинго, страдает от одиночества и нуждается в обществе умной собеседницы. А теперь, если только провидение пошлет им помощь и ей, мисс Пайк, удастся добраться до своих чемоданов, она немедленно их упакует и первым же поездом, пусть даже товарным, который останавливается на каждой станции, отбудет домой. Она, мисс Пайк, предпочтет пешком идти в Лондон, чем провести ночь в доме миссис Бинго.

На это миссис Бинго отвечала длинно, проникновенно и коснулась случая, произошедшего в последнем семестре в школе Святой Адели, когда девочка по фамилии Симпсон сказала ей (миссис

Бинго), что девочка по фамилии Уэддсли сказала ей (Симпсон), что Пайк, которая прикидывалась ее (миссис Бинго) подругой, говорила ей (Уэддсли), что она (миссис Бинго) не может есть клубнику со сливками, потому что покрывается прыщами, и, кроме того, язвительно отзывалась о форме ее (миссис Бинго) носа. Как я понял, все это можно было резюмировать двумя словами: полный порядок!

Но когда Пайк заявила, что чуть со смеху не умерла, читая в последнем романе миссис Бинго сцену, где маленький сын героини задыхается от крупа, мы решили вмешаться, дабы не допустить кровопролития. Дживс как раз подъехал к нам, и Бинго, достав из-под сиденья канистру с бензином, спрятал ее в кювет у дороги. А потом мы с Бинго подошли к дамам, и представление началось.

— Привет, привет, привет! — радостно воскликнул Бинго. — Берти сказал, что у вас поломка.

— Ой, Бинго! Ты здесь! Слава богу! — вскричала миссис Бинго, и в каждом произнесенном ею слове звучала любовь.

— Надеюсь, теперь я смогу вернуться в дом и упаковать чемоданы, — процедила Пайк. — Если мистер Вустер позволит мне воспользоваться его

автомобилем, Дживс меня отвезет, и я успею к поезду в шесть пятнадцать.

— Как! Неужели вы нас покидаете? — сказал Бинго.

— Да, — сухо проговорила Пайк.

— Жаль, жаль! — сказал Бинго.

Пайк уселась рядом с Дживсом, и они укатили. Наступило молчание. Было темно, и я не видел лица миссис Бинго, но чувствовал, как в ней борются любовь к мужу и естественное желание упрекнуть его за то, что он забыл заправить автомобиль. В конечном счете победило естественное желание.

— Знаешь, мой сладенький пончик, — сказала она, — ты совершил небольшую оплошность — забыл залить бензин в бак. А ведь обещал, помнишь?

— Но я залил бензин, дорогая.

— Но бак пуст, дорогой.

— Не может быть, дорогая.

— Лаура сказала, что в нем нет ни капли бензина, дорогой.

— Твоя Лаура — ослица, — сказал Бинго. — Бензина полон бак. Просто наверняка цепные колеса не цепляют за шестерню дифференциала. Уже не в первый раз. Я мигом все исправлю. Но мне не

хочется, чтобы ты мерзла, пока я буду заниматься ремонтом. Думаю, можно пойти вон в тот дом и попросить, чтобы тебя пустили минут на десять. Они наверняка предложат тебе чашку чаю.

У миссис Бинго вырвался слабый стон.

— Чай! — прошептала она.

Мне пришлось развеять сладкие грезы Бинго:

— И не мечтай, старина. Боюсь, там ты не встретишь знаменитого английского гостеприимства. В этом доме живет самый настоящий бандит. Никогда не встречал столь неприветливого субъекта. Его жена ушла в гости, и он только что с большим трудом укачал ребенка. Ему сейчас свет не мил. Постучи легонько к нему в дверь, и он свернет тебе шею.

— Чепуха, — сказал Бинго. — Идем.

Едва он успел ударить дверным молотком, как дверь распахнулась.

— Проклятие! — прошипел Бандит.

— Послушайте, — сказал Бинго, — я тут чиню автомобиль. Вы не возражаете, если моя жена посидит у вас минут пять, она замерзла.

— Возражаю, — сказал Бандит.

— И вы могли бы предложить ей чашку чаю.

— Мог бы, — отвечал Бандит. — Но не предложу.

— Не предложите?

— Нет. И ради бога, говорите тише. Это такой ребенок. Малейший шум — и он просыпается.

— Давайте внесем ясность, — сказал Бинго. — Вы отказываетесь дать моей жене чашку чаю?

— Да.

— Будете спокойно смотреть, как женщина умирает от жажды?

— Да.

— Не выйдет! Если вы немедленно не пойдете в кухню, не поставите чайник и не начнете резать хлеб для гренков с маслом, я начну кричать и разбужу ребенка.

Бандит побледнел до синевы:

— Вы не посмеете!

— Еще как посмею.

— Неужели у вас нет сердца?

— Нет.

— Бесчувственный чурбан!

— Да.

Бандит посмотрел на миссис Бинго. Его дух был сломлен.

— Туфли у вас не скрипят? — покорно спросил он.

— Нет.

— Тогда заходите.

— Спасибо, — сказала миссис Бинго.

Она обернулась к Бинго и одарила его таким взглядом, каким, наверное, похищенная драконом девица взирала на своего спасителя-рыцаря, когда он, отвернувшись от поверженного дракона, отряхивал брабантские кружева своих манжет. Взгляд миссис Бинго выражал восхищение, преданность, почти благоговейную почтительность. Как правило, мужьям нравится, когда жены на них так смотрят.

— Дорогой! — вскричала миссис Бинго.

— Дорогая! — воскликнул Бинго.

— Ангел мой! — сказала миссис Бинго.

— Сокровище мое! — сказал Бинго. — Идем, Берти, примемся за дело.

Он молча принес канистру с бензином, наполнил бак и закрутил крышку. Потом глубоко вздохнул.

— Берти, — начал он, — стыдно признаться, но за время нашего знакомства бывали минуты, когда я ненадолго позволял себе усомниться в Дживсе.

— Что ты говоришь! — изумленно сказал я.

— Да, Берти, такое случалось. Иногда я чувствовал, что моя вера в него пошатнулась. Я спрашивал себя: «Не растерял ли он свою силу,

свою энергию?» Теперь я уже никогда не задам себе подобного вопроса. С этой минуты я буду в него верить безраздельно. Берти, ведь это он подстроил так, чтобы дамы, жаждущие чаю, внезапно обнаружили, что чашки с вожделенным напитком им недоступны. Дживс не сомневался, что они рассорятся. И результат налицо.

— Да, но Дживс не мог знать, что автомобиль сломается.

— Как бы не так. Когда ты послал его за автомобилем, он слил из бака почти весь бензин, оставив ровно столько, чтобы вы заехали в глушь и застряли. Он предвидел все, что должно произойти. Берти, поверь мне, таких, как он, больше нет на свете.

— Разумеется.

— Он просто волшебник.

— Маг.

— Чародей.

— Таких поискать, — согласился я. — В нем полно растворенных в жирах витаминов.

— Точно, — сказал Бинго. — Пойдем скажем Рози, что автомобиль отремонтирован. А потом — домой и по кружке пива.

— Не пива, старина, — твердо сказал я. — Согревающее шотландское виски с содовой и долькой

лимона.

— Ты совершенно прав, — сказал Бинго. — Ты знаешь толк в этих делах, Берти. Согревающее шотландское виски с содовой — то, что надо.

Глава 10
Золотая осень дядюшки Джорджа

Бертрам Вустер не из тех, кого можно обвести вокруг пальца, спросите у кого угодно в «Трутнях». Глаз у меня наметанный. Я наблюдаю и делаю заключение. Взвешиваю свидетельские показания и делаю выводы. Поэтому не прошло и двух минут, как я, так сказать, раскусил дядюшку Джорджа. Я такие вещи за версту вижу.

И то, что я увидел, показалось мне чудовищной нелепостью. Впрочем, судите сами.

Помнится, еще в то время, когда я начал ходить в школу, толстяк дядя Джордж по праву считался одной из самых гротескных личностей в Лондоне. Тогда он был просто тучный, но с тех пор, день ото дня набирая вес, достиг таких размеров, что его портной снимает с него мерку вместо гимнастики. Дядюшка Джордж — известный завсегдатай лондонских клубов, один из тех страдающих одышкой джентльменов, которые в облегающих визитках и серых цилиндрах, слегка задыхаясь на подъеме, прогуливаются в хорошую погоду по Сент-Джеймс-стрит. Пустите ищейку в

любой фешенебельный клуб от Пиккадилли до Пэлл-Мэлл — и вы вспугнете сразу с полдюжины дядей Джорджей.

Обычно он проводит время в «Собаках» и между обедом и ужином, потягивая виски с содовой, дремлет в курительной. Если находит благодарного слушателя, то начинает ему жаловаться на пищеварение. Примерно дважды в год печень дядюшки Джорджа заявляет ему официальный протест, и он отбывает на воды в Харроугейт или Карлсбад. Потом возвращается, и все идет по-старому. Короче говоря, никому и в голову бы не пришло, что дядюшка Джордж может пасть жертвой нежной страсти. Однако уверяю вас, все ее признаки были налицо.

В тот день старый греховодник ворвался ко мне ни свет ни заря, я еще даже не успел после завтрака сигарету выкурить.

— О, Берти! — сказал он.

— Что?

— Послушай, эти твои галстуки… Скажи, где ты их покупаешь?

— У Блачера, в Берлингтонском пассаже.

— Благодарю.

Он подошел к зеркалу и стал себя разглядывать с самым серьезным видом.

— Соринка в глаз попала? — вежливо поинтересовался я.

Тут я вдруг заметил, что у него на лице играет ужасно глупая самодовольная улыбка. Признаться, у меня даже мороз по коже пошел. Надо сказать, физиономия дядюшки Джорджа и так-то глаз не радует, а уж с этой ухмылкой она производила прямо-таки удручающее впечатление.

— Ха! — сказал он.

Потом издал протяжный вздох и повернулся ко мне. Как раз вовремя, не то бы зеркало не выдержало и пошло трещинами.

— А я не так стар, — задумчиво проговорил он.

— Не стар для чего? — сказал я.

— Собственно говоря, я в расцвете лет. Кроме того, молодой и неопытной девушке нужен мужчина солидный и в летах, на которого можно положиться. Крепкий дуб, а не молодое деревце.

Как я уже сказал, тут-то до меня и дошло.

— Господи боже мой, дядя Джордж! Уж не собираетесь ли вы жениться?

— Кто не собирается? — сказал он.

— Вы.

— Собираюсь. Почему бы мне не жениться?

— Но послушайте…

— Статус женатого человека весьма почетен.

— Да, конечно.

— В браке человек становится лучше, Берти.

— Кто вам сказал?

— Это я говорю. Брак превращает человека из легкомысленного шалопая в… э-э… нелегкомысленного шалопая. Да, Берти, я намерен жениться, черт побери, и если Агата начнет совать нос не в свое дело, я… я… в общем, уж я знаю, как мне поступить.

Он удалился с надменным видом, а я вызвал Дживса. На мой взгляд, положение требовало обстоятельного разговора.

— Дживс, — сказал я.

— Сэр?

— Вы ведь знаете моего дядюшку Джорджа?

— Да, сэр. Вот уже несколько лет, как его светлость мне знаком.

— Я не то хотел спросить. Я хотел спросить: знаете ли вы, что дядя Джордж надумал?

— Его светлость собирается заключить брачный союз, сэр.

— Боже мой! Он сам вам об этом сказал?

— Нет, сэр. По чистой случайности я имею удовольствие знать невесту его светлости.

— Вы знакомы с этой девушкой?

— Да, я знаком с этой юной особой, сэр. От ее

тетки, с которой она вместе проживает, я и узнал о том, что его светлость предполагает вступить в брак.

— Кто эта юная особа?

— Некая мисс Платт, сэр. Мисс Рода Платт. Проживает в небольшом доме под названием «Глициния», Китченер-роуд, Восточный Далвич.

— Молоденькая?

— Да, сэр.

— Вот старый дурень!

— Да, сэр. Конечно, я бы никогда не позволил себе употребить подобное выражение, но, должен признаться, его светлость поступает опрометчиво. Однако следует помнить, что нередко джентльмены, достигшие определенных лет, поддаются сентиментальным порывам. Вероятно, они впадают в состояние, которое я бы назвал чем-то вроде бабьего лета или золотой осени, когда у них временно наступает вторая молодость. Насколько мне известно, подобный феномен чаще всего наблюдается в Соединенных Штатах Америки, в частности среди наиболее богатых граждан города Питсбурга. Общеизвестно, как мне говорили, они, если их не остановить, рано или поздно порываются жениться на хористках. Отчего это происходит, я затрудняюсь объяснить,

но...

Я понял, что Дживс сел на своего конька, и перевел разговор в другую плоскость:

— По тому, как дядюшка себя вел, когда заговорил о том, как тетя Агата примет эту новость, я догадался, что мисс Платт — особа невысокого звания.

— Да, сэр. Она официантка, служит в клубе его светлости.

— Боже мой! Пролетарка!

— Буржуазка, сэр.

— Да, возможно, с некоторой натяжкой. Но вы меня понимаете.

— Да, сэр.

— Удивительно, Дживс, — задумчиво сказал я, — почему сейчас так модно жениться на официантках? Если помните, мистер Литтл, пока не остепенился, несколько раз порывался отколоть этот номер.

— Да, сэр.

— Странно!

— Да, сэр.

— Что ж, мода есть мода. Вопрос, который надо немедленно обсудить, состоит вот в чем — как тетя Агата посмотрит на это дело? Вы ее знаете, Дживс. Она совсем на меня не похожа. Я чело-

век широких взглядов. Если дядюшка желает жениться на официантке — пусть женится. В конце концов, место не красит человека… как там дальше?

— Не место красит человека, а человек место, сэр.

— Ладно, пусть так. Хотя не понимаю, какая разница. Несмотря на все это, как говорится, девушка есть девушка.

— Как говорится, девица есть девица, сэр. Так написал поэт Бернс в одном из своих…

— Хорошо, пусть девица, если вам так больше нравится.

— Я не отдаю предпочтение какому-либо из этих двух вариантов, сэр. Дело в том, что поэт Бернс…

— Довольно о поэте Бернсе.

— Хорошо, сэр.

— Забудьте о поэте Бернсе.

— Хорошо, сэр.

— Выбросьте поэта Бернса из головы.

— Немедленно выкину, сэр.

— Нам необходимо поговорить не о поэте Бернсе, а о тетушке Агате. Она устроит скандал.

— Весьма вероятно, сэр.

— И хуже всего, что она непременно втянет

меня в эту историю. Нам остается единственный выход. Упакуйте мою зубную щетку и давайте, пока не поздно, смоемся, не оставив адреса.

— Слушаюсь, сэр.

В этот момент в парадную дверь позвонили.

— Ха! — сказал я. — Кто-то пожаловал.

— Да, сэр.

— Может, дядюшка Джордж вернулся. Я открою, а вы идите укладывать вещи.

— Хорошо, сэр.

Я, беззаботно насвистывая, отворил дверь и узрел тетю Агату. Собственной персоной. Да, сюрприз не из приятных.

— А-а, здравствуйте, — выдавил я. Говорить ей, что я уезжаю и вернусь не раньше чем через два месяца, не было никакого смысла.

— Берти, я хочу поговорить с тобой, — выпалило проклятие семьи. — Я чрезвычайно встревожена.

Она влетела в гостиную и спланировала в кресло. Я плелся следом за ней и с грустью думал, что Дживс уже, наверное, пакует вещи. Теперь нам чемоданы вряд ли понадобятся. Я знал, зачем ко мне пожаловала тетя Агата.

— Я только что говорил с дядей Джорджем, — начал я, сразу переходя к делу, раз уж этого все

равно не избежать.

— Я тоже, — сказала тетя Агата, театрально передернув плечами. — Представляешь, я еще не успела встать с постели, а он звонит и сообщает, что намерен жениться на какой-то невозможной девице из Южного Норвуда.

— Из Восточного Далвича, по сведениям весьма информированного лица.

— Хорошо, пусть из Восточного Далвича, такая же дыра. А кто тебе сказал?

— Дживс.

— Скажите на милость! Откуда он знает?

— Тетя Агата, на свете мало такого, чего Дживс не знает, — убежденно проговорил я. — Он знаком с этой девицей.

— Кто она?

— Официантка из клуба «Собаки».

Мое сообщение, как я и ожидал, возымело действие. Тетка пронзительно взревела, как корнуэльский экспресс, мчащийся через железнодорожный переезд.

— Насколько я понял, тетя Агата, вы хотите помешать этому браку.

— Само собой разумеется!

— В таком случае есть только один способ. Позвольте мне позвать Дживса и спросить его

совета.

Тетка немедленно приняла чопорный вид, вылитая grande dame старого regime.

— Неужели ты всерьез предлагаешь обсуждать наши семейные дела с твоим слугой?

— Разумеется. Дживс найдет выход из положения.

— Берти, я всегда знала, что ты глуп, — заявила родственница ледяным, думаю, не выше трех градусов по Фаренгейту, тоном. — Но надеялась, что у тебя сохранился хоть намек на чувство собственного достоинства и уважения к обществу, к которому ты принадлежишь.

— Тетя Агата, знаете ли вы, что сказал по этому поводу поэт Бернс?

Она бросила на меня уничтожающий взгляд.

— Совершенно ясно, что у нас только один выход, — сказала она, — предложить девице деньги.

— Деньги?

— Разумеется. Уже не в первый раз твой дядя вынуждает нас действовать подобным образом.

Мы умолкли и предались тягостным размышлениям. При воспоминании о юношеской влюбленности дяди Джорджа у нас в семье всегда предаются тягостным размышлениям. Я тогда

был еще слишком юн и не вникал в подробности, но потом я много раз слышал эту историю от всех, включая самого дядю Джорджа. Стоит ему подвыпить, и он готов без конца об этом рассказывать. Она служила официанткой в баре, в «Крайтерионе», а он еще не был титулованной особой. Ее звали Моди, и он страстно в нее влюбился, но семья и слышать о ней не желала. В конце концов родственники раскошелились и дали ей отступного. Весьма банальная история.

Я далеко не был уверен, что план тети Агаты удастся.

— Как хотите, конечно, — сказал я, — но вы очень рискуете. Судя по романам и пьесам, тот, кто становится на этот путь, всегда садится в лужу. Девица, гордо выпрямившись во весь рост, смотрит на него своим чистым, неподкупным взором, а он чувствует себя последним подонком. И каждый раз симпатии зрителей оказываются на стороне девушки. На вашем месте я бы просто стоял на своем, а остальное предоставил природе.

— Я тебя не понимаю.

— Ну, сами подумайте, на что похож дядя Джордж. Прямо скажем — не Грета Гарбо. Я бы дал девице возможность хорошенько к нему

присмотреться. Тетя Агата, я знаю человеческую натуру, поверьте, и убежден, что нет на свете женщины, которая, постоянно видя перед собой дядю Джорджа в этих его ужасных жилетах, сама не даст ему от ворот поворот. К тому же учтите, что девице придется смотреть, как дядя Джордж ест, а когда он чуть не с головой зарывается в пищу, зрелище не для…

— Берти, если тебя не затруднит, перестань нести околесицу, я буду тебе очень обязана.

— Как скажете, тетенька. И все же, по-моему, вы попадете в крайне неловкое положение, если станете предлагать девушке деньги.

— А я и не собираюсь. Переговоры с ней будешь вести ты.

— Я?

— Разумеется. Думаю, сотни фунтов будет предостаточно. На всякий случай я дам тебе незаполненный чек, и если возникнет необходимость, ты проставишь бóльшую сумму. Главное — вызволить твоего дядю, сколько бы это ни стоило.

— Значит, вы хотите спихнуть это дело на мои плечи?

— В кои-то веки и ты можешь что-нибудь сделать для семьи.

— А когда она, гордо выпрямившись, посмотрит на меня чистым, неподкупным взором, что я скажу на бис?

— Хватит рассуждать на эту тему. Через полчаса ты будешь в Восточном Далвиче. Поезда идут один за другим. Я останусь здесь, дождусь тебя, и ты обо всем отчитаешься.

— Но послушайте!

— Берти, ты немедленно отправишься к этой женщине.

— Пропади все пропадом!

— Берти!

Я сдался:

— Ох, ну ладно, если вы так настаиваете.

— Настаиваю.

— Ладно, будь по-вашему.

Не знаю, приходилось ли вам когда-нибудь ездить в Восточный Далвич и предлагать незнакомке презренный металл, чтобы она отступилась от вашего дяди Джорджа. Если не приходилось, могу вас уверить, что на свете полно занятий куда более приятных. Я чувствовал себя скверно, когда ехал на вокзал. Я чувствовал себя скверно, трясясь в поезде. Мне было скверно, когда я шел по Китченер-роуд. Но совсем скверно я себя почувствовал, когда нажал на кнопку звонка у

парадного крыльца и неопрятная горничная, открыв дверь, провела меня по коридору в комнату с розовыми обоями, фортепиано в углу и множеством фотографий на каминной полке.

Ничто так не подавляет дух, как такая вот убогая гостиная где-нибудь в захолустном пригороде, за исключением разве что приемной дантиста, на которую эта комната была похожа. Обычно хозяева страстно порываются загромоздить ее столиками, на которых стоят чучела птиц в стеклянных ящиках. Чувствительный человек, поймав на себе холодный, укоризненный взгляд куропатки или еще какой-нибудь птахи, из которой вынули внутренности и набили ее опилками, способен потерять сознание.

В гостиной «Глицинии» стояло три таких стеклянных ящика, и куда ни кинь взгляд — непременно упрешься в чучело. В двух ящиках сидело по одной птице, а в третьем — целая семья: снегирь-папа, снегирь-мама и маленький мастер снегирь. Причем выражение лица у него было как у малолетнего преступника, и он отравил мне настроение больше, чем все остальные чучела, вместе взятые.

Чтобы не встречаться взглядом с этим чудовищем, я подошел к окну и принялся рассматривать

герань. В этот момент дверь отворилась, и, обернувшись, я узрел особу, которую ни при каких обстоятельствах нельзя было принять за девушку. Наверное, ее тетка, мелькнула у меня мысль.

— О! Гм… Доброе утро, — с трудом выдавил я, потому что чувствовал себя так, будто меня оглушили.

Комната вдруг показалась мне маленькой-маленькой, а тетушка такой огромной, что мне стало нечем дышать. Бывают люди, от которых нормальному человеку сразу становится тесно, и тетка явно принадлежала к их числу. Вся она состояла из огромных вздымающихся округлостей. Должно быть, в свое время она была очень недурна, хотя и весьма упитанна. Но к тому времени, когда она появилась в моей жизни, вес у нее далеко выходил за все мыслимые пределы. Она была похожа на оперную певицу восьмидесятых годов прошлого века. Оранжевые волосы и платье пурпурного цвета усиливали сходство.

Тетушка показалась мне необыкновенно добродушной. Похоже, она обрадовалась Бертраму и расплылась в улыбке.

— Наконец-то! — сказала она.

Я ничего не понял:

— А?

— Но к племяннице, я думаю, лучше зайти попозже. Она только что уснула.

— О, в таком случае…

— Жалко ее будить, правда?

— Да, конечно, — с облегчением сказал я.

— Если подхватишь инфлюэнцу, то всю ночь не спишь, только утром задремлешь, ну и, конечно, жалко будить, правда?

— У мисс Платт инфлюэнца?

— Мы с ней думаем, что да. Но точно сказать можете только вы. Не будем терять времени. Раз уж вы пришли, посмотрите мое колено.

— Ваше колено?

Я ничего не имею против колен, но все в свое время и, можно сказать, в соответствующем месте. Сейчас, на мой взгляд, момент был неподходящий. Однако дама стояла на своем.

— Ну, что вы думаете о колене? — спросила она, поднимая завесу над святая святых.

Хочешь не хочешь, но вежливость — прежде всего.

— Ужас! — сказал я.

— Не поверите, какую боль оно мне причиняет.

— В самом деле?

— Так и стреляет, так и стреляет. Потом вроде

проходит. И знаете, что самое смешное?

— Что? — сказал я, радуясь возможности посмеяться.

— В последнее время точно так же у меня болит вот здесь, внизу позвоночника.

— Не может быть!

— Честно. Будто раскаленной иголкой колет. Хочу, чтобы вы там тоже посмотрели.

— Что? Позвоночник?

— Да.

Я покачал головой. Вообще-то я большой любитель всяких забав, обожаю богемные шуточки и все такое прочее. Но всему есть предел, и мы, Вустеры, его не переходим.

— Это невозможно, — строго сказал я. — Никаких позвоночников. Колени — да. Позвоночники — нет.

Она удивилась.

— Ну и ну, — проговорила она. — Странный вы доктор, вот что я вам скажу.

Как вам уже известно, я очень быстро соображаю, и тут до меня начало доходить, что, должно быть, произошло какое-то недоразумение.

— Доктор?

— Вы ведь доктор?

— Вы приняли меня за доктора?

— А разве вы не доктор?

— Нет. Совсем не доктор.

Наконец все объяснилось. Пелена спала у нас с глаз. Мы поняли, что к чему.

Я с самого начала подумал, что она веселая и добродушная. Сейчас моя догадка подтвердилась. Никогда не слышал, чтобы женщина так искренне смеялась.

— Хорошенькое дельце! — проговорила она, заливаясь хохотом и вытирая глаза носовым платком, который я ей одолжил. — Он не доктор! А кто же вы такой?

— Мое имя Вустер. Я пришел повидать мисс Платт.

— Зачем?

В этот момент я, безусловно, должен был достать чек и взять быка за рога. Но почему-то не смог. Понимаете, каково мне было? Предлагать деньги за то, что от твоего дядюшки отступятся, — дело, мягко говоря, довольно скверное, а при сложившихся обстоятельствах и вовсе невозможное.

— Да так, знаете ли, просто хотел навестить. — Внезапно меня осенило. — Мой дядюшка слышал, что она нездорова, и просил меня повидаться с ней и узнать, как она себя чувствует, — сказал я.

— Ваш дядюшка?

— Лорд Якслн.

— Ой, значит, вы племянник лорда Якслн?

— Вот именно. Наверное, он у вас частый гость.

— Нет. Я его здесь ни разу не видела.

— Не видели?

— Нет. Признаться, у Роди он с языка не сходит, это верно, но почему-то она никак не решится пригласить его на чашку чаю.

Я начал догадываться, что эта Роди, видно, блюдет свой интерес. Будь я девицей, имеющей жениха, и знай, что дома у меня существует экспонат, подобный этой тетушке, я бы тоже призадумался, стоит ли приглашать упомянутого жениха до того, как совершится церемония бракосочетания и он поставит в указанном месте свою подпись. Несомненно, эта тетушка — добрая душа и золотое сердце, но она особа совсем не того разбора, чтобы явить ее до времени своему Ромео.

— Вот, наверное, вы удивились, когда про все узнали? — сказала она.

— Еще бы.

— Хотя ничего окончательно не решено.

— Вы так считаете? Я полагал…

— Ой нет. Роди пока думает.

— Понимаю.

— Она, конечное дело, понимает, что это большая честь. Но порой сомневается: не староват ли он для нее.

— Моя тетушка Агата того же мнения.

— Но как ни крути, титул есть титул.

— Да, верно. А что вы сами об этом думаете?

— Ой, кому интересно, что я думаю? С нынешними девушками сладу нет.

— Да уж.

— Вот и я говорю: ничего путного у них не выйдет. Вот так-то.

— Вы совершенно правы.

Мне показалось, что нет особого смысла вести эту бесконечную беседу. У тетушки был такой вид, будто она готова болтать весь день. Но тут как раз вошла горничная и доложила, что приехал доктор.

Я поднялся:

— Ну что ж, мне пора.

— Уже уходите?

— Да, пойду, пожалуй.

— Ну пока.

— Счастливо оставаться, — сказал я и вышел на свежий воздух.

Зная, что́ меня ожидает дома, я бы, конечно, предпочел пойти в клуб и провести там остаток дня. Однако чему быть, того не миновать.

— Ну? — сказала тетя Агата, когда я с опаской просочился в гостиную.

— В общем, и да, и нет, — отвечал я.

— Что это значит? Она отказалась от денег?

— Не совсем.

— Взяла?

— Ну не то чтобы взяла…

Мне пришлось объяснить ей, что произошло. Я не ждал аплодисментов — и правильно делал, потому что их не было. По мере того как я рассказывал, теткины замечания становились все более смачными, а когда я закончил, она презрительно фыркнула с такой силой, что стекла задребезжали. Мне послышалось что-то вроде «Чтоб!». Наверное, она собиралась сказать: «Чтоб тебе лопнуть!» — но вовремя затормозила, вспомнив о своем аристократическом происхождении.

— Очень досадно, — пробормотал я. — Что сказать в свое оправдание? Мужество мне изменило. Я дрогнул, потому что не мог пренебречь нравственными правилами, внушенными мне с детства. От этого никто не застрахован.

— В жизни не встречала такого беспозвоночно-

го ничтожества.

Я вздрогнул, как воин, которому напомнила о себе старая рана.

— Тетя Агата, я был бы вам чрезвычайно благодарен, если бы вы не упоминали слово «позвоночник». Оно пробуждает во мне воспоминания.

Дверь отворилась, и вошел Дживс:

— Сэр?

— Да, Дживс?

— Мне показалось, вы звонили, сэр.

— Нет, я не звонил.

— Прошу прощения, сэр.

Бывают минуты, когда даже под оком тети Агаты я могу проявить твердость. Увидев светящиеся умом глаза Дживса, я вдруг понял, что свалял дурака. Из-за глупых предрассудков тети Агаты, не желающей обсуждать семейные дела с прислугой, я не приник к этому благородному источнику, изливающему на меня целительный бальзам и покой. Пусть тетушка снова швыряет мне в лицо свое «Чтоб!», но я решил сделать то, что мы обязаны были сделать с самого начала, — поручить дело Дживсу.

— Дживс, — сказал я, — речь идет о дядюшке Джордже.

— Да, сэр.

— Вам известны обстоятельства этого дела?

— Да, сэр.

— Вы знаете, чего мы хотим?

— Да, сэр.

— В таком случае дайте нам совет. Причем быстро. С ходу.

Я слышал, что тетя Агата глухо урчит, как вулкан перед извержением, но остался тверд. В глазах Дживса уже вспыхнул свет, означающий, что решение вот-вот будет найдено.

— Насколько я понял, вы уже навестили юную особу у нее дома, сэр?

— Да, я только что оттуда.

— В таком случае вы, несомненно, видели ее тетушку?

— Кроме нее, я никого не видел.

— Тогда, вероятно, план, который я собираюсь предложить, вам понравится, сэр. Я бы посоветовал вам устроить встречу его светлости с этой тетушкой. Она всегда выражала желание остаться жить с племянницей, когда та выйдет замуж. Встретившись с тетушкой и узнав о ее планах, его светлость призадумается. Вы, вероятно, заметили, сэр, что тетушка весьма добродушная особа, но крайне вульгарная.

— Дживс, вы совершенно правы! Кроме всего

прочего, эти оранжевые волосы!

— Совершенно верно, сэр.

— Не говоря уж о пурпурном платье.

— Безусловно, сэр.

— Я приглашу ее на обед завтра и познакомлю с дядей Джорджем. Видите, — сказал я, обращаясь к тете Агате, которая все еще продолжала бурлить где-то на заднем плане, — мы сразу получили готовое решение. Я ведь вам говорил…

— Вы свободны, Дживс.

— Благодарю вас, мадам.

Несколько минут после его ухода тетя Агата, явно пренебрегая существом вопроса, разглагольствовала по поводу того, что Вустер роняет престиж семьи, позволяя лакеям задирать нос. Потом она все-таки изволила вернуться к главной теме.

— Берти, — сказала она, — завтра же ты снова пойдешь к этой девице и на этот раз сделаешь то, что я тебе велела.

— Да пропади все пропадом! У нас есть блестящий альтернативный план, основанный на тонком понимании психологии индивидуума…

— Довольно! Ты слышал, что я сказала? Мне пора. До свидания.

Она умчалась, не подозревая, что Бертрамом

Вустером нельзя помыкать. Едва дверь за ней закрылась, я призвал Дживса.

— Дживс, — сказал я, — эта моя тетка и слышать не хочет о вашем прекрасном альтернативном плане, но я собираюсь неукоснительно ему следовать. По-моему, это гениальный план. Вы можете завтра привести эту женщину сюда обедать?

— Да, сэр.

— Отлично. А я тем временем телефонирую дяде Джорджу. Мы сделаем для тети Агаты доброе дело вопреки ее желанию. Дживс, что сказал по этому поводу поэт?

— Поэт Бернс, сэр?

— Нет, не Бернс. Кто-то другой. О добрых делах, которые совершаются втайне.

— «Деяния благие, что вершатся втайне… Кто их помнит!»[56], сэр?

— Вот именно, Дживс.

Я-то думал, свершение благих деяний украдкой должно приносить человеку радость, однако не могу сказать, что предстоящая пирушка очень меня радовала. Дядюшка Джордж и сам по себе довольно неприятный сотрапезник. Обычно он

---

[56] Примечания: 56

У. Вордсворт (1770–1850), «Строки, написанные поблизости от Тинтернского аббатства» (1798). — *Прим. пер.*

завладевает застольной беседой и принимается описывать свои патологические симптомы; он и мысли не допускает, что окружающие совсем не жаждут выслушивать разные подробности, касающиеся несварения желудка. Присоедините к дядюшке Джорджу тетушку мисс Платт — и у вас получится такая компания, которая способна привести в уныние самого стойкого.

Когда я проснулся на следующий день, у меня возникло предчувствие надвигающейся беды, и все утро это ощущение, постепенно усиливаясь, черной тучей нависало надо мной. К тому времени, когда Дживс принес коктейли, я совсем пал духом.

— Пропадаю ни за грош, Дживс, — сказал я. — Послать бы эту затею к черту и податься в «Трутни».

— Я могу себе представить, какое тяжелое испытание вам предстоит, сэр.

— Откуда вы знаете этих людей, Дживс?

— Я с ними познакомился через моего приятеля, камердинера полковника Мейнуоринга-Смита, сэр. Когда у моего приятеля возникло взаимопонимание с юной особой, он пожелал, чтобы я поехал с ним в «Глицинию» и познакомился с его избранницей.

— Они обручились?

— Не совсем, сэр. Просто у них возникло взаимопонимание.

— А почему они поссорились?

— Они не поссорились, сэр. Когда его светлость начал ухаживать за юной особой, она, естественно, была польщена и теперь не может сделать выбор между любовью и честолюбием. Она до сих пор официально не отказалась от взаимопонимания.

— В таком случае, если наш план удастся осуществить и дядя Джордж самоустранится, дела вашего приятеля пойдут на лад?

— Да, сэр. Сметерст — его зовут Сметерст — готов будет воскликнуть: «Это ли не цель желанная!»

— Хорошо сказано, Дживс. Сами придумали?

— Нет, сэр. Это эвонский лебедь, сэр, Шекспир.

В эту минуту чья-то невидимая рука робко позвонила в дверь, и я скрепя сердце приготовился играть роль хозяина. Застольное испытание приближалось.

— Миссис Уилберфорс, сэр, — доложил Дживс.

— Ну как мне удержаться от смеха, когда ты, стоя у меня за спиной, будешь говорить: «Мадам, не желаете ли картофеля?» — говорила тетушка мисс Платт, вплывая в гостиную.

Мне она показалась еще неохватней, еще розовее и добродушней, чем в прошлый раз.

— Понимаете, мы с ним знакомы, — пояснила она мне, тыча в Дживса пальцем. — Он к нам заходил на чашку чаю.

— Да, он мне об этом говорил.

Тетушка окинула гостиную быстрым внимательным взглядом.

— А у вас здесь шикарно, — сказала она. — Хотя по мне, так лучше всего розовые обои. Они такие веселенькие. Что тут у вас? Коктейли?

— Мартини и чуть-чуть абсента, — сказал я, наполняя стакан.

Она громко вскрикнула, совсем как девочка:

— Ой! Не вздумайте поить меня этой гадостью! Знаете, что со мной творится, если я только пригублю что-то подобное? Умираю от боли. Все эти коктейли — настоящий яд для желудка.

— Я, право, не знаю…

— А я знаю. Если бы вы прослужили официанткой в баре столько лет, как я, вы бы тоже знали.

— О! Э-э… вы служили официанткой?

— Да, в «Крайтерионе». Я тогда была молоденькая.

Я уронил шейкер на пол.

— Вот! А все потому, что пьете эту гадость, —

нравоучительным тоном сказала тетушка мисс Платт. — У вас руки дрожат. Я всегда говорила мальчикам: «Только портвейн! Он полезный. Я и сама люблю выпить немного портвейна. Но эта новомодная американская гадость — нет и нет!» Но они никогда меня не слушали.

Я с тревогой уставился на нее. Конечно, в «Крайтерионе» в свое время служили десятки официанток, и тем не менее меня пробрала легкая дрожь. Много лет прошло с тех пор, как дядя Джордж отколол это коленце с попыткой мезальянса — он тогда еще не носил титула, — но до сих пор при упоминании о «Крайтерионе» все Вустеры содрогаются.

— Э-э… когда вы служили в «Крайтерионе», — начал я, — не встречался ли вам молодой человек с такой же фамилией, как у меня?

— Да разве я упомню фамилии? Я ужасно тупа на имена.

— Вустер.

— Вустер! А когда вы давеча заходили, мне послышалось Фостер. Вустер! Встречался ли мне молодой человек по имени Вустер! Ну и дела! Ведь Джордж Вустер — поросеночек, как я его называла, — и я, мы собирались пожениться, только его семья про это прослышала и вмеша-

лась. Они мне предложили кучу денег, только бы я от него отказалась, и я, как последняя дура, пошла у них на поводу. Сколько раз я о нем вспоминала! Интересно, что теперь с ним сталось? Он вам родственник?

— Пожалуйста, извините меня, — сказал я. — Хочу дать кое-какие распоряжения Дживсу.

Я пошел в буфетную:

— Дживс!

— Сэр?

— Знаете, что случилось?

— Нет, сэр.

— Эта женщина…

— Сэр?

— Это же официантка дядюшки Джорджа.

— Сэр?

— Черт побери, вы должны были слышать о дядюшкиной официантке. Вы же знаете нашу семейную историю. Это та самая официантка, на которой дядюшка хотел жениться много лет назад.

— Ах да, сэр.

— Она единственная женщина, которую он любил. Он сам сто раз мне об этом рассказывал. После четвертой порции виски с содовой он впадает в сентиментальность и со слезами вспо-

минает об этой особе. Какое невезение, пропади все пропадом! Напоминание о прошлом найдет живой отзвук у него в сердце. Я это чувствую, Дживс. И она как раз в его вкусе. Едва войдя в гостиную, принялась рассказывать про свой желудок. Дживс, вы понимаете, что за этим кроется? Страшная вещь! Ведь у дяди Джорджа любимая тема — его желудок. Это означает, что они родственные души. Эта женщина и дядя Джордж просто…

— …созданы друг для друга, сэр?

— Совершенно верно.

— Весьма тревожное положение, сэр.

— Что делать?

— Не могу сказать, сэр.

— Ну тогда я скажу, что я намерен делать, — телефонирую дяде Джорджу и скажу, что обед отменяется.

— Едва ли это возможно, сэр. Кажется, его светлость уже звонит в дверь.

Так и было. Дживс его впустил, и он поплелся по коридору в гостиную. Я направился за ним следом. Когда он вошел, наступило ошеломленное молчание, потом раздались удивленные восклицания, как бывает, когда старые друзья встречаются после долгой разлуки.

— Поросеночек!

— Моди!

— Вот это да!

— Моди! Будь я проклят!

— Неужто это ты!

— Господи помилуй!

— Ты теперь лорд Якслы, подумать только!

— Стал носить титул вскоре после того, как мы расстались.

— Подумать только!

— Слушай, я просто глазам не верю!

Я отошел в сторонку и стоял, переминаясь с ноги на ногу. Они, я бы сказал, в упор меня не видели, будто Бертрам Вустер уже отошел в мир иной и лишился своей телесной оболочки.

— Моди, черт побери, ты совсем не изменилась!

— Ты тоже, поросеночек.

— Как ты жила все эти годы?

— Очень хорошо. Вот только желудок дает о себе знать.

— Господи боже мой! Что ты говоришь? У меня тоже нелады с желудком.

— Как поем, так сразу чувствую тяжесть.

— И я, как поем, тоже чувствую тяжесть. Что ты принимаешь?

— Пищеварительный бальзам Перкинса.

— Дорогая моя девочка, он не помогает! Совершенно бесполезная вещь! Я сам его принимал много лет — и никакого толку. Знаешь, единственное, что помогает…

Когда дядюшка Джордж, усевшись рядом с тетушкой мисс Платт на диван, принялся что-то назойливо гудеть ей в ухо, я выскользнул из комнаты.

— Дживс, — сказал я, нетвердым шагом входя в буфетную.

— Сэр?

— Подавайте обед на двоих. Я не в счет. Если они заметят, что меня нет, скажите, что мне телефонировали и я ушел по срочному делу. Бертрам больше не контролирует ситуацию, Дживс. Если во мне возникнет надобность, я в «Трутнях».

— Хорошо, сэр.

Вечером, уже довольно поздно, когда я рассеянно разыгрывал снукер[57], в бильярдную вошел один из официантов и сообщил, что тетя Агата желает говорить со мной по телефону.

— Берти!

— Да?

---

[57] Примечания: 57
Снукер — игра на бильярде. — *Прим. пер.*

Признаться, я был поражен — она говорила таким тоном, будто наше дело устроилось как нельзя лучше. Она щебетала как птичка:

— Берти, чек, который я тебе дала, все еще у тебя?

— Да.

— Порви его. Он больше не нужен.

— А?

— Я говорю, он не нужен. Твой дядюшка мне телефонировал. Он не женится на этой особе.

— Да?

— Да. Очевидно, он еще раз все обдумал и понял, что она ему не пара. Но — самое удивительное — он все-таки женится!

— Женится?

— Да, на своей давнишней знакомой, некоей миссис Уилберфорс, женщине, вполне подходящей, по его словам, по возрасту. Интересно, из каких она Уилберфорсов? Есть две основные ветви этой фамилии — эссекские Уилберфорсы и кумберлендские Уилберфорсы. Помнится, существует еще младшая ветвь где-то в Шропшире.

— И еще одна в Восточном Далвиче.

— Что ты сказал? Я не расслышала.

— Ничего, — ответил я и повесил трубку. У меня было такое чувство, будто меня пыльным

мешком из-за угла стукнули.

— Дживс, — сказал я, вернувшись домой, — итак, вы полагаете, все прекрасно уладилось? — Я бросил на него осуждающий взгляд.

— Да, сэр. Между десертом и сыром его светлость официально объявил о помолвке.

— Так и объявил?

— Да, сэр.

Я сурово взглянул ему прямо в глаза.

— Дживс, по-моему, вы ничего не поняли, — сказал я спокойным, холодным тоном. — После того, что здесь произошло, ваши акции значительно упали в цене. Я привык смотреть на вас как на советника, которому нет равных. Я ловил каждое ваше слово. И посмотрите, что вы натворили. А все ваш хваленый план, основанный на психологии индивидуума. Я думаю, Дживс, бывая в обществе этой женщины, сидя с ней за чашкой чаю, вы должны были догадаться, что она официантка дяди Джорджа.

— Я догадался, сэр.

— Что?!

— Я был об этом осведомлен, сэр.

— В таком случае вы должны были знать, что произойдет, когда они встретятся.

— Да, я знал это, сэр.

— Черт возьми, это уж слишком!

— Если позволите, я объясню, сэр. Молодой человек по имени Сметерст, который чрезвычайно привязан к известной вам молодой особе, — мой близкий друг. Недавно он обратился ко мне в надежде, что я смогу сделать так, чтобы указанная молодая особа следовала тому, что говорит ей сердце, и не позволила соблазнить себя богатством и знатностью его светлости. Теперь ничто не мешает союзу этих молодых людей.

— Понимаю. «Деяния благие, что вершатся втайне», так?

— Совершенно верно, сэр.

— А как же дядя Джордж? По вашей милости он угодил из огня да в полымя.

— Нет, сэр, если я могу взять на себя смелость возразить вам. Как мне представляется, миссис Уилберфорс будет идеальной женой для его светлости. Если в образе жизни его светлости имеется некий изъян, то он связан с несколько чрезмерной приверженностью к застольным удовольствиям…

— В том смысле, что он обжирается как свинья?

— Я бы никогда не позволил себе употребить подобное выражение, сэр, но оно передает суще-

ство дела. Его светлость также имеет склонность употреблять спиртные напитки в количествах, которые доктор его светлости вряд ли одобрит. Холостяки почтенных лет, весьма состоятельные и не знающие, чем себя занять, довольно часто предаются подобным излишествам. В этом смысле будущая леди Якслиможет благотворно повлиять на его светлость. Подавая рыбу, я слышал, как ее светлость сама об этом говорила. Она заметила некоторую одутловатость лица его светлости, которой не было в прежние годы, и сказала, что за его светлостью нужен уход. Как мне представляется, сэр, этот союз окажется весьма благодетельным для его светлости.

Все это звучало — как бы это сказать? — вполне убедительно, но я все же покачал своей черепушкой:

— Однако, Дживс!

— Сэр?

— Она ведь, как вы сами недавно сказали, принадлежит к низшему сословию.

Он посмотрел на меня с упреком:

— Скорее к крепкому среднему сословию, сэр, к мелкой буржуазии со средним достатком.

— Гм!

— Сэр?

— Я сказал «Гм!», Дживс.

— Кроме того, сэр, поэт Теннисон сказал: «Сердце доброе дороже всех регалий».

— Кто из нас сообщит новость тете Агате?

— Если бы я мог внести предложение, сэр, я бы посоветовал пока не вступать в общение с миссис Спенсер Грегсон. Я уже почти кончил паковать чемоданы. Пригнать автомобиль из гаража — дело нескольких минут и…

— …умчаться прочь, туда, где счастлив человек?

— Вот именно, сэр.

— Дживс, — сказал я, — не уверен, что полностью разделяю вашу точку зрения на последние события. Вы считаете, что всех осчастливили. Не уверен. Однако с вашим последним предложением могу вас поздравить. Внимательно его рассмотрев, я не нашел в нем изъяна. Что хорошо, то хорошо. Немедленно иду за автомобилем.

— Очень хорошо, сэр.

— Помните, что сказал поэт Шекспир?

— Что, сэр?

— «Поспешно уходит, преследуемый медведем». Найдете это в одной из его пьес. Помню, когда учился в школе, я изобразил эту картинку на полях книги.

Глава 11
Тяжкое испытание, выпавшее на долю Таппи Глоссопа

— Н-ну, Дживс! — сказал я, входя в комнату, где он бродил по колено в чемоданах, рубашках, зимних костюмах, как морской котик в прибрежных скалах. — Пакуете вещи?

— Да, сэр, — отвечал достойный малый, ибо у нас с ним нет секретов друг от друга.

— Пакуйте, пакуйте, — одобрительно сказал я. — Тщательно пакуйте. Помните, что приближается Рождество. — Кажется, я добавил что-то вроде «Траля-ля!», потому что у меня было превосходное настроение.

Каждый год, начиная с середины ноября, владельцев аристократических поместий Англии охватывают тревога и дурные предчувствия по поводу того, кому придется на Рождество оказать гостеприимство Бертраму Вустеру.

Жертвой может стать любой из них. Как говорит моя тетушка Далия, знал бы, где упадешь, подостлал бы соломки.

Однако в этом году я принял решение рано. К

десятому ноября десятка полтора достойных английских аристократов вздохнули с облегчением, узнав, что несчастливый жребий вытянул сэр Реджиналд Уитерспун, баронет, Бличинг-Корт, Верхний Бличинг, графство Гэмпшир.

Принимая решение отдать предпочтение этому самому Уитерспуну, я руководствовался несколькими соображениями, не считая того, что, женившись на Кэтрин, младшей сестре мужа тетушки Далии, он доводился мне чем-то вроде дядюшки. Во-первых, баронет живет на широкую ногу, и кухня и винные погреба у него отменные. Затем, что тоже немаловажно, в его конюшнях держат превосходных лошадей для верховой езды. И в-третьих, в Бличинг-Корте вы избавлены от опасности быть втянутым в компанию любителей-христославов, которые бродят по окрестностям под дождем, распевая «Когда пастухи стерегли стадо в ночи…» или просто «Рождество! Рождество!».

Все перечисленные мной соображения сыграли свою роль, но главной причиной, которая как магнит влекла меня в Бличинг-Корт, была уверенность, что там будет гостить Таппи Глоссоп.

Я наверняка уже рассказывал вам об этом злокозненном типе, но для достоверности позволю

себе повториться. Именно Таппи, если помните, пренебрег нашей многолетней дружбой, а ведь он не единожды ел мой хлеб-соль. Однажды вечером в «Трутнях» он поспорил со мной, что я не смогу перебраться через плавательный бассейн с помощью колец и веревок, и выказал самое низкое вероломство, закинув последнее кольцо за поручень. В результате я вынужден был прыгнуть в бассейн, испортив таким образом один из самых изящных фраков в Лондоне.

С тех пор мною владеет страстное желание должным образом отомстить Таппи.

— Дживс, вы не упустили из виду, — сказал я, — что в Бличинг приедет мистер Глоссоп?

— Нет, сэр.

— И следовательно, не забыли упаковать большой водяной пистолет?

— Нет, сэр.

— А фосфоресцирующего кролика?

— Нет, сэр.

— Отлично! Я очень верю в фосфоресцирующего кролика. Мне его расхваливали на все лады. Его нужно завести и сунуть ночью в чью-нибудь спальню. Он будет светиться в темноте и подпрыгивать, издавая при этом дикие вопли. Если хорошо все рассчитать, фосфоресцирующий кро-

лик до полусмерти напугает мистера Глоссопа.

— Весьма вероятно, сэр.

— Если же кролик подведет, пустим в ход водяной пистолет. Надо сделать все, чтобы подложить Таппи хорошую свинью, — сказал я. — На карту поставлена честь Вустеров.

Я бы продолжал развивать эту тему, но в парадную дверь позвонили.

— Я отворю, — сказал я. — Наверное, это тетя Далия. Она телефонировала, что приедет сегодня утром.

Однако оказалось, что это не тетя Далия, а мальчик-посыльный с телеграммой. Я ее вскрыл, прочитал и, нахмурив брови, вернулся в спальню.

— Дживс, — сказал я, — тут какая-то странная телеграмма. От мистера Глоссопа.

— Вот как, сэр?

— Я вам прочту. Отправлена из Верхнего Бличинга. Послушайте, что здесь написано: «Когда приедешь завтра, привези мои футбольные бутсы. Кроме того, приложи все силы и достань ирландского спаниеля. Срочно. Привет. Таппи». Что вы об этом думаете, Дживс?

— Насколько я могу понять из данного документа, сэр, мистер Глоссоп просит вас привезти

его футбольные бутсы, когда вы завтра приедете. Кроме того, приложить все силы и достать ирландского спаниеля. Мистер Глоссоп намекает на то, что дело срочное, и передает вам привет.

— Да, мне тоже так показалось. Но зачем ему футбольные бутсы?

— Возможно, мистер Глоссоп желает играть в футбол, сэр.

Я поразмыслил над тем, что сказал Дживс.

— Да, — сказал я. — Возможно, это ответ на вопрос. Но почему человек, спокойно отдыхающий в загородном имении, вдруг возжаждал играть в футбол?

— Не могу сказать, сэр.

— И при чем здесь ирландский спаниель?

— Боюсь, я и тут не могу взять на себя смелость высказать какое-либо предположение, сэр.

— Интересно, что представляет собой этот ирландский спаниель?

— Вероятно, разновидность спаниеля, выведенная в Ирландии, сэр.

— Вы так думаете?

— Да, сэр.

— Что ж, возможно, вы правы. Но с какой стати я по прихоти Таппи должен гонять по всему Лондону и выискивать собаку, какой бы нацио-

нальности она ни была? Наверное, он считает, что я Санта-Клаус? Или думает, что после того случая в «Трутнях» я горю желанием его облагодетельствовать? Ирландский спаниель, подумать только. Тьфу!

— Сэр?

— Тьфу, Дживс.

— Очень хорошо, сэр.

Вновь зазвонили у парадной двери.

— Сумасшедшее утро, Дживс.

— Да, сэр.

— Ладно, я открою.

На этот раз пришла тетя Далия. Она ввалилась с озабоченным видом и с порога загудела своим набатным голосом, от которого дребезжат оконные стекла и падают вазочки:

— Берти, я хочу поговорить с тобой об этом оболтусе Глоссопе.

— Все в порядке, тетя Далия, — успокоил я тетушку. — Я ситуацию контролирую. Водяной пистолет и фосфоресцирующий кролик уже упакованы.

— Не понимаю, о чем ты толкуешь, думаю, ты и сам не понимаешь, — довольно бесцеремонно заявила родственница, — но если ты прекратишь нести чепуху, я объясню, в чем дело. Я получила

от Кэтрин очень тревожное письмо. Об этом мерзком мальчишке. Само собой, Анджеле я ни словом не обмолвилась. Она бы к потолку подлетела.

Анджела — дочь тети Далии. Вообще-то считается, что она и Таппи более или менее помолвлены, хотя «Морнинг пост» пока об этом умалчивает.

— Почему? — спросил я.

— Что «почему»?

— Почему Анджела должна подлететь к потолку?

— Интересно, а ты бы не подлетел к потолку, если бы был почти помолвлен с этим монстром, а тебе бы сказали, что он уехал погостить в загородное имение и там флиртует с какой-то девицей, помешанной на собаках?

— С кем, с кем?

— С девицей, свихнувшейся на собаках. Одна из этих чертовых эмансипе, этакая модная спортивная штучка, ходит в грубых башмаках и сшитых на заказ твидовых костюмах. Таких теперь полно развелось в сельской местности, обычно они разгуливают в сопровождении своры собак разных пород. Я в молодости и сама такая была, поэтому знаю, как опасны подобные девицы. Ее имя Далглиш. Она дочь полковника Далглиша. Живут неподалеку от Бличинга.

Я увидел проблеск света:

— Так вот, значит, в чем дело. Я только что получил телеграмму от Таппи, он просит привезти ему ирландского спаниеля. Тут и думать нечего — хочет сделать рождественский подарок этой девице.

— Возможно. Кэтрин пишет, она совсем вскружила ему голову. Он за ней ходит как собака, не разговаривает, а блеет овцой, а уж ласков — прямо ручной котенок.

— Целый домашний зоопарк.

— Берти! — сказала тетя Далия, и я сразу понял, что добрая старушенция до крайности раздражена. — Еще одна такая шуточка — и я забуду, что я твоя тетка, и всыплю тебе по первое число.

Я сразу угомонился и начал ее успокаивать.

— Послушайте, тетенька, я бы не стал так огорчаться, — сказал я. — Думаю, слухи о безумствах Таппи сильно преувеличены. Все это и яйца выеденного не стоит.

— Ты так считаешь? Знаешь ведь, на что он способен. Помнишь, как мы переволновались, когда он вздумал волочиться за певичкой?

Да, я все помнил. Вы можете об этом прочитать в моих записках. Певичку звали Кора Беллинджер. Она обучалась с тем, чтобы потом петь в

опере, и Таппи ее боготворил. Однако, к счастью, во время концерта, организованного Бифи Бингемом в клубе на Бермондси-Ист и призванного возвышать души простых тружеников, она засветила Таппи в глаз, и любовь умерла.

— Кроме того, я еще не все тебе сказала, — продолжала тетя Далия. — Перед самым его отъездом в Бличинг они с Анджелой поссорились.

— Что вы говорите!

— Да. Сегодня утром Анджела мне об этом рассказала. Бедная девочка все глаза выплакала. Ссора началась из-за ее новой шляпки. Насколько я поняла, он сказал, что Анджела в ней похожа на китайского мопса, тогда она заявила, что не желает его больше видеть ни в этом мире, ни в ином. Он сказал: «Вот и прекрасно!» — и усвистал в Бличинг. Ясно, что за этим последовало. Собачница воспользовалась моментом и прибрала его к рукам, и если не принять самых срочных мер, может случиться что угодно. Так что изложи все это Дживсу, и пусть он примет меры, как только вы окажетесь в Бличинге.

Меня всегда немного задевает, когда тетушка высказывается в таком духе, что без Дживса, видите ли, в важных случаях не обойтись. Поэтому мой ответ прозвучал довольно решительно:

— Услуги Дживса не потребуются. Я сам улажу это дело. После того, что я устрою Таппи, ему будет не до амуров. При первом же удобном случае я намерен подсунуть к нему в комнату фосфоресцирующего кролика, который светится в темноте, подпрыгивает и издает дикие вопли. Для Таппи они прозвучат как голос его совести. Уверен, одного сеанса будет достаточно, чтобы на пару недель упечь Таппи в частную психиатрическую клинику. К концу лечения он и не вспомнит об этой проклятой собачнице.

— Берти, — сказала тетя Далия ледяным тоном, — ты законченный болван. Послушай меня. Только потому, что я тебя люблю и у меня большие связи среди членов Комиссии по делам душевнобольных, тебя еще несколько лет назад не упрятали в обитую войлоком палату. Попробуй только загуби мне это дело, и я мигом лишу тебя своего покровительства. Неужели ты не понимаешь, что положение слишком серьезно и твои дурацкие шуточки тут неуместны? На карту поставлено счастье Анджелы. Делай, что тебе говорят. Изложи дело Дживсу, и пусть он действует.

— Как скажете, тетя Далия, — сухо проговорил я.

— Уже сказала. Иди.

Я вернулся в спальню.

— Дживс, — сказал я, не скрывая своей досады, — мы не возьмем с собой фосфоресцирующего кролика.

— Хорошо, сэр.

— И водяной пистолет тоже.

— Хорошо, сэр.

— И тот и другой подверглись уничтожающей критике, и мой пыл сошел на нет. И вот что еще, Дживс.

— Сэр?

— Миссис Траверс желает, чтобы вы по приезде в Бличинг-Корт вызволили мистера Глоссопа из лап этой собачницы.

— Слушаюсь, сэр. Я непременно уделю этому вопросу самое пристальное внимание и приложу все усилия, чтобы быть вам полезным.

На следующий день я понял, что тетя Далия отнюдь не преувеличивала опасность. Мы с Дживсом отправились в Бличинг в моем спортивном двухместном автомобиле. На полпути между деревней и Бличинг-Кортом мы неожиданно заметили впереди целое море собак, среди которых резвился Таппи, увиваясь вокруг статной, взращенной на деревенских хлебах девицы. Он

благоговейно склонялся к ней, и даже на расстоянии было видно, как горят у него уши. Короче, все безошибочно указывало, что болван из кожи вон лезет, чтобы ей понравиться. Когда мы подъехали ближе и я увидел на девице сшитый на заказ твидовый костюм и грубые башмаки, у меня не осталось сомнений.

— Видели, Дживс? — многозначительно сказал я.

— Да, сэр.

— Та самая девица.

— Да, сэр.

Я слегка посигналил и издал дружелюбный клич. Они обернулись, и я понял, что Таппи не в восторге от нашей встречи.

— А-а, Берти, привет, — сказал он.

— Привет, — отвечал я.

— Мой друг Берти Вустер, — сказал Таппи, обращаясь к девице, как мне показалось, извиняющимся тоном.

— Привет, — сказала девица.

— Здравствуйте, — сказал я.

— Привет, Дживс, — сказал Таппи.

— Добрый день, сэр, — сказал Дживс.

После этого наступило напряженное молчание.

— Ну, Берти, до свидания, — сказал Таппи. — Должно быть, тебе пора.

Мы, Вустеры, понимаем намеки не хуже всякого другого.

— Увидимся, — сказал я.

— Да, конечно, — сказал Таппи.

Я тронулся, и мы укатили.

— Зловещий признак, Дживс, — сказал я. — Вы заметили, этот тип похож на надутую лягушку.

— Да, сэр.

— Не выразил никакого желания, чтобы мы остановились и поболтали с ними.

— Да, сэр.

— По-моему, опасения тети Далии не напрасны. Дело очень серьезное.

— Да, сэр.

— В таком случае шевелите мозгами, Дживс.

— Очень хорошо, сэр.

С Таппи мы увиделись только вечером, когда я переодевался к ужину. Он просочился ко мне в комнату.

— Привет, — сказал я, поправляя галстук.

— Привет, — ответил Таппи.

— Кто эта девушка? — как бы случайно бросил я, маскируя коварство вопроса нарочито небрежным тоном.

— Некая мисс Далглиш, — ответил Таппи и заметно покраснел.

— Она здесь гостит?

— Нет. Она живет как раз в том доме, который стоит перед въездом в поместье. Ты мне привез футбольные бутсы?

— Да. Дживс их куда-то сунул.

— А ирландского спаниеля?

— А спаниеля — нет. Прости великодушно.

— Черт! Какая досада. Она спит и во сне видит ирландского спаниеля.

— А тебе-то какое дело?

— Хотел ей подарить.

— С какой стати?

Таппи надулся. Кинул на меня холодный, укоризненный взгляд.

— Полковник и миссис Далглиш, — сказал он, — все это время были чрезвычайно ко мне добры. Они не раз принимали меня у себя дома. Естественно, мне было бы приятно отблагодарить их за гостеприимство. Я совсем не хочу, чтобы они сочли меня одним из современных дурно воспитанных молодчиков, про которых пишут в газетах и которые только все берут и ничего не дают взамен. Если тебя приглашают то на обед, то на чай, то еще на что-нибудь, — как не сделать

им маленький подарок в знак благодарности?

— Ладно, подари им футбольные бутсы. Между прочим, зачем тебе понадобились эти проклятые бутсы?

— Собираюсь участвовать в матче в четверг.

— Где? Здесь?

— Да. Верхний Бличинг против Хокли-на-Местоне. Здесь это важное событие.

— Как тебя втянули в это дело?

— Да вот, на днях в разговоре я обмолвился, что в Лондоне по субботам играю за «Старых августинцев». Мисс Далглиш живо этим заинтересовалась и сказала, что я мог бы помочь их команде.

— Какой команде?

— Ну разумеется, Верхнему Бличингу.

— Ага, стало быть, будешь играть за Хокли?

— Не издевайся, Берти. Может, ты этого не знаешь, но на футбольном поле мне сам черт не брат. А-а, Дживс!

— Сэр? — сказал Дживс, заходя справа по центру.

— Мистер Вустер сказал, что мои бутсы у вас.

— Да, сэр. Я отнес их вам в комнату.

— Благодарю. Дживс, хотите заработать немного денег?

— Да, сэр.

— Тогда в следующий четверг, когда состоится футбольный матч, поставьте на Верхний Бличинг, — сказал Таппи, важно выпятил грудь и удалился.

— Мистер Глоссоп в четверг собирается участвовать в матче, — объяснил я, когда дверь за Таппи закрылась.

— Мне об этом сообщили в людской, сэр.

— Да? И как там настроены?

— Насколько я мог понять, сэр, все считают, что мистер Глоссоп поступает опрометчиво.

— Почему?

— Мистер Малреди, дворецкий сэра Реджиналда, информировал меня, сэр, что данное состязание в некотором отношении отличается от обычной игры в футбол. Вследствие того обстоятельства, что уже много лет между этими двумя деревнями наблюдается весьма ощутимая враждебность, состязания проводятся в соответствии с более свободными и примитивными правилами, чем это обычно принято в тех случаях, когда встречаются дружественно настроенные противники. Как мне объяснили, главная цель игроков заключается не в том, чтобы увеличить счет, а в том, чтобы нанести противнику оскорбление

действием.

— Господи боже мой, Дживс!

— Дело обстоит именно так, сэр. Подобная игра может представлять интерес разве что для собирателя древних обычаев. Впервые игра здесь проводилась при короле Генрихе Восьмом на поле размером в несколько квадратных миль и продолжалась от полудня до захода солнца. При этом погибли семь человек.

— Семь человек!

— Не считая двух зрителей, сэр. Однако в последние годы потери ограничиваются переломами конечностей и прочими незначительными травмами. По мнению прислуги, со стороны мистера Глоссопа было бы более разумным воздержаться от участия в этом мероприятии.

Признаться, я был ошеломлен. В том смысле, что хоть и считал делом всей своей жизни отомстить Таппи за его подлый поступок, у меня все еще оставались некоторые слабые рудименты — по-моему, это слово тут подходит, — да, рудименты старой дружбы и детской привязанности. Кроме того, месть местью, но всему есть предел. Как ни глубоко сидит во мне чувство обиды на Таппи за нанесенное мне оскорбление, я не хочу видеть, как он, не подозревая ничего дурного,

выйдет на поле, а дикие аборигены растерзают его в клочья. Напугать его до полусмерти фосфоресцирующим кроликом — да. Самое милое дело, можно сказать, — и счастливый конец. Но быть свидетелем того, как останки Таппи по частям уносят на носилках, — нет и еще раз нет. Не приведи господи. Такого и в дурном сне не увидишь.

Само собой, надо, пока не поздно, предупредить Таппи. Я бросился к нему в комнату. Этот дурень с мечтательным выражением на лице любовался своими футбольными бутсами.

Я объяснил ему положение вещей.

— Самое разумное, что ты можешь сделать — кстати, и вся прислуга так считает, — накануне матча прикинуться, что подвернул ногу.

Он как-то дико на меня посмотрел:

— Послушай, Берти, что ты мне предлагаешь? Мисс Далглиш в меня верит, полагается на меня, с надеждой и детским воодушевлением ждет, что я помогу ее деревне выиграть, — а я вместо этого подло ее предам?

Я был очень доволен, что он так быстро сообразил, что к чему:

— Вот именно, старина.

— Тьфу! — сказал Таппи. По-моему, я еще никогда не слышал, чтобы он говорил «Тьфу!».

— Что значит «Тьфу!»? — спросил я.

— Берти, то, что ты рассказал, еще больше раззадоривает меня. Чем отчаяннее будет игра, тем лучше. Мне по душе спортивный азарт соперников. Грубые приемы меня радуют. Я смогу показать, на что способен. Как ты не понимаешь, ведь на меня будет смотреть она! — Лицо его лихорадочно пылало. — Знаешь, что я испытываю, когда об этом думаю? Я чувствую себя рыцарем, сражающимся в поединке на глазах у своей возлюбленной. Неужели ты допускаешь, что сэр Ланселот или сэр Галахад, зная, что в ближайший четверг состоится турнир, стали бы притворяться, будто подвернули ногу, потому что испугались грубой игры?

— Не забывай, что в царствование короля Генриха Восьмого…

— Послушай, мне сейчас не до короля Генриха Восьмого. Меня больше занимает вот что: в этом году Верхний Бличинг играет в цветной форме, значит, я смогу надеть футболку «Старых августинцев», светло-голубую с широкими оранжевыми полосами. Представляешь, какой у меня будет вид!

— Ну и что?

— Берти, — начал Таппи, который, похоже,

окончательно свихнулся, — я хочу тебе сказать, что наконец-то я влюбился. Это настоящее чувство. Я нашел свою пару, свою половину. Всю жизнь я мечтал встретить прелестную девушку, вобравшую в себя красоту и гармонию природы, и вот я ее нашел. Берти, как не похожа она на этих оранжерейных, неестественных лондонских девиц! Разве они пойдут зимой, в слякоть и грязь, на футбольный матч? Разве они знают, что делать, если заболеет восточноевропейская овчарка? Могут ли они прошагать десять миль по полям и при этом выглядеть как благоуханный цветок?

— А зачем им шагать десять миль?

— Берти, на эту игру в четверг я ставлю все. Сейчас она, по-моему, смотрит на меня как на слабосильного неженку, потому что на днях я натер ноги и мне пришлось возвращаться из Хокли автобусом. Но когда она увидит, что я как ветер мчусь сквозь ряды этих грубых деревенских парней, разве она не задумается? Разве у нее не откроются глаза? Что?

— Что?

— Я говорю: «Что?»

— А я говорю, что «что?».

— В смысле, откроются или нет?

— Еще бы!

Тут очень кстати прозвучал гонг к ужину.

Справки, которые я предусмотрительно навел в следующие два дня, убедили меня в том, что прислуга Бличинг-Корта слов на ветер не бросает. Таппи, родившемуся и воспитанному в тепличной лондонской атмосфере, действительно следовало держаться подальше как от местных распрей, так и от футбольного поля, на которое они будут перенесены. Взаимная неприязнь двух деревень достигла, так сказать, наивысшей точки.

Всем известно, что такое случается в сельской глуши. Жизнь течет медленно и спокойно. Что делать долгими зимними вечерами? Слушать радио да размышлять о том, какой обжора ваш сосед. Или вспоминать, как бессовестно вас надул фермер Джайлс, когда вы продавали свинью. А фермер Джайлс, сидя у камина, в свою очередь, без конца перебирает нанесенные ему обиды. Он еще не забыл, как ваш сын Эрнест перед Великим постом, в воскресенье, запустил кирпичом в его кобылу. Ну и пошло-поехало. Мне неведомо, с чего именно началась вражда Хокли и Верхнего Бличинга, но сейчас, перед Рождеством, когда всюду должны царить мир и благоволение, она была в полном разгаре. В Верхнем Бличинге

только и разговору было что о предстоящей в четверг игре, вся деревня, казалось, кровожадно предвкушает это событие. В Хокли-на-Местоне царило такое же злобное оживление.

В среду я прогулялся в Хокли, чтобы посмотреть, что за люди там живут и насколько они опасные противники. Надо сказать, я пришел в ужас, потому что каждый второй из них мог бы сойти за кузнеца. Мускулы на ручищах стальные, а от разговорчиков о предстоящем соревновании, которые они вели в «Зеленой свинье», куда я инкогнито заглянул пропустить кружку пива, кровь у меня в жилах заледенела, как у всякого, чей друг собирается ввязаться в эту драку. Парни в пивной навели меня на мысль об Аттиле и гуннах, которые обсуждают подробности предстоящего набега.

Я вернулся домой и направился к Дживсу в самом решительном настроении.

— Дживс, — начал я, — вы без конца чистите и утюжите мою одежду и потому лучше, чем кто-либо, понимаете, как я пострадал от рук Таппи Глоссопа. Думаю, я вправе радоваться тому, что небесный гнев вскоре разразится над ним, так что мало не покажется. Но, по-моему, в данном случае небеса слегка перестарались. Я не согла-

сен с ними насчет наказания для Таппи. Даже в минуту самого страшного гнева я не желал, чтобы его прикончили. А в Хокли-на-Местоне, насколько я понял, намерены позаботиться о том, чтобы завалить работой местного гробовщика. Один парень, этакий рыжий громила, которого я сегодня видел в «Зеленой свинье», по-моему, просто состоит в компаньонах у этого гробовщика. Дживс, мы должны действовать, действовать немедленно и энергично. Мы должны спасти Таппи вопреки его воле.

— Какой план вы предлагаете, сэр?

— Сейчас скажу. Он не желает внять голосу рассудка и отказаться от участия в этой дурацкой затее, потому что на матч собирается прийти его пассия, и этот несчастный ловелас вообразил, что блеснет своей игрой и произведет на нее неизгладимое впечатление. Поэтому мы должны пойти на хитрость. Дживс, вы сегодня же поедете в Лондон и завтра отправите телеграмму, подписанную «Анджела». Текст будет такой. Записывайте. Готовы?

— Да, сэр.

— «Прости…» — я задумался. — Как вы думаете, Дживс, что может написать девушка, желающая помириться со своим возлюбленным после того,

как устроила ему скандал, когда он сказал, что в новой шляпке она похожа на китайского мопса?

— Я полагаю, сэр, она могла бы написать: «Прости, я была не права».

— Думаете, это сильно сказано?

— Возможно, если добавить обращение «дорогой», оно придаст тексту необходимую правдоподобность, сэр.

— Вы правы. Итак, записывайте. «Прости, я была не права, дорогой…» Нет, Дживс, подождите. Вычеркните. Мы взялись за дело не с того конца. У нас есть шанс попасть прямо в яблочко. В конце должно стоять не «Анджела», а «Траверс».

— Хорошо, сэр.

— Лучше даже «Далия Траверс». А текст следующий: «Пожалуйста, возвращайтесь как можно скорее».

— «Немедленно» было бы более экономно, сэр. Всего одно слово. И звучит убедительно.

— Точно. Пишите. «Пожалуйста, возвращайтесь немедленно. Анджела в ужасном состоянии».

— Я бы предложил «тяжело больна», сэр.

— Правильно. «Тяжело больна». «Анджела тяжело больна. Все время зовет вас и говорит, что насчет шляпки вы были совершенно правы».

— Если позволите предложить, сэр…

— Валяйте.

— Как мне представляется, было бы уместно написать следующим образом: «Пожалуйста, возвращайтесь немедленно. Анджела тяжело больна. Высокая температура. Бред. Жалобно повторяет ваше имя и твердит о какой-то шляпке. Говорит, что вы были совершенно правы. Пожалуйста, приезжайте первым же поездом. Далия Траверс».

— Звучит убедительно.

— Да, сэр.

— Вы считаете, что «жалобно»? Может, лучше «беспрестанно»?

— Нет, сэр. «Жалобно» — motjuste[58].

— Хорошо. Вам лучше знать. Отправьте телеграмму с таким расчетом, чтобы она пришла сюда в два тридцать.

— Слушаюсь, сэр.

— В два тридцать, Дживс. Здесь чертовски тонкий расчет, понимаете?

— Нет, сэр.

— Сейчас объясню. Если телеграмма придет раньше, Таппи ее получит до начала игры. А к двум тридцати он уже выйдет на поле. Я вручу

---

[58] Примечания: 58
Подходящее слово (*фр.*).

ему телеграмму, когда в игре наступит перерыв. К этому времени, надеюсь, до него дойдет, что такое футбольный матч между Верхним Бличингом и Хокли-на-Местоне, и телеграмма сделает свое дело. Уверен, тот, кто немного поиграет в футбол с этими головорезами, которых я видел вчера в Хокли, будет рад любому предлогу, чтобы удрать с поля. Вы понимаете?

— Да, сэр.

— Вперед, Дживс.

— Слушаюсь, сэр.

На Дживса можно положиться. Я сказал «в два тридцать», и телеграмма пришла минута в минуту. Сунув ее в карман, я пошел к себе в комнату, чтобы переодеться в теплый твидовый костюм. Потом сел в автомобиль и покатил к игровому полю. Я приехал как раз в тот момент, когда команды построились на поле. Минуту спустя раздался свисток, и битва началась.

По разным причинам — начать с того, что ни в школе, ни в колледже мы в футбол-регби не играли, — я совсем не разбираюсь в тонкостях этой игры. Основные принципы мне, конечно, понятны. Я знаю, например, что главная задача — как-нибудь загнать мяч за линию в конце поля, и чтобы достичь этой цели, игрокам позволено

наносить друг другу оскорбления действием и выкидывать такие фортели, за которые, соверши вы их в любом другом месте, судья не только отчитает вас самым суровым образом, но и упечет на две недели в каталажку без права замены наказания штрафом. Все, больше я об этой игре ничего не знаю. Теоретическая, если можно так сказать, ее сторона для Бертрама Вустера — тайна за семью печатями. Впрочем, как объясняли мне знатоки, в этой игре ни о каких теоретических положениях и правилах говорить не приходится.

Последние несколько дней шел проливной дождь, и дороги совсем развезло, а о поле и говорить нечего — по-моему, даже обычное болото и то суше. Рыжий громила, которого я приметил в «Зеленой свинье», подгреб к центру поля и начал игру под одобрительные вопли народных масс. Мяч устремился прямехонько к Таппи, который в своем оранжево-голубом одеянии ярко выделялся на фоне прочих игроков. Таппи ловко его поймал и отбил обратно. В следующую минуту я понял, что матч Верхний Бличинг — Хокли-на-Местоне таит в себе некоторые особенности, которых обычно не увидишь на футбольном поле.

Таппи, внеся в игру свою лепту, стоял со скромным видом, как вдруг раздался тяжелый топот

огромных бутсов и рыжий верзила налетел на него, схватил за шею, повалил наземь и упал на него сверху. Я мельком увидел физиономию Таппи, на которой были написаны растерянность, ужас и недоумение — несчастный, видно, никак не предполагал подобного развития событий, — потом он исчез из виду под грудой тел. Когда Таппи вынырнул на поверхность, дерущаяся толпа переместилась на другой конец поля. Две группы ражих детей природы, нагнув головы, усердно толкались вокруг мяча.

Таппи сгреб с лица жирные комья гэмпширской грязи, изумленно оглянулся и, узрев на другом конце поля беспорядочную толпу, ринулся к ней. Он подоспел как раз вовремя: пара тяжеловесов подхватила его, и Таппи схлопотал еще один сеанс грязелечения. Третий тяжеловес, конечно, не мог упустить восхитительной возможности и пнул Таппи под ребра бутсой размером с футляр для скрипки. Рыжий снова рухнул на Таппи. Должен вам сказать, что если смотреть на игру по сию сторону барьера, она впечатляла темпом, размахом и красочностью.

Теперь я понял, в чем была беда Таппи: зря он так разоделся. В подобных ситуациях куда безопаснее выглядеть незаметным, а его оран-

жево-полосатая футболка была, что называется, вырви глаз. Спокойный бежевый тон, сливающийся с цветом земли, — вот что посоветовали бы Таппи его лучшие друзья. Кроме того, я думаю, парни из Хокли-на-Местоне восприняли сам факт присутствия чужака на поле как грубое оскорбление. Они, бесспорно, сочли, что эта столичная штучка вмешивается в их личные дела и вообще сует нос куда не следует.

Во всяком случае, мне было совершенно ясно, что Таппи привлекает к себе особенное внимание. После каждого топтания вокруг мяча, о котором я уже упоминал, куча человеческих тел беспорядочно валилась в жидкую грязь, и Таппи всегда поднимался последним. В редких случаях, когда ему удавалось ненадолго встать во весь рост, кто-нибудь — как правило, рыжий — неизменно набрасывался на него все с той же целью — сбить несчастного с ног.

Мне уже стало казаться, что трюк с телеграммой сорвется и мне не удастся спасти жизнь Таппи, но тут в игре неожиданно наступил перерыв. Борьба разворачивалась рядом с тем местом, где я стоял. Вскоре все, как обычно, повалились в кучу, и Таппи, конечно, снова оказался в самом низу. Но на этот раз, когда все поднялись на ноги

и начали подсчитывать потери, выяснилось, что один здоровенный парень в футболке, которая когда-то была белой, остался лежать на земле. Из сотни глоток вырвался ликующий вопль — Верхний Бличинг пустил первую кровь.

Жертву унесли с поля боя двое соратников, а остальные игроки сели, стали подтягивать гольфы и размышлять о смысле жизни. Я подумал, что настал момент вытащить Таппи из этой abattoir[59], перепрыгнул через канат и прошлепал к тому месту, где сидел мой незадачливый друг. Вид у него был такой, будто его пропустили через соковыжималку, а в глазах, едва видных сквозь слой гэмпширской земли, покрывавшей лицо, светился странный затаенный огонь. Грязь коростой покрывала его с ног до головы, и было понятно, что обычной ванной тут не обойдешься. Чтобы Таппи снова мог занять свое место в цивилизованном обществе, его следовало отдать в химическую чистку, хотя на самом деле вопрос спорный — может, проще было бы выкинуть его на свалку.

— Таппи, старина, — сказал я.

— А?

---

[59] Примечания: 59
Скотобойня *(фр.)*.

— Тебе телеграмма.

— А?

— У меня телеграмма, которую принесли после того, как ты ушел из дома.

— А?

Я потыкал в него наконечником трости, и он, кажется, вернулся к жизни.

— Осторожней, осел. Что ты делаешь? — сказал он, едва ворочая языком. — На мне живого места нет. Что за чушь ты несешь?

— Тебе телеграмма. Наверное, что-то важное.

Он пренебрежительно фыркнул:

— Думаешь, у меня есть время читать телеграммы?

— А если это что-то срочное? Вот, прочти.

Я сунул руку в карман, но телеграммы там не оказалось. Не понимаю, как я мог так опростоволоситься. Скорее всего, переодеваясь, я оставил ее в другом пиджаке.

— О господи! Забыл ее дома!

— Не важно.

— А по-моему, очень важно. Думаю, тебе непременно надо ее прочитать. И немедленно. Я бы на твоем месте распрощался с этой командой головорезов и помчался домой.

Таппи нахмурился. Во всяком случае, короста

у него на лбу пришла в движение, будто под ней что-то пошевелилось.

— Ты, кажется, вообразил, — сказал он, — что я могу улизнуть с поля на глазах у нее? Господи боже мой! А кроме того, — продолжал он спокойным, размеренным тоном, — нет на земле силы, которая заставила бы меня уйти, пока я не вышибу дух из этого рыжего громилы. Ты заметил, что он все время на меня набрасывается, даже если мяч у кого-то другого?

— Разве это не по правилам?

— Конечно, нет. Ну ничего, Берти, сейчас я на нем отыграюсь. С меня довольно. Пришло время показать, на что я способен.

— Послушай, Таппи, я довольно плохо представляю себе правила этой игры, — сказал я. — Например, ты имеешь право его укусить?

— Попробую. Посмотрим, что получится. Вообще-то мысль неплохая, — сказал Таппи, заметно приободрившись.

В это время вернулись парни, уносившие тело, и война вновь разгорелась по всему фронту.

Немного отдохнуть или, если хотите, посидеть сложа руки — лучшее средство, чтобы освежить потерявшего товарный вид спортсмена. И после короткой передышки безобразная бойня на поле

возобновилась с удвоенной силой, так что было на что посмотреть. И душой команды теперь стал Таппи.

Понимаете, если встречаешься с человеком за обедом, на скачках, гостишь с ним вместе у друзей в загородных домах, невозможно себе представить, какие глубины в нем кроются. Спроси меня кто-нибудь до сегодняшнего дня, я бы сказал, что Таппи Глоссоп в общем человек мирный, с тигром, обитающим в джунглях, у него нет ничего общего. И вот сейчас на моих глазах он как дикий зверь метался туда-сюда, извергая из ноздрей пламя и наводя ужас на окружающих.

Да, можете мне поверить, именно так. Вдохновленный тем, что судья то ли исповедовал принцип «живи и дай жить другим», то ли не прочистил свисток, забитый грязью, и поэтому взирал на игру с отрешенным спокойствием, Таппи пустился во все тяжкие. Даже мне, не имеющему понятия о тонкостях этой игры, было ясно, что если парни из Хокли-на-Местоне хотят выиграть, они должны как можно скорее устранить Таппи. И я скажу, они старались изо всех сил, причем особенно усердствовал рыжий. Но Таппи оказался крепким орешком. Каждый раз, когда отчаянный соперник валил его в грязь

и усаживался ему на голову, он, поднимаясь с земли, обретал удесятеренные силы. Дошло до того, что падать начал рыжий верзила.

Не могу точно описать, как это случилось, потому что стало смеркаться и лег довольно густой туман, только вижу — мчится со всех ног рыжий и в ус не дует, как вдруг откуда ни возьмись Таппи. Он будто несется по воздуху и вцепляется рыжему в шею. Они сшибаются так, что искры летят, и несколько минут спустя рыжего, прыгающего на одной ноге — видно, вывихнул лодыжку, — уводят его друзья.

Что к этому добавить? Футболисты Верхнего Бличинга чрезвычайно оживились и заиграли еще напористей. Они лавиной обрушились на противника и оттеснили его к краю поля, а затем, подобно приливной волне, хлынули за линию ворот. Когда толпа рассыпалась, шум и крики стихли, все увидели Таппи, лежащего на мяче. На этом все кончилось, если не считать еще нескольких изувеченных в последние пять минут.

Домой я вернулся в меланхолическом настроении. Что случилось, то случилось, но, как мне казалось, все это следовало хорошенько обдумать. В холле я встретил кого-то из слуг и попросил принести мне в комнату виски с содовой,

да покрепче. Следовало взбодрить мозги. Минут через десять в дверь постучали, и явился Дживс с подносом в руках.

— Привет, Дживс, — удивленно сказал я. — Вы уже вернулись?

— Да, сэр.

— Когда?

— Совсем недавно, сэр. Интересная была игра, сэр?

— В некотором смысле да, Дживс, — сказал я. — Зрелище, конечно, весьма захватывающее. Однако боюсь, из-за моей рассеянности случилось такое, что хуже не придумаешь. Я оставил телеграмму в другом пиджаке, и поэтому Таппи играл до конца матча.

— Его покалечили, сэр?

— Хуже, Дживс. В этой игре он был звездой. Думаю, сейчас во всех деревенских пивнушках поднимают в честь него тосты. Он так великолепно играл, так блестяще дрался с соперниками, что, по-моему, девица не сможет остаться равнодушной. Уверен, когда они встретятся, она воскликнет: «О мой герой!» — и бросится этому балбесу на шею.

— Вы так считаете, сэр?

Мне совсем не понравилось, как Дживс это ска-

зал. Слишком спокойно. Без всякого выражения. Я ожидал, что он сильно огорчится, то есть у него, например, чуть дрогнет левая бровь, а он как каменный. Я собрался было отчитать Дживса за такую бесчувственность, но тут дверь отворилась и в комнату, тяжело хромая, ввалился Таппи.

Поверх футбольной формы на нем было накинуто широкое длинное пальто. Признаться, я немного удивился: по-моему, Таппи сначала следовало прямиком отправиться в ванную, а потом уже наносить визиты. Он жадно уставился на мой стакан.

— Виски? — хрипло сказал он.

— С содовой.

— Дживс, принесите и мне стакан, — сказал Таппи. — Большой.

— Хорошо, сэр.

Таппи побрел к окну и стал смотреть, как сгущаются сумерки. И тут я понял, что ему худо. Если с вами что-то неладно, это всегда видно по вашей спине. Она у вас сгорблена, согбенна под тяжестью печалей и разочарований.

— Старина, что с тобой? — спросил я.

Таппи горестно усмехнулся.

— Ах, право, ничего особенного, — сказал он. — Просто моя вера в женщин умерла, вот и все.

— Умерла?

— Окончательно. Можешь быть уверен, Берти. Они для меня больше не существуют. Отныне и навсегда. Все они ничтожества.

— А эта твоя, как бишь ее, Доглиш, что ли, тоже?

— Ее имя Далглиш, — сухо сказал Таппи, — если, конечно, тебя интересует. И позволь довести до твоего сведения, что она — хуже всех остальных.

— Что ты говоришь?!

Таппи отвернулся от окна. Даже под коркой грязи было видно, как побледнело и осунулось у него лицо.

— Берти, ты знаешь, что произошло?

— Что?

— Она не пришла.

— Куда?

— Вот осел! На стадион, конечно!

— Не пришла на стадион?

— Не пришла.

— В смысле — ее не было среди этого скопища одержимых?

— Ну разумеется. Или ты думаешь, я ожидал увидеть ее среди игроков?

— Но я считал, что ты все это затеял для…

— Я тоже так считал. Боже мой! — сказал Таппи

и снова горько рассмеялся. — Я для нее готов был расстаться с жизнью. Ради нее я допустил, чтобы толпа головорезов и маньяков пинала меня под ребра и шваркала бутсами мне по физиономии. И вот, когда я претерпел такие мучения, которым предпочел бы смерть, и все только для того, чтобы доставить ей удовольствие, я узнаю, что она не потрудилась прийти на стадион. Ей кто-то телефонировал из Лондона, что отыскал для нее ирландского спаниеля. Она тут же вскочила в свой автомобиль и умчалась в Лондон, а я остался в дураках. Мы с ней только что виделись возле ее дома, и она мне все рассказала. Больше всего она досадует на то, что съездила в Лондон впустую. Ей, видишь ли, подсунули самого заурядного английского спаниеля. Подумать только! И я воображал, что люблю эту особу. Хорошая же из нее подруга жизни! «Когда же боль моя и муки непомерны, являешься ты мне как ангел милосердный...»[60] — вот уж это не про нее. Если тебя поразит смертельный недуг, разве подобная девица станет поправлять тебе подушку и подносить стакан воды? И не мечтай. Она помчится покупать какую-нибудь сибирскую гончую бель-

[60] Примечания: 60

В. Скотт, поэма «Мармион», песнь VI. — *Прим. пер.*

дюгу. Все, с женщинами покончено.

Я понял, что настала минута вытащить на свет божий побитую молью добрую старую любовь.

— Моя кузина Анджела совсем не дурна, — сказал я тоном умудренного жизнью старшего брата. — Если честно, она вполне достойная девица. Я надеялся, что вы с ней… И знаю, тетя Далия тоже надеялась.

Таппи презрительно усмехнулся, от чего короста у него на лице пошла трещинами.

— Анджела! — рявкнул он. — Не напоминай мне о ней. Если хочешь знать, твоя Анджела — это «тряпки, кость и пучок волос»[61] и вдобавок божья кара, какую во всей Англии не сыщешь. Она меня выставила. Да-да, выставила. Только за то, что я посмел чистосердечно высказаться насчет кошмарной кастрюли, которую она имела глупость выдавать за шляпку. Она в ней была вылитый китайский мопс, и я ей сказал, что она похожа на мопса. Думал, она придет в восторг от моей искренности, а она выставила меня вон. Тьфу!

— Неужели выставила?

— Как миленького, — сказал Таппи. — В четыре

---

[61] Примечания: 61

…тряпки, кость и пучок волос… — цитата из стихотворения Р. Киплинга «Вампир» (1897) в переводе К. Симонова. — *Прим. пер.*

часа шестнадцать минут пополудни, во вторник, семнадцатого.

— Кстати, старик, — сказал я. — Я нашел телеграмму.

— Какую телеграмму?

— О которой я тебе говорил.

— А, ты о той телеграмме?

— Ну да.

— Ладно, давай сюда эту чертову телеграмму.

Я протянул ему листок и стал внимательно за ним наблюдать. Внезапно лицо его выразило крайнее замешательство. Я понял, что он потрясен. Потрясен до глубины души.

— Что-то важное? — спросил я.

— Берти, — начал Таппи голосом, дрожащим от волнения, — забудь все, что я говорил о твоей кузине Анджеле. Вычеркни из памяти. Выброси из головы. Считай, что я тебе ничего не говорил. Берти, Анджела — само совершенство. Ангел в человеческом облике, торжественно тебе заявляю. Берти, я должен вернуться в Лондон. Анджела больна.

— Больна?

— Высокая температура, бред. Телеграмма от твоей тетушки. Она хочет, чтобы я немедленно вернулся. Можно, я возьму твой автомобиль?

— Конечно.

— Спасибо, — бросил Таппи и умчался. Не прошло и минуты, как в комнату вошел Дживс, держа в руках поднос с тонизирующей жидкостью.

— Дживс, мистер Глоссоп уехал.

— Вот как, сэр?

— В Лондон.

— Да, сэр?

— На моем автомобиле. Чтобы навестить кузину Анджелу. В небесах снова сияет солнце, Дживс.

— Чрезвычайно отрадная новость, сэр.

Я бросил на него многозначительный взгляд:

— Послушайте, Дживс, это вы телефонировали мисс как-ее-там, что якобы нашли для нее ирландского спаниеля?

— Да, сэр.

— Я так и думал.

— Да, сэр?

— Да, Дживс. Едва мистер Глоссоп сказал мне, что этой собакоманке — чтобы ей пусто было! — телефонировали по поводу ирландского спаниеля, я сразу все понял. Узнал вашу руку, Дживс. Вы для меня — открытая книга. Признайтесь, ведь вы были уверены, что малахольная девица тут же рванет в Лондон?

— Да, сэр.

— И вы предвидели, как себя поведет Таппи. Его дама сердца не является на матч! Такого не потерпит ни один рыцарь.

— Да, сэр.

— Однако, Дживс…

— Сэр?

— Тут есть одна загвоздка. Что скажет мистер Глоссоп, когда увидит кузину Анджелу живую и здоровую?

— Эта сторона дела не ускользнула от моего внимания, сэр. Я взял на себя смелость телефонировать миссис Траверс и все ей объяснить. Миссис Траверс должным образом подготовится к приезду мистера Глоссопа.

— Дживс, — сказал я, — вы ничего не упустили из виду.

— Благодарю вас, сэр. Поскольку мистер Глоссоп отбыл, не пожелаете ли вы осушить этот стакан виски с содовой?

Я покачал головой:

— Нет, Дживс, только один человек этого достоин. Я говорю о вас. Вы честно заслужили глоток бодрящего напитка. Осушите стакан и шваркните им об пол на счастье.

— Очень вам благодарен, сэр.

— Ваше здоровье, Дживс!
— Ваше здоровье, сэр, если позволите.